Кузнецов Г.В.

Так работают журналисты ТВ

Учебное пособие.

М.: Издательство Московского университета, 2004.

В пособии рассматриваются современные методы работы журналистов телевидения (наблюдение, интервью разных видов, «спроектированная ситуация») и практика применения этих методов в фильмах и передачах, отмеченных премиями на фестивалях и конкурсах последних лет («Вся Россия», «Моя провинция», «Новости – время местное» и др.). Представлены также некоторые особенности совместной работы журналистов и политических лидеров в условиях демократических выборов.

Для студентов факультетов и отделений журналистики, практических работников регионального ТВ.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уходящий в историю XX век уносит с собой имена многих ярких первооткрывателей отечественного телевидения, первые и поэтому особенно дорогие нам творческие удачи тех, кто смело рванул из традиционной журналистики в пучину неизведанных возможностей новой, электронной, информации. Это были люди, умевшие рисковать, способные рассмотреть перспективы нового средства влияния на миллионы людей, люди самонадеянные, верящие в родство творческих душ молодых журналистов и молодого телевидения.

Все или почти все современные исследователи телевидения, советские и «постсоветские» ученые прошли сквозь огонь, воду и медные трубы практической работы на телевидении. Одни уходили оттуда в науку по доброй воле, другие – по «доброй воле» тогдашнего руководства. И лишь немногие сохраняли и приобретенный опыт создания телепередач своими руками, и поиск закономерностей развития самого молодого СМИ. В этих редких случаях сплав личного практического опыта и теоретических исследований рождал у такого человека удивительную способность растить новые поколения профессионалов, обучать и воспитывать тележурналистов. Именно таким человеком с уникальной судьбой предстает со страниц предлагаемой читателю книги ее автор, заведующий кафедрой телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент Георгий Владимирович Кузнецов. Руководить такой кафедрой, где собрались классики тележурналистики, доктора наук, лауреаты многих международных и российских премий, где каждый профессор – особая личность и особая «телевизионная стать», значит завоевать

непререкаемый авторитет среди коллег, уметь мобилизовать их таланты на решение общих проблем.

Здесь, на кафедре, обсуждаются не только теоретические вопросы вещания, но и реальные передачи, и фильмы, подготовленные членами кафедры Порой высказываются прямо противоположные мнения, оценки, взгляды разного уровня. Слово Г В. Кузнецова – вершина обсуждения и главный итог дискуссий.

За годы руководства Г. В. Кузнецовым эта кафедра превратилась в серьезный оплот современных исследований. Исследования эти питают научный поиск в области развития смежных отраслей науки о массовой коммуникации.

На рубеже двух веков многие коллеги Г В. Кузнецова называют эту кафедру с большой буквы – Кафедрой телевидения и радиовещания. За подлинные заслуги перед тележурналистами и телезрителями, как называют Малый театр с большой буквы за заслуги перед культурой и российским народом.

В последние годы Г.В. Кузнецов много ездит по стране, работает в жюри, конкурсных комиссиях, в которых участвуют журналисты московских и региональных телекомпаний. В этой книге нашли отражение наблюдения и выводы, накопленные автором в ходе таких поездок. Здесь же и материалы телекритика, относящиеся к центральным программам.

Жаль только, что многие местные программы, о которых рассказывает Г.В. Кузнецов, читатель никогда не увидит из-за их недолгой видеожизни. Однако подобных телепередач немало на разных каналах. В этом случае внимательный читатель сможет освоить не столько фактический материал конкретной передачи, сколько методы, подходы, суть журналистского творчества и его особенности на телевидении.

Мы знакомы с Г.В. Кузнецовым 35 лет – и все они прошли на телевидении. И все эти годы я не перестаю удивляться творческому долголетию Г.В. Кузнецова, его способности анализировать прошлое и предвидеть будущее. С ним можно достойно отправлять в историю отечественное телевидение XX века и уверенно смотреть в будущее нашего телевидения XXI века.

Доктор исторических наук,
лауреат государственной премии СССР,
лауреат премии Союза журналистов СССР,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
профессор В.В. Егоров

ЧАСТЬ 1

Интервью на фоне русской провинции
Портрет или говорящая фотокарточка?
Теленовости – время местное
Ток-шоу неизвестный жанр?
Планку снижать нельзя
Наша цель – всего лишь приз…
Ретро на пути к будущему
Спецрепортаж
Спроектированная ситуация

Журналист с видеокамерой
От частного к общему, но не наоборот
Документ и фантазия
Фильм рождается трижды
Параллельные миры
А кто ты такой?
Новости от Александра Гурнова
Телевидение в зеркале критики
Про находчивого студента
Преступление и наказание на телеэкране
Записки лишнего человека
Политический лидер в эфире
Классификатор программ
Б.Л. Розинг и В.К. Зворыкин – русские изобретатели телевидения
Две странички из истории ТВ

ИНТЕРВЬЮ НА ФОНЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

В последнее время мне чаще приходится давать интервью, чем брать. Дело близится к закату, а в кадре-то работает другое поколение – молодое, сильное, уверенное в себе. Но чего-то мы им не объяснили про нашу профессию...

Вот, к примеру, живем третий день в бывшей дворянской усадьбе, среди сосен над речкой возле города Борисоглебска. Здешней телекомпании в 1999 г. исполнилось пять лет, и отметили это коллеги всероссийским телефестивалем «Моя провинция». Аж двенадцать телекамер работали на открытии фестиваля. А потом журналисты с этими камерами отлавливали участников и гостей поодиночке и брали у них интервью. На третий день и до меня добрались. Устроились мы с корреспонденткой над обрывом, над бегущей водой, и спрашивает она меня как члена жюри, в чем я вижу смысл подобных фестивалей.

А в том, говорю, чтобы смотреть на работы друг друга и вместе помаленьку расти. Постигать критерии профессионализма. Сейчас на телевидение пришли хорошие люди, работавшие прежде инженерами и лесниками, историками... Вы, наверно, учительницей были? Ага, я по интонации угадал. Так вот, каждый из вас, получив скромный фестивальный диплом или приз, может раскрепоститься, стать самим собой. Мне об этом космонавт Виталий Севастьянов рассказывал. Слетал в космос – поверил в себя, раскрепостился. Высвободил свои душевные силы. Так и вы – может быть, теперь в передачах и фильмах заговорите своим собственным голосом, не прячась за казенными штампами, не давая много места в передаче скучным начальникам – может, они и не скучные на самом деле, а ваша камера и ваша серьезная личность делают их такими? Попробуйте делать то, что вам действительно интересно.

Моя собеседница задумалась, еще больше наморщив лоб, и со всей серьезностью спросила:

– Значит, главное – эмоции в передаче?

– Это, знаете ли, из разряда вопросов: кого ты больше любишь, маму или папу. Что важнее – левая рука или правая нога. К эмоциям хорошо бы еще интеллект добавить. И волевые качества. Нас ведь на экране по этим трем параметрам оценивают: интеллект, воля, наличие совести – отсюда и эмоции получаются. А эмоции без интеллекта – это будет глупость одна, не так ли?

– Так вы журналист? – вдруг изумилась моя интервьюерша.

Я, признаюсь, изумился не меньше. И стал как-то неловко оправдываться: дескать, ежели мне дали в этом году премию за журналистское мастерство, то, смею надеяться, принадлежу еще к пишущей братии и сюда призван не только в качестве ученой обезьяны... Расстались. Побрел я над водой, солнцем палимый. Ну, в самом деле, кто я такой, почему эта девушка должна была знать мою биографию? Готовиться к встрече со мной? Не много ли чести?

Они теперь с налета задают всем одинаковые вопросы. И даже теоретическое обоснование нашли: ведь и зритель тоже ничего не знает. «Мы – как зритель».

На следующий день, уже на официальной встрече членов жюри с участниками фестиваля под теми же соснами, я опять уловил отношение к себе как к «теоретику», «оторванному от жизни». У нас, дескать, бензина нет, камеры плохие, операторы нас не слушаются, а вы что-то требуете высокохудожественное. Денег платят мало. Вот если бы платили как в Америке, мы бы тогда...

– Хоть миллион вам дай – вы будете гнать ту же халтуру, к которой привыкли – иначе ведь не умеете. Сознайтесь, коллеги. Даже для фестиваля, один раз в год – не смогли интересно сработать.

– А вы сами попробовали бы. Критиковать из Москвы легко.

Ну ладно, думаю. Надо для пользы дела заняться саморекламой.

– Вы думаете, я прямо на кафедре родился? Я такой же провинциальный репортер, как и вы. Только мне всегда хотелось немного большего – и риска, и удовольствия. Журналистика позволяет жить нескучно. В Самаре – тогда это был город Куйбышев – поручили мне однажды написать текст выступления для секретаря обкома. На радио. Дело было во времена косыгинской реформы в экономике, надежда на жизнь по правде и совести была примерно такая же, как потом в горбачевскую перестройку. Написал я текст, пришел секретарь и прочитал его в студии. И тут я говорю: а давайте попробуем без текста поговорить, ну почему вы должны читать то, что я написал? Вы же в сто раз больше меня знаете, вот и расскажите. Подаю знак звукооператору и задаю первый вопрос... Короче говоря, вышли мы из студии через полтора часа. Главный редактор радио расплылся в улыбке: Виталий Иванович, вы так замечательно говорили, разрешите сделать из этой записи две передачи по 30 минут. Секретарь на меня кивает: это Кузнецов виноват, он на меня смотрит, ему интересно – вот я и рассказал. Фамилия секретаря была Воротников. Потом он разрешил мне побывать на разных важных объектах и заседаниях бюро – только тогда я понял, как эта партийная власть была устроена. Но какой-то ресурс, видимо, был у меня в двадцать семь лет, если смог удержать внимание высокого собеседника своей скромной персоной. Уроки

старых журналистов гласили: ты должен доказать любому собеседнику, что ты личность, а не подставка для микрофона. Вы же, ребята, простите, очень часто ограничиваетесь ролью подставки, да еще и важничаете при этом.

– Да с нами наш губернатор разговаривать не станет!

– А вы знаете, чем кошка отличается от собаки? Нет? Тем, что кошка умеет себя поставить. И гуляет, как известно, сама по себе. Учитесь у кошки. В том числе и падать из любого положения на четыре лапы.

По-моему, главная задача всевозможных фестивалей и телефорумов, а также краткосрочных школ «Интерньюса» и Владимира Познера– в том, чтобы молодые люди точнее определились в профессиональном мире. Кому-то надо быть раскованнее, а другому, наоборот, стать поскромнее, не переоценивать свою роль в истории современности.

Есть в Хабаровске хороший парень. Пишет песни, на этом я его и «зацепил»:

– Ну, представьте, что Юра Визбор делал бы ваш фильм. Неужели вы думаете, что он задавал бы такие же суконные вопросы? Вы прошли по реке в отрогах Сихотэ-Алиня на лодках вместе с другими ребятами, ваша камера поработала неплохо. Но что за вопросы вы им задавали в конце? «Чем запомнился данный поход?», «Что было самое сложное?», «Чем эта речка отличается от других?». Да такие вопросы могла задать любая дурочка с микрофоном. Вы же были с ними – к чему прикидываться, разве нельзя было спросить: «А помнишь, старик, тот перекат» или признаться: «А мне страшно было вот в такой-то момент...». В самом деле, если бы на вашем месте был Юра Визбор – уж он нашел бы живую интонацию.

– Так то Визбор! А я кто такой?

– Вот именно. Визбор был тихим столичным человеком, студентом пединститута. И он вполне осознанно делал из себя супермена –друга альпинистов, летчиков, полярников и подводников. Поставьте и вы перед собой такую цель – задатки для этого есть!

Разговор наш происходил на фестивале «Вся Россия» в апреле 1999 г., а в мае состоялся еще один фестиваль прессы – экологический. Плыли на теплоходе «Рылеев» и газетчики, и телевизионщики. Вдруг догоняет нас «Ракета» – это московское «Народное радио» опоздавшую корреспондентку прислало. Знакомимся. Говорю что-то про Остапа Бендера и Кису Воробьянинова – они примерно в этих местах на пароход садились.

– А я не читала эту книгу, – с вызовом заявляет «Народное радио».

Опять же смущаюсь, произношу что-то из Маяковского...

– А я не читала Маяковского. Его теперь не заставляют читать, – с видом превосходства говорит девица.

Может, она права? Многое знание умножает скорбь, а она так мила в своей уверенности. Вот другая девушка позвонила мне из

Новороссийска: меня, говорит, после ваших курсов с работы уволили. Ты, сказали, теперь очень умная стала, нам такие не нужны. И ушла я с телевидения на радио, на «Европу плюс».

Как Окуджава пел: «Умным быть хлопотно, дураком плохо, нужно что-то среднее, да где же его взять?».

На корме теплохода тем временем назревала пресс-конференция. Пришли важные газетчики из поволжского города. Я давно понял, что заниматься телевидением в таких редакциях поручают людям, которые ни о чем другом писать не могут, – пробовали, не получается. Вот и бросили их ругать телевизор – дело беспроигрышное. Взгляды сверху вниз. Вопрос: «Что вы для себя узнали нового, сидя в жюри этого фестиваля?». А ведь рассказал я уже про состав участников, что необычные это журналисты, экологи-подвижники. Вот Михаил Житько и Александр Блинов из московской студии «Пеликен» с большим риском проникли в тот район, где ежегодно совершается убийство бельков –новорожденных детенышей тюленей. Фильмы об этом вышли такими потрясающими, что я теперь такую тюленью шапку не то что носить –видеть не могу. Павел Царьков из Дудинки ходил по Таймыру с экологической экспедицией. Три дня приучал к себе редкую розовую чайку, чтобы снять ее крупные планы на гнезде. На чистом энтузиазме выходит в республике Коми еженедельная экологическая программа, адресованная, прежде всего школьникам. Для всех этих людей впервые пройти на теплоходе по Волге, пообщаться с единомышленниками и коллегами – вот главный приз. «Золотую Нику» мы послали во Владивосток, в тюрьму, Григорию Пасько. Он поставил интересы планеты Земля выше интересов собственного начальства, он стремился рассказать правду о той опасности, которую накопила наша страна за 70 лет противостояния с остальным миром. Пасько был в тюрьме, темные силы из прошлого пока правят бал, и наша премия – прямой вызов этим силам и поддержка Пасько.

Местные короли прессы слушали невнимательно. Вот если бы мы про какую-нибудь звезду эстрады говорили, а еще лучше привезли бы с собой Сюткина или Пенкина – вот это был бы им подарок.

Каждый день телевизионщики-экологи собирались в салоне теплохода, ставили кассеты в видеомагнитофон – и конкурсные, и просто привезенные с собой. Обменялись адресами. И вот я уже вижу знакомые фамилии в программе международного телефорума. Роберт Хисамов из Казани. Сколько споров было вокруг его работы о слабоумных детях – имеет это отношение к экологии или нет? Роберт создал «спровоцированную ситуацию» – дети-дебилы на концерте, смотрят на выступления своих нормальных сверстников. Это был сильный удар по зрительским нервам. За кадром автор говорил: вот так природа отвечает нам за то, что мы с нею делаем. Дебилов среди наших детей все больше. Так природа защищает себя. Ведь дебилы не будут преобразовывать природу...

В этом фильме не было ни одного интервью. Не было их и во многих других программах на экологические темы. Не было журналистов– подставок для микрофона. Были проповедники и борцы, четко знающие, за что и против чего они выступают.

Впечатляющие кадры и взволнованная авторская речь... Значит, можно без интервью?

Можно и нужно, если самому журналисту есть что сказать людям.

... А у меня самое интересное интервью состоялось в городке Козьмодемьянске. Мы сидели в подвальчике с молодым сотрудником краеведческого музея. Пили пиво и съели по две порции пельменей – рукотворных, не комбинатских. Мой собеседник рассказывал, как делал для музея фигуру стрельца в полный рост, как шил для него костюм. Сам он из горных марийцев, имеет гектар земли, сажает на нем картошку. Он единственный мужчина в доме, кроме него три женщины. Выращивает картошку и пишет диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук.

Это было не интервью, поскольку рядом с нами не стояла телекамера. А была бы камера – это называлось бы интервью.

Потому что интервью – это нормальный человеческий разговор, одинаково интересный для обоих собеседников. Такой вот у меня на это дело ненаучный взгляд.

◙

Интервью – непременная часть почти любого репортерского сюжета для новостей. Проблемные передачи выявляют разные точки зрения опять же методом интервью. Наконец, интервью как жанр большой самостоятельной передачи расцвело в связи с именами У. Отта, А. Караулова, Д. Диброва. В годы «перестройки и гласности» они успешно освоили жанр, принесший славу многим зарубежным коллегам.

Процитируем одного из них – англичанина Б. Мейджи: *«Нехватка хороших интервьюеров в ТВ настолько велика, что ни один человек с подлинным талантом интервьюера не встретит серьезных трудностей, если захочет испытать свои силы. Но интервью – не продукт интуиции. Подобно игре на музыкальном инструменте, которой, несмотря на врожденный талант, всегда приходится учиться, овладение мастерством интервьюирования требует времени. Оно превратилось в полноправную профессию со своими сложными приемами, со своей профессиональной этикой и высокими стандартами».*

Существует несколько основных разновидностей интервью, знать которые необходимо хотя бы для того, чтобы не оказаться в роли известного русского народного персонажа, который плакал на свадьбе и плясал на похоронах. Есть **информационные** интервью, есть**портретные и проблемные.** Есть уличные типа **«вокс-поп»** («глас народа – глас божий», у нас их называют «интервью-анкета»). Разумеется, физическое изображение человека присутствует в любом из вариантов, но портретное интервью отличается от информационного или «вокс-попа» так же сильно, как произведение фотохудожника от моментальной фотографии на пропуск.

Просматривая интервью, изготовленные на новых студиях, убеждаешься: некоторые журналисты полагают, что набор одних и

тех же стандартных вопросов («что вам нравится?», «что не нравится?», «что цените в мужчинах?», «... в женщинах?», «над чем сейчас работаете?», «расскажите что-нибудь о...», «что больше всего запомнилось?», «что вы цените в искусстве?» и т.п.), выученный раз и навсегда, позволяет обращаться к любому человеку, причем безапелляционно, словно сам-то интервьюер знает правильные ответы на любой вопрос. Придется разочаровать начинающих коллег. Настоящий серьезный интервьюер придумывает вопросы всякий раз новые – исходя из того, с кем предстоит беседовать и в какой ситуации. Хороший вопрос – вещь одноразовая.

И еще разочарование для молодых лиц, важничающих с микрофоном в руке: микрофон лучше куда-нибудь спрятать или подвесить сверху, чтоб не мешал. Он, конечно, придает уверенности, когда в руке – так пьяный маляр держится за кисточку, чтоб не упасть. Но давайте посмотрим, каков журналист без микрофона, сам по себе! Можно ли сказать, что на экране две личности – он и его герой? Что они интересны друг другу? Что между ними завязался интересный разговор? Если так – перед нами интервью. Если нет – школярские опыты, детская игра в журналистику из репертуара ШЮЖ (школы юного журналиста).

Информационные интервью делятся на два основных вида: есть **«интервью-факт»** и **«интервью-мнение».** Надо хорошенько понять, что именно вы должны получить, скажем, на месте происшествия. Например, репортер ищет свидетелей того, как загорелся дом или как машина сбила человека. Рядом окажется немало любителей порассуждать о пожарной безопасности или о том, как гоняют «новые русские». Если ваша задача – раздобыть факт, вы от таких собеседников отказываетесь. Если же, наоборот, вам нужны мнения – тогда другое дело. Бывает досадно, когда вместо выяснения фактов увлекается эмоциями ведущий «Сегоднячка» или иной передачи, куда зрители звонят по телефону. Еще не выяснена суть дела, – а у ведущего уже на устах дежурная шуточка, уже едем дальше...

Репортер, берущий информационные интервью, занимает определенную **позицию:** он добывает документальный материал по поручению и от имени зрителя. Сложнее роль интервьюера в больших диалогах (программы Ольги Кучкиной, к примеру, записываются по два часа, для эфира оставляется час). Тут интервьюер может выступать как заботливый друг, если имеет дело с человеком, не очень уверенным в себе. Эта роль предполагает, что журналист оказывает значительную помощь собеседнику. Тип взаимоотношений –**сотрудничество.** Можно заранее договориться о круге вопросов, не определяя, впрочем, точных формулировок.

Острее и интереснее бывает **соперничество,** когда журналист выступает в роли скептика, подвергает сомнению позицию собеседника, приводит аргументы противоположной стороны (не «от себя», а «говорят, что...»). Если журналист располагает фактами, которые собеседник хотел бы скрыть, он выступает как некий разоблачитель – но делает это корректно, не превращая интервью в допрос.

Иногда полезно сыграть наивного человека, «валять дурака», прикидываясь незнающим (таковы, к сожалению, на самом деле многие интервьюеры), а потом уже выложить свои «козыри».

Таким образом, интервьюер сочетает в себе таланты **исследователя и актера.** Интервью основано на тщательной **подготовке** и мгновенной **импровизации.** Для разработки **программных** вопросов журналист знакомится с досье на своего героя, если таковое имеется в справочной службе телекомпании, с его предыдущими выступлениями в прессе. До основных вопросов могут быть заданы **контактные,** это некий камертон, настраивающий собеседника на разговор. Контактный вопрос может быть связан с последними событиями, с окружающей обстановкой, если эфир прямой – можно спросить, кто из знакомых и родных сейчас у телевизора и т.п. **Уточняющие** вопросы, как видно из названия, необходимы тогда, когда собеседник не раскрывает каких-либо неясных для аудитории вещей, считая их само собой разумеющимися, или намеренно уклоняется от разъяснений. Надо реагировать на прозвучавшие слова собеседника, а не просто задавать следующий программный вопрос. То есть вести себя, как в нормальном разговоре. Это и будет «высший пилотаж». Общее впечатление от интервьюера должно быть таким: **этот человек знает многое, но хочет узнать еще больше;** это человек воспитанный, грамотный, словом,– личность, а не подставка для микрофона. На лице – заинтересованное внимание и уважение к собеседнику. Кивать головой, подобно китайскому болванчику, не обязательно.

И еще два профессиональных совета начинающим интервьюерам.

Первый. Если есть возможность выбирать место проведения интервью – подумайте, где лучше всего будет выглядеть ваш разговор с собеседником: в студии (здесь журналист – хозяин и принимает гостя «на своей территории»), на службе у собеседника (здесь уже журналист «в гостях»). Встреча может состояться дома, на даче, на рыбалке и т.п. – если разговор со службой не связан и хочется получить информацию о частной жизни, пристрастиях, увлечениях собеседника.

Можно сочетать все эти варианты: одни вопросы задать на работе, другие – дома или на отдыхе, таким образом, ваш собеседник предстанет и официальным лицом («в галстуке»), и раскрепощенным обстановкой.

Часто случается, что интервью посвящено воспоминаниям о каком-то важном событии в жизни вашего собеседника. Лучше всего поехать с ним на место, связанное с событием. Так, в фильме «Год 1936» из цикла «Наша биография» для интервью с участницей автопробега специально достали старый автомобиль и поставили к воротам Парка культуры, откуда пробег стартовал много лет назад. Женщина-водитель, увидев машину, первым делом открыла капот. Она стала вспоминать детали, связанные с пробегом в Каракумы: машина помогла вызвать в памяти давно забытое, взволновать, придать разговору конкретность и эмоциональность.

Понятно, что у провинциальных интервьюеров таких возможностей, как у московских тележурналистов, нет. Но все

равно надо стремиться найти ситуацию, которая хоть как-то подтолкнула бы эмоциональную память героя. Это может быть, например, газета, в которой о нем писали, какое-то забытое фото, где он был запечатлен, опять-таки место, где произошло памятное событие. Да мало ли какую зацепку можно отыскать, если не гнать интервью «с колеса», а подготовиться к нему.

И второй совет. Трудный момент в каждом интервью – вводные, начальные фразы. Плохо поступает журналист, когда начинает, обращаясь к зрителям, давать характеристики собеседнику: он-де замечательный, выдающийся, интересный и т.п. При этом герой не знает, куда девать глаза. Гораздо лучше совместить представление и первый вопрос. Произнеся первую фразу на камеру («У нас в студии Иван Иванович Иванов» или «Мы в гостях у Ивана Ивановича Иванова»), развернуться к собеседнику и вместе с ним развивать разговор («Вы уже тридцать лет руководите этим театром, удалось ли реализовать то, что хотелось когда-то?..»). Все плохие интервью начинаются одинаково:

– У нас в студии выдающийся... Скажите, пожалуйста... Еще вариант плохого интервью:

– Представьтесь, пожалуйста. – Василий Петров.

– Ваша профессия?

– Сварщик.

– Сколько вы зарабатываете?

– Примерно тысячу в месяц.

– У вас есть семья?

– Да.

– Сколько у вас детей? – и т.д.

Вместо этого лучше сказать на крупном плане собеседника:

– Я разговариваю со сварщиком Василием Петровым, который содержит жену и троих детей на тысячу рублей в месяц. Скажите, Василий, в чем вы видите выход из этого сложного финансового положения?

Итак, удачное представление – начало разговора – сразу придаст вашему интервью нужный темп и «упругость», а занудство заставит зрителя, не раздумывая, переключиться на другой канал.

Настоящих интервьюеров очень немного. Поэтому их работа высоко ценится во всех телекомпаниях.

в начало

ПОРТРЕТ ИЛИ ГОВОРЯЩАЯ ФОТОКАРТОЧКА?

Чернышевский как-то заметил, что есть портреты, похожие на оригинал до отвратительности. Мелочные подробности лица переданы отчетливо, а главного недостает. Что главное в портрете? Духовный облик. Характер, темперамент, образ чувств и мыслей. «Твой лик, о человек, есть зеркало твоей души и отражение твоего духа, на котором Господь собственным перстом начертал, что ты есть пред ним и перед всяким творением, живущим на Земле, чтобы каждый узнавал – кто ты в Добре и Зле». Так написано в одной старинной книге, и верно ведь: взглянув на лицо, мы начинаем его «расшифровывать». И чем больше нам говорят с телеэкрана, что,

мол, чиновник такой-то –светоч нашей эпохи, воплощение Добра, мы-то видим барственность в облике, неискренность, замашки опытного номенклатурщика.

Коварная вещь – телевизионный портрет. Причем не только для «портретируемого», но и для автора-телевизионщика. Во-первых, рядом с собеседником выявляется и масштаб авторской личности, во многих случаях весьма ограниченный. Во-вторых, многие авторы, берясь за портрет, даже не представляют себе трудностей этого предприятия и возможных методов достижения успеха.

«Если вы делаете фильм о каком-то конкретном человеке, то самое примитивное, что приходит в голову: поскорее задать ему вопрос. Это дурной вкус. Я не верю ни одному слову, произносимому человеком перед камерой. (Между прочим, может быть, я тоже сейчас вру.) Гораздо точнее – наблюдать за тем, как человек работает, но это требует времени и терпения». Это слова Ричарда Ликока, придумавшего когда-то легкую синхронную камеру и сам жанр «вокс-поп» – летучие уличные интервью.

«И теперь, когда я вижу, как репортер заставляет очередного несчастного человека глотать микрофон, я думаю: о Господи, что же я наделал», – говорит Ликок. Словно он посмотрел кое-какие работы, присланные на Евразийский телефорум-99 в номинацию «Телепортрет».

Возьмем, к примеру, одну из лучших программ – самарский «Портрет на фоне». Вероника Савостьянова и Дмитрий Яранцев, несмотря на молодость, опытные интервьюеры, свободно держатся, не задают собеседнику банальных вопросов, высказывают свои суждения, заставляющие думать, иногда возражать. Собеседник – ректор коммерческого вуза – принимает их в кабинете и угощает коньяком. Вроде бы все хорошо. Но чего-то не хватает. Именно – заявленного «фона». Чем «перебивается» сорокаминутный разговор? Сценками с участием той же троицы: два интервьюера и ректор прохаживаются по улице. Вот уже, кажется, он их приглашает в машину, прощание... Ан нет, опять сидят в кабинете, выпивают, дружески беседуют. А мне хочется посмотреть, каков этот ректор в общении со своими преподавателями, как его слушают студенты, кто его друзья... У врага спроси и у друга, у вина и у сабли, у золота и у женщины, а уж потом у него самого, – повторяет Расул Гамзатов кавказскую мудрость. Хочешь узнать человека – спроси у семерых. А если по-телевизионному – покажи человека в разных обстоятельствах. Ни один из авторов и режиссеров не использовал такой давно известный прием, как «спровоцированная ситуация» (более благозвучно – «спроектированная», но суть не меняется: придумать и снять эпизод, в котором герой раскроет свою духовную сущность).

Наблюдение за героями, наряду с интервью, применила автор и режиссер Наталья Гугуева в фильме «Двое и одна». Эта работа выделяется нестандартностью героев – цирковых артистов, их необыкновенной откровенностью в рассказе о превратностях любви. Но представьте, как проиграл бы фильм, если бы не была передана атмосфера цирка! Если бы остались только «слова, слова, слова».

Чтобы проверить себя, свое восприятие картины «Двое и одна», я прокручивал эту кассету в двух компаниях. Первая – что называется «простые телезрители» – были полностью поглощены сюжетом, любовными коллизиями героев. Вторая компания – опытные телевизионщики – нашли немало недочетов: неточные порой вопросы Гугуевой, микрофон в кадре, опять же наблюдений маловато, хотелось бы больше материала для собственных умозаключений. Выяснилось, что мое восприятие ближе к «простым зрителям». Хотя я тоже против микрофона в кадре, в данном случае он почему-то не мешал исповедям двух героинь, репликам главного героя. Лобовой, примитивный вопрос музыканту «что для вас музыка?» резанул, конечно, но потом я все эти тонкости отбросил, следя за развитием событий.

Значит, так. Свердловский музыкант полюбил заезжую циркачку. Она, соответственно – его, хоть и старше он намного. Вспоминает, повзрослев, что был он ей кем-то вроде папы, давал читать хорошие книги, учил жизни. Влюбился музыкант так, что часто бросал работу и летал самолетами «Аэрофлота» в те города, где гастролировала его Галя. Разлука была невыносима, и вот Василий – немолодой уже человек– совсем оставляет музыку и осваивает профессию... воздушного гимнаста! Вот уже мы видим их семейный номер под куполом цирка. Разлуки прекратились, теперь семейная пара гастролировала вместе. Уже не пара даже, а трое – ребенок, плод счастливой любви, появился вскоре.

Счастливый финал? Как бы не так! Редкий в телекино случай: неожиданный поворот сюжета. Василий делает предложение другой женщине, звукооператору Тане. Таня рассказывает, как это было. И мы, зрители, разглядываем всех троих. Живет Вася теперь с Таней и работает под куполом с Галей. (В финале, правда, титром поясняется, что этот номер прекратил-таки свое существование.). Оказывается, пламенная любовь Васи и Гали не выдержала испытания... чересчур тесной близостью, постоянным присутствием друг друга – на работе, в гостинице, посреди бродячего циркового быта.

Признанный мастер телефильма Алексей Погребной любит повторять, чем отличается фильм от передачи: «Фильм – это про всех нас, а передача – про них, про тех, кто на экране». Прикосновение к вечным тайнам человеческой личности – вот что такое фильм-портрет.

Сам Погребной блистательно продемонстрировал фильм «про всех нас», снимая на протяжении десяти лет семью фермера Орловского. Про «Лешкин луг» написано и сказано немало, грустная это телеповесть. Герои постарели, дети выросли и утратили былую непосредственность, корыстные подсчеты начались, да еще по судам Орловских затаскали... Похоже, уникальный семейный сериал, который был интереснее всех «мыльных опер», движется к закономерному финалу. А Погребной – параллельно наблюдает за жизнью еще нескольких семей. Только «про нас» уже не получается. На сей раз мы отстранение смотрим информацию «про них». Вот, например, вторая серия фильма «Деревенская жизнь Владимира и Татьяны». Первая была снята в 1982 году, ее мало кто видел. Теперь Владимир

умер, жена вспоминает, какой он был, как тосковал по городу, оставленному ради нее. Вроде бы трогательно, – а не трогает, не включаешься в сопереживание. И поскольку все познается в сравнении, понимаешь, как точен был выбор в герои именно Орловского – с его умением рассуждать, с его открытостью, пусть порою показной, чуточку «на публику». Большая удача документалиста – встретить героя, который осознанно играет сам себя.

Наблюдением за героиней отлично дополняется интервью с нею в фильме Геннадия Шеварова из цикла «100 портретов» екатеринбургского «4 канала». Вот она с пафосом распевает сочиненный ею «Гимн Урала», а вот уже... колдует. Да, она колдунья, или по-нынешнему экстрасенс. Автор относится к героине по-свойски, с мягкой иронией, что само по себе редкость.

«Высший пилотаж» профессионализма показала, как всегда, студия «1 + 1» города Киева, прислав очередную серию «Версии Ольги Герасимьюк. Монсеррат Кабалье». За время однодневных гастролей звезды в Киеве авторы сняли не только интервью с ней, но и тот самый «фон». Как известно, короля играет свита. Король на сцене ничего не делает, идет себе. Придворные расступаются и кланяются. Так и здесь. Мы видим обстановку на репетиции, про Кабалье почтительно говорят члены ее «свиты» – сами люди мирового уровня. Только зря прибедняется в кадре Ольга Герасимьюк: мол, вы такие знаменитые, а мы такие бедные. Не такие уж бедные – фильм сделали прекрасно, героиню показали многопланово, использовав упомянутый выше принцип «спроси у семерых».

Для сравнения посмотрим, как работали с другой заезжей знаменитостью в Тольятти на ТВК «Автоваз». Сидит в кадре, положив ногу на ногу, важный Валентин Юдашкин и важно рассуждает. На «перебивках» маршируют его длинноногие манекенщицы.

Вот и все. Словно фотография на паспорт рядом с работой фотохудожника.

Особого разговора заслуживает работа «Сокровенные люди» («ТВ-фонд») под руководством Оскара Никича, ныне покойного. На Телефорум представлено 24 фильма по 15 минут. Каждый фильм посвящен двум героям: одному – жившему давно, например, Екатерине Дашковой или изобретателю телевидения Борису Розингу. Второй герой – ныне живущий. В дуэте с Дашковой – матушка Феофила, возрождающая заброшенную обитель. Судьбу Розинга, погибшего в архангельской ссылке, продолжает судьба бабушки Марии, перенесшей все тяготы той же ссылки.

Не всегда духовная связь героев присутствует так явно, порой подбор «пары» кажется несколько искусственным, но не в этом дело. Сама идея показа того, как Россия, «которую мы потеряли», – вовсе не потеряна, а продолжается в лучших людях – великолепна. Мы смотрим на сегодняшнюю жизнь, примеривая ее к вершинам духа прошлых лет. Не всегда сравнение в нашу пользу. Не всегда хватает пятнадцати минут для проникновения во внутренний мир героев. Что делать, таков наш торопливый век. Но я уверен: эти фильмы будут смотреться как откровения для многих. Вспомним,

какой сенсацией стали в свое время «Исторические миниатюры» Валентина Пикуля, какие неизвестные советскому человеку страницы благородства открылись тогда. Проект Оскара Никича – из того же ряда. Собраны лучшие творческие силы – от «зубров» экранной документалистики Льва Рошаля и Дмитрия Лунькова до молодых авторов и режиссеров провинциальных студий: тут Алтай и Удмуртия, Ростов и Новгород Великий, Тува и Калининград. Чувствуется жесткая рука продюсеров: все фильмы приведены к достаточно высокому стандарту, все отличаются четкостью, внятностью авторского подхода к истории и современности – качествами по нынешним временам редкими. Не хотелось бы писать об откровенно слабых работах или о тех, что попали в «портретную номинацию» случайно. В том и смысл фестивалей и форумов, чтобы молодые деятели ТВ смотрели работы друг друга, сравнивали, устанавливая для себя критерии профессионализма, постигая приемы мастерства.

в начало

ТЕЛЕНОВОСТИ – ВРЕМЯ МЕСТНОЕ

Телеконкурс под девизом «Новости – время местное» проходил с ноября 1998 г. по сентябрь 1999 г. по восьми зонам Российской Федерации (с финалом в Москве). Главная цель организаторов – способствовать профессиональному росту сотрудников новых региональных телекомпаний. Местные новости выпускают сейчас около 500 государственных и негосударственных компаний. Некоммерческая общественная организация "Интерньюс", Фонд развития российского ТВ, Национальная Ассоциация Телерадиовещателей и члены жюри конкурса получили сотни кассет с новостями из больших и малых городов. Это обширная видеопанорама российской жизни, сильно отличающаяся от того, как отражается эта жизнь в новостях столичных каналов.

Я люблю смотреть новости местных телестудий. Конкурс – единственная возможность увидеть их. В наши дни на многих домах стоят антенны-тарелки, принимающие сигналы, казалось бы, со всего света, – но только не из российской глубинки. У себя на кафедре я могу видеть 25 европейских каналов – от Польши до Португалии, – но не Саратов, не Воронеж и тем более не Торжок или Сергиев Посад.

И одной из своих задач на конкурсе я считал такую: познакомить молодых коллег со сложившимся международным стилем новостей, с некоторыми профессиональными стандартами, основанными на объективных законах зрительского восприятия.

Некоторые слушатели семинаров и мастер-классов, проходивших в рамках конкурса «Новости – время местное», воспринимали информацию о мировом опыте благожелательно. Другие отвергали с порога: «У нас свой менталитет, у нас особые условия, ни Европа, ни Москва нам не указ».

Но так было всегда. Каждое новое поколение телевизионщиков считает, что история ТВ начинается только сегодня. Такая уж у нас профессия. Телевизионные журналистские передачи исчезают «как сон, как утренний туман». И приходят

новые поколения – с тем же необходимым для профессии куражом, с той же абсолютной уверенностью, что вот сейчас и начинается настоящее ТВ.

Конкурс – дело очень хорошее. Бог с ними, с нашими мастер-классами. Важнее было молодым коллегам друг на друга посмотреть, работы друг друга обсудить. Сколько городов – столько стилей, самородных правил, а то и надуманных «табу». И находок, между прочим, тоже немало! Некоторые телекомпании интуитивно выходят на тот самый международный стиль подачи телеинформации – тактичный, доброжелательный, не назидательный, человечный.

В телекомпании города Переславль-Залесского, что в Ярославской области, поняли, что любую тему выигрышнее всего подавать **через человека,** через участника событий, с которым может отождествить себя зритель – и тогда возникнет сопереживание, и теленовости в чем-то сравняются с волнующими произведениями искусства. Вот открывают в городе дом для престарелых. Как сняли бы это – в девяноста случаях из ста? Митинг, перерезание ленточки, обитатели чинно отдыхают, благодарят за заботу. Так? А в Переславле-Залесском сняли иначе. Пришли домой, на старую квартиру, к 85-летнему ветерану, посмотрели на его житье-бытье. Оператор снял прекрасную «перебивку» к разговору: две ветеранские медали, приколотые к цветной картинке, к двум котятам. Ветеран, значит, с юмором: своими медалями котят наградил. Кадр многого стоит – это ведь телевидение (а на многих других студиях, увы, телеслышание, экран можно выключить без потери смысла). И вместе с этим пожилым героем, проникнувшись его нелегкими проблемами, мы входим в новый дом. И та же ленточка, те же слова градоначальников воспринимаются уже совсем по-другому...

Хорошие новости показала Кострома (ГТРК). Не в том смысле, что о хороших событиях – вовсе нет. В Костроме конфликтов хватает. Но дело в том, что показаны они сбалансирование, что телекомпания не подстрекает, не становится на одну какую-то сторону, не берет на себя функции высшего судьи (чем грешат, увы, весьма многие молодые коллеги!). Вот пример. Прошел в области референдум – строить или не строить атомную электростанцию. Большинство высказалось против строительства. Решение обжалуют через суд... жители ближайших к будущей АЭС сел! Им плевать на ядерную опасность, была бы завтра работа, стройка сможет многих прокормить. И телевизионщики, рассказывая о таком необычном конфликте, удержались от морализаторства – как того и требуют принятые во всем мире правила.

Дальше в выпуске информация: на заводе «Текмаш» уволили 200 человек, задержка зарплаты достигла 23 месяцев. И вслед репортаж с другого завода, где зарплату платят вовремя, а продукция идет на экспорт. Умные люди осуществляют **информационную политику** в Костроме! Это, конечно, не коммерческая, а государственная компания, ей на роду написано быть сдержанной и осмотрительной, «не раскачивать лодку». Но и так называемым «независимым» надо бы подумать: ну

ладно, свергнем эту «антинародную власть», и где вы назавтра будете?

Разговор на эту тему я вел с одной молодой женщиной, и ответственной за подбор новостей и ведущей крупной телекомпании. Беседовали мы, кстати, в скромном трехэтажном жилище ее шефа. Мне хотелось узнать, почему 40-минутный выпуск новостей эта дама составила исключительно из криминальной хроники, пожаров и прочих неприятных происшествий. Сюда же были подверстаны полученные через спутник сюжеты о заграничных катастрофах. Неужто ничего больше в регионе не произошло?

– Во-первых, – ответила прекрасная собеседница, – на НТВ считают, что хорошая новость – это не новость. А во-вторых, знаете... день был такой.

И тут меня осенило.

– Если вам лично в этот день не повезло – с любимым, к примеру, поссорились, – то это не повод вгонять в депрессию весь Урал!

– Но мы же должны иметь личную позицию, – возразила телеведущая.

Нет уж, братья и сестры, свои личные эмоции мы должны оставлять за порогом студии. А все же интересно знакомиться с жизнью современного местного ТВ! Нарочно, как говорится, не придумаешь, и чего только тут не увидишь на экране!

Прелестные молодые женщины – ведущие – не только читают новости, они еще и ведут некую психотерапевтическую работу. Вот «Провинциальные новости» из Ступино (Московская область). Сюжеты обычные и зачем-то с музыкой, как в 50-е годы. Но ведущая Нонна Денисова так поздоровалась и улыбнулась, такое от нее излучение шло доброе, такой она была домашней и спокойной – что жюри выдало программе приз. А вот в Щелково и Подольске – тоже ведь Подмосковье – ведущим улыбаться не велено. Мы, говорят, лица официальные. Ну что с ними поделаешь, раз «ментальность» такая. Бюрократ живуч при любом общественном строе, и мертвящая эта серьезность ненавистна мне с тех еще пор, когда мы выступали за «социализм с человеческим лицом». Сегодня я – за ТВ с добрым человеческим лицом. За то, чтобы сохранять местный колорит и отнюдь не во всем равняться на НТВ и прочих «больших братьев».

НТВ, например, не справилось с широко разрекламированным «проектом 89» – не смогло выдать по одному репортажу из каждого региона России. Репортеры НТВ искренне не понимают, чем отличается Пензенская область от Тамбовской и как показать на экране эти различия. Посмотрели бы они местные новости! Нет, не станут. Им это неинтересно. Они на свою страну смотрят свысока. А местные журналисты, выдав репортаж в эфир, должны будут назавтра посмотреть в глаза своим героям – живут-то вместе, рядом. И это создает совсем иные отношения между экраном и зрителем.

Тем непонятнее стремление некоторых местных коллег – тех, что без улыбки – отгородиться каким-то барьером, словно чиновник из жилконторы. Нет, мы со зрителем должны быть добрыми друзьями.

Позвонили на НТВ из Щербинки, пожаловались на коммунальные безобразия: воды горячей нет, со светом перебои. А железная дорога у вас есть? – спросили энтэвэшники. Есть, конечно. Главная магистраль из Москвы на Юг. – Так выйдите на рельсы, перекройте движение, вот тогда мы и приедем. Это будет событие.

Так и сделали наивные жители-телезрители.

Щербинское ТВ рассказало об этой провокации «старшего брата» на кадрах, где прокурор через мегафон увещевал освободить рельсы, напоминая об ответственности за такие действия. Хорошо, что в этом конфликте не оказалось пострадавших, – если не считать убытки железной дороги и нервотрепку пассажиров. Нет, говоря о мировых стандартах телеинформации, я вовсе не за сенсацию любой ценой. «Там» господствует правило: переводить любой конфликт в план дискуссии, быть «сводником» в поиске истины, которая, как известно, рождается в спорах, но ни в коем случае не провоцировать, не обострять социальные, расовые, национальные и прочие противоречия.

Критиковать начальство – если за дело, если без хамства – очень даже можно и нужно. Так, например, поступают в городе Иваново, смело, взявшись разоблачать милицейское начальство. Но просто ворчать – мол, все они в грязи, а я один в белом жабо – недостойно журналиста.

«Важно, чтобы все, кто сегодня делает новости, ясно осознавали свою гражданскую и профессиональную ответственность перед обществом, перед зрителем, перед личностью. От того, какими будут местные новости, во многом зависит будущее России», – сказано в обращении организаторов конкурса к его участникам.

И если хотя бы некоторые из них задумались теперь над вопросами «Кто я перед зрителями? С какой целью вышел я на экран?» – то встречи и «разбор полетов» были не напрасны.

– Перед вами два лидера, которые, вполне возможно, летом следующего года будут конкурировать в борьбе за пост Президента Российской Федерации: Геннадий Зюганов, лидер КПРФ, и Григорий Явлинский – партия «Яблоко».

Этими словами Савик Шустер, директор московской редакции «Радио Свобода», открыл первые президентские дебаты – учебные, для финалистов всероссийского конкурса «Новости – время местное», собравшихся в Москве. Дебаты посвящались свободе слова и ее перспективам в случае победы того или иного кандидата на выборах 2000 года. Дебаты плавно перешли в пресс-конференцию, задать свой вопрос политикам получили возможность присутствовавшие в зале Президент-отеля журналисты региональных телекомпаний. Всю ночь видеоинженеры «Интерньюса» – главного организатора конкурса – делали копии, получилось сто кассет, которые «регионалы» увезли с собой для показа в местном эфире. Так журналистская учеба стала фактом политики. Аудитория региональных телестудий огромна, столичные

лидеры поняли это и стараются использовать возможности местных СМИ.

А руководители столичных телеканалов – все как один, словно сговорившись – в Президент-отель не пришли, хотя их загодя пригласили на дискуссию «Региональные журналисты о столичных новостях». Неинтересно нашим телемагнатам мнение глубинки о них. Подробно и аргументированно журналисты из Томска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и других городов ставили «диагноз» столичным коллегам: в их выпусках нет «чувства страны», новости превратились в «мыльную оперу» с присутствием давно известных персонажей политических игр, преобладает катастрофизм, а любая предлагаемая с мест хорошая новость отвергается как «джинса», то есть незаконная реклама под видом информации.

Виктор Мучник, руководитель томской независимой телекомпании «ТВ-2», рассказал, что получил письмо с предложением о сотрудничестве от ОРТ. Выйти на «первую кнопку», конечно же, лестно, Мучник позвонил в Москву и сообщил, что скоро в Томской области состоится праздник – пуск в эксплуатацию открытого недавно крупного месторождения газа. Настоящий праздник, даже с фейерверком. Газ поможет решить многие проблемы области. – Нет, это неинтересно, «заказуха», – ответили из Москвы и поинтересовались: у вас там, кажется, наводнение назревает, может быть, для нас наводнение снимете? На НТВ для хорошей новости тоже не оказалось места. Мотивировали тем, что не до вас сейчас, надо следить за перемещениями Березовского.

– Вот как в Москве понимают, что важно, а что нет, – сказал Мучник. – Мы бы хотели видеть в столичных новостях панораму того, что происходит в России. Событие – как камень, брошенный в воду: от него расходятся круги. Кого и как на этих кругах закачало? Как событие в одном месте отражается на жизни в других регионах? Если показывать это – вот и будет в программах чувство страны.

В России неплохо развивается дорожное строительство, сейчас в любой пункт Нижегородской области можно доехать за два часа, а раньше требовалось пять. Рассказав об этом, Нина Зверева посетовала, что новые дороги не интересуют коллег из «Вестей» (РТР) так же, как и новые модели автомобилей, и высокий уровень рентабельности, на который вышел завод «ГАЗ».

Открылась новая школа в одной из северокавказских республик. Москвичам неинтересно: «ее же не взорвали». В Волгодонск после взрыва звонили днем и ночью, спрашивали, каков счет погибших. А потом отвергали сюжеты о судьбе оставшихся в живых, но бездомных, брошенных властями людей.

В дискуссии о новостях столкнулись две концепции. Одна, близкая столичной практике: новости должны показывать из ряда вон выходящие события, о хорошей работе завода можно рассказывать только в том случае, если это необычно, если все остальные заводы стоят. Вторая концепция: новости должны быть моделью жизни, средством консолидации общества, дающим ценностные ориентации, а не только «голую информацию».

Эти две точки зрения присутствовали даже внутри конкурсного жюри. Споры при определении победителя – лучшей новостной программы – дошли до такой непримиримости, что организаторы приняли поистине соломоново решение: выдать не один «Гран-при», а два. Наиболее профессиональными «воплотителями» первой концепции, «энтэвэшного» стиля новостей, были признаны журналисты екатеринбургского «Четвертого канала». Лучшими представителями второго направления – с преобладанием «мягких», «домашних» новостей, которые, возможно, интересуют только жителей данного региона и никого больше – признаны журналисты томской телекомпании «ТВ-2».

Принимая решение о двух «Гран-при», члены жюри (А. Гурнов, М. Дегтярь, И. Петровская, В. Познер, Е. Рассказова, В. Флярковский, Г. Шевелев, С. Шустер и другие) согласились с тем, что выделять одно направление было бы неправильным. «Гран-при» такого масштабного конкурса – это ориентир, «маяк» для всех региональных телекомпаний. Так пусть же развиваются оба направления – зрители от этого будут только в выигрыше.

Пока члены жюри обсуждали конкурсные программы, спорили о призах и концепциях, в зале Президент-отеля продолжалось профессиональное общение и учеба. Замминистра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций М. Сеславинский, секретарь Союза журналистов России М. Федотов, директор Центра «Право и СМИ» А. Рихтер познакомили журналистов с особенностями и «подводными камнями» нового Закона о выборах. Мастер-класс провел В. Познер. Мнениями о российских теленовостях поделились зарубежные коллеги, работающие в Москве.

Шеф бюро Датского телевидения Поль Хансен отметил, что творческий рост регионального вещания в России очевиден: «вчера и сегодня – как земля и небо». Хансен видел, как одна из малых телестудий работала, не имея даже монтажной: все, что снято, шло в эфир, корреспондент наговаривал текст одновременно с работой оператора на событии. Теперь такого не встретишь. Датское ТВ рассказывает о том, что близко человеку: жизнь, здоровье, дети, деньги. Сюжет в национальных новостях длится в среднем сто секунд, в региональных –4–5 минут. В региональных телекомпаниях работают 4–5 журналистов, 2–3 оператора, то есть в 4 раза меньше, чем в национальных.

По поводу отбора новостей датчанин рассказал такую притчу. На одном корабле штурман постоянно пил, капитану это надоело, и он записал в бортжурнале: «Сегодня штурман был пьян». Назавтра в том же журнале штурман записал истинную правду: «Сегодня капитан был трезв». И это выглядело как необычайное событие.

Роберт Парсонс, корреспондент Би-би-си, рассказал, что в Британии, как и в России, за последние годы произошло повышение статуса регионального ТВ. Зрителя больше интересуют теперь местные новости, нежели то, что передает журналист из Москвы или Вашингтона. Но британские новости строятся на «визуальной идее», на «рассказе картинками», российские же – вероятно, в силу традиций – больше уповают на слово. «У вас должны быть

откорректированы отношения между корреспондентом, оператором, монтажером, между ними нет взаимодействия, – что и когда снимать, куда поставить тот или иной кадр, чтобы создать нужную последовательность зрительных образов. Операторы не вкладывают достаточно мысли в то, что они делают. Когда смотрю их наезды и отъезды, начинается головокружение».

Анна Гелинек представляет в Москве германскую компанию ЦДФ (Цвайте дойче фернзее – Второе немецкое телевидение). Как и ее коллеги, Анна считает, что российские теленовости чересчур политизированы и тенденциозны. Это отражается на профессиональных качествах московских журналистов, с которыми ЦДФ иногда работает. «Когда посылаешь репортеров на «вокс-поп» (выступления прохожих на улице), они спрашивают меня: А что ты хочешь услышать? Что они должны говорить? – Например, что они думают о Раисе Максимовне.– А что они должны думать?» Еще одна российская беда, по мнению Анны – то, что нет реакции властей даже на самые острые выступления прессы. Ничего не меняется. Отсюда чувство беспомощности даже у лучших журналистов.

Дискуссию в зале вызвала такая мысль западных коллег: надо объяснять вашим губернаторам и мэрам, что свобода информации для них выгодна. Благодаря журналистам они будут знать истинное положение вещей, ведь их подчиненные частенько их обманывают. Для политика свободная пресса – хороший инструмент, прижимать прессу выгодно только жуликам. «Вы должны объяснить это вашим политикам, ведь среди них есть люди честные, не так ли?»

Наши возразили: я могу объяснить редактору, но он зависит от своего начальника, а тот – от магната-хозяина, пройти эту цепочку журналисту невозможно.

Поль Хансен высоко оценил красноярский репортаж о противостоянии местных властей и рабочих города Ачинска. «Но я понял, что эту станцию финансируют враги Лебедя. Если бы финансировал сам Лебедь – это было бы великолепно». Тут же сахалинцы привели свой пример: они показали своего губернатора не в лучшем виде – он распекал журналистов после пресс-конференции с американским послом, зачем, мол, спросили о Курильских островах. Показали этот «разнос» в эфире – и ничего, губернатор зла не затаил на телекомпанию. Могут быть, значит, цивилизованные отношения с властью.

За этот сюжет Южно-Сахалинская телекомпания «АСТВ» была награждена специальным призом. А красноярцы, «ТВК-6 канал», получили приз за лучший репортаж. Три года валялся на улице баллон с аммиаком, стали ремонтировать забор и баллон откатили. Он начал дымить. Если бы это случилось ночью, в районе многие не проснулись бы. Репортер чувствовал запах нашатырного спирта даже за милицейским оцеплением, но проник с оператором к самому баллону, который поливали водой. Специалисты спорили, как обезвредить баллон – вывезти, расстрелять. Наконец один из них, работник хладокомбината, взял кувалду и как следует шарахнул по баллону, тут же отскочил, окутанный белым облаком мощного выброса. Чисто русское решение проблемы! И – все это в кадре, мы видели это собственными глазами.

На церемонию награждения победителей приехал председатель Госдумы Геннадий Селезнев. Руководителей главных телеканалов опять не было. Но ничего, сказал кто-то из журналистов, еще спохватятся. Президент Ельцин сказал не так давно этим трем теленачальникам: «Вы – силовики». Теперь и о местных телекомпаниях можно сказать то же самое. «Пока мы были по отдельности, нас можно было легко хватать и душить. Надо на основе нашего конкурса создать союз вещателей России, – если в одном городе будут кого-то притеснять, другие сообщат об этом». Такое предложение внес Петр Федоров, участник всех этапов конкурса «Новости – время местное», ведущий воскресной передачи «Реноме» на «Рен-ТВ».

В 2000 году этот конкурс прошел в шести городах, по крупным российским зонам. Приглашались все телестудии – вплоть до районных и поселковых. Финалистам понравилась высказанная организаторами мысль: последнее десятилетие XX века назовут временем телевизионной революции, потому что каждые 3–4 дня в России появлялась новая телекомпания. Вместе они – сила, развивающая демократию.

в начало

ТОК-ШОУ: НЕИЗВЕСТНЫЙ ЖАНР?

В конце августа 1998 г. в Москве проходил первый межгосударственный телефорум стран СНГ. Флаги, пресс-конференции, просмотры, обсуждения. Наконец, объявление результатов. В номинации «ведущий ток-шоу» премию... решено не присуждать никому. Ибо ни одна из представленных передач, по мнению отборочной комиссии, не соответствовала жанру ток-шоу. В дальнейшем от этой номинации пришлось отказаться вовсе.

Каждый день под рубрикой «ток-шоу» на десятках и сотнях радио- и телестанций выходят в эфир самые разные передачи. Вот «Эхо Москвы», солидная фирма. Два человека общаются между собой – хозяину студии «маловата» роль интервьюера, он острит, хохмит, в прямой эфир включаются телефонные звонки. И все это обозначено как ток-шоу. Хочется возразить: да это ведь старая добрая знакомая под названием «беседа»! И тут же вспоминаю: беседой в теории радиожурналистики именуется разговор... одного человека. Якобы он «беседует» со слушателями. А «кадр» на радио – это то, что в ТВ именуется «сюжет». Ладно, Бог с ним, с радио. Посмотрим, что подразумевают под ток-шоу наши западные коллеги-телевизионщики – раз уж мы позаимствовали их термин.

Ток-шоу – значит **«разговорное представление».** Появился термин применительно к эстрадному жанру, где один конферансье-затейник развлекает публику разговорчиками, иногда вовлекая в общение зрителей из зала. И на ТВ первыми признаками жанра считаются: легкость разговора, артистизм ведущего, обязательное **присутствие аудитории.**

Возьмем, к примеру, популярную в США программу «Шоу Опры». Опра Уинфри, обаятельная полноватая негритянка, очень живая, заразительно смеющаяся, считается самой высокооплачиваемой журналисткой Америки. Ее ток-шоу – это

именно **журналистика,** мастерски подготовленное общение с популярным человеком, сопровождаемое показом на большом экране фотографий и другого материала. Темы сугубо конкретные – о фактах личной биографии: что, когда, с кем, какие были чувства и т.п. В студийном павильоне полно народа. Народ ахает, аплодирует, смеется, восторгается, удивляется – словом, создает атмосферу. И – все. Никаких выступлений с мест. Опра не бегает по студии с микрофоном и помощников не посылает. В этом могут убедиться те, кто принимает передачи канала «Рен-ТВ», шоу Опры передается по субботам и воскресеньям. (Как это по-русски: ток-шоу по уик-эндам?)

«Донахью-шоу», как помнят многие, строится совсем по-другому. Аудитория активно участвует в обсуждении темы. Там чаще всего тоже есть «гость» – главный собеседник. Бывают и люди, разбирающиеся в предмете разговора – эксперты. Процитирую кое-что из пресс-релиза:

«Пользующаяся в США широкой популярностью программа Донахью передается пять раз в неделю и специализируется на спорных или информативных темах и встречах с интересными людьми. Для каждой своей передачи, которая длится ровно час, Донахью выбирает только одну тему или одного человека, но освещает их живо и разносторонне... Зрители прямо с мест задают свои вопросы гостям, комментируют их мнения, выступают с собственными и подчас спорят друг с другом, что придает программе спонтанный характер и делает ее разнообразной... Острополемические программы дают зрителю новую информацию и одновременно развлекают его... Передачи транслируются изо всех уголков страны и даже с пароходов, которые совершают круизы по Миссисипи». Сам Донахью говорит о своей работе так: *«Я встречался с лидерами государств, с профессиональными спортсменами, с артистами, учеными. С теми, кого собираются посадить в тюрьму, и с теми, кого собираются из тюрьмы выпустить. С гомосексуалистами, с лесбиянками, с хирургами. С соратником Гитлера и с летчиком, который сбросил бомбу на Хиросиму. Такие встречи не обязательно способствуют накоплению мудрости, но обязательно способствуют появлению множества вопросов».*

Национальная академия искусств и наук США восемь раз присуждала Филу Донахью премию «Эмми» как «выдающемуся ведущему в номинации развлекательно-воспитательных программ». Стало быть, развлекательный элемент для ток-шоу необходим – отсюда популярность жанра на коммерческом ТВ. Мы же прочно забыли девиз, сформулированный еще Екатериной Второй: «Поучать, развлекая». Русское ток-шоу – штука необыкновенно серьезная, хотя и плохо подготовленная. Донахью, помнится, приезжал в нашу страну с командой из шестнадцати человек, в США ему помогают тридцать. Между прочим, жаловался, что ему трудно работать с русской аудиторией: «Они прочитали длинные романы Толстого и Достоевского и хотят раскрыть перед микрофоном свою душу, рассказать сразу все, что знают». Появление в телевизоре для нас – политический, а не артистический акт. Вот и терпим мы пока неудачи с легким жанром. Не будем о

Познере, его грустные глаза к веселью не очень располагают, но остальные признаки ток-шоу налицо: **гость, аудитория в студии, эксперты**и «железный» **сценарий.** Импровизацию собеседников Познер направляет в нужное ему русло – воспитательный **результат просчитан заранее.** Безусловно, отвечают всем критериям жанра: «Тема» (ОРТ), «Акулы пера» и «Сделай шаг» («ТВ-6»), «Моя семья» (РТР) и некоторые другие программы.

Но оказывается, у нас возможно ток-шоу не только без развлечения, но и без публики в студии. Вот в программе объявлено ток-шоу Татьяны Комаровой «12 решительных женщин».

Сразу скажу: передача интересная. Полукругом сидят 12 дам и обсуждают проблему смертной казни. Начали с конкретного случая, в студии мать убитого матроса. Тема – одна, линия поведения Комаровой четко выстроена, логика у нее, прямо скажем, не женская. Пришли к выводу: по закону смертная казнь не должна допускаться, однако отомстить за родного человека, убить убийцу хотелось бы половине из присутствующих. «Какой пример даем населению?» – возмутилась одна из дам. «А мы никогда не ставим точку, хотим, чтобы люди думали»,– ответила ведущая. Хорошая получилась передача. Налицо наша раздвоенность и желание вершить самосуд, не надеясь на государство. Но можно ли считать это «разговорным представлением», ток-шоу? Или это совсем другая передача, не шоувумен Татьяна Комарова, а –модератор? Что это за роль такая, редкая пока у нас? Впрочем, о модераторе чуть позже. А пока посмотрим, что же присылают в номинацию «ток-шоу» наши коллеги из регионов.

Из Екатеринбурга на конкурс «Вся Россия» было прислано ток-шоу Евгения Енина (телекомпания «Четвертый канал»). Рубрика «Стенд», тема «Погорельцы». На стенд, как известно, можно вывесить объявление или плакат. На стендах испытывают приборы. Но как же надо не чувствовать смысл слов, чтобы приглашать на стенд живых людей, да еще несчастных погорельцев, потерявших жилье?! Хотя задача, в общем, благородная: Евг. Енин обсуждал с позвонившими в студию зрителями, как можно было бы погорельцам помочь. Назвать это развлекательно-воспитательным зрелищем никак нельзя. И вот на Евразийском Телефоруме вновь фигурирует его «Стенд». «Сегодня у нас на стенде директор департамента здравоохранения Руслан Хальфин». Да что он, в самом деле, экспонат, что ли? Стенд бывает выставочный. Бывает еще стрелковый – стендовая стрельба.

Мишень на сей раз, оказалась крупной: новый областной закон о частичном переводе здравоохранения на коммерческие рельсы. Минут двадцать шло обычное интервью, потом была включена телефонная линия. Зрителям – не до веселья. Они сообщили начальнику, что уже давно вынуждены платить деньги за лечение детей. А он: не хотите платить – стойте в очереди на бесплатное лечение. Двое, правда, умерли, не дождавшись. Весело? Еще как! Енин вообще-то неплохой интервьюер, за последние слова «зацепился», начальник утратил лоск. Все правильно, но при чем тут ток-шоу? Перед нами давно знакомое проблемное интервью.

Другая екатеринбургская телекомпания, на сей раз государственная, прислала на фестиваль «Вся Россия» в номинацию

«ток-шоу» весьма странную передачу «Электрический стульчик» – монолог «нового русского».

Еще более «безразмерным» вышло так называемое ток-шоу «У костра» – у самого натурального костра, зажженного на Театральной площади. Заранее объявили: в таком-то часу костер, приходите, кто хочет. И пришли. Журналистка Е. Апарина задавала вопросы: с каким цветком, временем года или зверем ассоциируется подросток, ученик? Какие вы любите слова?

Кто-то пришел к телекамерам, чтобы поздравить родственников с годовщиной свадьбы. Кто-то просто «потусоваться». Забавно, конечно. Поток жизни. Но никак не представление. Оно ведь всегда готовится заранее и потому имеет **зачин, развитие, кульминацию и развязку.** Возможны заготовленные сюрпризы для героев – как в передачах «От всей души» и «Старая квартира». Вот где драматургия, вот где выстроенность – и при том простор для самовыражения участников!

Конечно, Валентина Леонтьева не была автором программы «От всей души» (как и ведущие «Старой квартиры»). Она – диктор, народная артистка СССР. Готовили сценарий, разрабатывали ситуации совсем другие люди, как «команда» Фила Донахью или Владимира Познера – безымянные герои, журналисты за кадром. Однако в жанре ток-шоу актерское мастерство, умение общаться выходит на первое место. Недаром имя ведущего во всем мире давно выносится в название передачи.

Сценарная разработка «разговорного представления» – некое русло, приготовленное для того, чтобы точно **направить поток** мыслей приглашенных людей, обозначить постановку **проблемы** и линию **поведения ведущего,** продумать возможные **выводы.** Чем серьезнее тема – тем труднее обеспечить **легкость, популярность** да и логическое **развитие действия.** Мне даже представляется, что не всякая тема годится для этого жанра. Вот Кира Прошутинская в своем «Пресс-клубе», возродившемся на канале «ТВ-центр», ставит на обсуждение «судьбоносные» вопросы. И что из этого получается? Как говаривали раньше, «сумбур вместо музыки». Расчет на то, что соберем, мол, в студии три десятка умных людей, дадим каждому по минуте – авось да что-нибудь получится – такой «расчет», увы, не оправдывается.

Вот взялись недавно в «Пресс-клубе» обсуждать проблему, нужна ли России сильная рука. Хоть обозначили бы вначале, что значит эта самая рука. А то половина передачи ушла на выяснение: диктатура это или авторитарный режим? А чем, собственно, отличается одно от другого? Кого-то на месте будем расстреливать или все-таки судить какой-нибудь чрезвычайной тройкой?

Как быть с парламентом? Так и ставили все новые вопросы. Сама ведущая, кажется, не очень понимала, за какую проблему взялась. Вывод сделали осторожный: нужна не столько сильная рука, сколько умная голова. Одна, что ли, на всю Россию? Сколько можно надеяться на умного царя или генерального секретаря? Участники передачи расходились недовольные; каждого оборвали на полуслове, время – минута– истекло. Иногда ведущая ставила

человека в полный тупик таким, к примеру, милым вопросом: «А у вас рука сильная?»

Нет, дамы и господа. Такое содержание в форму ток-шоу никак не укладывается. Образ Киры давно ассоциируется у меня с пионервожатой. Надо бы и темы выбирать, соответственно, полегче.

Для серьезных проблем и форма есть серьезная: теледебаты или дискуссия. Ведущий такой программы – уже не искрометный шоумен, а вдумчивый модератор. Наиболее ответственные дебаты – конечно же, перед президентскими выборами в США или у нас. Кое-что общее с ток-шоу тут имеется – например, наличие аудитории, создающей некий наэлектризованный воздух, атмосферу публичности. Наш видный публицист Станислав Кондрашов недаром называл американские выборы одним большим шоу: тут все подготовлено и рассчитано на публику.

У меня есть видеозапись двух передач с участием Рональда Рейгана, в обоих принимает участие знаменитая журналистка Барбара Уолтерс. В одном случае она интервьюер, в другом – модератор. Это роли совершенно разные. Модератор следит за справедливым распределением времени. Если один кандидат в чем-то обвиняет другого, тут же модератор дает слово для возражений. Ну, а если высокий гость уклоняется от ответа – модератор может напомнить ему о вопросе, заданном интервьюером. Одного только не может модератор: выразить свое мнение по существу обсуждаемых проблем. Главное правило, принятое в мире: ведущий дискуссии не является ее участником. И это относится не только к предвыборным передачам, а и к самым обыкновенным, будничным дебатам, коих на телеэкранах мира великое множество.

◙

«Вот за этим порогом я оставляю свое мнение», – сказал входя в павильон французского телевидения, наш гид. Сказал по-русски, поскольку до того работал корреспондентом в Москве. Мы, советские журналисты-пропагандисты (была поездка по линии Союза журналистов СССР), откровенно посмеялись. Нас в те годы приучили к тому, что надо, просто необходимо говорить в эфире от первого лица, высказывать собственное мнение. Например, так: «Лично я считаю, что наша родная партия есть ум, честь и, не побоюсь этого слова, совесть всей нынешней эпохи». То есть такое мнение, которое странным образом совпадает с мнением Старой площади.

И никуда мы от этой привычки не делись. Мнение товарища Доренко совпадает с мнением господина Березовского... ну и так далее.

Вот поэтому и не дается нам профессия модератора.

Потому что модератор оставил свое мнение за порогом студии, но остался живым, энергичным, интересным – распорядителем дебатов. Арбитр, как известно, в споре не участвует. У него задачи другие. Модератор превращает дебаты в динамичное зрелище – хотя выполняет, вроде бы, чисто диспетчерские функции. В роли модератора на Западе выступают самые известные телевизионные журналисты.

Первый блин – комом. Ни в малой степени не хочу бросать камешек в Савика Шустера, этот человек глубоко симпатичен мне, мил в общении, хотя мог бы важничать – возглавляет ведь в Москве солидную службу «Радио Свобода». Я переживал за него, когда Савик оказался в большом зале Президент-отеля перед десятком телекамер и двумя сотнями журналистов в роли модератора президентских теледебатов.

Дебаты были, понятное дело, учебными. Президентская предвыборная кампания еще не началась. Но кандидаты сидели на сцене самые настоящие: Геннадий Зюганов и Григорий Явлинский. Они пришли по приглашению Мананы Асламазян, руководительницы «Интерньюса», на учебное мероприятие, приуроченное, как уже было сказано, к финалу телеконкурса «Новости – время местное». В Москву съехались победители восьми зональных конкурсов (Екатеринбург, Орел, Иркутск, Владивосток, Казань и т.д.) – региональные телезвезды, действующие журналисты.

Учимся, значит, на ошибках. Да простит меня Савик Шустер, взявшийся за роль модератора.

При капитализме, как говорили раньше, существует эксплуатация человека человеком. А при социализме все наоборот.

В США два участника теле дебатов непременно стоят. А модератор сидит в кресле за пультом. Кресло удобное, стол-пульт широкий. Иногда модератор один управляется с кандидатами (за его спиной, правда, зал в тысячу человек, которые дышат, реагируют – создают обстановку публичности). Иногда модератор сидит на сцене слева, вполоборота к кандидатам, и «дирижирует» сидящими справа журналистами-интервьюерами в количестве трех-четырех. Без его разрешения они не вправе задавать вопросы. Есть разные форматы дебатов **(формат** – не хронометраж, как полагают у нас, а **набор постоянных признаков и правил** телепередачи). Но в любом случае кандидаты в президенты или в вице-президенты США стоят. Все 90 минут передачи. Стоял перед сидящим модератором Барбарой Уолтерс президент Рейган и его соперник Мондейл. Перед ней, перед сидящими интервьюерами (их называют «панелисты»), перед зрительным залом и перед страной. Президентские дебаты транслируются одновременно всеми национальными телесетями.

А у нас все наоборот. Савик Шустер стоял в центре сцены, чуть сзади столов и кресел, в которых вальяжно расположились Явлинский и Зюганов. На первых американских дебатах в 1960 г. Джон Кеннеди и Ричард Никсон тоже сидели, по воспоминаниям очевидцев. Вроде бы Никсон ерзал ногами, поправлял носки, смотрел мимо партнера, а Кеннеди своим лучистым взглядом «пробивал» экраны телевизоров и сердца зрительниц. Те, кто слушал тогда эти дебаты по радио, голосовали за Никсона – как-никак он был вице-президентом США, опытным политиком: его речь казалась более серьезной и аргументированной. А телезрители «голосовали сердцем», уж больно хорош был молодой Кеннеди. Так телезрители победили радиослушателей.

Но с той поры сложился стиль, когда **политик говорит стоя.** Это считается **уважением к нации,** да и голос звучит

темпераментней. И нет соблазна носки поправлять – нижняя часть тела прикрыта изящной трибункой с лампочками сигнализации, видными только кандидату. Модератор нажимает кнопочку, намекает: время кончается. С самого начала модератор вслух, для всех, объявляет условия: скажем, 90 секунд ответ на вопрос, 60 секунд – ответная реакция соперника, еще 30 – дополнения. Темп, ритм! Зрелище.

У нас же кандидаты не спеша разглагольствовали, сидя в своих креслах, а Савик переминался с ноги на ногу, не решаясь их прерывать. Потому что с самого начала он допустил роковую ошибку: не сказал о **регламенте.**

Приведу выдержки из стенограммы.

Шустер: Перед вами два лидера, которые, вполне возможно, летом следующего года будут конкурировать в борьбе за пост президента Российской Федерации. Насколько он важен – мы все убедились, особенно в последнее время. Эти люди могут оказаться наделенными огромной ответственностью перед страной и перед нами. Мы, журналисты, посредники между властью и обществом. Мы защищаем общество от власти – возможно, от этих людей. Геннадий Зюганов – лидер КПРФ. У этой партии есть прошлое, есть позиция и есть особое отношение к информации, это мы знаем из истории. Геннадий Зюганов должен нас убедить, что свобода слова останется в этом государстве, что мы не станем безработными. Григорий Явлинский должен доказать, что в случае его победы капитал и власть не будут нагло навязывать нам их желания. Способен ли он добиться этого?

В этом вступительном монологе допущены по крайней мере две неточности. Никто в дебатах никому не *должен*. И не надо называть человека в третьем лице – «он» – в его присутствии.

Была и третья неточность – при предоставлении слова Зюганову.

Шустер: Первое слово Геннадию Андреевичу Зюганову, и вот почему – все же это партия большинства в парламенте.

Зюганов не без ехидства поправил модератора: нет, большинства в Думе у нас нету, 205 голосов – это не большинство. Если б было большинство, голосование по многим вопросам выглядело бы иначе.

Просматривая видеозаписи зарубежных дебатов, я обратил внимание на то, что журналисты – и панелисты, и модераторы – не стесняются обращаться к своим записям, к бумагам. Барбара Уолтерс, «выстреливая» глазами в объектив, то и дело опускает их к заранее написанным четким вопросам. Савик Шустер в нашей отечественной манере понадеялся на авось – на импровизацию. И напрасно. Текст в руках журналиста – свидетельство **серьезности подготовки** к передаче. Отсутствие текста у политиков – свидетельство их компетентности и готовности к любым неожиданностям.

Савик Шустер не объяснил «условия игры» – могут ли претенденты общаться друг с другом? В США это не положено, хотя краткими репликами это правило иногда нарушается. Зюганов квалифицированно бранил ельцинский режим, Явлинский откровенно скучал, но вдруг, вскинувшись, обратился к партнеру:

вы бы хоть название партии сменили, стыдно ведь быть наследниками сталинских преступлений. Модератор не вмешался – как призывать к соблюдению правил, если они заранее не объявлены? Зато уточняющие вопросы Шустер задавал активно.

Например, так:

– Геннадий Андреевич нам сказал много, но многое и не прояснил. Я так и не понял, буду я иметь работу или нет.

– Вы сказали, что знали многое из газет при советской власти, но знали ли вы точное количество узников ГУЛАГа?

Предоставляя слово Явлинскому, модератор опять допустил неточность и получил замечание. Ох, непростая это должность!

Шустер: Григорий Алексеевич Явлинский, как вы будете гарантировать свободу слова?

Явлинский: Вы, кстати говоря, меня спрашивали не о свободе слова, вы меня спрашивали о том, как сделать так, чтобы в России не было бандитского капитализма, вот о чем вы меня спросили.

Если вернуться к началу дебатов, к постановке вопроса – легко убедиться, что и Шустер, и Явлинский существенно отошли от предлагавшейся темы. Вывод: надо точнее, ответственнее **формулировать вопросы,** фиксируя их на бумаге – лучше заранее, но можно и по ходу дела. У модератора должна быть не трибуна, а рабочий стол.

В одном из вопросов к Явлинскому Шустер выразил недовольство тем, что Госдума ограничила свободу журналистов ТВ, запретив им показывать интервью с Басаевым. Журналист международного класса должен был бы знать, что и в свободной Великобритании запрещают синхронные интервью с террористами.

Не хочу больше перечислять «проколы» Шустера, потому что не знаю, как я сам провел бы подобную передачу. Меня пригласили в 1995 году быть модератором платных дебатов на канале ОРТ, но ни одна из 43 партий не захотела платить деньги за риск. Риск в дебатах есть всегда – наши горе-политики предпочли заученные монологи с остекленевшим взором. Эти передачи не обсуждались в «малых группах» – в семьях, на производстве и т.п. А теледебаты могли бы стать, как в Америке, общенациональным событием. Мы с режиссерской группой разработали для ОРТ следующий формат дебатов.

Общий хронометраж – 45 минут; участвуют представители трех партий. Каждая оплачивает 14 минут, но фактически имеет все 45 –ведь камеры показывают и слушающих, и реагирующих политиков. По две минуты даем каждому на предварительное **выступление-монолог,** потом предлагаем каждому задать **вопрос конкурентам.** Это большое искусство – задать вопрос! Это должна команда партии продумать заранее – как поставить конкурента в сложное положение, какие уязвимые места найти в его программе!

И, наконец, модератор задает всем трем **вопросы от имени зрителей.** Предполагалось, что мы соберем зрительские вопросы, объявив номера телефонов заранее, как и фамилии участников дебатов. В тот раз не сложилось. А теперь правилами Центризбиркома прямо предписано, что одну треть из предоставляемого бесплатного времени кандидаты должны

провести в форме «круглого стола» или дебатов, т.е. в компании с конкурентами. Тем важнее осваивать журналистам искусство модератора, который дискуссию ведет, но в ней не участвует. Личное мнение – за порогом студии. А в ней – живой, остроумный, динамичный распорядитель, превращающий скучных политиков в участников азартного состязания.

Очень важен финал – кто выскажется последним. «Правило края»: запоминается последняя фраза. Это еще Штирлиц нам поведал. Кто в дебатах выступит последним – объявляется заранее. Дело решает жребий – подброшенная монета: орел или решка?

В теледебатах, в работе модератора нет мелочей. Освоение этой профессии – наш очередной шаг в постижении демократических норм общественной жизни.

Казалось бы, эксперимент в Президент-отеле мог кое-чему научить наших телевизионщиков. Но вот начались реальные теледебаты (перед выборами в Думу) – и что же? Евгений Киселев буквально повторил основные ошибки Савика Шустера.

«Помогли» Киселеву создатели роскошного, по их мнению, интерьера новой студии НТВ, ее сразу прозвали «пирамидой» из-за обилия треугольников. На двух треугольниках в огромных креслах восседали Явлинский и Чубайс, затем Жириновский и Немцов (камеры особенно охотно давали в эфир средние планы – с раздвинутыми ногами претендентов, с почесываниями, с неловким положением рук). А Киселев –вроде бы по должности хозяин дебатов – переминался с ноги на ногу, стоя в каком-то проходе, словно бедный родственник у порога. Поначалу модератор заявил о регламенте, но первый же выступавший – Явлинский – грубейшим образом его нарушил. На красивые часы никто не обращал внимания, дебаты, особенно с участием лидера ЛДПР, быстро превращались в обыкновенную перебранку. Киселев был выше Добра и Зла, не замечая ни превышения регламента (а потом и вовсе о нем забыв), ни прямых оскорблений типа «лжец», «подлец», звучавших из уст Явлинского.

В преддверии президентских выборов следовало бы подумать о выработке оптимального формата дебатов. Только тогда аудитория ТВ смогла бы в полной мере оценить упомянутые главные параметры личности каждого из кандидатов на главную должность в России: интеллект, воля, нравственность. Представители кандидатов могли бы, как это делается во Франции и США, заранее принять участие в выработке правил телепередачи – кто сидит, кто стоит, какова расстановка телекамер и света, как сигнализировать о регламенте, общаться ли претендентам напрямую – или только через модератора.

В этом деле гораздо больше «подводных камней», чем кажется нашим телевизионщикам и политикам. Так, перед дебатами Рейгана с Мондейлом Лига женщин-избирательниц, выступившая спонсором, предложила сто – целых сто! – кандидатур журналистов прессы и ТВ, которые могли бы выступить в роли интервьюеров-панелистов. Команды претендентов сошлись лишь на трех из них. Остальные подозревались в необъективности, в подыгрывании одной из сторон.

А на последних дебатах в США, как президентских, так и вице-президентских, панелистов не было вовсе. Вопросы задавал сам модератор, его голова торчала словно из суфлерской будки между трибунами Клинтона и его соперника. Это было, увы, скучно. Американские телевизионщики поняли, что после таких дебатов надо «закрутить», выдать в эфир дополнительное действие – так сказать, дебаты о дебатах: впечатления очевидцев, мнения экспертов и т.п. И если сами дебаты прерывать рекламой не принято, то шумная «посткоммуникативная» суета принесла телевидению США немалую прибыль.

Умеем ли мы учиться на чужих ошибках, или нам непременно надо наделать побольше собственных?

в начало

ПЛАНКУ СНИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ

Два мнения, как две чаши весов, то одна перетянет, то другая. Два мнения о продукции провинциального ТВ.

«Ах!» – умиляются критики и критикессы, увидев на экране после столичных тусовок и приевшихся «звезд» нечто из народной жизни, с бездорожьем, деревенским говором, простоватостью.

Ах, какая прелесть эти местные студии! Они ближе к народу, к подлинной духовности!

– Спору нет, – криво ухмыляются режиссеры, матерые волки с федеральных телеканалов, исколесившие сами всю эту простоватость, ходившие в народ, еще до эпохи видео, с лимитированной кинопленкой. – Спору нет, к сермяге ближе. Как любая самодеятельность. Профессионалов на местных студиях – раз, два и обчелся. Ну, Авдеев с Погребным в Вятке, Луньков в Саратове, Герчиков в Воронеже. Кто еще?

До 1998 года на конкурсах ТЭФИ была даже специальная номинация, а точнее, резервация для местных программ. Вот там и получили свои призы Герчиков с Погребным. Теперь региональные программы соревнуются с федеральными. На федеральных, надо полагать, уже все заметные люди стали лауреатами ТЭФИ, все академики сами себя наградили – теперь можно и провинцию на простор пустить...

Но затаенная обида на «ярмарку тщеславия» (как назвал в эфире праздничную лестницу ТЭФИ репортер ОРТ Андрей Малахов) привела к созданию параллельного конкурса с вызывающим названием «Вся Россия». Российская ассоциация региональных телекомпаний (РАРТ) проводит третий фестиваль «Вся Россия» с особенным размахом и шиком. В пику снобистской ТЭФИ провинциалы прислали на фестиваль аж 682 телепрограммы!

На таком обширном материале можно строить кое-какие обобщения, высказываться о местном ТВ как о явлении, делать выводы.

Вывод первый. Сотни местных телестудий, куда хлынули энтузиасты, никогда не слышавшие о журнале «Журналист», о телекафедре в МГУ, не учившиеся во ВГИКе – эти студии «делают погоду» на рынке телезрелищ в своих регионах. Во всем облике ведущих и репортеров какого-нибудь 12-го канала в Новосибирске –

абсолютная уверенность, что у них есть своя, верная, большая аудитория, которая в данный момент смотрит именно 12-й канал. В Ростове некая компания «Пульс» прямо заявляет в эфире: до Останкина далеко, а мы рядом со своим зрителем, спешим на помощь. Какая именно помощь – об этом после.

И в то же время провинциальная задиристость соседствует с неумеренным пиететом перед «столичными штучками», залетевшими в провинцию. Даже Петербург дает немереное место в эфире Абалкину и Попову, при виде которых рука тянется к кнопке переключателя. Хватит, надули нас со своей перестройкой и советуют что-то с обочины истории. Питерская студия «Пионер» прислала на конкурс нечто ужасное: ведущий с битой физиономией и кровоподтеками на носу, с ватной нашлепкой на черепе. Избили, говорит, за то, что пригласил в студию Льва Рохлина. Рохлин тут же солидно кивает: боятся его враги, да, именно так.

В Пензе приютили в эфире московского репортера Александра Политковского, Спросили о нынешнем состоянии российских СМИ. Саша с видом эксперта заявил: двумя главными каналами ТВ руководят евреи (режиссер услужливо дал два портрета с подписями). И коли так, то ему, Политковскому, не выступать ни на ОРТ, ни на НТВ. Рассказал бы мне кто-то про такую передачу – я бы не поверил. Но вот она, на кассете, прислана в расчете на премию «Вся Россия». Ну и Саша, просто великолепная уверенность в себе. Россия многое теряет, не имея счастья лицезреть его не только на 6-м, но еще и на 1-м, и на 4-м каналах. Просто ходячая духовная ценность. Но пензяки-то куда смотрят? За такие штуки можно серьезный штраф заплатить по суду. Национальная рознь, не так ли?

В общем, как я мог убедиться и в Школе Познера, куда прибывают шлифовать свое мастерство провинциальные телезвездочки, они находятся в метаниях между комплексом неполноценности и манией величия по отношению к оторвавшейся столице. Вывод второй. Процесс первоначального накопления мастерства подходит к концу. Если раньше было много откровенно слабых передач, а электронные эффекты выглядели игрушкой в руках дитяти, то нынче – много передач нормальных. Просто – нормальных. Не больше, но и не меньше. С электроникой наигрались, стали задумываться о смысле своего выхода в эфир.

В номинации «общественно-политические программы» журналисты местного ТВ представили множество программ, которые – в отличие от бесстрастных, объективистских, столичных – по нашей старой российской привычке норовят вмешаться в жизнь с целью ее улучшения. Стремление, на мой взгляд, похвальное. Организаторскую функцию не надо отменять вместе с коммунизмом.

Лучшей программой из всех представленных на конкурс считаю нижегородскую: «Дом, который построил я». Ведущие признались, что поначалу тоже снимали столичных звезд (идет мелькание – Старовойтова и другие узнаваемые лица), а потом поняли, что «звезда в своем гнезде» – слишком далекий образец для подражания. И пригласили для участия в своей рубрике тех, кто строит себе «фазенду» не дороже, чем 1,5 тыс. рублей кв. метр.

Вообще-то я разлюбил интервью. Вымученные фразы героя чаще всего останавливают плавное течение авторской речи и мелькание кадров. Но когда интеллигентный человек показывает свой дом и гордится своими небольшими изобретениями и находками – это больше, чем интервью. Это человек в расцвете своих возможностей. Физик ли, учитель, другой специалист. Журналисты нижегородской телекомпании побывали у них дома, а потом показали эти кадры по ходу конкурса, когда на сцене все герои дружно строили... скворечник. С применением самого совершенного электроинструмента, о каком на «фазендах» только мечтали (спонсор – фирма электроинструментов? В добрый час). С ультрамодной крышей (продавец кровли – тоже спонсор? И, слава Богу). Люди строят свои дома. Значит, строят Россию. Нижегородское ТВ объявило о намерении сделать конкурс всероссийским.

Вывод третий. Что будет следующим этапом, что надо осваивать в первую очередь? Что пока не дается? А вот что. Две и более точки зрения на один предмет. Точка зрения у нас была истинно верная – своя. Единственная. Прежде она совпадала с партийной, потом стали смело лепить «от себя», но все равно без диалектики: «с одной, мол, стороны, а с другой стороны...». Не по-нашенски это. Вот под Ростовом обидели огородника. Он продавал свою капусту, подошел майор милиции: ты, говорит... – Не ты, а вы, – перебил огородник. Ах, так? Пошло-поехало, и теперь огородник по решению суда должен продать свой дом, чтобы выплатить штрафы. На протяжении целой передачи телевизионщики, естественно, защищают огородника, пространно беседуют с ним и с его соседями. В суд зайти, спросить, за что такие строгости – не догадались или не захотели. Что нам суд, мы сами – четвертая власть. И к майору не наведались, хотя милиционер тоже человек и мог бы открыть свою сторону правды в том инциденте, в ссоре, достойной гоголевского пера.

Драма покрупнее показана удмуртскими коллегами. Щемящая душу церемония – прощание со знаменем воинской части. Ракетный полк ПВО расформировывается. Лейтмотив разговоров с офицерами: мы защищали небо республики, а теперь, если американцы устроят не «Бурю в пустыне», а бурю над Россией – все, конец. К тому же 54 семьи остаются в лесу без дела. После передачи остается впечатление, что полк ликвидируют враги народа, американские шпионы. Правда, в одном из кадров мелькнули проржавевшие, сосульками покрытые, старинные ракеты – такими сбили Пауэрса в 1961 году. Спросить бы у командования округа, пострадает ли наша обороноспособность, если эти ракеты перестанут нести боевое дежурство. Наверняка ведь есть другой, более современный шит над Удмуртией и сопредельными регионами. Успокоить бы народ, а не вгонять в панику. Есть среди принципов социальной ответственности журналиста такой: **переводить конфликт в план дискуссии.** Не умеем. Не привыкли. Правда, дескать, одна, и мы – ее носители.

Про 54 семьи в лесу мог быть особый разговор. Не в лесу ведь – в домах. Есть опыт использования бывших военных баз для других целей, коллеги из Красноярска присылали передачу об этом

на ТЭФИ. **Передовой социальный опыт** – благодатнейшее поле деятельности для нас. Найти, поддержать, всем рассказать, научить – вот и будет от нашей работы польза России. Проще всего подхватить заунывно: беда пришла, отворяй ворота.

В Свияжске закрыли психушку. ТВ Зеленодольска сделало передачу «Страдающий остров», с экскурсом в прошлое. Остров отнюдь не страдал, пока там был лагерь ГУЛАГа. Потом психушка – тоже хорошо. Теперь закрыли, персоналу нечем заняться. Что предлагает ТВ? Может, опять зэков на остров пригнать, диссидентов в психушку посадить? А ничего не предлагает. Мы теперь не пропагандисты и организаторы. Мы – бесстрастные информаторы.

Жизнь российская и региональное ТВ открывают порой такое, что и впрямь ахнешь от изумления. В Оренбургских степях население долго и упорно разворовывает высоковольтную электролинию. Она бездействует, энергосвязь с соседним Казахстаном более не нужна. За километр провода можно купить двое «Жигулей». Тема! Но почему безысходной скукой веет с экрана? Вместо своего остроумного исследования журналисты Оренбурга ставят микрофон перед косноязычными чиновниками. Они думают, что ТВ изобретено именно для этого. Они не знают, что можно, например, самим «украсть» – перед телекамерой – бухту провода, срезать прямо с опоры, и с этим проводом поехать потом к чиновникам. Ежели не нужна линия – пусть официально ее разберут. А еще можно бы показать в тюремной камере настоящих злоумышленников – если они пойманы. И те «Жигули», что куплены на шальные деньги. И много чего можно придумать, если владеть профессией. Вместо этого гостелевидение Оренбурга выдает унылую передачу с названием «Тупик». Да какой же тут тупик, тут простор для творчества! Столько возможных точек зрения на проблему!

Недоисследованность, «недожурналистику» мы видим, к сожалению, в очень интересной, заслужившей спецприз программе Удмуртского ТВ «Люди в низинах». Проблема страшная, новая для нашей страны. В удмуртской деревне нарастает волна самоубийств. Из жизни добровольно уходят работящие мужики в самом расцвете сил. Только в одной деревне за полгода девять таких смертей. В чем причина? Молодые вдовы плачут и не могут ничего объяснить. Журналист Кузьма Куликов выдвигает гипотезу: дело в том, что на холме по соседству возник поселок новых русских, или новых удмуртов. Коттеджи, асфальт, телефон, иномарки. И мужик, живший в среднем достатке, с тоской понимает, что ему никогда, никаким честным трудом на скудной ниве не достичь такого уровня. Слово «зависть» в передаче не произносится. Не спросил автор у молодых вдов, не посматривал ли перед смертью муж на тот холм с коттеджами, не говорил ли чего по поводу новых соседей. Не пошел журналист и к удачливым соседям. Не пошел, наконец, и к тем, кого можно считать кандидатами (простите, конечно) стать десятым – к мужикам в расцвете сил. За подтверждением своей смелой версии автор обратился... к сельским старикам. И они согласно закивали: да, ханы новые явились, да, баи. Да, наши дети батраками у них будут. Вот такая информация. Передача окончена. Вечный русский

вопрос, – что делать – остается. Два выхода налицо: брать топоры и вершить вторую октябрьскую революцию –или гасить конфликт (если он есть), придумывать общие дела для людей в низине и на пригорке, наводить мосты, знакомить друг с другом... Может, на пригорке вовсе не жулики городские, а те же физики с учителями, что ладят дома в нижегородской прекрасной передаче «Дом, который построил я»?

В наших журналистских традициях – реальная помощь людям. Не ставят такой задачи очень многие современные телеавторы. Скажем, дорогого стоит разговор в Приморье на сельской улочке с пацанами, у кого родители или сидят, или умерли. И – опять остается вопрос: «что делать?». Журналист Т. Шеметова ответа не предлагает.

Такая же милая журналистка брала интервью у меня. Она приехала из Самары к знаменитому земляку Сысуеву и прямо из Белого дома заглянула ко мне на кафедру. Говорит, что вместе с оператором должна посетить всех самарских телевизионщиков, осевших в Москве, таких человек двадцать набирается. Юбилей студии – 40 лет. Мне, конечно, лестно. Нашли уголок поуютнее, оператор расчехлил камеру, дама взяла микрофон. Я, говорит, не знаю, когда вы работали у нас в Самаре, и какие передачи вели, вы уж сами расскажите... Рассказал. Добавил, что завидую нынешним самарским журналистам. В мое время было наглухо засекречено самое интересное в Самаре, а теперь можно и про ракеты, и про бункер Сталина. Признался, что состою в жюри, и буду голосовать за призовое место для самарских передач из цикла «Моя губерния», автор Александр Князев. Хорошо работает!

Собеседница моя уважительно пояснила, что Князев нынче их начальник, председатель ГТРК, и работает с целой бригадой журналистов. Ну это уж совсем замечательно. Его команда перечислена в документах фестиваля: журналисты Оксана Сержантова, Елена Корнева, Ольга Христенко, режиссеры Светлана Мамонова, Александр Кузьмин, операторы Василий Колдашов, Владимир Гречкин. Телевидение вообще дело коллективное, не только при большевистской власти. Вспомним, как хорош был Владимир Молчанов в окружении команды (Ирина Зайцева, Алексей Денисов, Александра Ливанская) и как они поблекли, разбредясь в эфире по разным каналам и рубрикам. В Самаре есть команда, у команды есть свой стиль, на фестиваль «Вся Россия» прислано их семь передач – не случаен, стало быть, творческий поиск и успех. Жизнь колонии для малолетних преступников или бывшего «Дома-коммуны» в Чапаевске, или художников разных направлений исследуется достаточно подробно, всесторонне. Если берется тема «Цыгане» – то представлены три клана: бедный, средний и богатый.

Хороша также программа, где Князев бредет по знаменитым самарским подземельям. Тут не только бункер Сталина, но и какие-то хоромы под загородным санаторием Приволжского военного округа, и туннели под городом, и штольни в Жигулевских горах. Недаром столько внимания этим местам уделил Суворов-Резун в своих полуфантастических повестях. Одну из самых жутких тайн первым поведал своим зрителям Князев (прошу прощения, если где-

то об этом написано, но Князев ни на какие источники не ссылается). В строительстве военных подземелий участвовали солдаты из армии Паулюса, плененные под Сталинградом. Большинство здесь в Жигулях и погибло. Кого расстреливали, кого хоронили взрывом скалы... Жаль, к этому сюжету приплюсовали в передаче еще два – про француженку в русском селе и про целебный источник. Подземелий, ей-богу, хватило бы на все 30 минут, а то и на несколько серий. Если – подробнее. Скажем, неохваченным остался подземный авиазавод в Управленческом поселке, там тоже пленные немцы поработали, помогая нашим конструкторам. И – гигантское хранилище продуктов в Сокольих горах. Даже с шоссе видно, как в гору уходят железнодорожные составы. Когда я жил в Самаре, об этом говорили шепотом, а теперь можно и показать: есть порох в пороховницах. «Моя губерния» – с гордостью произносится, хоть порой и о страшных вещах рассказ.

В противоположность самарскому «бригадному методу» исследователь тайн Центрального Черноземья Александр Никонов работает один, лишь иногда приглашая оператора. Его боль, его объекты – дворянские гнезда, усадьбы, оазисы погибшей цивилизации. Тексты Никонова блестящи, чувствуется профессиональный литератор.

И Князев из Самары, и Никонов из Воронежа определили свои работы в номинацию «общественно-политическая программа», а нижегородец Юрий Немцов прислал свой «Дом, который построил я» как передачу «просветительскую». Надо, вероятно, организаторам фестиваля «Вся Россия» точнее обозначить критерии, основания разбивки телепрограмм на роды и виды, а то в номинации «информационные программы» вдруг встречаешь длинный рассказ о производстве ваты в мещерских болотах, в аналитических – обычную серию интервью о проблемах одного большого завода и его приватизации.

Если бы меня спросили, какие критерии предложил бы я для номинации «общественно-политические программы» я бы сказал так: это программы, где **ставятся и обсуждаются проблемы развития общества, затрагивающие интересы миллионов людей.** Пусть рассматривается лишь один аспект какой-либо проблемы, как в нижегородской программе о строительстве частных домов. Но – непременно с выходом на обобщения. На то она и «общественно...» – для всех нас, значит, важная.

И антиприз можно бы придумать – за извращение вышеизложенного. Я дал бы антиприз Наталье Михайловой из Братска за программу «Здравствуйте, президент». Издерганная житейскими невзгодами журналистка едет на село, к тем, кому «еще хуже». Так и показано. Вначале игровые моменты: у журналистки замок не запирается, лифт не работает, зонтик сломан и в семье проблемы. Едет она в машине к сельским жителям. Те, в общем, спокойны, но взвинченная журналистка пристает к ним с вопросом: что бы вы сказали президенту России? И «натаскивает» на ответы типа: «живем хуже некуда», «народ злой стал», «за что страдаем», «перспектив никаких», «распродали Россию, разрушили», «масла нет», «ну что это за жизнь». Протяжный вопль, на 20 минут. Вера в доброго царя, генсека, президента – это тоже наше. Пора бы самим

дом свой строить. А вопли такие кому на руку? Раньше сказали бы – международному империализму. Сейчас скажу – тем, кто хочет возврата к прошлому. В Москве символ его – колбаса по 2.20 за килограмм. В Братске, понятно, колбасы не было. С чего затосковала ведущая программы, она же режиссер и редактор Наталья Михайлова? Разрушенные деревни я видел в тех краях лет 20–30 назад. Брошенные дома с заколоченными окнами. Погубленная пожарами, полчищами насекомых, неразумными лесоразработками тайга. Не «при демократах» это все появилось.

Ох, не надо заигрывать с прошлым! Грешат этим даже молодые. Несколько передач посвящено 80-летию комсомола. Постаревшие активисты ВЛКСМ рассказывают, как было замечательно. Про обстановку всеобщего политического контроля, про карьеризм – ни слова. «В их уставе не было ничего плохого», – утверждает ведущий – он же режиссер и редактор С. Сиденко из Владивостока. Чудо-города в тайге, песни Пахмутовой... Опять одномерность, опять отсутствие взгляда «с другой стороны». Из Салехарда прислали программу «Престижная профессия» – о чекистах. Что они нынче делают в сибирских болотах – не раскрывают. Тайна. Зато вдоволь о «светлом прошлом». 80-летию революции посвятили передачу питерцы, 5-й канал. Они не согласны с переименованием праздника в «День согласия и примирения». Не может быть, говорят, согласия палача и жертвы. Причем имеются в виду не чекисты и расстрелянные, а ... нынешняя власть и народ. Даже г-н Зюганов, приглашенный в передачу, урезонил авторов: нельзя слишком круто менять курс, вон в 17-м слишком резко повернули, надо извлекать уроки. Зюганов – за мир в обществе, он против того, чтобы слишком раскачивать лодку. Что ж неймется автору, редактору, ведущему из Питера Иннокентию Иванову?

Такие передачи не то что премировать – их в эфир нельзя выпускать. К цензуре, скажете, член жюри призывает? Нет, к здравому смыслу. К нормальной **редакционной политике,** если уж беретесь за номинацию «общественно-политическая».

Первейшее дело политика – предвидеть последствия своих слов и действий, социальный эффект. В этом не сильны многие современные российские политики, им лишь бы погромче выкрикнуть что-то, чтоб запомниться. Не будем на них похожи. Не будем снижать планку требовательности к себе – пусть сегодня можно работать плохо, но это ведь, в конце концов, неинтересно. Лучшие передачи, присланные на фестиваль «Вся Россия», дают надежду на скорый приход настоящего профессионализма. В этом и цель фестиваля: в создании нормальной творческой конкуренции среди местных телестудий, ставших значительной силой в России.

в начало

НАША ЦЕЛЬ – ВСЕГО ЛИШЬ ПРИЗ...

Телевизионная теория, доложу я вам, довольно неблагодарное занятие. Вот предложили мне разложить телепродукцию по полочкам, обозначить родовые и видовые признаки. А то на одном поле играют и в футбол, и в баскетбол, и тут же художественной

гимнастикой занимаются, а судьи должны решить, кто победитель. Но они-то играют, как умеют, – то есть работают, заполняя эфирное поле. А теоретик сидит и размышляет. Как и любой другой зритель, ради которого, собственно, и стараются телеигроки. По идее – ради зрителя, не так ли?

Практики ТВ дружно восстают против каких-либо ограничений – а любая классификация, любое правило всегда в чем-то ограничивают творца. Оттого и неприязнь к теоретикам. Вот представьте ситуацию. Посреди Японского моря, на белом теплоходе в довольно душном небольшом зале сидят люди и спорят о передачах и фильмах. Так проходил телефестиваль «Человек и море», одну из творческих дискуссий довелось вести мне. Для затравки я припомнил слова, присутствовавшего тут же телеакадемика Игоря Беляева из его книжки «Спектакль без актера»: «Некоторые наши фильмы и от публицистики ушли, и к искусству не пришли». Свежих примеров из фестивальных картин, просмотренных тут же на теплоходе, – сколько угодно.

Стояла, скажем, московская дама под зонтиком на главной улице Токио и задавала вопросы: какие у вас проблемы, сколько у вас детей? Японцы в ответ вежливо улыбались. Дама попала в Японию явно случайно, не успев прочитать про эту страну ровно ничего. «Но и зритель ничего не знает», – оправдываются такие авторы. И вновь отправляются на спонсорские деньги в дальние края. Сделали, например, цикл «Неизвестные реки России» – Обь, Енисей и Амур. В том смысле, что дамам эти реки были неизвестны, а теперь они кое-что о них узнали и зрителям показали. Так делается сегодняшнее ТВ. Никто ни к чему не призывает – публицистика не в моде, да и куда звать, если все заблудились? Вот и текут картинки, и произносится нечто философское: мол, жизнь, как река, а река, как жизнь, все течет в одну сторону.

Впору открыть номинацию «путевой очерк» и дать главный приз Дмитрию Крылову с его «Непутевыми заметками». Нам дают поглядеть, что творится за горами, за морями – и на том спасибо, что вырвались за пределы коридоров власти. Кто талантливее видит – вот в чем надо бы состязаться. Невежественные вопросы плохо уживаются с философскими притязаниями...

– А кто сказал, что в искусстве должны быть какие-то границы? Художник вправе творить по своим законам! – прервал мою критику один из слушателей. Ну что же, давайте все дружно запишемся в Художники. Ежели «взгляд и нечто» – ты художник. А ежели сообщаешь некие сведения, говоришь с героями «по делу» – это всего лишь информация.

Академик Беляев полагает (и справедливо), что телевидение должны делать Художник, Публицист и Хроникер. Все трое нужны! Я бы добавил к этой троице еще мастера развлечений, некоего Скомороха. Главное, чтобы зрителю с самого начала было ясно, кто предстал перед ним на сей раз. А то смотришь картину – и непонятно, кто и зачем ее снимал, и зачем на нее тратить время. **Стилевое единство** должно присутствовать всякий раз.

На конкурсах ТЭФИ в одну номинацию сводят несопоставимые вещи. Скажем, дама, читающая по суфлеру, соперничала с другой, претендовавшей на духовное наставление

россиян, и еще с джентльменом, берущим интервью у московского начальства. Вот уж точно –футбол, баскетбол и гимнастика на одном поле. На мой взгляд, каждая номинация должна бы в первую очередь определяться четкой **цель**ю той или иной экранной работы.

Цель Хроникера благородна и понятна – предъявить нам факты, сделать это ярко, доступно, обстоятельно, ничего важного не упустить и не вдаваться в собственные размышления. Хроника – это не только новости, это может быть и большой фильм. Факты и только факты, а вывод зритель сделает сам.

Цель Художника – эмоциональное впечатление через художественный образ. Пусть спорят члены жюри, есть он в конкретной работе или его нет. Образ – штука тонкая.

И, наконец, нелюбимые нынче Публицисты. Их передачи по целям (или функциям) можно различать так:

– политико-аналитические («Итоги», «Зеркало» и др.);

– культурно-просветительские (при всем различии творческих методов сюда относятся и «Старая квартира», и программы Э. Радзинского);

– проблемные, исследовательские (по западной терминологии – «инвестигейторские», у нас их практически нет, ибо дело это дорогое и опасное).

В особую категорию можно выделить программы о персоналиях (фильм Би-би-си о возвращении Солженицына, цикл А. Карпова о первых лицах разных стран, «Обыкновенный президент» Ю. Хащеватского и даже простые портретные интервью А. Караулова; лучшими образцами считаю «Портреты на фоне» Л. Парфенова и «Лешкин луг» А. Погребного). Через всесторонний показ значительной личности реализуются все мыслимые функции ТВ – от информационной до интегративной, объединительной, превращающей мир (по М. Маклюэну) в «глобальную деревню», живущую одними интересами и переживаниями. Что может лучше сблизить людей, чем общий интерес к одному из них, к его семье?

Некоторые социологи в своих анкетах пытаются ввести такую категорию передач, как «рекламные», относя туда и «Смак» А. Макаревича, и те же «Непутевые заметки» Д. Крылова. Надо признать: элементы рекламы присутствуют почти повсеместно, не только в «Итогах» и «Времени». Даже в последней серии питерской «Контрольной для взрослых» подросшие дети задавали вопросы известному бизнесмену Березовскому. Словно только для этого и росли. Но если мы возьмем главную, основную, определяющую функцию (чем ценна программа зрителям, во имя чего мы смотрим ее – ведь не для того, чтоб кто-то заработал деньги), то «Смак» вместе с «Непутевыми заметками» и «Контрольной для взрослых» пойдут у нас по категории культурно-просветительских публицистических программ.

Телевизионный Скоморох резвится в основном в конкурсах, в различных ток-шоу. Но и то, и другое может нести также познавательную, культурно-просветительскую функцию. Было бы, мне кажется, ошибкой ставить во главу угла жанр передачи. Тем более, что жанр легко спутать на ТВ с методом. Рассмотрим это на примере «самых телевизионных» передач – репортажа и интервью.

Для Хроникера репортаж о событии – основной жанр, он же метод. Действие репортажа диктуется логикой события.

Для Публициста репортаж о том же событии – повод для анализа проблемы, для рассуждений, почему оно произошло и каковы будут последствия. Репортаж публициста оснащен массой подробностей, образных деталей, сравнений, иногда вводится старая хроника, документы.

Художнику то же событие может послужить поводом для лирических воспоминаний, для показа одного из участников. Репортажные «куски» входят в фильм-очерк не по хронологии, а по авторской логике.

В этих трех случаях совершенно различен стиль операторской работы, монтажа и стиль текста. Лирические отступления так же противопоказаны Хроникеру, как штампованные телеграфные строчки Художнику.

Та же картина и с интервью. Сказать просто «интервью» – значит, ничего не сказать.

Интервью в хронике – это способ узнать факт или мнение.

Интервью в публицистике – один из методов исследования проблем.

Интервью в художественной программе – это раскрытие характера.

Конечно, характер приоткрывается даже в уличном интервью-мнении, но мы говорим о глубине, о главной цели вопрошателя-журналиста. В развлекательных программах тоже встречается интервью как повод посмеяться, репортаж «спроектированной ситуации», выставляющий кого-либо на смех. И футбол, и прилет делегации – все репортаж. Нет, ни жанр, ни метод не годятся для классификационной основы телепрограмм. Основная **цель** авторов приводит их к избранию определенных **методов** и выразительных **решений** – того, что называется **стилевым единством.** Только тогда появляется произведение, которое можно поставить в определенный ряд, классифицировать. Такова человеческая, зрительская психика: необходим определенный камертон, чтобы настроиться на волну автора, понять, кто он таков и чего от нас хочет.

... На борту «Михаила Шолохова» мне припомнился эпизод из рассказов Михаила Ромма о Сергее Эйзенштейне. «Стилевое единство есть единственный критерий искусства», – заявил Эйзенштейн на обсуждении фильма «Аршин мал алан». Вся комиссия посчитала, что фильм посредственный, но Сергей Михайлович нашел в нем стилевое единство. Это, говорит, четко выдержанный стиль парижской порнографической открытки, правда, в бакинском издании.

– Нам в провинции некогда думать о жанрах, стилях и функциях, нам работать надо, цель у нас одна – деньги делать, – сказал в ответ один сибирский телемагнат. На этом творческая дискуссия закончилась.

В России открывают вещание десятки новых телекомпаний, в нашу профессию приходят сотни новых людей, имеющих самое разное образование и различные представления о своей роли на экране, о творческих задачах и методах их решения. Поэтому оправдано появление «школ для взрослых людей» – Нины Зверевой в Нижнем Новгороде, Игоря Шадхана в Санкт-Петербурге, Владимира Познера в Москве. Молодые журналисты, по их признанию, получают в этих школах представление не только о том, «что такое хорошо и что такое плохо». У них меняется сам подход к работе, философия профессии.

А как быть с опытными журналистами, с теми, кому в школу поступать поздновато, да и несолидно? С теми, кого на местах считают асами эфира? В каждом городе, в каждой телекомпании есть такой «репортер № 1». Со своим почерком. Со своими штампами. С гордыней, конечно. Таким людям тоже необходима творческая учеба. Когда-то в Институт повышения квалификации всех посылали по разнарядке. И попадал такой «№ 1» в группу, набранную из совсем других людей, в кадр не рвущихся, озабоченных больше московскими магазинами, нежели профессиональным ростом.

Между тем еще в середине 60-х годов кому-то пришла в голову счастливая мысль: собирать раз в год лучших «телеперсонажей» местного эфира на турниры репортерской чести. Чтобы каждый сделал по одному репортажу, показал себя в деле, без ссылок на осторожное начальство. И разбирались бы эти репортажи «по гамбургскому счету». В Гамбург, если кто не знает, съезжались когда-то раз в год цирковые борцы, чтобы без зрителей выяснить, кто из них на самом деле сильнее других. В нашем случае надо было говорить не о гамбургском, а о таллинском счете: встречи честолюбивых и гордых «номеров один», корифеев местных студий происходили в Таллине и назывались СЕМПОРЕ, то бишь семинары по репортажу. Всякий раз приезжало по двадцать участников, и примерно столько же бывало научно-творческой «обслуги» – социологов, психологов, лекторов по истории документального кино. Репортеров «гоняли» по тестам, как космонавтов перед полетом. Интеллектуальный коэффициент, эмоциональная подвижность, траты организма в эфире, устойчивость к стрессам – каждый получал свой, так сказать, портрет. И про русский язык, конечно же, выдавалось нелицеприятно специалистами по стилистике. И реакция аудитории фиксировалась в виде кривых вертикальных линий рядом со столбиком текста. Реакция простых людей и реакция специалистов. Увы, кривые не совпадали: масса хотела не совсем того, что нравилось «элите».

«Первые номера», «короли репортажа», частенько возмущались, они не привыкли быть объектами критики. Но потом признавали: да, хорошего ежа запустили нам под череп! Харьковчанин Самарий Зеликин, петербуржец Виталий Вишневский, уралочка Элла Эркомайшвили, Нинель Касьянова из Минска, Борис Максименко из Владивостока, волжанин Андрей Богданов, да и автор этих строк причисляли себя к одной профессиональной школе – школе СЕМПОРЕ. «Семинаристы», наши люди, были во всех союзных республиках, переписывались,

следили за выходами друг друга во всесоюзный эфир. Мы делали то, что позже стало называться «спецрепортажами», – не событий ные, а «тематические» или «проблемные» репортажи по 5–8 минут. Поводом служило чаще всего само появление репортера на объекте и нестандартный взгляд на вещи.

В учебных репортажах, в Таллине, мы воровали кирпич со стройки (под скрытой камерой) и общались с трубочистами, вели опросы на улицах и в кабинетах первых лиц, показывали, как делают пиво и экскаваторы, посещали детский приют и кафе. В обсуждении этих репортажей складывался тот неписаный кодекс, свод норм, принципов и правил, которого сейчас так не хватает «спецрепортерам».

Возродить бы такие семинары-турниры! Пригласить на них, для начала, тех людей, чьи работы присылались на конкурсы «ТЭФИ» и «Вся Россия». Разобрать эти работы в своем кругу, опять же «по гамбургскому счету». Ведь главное – понять, кто ты есть, что ты умеешь, какова та мера личности, которую надо нести на экран. А то одна, как Гюльчатай, боится личико показать, другой унылостью и значительностью показывает, что не развлекаться вышел... Наставники мы нашим зрителям? Друзья? Посланцы на объектах? Или просто деньги да популярность зарабатываем? Спорили об этом тридцать лет назад – да не доспорили. Пусть новое поколение продолжает.

Организаторами СЕМПОРЕ были Союз журналистов, Союз кинематографистов и Гостелерадио. Сейчас у нас есть не менее авторитетные Фонд развития телевидения, Ассоциация региональных телекомпаний и т.д. и т.п. На фестивалях и смотрах, честно признаемся, слишком мало времени для творческих дискуссий и мастер-классов. Докопаться до философии профессии – не два часа нужно, а две недели с утра до вечера – как бывало у нас в Таллине во время белых ночей. Последняя неделя мая и первая неделя июня. Заключительным аккордом каждого дня был просмотр одного из шедевров документальной киноклассики. Однажды пожаловал к нам патриарх французского кино Рене Клер, в другой раз документалисты из Германии, Латинской Америки. Заряда идей хватало на целый год. В своем, местном эфире старались работать, как на СЕМПОРЕ – в противостоянии начальству, лени, косности, – чтоб не стыдно было перед собратьями-репортерами, ведь они где-то у себя тоже помнили о каждом из нас, незримо поддерживая друг друга.

в начало

РЕТРО НА ПУТИ К БУДУЩЕМУ

Как встретишь Новый год – так его и проведешь. ТВ всех каналов развлекало нас в новогоднюю ночь старыми песнями в исполнении новых певцов. Вроде и усмешливо, и ностальгически.

– Ретрокультура в такой же степени наша, как мы дети и внуки своих отцов и дедов. Надоело делить культуру на поколения, – заявили авторы зрелища.

Дмитрий Крылов в новогоднем «Телескопе», намекая на второе пришествие коммунистов, советовал изучать опыт Гостелерадио.

Продолжая в том же духе, посмотрим, как возвращаются мотивы и приемы ретро в нашу телевизионную журналистику.

Александр Политковский закрыл свое «Политбюро» на канале ОРТ, достал прежнюю клетчатую кепочку и отправился репортерствовать в глубинку для «ТВ-6». Возврат к самому себе, к естественному амплуа можно только приветствовать.

На канале РТР с блеском возродил старый метод «спровоцированной ситуации» воронежский журналист Владимир Герчиков. Два черно-белых телевизора местного завода стали яблоком раздора среди деревенских старушек. Кто спел, станцевал – тому телевизор. Кто поленился – теперь ворчит, завидует, злится.

Больше других ностальгические ассоциации рождают передачи телерадиокомпании "Мир", идущие по каналу ОРТ.

Прежде всего, потому, что напоминают о тех связях, которые были у нас с Алма-Атой и Кишиневом, с Ташкентом и Ереваном – летишь куда хочешь, и везде ты как дома.

Может быть, передачи «Мира» имеют вполне определенный, в чем-то консервативный характер потому, что с самого начала компания ввела для своих сотрудников этический кодекс, некие ограничения:

«При любом плюрализме мнений и свободе слова общество обязано защищать себя от разрушительных воздействий. Не так-то просто уравновесить противоречивые умонастроения... при том, чтобы не лавировать, не подстраиваться, не утаивать в угоду тем или иным правительствам те или иные факты. «Мир» – место равноудаленное от вершин власти и честолюбия».

Рано или поздно этические кодексы придется принимать всем телерадиовешателям. Мне кажется, есть смысл подробнее посмотреть, к чему ведут самоограничения творческого пространства на примере передач «Мира» – как прошедших в эфир, так и не допущенных к эфиру.

Первой строкой в редакционных планах ТВ лет двадцать назад стояли эпические полотна типа «От съезда к съезду» или «Республика рапортует». Выступление первого лица, кое-что об экономике... Нет, не кое-что, а непременно достижения. Новостройки пятилетки, соревнование в промышленности, борьба за высокий урожай на селе. И под занавес немного о культуре. Отчего это сегодня вспомнился самый помпезный, навсегда и без сожаления похороненный жанр? А оттого, что просмотрел я две большие передачи «Мира»: «Беларусь сегодня» и «День республики Казахстан». И понял: жанр обозрения не виноват, если не превращать его в похвальбу и показуху. И даже выступление первого лица может содержать некий «момент истины». Для меня, например, откровением прозвучали слова президента Назарбаева:

– Наконец, я должен выразиться более определенно. Создавать национальную буржуазию – я имею в виду казахстанскую – надо приступить самым настоящим образом: полным протекционизмом и полной поддержкой. И хватит стесняться в выражениях.

Никогда от постсоветских политиков я не слышал столь определенно сформулированной задачи. Что-то плетем о «рыночной экономике», а «буржуазию» по-прежнему воспринимаем как ругательство. Анекдотики рассказываем про «новых русских». В Казахстане же, оказывается, строят капитализм «самым настоящим образом» – с буржуями, то есть, простите, с уважаемой буржуазией, просвещенными и богатыми людьми. Назарбаев так развивает свой тезис:

– Я надеюсь только на будущую национальную буржуазию, которая прежде всего будет думать об интересах этого государства. Надеюсь, им не безразлично, что надо поделиться сегодня, когда трудно, с бедными. Надеюсь, поймут, что в этих условиях мы должны срезать большие доходы, чтобы не возмущался народ, чтобы мы продвигали реформы. И они не будут хапать, как дальнее зарубежье и ближнее, те, которые хотят только использовать дешевую рабочую силу, вывезти сырье, нажиться. Они будут надолго капитально работать, поэтому мы должны полностью повернуться к частным структурам в Казахстане и сделать все, что мы можем в этих трудных условиях. Вас это устраивает?

Президент обращался как раз к молодой буржуазии, которую мы затем смогли рассмотреть более подробно. Сюжеты телеобозрения посвящались людям, на которых надеется Назарбаев. К концу передачи возникло ощущение, что его надежды не беспочвенны. Нагляднее всего вышла новелла о руководителе стройтреста, ныне акционерного общества. Что делают остальные в своих холдингах и лизингах – не знаю, они ведут беседы с корреспондентом, не выходя из-за письменных столов, однако впечатление благоприятное: умные лица, хороший русский язык, здравые мысли. К примеру: лишь бы люди не уезжали, на этой территории нужно большое население, чтобы ее освоить как следует. Имеем 16 миллионов, нужно бы 50–60. Сначала мы, – казахстанцы, а потом уже казахи, русские, немцы, евреи, не всеми это осознается, к сожалению.

Кстати, в одном из коттеджей, построенных героем передачи, то есть представителем буржуазии, справляет новоселье русская семья. А коттеджи тянутся аж за горизонт. А герой посещает стройку 12-этажного дома, монолитного, значит, надо бетон подавать круглые сутки. Ей-богу, стройка эта на экране показалась мне ближе и роднее, чем тусовки и презентации. В Москве по поводу строек принято только ворчать: мол, все разрыли, не проехать, лучше бы по десятке к празднику раздали. В Москве не принято показывать Москву на экране. Как-то стесняются: всюду реклама, витрины, новые особняки. Буржуазия! Не показали, а было бы любопытно, как «ограбленное антинародным режимом население» тащит с бывшей ВДНХ телевизоры, видеомагнитофоны, микроволновые печи, как их продают с грузовиков, словно картошку.

Вот и в белорусском обозрении не поймешь, капитализм там строят или социализм, у населения денег не хватает «семью кормить», как сказала одна гражданка на улице, или микроволновку купить. Вроде бы, все в передаче присутствует – и новое

производство инсулина, и нищий музыкант, приехавший с Украины, и школьники, пишущие сочинение, и предсовмина с рассуждениями об «управляемой инфляции», и даже социологические данные – а понять решительно ничего невозможно. Ну, как бы вы ответили на такой, к примеру, вопрос:

С каким из суждений вы более согласны? (так в титрах).

– *Правительство отвечает за благополучие своих граждан и их уровень жизни – 77%.*

– *Люди сами отвечают за свое благополучие и сами решают свои проблемы – 23%.*

Правительство в самом деле отвечает? Тогда 77% – высокая оценка его деятельности. Но, скорее всего, это суждение о том, что правительство по идее должно бы отвечать за граждан. Во всяком случае, мне кажется, опрашиваемые не совсем поняли, чего от них хотят. О зрителях я уж не говорю.

О чем мы спрашиваем приезжего из бывшей братской республики в первую очередь? Об уровне жизни. Прежде, в СССР, одним из «секретов» было то обстоятельство, что белорусы, скажем, живут лучше, чем русские в Поволжье. На Минском тракторном заводе возле проходной не было объявлений «требуются рабочие», на заводской территории действовали, кроме столовых, шашлычная и блинная, а в восемь утра после ночной смены мы со сталеваром Долгопятом выпили, едва выйдя за проходную, по стакану сухого вина. Завершая съемки в девять вечера, заехали в магазин, где можно было купить не только любые продукты, но и предметы быта – от сервиза до электролампочки. Это было в СССР, но рассказывать об этом, чтоб не волновать Поволжье, мы не могли. Может, и сейчас белорусы что-то скрывают от нас, не хотят обижать?

Откровенные разговоры всегда оставались за кадром.

– Черт возьми, когда же у нас в России можно будет в десять вечера купить сервиз и выпить пива! – воскликнул я, потрясенный магазинным великолепием белорусского городка Борисова в середине 80-х годов.

– А никогда, – меланхолически откликнулся белорусский звукооператор.

– Но почему?

– Вас в России слишком много, вот порядка и нет.

Если теперь белорусы хотят с нами воссоединяться, – значит... Что это значит? Передача «Беларусь сегодня» ответа не дает.

Что же Россия показывает на экране «Мира»? Вначале – о «крамольной» передаче, которую в эфир не выпустили.

Сразу скажу – жаль, что не выпустили. Жаль, пропала череда редких по душевной открытости экранных портретов. Перемонтировать бы, расставить акценты. Но автор и режиссер Ратмир Луценко как-либо корректировать свою работу не захотел.

Что же, по его мнению, должны были узнать о России в узбекских кишлаках и в тех же уютных городках Белоруссии?

Мы видим автора, спешащего на поезд. Он едет в Вологду. А там ждет его белая «Волга-31». И на этой машине он, молодой и красивый, в белоснежных брюках, неожиданно появляется перед сельскими ребятишками и пытается заговорить с вологжанами.

Поначалу ему не рады, но постепенно скованность исчезает. Ратмир шутит, заставляет людей включиться в игру. Дает, к примеру старушке микрофон: вроде бы не он корреспондент, а она.

– Вы какую телекомпанию представляете?

– Нет у нас никакой компании.

– Как этот поселок называется?

– Наша деревня? Сущево.

– Так и говорите: Сущевское телевидение. Вопросы задавайте, что вы хотели бы от меня узнать.

И тут деревенская жительница блестяще включается в игру, но только на несколько секунд:

– Расскажите, вы-то хорошо, наверно, живете. Да и мы ничего живем, чего обижаться-то больно-то, пенсии хватает на хлеб и молоко.

Снова проезды на машине, а между ними – теперь уже трагические рассказы. О любви к погибшему полвека назад мужу. О том, как человек отсидел ни за что десять лет. Как соседка повесилась. Как дети сгорели заживо. Как пьет и не ночует дома дочь-школьница. Единственные счастливые люди – армянин Овик, прижившийся на вологодчине, и пятнадцатилетняя Жанна, зарабатывающая тем, что раскачивает кабины качелей в городском парке. Она хочет учиться на следователя, потому что жалко тех ребят, которые ни за что сидят.

Все это чистое золото правды. Рассказы волнуют. Это не случайные встречи. По-видимому, отбор героев провели помощники-вологжане, которых автор благодарит в конце, в титрах. Тогда зачем изображать из себя этакого заезжего пижона, который даже не знает, в какой деревне находится? Ведь выходит, что трагедии у нас на каждом шагу. Куда ни поедешь –ничего, кроме трагедий.

Тоже ведь получилось обозрение. И если честно обозначить принцип отбора героев для съемки, если вместо пижонства задуматься и осмыслить людские судьбы – весьма незаурядная вышла бы передача. А так – лишний аргумент моему белорусскому звуковику: вас, мол, там слишком много, и никогда у вас ничего путного не будет.

Передача называлась «Вологодские переезды» из цикла «Не ждали». Изначально неверный посыл. Ждали, ждут и надеются на сочувствие и соучастие. Теперь такого цикла, похоже, не будет. Пожертвовать своим легким стилем автор не захотел, побоялся упреков в старомодном реализме. Быть серьезным теперь на ТВ стыдно. «Публицист» звучит как ругательство. «Публицистика» – синоним занудного морализаторства. И вот задумчивый Ратмир в белых штанах, по-есенински перекинув пиджак через плечо, проходит мимо золотистых скирд, мимо людских судеб.

Другая передача из российской глубинки, в отличие от предыдущей, вышла в эфир, хотя тоже явно требовала тактичного редакторского вмешательства. Интеллигентных авторов, а вернее, посланцев богемы, пробующих себя на ТВ, поначалу смущает требование простоты, даже примитивности в построении очерка, репортажа, эссе. Все должно быть понятно с первого раза, ибо он же и последний! Автор этих строк, в отличие от случайного зрителя в

ауле, специально уселся к телевизору для восприятия передачи Е. Дюрич о переселенцах в Борисоглебске. И только на 15-й минуте начал понимать, о чем, собственно, речь.

Слишком просто было бы для Е. Дюрич выйти перед камерой и сказать с самого начала: я приехала в Борисоглебск потому, что здесь укореняются, надеясь обрести родину, русские переселенцы из Средней Азии. В большинстве не привыкшие к сельскому труду люди городских профессий. Местные власти надеются, что они поднимут духовный потенциал города... Нет, это было бы слишком просто. Репортер начинает с опроса прохожих – какая же теперь передача без опроса? И странно звучит ее вопрос: ну как переселенцы, жить не мешают? Выяснила: не мешают. И пошла в швейную мастерскую, чтобы поделиться со зрителями своими школьными воспоминаниями о снах Веры Павловны. Зритель чешет в затылке: что, какая-то Вера Павловна в Борисоглебск переехала?

Словечка не вымолвит в простоте! И это та самая Е. Дюрич, замечательный репортаж которой из выставочных залов я отмечал в «Журналисте». Выходит, говорить о жизни сложнее, чем о ее отражении на полотнах. Судьбы переселенцев в Борисоглебске требовали серьезного подхода, как и судьбы вологжан в предыдущем примере.

Лучше всех среди авторов «Мира» показывает российскую глубинку Сергей Логинов. Он ведет свои теленаблюдения в районе города Рыбинска. Его камера не попрыгунчиком скачет по округе, а поселяется прочно: в библиотеке, в клубе, в доме старой женщины, пекущей хлеб, и молодого предпринимателя. Камера Логинова позволяет нам наблюдать настоящую народную жизнь.

Если вспомнить, что Сергей получал когда-то призы на всесоюзных фестивалях за телевизионные фильмы о героях соцтруда и о бригадном подряде на Калужском турбинном заводе – можно смело записывать и его, и меня в ретрограды.

Как и Герчиков в Воронеже, он тоже использует «спровоцированные ситуации». Логинов делает своими соучастниками жителей Рыбинска. Молодая соседка дотошно расспрашивает старую, как она хлеб печет, а та и рада показать, рассказать. Красивая библиотекарша расспрашивает о житье-бытье постоянных читателей, они, похоже, и не подозревают о телекамере. А в клубе устраивают конкурс телевизионных ведущих – это ли не повод узнать их вкусы, запросы, духовный кругозор! Конечно, их кумиры – Демидов из «Музобоза» и Пельш, конечно, они путают Пушкина с Лермонтовым. Но каждый день идет на работу и участливо общается с читателями красивая библиотекарша, и родниковой чистоты мелодии рождаются у местного композитора, и приглашают ансамбль в Америку, а предприниматель, разукрасивший округу деревянными скульптурами, выпускает отличную мебель и рассказывает байку по мотивам Льва Толстого. Как убрал один мужик сено, а другой поленился, и сгнило оно. У первого дом – полная чаша, второй думает: надо брать топор, идти отнимать, а то с голоду помру. Такая вот революционная ситуация.

Скажете – не модно: пропаганда передового опыта, лениться не надо... Что это – новая информация? Из уст рыбинского предпринимателя, смею утверждать – новая. Конкретная и полезная.

Да, Логинов делает то, что делал и десять лет назад. Стал шире, раскованнее. Основы мастерства – прежние.

А вот запрещенная когда-то к эфиру кассета. О Чечне. В первый раз съемочная группа «Мира» побывала там в 1993 году, во второй – в 1995-м. Праздничная демонстрация по поводу годовщины независимости – и руины того же Грозного. Вот интеллигенция наслаждается звуками классической музыки под сводами прекрасного здания. Вот руины этого здания. Монтажные стыки сделаны мастерски: картины мирной жизни словно бы вспыхивают огнем, красный цвет заливает экран. Невольно вспоминаешь подобный прием в фильмах о мирной жизни советских людей до 22 июня 1941 года где-нибудь в Киеве. «Вероломное» нападение – пламя, кровь, варварство, разрушения, оккупация. Так и здесь. В 93-м свадьбы, в 95-м - смерть.

Запоминается молодой человек из числа беженцев, живущих в железнодорожных вагонах. Он мечтает о том, чтобы на нашу планету напал кто-нибудь из Космоса. Тогда земляне сплотились бы, забыв, кто чеченец, а кто русский. Чеченский имам играет на гитаре, поет песню Окуджавы и рассуждает, что Аллах един, лишь пророки на Земле были разные, Мохаммед, а до него Исса. Авторы фильма выходят к концу на вечную проблему: граница меж Добром и Злом проходит не по карте, а по нашим сердцам. Мне кажется, с этой мыслью надо было**приступать** к съемкам.

Тогда фильм можно было бы показать в эфире немедленно.

А пока эти художественные наблюдения, будь они показаны, подлили бы масла в огонь кавказской войны. Источник Зла указан однозначно – это Москва. Кроме прочего, такой подход противоречит этическим принципам телекомпании «Мир». Приведу еще одну цитату.

«Основной принцип – объемный, многомерный подход к каждому факту, событию, явлению. При подготовке передач следует учитывать: а) интересы данного объекта (предприятия, города, народа); б) интересы его партнеров по данной конкретной ситуации (других предприятий, городов, государств); в) интересы некоей общей структуры (отрасли, конгломерата народов, содружества стран); г) интересы и законы здравого смысла. Передачи строятся на принципе диалога, конечная цель которого – поиск конструктивного решения».

Если бы авторы поставили задачу найти границы Добра и Зла в чеченской войне и вспомнили бы, почитав кое-что перед выездом, предысторию нынешних военных действий, им, как ни жалко, пришлось бы отказаться от эффектного противопоставления «мирного» 93-го и военного 95-го. Ведь в то самое время, когда они снимали свадьбы и концерты, в Чечне происходило и другое. Например, регулярное разграбление поездов. Нападали на поездные бригады, уносили из вагонов все вплоть до цемента и металла. Целые селения жили этим промыслом. А Москва посылала тогда не карательные экспедиции (оцепление – обыск – арест воров). Москва посылала новые поезда. Грабится десятый поезд, сотый – посылали еще и еще. А истории с «отмыванием» сомнительных денег, с «чеченскими авизо», с нападениями на автобусы в Минводах! Все

это осталось за кадром в этнографическом показе 1993 года – едва ли правильной точке отсчета.

Судя по репликам на улицах, режим Дудаева был хорош для всех, даже для русских. Воплощение Добра. А Зло – вот оно: мордастый десантник на броне возмущается, что у чеченцев дома двухэтажные, а в домах ковры, возле домов иномарки. Другой говорит: чеченцы не поддаются перевоспитанию, даже дети берут оружие и стреляют.

– Надо всех чеченцев уничтожить? – уточняет корреспондент.

– Так точно! – подтверждает военный собеседник.

Не стоило уходить сразу от темы чеченского «богатства». Не за счет ли нищих российских деревень оно возникло? Да, но не чеченцы тут причиной, а «ленинская национальная политика», отдававшая приоритет «прежде угнетаемым нациям». Разъяснить бы это – но авторы не ставили такой задачи. Они вроде бы объективны. Наше дело показать, а вы разбирайтесь.

Прочеченская ориентация многих российских журналистов в кампании 95 года была понятна и объяснима, и даже благородна – но до известного предела. Любой первокурсник МГУ мечтал побывать в гостях у Басаева, а третьекурсники уже там были. Басаев имел возможность сказать все, что хотел, и во «Взгляде» Любимова, и на канале НТВ у Елены Масюк. Есть, однако, доля справедливости в упреках ретроградов: брать интервью в штабе Масхадова – все равно, что приехать с микрофоном в бункер Гитлера в 1942 году. Когда слушаешь проникновенного Басаева, забываешь, что он зверски угробил сотню жителей Буденновска. Таких же воинов с зеленой лентой на лбу –«свобода или смерть» – полно в не вышедшем на экраны фильме «Мира». И не надо было предоставлять им слово.

В советские времена всякий факт подавался как частный случай чего-то большого и важного. Меж тем в остальном мире правило подачи информации как раз противоположное: от частного – к общему! Это соответствует характеру предметного восприятия мира обыкновенным человеком. Но репортеры «Спектра» (информационных выпусков «Мира») трудятся по старинке. Поначалу порассуждают о том, о сем, и лишь потом дают факты.

– Итак, наш первый репортаж. Его тема не теряет актуальности вот уже шесть лет. Его с нетерпением ждут журналисты, а еще больше жители республики. Ждут с извечным вопросом: быть или не быть? То, о чем так долго говорили в Армении, свершилось. Атомная электростанция родилась во второй раз.

А надо было сказать: после шестилетнего перерыва вновь пущена Армянская АЭС. Слишком просто? Вот и хорошо. Все понятно.

Уже после сообщения факта, на кадрах пуска АЭС, следовало бы пояснить, о чем же спорили шесть лет, почему сидели без энергии. На протяжении этих лет все репортажи из Армении подчеркивали: нет света, нет газа, нет овощей, ничего нет, сидим и бедствуем. В кадре непременно присутствовала свеча. Даже если съемка днем – зашторивали окна и зажигали свечу. И вот серия

репортажей, свидетельствующая: армяне взялись за дело, привычка «бить на жалость» преодолена. Открывают церковь, открывают кинотеатр, придумали смешивать уголь с торфом и топить этой смесью печки. Даже лебедей вернули в пруд в центре Еревана. Такая подборка новостей внушает оптимизм.

Поддерживать разумный баланс в новостях – значит поддерживать в народе уверенность в себе, преодолевать безысходность. Положительные примеры обнадеживают: есть свет в конце туннеля, выскочим, прорвемся. Я – за такое «ретро», как положительные примеры и показ реальных достижений нашего хозяйства – народного ли, буржуазного или какое оно у нас сегодня...

Иначе возникает желание развернуться в туннеле и рвануть назад. На рождество, 7 января, по каналу ОРТ показали будни кремлевской роты. У них там есть макет мавзолейного крыльца, и они тренируются. Тянут ногу, шагая по ступенькам, сменяют друг друга под удары колоколов Спасской башни. В тексте сожаление об утраченном красивом ритуале, а съемки вроде бы сегодняшние. Намек: только прикажите, квалификацию солдаты не утратили...

Нет, не надо такого ретро. Не дай Бог. Только вперед. Не забывая старого и всегда нужного профессионального мастерства.

в начало

СПЕЦРЕПОРТАЖ

Титром «специальный репортаж» предваряется обычно самый большой, обстоятельный материал в телевизионном выпуске новостей. Иногда он приурочен к событию, иногда – к дате, а порой никакого «оперативного повода» нет – просто попал журналист в интересное место и решил показать, что увидел.

Значит, «что вижу – о том пою»? Ей-богу, напрасно некоторые смеются над этим старым восточным принципом. Если взгляд зорок, подмечает яркие детали, а рассказ талантлив, – отчего бы не сделать спецрепортаж с самого, казалось бы, примелькавшегося объекта.

Шли однажды старшекурсники нашего факультета по переходу между станциями метро. Обратили внимание на какие-то странные узкие колонны в стенах, на металлические щиты, что-то прикрывающие под полом. Тысячу раз здесь ходили, а тут решили поинтересоваться «тайнами» метро. В результате по каналу РТР неоднократно был показан поистине сенсационный репортаж. Когда уходят из метро последние пассажиры, раскрываются таинственные ворота и вылезают из стен, из пола металлические щиты, наглухо закрывающие переход. И выходят на перрон люди в белых халатах и в масках, со странными приборами и ранцами... Репетируется чрезвычайная ситуация. Отключен ток, но по рельсам движется каким-то непонятным образом состав из открытых платформ. На одной из платформ едет наш студент, его снимает оператор. Произносятся ключевые фразы репортажа. Второй дубль, третий... восьмой! Потом ни один из этих дублей в репортаж не войдет, режиссеру показалось, что парень слишком уж спокоен, а надо бы раскрыть глаза пошире, подчеркнуть нестандартность ситуации, своим волнением увлечь зрителей. Журналист в спецрепортаже

создает и исполняет свою собственную роль – разведчика, посланца аудитории на объекте.

На Первом телефоруме стран СНГ, проходившем в августе 1998 г., в номинации «Репортер» первенство было присуждено Ирине Марининой из пермской телекомпании «Авто-ТВ». Поверьте, свежепроломленная полынья в пруду, куда свалилась набитая подростками «Нива» (а репортер поясняет – десять человек ехали в соседнее село на гулянку) впечатляет больше, чем привычные уже трупы в «Дорожном патруле». Но мало этого. Репортер выясняет, что бороться с пьяными за рулем в здешнем районе сложно: на их стороне... народный судья! Так считает начальник ГАИ. Маринина, естественно, идет к судье. А тот разговаривать не желает, буквально выставляет репортера с оператором на улицу. И уж тут, на улице, репортер выражает свое отношение к судье.

Стоп! Разве может репортер «выражать отношение»? Разве мы не призываем следовать общепринятому правилу «отделения фактов от мнений»? Разве не лишился эфира один из лучших наших репортеров Владислав Флярковский, как только стал комментировать с места события какое-то особо занудное заседание нашего парламента? Мнение было весьма остроумным, но его сочли неуместным в информационной программе.

Вот тут мы и подходим к толкованию смысла термина «спецрепортаж». Это не просто большой сюжет. В одном из западных пособий я прочел термин «позиционный репортаж». Мы говорим – «проблемный» или «тематический», тоже подразумевая, что репортер здесь (в отличие от протокольной хроники) обязан иметь собственную точку зрения, выраженную в отборе и показе фактов, разных мнений и лиц.

Нашей русской душе тесно в европейских рамках. И вот уже репортер из Липецка подводит безрадостные итоги деятельности уходящего в отставку мэра и делает вывод, что городу нужен свой Лужков, деловой мужик в кепке, но нет таких в липецкой мэрии.

Слышать это, конечно, приятнее, чем угрюмую реплику столичного репортера из «Взгляда»: «Не этому мэру принадлежит будущее». Помните, Лужков совершил путешествие по московским подземным ходам, там же дал интервью «Взгляду» – и там же его, отойдя на три шага, обхамили – вежливо, конечно: кто его знает, что такое «будущее», и кому оно вообще принадлежит, кроме господа Бога?

И, тем не менее, липецкий репортер, как и его московский коллега, переступили ту грань, за которой информация превращается в агитацию «за» или «против». Отношение – да, в спецрепортаже его не спрячешь. Но выводы пусть делает не репортер, а зритель.

Пермячка Ирина Маринина за свой выпад против судьи получила небольшие местные неприятности – и, несмотря на это, приз международного телефорума. Потому что остальные ее репортажи были безупречны и непременно остроумны. Например, захотелось ей обратить внимание сограждан на недостроенный концертный зал – сколько можно ходить мимо этих руин в центре города? А иногда и заходить внутрь – по нужде... И вот перед нами репортаж: «В центре Перми вот уже восемь лет существует

общественный туалет на две тысячи посадочных мест. Особенно удобно после митинга на площади – многие устремляются сюда, посмотрите, какая удобная дыра в заборе...» Репортер в модных шортах исчезает в упомянутой дыре. Все. Выводы о том, что надо бы закончить стройку, что это позор для города – делает зритель.

Позволю себе напомнить еще один репортерский принцип: за чем пойдешь, – то и найдешь. Выступивший в качестве репортера Владимир Молчанов поговорил на улицах Ярославля с пожилыми женщинами об их несчастной доле. «А мужчины, которые нам встречались, были нетрезвые и неинтересные». Вот так одним махом... Программа Молчанова делалась «на экспорт», с английскими субтитрами, и должна была подтвердить сформировавшийся на Западе стереотип о повальном пьянстве и нищете в российской глубинке. А телекомпания из Кемерово прислала на форум стран СНГ нечто совсем другое: репортаж с сельского праздника. У нас ведь тоже сложился стереотип: Кемерово – значит голодные шахтеры на рельсах. Оказывается, есть еще другая жизнь. Селяне частушки поют: «... говорим уверенно – раз народ еще смеется, то не все потеряно».

На просторах России можно найти примеры для подтверждения любых идей и представлений. Хорошо бы уметь соблюдать баланс. Один из наших выпускников, работающий для западной телекомпании, снял в зимнем подмосковном лесу кулачную драку. Подъезжают «новые русские» на джипах, кладут доллары в меховую шапку, и выходят бойцы – ну совсем как у Лермонтова удалой опричник Кирибеевич и купец Калашников. «И ударил его посередь груди – затрещала грудь молодецкая...» Выпускник пришел к нынешним студентам с «лестным» предложением: написать сценарный план репортажа о ночной жизни Москвы. Студенты отказались, намекнув старшему товарищу, что продавать такую информацию противно.

Зло, конфликты всегда привлекательней Добра. Во всяком случае, на экране. Акцию «89» НТВ, как я упоминал, спустило на тормозах, потому что там не понимают, чем отличаются российские регионы друг от друга... Да ведь настоящий репортер не то что из разных областей– с самого банального события привезет такое, чего неталантливый не разглядит. Даже в советские времена делом репортерской чести было найти нечто оригинальное – «ход», «изюминку», «лауреатский кадр» – такие были у нас термины. И хорошо, что репортажи из России стали появляться на московском («мэрском») третьем канале в программе, названной задиристо: «За Садовым кольцом». Делает их команда Нины Зверевой, которую для этой цели выписали из Нижнего Новгорода – в столице специалистов по России не нашлось. Смотришь на экран и укрепляешься в мысли: нет, не все потеряно!

Спецрепортаж может служить отправной точкой для комментария ученого (так Николай Шмелев в программе Нины Зверевой комментировал репортажи из города Мышкина), для дискуссии (так бывало в лучших выпусках «Пресс-клуба»), может выходить в эфир как самостоятельная передача (доброй памяти «Репортер» Михаила Дегтяря и Игоря Шестакова на РТР), но чаще всего, как уже сказано, он входит в состав выпуска новостей, будучи

слегка обособлен, выделен титром. Скажем, Би-би-си вдруг без всякого повода дает в ночном неторопливом выпуске большой репортаж из Сингапура: «Что-то давненько не бывали мы в Сингапуре, а давайте посмотрим, что там происходит...» Конкурирующая Ай-ти-эн посылает репортеров на арабо-израильскую границу, тоже без повода – так, рядовые разборки, женские перебранки. Спецрепортажи, как камешки в телевизионной мозаике, создают картину мира.

Присланные из глубин России (на форумы и фестивали, коих становится все больше, и это залог выработки общих критериев профессионализма – «что такое хорошо и что такое плохо»), специальные репортажи часто страдают типичными недостатками.

Во-первых, не всегда продумана основная **идея:** для кого и для чего делается репортаж? О чем, собственно, мы сообщаем? Особенно неудачен показ всевозможных заседаний, конференций, собраний. Вместо скучных лиц заседающих лучше показывать дело, объект, проблему, ради которых они собрались. А под конец «отловить» в кулуарах заведомо интересного человека, «блеснувшего» на трибуне нестандартной мыслью.

Во-вторых, даже если появляется в репортаже небанальный человек – интервью с ним разрушает **действие** репортажа, оно непомерно длинное. Интервью в репортаже, по мировым стандартам, имеет размер «от одной фразы до небольшого абзаца текста».

В-третьих, репортер не всегда задумывается о четкой **драматургии,** о развитии действия. В спецрепортаже (в отличие от протокольного) кульминация часто попадает на пленку первой, а уж потом к ней придумываются подходы, перипетии. Скажем, группа Би-би-си, сопровождавшая Александра Солженицына, ухватила в объективы момент прощания писателя с охраной в одном из городов – он подписывал охранникам книги, и стоявший тут же бывший зэк сказал что-то про «кэгэбешников», его стали прогонять, Солженицын вмешался... Может быть, репортеры специально нашли «скандалиста» заранее. А может, отстали от поезда, чтобы поснимать его возле тюрьмы, дома, во дворе за колкой дров... Во всяком случае, эти бытовые кадры и высказывания зэка о писателе («выше его только Бог, но... он двадцать лет здесь не был, он потерял нюх») в монтаже оказались предшествующими сцене на вокзале. Как они ухитрились так снять –неважно, важен результат. В спецрепортаже время и пространство зачастую создаются искусственно. Важно лишь не нарушать жизненной правды. Впрочем, этому понятию надо бы посвятить специальную статью. Киноправда всегда более или менее отличается от самой действительности.

В-четвертых, молодые журналисты не владеют правилами **сочетания слова и изображения** в репортаже. А ведь, казалось бы, все очень просто. Не надо словами называть то, что и так видно в кадре. Дополнить, пояснить – вот задача репортера. Но кое-кто вообще забывает о «картинке», отрывается от нее слишком далеко, торопясь поведать миру охватившие его мысли и чувства. Не дублировать «картинку» словами и не забывать ее – просто?

В-пятых, правило Горация: **передавать словами лишь то, что не может быть показано.** Не надо расспрашивать человека о том, что можно показать. Вроде бы очевидно, к чему здесь писать об этом, занимать место? Но смотрю репортаж с Дальнего Востока: журналистка расспрашивает хозяйку кафе, какие у нее блюда, да какие цены. Видно, дама привыкла работать на радио и не заботится о «картинке». Сели бы за стол да попробовали – как в свое время Юрий Черниченко с селекционером в передаче о новых сортах картофеля. За дымящимся чугунком с картошкой, за малосольным огурчиком.

В-шестых, тесно связано с предыдущим – репортеры не умеют придумать для себя **роль,** действие. Нельзя, конечно, вмешиваться в конфликт на одной из сторон, как делал это Невзоров (автомат в руке, тут «наши», там – «не наши»), но почему бы не положить самому кирпич в реставрируемое здание, не вынести на свалку носилки с мусором, не произвести еще сотню действий, столь обычных для репортеров всех стран мира? На телефоруме я с удовольствием смотрел на азербайджанских девушек-репортеров, которые готовили национальные блюда или ловили падающие, столь редкие в их краях снежинки... «Стенд-ап» не надо понимать буквально – стоять по стойке смирно перед камерой.

Репортаж можно смело называть «самым телевизионным» жанром. Это жизнь «в форме самой жизни», происходящее зритель видит собственными глазами, забывая, что существует отбор, что репортер и оператор направили телекамеру не случайно, а в высшей степени продуманно – если, конечно, они профессионалы, если знают, чего ждет от них руководство телекомпании.

Напоследок – об одном понятии из теории ТВ: «персонификация информации». Персонификация – значит олицетворение. Представление в лицах. Какое лицо у репортера – такова, значит, и пославшая его телекомпания. Но вот что еще важнее: каких героев, какие лица мы выберем для олицетворения идеи своего спецрепортажа. Взять ту же несостоявшуюся идею НТВ «89». Неужели нельзя было в каждом регионе найти двух-трех человек, чьи судьбы, чья сегодняшняя жизнь олицетворяли бы жизнь России? Именно так поступает известная своей порядочностью в подходе к жизни, упоминавшаяся здесь телекомпания Би-би-си. В Сингапуре или в Киеве репортер находит несколько персонажей, через которых показывает город или страну. «Наличие главного героя» – один из параметров, по которым оценивают репортаж и в США.

Отсылаю любезного читателя к шкале оценки репортажей, привезенной репортером НТВ Петром Ровновым – нашим дипломником –из университета штата Миссури. До 72 баллов может заработать репортер, выдержав все критерии, записанные в «одиночном листе репортажа». Для сравнения заметим, что шкала оценок, разработанная в Санкт-Петербурге психологом В. Бойко, содержит 74 параметра.

В американском варианте 3 балла можно получить, если есть ответ на вопрос «А кому это все нужно?» (зачем вообще снимался репортаж). В петербургском даются более точные критерии.

Передача имеет право на эфир, если отвечает хотя бы одному (а лучше нескольким) из следующих параметров:

– *содержит информацию, имеющую для зрителя прикладной, утилитарный смысл, т.е. зритель скорректирует свои дальнейшие действия в зависимости от полученных сведений; сюда относятся новости «от моды до погоды»;*
– *содержит информацию, повышающую престиж ее носителя («о чем я мог бы рассказать знакомым»), удовлетворяющую любознательность;*
– *вызывает сопереживание зрителя;*
– *вызывает соучастие в игровой ситуации (например, репортер на улице задает вопрос: представьте, что вы поймали золотую рыбку и имеете право загадать желание...);*
– *имеет эстетическую ценность.*

В США 19 баллов можно заслужить хорошей операторской работой (горизонтальный уровень камеры, наличие штатива в случае необходимости, наличие резкости, эффектный начальный кадр, эффектные крупные планы, эффектный финальный кадр и т.п.). В этой группе критериев отметим отдельно то, что связано со звуком: «хороший естественный звук» и «отсутствие в кадре микрофона». «Высший пилотаж» репортера – наговорить в микрофон весь будущий закадровый текст на месте съемок. К сожалению, в российской практике такое – великая редкость. Как правило, после «стенд-апа» (стояния в кадре, произнесения вводных фраз) голос репортера резко меняется, и мы понимаем, что все дальнейшие слова он произносил в иных акустических условиях – не на месте действия, а в студии или в аппаратной. Что касается микрофона, он необходим в кадре при оперативных съемках. В иных же случаях микрофон мешает, разрушает эстетику кадра; зритель в большом интервью будет следить не столько за смыслом слов, сколько за страданиями корреспондентки, вынужденной долго держать «грушу» на вытянутой руке и вовремя манипулировать ею между собственным ртом и лицом говорящего человека; собеседнику тоже не просто быть искренним при подобных манипуляциях. Гораздо лучше микрофоны-петлички, прикрепленные к одежде, или микрофон на «удочке» над головами говорящих (за пределами кадра), или спрятанный за краем стола, в торшере, в радиоприемнике, в букете и т.п. Еще в 70-е годы в больших передачах и тем более в телефильмах наличие микрофона в кадре считалось позором для журналиста, которого именовали «подставка для микрофона».

Интересно, что американская шкала оценок не содержит моментов, связанных с отношениями «журналист – собеседник» и «журналист– зритель», петербургский же психолог уделяет этим отношениям значительное внимание («создание благоприятной атмосферы беседы», «наличие реакции на высказывания», «наличие уточняющих вопросов», «поиск общей почвы со зрителем», «учет мнений негативно настроенной части аудитории» и пр.). Видимо, ментальность американцев такова, что им не надо напоминать о необходимости уважения к собеседнику и к зрителям.

За текст американский журналист в штате Миссури может заработать 25 баллов (еще 18 – за хороший монтаж). Текст журналиста ТВ –это миниатюрное литературное произведение, он, как правило, более ярок, нежели высказывания непрофессионалов, и поэтому важно найти верное соотношение интервью и собственного текста. Интервью в телехронике должно быть предельно коротким. Правило американцев: видеосюжет содержит «несколько интервью с выражением разных точек зрения». Как шутят в США, «если кто-нибудь заявляет вам, что Земля круглая, вы должны найти сторонника противоположной точки зрения».

Назовем еще несколько требований к тексту из американского «оценочного листа». «Основная идея материала четко выражена», «хорошая подводка ведущего к сюжету», «доказательность утверждений и выводов», «правильная грамматика», «отсутствие жаргона и штампов», «использование разговорного стиля», «идеальное структурное оформление текста». Под «структурным оформлением», очевидно, имеется в виду драматургия сюжета, наличие завязки (экспозиции), развития идеи (или действия), кульминации и развязки. 3 балла дают в штате Миссури за упоминавшийся «персонифицированный подход – наличие главного персонажа».

Разумеется, высокий балл и наличие всех мыслимых достоинств не помогут вашему репортажу выйти в эфир, если его основная идея противоречит политической линии телекомпании – как говорится, «не соответствует моменту». Так, летом 1998 г. репортеры одного из главных телеканалов получили указание поменьше показывать бастующих, голодающих, протестующих людей. Как бы талантлив ни оказался репортаж на такую тему – он был обречен на то, что в газетных редакциях называют «корзиной». Однако и в газетах, и на ТВ бывает так, что обстоятельства круто меняются, материал достают из корзины и ставят в полосу либо в эфир...

в начало

СПРОЕКТИРОВАННАЯ СИТУАЦИЯ

Что бы такое сотворить, чтоб проявилась человеческая душа, чтоб глаза заблестели, участился пульс – адреналин ударил бы в скучный ритм повседневности... И вот тут, журналист, включай камеру или микрофон, или то и другое – успевай фиксировать настоящий момент истины.

Любое журналистское задание, любую тему мы можем решить через показ ситуации, нами же вызванной.

Телевизионному документалисту Игорю Беляеву поручили снять фильм о юбилее приволжского городка Камышина. Как в те годы выглядел юбилей? Ну, трибуна на площади, митинг, секретарь горкома читает по бумажке. Пяток буфетов с дефицитом – конфеты, а может, и сосиски. Выпивка, конечно. И все. Что тут снимешь, чтоб начальство не разозлить и чтоб зритель перед телевизором не уснул? Пошел Беляев в клуб, нашел местные таланты, обрядил их в белые рубахи и лапти, и заплясали с прибаутками, закувыркались скоморохи по камышинским улицам, по базару – и народ

встрепенулся, откликнулся неподдельным весельем. Успел Беляев кое-что снять, да жалеет до сих пор, что не были готовы его операторы к такому эмоциональному взрыву. Был, оказывается, обычай на Руси – одаривать рыночным товаром да домашним припасом того, кто радость несет. Такого поворота съемочная группа не ожидала, не знала, как отнестись. А надо бы заранее прогнозировать варианты – что выйдет, как ситуация может повернуться.

Еще много чего «спровоцировали» телевизионщики в Камышине. Пустили, например, роту солдат мимо девичьего общежития (городок-то текстильный). И, конечно, окна настежь, в окнах девичьи лица – живые портреты, гамма эмоций. Ради эмоций, собственно, любая ситуация и затевается – чтоб неподдельного человека увидеть. Но в те годы Беляева упрекали: мол, нарушил правду жизни. Без съемок и выдумок город совсем по-другому жил бы. Митинг, речи, буфеты. Да, казенный ритуал был нарушен. Но характеры-то выявлены. Правда бывает разная. Есть такое понятие – «желаемый образ».

На Пушкинской площади в Москве Беляев посадил своего приятеля с плакатом: «Ищу веселую компанию встречать Новый год». В плакате спрятан микрофон, в автобусе камера. Начал было народ шутить, философствовать – а тут и дорогие внутренние органы подоспели, и был эксперимент закончен досрочно.

Я вспомнил обо всем этом, листая журнал «Столица» с описанием подобных журналистских «акций». Тридцать сотрудников «Столицы» и радиостанции «Серебряный дождь» вышли на ту же Пушкинскую площадь со своими сапожными щетками, передниками, раскладными табуретками и гуталином. Улыбаясь не хуже скоморохов, стали предлагать прохожим и милиции совершенно бесплатно почистить обувь. У нас, говорят, субботник, не будем забывать хорошие традиции. Начнем наводить чистоту в городе с чистки обуви. Милиция улыбалась ответно и подставляла ботинки. «Серебряный дождь» вел прямые эфирные репортажи, журнал дал материал на пять полос с фотографиями. Только телекамеры не было. Славные разговоры получились: что было и что стало, и чем платить за добрые дела. Сделать тоже что-нибудь хорошее... Простые пенсионеры и служащие, проститутки и школьники, москвичи и «гости столицы» –социологический срез.

Первым «провокатором» среди журналистов был Михаил Кольцов. В 1934 году он три дня проработал в такси, тоже изучал нравы, в том числе и на Тверской, где иностранцы смешно читали вывески: «пектопан». Ресторан то есть. Был и тест на честность, сверток на заднем сиденье. Кто-то протягивал его шоферу – забыт, дескать, сдайте в милицию, кто-то шелестел, изучая содержимое, а два юнца «слизнули пакет гладко и бесшумно».

У Кольцова, между прочим, была завернута в газету та же сапожная щетка, а еще книжка «Записки охотника», ключ и два яблока. У «Столицы» размах совсем другой, хотя «тест» однажды провели тот же самый – на честность. Молодой человек, как бы опаздывающий на поезд, просил случайных людей на Белорусском вокзале отвезти его тете-старушке 250 рублей, или в другом варианте сумку с продуктами. До места назначения добрались пять

посланцев из шести. Шестым был вокзальный бомж Новиков Вячеслав Терентьевич. Скрытая фотокамера запечатлела и его, и честных посланцев в цвете. Телекамеры опять-таки не было. Надо сказать, в тех странах, где подобные съемки начинались треть века назад (Италия, Великобритания) есть правило: заручиться согласием невольного участника эксперимента на публикацию его портрета. У нас нормы на сей счет расплывчаты. Считается, если съемка преследует «общественные интересы» – можно публиковать без спроса. Хотя ст. 24 Конституции РФ четко указывает: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Так что бомжик с Белорусского вокзала мог бы и в суд подать: репортеры «Столицы» подсмотрели, как он употребил «деньги тети» на феррейновскую водку. Как ни говори – частная жизнь!

Журналистский метод, о котором мы ведем речь, давно перерос первоначальное название «спровоцированная ситуация». Провокация, согласно словарю Ожегова, есть «предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия». Но где же эти «тяжелые последствия» в фильмах Беляева или в большинстве репортажей «Столицы»? И кто «жертва провокации» в таком, скажем, случае: в подземном переходе той же Пушкинской площади репортеры скупают весь наличный запас лотерейных билетов, усиленно трут монеткой, и выясняется ничтожность выигрыша по сравнению с затратами. Если «провоцируется» улыбка прохожих – это не провокация, а что-то другое.

Самая трогательная операция проведена «Столицей» под Новый год. Каждый год московские дети пишут письма Деду Морозу, просят подарить нечто конкретное. Письма скапливаются на почтамте, потом уничтожаются. Работники «Столицы» прочли эти письма, те, что с обратными адресами. И купили то, что дети заказывали. Само собой, нарядились в Деда и Снегурочку. Поехали по адресам. Фотокорреспондента спрятали под маской Лисички. В пятиэтажку на Шереметьевской привезли конструктор «Лего». В Измайлове перепугали директора базы, он решил, что «через ребенка наезжают». В общем, впечатлений на четыре полосы с фотографиями и много-много радости. На следующий год и ТВ сделало такой репортаж.

Или вспомним истории с ремонтом телевизора, электробритвы, приемника, начатые Анатолием Рубиновым в «Литературной газете» и продолженные кинохроникой в ту пору, когда в каждой государственной мастерской (а других-то не было) висели точные прейскуранты, но мастера заламывали цены по-своему. Что, их провоцировали? Нет, просто проверяли. Сейчас можно такой репортаж сделать? Пожалуй, не пропустят редакторы. Скажут, явная «джинса», кому-то реклама, а конкурентов порочите.

Много трудностей подстерегает журналиста, который решился ставить эксперименты. Первое – финансы: на дед-морозовские подарки или на скупку лотерейных билетов пришлось крупно раскошелиться. Второе – как уже сказано, нечеткость законодательства. Если всегда спрашивать разрешение на публикацию кадров, запечатлевших человека в интересной

ситуации, то велики шансы получить отказ, стало быть, весь труд и все затраты пойдут насмарку. Однако зарубежный опыт подсказывает, что люди часто готовы пойти на некоторые моральные издержки, лишь бы показаться на телеэкране – сам факт публикации привлекателен! Вспомним чеховского героя: «И про меня напечатали!». Тут важно опять-таки заранее просчитать реакцию, поведение людей в предлагаемых обстоятельствах. Надо, чтобы планируемая ситуация не затрагивала человеческое достоинство, не унижала бы.

Одна из нынешних наших телезвездочек, еще учась на журфаке, запечатлела телекамерой такой сюжет. Улица перегорожена милицейскими барьерами, связанными проволокой. Люди перелезают через верх. В том числе и пожилая преподавательница журфака. За кадром здоровая молодежная насмешка. Затем на барьер вешается объявление: за проход – штраф. Кажется, тысяча рублей. Тогда это были крупные деньги. И народ потек искать обходные пути. И за кадром опять здоровый молодой смех. Это было показано по первому каналу. И надо же, так совпало, что недели через две толпа сметала милицейские барьеры возле Останкинского телецентра, требуя прямого эфира для «патриотов». «Смотрите, они ваш урок восприняли», – говорил я студентке. «Не хочу никаких уроков, – отвечала будущая звездочка, – хочу посмеяться, и чтобы всем было весело, не занудно».

Муравей в басне Крылова – тоже зануда в сравнении с юной Стрекозой. Не хочу быть этаким Муравьем. Просто вспомню английский телефильм, снятый по заказу тамошнего МВД и призывающий людей... к бдительности! Подходят, значит, два молодых человека к крылечку обыкновенного великобританского жилища и нажимают кнопку звонка. На них фуражки, вроде бы с кокардой. Выходит пожилая леди, и джентльмены вежливо объясняют ей, что они из пожарного надзора, им надлежит проверить качество электропроводки в доме. Один заходит внутрь, другой продолжает беседовать с дамой о том, как опасна неисправная проводка. Домик двухэтажный, минут через пять «инспектор» выходит: «Все в порядке, до свидания». Молодые люди уходят, хозяйка возвращается в дом, но тут же на кнопку звонка нажимает телевизионный репортер, и хозяйка вновь появляется. На этот раз ей сообщают о съемке для ТВ и спрашивают, не пускала ли она кого-нибудь в дом. «Да, были только что пожарные инспекторы». – «А почему вы решили, что они именно инспекторы?» – «Они так представились и, кроме того, были в форменных фуражках, и подробно просветили меня насчет электропроводки. Говорят, в нашем городе некоторые пострадали от неисправных розеток». – «Не знаю, как насчет розеток, но от излишней доверчивости страдали точно». И репортер, заглянув за угол дома, поманил пальцем «инспекторов». Снял с одного фуражку, показал даме, камера укрупнила: вместо кокарды – пробка от молочной бутылки. «Нескольких минут, проведенных в вашем доме, было бы достаточно для знакомства не только с проводкой, но и с вашими драгоценностями...».

И еще два эпизода. Девушку запихивают в багажник большой машины, она срывается с места, и опять появляется репортер. Он

спрашивает прохожих, что происходило на улице только что, на их глазах. «Кажется, девушку сажали в машину». – «Вам не показалось, что ее сажали несколько странным образом? Не запомнили ли вы номер этой машины?..» Идет посадка на паром. Возле контролера плакат с фотографией: разыскивается опасный преступник. Паром отчаливает от берега. «Преступник" сначала просто ходит по палубе, затем заговаривает с пассажирами, садится играть с кем-то в шахматы. Его то ли действительно не узнают, то ли не хотят «влипнуть в историю», но никто не спешит к капитану, никто не обращается к полицейским, «случайно» присутствующим тут же на пароме...

Метод «спроектированных ситуаций» позволяет объединить развлечение с просвещением. Наше ТВ редко ставит перед собой подобные задачи, ограничивается зубоскальством. В морозный день на ВДНХ мужичок обнаруживает под слоем льда десятидолларовую бумажку. Ищет, чем бы расковырять лед. Не находит. Присыпает это место конским навозом, через пять минут возвращается с лопаткой, вырубает купюру. Очень смешно. При желании можно сделать и политические выводы, только не хочется. Не Воланды мы все-таки, чтобы искушать население с целью дальнейшего унижения его.

Валерий Комиссаров сейчас известен как ведущий пошловатой передачи «Моя семья». Эти ток-шоу снимаются по шесть штук подряд, чтоб сэкономить на арендной плате за студию. В спешке, в погоне за рублем забыты библейские истины. «Чти отца своего» – как бы не так! Девочка живо обсуждает, за что они с мамой прогнали папу, и как будут подбирать нового. Жаль Комиссарова. Ведь какие у него бывали тонкие, замечательные «спроектированные ситуации». Скажем, опять-таки бомж – любимый персонаж нашей журналистики – был помыт, одет, причесан и отвезен в Париж. А чернокожий актер приехал на «членовозе» «ЗИЛ-114» в город Петушки, где на стадионе состоялся митинг под лозунгом «Анкла Бэнса – в президенты». Еще была летающая тарелка и разговоры о ней с деревенскими жителями. На экране этот сеанс магии сопровождался саморазоблачением: мы видели, как «тарелку», всю в лампочках, утащил в ночное небо вертолет. Вот-вот, скажет читатель, все упирается в финансы, вертолет денег стоит, «членовоз» тоже. Рыться в грязном белье «Моей семьи» легче и прибыльней.

Тут вроде бы не возразишь – действительно, в какую телекомпанию ни придешь, везде разговоры о деньгах, о сметах, о том, сколько дать «на лапу» вещателю, с которым заключается договор.

Вот сидит на экране «новый русский». Скучно ему слушать вопрос журналиста, потому как он его знает заранее, сам заказал и проплатил. «Таковы условия заказчика», – говорят коллеги. Так объясните этому заказчику, что он гораздо лучше будет выглядеть, если его умственные ресурсы заблистают в «спроектированной ситуации». Тут, пожалуй, пригодится наш опыт работы с министрами СССР и первыми секретарями обкомов партии. К этой теме я еще вернусь в одной из следующих глав, здесь же замечу: какие мы им устраивали «ситуации»! То с днем рождения кого-то

поздравит, в гости приехав. То на производстве побудет, то на лесной полянке малины с трактористами поест. «Социализм с человеческим лицом». Народ и партия едины. Профессионалы все-таки были на Центральном телевидении! Валентин Зорин, готовя интервью с членом Политбюро, внушал ему: точную формулировку вопроса я вам не скажу, тогда вам неинтересно будет в эфире. Подыгрывая журналисту, Громыко в передаче говорил: «Если вы так ставите вопрос, я вам отвечу следующим образом...». Игра, конечно. Как в фильме Беляева про Камышин. Только скоморохом выступает сам журналист.

И все равно это интереснее, чем «проплаченное» интервью скучного и самодовольного представителя рыночной экономики.

– Чем хуже – тем лучше, – говорят иные коллеги. – Пошли они к черту, стараться для них...

Не для них. Для себя. Чем сложнее ставишь перед собой задачу, тем больше удовлетворения. Не сопьешься, не повесишься на ближайшем микрофоне, не потеряешь квалификацию. Жизнь всяко может повернуться, востребует ваш талант, а он без тренировок угас... «Проектирование» ситуаций перед каждой значительной работой – прекрасная тренировка.

И вовсе не обязательно нанимать вертолет или «членовоз». Вот «Столица», поиздержавшись на первых экспериментах, решила, наоборот, заработать. По метро, по подземным переходам, по набережным пошли «нищие» с плакатиками из гофрированного ящичного картона: «Пропил все деньги на стиральную машину, жена убьет»; «Требуется лечение головы»; «Мой папа захвачен в заложники в Перу, подайте на билет до Лимы и 2 обратно»; «Дайте денег»; «Был килером, раскаялся. Помогите начать новую жизнь». Пять цветных полос со снимками. Заголовок: «Чему Москва верит?» Собранные деньги сдали в церковь.

в начало

ЧАСТЬ 1

Интервью на фоне русской провинции
Портрет или говорящая фотокарточка?
Теленовости – время местное
Ток-шоу неизвестный жанр?
Планку снижать нельзя
Наша цель – всего лишь приз…
Ретро на пути к будущему
Спецрепортаж
Спроектированная ситуация
Журналист с видеокамерой
От частного к общему, но не наоборот
Документ и фантазия
Фильм рождается трижды
Параллельные миры
А кто ты такой?
Новости от Александра Гурнова
Телевидение в зеркале критики
Про находчивого студента
Преступление и наказание на телеэкране

Записки лишнего человека
Политический лидер в эфире
Классификатор программ
Б.Л. Розинг и В.К. Зворыкин – русские изобретатели телевидения
Две странички из истории ТВ

ИНТЕРВЬЮ НА ФОНЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

В последнее время мне чаще приходится давать интервью, чем брать. Дело близится к закату, а в кадре-то работает другое поколение – молодое, сильное, уверенное в себе. Но чего-то мы им не объяснили про нашу профессию...

Вот, к примеру, живем третий день в бывшей дворянской усадьбе, среди сосен над речкой возле города Борисоглебска. Здешней телекомпании в 1999 г. исполнилось пять лет, и отметили это коллеги всероссийским телефестивалем «Моя провинция». Аж двенадцать телекамер работали на открытии фестиваля. А потом журналисты с этими камерами отлавливали участников и гостей поодиночке и брали у них интервью. На третий день и до меня добрались. Устроились мы с корреспонденткой над обрывом, над бегущей водой, и спрашивает она меня как члена жюри, в чем я вижу смысл подобных фестивалей.

А в том, говорю, чтобы смотреть на работы друг друга и вместе помаленьку расти. Постигать критерии профессионализма. Сейчас на телевидение пришли хорошие люди, работавшие прежде инженерами и лесниками, историками... Вы, наверно, учительницей были? Ага, я по интонации угадал. Так вот, каждый из вас, получив скромный фестивальный диплом или приз, может раскрепоститься, стать самим собой. Мне об этом космонавт Виталий Севастьянов рассказывал. Слетал в космос – поверил в себя, раскрепостился. Высвободил свои душевные силы. Так и вы – может быть, теперь в передачах и фильмах заговорите своим собственным голосом, не прячась за казенными штампами, не давая много места в передаче скучным начальникам – может, они и не скучные на самом деле, а ваша камера и ваша серьезная личность делают их такими? Попробуйте делать то, что вам действительно интересно.

Моя собеседница задумалась, еще больше наморщив лоб, и со всей серьезностью спросила:

– Значит, главное – эмоции в передаче?

– Это, знаете ли, из разряда вопросов: кого ты больше любишь, маму или папу. Что важнее – левая рука или правая нога. К эмоциям хорошо бы еще интеллект добавить. И волевые качества. Нас ведь на экране по этим трем параметрам оценивают: интеллект, воля, наличие совести – отсюда и эмоции получаются. А эмоции без интеллекта – это будет глупость одна, не так ли?

– Так вы журналист? – вдруг изумилась моя интервьюерша.

Я, признаюсь, изумился не меньше. И стал как-то неловко оправдываться: дескать, ежели мне дали в этом году премию за журналистское мастерство, то, смею надеяться, принадлежу еще к пишущей братии и сюда призван не только в качестве ученой

обезьяны... Расстались. Побрел я над водой, солнцем палимый. Ну, в самом деле, кто я такой, почему эта девушка должна была знать мою биографию? Готовиться к встрече со мной? Не много ли чести?

Они теперь с налета задают всем одинаковые вопросы. И даже теоретическое обоснование нашли: ведь и зритель тоже ничего не знает. «Мы – как зритель».

На следующий день, уже на официальной встрече членов жюри с участниками фестиваля под теми же соснами, я опять уловил отношение к себе как к «теоретику», «оторванному от жизни». У нас, дескать, бензина нет, камеры плохие, операторы нас не слушаются, а вы что-то требуете высокохудожественное. Денег платят мало. Вот если бы платили как в Америке, мы бы тогда...

– Хоть миллион вам дай – вы будете гнать ту же халтуру, к которой привыкли – иначе ведь не умеете. Сознайтесь, коллеги. Даже для фестиваля, один раз в год – не смогли интересно сработать.

– А вы сами попробовали бы. Критиковать из Москвы легко.

Ну ладно, думаю. Надо для пользы дела заняться саморекламой.

– Вы думаете, я прямо на кафедре родился? Я такой же провинциальный репортер, как и вы. Только мне всегда хотелось немного большего – и риска, и удовольствия. Журналистика позволяет жить нескучно. В Самаре – тогда это был город Куйбышев – поручили мне однажды написать текст выступления для секретаря обкома. На радио. Дело было во времена косыгинской реформы в экономике, надежда на жизнь по правде и совести была примерно такая же, как потом в горбачевскую перестройку. Написал я текст, пришел секретарь и прочитал его в студии. И тут я говорю: а давайте попробуем без текста поговорить, ну почему вы должны читать то, что я написал? Вы же в сто раз больше меня знаете, вот и расскажите. Подаю знак звукооператору и задаю первый вопрос... Короче говоря, вышли мы из студии через полтора часа. Главный редактор радио расплылся в улыбке: Виталий Иванович, вы так замечательно говорили, разрешите сделать из этой записи две передачи по 30 минут. Секретарь на меня кивает: это Кузнецов виноват, он на меня смотрит, ему интересно – вот я и рассказал. Фамилия секретаря была Воротников. Потом он разрешил мне побывать на разных важных объектах и заседаниях бюро – только тогда я понял, как эта партийная власть была устроена. Но какой-то ресурс, видимо, был у меня в двадцать семь лет, если смог удержать внимание высокого собеседника своей скромной персоной. Уроки старых журналистов гласили: ты должен доказать любому собеседнику, что ты личность, а не подставка для микрофона. Вы же, ребята, простите, очень часто ограничиваетесь ролью подставки, да еще и важничаете при этом.

– Да с нами наш губернатор разговаривать не станет!

– А вы знаете, чем кошка отличается от собаки? Нет? Тем, что кошка умеет себя поставить. И гуляет, как известно, сама по себе. Учитесь у кошки. В том числе и падать из любого положения на четыре лапы.

По-моему, главная задача всевозможных фестивалей и телефорумов, а также краткосрочных школ «Интерньюса» и Владимира Познера– в том, чтобы молодые люди точнее определились в профессиональном мире. Кому-то надо быть раскованнее, а другому, наоборот, стать поскромнее, не переоценивать свою роль в истории современности.

Есть в Хабаровске хороший парень. Пишет песни, на этом я его и «зацепил»:

– Ну, представьте, что Юра Визбор делал бы ваш фильм. Неужели вы думаете, что он задавал бы такие же суконные вопросы? Вы прошли по реке в отрогах Сихотэ-Алиня на лодках вместе с другими ребятами, ваша камера поработала неплохо. Но что за вопросы вы им задавали в конце? «Чем запомнился данный поход?», «Что было самое сложное?», «Чем эта речка отличается от других?». Да такие вопросы могла задать любая дурочка с микрофоном. Вы же были с ними – к чему прикидываться, разве нельзя было спросить: «А помнишь, старик, тот перекат» или признаться: «А мне страшно было вот в такой-то момент...». В самом деле, если бы на вашем месте был Юра Визбор – уж он нашел бы живую интонацию.

– Так то Визбор! А я кто такой?

– Вот именно. Визбор был тихим столичным человеком, студентом пединститута. И он вполне осознанно делал из себя супермена –друга альпинистов, летчиков, полярников и подводников. Поставьте и вы перед собой такую цель – задатки для этого есть!

Разговор наш происходил на фестивале «Вся Россия» в апреле 1999 г., а в мае состоялся еще один фестиваль прессы – экологический. Плыли на теплоходе «Рылеев» и газетчики, и телевизионщики. Вдруг догоняет нас «Ракета» – это московское «Народное радио» опоздавшую корреспондентку прислало. Знакомимся. Говорю что-то про Остапа Бендера и Кису Воробьянинова – они примерно в этих местах на пароход садились.

– А я не читала эту книгу, – с вызовом заявляет «Народное радио».

Опять же смущаюсь, произношу что-то из Маяковского...

– А я не читала Маяковского. Его теперь не заставляют читать, – с видом превосходства говорит девица.

Может, она права? Многое знание умножает скорбь, а она так мила в своей уверенности. Вот другая девушка позвонила мне из Новороссийска: меня, говорит, после ваших курсов с работы уволили. Ты, сказали, теперь очень умная стала, нам такие не нужны. И ушла я с телевидения на радио, на «Европу плюс».

Как Окуджава пел: «Умным быть хлопотно, дураком плохо, нужно что-то среднее, да где же его взять?».

На корме теплохода тем временем назревала пресс-конференция. Пришли важные газетчики из поволжского города. Я давно понял, что заниматься телевидением в таких редакциях поручают людям, которые ни о чем другом писать не могут, – пробовали, не получается. Вот и бросили их ругать телевизор – дело беспроигрышное. Взгляды сверху вниз. Вопрос: «Что вы для

себя узнали нового, сидя в жюри этого фестиваля?». А ведь рассказал я уже про состав участников, что необычные это журналисты, экологи-подвижники. Вот Михаил Житько и Александр Блинов из московской студии «Пеликен» с большим риском проникли в тот район, где ежегодно совершается убийство бельков –новорожденных детенышей тюленей. Фильмы об этом вышли такими потрясающими, что я теперь такую тюленью шапку не то что носить –видеть не могу. Павел Царьков из Дудинки ходил по Таймыру с экологической экспедицией. Три дня приучал к себе редкую розовую чайку, чтобы снять ее крупные планы на гнезде. На чистом энтузиазме выходит в республике Коми еженедельная экологическая программа, адресованная, прежде всего школьникам. Для всех этих людей впервые пройти на теплоходе по Волге, пообщаться с единомышленниками и коллегами – вот главный приз. «Золотую Нику» мы послали во Владивосток, в тюрьму, Григорию Пасько. Он поставил интересы планеты Земля выше интересов собственного начальства, он стремился рассказать правду о той опасности, которую накопила наша страна за 70 лет противостояния с остальным миром. Пасько был в тюрьме, темные силы из прошлого пока правят бал, и наша премия – прямой вызов этим силам и поддержка Пасько.

Местные короли прессы слушали невнимательно. Вот если бы мы про какую-нибудь звезду эстрады говорили, а еще лучше привезли бы с собой Сюткина или Пенкина – вот это был бы им подарок.

Каждый день телевизионщики-экологи собирались в салоне теплохода, ставили кассеты в видеомагнитофон – и конкурсные, и просто привезенные с собой. Обменялись адресами. И вот я уже вижу знакомые фамилии в программе международного телефорума. Роберт Хисамов из Казани. Сколько споров было вокруг его работы о слабоумных детях – имеет это отношение к экологии или нет? Роберт создал «спровоцированную ситуацию» – дети-дебилы на концерте, смотрят на выступления своих нормальных сверстников. Это был сильный удар по зрительским нервам. За кадром автор говорил: вот так природа отвечает нам за то, что мы с нею делаем. Дебилов среди наших детей все больше. Так природа защищает себя. Ведь дебилы не будут преобразовывать природу...

В этом фильме не было ни одного интервью. Не было их и во многих других программах на экологические темы. Не было журналистов– подставок для микрофона. Были проповедники и борцы, четко знающие, за что и против чего они выступают. Впечатляющие кадры и взволнованная авторская речь... Значит, можно без интервью?

Можно и нужно, если самому журналисту есть что сказать людям.

... А у меня самое интересное интервью состоялось в городке Козьмодемьянске. Мы сидели в подвальчике с молодым сотрудником краеведческого музея. Пили пиво и съели по две порции пельменей – рукотворных, не комбинатских. Мой собеседник рассказывал, как делал для музея фигуру стрельца в полный рост, как шил для него костюм. Сам он из горных марийцев, имеет гектар земли, сажает на нем картошку. Он единственный

мужчина в доме, кроме него три женщины. Выращивает картошку и пишет диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук.

Это было не интервью, поскольку рядом с нами не стояла телекамера. А была бы камера – это называлось бы интервью.

Потому что интервью – это нормальный человеческий разговор, одинаково интересный для обоих собеседников. Такой вот у меня на это дело ненаучный взгляд.

Интервью – непременная часть почти любого репортерского сюжета для новостей. Проблемные передачи выявляют разные точки зрения опять же методом интервью. Наконец, интервью как жанр большой самостоятельной передачи расцвело в связи с именами У. Отта, А. Караулова, Д. Диброва. В годы «перестройки и гласности» они успешно освоили жанр, принесший славу многим зарубежным коллегам.

Процитируем одного из них – англичанина Б. Мейджи: *«Нехватка хороших интервьюеров в ТВ настолько велика, что ни один человек с подлинным талантом интервьюера не встретит серьезных трудностей, если захочет испытать свои силы. Но интервью – не продукт интуиции. Подобно игре на музыкальном инструменте, которой, несмотря на врожденный талант, всегда приходится учиться, овладение мастерством интервьюирования требует времени. Оно превратилось в полноправную профессию со своими сложными приемами, со своей профессиональной этикой и высокими стандартами».*

Существует несколько основных разновидностей интервью, знать которые необходимо хотя бы для того, чтобы не оказаться в роли известного русского народного персонажа, который плакал на свадьбе и плясал на похоронах. Есть **информационные** интервью, есть**портретные и проблемные.** Есть уличные типа **«вокс-поп»** («глас народа – глас божий», у нас их называют «интервью-анкета»). Разумеется, физическое изображение человека присутствует в любом из вариантов, но портретное интервью отличается от информационного или «вокс-попа» так же сильно, как произведение фотохудожника от моментальной фотографии на пропуск.

Просматривая интервью, изготовленные на новых студиях, убеждаешься: некоторые журналисты полагают, что набор одних и тех же стандартных вопросов («что вам нравится?», «что не нравится?», «что цените в мужчинах?», «... в женщинах?», «над чем сейчас работаете?», «расскажите что-нибудь о...», «что больше всего запомнилось?», «что вы цените в искусстве?» и т.п.), выученный раз и навсегда, позволяет обращаться к любому человеку, причем безапелляционно, словно сам-то интервьюер знает правильные ответы на любой вопрос. Придется разочаровать начинающих коллег. Настоящий серьезный интервьюер придумывает вопросы всякий раз новые – исходя из того, с кем предстоит беседовать и в какой ситуации. Хороший вопрос – вещь одноразовая.

И еще разочарование для молодых лиц, важничающих с микрофоном в руке: микрофон лучше куда-нибудь спрятать или подвесить сверху, чтоб не мешал. Он, конечно, придает уверенности, когда в руке – так пьяный маляр держится за кисточку, чтоб не упасть. Но давайте посмотрим, каков журналист без микрофона, сам по себе! Можно ли сказать, что на экране две личности – он и его герой? Что они интересны друг другу? Что между ними завязался интересный разговор? Если так – перед нами интервью. Если нет – школярские опыты, детская игра в журналистику из репертуара ШЮЖ (школы юного журналиста).

Информационные интервью делятся на два основных вида: есть **«интервью-факт»** и **«интервью-мнение».** Надо хорошенько понять, что именно вы должны получить, скажем, на месте происшествия. Например, репортер ищет свидетелей того, как загорелся дом или как машина сбила человека. Рядом окажется немало любителей порассуждать о пожарной безопасности или о том, как гоняют «новые русские». Если ваша задача – раздобыть факт, вы от таких собеседников отказываетесь. Если же, наоборот, вам нужны мнения – тогда другое дело. Бывает досадно, когда вместо выяснения фактов увлекается эмоциями ведущий «Сегоднячка» или иной передачи, куда зрители звонят по телефону. Еще не выяснена суть дела, – а у ведущего уже на устах дежурная шуточка, уже едем дальше...

Репортер, берущий информационные интервью, занимает определенную **позицию:** он добывает документальный материал по поручению и от имени зрителя. Сложнее роль интервьюера в больших диалогах (программы Ольги Кучкиной, к примеру, записываются по два часа, для эфира оставляется час). Тут интервьюер может выступать как заботливый друг, если имеет дело с человеком, не очень уверенным в себе. Эта роль предполагает, что журналист оказывает значительную помощь собеседнику. Тип взаимоотношений –**сотрудничество.** Можно заранее договориться о круге вопросов, не определяя, впрочем, точных формулировок.

Острее и интереснее бывает **соперничество,** когда журналист выступает в роли скептика, подвергает сомнению позицию собеседника, приводит аргументы противоположной стороны (не «от себя», а «говорят, что...»). Если журналист располагает фактами, которые собеседник хотел бы скрыть, он выступает как некий разоблачитель – но делает это корректно, не превращая интервью в допрос.

Иногда полезно сыграть наивного человека, «валять дурака», прикидываясь незнающим (таковы, к сожалению, на самом деле многие интервьюеры), а потом уже выложить свои «козыри».

Таким образом, интервьюер сочетает в себе таланты **исследователя и актера.** Интервью основано на тщательной **подготовке** и мгновенной **импровизации.** Для разработки **программных** вопросов журналист знакомится с досье на своего героя, если таковое имеется в справочной службе телекомпании, с его предыдущими выступлениями в прессе. До основных вопросов могут быть заданы **контактные,** это некий камертон, настраивающий собеседника на разговор. Контактный вопрос может быть связан с последними событиями, с окружающей

обстановкой, если эфир прямой – можно спросить, кто из знакомых и родных сейчас у телевизора и т.п. **Уточняющие** вопросы, как видно из названия, необходимы тогда, когда собеседник не раскрывает каких-либо неясных для аудитории вещей, считая их само собой разумеющимися, или намеренно уклоняется от разъяснений. Надо реагировать на прозвучавшие слова собеседника, а не просто задавать следующий программный вопрос. То есть вести себя, как в нормальном разговоре. Это и будет «высший пилотаж». Общее впечатление от интервьюера должно быть таким: **этот человек знает многое, но хочет узнать еще больше;** это человек воспитанный, грамотный, словом,– личность, а не подставка для микрофона. На лице – заинтересованное внимание и уважение к собеседнику. Кивать головой, подобно китайскому болванчику, не обязательно.

И еще два профессиональных совета начинающим интервьюерам.

Первый. Если есть возможность выбирать место проведения интервью – подумайте, где лучше всего будет выглядеть ваш разговор с собеседником: в студии (здесь журналист – хозяин и принимает гостя «на своей территории»), на службе у собеседника (здесь уже журналист «в гостях»). Встреча может состояться дома, на даче, на рыбалке и т.п. – если разговор со службой не связан и хочется получить информацию о частной жизни, пристрастиях, увлечениях собеседника.

Можно сочетать все эти варианты: одни вопросы задать на работе, другие – дома или на отдыхе, таким образом, ваш собеседник предстанет и официальным лицом («в галстуке»), и раскрепощенным обстановкой.

Часто случается, что интервью посвящено воспоминаниям о каком-то важном событии в жизни вашего собеседника. Лучше всего поехать с ним на место, связанное с событием. Так, в фильме «Год 1936» из цикла «Наша биография» для интервью с участницей автопробега специально достали старый автомобиль и поставили к воротам Парка культуры, откуда пробег стартовал много лет назад. Женщина-водитель, увидев машину, первым делом открыла капот. Она стала вспоминать детали, связанные с пробегом в Каракумы: машина помогла вызвать в памяти давно забытое, взволновать, придать разговору конкретность и эмоциональность.

Понятно, что у провинциальных интервьюеров таких возможностей, как у московских тележурналистов, нет. Но все равно надо стремиться найти ситуацию, которая хоть как-то подтолкнула бы эмоциональную память героя. Это может быть, например, газета, в которой о нем писали, какое-то забытое фото, где он был запечатлен, опять-таки место, где произошло памятное событие. Да мало ли какую зацепку можно отыскать, если не гнать интервью «с колеса», а подготовиться к нему.

И второй совет. Трудный момент в каждом интервью – вводные, начальные фразы. Плохо поступает журналист, когда начинает, обращаясь к зрителям, давать характеристики собеседнику: он-де замечательный, выдающийся, интересный и т.п. При этом герой не знает, куда девать глаза. Гораздо лучше совместить представление и первый вопрос. Произнеся первую

фразу на камеру («У нас в студии Иван Иванович Иванов» или «Мы в гостях у Ивана Ивановича Иванова»), развернуться к собеседнику и вместе с ним развивать разговор («Вы уже тридцать лет руководите этим театром, удалось ли реализовать то, что хотелось когда-то?..»). Все плохие интервью начинаются одинаково:

– У нас в студии выдающийся... Скажите, пожалуйста... Еще вариант плохого интервью:

– Представьтесь, пожалуйста. – Василий Петров.

– Ваша профессия?

– Сварщик.

– Сколько вы зарабатываете?

– Примерно тысячу в месяц.

– У вас есть семья?

– Да.

– Сколько у вас детей? – и т.д.

Вместо этого лучше сказать на крупном плане собеседника:

– Я разговариваю со сварщиком Василием Петровым, который содержит жену и троих детей на тысячу рублей в месяц. Скажите, Василий, в чем вы видите выход из этого сложного финансового положения?

Итак, удачное представление – начало разговора – сразу придаст вашему интервью нужный темп и «упругость», а занудство заставит зрителя, не раздумывая, переключиться на другой канал.

Настоящих интервьюеров очень немного. Поэтому их работа высоко ценится во всех телекомпаниях.

в начало

ПОРТРЕТ ИЛИ ГОВОРЯЩАЯ ФОТОКАРТОЧКА?

Чернышевский как-то заметил, что есть портреты, похожие на оригинал до отвратительности. Мелочные подробности лица переданы отчетливо, а главного недостает. Что главное в портрете? Духовный облик. Характер, темперамент, образ чувств и мыслей. «Твой лик, о человек, есть зеркало твоей души и отражение твоего духа, на котором Господь собственным перстом начертал, что ты есть пред ним и перед всяким творением, живущим на Земле, чтобы каждый узнавал – кто ты в Добре и Зле». Так написано в одной старинной книге, и верно ведь: взглянув на лицо, мы начинаем его «расшифровывать». И чем больше нам говорят с телеэкрана, что, мол, чиновник такой-то –светоч нашей эпохи, воплощение Добра, мы-то видим барственность в облике, неискренность, замашки опытного номенклатурщика.

Коварная вещь – телевизионный портрет. Причем не только для «портретируемого», но и для автора-телевизионщика. Во-первых, рядом с собеседником выявляется и масштаб авторской личности, во многих случаях весьма ограниченный. Во-вторых, многие авторы, берясь за портрет, даже не представляют себе трудностей этого предприятия и возможных методов достижения успеха.

«Если вы делаете фильм о каком-то конкретном человеке, то самое примитивное, что приходит в голову: поскорее задать ему

вопрос. Это дурной вкус. Я не верю ни одному слову, произносимому человеком перед камерой. (Между прочим, может быть, я тоже сейчас вру.) Гораздо точнее – наблюдать за тем, как человек работает, но это требует времени и терпения». Это слова Ричарда Ликока, придумавшего когда-то легкую синхронную камеру и сам жанр «вокс-поп» – летучие уличные интервью.

«И теперь, когда я вижу, как репортер заставляет очередного несчастного человека глотать микрофон, я думаю: о Господи, что же я наделал», – говорит Ликок. Словно он посмотрел кое-какие работы, присланные на Евразийский телефорум-99 в номинацию «Телепортрет».

Возьмем, к примеру, одну из лучших программ – самарский «Портрет на фоне». Вероника Савостьянова и Дмитрий Яранцев, несмотря на молодость, опытные интервьюеры, свободно держатся, не задают собеседнику банальных вопросов, высказывают свои суждения, заставляющие думать, иногда возражать. Собеседник – ректор коммерческого вуза – принимает их в кабинете и угощает коньяком. Вроде бы все хорошо. Но чего-то не хватает. Именно – заявленного «фона». Чем «перебивается» сорокаминутный разговор? Сценками с участием той же троицы: два интервьюера и ректор прохаживаются по улице. Вот уже, кажется, он их приглашает в машину, прощание... Ан нет, опять сидят в кабинете, выпивают, дружески беседуют. А мне хочется посмотреть, каков этот ректор в общении со своими преподавателями, как его слушают студенты, кто его друзья... У врага спроси и у друга, у вина и у сабли, у золота и у женщины, а уж потом у него самого, – повторяет Расул Гамзатов кавказскую мудрость. Хочешь узнать человека – спроси у семерых. А если по-телевизионному – покажи человека в разных обстоятельствах. Ни один из авторов и режиссеров не использовал такой давно известный прием, как «спровоцированная ситуация» (более благозвучно – «спроектированная», но суть не меняется: придумать и снять эпизод, в котором герой раскроет свою духовную сущность).

Наблюдение за героями, наряду с интервью, применила автор и режиссер Наталья Гугуева в фильме «Двое и одна». Эта работа выделяется нестандартностью героев – цирковых артистов, их необыкновенной откровенностью в рассказе о превратностях любви. Но представьте, как проиграл бы фильм, если бы не была передана атмосфера цирка! Если бы остались только «слова, слова, слова».

Чтобы проверить себя, свое восприятие картины «Двое и одна», я прокручивал эту кассету в двух компаниях. Первая – что называется «простые телезрители» – были полностью поглощены сюжетом, любовными коллизиями героев. Вторая компания – опытные телевизионщики – нашли немало недочетов: неточные порой вопросы Гугуевой, микрофон в кадре, опять же наблюдений маловато, хотелось бы больше материала для собственных умозаключений. Выяснилось, что мое восприятие ближе к «простым зрителям». Хотя я тоже против микрофона в кадре, в данном случае он почему-то не мешал исповедям двух героинь, репликам главного героя. Лобовой, примитивный вопрос музыканту «что для вас музыка?» резанул, конечно, но потом я все эти тонкости отбросил, следя за развитием событий.

Значит, так. Свердловский музыкант полюбил заезжую циркачку. Она, соответственно – его, хоть и старше он намного. Вспоминает, повзрослев, что был он ей кем-то вроде папы, давал читать хорошие книги, учил жизни. Влюбился музыкант так, что часто бросал работу и летал самолетами «Аэрофлота» в те города, где гастролировала его Галя. Разлука была невыносима, и вот Василий – немолодой уже человек– совсем оставляет музыку и осваивает профессию... воздушного гимнаста! Вот уже мы видим их семейный номер под куполом цирка. Разлуки прекратились, теперь семейная пара гастролировала вместе. Уже не пара даже, а трое – ребенок, плод счастливой любви, появился вскоре.

Счастливый финал? Как бы не так! Редкий в телекино случай: неожиданный поворот сюжета. Василий делает предложение другой женщине, звукооператору Тане. Таня рассказывает, как это было. И мы, зрители, разглядываем всех троих. Живет Вася теперь с Таней и работает под куполом с Галей. (В финале, правда, титром поясняется, что этот номер прекратил-таки свое существование.). Оказывается, пламенная любовь Васи и Гали не выдержала испытания... чересчур тесной близостью, постоянным присутствием друг друга – на работе, в гостинице, посреди бродячего циркового быта.

Признанный мастер телефильма Алексей Погребной любит повторять, чем отличается фильм от передачи: «Фильм – это про всех нас, а передача – про них, про тех, кто на экране». Прикосновение к вечным тайнам человеческой личности – вот что такое фильм-портрет.

Сам Погребной блистательно продемонстрировал фильм «про всех нас», снимая на протяжении десяти лет семью фермера Орловского. Про «Лешкин луг» написано и сказано немало, грустная это телеповесть. Герои постарели, дети выросли и утратили былую непосредственность, корыстные подсчеты начались, да еще по судам Орловских затаскали... Похоже, уникальный семейный сериал, который был интереснее всех «мыльных опер», движется к закономерному финалу. А Погребной – параллельно наблюдает за жизнью еще нескольких семей. Только «про нас» уже не получается. На сей раз мы отстранение смотрим информацию «про них». Вот, например, вторая серия фильма «Деревенская жизнь Владимира и Татьяны». Первая была снята в 1982 году, ее мало кто видел. Теперь Владимир умер, жена вспоминает, какой он был, как тосковал по городу, оставленному ради нее. Вроде бы трогательно, – а не трогает, не включаешься в сопереживание. И поскольку все познается в сравнении, понимаешь, как точен был выбор в герои именно Орловского – с его умением рассуждать, с его открытостью, пусть порою показной, чуточку «на публику». Большая удача документалиста – встретить героя, который осознанно играет сам себя.

Наблюдением за героиней отлично дополняется интервью с нею в фильме Геннадия Шеварова из цикла «100 портретов» екатеринбургского «4 канала». Вот она с пафосом распевает сочиненный ею «Гимн Урала», а вот уже... колдует. Да, она

колдунья, или по-нынешнему экстрасенс. Автор относится к героине по-свойски, с мягкой иронией, что само по себе редкость.

«Высший пилотаж» профессионализма показала, как всегда, студия «1 + 1» города Киева, прислав очередную серию «Версии Ольги Герасимьюк. Монсеррат Кабалье». За время однодневных гастролей звезды в Киеве авторы сняли не только интервью с ней, но и тот самый «фон». Как известно, короля играет свита. Король на сцене ничего не делает, идет себе. Придворные расступаются и кланяются. Так и здесь. Мы видим обстановку на репетиции, про Кабалье почтительно говорят члены ее «свиты» – сами люди мирового уровня. Только зря прибедняется в кадре Ольга Герасимьюк: мол, вы такие знаменитые, а мы такие бедные. Не такие уж бедные – фильм сделали прекрасно, героиню показали многопланово, использовав упомянутый выше принцип «спроси у семерых».

Для сравнения посмотрим, как работали с другой заезжей знаменитостью в Тольятти на ТВК «Автоваз». Сидит в кадре, положив ногу на ногу, важный Валентин Юдашкин и важно рассуждает. На «перебивках» маршируют его длинноногие манекенщицы.

Вот и все. Словно фотография на паспорт рядом с работой фотохудожника.

Особого разговора заслуживает работа «Сокровенные люди» («ТВ-фонд») под руководством Оскара Никича, ныне покойного. На Телефорум представлено 24 фильма по 15 минут. Каждый фильм посвящен двум героям: одному – жившему давно, например, Екатерине Дашковой или изобретателю телевидения Борису Розингу. Второй герой – ныне живущий. В дуэте с Дашковой – матушка Феофила, возрождающая заброшенную обитель. Судьбу Розинга, погибшего в архангельской ссылке, продолжает судьба бабушки Марии, перенесшей все тяготы той же ссылки.

Не всегда духовная связь героев присутствует так явно, порой подбор «пары» кажется несколько искусственным, но не в этом дело. Сама идея показа того, как Россия, «которую мы потеряли», – вовсе не потеряна, а продолжается в лучших людях – великолепна. Мы смотрим на сегодняшнюю жизнь, примеривая ее к вершинам духа прошлых лет. Не всегда сравнение в нашу пользу. Не всегда хватает пятнадцати минут для проникновения во внутренний мир героев. Что делать, таков наш торопливый век. Но я уверен: эти фильмы будут смотреться как откровения для многих. Вспомним, какой сенсацией стали в свое время «Исторические миниатюры» Валентина Пикуля, какие неизвестные советскому человеку страницы благородства открылись тогда. Проект Оскара Никича – из того же ряда. Собраны лучшие творческие силы – от «зубров» экранной документалистики Льва Рошаля и Дмитрия Лунькова до молодых авторов и режиссеров провинциальных студий: тут Алтай и Удмуртия, Ростов и Новгород Великий, Тува и Калининград. Чувствуется жесткая рука продюсеров: все фильмы приведены к достаточно высокому стандарту, все отличаются четкостью, внятностью авторского подхода к истории и современности – качествами по нынешним временам редкими. Не хотелось бы писать об откровенно слабых работах или о тех, что попали в

«портретную номинацию» случайно. В том и смысл фестивалей и форумов, чтобы молодые деятели ТВ смотрели работы друг друга, сравнивали, устанавливая для себя критерии профессионализма, постигая приемы мастерства.

в начало

ТЕЛЕНОВОСТИ – ВРЕМЯ МЕСТНОЕ

Телеконкурс под девизом «Новости – время местное» проходил с ноября 1998 г. по сентябрь 1999 г. по восьми зонам Российской Федерации (с финалом в Москве). Главная цель организаторов – способствовать профессиональному росту сотрудников новых региональных телекомпаний. Местные новости выпускают сейчас около 500 государственных и негосударственных компаний. Некоммерческая общественная организация "Интерньюс", Фонд развития российского ТВ, Национальная Ассоциация Телерадиовещателей и члены жюри конкурса получили сотни кассет с новостями из больших и малых городов. Это обширная видеопанорама российской жизни, сильно отличающаяся от того, как отражается эта жизнь в новостях столичных каналов.

Я люблю смотреть новости местных телестудий. Конкурс – единственная возможность увидеть их. В наши дни на многих домах стоят антенны-тарелки, принимающие сигналы, казалось бы, со всего света, – но только не из российской глубинки. У себя на кафедре я могу видеть 25 европейских каналов – от Польши до Португалии, – но не Саратов, не Воронеж и тем более не Торжок или Сергиев Посад.

И одной из своих задач на конкурсе я считал такую: познакомить молодых коллег со сложившимся международным стилем новостей, с некоторыми профессиональными стандартами, основанными на объективных законах зрительского восприятия.

Некоторые слушатели семинаров и мастер-классов, проходивших в рамках конкурса «Новости – время местное», воспринимали информацию о мировом опыте благожелательно. Другие отвергали с порога: «У нас свой менталитет, у нас особые условия, ни Европа, ни Москва нам не указ».

Но так было всегда. Каждое новое поколение телевизионщиков считает, что история ТВ начинается только сегодня. Такая уж у нас профессия. Телевизионные журналистские передачи исчезают «как сон, как утренний туман». И приходят новые поколения – с тем же необходимым для профессии куражом, с той же абсолютной уверенностью, что вот сейчас и начинается настоящее ТВ.

Конкурс – дело очень хорошее. Бог с ними, с нашими мастер-классами. Важнее было молодым коллегам друг на друга посмотреть, работы друг друга обсудить. Сколько городов – столько стилей, самородных правил, а то и надуманных «табу». И находок, между прочим, тоже немало! Некоторые телекомпании интуитивно выходят на тот самый международный стиль подачи телеинформации – тактичный, доброжелательный, не назидательный, человечный.

В телекомпании города Переславль-Залесского, что в Ярославской области, поняли, что любую тему выигрышнее всего подавать **через человека,** через участника событий, с которым может отождествить себя зритель – и тогда возникнет сопереживание, и теленовости в чем-то сравняются с волнующими произведениями искусства. Вот открывают в городе дом для престарелых. Как сняли бы это – в девяноста случаях из ста? Митинг, перерезание ленточки, обитатели чинно отдыхают, благодарят за заботу. Так? А в Переславле-Залесском сняли иначе. Пришли домой, на старую квартиру, к 85-летнему ветерану, посмотрели на его житье-бытье. Оператор снял прекрасную «перебивку» к разговору: две ветеранские медали, приколотые к цветной картинке, к двум котятам. Ветеран, значит, с юмором: своими медалями котят наградил. Кадр многого стоит – это ведь телевидение (а на многих других студиях, увы, телеслышание, экран можно выключить без потери смысла). И вместе с этим пожилым героем, проникнувшись его нелегкими проблемами, мы входим в новый дом. И та же ленточка, те же слова градоначальников воспринимаются уже совсем по-другому...

Хорошие новости показала Кострома (ГТРК). Не в том смысле, что о хороших событиях – вовсе нет. В Костроме конфликтов хватает. Но дело в том, что показаны они сбалансирование, что телекомпания не подстрекает, не становится на одну какую-то сторону, не берет на себя функции высшего судьи (чем грешат, увы, весьма многие молодые коллеги!). Вот пример. Прошел в области референдум – строить или не строить атомную электростанцию. Большинство высказалось против строительства. Решение обжалуют через суд... жители ближайших к будущей АЭС сел! Им плевать на ядерную опасность, была бы завтра работа, стройка сможет многих прокормить. И телевизионщики, рассказывая о таком необычном конфликте, удержались от морализаторства – как того и требуют принятые во всем мире правила.

Дальше в выпуске информация: на заводе «Текмаш» уволили 200 человек, задержка зарплаты достигла 23 месяцев. И вслед репортаж с другого завода, где зарплату платят вовремя, а продукция идет на экспорт. Умные люди осуществляют **информационную политику** в Костроме! Это, конечно, не коммерческая, а государственная компания, ей на роду написано быть сдержанной и осмотрительной, «не раскачивать лодку». Но и так называемым «независимым» надо бы подумать: ну ладно, свергнем эту «антинародную власть», и где вы назавтра будете?

Разговор на эту тему я вел с одной молодой женщиной, и ответственной за подбор новостей и ведущей крупной телекомпании. Беседовали мы, кстати, в скромном трехэтажном жилище ее шефа. Мне хотелось узнать, почему 40-минутный выпуск новостей эта дама составила исключительно из криминальной хроники, пожаров и прочих неприятных происшествий. Сюда же были подверстаны полученные через спутник сюжеты о заграничных катастрофах. Неужто ничего больше в регионе не произошло?

– Во-первых, – ответила прекрасная собеседница, – на НТВ считают, что хорошая новость – это не новость. А во-вторых, знаете... день был такой.

И тут меня осенило.

– Если вам лично в этот день не повезло – с любимым, к примеру, поссорились, – то это не повод вгонять в депрессию весь Урал!

– Но мы же должны иметь личную позицию, – возразила телеведущая.

Нет уж, братья и сестры, свои личные эмоции мы должны оставлять за порогом студии. А все же интересно знакомиться с жизнью современного местного ТВ! Нарочно, как говорится, не придумаешь, и чего только тут не увидишь на экране!

Прелестные молодые женщины – ведущие – не только читают новости, они еще и ведут некую психотерапевтическую работу. Вот «Провинциальные новости» из Ступино (Московская область). Сюжеты обычные и зачем-то с музыкой, как в 50-е годы. Но ведущая Нонна Денисова так поздоровалась и улыбнулась, такое от нее излучение шло доброе, такой она была домашней и спокойной – что жюри выдало программе приз. А вот в Щелково и Подольске – тоже ведь Подмосковье – ведущим улыбаться не велено. Мы, говорят, лица официальные. Ну что с ними поделаешь, раз «ментальность» такая. Бюрократ живуч при любом общественном строе, и мертвящая эта серьезность ненавистна мне с тех еще пор, когда мы выступали за «социализм с человеческим лицом». Сегодня я – за ТВ с добрым человеческим лицом. За то, чтобы сохранять местный колорит и отнюдь не во всем равняться на НТВ и прочих «больших братьев».

НТВ, например, не справилось с широко разрекламированным «проектом 89» – не смогло выдать по одному репортажу из каждого региона России. Репортеры НТВ искренне не понимают, чем отличается Пензенская область от Тамбовской и как показать на экране эти различия. Посмотрели бы они местные новости! Нет, не станут. Им это неинтересно. Они на свою страну смотрят свысока. А местные журналисты, выдав репортаж в эфир, должны будут назавтра посмотреть в глаза своим героям – живут-то вместе, рядом. И это создает совсем иные отношения между экраном и зрителем.

Тем непонятнее стремление некоторых местных коллег – тех, что без улыбки – отгородиться каким-то барьером, словно чиновник из жилконторы. Нет, мы со зрителем должны быть добрыми друзьями.

Позвонили на НТВ из Щербинки, пожаловались на коммунальные безобразия: воды горячей нет, со светом перебои. А железная дорога у вас есть? – спросили энтэвэшники. Есть, конечно. Главная магистраль из Москвы на Юг. – Так выйдите на рельсы, перекройте движение, вот тогда мы и приедем. Это будет событие.

Так и сделали наивные жители-телезрители.

Щербинское ТВ рассказало об этой провокации «старшего брата» на кадрах, где прокурор через мегафон увещевал освободить рельсы, напоминая об ответственности за такие действия. Хорошо, что в этом конфликте не оказалось пострадавших, – если не считать убытки железной дороги и нервотрепку пассажиров. Нет, говоря о

мировых стандартах телеинформации, я вовсе не за сенсацию любой ценой. «Там» господствует правило: переводить любой конфликт в план дискуссии, быть «сводником» в поиске истины, которая, как известно, рождается в спорах, но ни в коем случае не провоцировать, не обострять социальные, расовые, национальные и прочие противоречия.

Критиковать начальство – если за дело, если без хамства – очень даже можно и нужно. Так, например, поступают в городе Иваново, смело, взявшись разоблачать милицейское начальство. Но просто ворчать – мол, все они в грязи, а я один в белом жабо – недостойно журналиста.

«Важно, чтобы все, кто сегодня делает новости, ясно осознавали свою гражданскую и профессиональную ответственность перед обществом, перед зрителем, перед личностью. От того, какими будут местные новости, во многом зависит будущее России», – сказано в обращении организаторов конкурса к его участникам.

И если хотя бы некоторые из них задумались теперь над вопросами «Кто я перед зрителями? С какой целью вышел я на экран?» – то встречи и «разбор полетов» были не напрасны.

– Перед вами два лидера, которые, вполне возможно, летом следующего года будут конкурировать в борьбе за пост Президента Российской Федерации: Геннадий Зюганов, лидер КПРФ, и Григорий Явлинский – партия «Яблоко».

Этими словами Савик Шустер, директор московской редакции «Радио Свобода», открыл первые президентские дебаты – учебные, для финалистов всероссийского конкурса «Новости – время местное», собравшихся в Москве. Дебаты посвящались свободе слова и ее перспективам в случае победы того или иного кандидата на выборах 2000 года. Дебаты плавно перешли в пресс-конференцию, задать свой вопрос политикам получили возможность присутствовавшие в зале Президент-отеля журналисты региональных телекомпаний. Всю ночь видеоинженеры «Интерньюса» – главного организатора конкурса – делали копии, получилось сто кассет, которые «регионалы» увезли с собой для показа в местном эфире. Так журналистская учеба стала фактом политики. Аудитория региональных телестудий огромна, столичные лидеры поняли это и стараются использовать возможности местных СМИ.

А руководители столичных телеканалов – все как один, словно сговорившись – в Президент-отель не пришли, хотя их загодя пригласили на дискуссию «Региональные журналисты о столичных новостях». Неинтересно нашим телемагнатам мнение глубинки о них. Подробно и аргументированно журналисты из Томска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и других городов ставили «диагноз» столичным коллегам: в их выпусках нет «чувства страны», новости превратились в «мыльную оперу» с присутствием давно известных персонажей политических игр, преобладает катастрофизм, а любая предлагаемая с мест хорошая новость

отвергается как «джинса», то есть незаконная реклама под видом информации.

Виктор Мучник, руководитель томской независимой телекомпании «ТВ-2», рассказал, что получил письмо с предложением о сотрудничестве от ОРТ. Выйти на «первую кнопку», конечно же, лестно, Мучник позвонил в Москву и сообщил, что скоро в Томской области состоится праздник – пуск в эксплуатацию открытого недавно крупного месторождения газа. Настоящий праздник, даже с фейерверком. Газ поможет решить многие проблемы области. – Нет, это неинтересно, «заказуха», – ответили из Москвы и поинтересовались: у вас там, кажется, наводнение назревает, может быть, для нас наводнение снимете? На НТВ для хорошей новости тоже не оказалось места. Мотивировали тем, что не до вас сейчас, надо следить за перемещениями Березовского.

– Вот как в Москве понимают, что важно, а что нет, – сказал Мучник. – Мы бы хотели видеть в столичных новостях панораму того, что происходит в России. Событие – как камень, брошенный в воду: от него расходятся круги. Кого и как на этих кругах закачало? Как событие в одном месте отражается на жизни в других регионах? Если показывать это – вот и будет в программах чувство страны.

В России неплохо развивается дорожное строительство, сейчас в любой пункт Нижегородской области можно доехать за два часа, а раньше требовалось пять. Рассказав об этом, Нина Зверева посетовала, что новые дороги не интересуют коллег из «Вестей» (РТР) так же, как и новые модели автомобилей, и высокий уровень рентабельности, на который вышел завод «ГАЗ».

Открылась новая школа в одной из северокавказских республик. Москвичам неинтересно: «ее же не взорвали». В Волгодонск после взрыва звонили днем и ночью, спрашивали, каков счет погибших. А потом отвергали сюжеты о судьбе оставшихся в живых, но бездомных, брошенных властями людей.

В дискуссии о новостях столкнулись две концепции. Одна, близкая столичной практике: новости должны показывать из ряда вон выходящие события, о хорошей работе завода можно рассказывать только в том случае, если это необычно, если все остальные заводы стоят. Вторая концепция: новости должны быть моделью жизни, средством консолидации общества, дающим ценностные ориентации, а не только «голую информацию».

Эти две точки зрения присутствовали даже внутри конкурсного жюри. Споры при определении победителя – лучшей новостной программы – дошли до такой непримиримости, что организаторы приняли поистине соломоново решение: выдать не один «Гран-при», а два. Наиболее профессиональными «воплотителями» первой концепции, «энтэвэшного» стиля новостей, были признаны журналисты екатеринбургского «Четвертого канала». Лучшими представителями второго направления – с преобладанием «мягких», «домашних» новостей, которые, возможно, интересуют только жителей данного региона и никого больше – признаны журналисты томской телекомпании «ТВ-2».

Принимая решение о двух «Гран-при», члены жюри (А. Гурнов, М. Дегтярь, И. Петровская, В. Познер, Е. Рассказова, В. Флярковский, Г. Шевелев, С. Шустер и другие) согласились с тем, что выделять одно направление было бы неправильным. «Гран-при» такого масштабного конкурса – это ориентир, «маяк» для всех региональных телекомпаний. Так пусть же развиваются оба направления – зрители от этого будут только в выигрыше.

Пока члены жюри обсуждали конкурсные программы, спорили о призах и концепциях, в зале Президент-отеля продолжалось профессиональное общение и учеба. Замминистра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций М. Сеславинский, секретарь Союза журналистов России М. Федотов, директор Центра «Право и СМИ» А. Рихтер познакомили журналистов с особенностями и «подводными камнями» нового Закона о выборах. Мастер-класс провел В. Познер. Мнениями о российских теленовостях поделились зарубежные коллеги, работающие в Москве.

Шеф бюро Датского телевидения Поль Хансен отметил, что творческий рост регионального вещания в России очевиден: «вчера и сегодня – как земля и небо». Хансен видел, как одна из малых телестудий работала, не имея даже монтажной: все, что снято, шло в эфир, корреспондент наговаривал текст одновременно с работой оператора на событии. Теперь такого не встретишь. Датское ТВ рассказывает о том, что близко человеку: жизнь, здоровье, дети, деньги. Сюжет в национальных новостях длится в среднем сто секунд, в региональных –4–5 минут. В региональных телекомпаниях работают 4–5 журналистов, 2–3 оператора, то есть в 4 раза меньше, чем в национальных.

По поводу отбора новостей датчанин рассказал такую притчу. На одном корабле штурман постоянно пил, капитану это надоело, и он записал в бортжурнале: «Сегодня штурман был пьян». Назавтра в том же журнале штурман записал истинную правду: «Сегодня капитан был трезв». И это выглядело как необычайное событие.

Роберт Парсонс, корреспондент Би-би-си, рассказал, что в Британии, как и в России, за последние годы произошло повышение статуса регионального ТВ. Зрителя больше интересуют теперь местные новости, нежели то, что передает журналист из Москвы или Вашингтона. Но британские новости строятся на «визуальной идее», на «рассказе картинками», российские же – вероятно, в силу традиций – больше уповают на слово. «У вас должны быть откорректированы отношения между корреспондентом, оператором, монтажером, между ними нет взаимодействия, – что и когда снимать, куда поставить тот или иной кадр, чтобы создать нужную последовательность зрительных образов. Операторы не вкладывают достаточно мысли в то, что они делают. Когда смотрю их наезды и отъезды, начинается головокружение».

Анна Гелинек представляет в Москве германскую компанию ЦДФ (Цвайте дойче фернзее – Второе немецкое телевидение). Как и ее коллеги, Анна считает, что российские теленовости чересчур политизированы и тенденциозны. Это отражается на профессиональных качествах московских журналистов, с которыми ЦДФ иногда работает. «Когда посылаешь репортеров на «вокс-поп»

(выступления прохожих на улице), они спрашивают меня: А что ты хочешь услышать? Что они должны говорить? – Например, что они думают о Раисе Максимовне.– А что они должны думать?» Еще одна российская беда, по мнению Анны – то, что нет реакции властей даже на самые острые выступления прессы. Ничего не меняется. Отсюда чувство беспомощности даже у лучших журналистов.

Дискуссию в зале вызвала такая мысль западных коллег: надо объяснять вашим губернаторам и мэрам, что свобода информации для них выгодна. Благодаря журналистам они будут знать истинное положение вещей, ведь их подчиненные частенько их обманывают. Для политика свободная пресса – хороший инструмент, прижимать прессу выгодно только жуликам. «Вы должны объяснить это вашим политикам, ведь среди них есть люди честные, не так ли?»

Наши возразили: я могу объяснить редактору, но он зависит от своего начальника, а тот – от магната-хозяина, пройти эту цепочку журналисту невозможно.

Поль Хансен высоко оценил красноярский репортаж о противостоянии местных властей и рабочих города Ачинска. «Но я понял, что эту станцию финансируют враги Лебедя. Если бы финансировал сам Лебедь – это было бы великолепно». Тут же сахалинцы привели свой пример: они показали своего губернатора не в лучшем виде – он распекал журналистов после пресс-конференции с американским послом, зачем, мол, спросили о Курильских островах. Показали этот «разнос» в эфире – и ничего, губернатор зла не затаил на телекомпанию. Могут быть, значит, цивилизованные отношения с властью.

За этот сюжет Южно-Сахалинская телекомпания «АСТВ» была награждена специальным призом. А красноярцы, «ТВК-6 канал», получили приз за лучший репортаж. Три года валялся на улице баллон с аммиаком, стали ремонтировать забор и баллон откатили. Он начал дымить. Если бы это случилось ночью, в районе многие не проснулись бы. Репортер чувствовал запах нашатырного спирта даже за милицейским оцеплением, но проник с оператором к самому баллону, который поливали водой. Специалисты спорили, как обезвредить баллон – вывезти, расстрелять. Наконец один из них, работник хладокомбината, взял кувалду и как следует шарахнул по баллону, тут же отскочил, окутанный белым облаком мощного выброса. Чисто русское решение проблемы! И – все это в кадре, мы видели это собственными глазами.

На церемонию награждения победителей приехал председатель Госдумы Геннадий Селезнев. Руководителей главных телеканалов опять не было. Но ничего, сказал кто-то из журналистов, еще спохватятся. Президент Ельцин сказал не так давно этим трем теленачальникам: «Вы – силовики». Теперь и о местных телекомпаниях можно сказать то же самое. «Пока мы были по отдельности, нас можно было легко хватать и душить. Надо на основе нашего конкурса создать союз вещателей России, – если в одном городе будут кого-то притеснять, другие сообщат об этом». Такое предложение внес Петр Федоров, участник всех этапов конкурса «Новости – время местное», ведущий воскресной передачи «Реноме» на «Рен-ТВ».

В 2000 году этот конкурс прошел в шести городах, по крупным российским зонам. Приглашались все телестудии – вплоть до районных и поселковых. Финалистам понравилась высказанная организаторами мысль: последнее десятилетие XX века назовут временем телевизионной революции, потому что каждые 3–4 дня в России появлялась новая телекомпания. Вместе они – сила, развивающая демократию.

в начало

ТОК-ШОУ: НЕИЗВЕСТНЫЙ ЖАНР?

В конце августа 1998 г. в Москве проходил первый межгосударственный телефорум стран СНГ. Флаги, пресс-конференции, просмотры, обсуждения. Наконец, объявление результатов. В номинации «ведущий ток-шоу» премию... решено не присуждать никому. Ибо ни одна из представленных передач, по мнению отборочной комиссии, не соответствовала жанру ток-шоу. В дальнейшем от этой номинации пришлось отказаться вовсе.

Каждый день под рубрикой «ток-шоу» на десятках и сотнях радио- и телестанций выходят в эфир самые разные передачи. Вот «Эхо Москвы», солидная фирма. Два человека общаются между собой – хозяину студии «маловата» роль интервьюера, он острит, хохмит, в прямой эфир включаются телефонные звонки. И все это обозначено как ток-шоу. Хочется возразить: да это ведь старая добрая знакомая под названием «беседа»! И тут же вспоминаю: беседой в теории радиожурналистики именуется разговор... одного человека. Якобы он «беседует» со слушателями. А «кадр» на радио – это то, что в ТВ именуется «сюжет». Ладно, Бог с ним, с радио. Посмотрим, что подразумевают под ток-шоу наши западные коллеги-телевизионщики – раз уж мы позаимствовали их термин.

Ток-шоу – значит **«разговорное представление».** Появился термин применительно к эстрадному жанру, где один конферансье-затейник развлекает публику разговорчиками, иногда вовлекая в общение зрителей из зала. И на ТВ первыми признаками жанра считаются: легкость разговора, артистизм ведущего, обязательное **присутствие аудитории.**

Возьмем, к примеру, популярную в США программу «Шоу Опры». Опра Уинфри, обаятельная полноватая негритянка, очень живая, заразительно смеющаяся, считается самой высокооплачиваемой журналисткой Америки. Ее ток-шоу – это именно **журналистика,** мастерски подготовленное общение с популярным человеком, сопровождаемое показом на большом экране фотографий и другого материала. Темы сугубо конкретные – о фактах личной биографии: что, когда, с кем, какие были чувства и т.п. В студийном павильоне полно народа. Народ ахает, аплодирует, смеется, восторгается, удивляется – словом, создает атмосферу. И – все. Никаких выступлений с мест. Опра не бегает по студии с микрофоном и помощников не посылает. В этом могут убедиться те, кто принимает передачи канала «Рен-ТВ», шоу Опры передается по субботам и воскресеньям. (Как это по-русски: ток-шоу по уик-эндам?)

«Донахью-шоу», как помнят многие, строится совсем по-другому. Аудитория активно участвует в обсуждении темы. Там чаще всего тоже есть «гость» – главный собеседник. Бывают и люди, разбирающиеся в предмете разговора – эксперты. Процитирую кое-что из пресс-релиза:

«Пользующаяся в США широкой популярностью программа Донахью передается пять раз в неделю и специализируется на спорных или информативных темах и встречах с интересными людьми. Для каждой своей передачи, которая длится ровно час, Донахью выбирает только одну тему или одного человека, но освещает их живо и разносторонне... Зрители прямо с мест задают свои вопросы гостям, комментируют их мнения, выступают с собственными и подчас спорят друг с другом, что придает программе спонтанный характер и делает ее разнообразной... Остраполемические программы дают зрителю новую информацию и одновременно развлекают его... Передачи транслируются изо всех уголков страны и даже с пароходов, которые совершают круизы по Миссисипи». Сам Донахью говорит о своей работе так: *«Я встречался с лидерами государств, с профессиональными спортсменами, с артистами, учеными. С теми, кого собираются посадить в тюрьму, и с теми, кого собираются из тюрьмы выпустить. С гомосексуалистами, с лесбиянками, с хирургами. С соратником Гитлера и с летчиком, который сбросил бомбу на Хиросиму. Такие встречи не обязательно способствуют накоплению мудрости, но обязательно способствуют появлению множества вопросов».*

Национальная академия искусств и наук США восемь раз присуждала Филу Донахью премию «Эмми» как «выдающемуся ведущему в номинации развлекательно-воспитательных программ». Стало быть, развлекательный элемент для ток-шоу необходим – отсюда популярность жанра на коммерческом ТВ. Мы же прочно забыли девиз, сформулированный еще Екатериной Второй: «Поучать, развлекая». Русское ток-шоу – штука необыкновенно серьезная, хотя и плохо подготовленная. Донахью, помнится, приезжал в нашу страну с командой из шестнадцати человек, в США ему помогают тридцать. Между прочим, жаловался, что ему трудно работать с русской аудиторией: «Они прочитали длинные романы Толстого и Достоевского и хотят раскрыть перед микрофоном свою душу, рассказать сразу все, что знают». Появление в телевизоре для нас – политический, а не артистический акт. Вот и терпим мы пока неудачи с легким жанром. Не будем о Познере, его грустные глаза к веселью не очень располагают, но остальные признаки ток-шоу налицо: **гость, аудитория в студии, эксперты**и «железный» **сценарий.** Импровизацию собеседников Познер направляет в нужное ему русло – воспитательный **результат просчитан заранее.** Безусловно, отвечают всем критериям жанра: «Тема» (ОРТ), «Акулы пера» и «Сделай шаг» («ТВ-6»), «Моя семья» (РТР) и некоторые другие программы.

Но оказывается, у нас возможно ток-шоу не только без развлечения, но и без публики в студии. Вот в программе объявлено ток-шоу Татьяны Комаровой «12 решительных женщин».

Сразу скажу: передача интересная. Полукругом сидят 12 дам и обсуждают проблему смертной казни. Начали с конкретного случая, в студии мать убитого матроса. Тема – одна, линия поведения Комаровой четко выстроена, логика у нее, прямо скажем, не женская. Пришли к выводу: по закону смертная казнь не должна допускаться, однако отомстить за родного человека, убить убийцу хотелось бы половине из присутствующих. «Какой пример даем населению?» – возмутилась одна из дам. «А мы никогда не ставим точку, хотим, чтобы люди думали»,– ответила ведущая. Хорошая получилась передача. Налицо наша раздвоенность и желание вершить самосуд, не надеясь на государство. Но можно ли считать это «разговорным представлением», ток-шоу? Или это совсем другая передача, не шоувумен Татьяна Комарова, а –модератор? Что это за роль такая, редкая пока у нас? Впрочем, о модераторе чуть позже. А пока посмотрим, что же присылают в номинацию «ток-шоу» наши коллеги из регионов.

Из Екатеринбурга на конкурс «Вся Россия» было прислано ток-шоу Евгения Енина (телекомпания «Четвертый канал»). Рубрика «Стенд», тема «Погорельцы». На стенд, как известно, можно вывесить объявление или плакат. На стендах испытывают приборы. Но как же надо не чувствовать смысл слов, чтобы приглашать на стенд живых людей, да еще несчастных погорельцев, потерявших жилье?! Хотя задача, в общем, благородная: Евг. Енин обсуждал с позвонившими в студию зрителями, как можно было бы погорельцам помочь. Назвать это развлекательно-воспитательным зрелищем никак нельзя. И вот на Евразийском Телефоруме вновь фигурирует его «Стенд». «Сегодня у нас на стенде директор департамента здравоохранения Руслан Хальфин». Да что он, в самом деле, экспонат, что ли? Стенд бывает выставочный. Бывает еще стрелковый – стендовая стрельба.

Мишень на сей раз, оказалась крупной: новый областной закон о частичном переводе здравоохранения на коммерческие рельсы. Минут двадцать шло обычное интервью, потом была включена телефонная линия. Зрителям – не до веселья. Они сообщили начальнику, что уже давно вынуждены платить деньги за лечение детей. А он: не хотите платить – стойте в очереди на бесплатное лечение. Двое, правда, умерли, не дождавшись. Весело? Еще как! Енин вообще-то неплохой интервьюер, за последние слова «зацепился», начальник утратил лоск. Все правильно, но при чем тут ток-шоу? Перед нами давно знакомое проблемное интервью.

Другая екатеринбургская телекомпания, на сей раз государственная, прислала на фестиваль «Вся Россия» в номинацию «ток-шоу» весьма странную передачу «Электрический стульчик» – монолог «нового русского».

Еще более «безразмерным» вышло так называемое ток-шоу «У костра» – у самого натурального костра, зажженного на Театральной площади. Заранее объявили: в таком-то часу костер, приходите, кто хочет. И пришли. Журналистка Е. Апарина задавала вопросы: с каким цветком, временем года или зверем ассоциируется подросток, ученик? Какие вы любите слова?

Кто-то пришел к телекамерам, чтобы поздравить родственников с годовщиной свадьбы. Кто-то просто

«потусоваться». Забавно, конечно. Поток жизни. Но никак не представление. Оно ведь всегда готовится заранее и потому имеет **зачин, развитие, кульминацию и развязку.** Возможны заготовленные сюрпризы для героев – как в передачах «От всей души» и «Старая квартира». Вот где драматургия, вот где выстроенность – и при том простор для самовыражения участников!

Конечно, Валентина Леонтьева не была автором программы «От всей души» (как и ведущие «Старой квартиры»). Она – диктор, народная артистка СССР. Готовили сценарий, разрабатывали ситуации совсем другие люди, как «команда» Фила Донахью или Владимира Познера – безымянные герои, журналисты за кадром. Однако в жанре ток-шоу актерское мастерство, умение общаться выходит на первое место. Недаром имя ведущего во всем мире давно выносится в название передачи.

Сценарная разработка «разговорного представления» – некое русло, приготовленное для того, чтобы точно **направить поток** мыслей приглашенных людей, обозначить постановку **проблемы** и линию **поведения ведущего,** продумать возможные **выводы.** Чем серьезнее тема – тем труднее обеспечить **легкость, популярность** да и логическое **развитие действия.** Мне даже представляется, что не всякая тема годится для этого жанра. Вот Кира Прошутинская в своем «Пресс-клубе», возродившемся на канале «ТВ-центр», ставит на обсуждение «судьбоносные» вопросы. И что из этого получается? Как говаривали раньше, «сумбур вместо музыки». Расчет на то, что соберем, мол, в студии три десятка умных людей, дадим каждому по минуте – авось да что-нибудь получится – такой «расчет», увы, не оправдывается.

Вот взялись недавно в «Пресс-клубе» обсуждать проблему, нужна ли России сильная рука. Хоть обозначили бы вначале, что значит эта самая рука. А то половина передачи ушла на выяснение: диктатура это или авторитарный режим? А чем, собственно, отличается одно от другого? Кого-то на месте будем расстреливать или все-таки судить какой-нибудь чрезвычайной тройкой?

Как быть с парламентом? Так и ставили все новые вопросы. Сама ведущая, кажется, не очень понимала, за какую проблему взялась. Вывод сделали осторожный: нужна не столько сильная рука, сколько умная голова. Одна, что ли, на всю Россию? Сколько можно надеяться на умного царя или генерального секретаря? Участники передачи расходились недовольные; каждого оборвали на полуслове, время – минута– истекло. Иногда ведущая ставила человека в полный тупик таким, к примеру, милым вопросом: «А у вас рука сильная?»

Нет, дамы и господа. Такое содержание в форму ток-шоу никак не укладывается. Образ Киры давно ассоциируется у меня с пионервожатой. Надо бы и темы выбирать, соответственно, полегче.

Для серьезных проблем и форма есть серьезная: теледебаты или дискуссия. Ведущий такой программы – уже не искрометный шоумен, а вдумчивый модератор. Наиболее ответственные дебаты – конечно же, перед президентскими выборами в США или у нас. Кое-что общее с ток-шоу тут имеется – например, наличие аудитории, создающей некий наэлектризованный воздух, атмосферу

публичности. Наш видный публицист Станислав Кондрашов недаром называл американские выборы одним большим шоу: тут все подготовлено и рассчитано на публику.

У меня есть видеозапись двух передач с участием Рональда Рейгана, в обоих принимает участие знаменитая журналистка Барбара Уолтерс. В одном случае она интервьюер, в другом – модератор. Это роли совершенно разные. Модератор следит за справедливым распределением времени. Если один кандидат в чем-то обвиняет другого, тут же модератор дает слово для возражений. Ну, а если высокий гость уклоняется от ответа – модератор может напомнить ему о вопросе, заданном интервьюером. Одного только не может модератор: выразить свое мнение по существу обсуждаемых проблем. Главное правило, принятое в мире: ведущий дискуссии не является ее участником. И это относится не только к предвыборным передачам, а и к самым обыкновенным, будничным дебатам, коих на телеэкранах мира великое множество.

«Вот за этим порогом я оставляю свое мнение», – сказал входя в павильон французского телевидения, наш гид. Сказал по-русски, поскольку до того работал корреспондентом в Москве. Мы, советские журналисты-пропагандисты (была поездка по линии Союза журналистов СССР), откровенно посмеялись. Нас в те годы приучили к тому, что надо, просто необходимо говорить в эфире от первого лица, высказывать собственное мнение. Например, так: «Лично я считаю, что наша родная партия есть ум, честь и, не побоюсь этого слова, совесть всей нынешней эпохи». То есть такое мнение, которое странным образом совпадает с мнением Старой площади.

И никуда мы от этой привычки не делись. Мнение товарища Доренко совпадает с мнением господина Березовского... ну и так далее.

Вот поэтому и не дается нам профессия модератора.

Потому что модератор оставил свое мнение за порогом студии, но остался живым, энергичным, интересным – распорядителем дебатов. Арбитр, как известно, в споре не участвует. У него задачи другие. Модератор превращает дебаты в динамичное зрелище – хотя выполняет, вроде бы, чисто диспетчерские функции. В роли модератора на Западе выступают самые известные телевизионные журналисты.

Первый блин – комом. Ни в малой степени не хочу бросать камешек в Савика Шустера, этот человек глубоко симпатичен мне, мил в общении, хотя мог бы важничать – возглавляет ведь в Москве солидную службу «Радио Свобода». Я переживал за него, когда Савик оказался в большом зале Президент-отеля перед десятком телекамер и двумя сотнями журналистов в роли модератора президентских теледебатов.

Дебаты были, понятное дело, учебными. Президентская предвыборная кампания еще не началась. Но кандидаты сидели на сцене самые настоящие: Геннадий Зюганов и Григорий Явлинский. Они пришли по приглашению Мананы Асламазян,

руководительницы «Интерньюса», на учебное мероприятие, приуроченное, как уже было сказано, к финалу телеконкурса «Новости – время местное». В Москву съехались победители восьми зональных конкурсов (Екатеринбург, Орел, Иркутск, Владивосток, Казань и т.д.) – региональные телезвезды, действующие журналисты.

Учимся, значит, на ошибках. Да простит меня Савик Шустер, взявшийся за роль модератора.

При капитализме, как говорили раньше, существует эксплуатация человека человеком. А при социализме все наоборот.

В США два участника теле дебатов непременно стоят. А модератор сидит в кресле за пультом. Кресло удобное, стол-пульт широкий. Иногда модератор один управляется с кандидатами (за его спиной, правда, зал в тысячу человек, которые дышат, реагируют – создают обстановку публичности). Иногда модератор сидит на сцене слева, вполоборота к кандидатам, и «дирижирует» сидящими справа журналистами-интервьюерами в количестве трех-четырех. Без его разрешения они не вправе задавать вопросы. Есть разные форматы дебатов **(формат** – не хронометраж, как полагают у нас, а **набор постоянных признаков и правил** телепередачи). Но в любом случае кандидаты в президенты или в вице-президенты США стоят. Все 90 минут передачи. Стоял перед сидящим модератором Барбарой Уолтерс президент Рейган и его соперник Мондейл. Перед ней, перед сидящими интервьюерами (их называют «панелисты»), перед зрительным залом и перед страной. Президентские дебаты транслируются одновременно всеми национальными телесетями.

А у нас все наоборот. Савик Шустер стоял в центре сцены, чуть сзади столов и кресел, в которых вальяжно расположились Явлинский и Зюганов. На первых американских дебатах в 1960 г. Джон Кеннеди и Ричард Никсон тоже сидели, по воспоминаниям очевидцев. Вроде бы Никсон ерзал ногами, поправлял носки, смотрел мимо партнера, а Кеннеди своим лучистым взглядом «пробивал» экраны телевизоров и сердца зрительниц. Те, кто слушал тогда эти дебаты по радио, голосовали за Никсона – как-никак он был вице-президентом США, опытным политиком: его речь казалась более серьезной и аргументированной. А телезрители «голосовали сердцем», уж больно хорош был молодой Кеннеди. Так телезрители победили радиослушателей.

Но с той поры сложился стиль, когда **политик говорит стоя.** Это считается **уважением к нации,** да и голос звучит темпераментней. И нет соблазна носки поправлять – нижняя часть тела прикрыта изящной трибункой с лампочками сигнализации, видными только кандидату. Модератор нажимает кнопочку, намекает: время кончается. С самого начала модератор вслух, для всех, объявляет условия: скажем, 90 секунд ответ на вопрос, 60 секунд – ответная реакция соперника, еще 30 – дополнения. Темп, ритм! Зрелище.

У нас же кандидаты не спеша разглагольствовали, сидя в своих креслах, а Савик переминался с ноги на ногу, не решаясь их прерывать. Потому что с самого начала он допустил роковую ошибку: не сказал о **регламенте.**

Приведу выдержки из стенограммы.

Шустер: Перед вами два лидера, которые, вполне возможно, летом следующего года будут конкурировать в борьбе за пост президента Российской Федерации. Насколько он важен – мы все убедились, особенно в последнее время. Эти люди могут оказаться наделенными огромной ответственностью перед страной и перед нами. Мы, журналисты, посредники между властью и обществом. Мы защищаем общество от власти – возможно, от этих людей. Геннадий Зюганов – лидер КПРФ. У этой партии есть прошлое, есть позиция и есть особое отношение к информации, это мы знаем из истории. Геннадий Зюганов должен нас убедить, что свобода слова останется в этом государстве, что мы не станем безработными. Григорий Явлинский должен доказать, что в случае его победы капитал и власть не будут нагло навязывать нам их желания. Способен ли он добиться этого?

В этом вступительном монологе допущены по крайней мере две неточности. Никто в дебатах никому не *должен*. И не надо называть человека в третьем лице – «он» – в его присутствии.

Была и третья неточность – при предоставлении слова Зюганову.

Шустер: Первое слово Геннадию Андреевичу Зюганову, и вот почему – все же это партия большинства в парламенте.

Зюганов не без ехидства поправил модератора: нет, большинства в Думе у нас нету, 205 голосов – это не большинство. Если б было большинство, голосование по многим вопросам выглядело бы иначе.

Просматривая видеозаписи зарубежных дебатов, я обратил внимание на то, что журналисты – и панелисты, и модераторы – не стесняются обращаться к своим записям, к бумагам. Барбара Уолтерс, «выстреливая» глазами в объектив, то и дело опускает их к заранее написанным четким вопросам. Савик Шустер в нашей отечественной манере понадеялся на авось – на импровизацию. И напрасно. Текст в руках журналиста – свидетельство **серьезности подготовки** к передаче. Отсутствие текста у политиков – свидетельство их компетентности и готовности к любым неожиданностям.

Савик Шустер не объяснил «условия игры» – могут ли претенденты общаться друг с другом? В США это не положено, хотя краткими репликами это правило иногда нарушается. Зюганов квалифицированно бранил ельцинский режим, Явлинский откровенно скучал, но вдруг, вскинувшись, обратился к партнеру: вы бы хоть название партии сменили, стыдно ведь быть наследниками сталинских преступлений. Модератор не вмешался – как призывать к соблюдению правил, если они заранее не объявлены? Зато уточняющие вопросы Шустер задавал активно.

Например, так:

– Геннадий Андреевич нам сказал много, но многое и не прояснил. Я так и не понял, буду я иметь работу или нет.

– Вы сказали, что знали многое из газет при советской власти, но знали ли вы точное количество узников ГУЛАГа?

Предоставляя слово Явлинскому, модератор опять допустил неточность и получил замечание. Ох, непростая это должность!

Шустер: Григорий Алексеевич Явлинский, как вы будете гарантировать свободу слова?

Явлинский: Вы, кстати говоря, меня спрашивали не о свободе слова, вы меня спрашивали о том, как сделать так, чтобы в России не было бандитского капитализма, вот о чем вы меня спросили.

Если вернуться к началу дебатов, к постановке вопроса – легко убедиться, что и Шустер, и Явлинский существенно отошли от предлагавшейся темы. Вывод: надо точнее, ответственнее **формулировать вопросы,** фиксируя их на бумаге – лучше заранее, но можно и по ходу дела. У модератора должна быть не трибуна, а рабочий стол.

В одном из вопросов к Явлинскому Шустер выразил недовольство тем, что Госдума ограничила свободу журналистов ТВ, запретив им показывать интервью с Басаевым. Журналист международного класса должен был бы знать, что и в свободной Великобритании запрещают синхронные интервью с террористами.

Не хочу больше перечислять «проколы» Шустера, потому что не знаю, как я сам провел бы подобную передачу. Меня пригласили в 1995 году быть модератором платных дебатов на канале ОРТ, но ни одна из 43 партий не захотела платить деньги за риск. Риск в дебатах есть всегда – наши горе-политики предпочли заученные монологи с остекленевшим взором. Эти передачи не обсуждались в «малых группах» – в семьях, на производстве и т.п. А теледебаты могли бы стать, как в Америке, общенациональным событием. Мы с режиссерской группой разработали для ОРТ следующий формат дебатов.

Общий хронометраж – 45 минут; участвуют представители трех партий. Каждая оплачивает 14 минут, но фактически имеет все 45 –ведь камеры показывают и слушающих, и реагирующих политиков. По две минуты даем каждому на предварительное **выступление-монолог,** потом предлагаем каждому задать **вопрос конкурентам.** Это большое искусство – задать вопрос! Это должна команда партии продумать заранее – как поставить конкурента в сложное положение, какие уязвимые места найти в его программе!

И, наконец, модератор задает всем трем **вопросы от имени зрителей.** Предполагалось, что мы соберем зрительские вопросы, объявив номера телефонов заранее, как и фамилии участников дебатов. В тот раз не сложилось. А теперь правилами Центризбиркома прямо предписано, что одну треть из предоставляемого бесплатного времени кандидаты должны провести в форме «круглого стола» или дебатов, т.е. в компании с конкурентами. Тем важнее осваивать журналистам искусство модератора, который дискуссию ведет, но в ней не участвует. Личное мнение – за порогом студии. А в ней – живой, остроумный, динамичный распорядитель, превращающий скучных политиков в участников азартного состязания.

Очень важен финал – кто выскажется последним. «Правило края»: запоминается последняя фраза. Это еще Штирлиц нам поведал. Кто в дебатах выступит последним – объявляется заранее. Дело решает жребий – подброшенная монета: орел или решка?

В теледебатах, в работе модератора нет мелочей. Освоение этой профессии – наш очередной шаг в постижении демократических норм общественной жизни.

Казалось бы, эксперимент в Президент-отеле мог кое-чему научить наших телевизионщиков. Но вот начались реальные теледебаты (перед выборами в Думу) – и что же? Евгений Киселев буквально повторил основные ошибки Савика Шустера.

«Помогли» Киселеву создатели роскошного, по их мнению, интерьера новой студии НТВ, ее сразу прозвали «пирамидой» из-за обилия треугольников. На двух треугольниках в огромных креслах восседали Явлинский и Чубайс, затем Жириновский и Немцов (камеры особенно охотно давали в эфир средние планы – с раздвинутыми ногами претендентов, с почесываниями, с неловким положением рук). А Киселев –вроде бы по должности хозяин дебатов – переминался с ноги на ногу, стоя в каком-то проходе, словно бедный родственник у порога. Поначалу модератор заявил о регламенте, но первый же выступавший – Явлинский – грубейшим образом его нарушил. На красивые часы никто не обращал внимания, дебаты, особенно с участием лидера ЛДПР, быстро превращались в обыкновенную перебранку. Киселев был выше Добра и Зла, не замечая ни превышения регламента (а потом и вовсе о нем забыв), ни прямых оскорблений типа «лжец», «подлец», звучавших из уст Явлинского.

В преддверии президентских выборов следовало бы подумать о выработке оптимального формата дебатов. Только тогда аудитория ТВ смогла бы в полной мере оценить упомянутые главные параметры личности каждого из кандидатов на главную должность в России: интеллект, воля, нравственность. Представители кандидатов могли бы, как это делается во Франции и США, заранее принять участие в выработке правил телепередачи – кто сидит, кто стоит, какова расстановка телекамер и света, как сигнализировать о регламенте, общаться ли претендентам напрямую – или только через модератора.

В этом деле гораздо больше «подводных камней», чем кажется нашим телевизионщикам и политикам. Так, перед дебатами Рейгана с Мондейлом Лига женщин-избирательниц, выступившая спонсором, предложила сто – целых сто! – кандидатур журналистов прессы и ТВ, которые могли бы выступить в роли интервьюеров-панелистов. Команды претендентов сошлись лишь на трех из них. Остальные подозревались в необъективности, в подыгрывании одной из сторон.

А на последних дебатах в США, как президентских, так и вице-президентских, панелистов не было вовсе. Вопросы задавал сам модератор, его голова торчала словно из суфлерской будки между трибунами Клинтона и его соперника. Это было, увы, скучно. Американские телевизионщики поняли, что после таких дебатов надо «закрутить», выдать в эфир дополнительное действие – так сказать, дебаты о дебатах: впечатления очевидцев, мнения экспертов и т.п. И если сами дебаты прерывать рекламой не принято, то шумная «посткоммуникативная» суета принесла телевидению США немалую прибыль.

Умеем ли мы учиться на чужих ошибках, или нам непременно надо наделать побольше собственных?

в начало

ПЛАНКУ СНИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ

Два мнения, как две чаши весов, то одна перетянет, то другая. Два мнения о продукции провинциального ТВ.

«Ах!» – умиляются критики и критикессы, увидев на экране после столичных тусовок и приевшихся «звезд» нечто из народной жизни, с бездорожьем, деревенским говором, простоватостью.

Ах, какая прелесть эти местные студии! Они ближе к народу, к подлинной духовности!

– Спору нет, – криво ухмыляются режиссеры, матерые волки с федеральных телеканалов, исколесившие сами всю эту простоватость, ходившие в народ, еще до эпохи видео, с лимитированной кинопленкой. – Спору нет, к сермяге ближе. Как любая самодеятельность. Профессионалов на местных студиях – раз, два и обчелся. Ну, Авдеев с Погребным в Вятке, Луньков в Саратове, Герчиков в Воронеже. Кто еще?

До 1998 года на конкурсах ТЭФИ была даже специальная номинация, а точнее, резервация для местных программ. Вот там и получили свои призы Герчиков с Погребным. Теперь региональные программы соревнуются с федеральными. На федеральных, надо полагать, уже все заметные люди стали лауреатами ТЭФИ, все академики сами себя наградили – теперь можно и провинцию на простор пустить...

Но затаенная обида на «ярмарку тщеславия» (как назвал в эфире праздничную лестницу ТЭФИ репортер ОРТ Андрей Малахов) привела к созданию параллельного конкурса с вызывающим названием «Вся Россия». Российская ассоциация региональных телекомпаний (РАРТ) проводит третий фестиваль «Вся Россия» с особенным размахом и шиком. В пику снобистской ТЭФИ провинциалы прислали на фестиваль аж 682 телепрограммы!

На таком обширном материале можно строить кое-какие обобщения, высказываться о местном ТВ как о явлении, делать выводы.

Вывод первый. Сотни местных телестудий, куда хлынули энтузиасты, никогда не слышавшие о журнале «Журналист», о телекафедре в МГУ, не учившиеся во ВГИКе – эти студии «делают погоду» на рынке телезрелищ в своих регионах. Во всем облике ведущих и репортеров какого-нибудь 12-го канала в Новосибирске – абсолютная уверенность, что у них есть своя, верная, большая аудитория, которая в данный момент смотрит именно 12-й канал. В Ростове некая компания «Пульс» прямо заявляет в эфире: до Останкина далеко, а мы рядом со своим зрителем, спешим на помощь. Какая именно помощь – об этом после.

И в то же время провинциальная задиристость соседствует с неумеренным пиететом перед «столичными штучками», залетевшими в провинцию. Даже Петербург дает немереное место в эфире Абалкину и Попову, при виде которых рука тянется к кнопке переключателя. Хватит, надули нас со своей перестройкой и

советуют что-то с обочины истории. Питерская студия «Пионер» прислала на конкурс нечто ужасное: ведущий с битой физиономией и кровоподтеками на носу, с ватной нашлепкой на черепе. Избили, говорит, за то, что пригласил в студию Льва Рохлина. Рохлин тут же солидно кивает: боятся его враги, да, именно так.

В Пензе приютили в эфире московского репортера Александра Политковского, Спросили о нынешнем состоянии российских СМИ. Саша с видом эксперта заявил: двумя главными каналами ТВ руководят евреи (режиссер услужливо дал два портрета с подписями). И коли так, то ему, Политковскому, не выступать ни на ОРТ, ни на НТВ. Рассказал бы мне кто-то про такую передачу – я бы не поверил. Но вот она, на кассете, прислана в расчете на премию «Вся Россия». Ну и Саша, просто великолепная уверенность в себе. Россия многое теряет, не имея счастья лицезреть его не только на 6-м, но еще и на 1-м, и на 4-м каналах. Просто ходячая духовная ценность. Но пензяки-то куда смотрят? За такие штуки можно серьезный штраф заплатить по суду. Национальная рознь, не так ли?

В общем, как я мог убедиться и в Школе Познера, куда прибывают шлифовать свое мастерство провинциальные телезвездочки, они находятся в метаниях между комплексом неполноценности и манией величия по отношению к оторвавшейся столице. Вывод второй. Процесс первоначального накопления мастерства подходит к концу. Если раньше было много откровенно слабых передач, а электронные эффекты выглядели игрушкой в руках дитяти, то нынче – много передач нормальных. Просто – нормальных. Не больше, но и не меньше. С электроникой наигрались, стали задумываться о смысле своего выхода в эфир.

В номинации «общественно-политические программы» журналисты местного ТВ представили множество программ, которые – в отличие от бесстрастных, объективистских, столичных – по нашей старой российской привычке норовят вмешаться в жизнь с целью ее улучшения. Стремление, на мой взгляд, похвальное. Организаторскую функцию не надо отменять вместе с коммунизмом.

Лучшей программой из всех представленных на конкурс считаю нижегородскую: «Дом, который построил я». Ведущие признались, что поначалу тоже снимали столичных звезд (идет мелькание – Старовойтова и другие узнаваемые лица), а потом поняли, что «звезда в своем гнезде» – слишком далекий образец для подражания. И пригласили для участия в своей рубрике тех, кто строит себе «фазенду» не дороже, чем 1,5 тыс. рублей кв. метр.

Вообще-то я разлюбил интервью. Вымученные фразы героя чаще всего останавливают плавное течение авторской речи и мелькание кадров. Но когда интеллигентный человек показывает свой дом и гордится своими небольшими изобретениями и находками – это больше, чем интервью. Это человек в расцвете своих возможностей. Физик ли, учитель, другой специалист. Журналисты нижегородской телекомпании побывали у них дома, а потом показали эти кадры по ходу конкурса, когда на сцене все герои дружно строили... скворечник. С применением самого совершенного электроинструмента, о каком на «фазендах» только мечтали (спонсор – фирма электроинструментов? В добрый час). С

ультрамодной крышей (продавец кровли – тоже спонсор? И, слава Богу). Люди строят свои дома. Значит, строят Россию. Нижегородское ТВ объявило о намерении сделать конкурс всероссийским.

Вывод третий. Что будет следующим этапом, что надо осваивать в первую очередь? Что пока не дается? А вот что. Две и более точки зрения на один предмет. Точка зрения у нас была истинно верная – своя. Единственная. Прежде она совпадала с партийной, потом стали смело лепить «от себя», но все равно без диалектики: «с одной, мол, стороны, а с другой стороны...». Не по-нашенски это. Вот под Ростовом обидели огородника. Он продавал свою капусту, подошел майор милиции: ты, говорит... – Не ты, а вы, – перебил огородник. Ах, так? Пошло-поехало, и теперь огородник по решению суда должен продать свой дом, чтобы выплатить штрафы. На протяжении целой передачи телевизионщики, естественно, защищают огородника, пространно беседуют с ним и с его соседями. В суд зайти, спросить, за что такие строгости – не догадались или не захотели. Что нам суд, мы сами – четвертая власть. И к майору не наведались, хотя милиционер тоже человек и мог бы открыть свою сторону правды в том инциденте, в ссоре, достойной гоголевского пера.

Драма покрупнее показана удмуртскими коллегами. Щемящая душу церемония – прощание со знаменем воинской части. Ракетный полк ПВО расформировывается. Лейтмотив разговоров с офицерами: мы защищали небо республики, а теперь, если американцы устроят не «Бурю в пустыне», а бурю над Россией – все, конец. К тому же 54 семьи остаются в лесу без дела. После передачи остается впечатление, что полк ликвидируют враги народа, американские шпионы. Правда, в одном из кадров мелькнули проржавевшие, сосульками покрытые, старинные ракеты – такими сбили Пауэрса в 1961 году. Спросить бы у командования округа, пострадает ли наша обороноспособность, если эти ракеты перестанут нести боевое дежурство. Наверняка ведь есть другой, более современный шит над Удмуртией и сопредельными регионами. Успокоить бы народ, а не вгонять в панику. Есть среди принципов социальной ответственности журналиста такой: **переводить конфликт в план дискуссии.** Не умеем. Не привыкли. Правда, дескать, одна, и мы – ее носители.

Про 54 семьи в лесу мог быть особый разговор. Не в лесу ведь – в домах. Есть опыт использования бывших военных баз для других целей, коллеги из Красноярска присылали передачу об этом на ТЭФИ. **Передовой социальный опыт** – благодатнейшее поле деятельности для нас. Найти, поддержать, всем рассказать, научить – вот и будет от нашей работы польза России. Проще всего подхватить заунывно: беда пришла, отворяй ворота.

В Свияжске закрыли психушку. ТВ Зеленодольска сделало передачу «Страдающий остров», с экскурсом в прошлое. Остров отнюдь не страдал, пока там был лагерь ГУЛАГа. Потом психушка – тоже хорошо. Теперь закрыли, персоналу нечем заняться. Что предлагает ТВ? Может, опять зэков на остров пригнать, диссидентов в психушку посадить? А ничего не

предлагает. Мы теперь не пропагандисты и организаторы. Мы – бесстрастные информаторы.

Жизнь российская и региональное ТВ открывают порой такое, что и впрямь ахнешь от изумления. В Оренбургских степях население долго и упорно разворовывает высоковольтную электролинию. Она бездействует, энергосвязь с соседним Казахстаном более не нужна. За километр провода можно купить двое «Жигулей». Тема! Но почему безысходной скукой веет с экрана? Вместо своего остроумного исследования журналисты Оренбурга ставят микрофон перед косноязычными чиновниками. Они думают, что ТВ изобретено именно для этого. Они не знают, что можно, например, самим «украсть» – перед телекамерой – бухту провода, срезать прямо с опоры, и с этим проводом поехать потом к чиновникам. Ежели не нужна линия – пусть официально ее разберут. А еще можно бы показать в тюремной камере настоящих злоумышленников – если они пойманы. И те «Жигули», что куплены на шальные деньги. И много чего можно придумать, если владеть профессией. Вместо этого гостелевидение Оренбурга выдает унылую передачу с названием «Тупик». Да какой же тут тупик, тут простор для творчества! Столько возможных точек зрения на проблему!

Недоисследованность, «недожурналистику» мы видим, к сожалению, в очень интересной, заслужившей спецприз программе Удмуртского ТВ «Люди в низинах». Проблема страшная, новая для нашей страны. В удмуртской деревне нарастает волна самоубийств. Из жизни добровольно уходят работящие мужики в самом расцвете сил. Только в одной деревне за полгода девять таких смертей. В чем причина? Молодые вдовы плачут и не могут ничего объяснить. Журналист Кузьма Куликов выдвигает гипотезу: дело в том, что на холме по соседству возник поселок новых русских, или новых удмуртов. Коттеджи, асфальт, телефон, иномарки. И мужик, живший в среднем достатке, с тоской понимает, что ему никогда, никаким честным трудом на скудной ниве не достичь такого уровня. Слово «зависть» в передаче не произносится. Не спросил автор у молодых вдов, не посматривал ли перед смертью муж на тот холм с коттеджами, не говорил ли чего по поводу новых соседей. Не пошел журналист и к удачливым соседям. Не пошел, наконец, и к тем, кого можно считать кандидатами (простите, конечно) стать десятым – к мужикам в расцвете сил. За подтверждением своей смелой версии автор обратился... к сельским старикам. И они согласно закивали: да, ханы новые явились, да, баи. Да, наши дети батраками у них будут. Вот такая информация. Передача окончена. Вечный русский вопрос, – что делать – остается. Два выхода налицо: брать топоры и вершить вторую октябрьскую революцию –или гасить конфликт (если он есть), придумывать общие дела для людей в низине и на пригорке, наводить мосты, знакомить друг с другом... Может, на пригорке вовсе не жулики городские, а те же физики с учителями, что ладят дома в нижегородской прекрасной передаче «Дом, который построил я»?

В наших журналистских традициях – реальная помощь людям. Не ставят такой задачи очень многие современные телеавторы. Скажем, дорогого стоит разговор в Приморье на сельской улочке с

пацанами, у кого родители или сидят, или умерли. И – опять остается вопрос: «что делать?». Журналист Т. Шеметова ответа не предлагает.

Такая же милая журналистка брала интервью у меня. Она приехала из Самары к знаменитому земляку Сысуеву и прямо из Белого дома заглянула ко мне на кафедру. Говорит, что вместе с оператором должна посетить всех самарских телевизионщиков, осевших в Москве, таких человек двадцать набирается. Юбилей студии – 40 лет. Мне, конечно, лестно. Нашли уголок поуютнее, оператор расчехлил камеру, дама взяла микрофон. Я, говорит, не знаю, когда вы работали у нас в Самаре, и какие передачи вели, вы уж сами расскажите... Рассказал. Добавил, что завидую нынешним самарским журналистам. В мое время было наглухо засекречено самое интересное в Самаре, а теперь можно и про ракеты, и про бункер Сталина. Признался, что состою в жюри, и буду голосовать за призовое место для самарских передач из цикла «Моя губерния», автор Александр Князев. Хорошо работает!

Собеседница моя уважительно пояснила, что Князев нынче их начальник, председатель ГТРК, и работает с целой бригадой журналистов. Ну это уж совсем замечательно. Его команда перечислена в документах фестиваля: журналисты Оксана Сержантова, Елена Корнева, Ольга Христенко, режиссеры Светлана Мамонова, Александр Кузьмин, операторы Василий Колдашов, Владимир Гречкин. Телевидение вообще дело коллективное, не только при большевистской власти. Вспомним, как хорош был Владимир Молчанов в окружении команды (Ирина Зайцева, Алексей Денисов, Александра Ливанская) и как они поблекли, разбредясь в эфире по разным каналам и рубрикам. В Самаре есть команда, у команды есть свой стиль, на фестиваль «Вся Россия» прислано их семь передач – не случаен, стало быть, творческий поиск и успех. Жизнь колонии для малолетних преступников или бывшего «Дома-коммуны» в Чапаевске, или художников разных направлений исследуется достаточно подробно, всесторонне. Если берется тема «Цыгане» – то представлены три клана: бедный, средний и богатый.

Хороша также программа, где Князев бредет по знаменитым самарским подземельям. Тут не только бункер Сталина, но и какие-то хоромы под загородным санаторием Приволжского военного округа, и туннели под городом, и штольни в Жигулевских горах. Недаром столько внимания этим местам уделил Суворов-Резун в своих полуфантастических повестях. Одну из самых жутких тайн первым поведал своим зрителям Князев (прошу прощения, если где-то об этом написано, но Князев ни на какие источники не ссылается). В строительстве военных подземелий участвовали солдаты из армии Паулюса, плененные под Сталинградом. Большинство здесь в Жигулях и погибло. Кого расстреливали, кого хоронили взрывом скалы... Жаль, к этому сюжету приплюсовали в передаче еще два – про француженку в русском селе и про целебный источник. Подземелий, ей-богу, хватило бы на все 30 минут, а то и на несколько серий. Если – подробнее. Скажем, неохваченным остался подземный авиазавод в Управленческом поселке, там тоже пленные немцы поработали, помогая нашим

конструкторам. И – гигантское хранилище продуктов в Сокольих горах. Даже с шоссе видно, как в гору уходят железнодорожные составы. Когда я жил в Самаре, об этом говорили шепотом, а теперь можно и показать: есть порох в пороховницах. «Моя губерния» – с гордостью произносится, хоть порой и о страшных вещах рассказ.

В противоположность самарскому «бригадному методу» исследователь тайн Центрального Черноземья Александр Никонов работает один, лишь иногда приглашая оператора. Его боль, его объекты – дворянские гнезда, усадьбы, оазисы погибшей цивилизации. Тексты Никонова блестящи, чувствуется профессиональный литератор.

И Князев из Самары, и Никонов из Воронежа определили свои работы в номинацию «общественно-политическая программа», а нижегородец Юрий Немцов прислал свой «Дом, который построил я» как передачу «просветительскую». Надо, вероятно, организаторам фестиваля «Вся Россия» точнее обозначить критерии, основания разбивки телепрограмм на роды и виды, а то в номинации «информационные программы» вдруг встречаешь длинный рассказ о производстве ваты в мещерских болотах, в аналитических – обычную серию интервью о проблемах одного большого завода и его приватизации.

Если бы меня спросили, какие критерии предложил бы я для номинации «общественно-политические программы» я бы сказал так: это программы, где **ставятся и обсуждаются проблемы развития общества, затрагивающие интересы миллионов людей.** Пусть рассматривается лишь один аспект какой-либо проблемы, как в нижегородской программе о строительстве частных домов. Но – непременно с выходом на обобщения. На то она и «общественно...» – для всех нас, значит, важная.

И антиприз можно бы придумать – за извращение вышеизложенного. Я дал бы антиприз Наталье Михайловой из Братска за программу «Здравствуйте, президент». Издерганная житейскими невзгодами журналистка едет на село, к тем, кому «еще хуже». Так и показано. Вначале игровые моменты: у журналистки замок не запирается, лифт не работает, зонтик сломан и в семье проблемы. Едет она в машине к сельским жителям. Те, в общем, спокойны, но взвинченная журналистка пристает к ним с вопросом: что бы вы сказали президенту России? И «натаскивает» на ответы типа: «живем хуже некуда», «народ злой стал», «за что страдаем», «перспектив никаких», «распродали Россию, разрушили», «масла нет», «ну что это за жизнь». Протяжный вопль, на 20 минут. Вера в доброго царя, генсека, президента – это тоже наше. Пора бы самим дом свой строить. А вопли такие кому на руку? Раньше сказали бы – международному империализму. Сейчас скажу – тем, кто хочет возврата к прошлому. В Москве символ его – колбаса по 2.20 за килограмм. В Братске, понятно, колбасы не было. С чего затосковала ведущая программы, она же режиссер и редактор Наталья Михайлова? Разрушенные деревни я видел в тех краях лет 20–30 назад. Брошенные дома с заколоченными окнами. Погубленная пожарами, полчищами насекомых, неразумными лесоразработками тайга. Не «при демократах» это все появилось.

Ох, не надо заигрывать с прошлым! Грешат этим даже молодые. Несколько передач посвящено 80-летию комсомола. Постаревшие активисты ВЛКСМ рассказывают, как было замечательно. Про обстановку всеобщего политического контроля, про карьеризм – ни слова. «В их уставе не было ничего плохого», – утверждает ведущий – он же режиссер и редактор С. Сиденко из Владивостока. Чудо-города в тайге, песни Пахмутовой... Опять одномерность, опять отсутствие взгляда «с другой стороны». Из Салехарда прислали программу «Престижная профессия» – о чекистах. Что они нынче делают в сибирских болотах – не раскрывают. Тайна. Зато вдоволь о «светлом прошлом». 80-летию революции посвятили передачу питерцы, 5-й канал. Они не согласны с переименованием праздника в «День согласия и примирения». Не может быть, говорят, согласия палача и жертвы. Причем имеются в виду не чекисты и расстрелянные, а ... нынешняя власть и народ. Даже г-н Зюганов, приглашенный в передачу, урезонил авторов: нельзя слишком круто менять курс, вон в 17-м слишком резко повернули, надо извлекать уроки. Зюганов – за мир в обществе, он против того, чтобы слишком раскачивать лодку. Что ж неймется автору, редактору, ведущему из Питера Иннокентию Иванову?

Такие передачи не то что премировать – их в эфир нельзя выпускать. К цензуре, скажете, член жюри призывает? Нет, к здравому смыслу. К нормальной **редакционной политике,** если уж беретесь за номинацию «общественно-политическая».

Первейшее дело политика – предвидеть последствия своих слов и действий, социальный эффект. В этом не сильны многие современные российские политики, им лишь бы погромче выкрикнуть что-то, чтоб запомниться. Не будем на них похожи. Не будем снижать планку требовательности к себе – пусть сегодня можно работать плохо, но это ведь, в конце концов, неинтересно. Лучшие передачи, присланные на фестиваль «Вся Россия», дают надежду на скорый приход настоящего профессионализма. В этом и цель фестиваля: в создании нормальной творческой конкуренции среди местных телестудий, ставших значительной силой в России.

в начало

НАША ЦЕЛЬ – ВСЕГО ЛИШЬ ПРИЗ...

Телевизионная теория, доложу я вам, довольно неблагодарное занятие. Вот предложили мне разложить телепродукцию по полочкам, обозначить родовые и видовые признаки. А то на одном поле играют и в футбол, и в баскетбол, и тут же художественной гимнастикой занимаются, а судьи должны решить, кто победитель. Но они-то играют, как умеют, – то есть работают, заполняя эфирное поле. А теоретик сидит и размышляет. Как и любой другой зритель, ради которого, собственно, и стараются телеигроки. По идее – ради зрителя, не так ли?

Практики ТВ дружно восстают против каких-либо ограничений – а любая классификация, любое правило всегда в чем-то ограничивают творца. Оттого и неприязнь к теоретикам. Вот представьте ситуацию. Посреди Японского моря, на белом

теплоходе в довольно душном небольшом зале сидят люди и спорят о передачах и фильмах. Так проходил телефестиваль «Человек и море», одну из творческих дискуссий довелось вести мне. Для затравки я припомнил слова, присутствовавшего тут же телеакадемика Игоря Беляева из его книжки «Спектакль без актера»: «Некоторые наши фильмы и от публицистики ушли, и к искусству не пришли». Свежих примеров из фестивальных картин, просмотренных тут же на теплоходе, – сколько угодно.

Стояла, скажем, московская дама под зонтиком на главной улице Токио и задавала вопросы: какие у вас проблемы, сколько у вас детей? Японцы в ответ вежливо улыбались. Дама попала в Японию явно случайно, не успев прочитать про эту страну ровно ничего. «Но и зритель ничего не знает», – оправдываются такие авторы. И вновь отправляются на спонсорские деньги в дальние края. Сделали, например, цикл «Неизвестные реки России» – Обь, Енисей и Амур. В том смысле, что дамам эти реки были неизвестны, а теперь они кое-что о них узнали и зрителям показали. Так делается сегодняшнее ТВ. Никто ни к чему не призывает – публицистика не в моде, да и куда звать, если все заблудились? Вот и текут картинки, и произносится нечто философское: мол, жизнь, как река, а река, как жизнь, все течет в одну сторону.

Впору открыть номинацию «путевой очерк» и дать главный приз Дмитрию Крылову с его «Непутевыми заметками». Нам дают поглядеть, что творится за горами, за морями – и на том спасибо, что вырвались за пределы коридоров власти. Кто талантливее видит – вот в чем надо бы состязаться. Невежественные вопросы плохо уживаются с философскими притязаниями...

– А кто сказал, что в искусстве должны быть какие-то границы? Художник вправе творить по своим законам! – прервал мою критику один из слушателей. Ну что же, давайте все дружно запишемся в Художники. Ежели «взгляд и нечто» – ты художник. А ежели сообщаешь некие сведения, говоришь с героями «по делу» – это всего лишь информация.

Академик Беляев полагает (и справедливо), что телевидение должны делать Художник, Публицист и Хроникер. Все трое нужны! Я бы добавил к этой троице еще мастера развлечений, некоего Скомороха. Главное, чтобы зрителю с самого начала было ясно, кто предстал перед ним на сей раз. А то смотришь картину – и непонятно, кто и зачем ее снимал, и зачем на нее тратить время. **Стилевое единство** должно присутствовать всякий раз.

На конкурсах ТЭФИ в одну номинацию сводят несопоставимые вещи. Скажем, дама, читающая по суфлеру, соперничала с другой, претендовавшей на духовное наставление россиян, и еще с джентльменом, берущим интервью у московского начальства. Вот уж точно –футбол, баскетбол и гимнастика на одном поле. На мой взгляд, каждая номинация должна бы в первую очередь определяться четкой **цель**ю той или иной экранной работы.

Цель Хроникера благородна и понятна – предъявить нам факты, сделать это ярко, доступно, обстоятельно, ничего важного не упустить и не вдаваться в собственные размышления. Хроника – это не только новости, это может быть и большой фильм. Факты и только факты, а вывод зритель сделает сам.

Цель Художника – эмоциональное впечатление через художественный образ. Пусть спорят члены жюри, есть он в конкретной работе или его нет. Образ – штука тонкая.

И, наконец, нелюбимые нынче Публицисты. Их передачи по целям (или функциям) можно различать так:

– политико-аналитические («Итоги», «Зеркало» и др.);

– культурно-просветительские (при всем различии творческих методов сюда относятся и «Старая квартира», и программы Э. Радзинского);

– проблемные, исследовательские (по западной терминологии – «инвестигейторские», у нас их практически нет, ибо дело это дорогое и опасное).

В особую категорию можно выделить программы о персоналиях (фильм Би-би-си о возвращении Солженицына, цикл А. Карпова о первых лицах разных стран, «Обыкновенный президент» Ю. Хащеватского и даже простые портретные интервью А. Караулова; лучшими образцами считаю «Портреты на фоне» Л. Парфенова и «Лешкин луг» А. Погребного). Через всесторонний показ значительной личности реализуются все мыслимые функции ТВ – от информационной до интегративной, объединительной, превращающей мир (по М. Маклюэну) в «глобальную деревню», живущую одними интересами и переживаниями. Что может лучше сблизить людей, чем общий интерес к одному из них, к его семье?

Некоторые социологи в своих анкетах пытаются ввести такую категорию передач, как «рекламные», относя туда и «Смак» А. Макаревича, и те же «Непутевые заметки» Д. Крылова. Надо признать: элементы рекламы присутствуют почти повсеместно, не только в «Итогах» и «Времени». Даже в последней серии питерской «Контрольной для взрослых» подросшие дети задавали вопросы известному бизнесмену Березовскому. Словно только для этого и росли. Но если мы возьмем главную, основную, определяющую функцию (чем ценна программа зрителям, во имя чего мы смотрим ее – ведь не для того, чтоб кто-то заработал деньги), то «Смак» вместе с «Непутевыми заметками» и «Контрольной для взрослых» пойдут у нас по категории культурно-просветительских публицистических программ.

Телевизионный Скоморох резвится в основном в конкурсах, в различных ток-шоу. Но и то, и другое может нести также познавательную, культурно-просветительскую функцию. Было бы, мне кажется, ошибкой ставить во главу угла жанр передачи. Тем более, что жанр легко спутать на ТВ с методом. Рассмотрим это на примере «самых телевизионных» передач – репортажа и интервью.

Для Хроникера репортаж о событии – основной жанр, он же метод. Действие репортажа диктуется логикой события.

Для Публициста репортаж о том же событии – повод для анализа проблемы, для рассуждений, почему оно произошло и каковы будут последствия. Репортаж публициста оснащен массой подробностей, образных деталей, сравнений, иногда вводится старая хроника, документы.

Художнику то же событие может послужить поводом для лирических воспоминаний, для показа одного из участников.

Репортажные «куски» входят в фильм-очерк не по хронологии, а по авторской логике.

В этих трех случаях совершенно различен стиль операторской работы, монтажа и стиль текста. Лирические отступления так же противопоказаны Хроникеру, как штампованные телеграфные строчки Художнику.

Та же картина и с интервью. Сказать просто «интервью» – значит, ничего не сказать.

Интервью в хронике – это способ узнать факт или мнение.

Интервью в публицистике – один из методов исследования проблем.

Интервью в художественной программе – это раскрытие характера.

Конечно, характер приоткрывается даже в уличном интервью-мнении, но мы говорим о глубине, о главной цели вопрошателя-журналиста. В развлекательных программах тоже встречается интервью как повод посмеяться, репортаж «спроектированной ситуации», выставляющий кого-либо на смех. И футбол, и прилет делегации – все репортаж. Нет, ни жанр, ни метод не годятся для классификационной основы телепрограмм. Основная **цель** авторов приводит их к избранию определенных **методов** и выразительных **решений** – того, что называется **стилевым единством.** Только тогда появляется произведение, которое можно поставить в определенный ряд, классифицировать. Такова человеческая, зрительская психика: необходим определенный камертон, чтобы настроиться на волну автора, понять, кто он таков и чего от нас хочет.

... На борту «Михаила Шолохова» мне припомнился эпизод из рассказов Михаила Ромма о Сергее Эйзенштейне. «Стилевое единство есть единственный критерий искусства», – заявил Эйзенштейн на обсуждении фильма «Аршин мал алан». Вся комиссия посчитала, что фильм посредственный, но Сергей Михайлович нашел в нем стилевое единство. Это, говорит, четко выдержанный стиль парижской порнографической открытки, правда, в бакинском издании.

– Нам в провинции некогда думать о жанрах, стилях и функциях, нам работать надо, цель у нас одна – деньги делать, – сказал в ответ один сибирский телемагнат. На этом творческая дискуссия закончилась.

В России открывают вещание десятки новых телекомпаний, в нашу профессию приходят сотни новых людей, имеющих самое разное образование и различные представления о своей роли на экране, о творческих задачах и методах их решения. Поэтому оправдано появление «школ для взрослых людей» – Нины Зверевой в Нижнем Новгороде, Игоря Шадхана в Санкт-Петербурге, Владимира Познера в Москве. Молодые журналисты, по их признанию, получают в этих школах представление не только о том, «что такое хорошо и что такое плохо». У них меняется сам подход к работе, философия профессии.

А как быть с опытными журналистами, с теми, кому в школу поступать поздновато, да и несолидно? С теми, кого на местах считают асами эфира? В каждом городе, в каждой телекомпании есть такой «репортер № 1». Со своим почерком. Со своими штампами. С гордыней, конечно. Таким людям тоже необходима творческая учеба. Когда-то в Институт повышения квалификации всех посылали по разнарядке. И попадал такой «№ 1» в группу, набранную из совсем других людей, в кадр не рвущихся, озабоченных больше московскими магазинами, нежели профессиональным ростом.

Между тем еще в середине 60-х годов кому-то пришла в голову счастливая мысль: собирать раз в год лучших «телеперсонажей» местного эфира на турниры репортерской чести. Чтобы каждый сделал по одному репортажу, показал себя в деле, без ссылок на осторожное начальство. И разбирались бы эти репортажи «по гамбургскому счету». В Гамбург, если кто не знает, съезжались когда-то раз в год цирковые борцы, чтобы без зрителей выяснить, кто из них на самом деле сильнее других. В нашем случае надо было говорить не о гамбургском, а о таллинском счете: встречи честолюбивых и гордых «номеров один», корифеев местных студий происходили в Таллине и назывались СЕМПОРЕ, то бишь семинары по репортажу. Всякий раз приезжало по двадцать участников, и примерно столько же бывало научно-творческой «обслуги» – социологов, психологов, лекторов по истории документального кино. Репортеров «гоняли» по тестам, как космонавтов перед полетом. Интеллектуальный коэффициент, эмоциональная подвижность, траты организма в эфире, устойчивость к стрессам – каждый получал свой, так сказать, портрет. И про русский язык, конечно же, выдавалось нелицеприятно специалистами по стилистике. И реакция аудитории фиксировалась в виде кривых вертикальных линий рядом со столбиком текста. Реакция простых людей и реакция специалистов. Увы, кривые не совпадали: масса хотела не совсем того, что нравилось «элите».

«Первые номера», «короли репортажа», частенько возмущались, они не привыкли быть объектами критики. Но потом признавали: да, хорошего ежа запустили нам под череп! Харьковчанин Самарий Зеликин, петербуржец Виталий Вишневский, уралочка Элла Эркомайшвили, Нинель Касьянова из Минска, Борис Максименко из Владивостока, волжанин Андрей Богданов, да и автор этих строк причисляли себя к одной профессиональной школе – школе СЕМПОРЕ. «Семинаристы», наши люди, были во всех союзных республиках, переписывались, следили за выходами друг друга во всесоюзный эфир. Мы делали то, что позже стало называться «спецрепортажами», – не событий ные, а «тематические» или «проблемные» репортажи по 5–8 минут. Поводом служило чаще всего само появление репортера на объекте и нестандартный взгляд на вещи.

В учебных репортажах, в Таллине, мы воровали кирпич со стройки (под скрытой камерой) и общались с трубочистами, вели опросы на улицах и в кабинетах первых лиц, показывали, как делают пиво и экскаваторы, посещали детский приют и кафе. В обсуждении этих репортажей складывался тот неписаный кодекс,

свод норм, принципов и правил, которого сейчас так не хватает «спецрепортерам».

Возродить бы такие семинары-турниры! Пригласить на них, для начала, тех людей, чьи работы присылались на конкурсы «ТЭФИ» и «Вся Россия». Разобрать эти работы в своем кругу, опять же «по гамбургскому счету». Ведь главное – понять, кто ты есть, что ты умеешь, какова та мера личности, которую надо нести на экран. А то одна, как Гюльчатай, боится личико показать, другой унылостью и значительностью показывает, что не развлекаться вышел... Наставники мы нашим зрителям? Друзья? Посланцы на объектах? Или просто деньги да популярность зарабатываем? Спорили об этом тридцать лет назад – да не доспорили. Пусть новое поколение продолжает.

Организаторами СЕМПОРЕ были Союз журналистов, Союз кинематографистов и Гостелерадио. Сейчас у нас есть не менее авторитетные Фонд развития телевидения, Ассоциация региональных телекомпаний и т.д. и т.п. На фестивалях и смотрах, честно признаемся, слишком мало времени для творческих дискуссий и мастер-классов. Докопаться до философии профессии – не два часа нужно, а две недели с утра до вечера – как бывало у нас в Таллине во время белых ночей. Последняя неделя мая и первая неделя июня. Заключительным аккордом каждого дня был просмотр одного из шедевров документальной киноклассики. Однажды пожаловал к нам патриарх французского кино Рене Клер, в другой раз документалисты из Германии, Латинской Америки. Заряда идей хватало на целый год. В своем, местном эфире старались работать, как на СЕМПОРЕ – в противостоянии начальству, лени, косности, – чтоб не стыдно было перед собратьями-репортерами, ведь они где-то у себя тоже помнили о каждом из нас, незримо поддерживая друг друга.

в начало

РЕТРО НА ПУТИ К БУДУЩЕМУ

Как встретишь Новый год – так его и проведешь. ТВ всех каналов развлекало нас в новогоднюю ночь старыми песнями в исполнении новых певцов. Вроде и усмешливо, и ностальгически.

– Ретрокультура в такой же степени наша, как мы дети и внуки своих отцов и дедов. Надоело делить культуру на поколения, – заявили авторы зрелища.

Дмитрий Крылов в новогоднем «Телескопе», намекая на второе пришествие коммунистов, советовал изучать опыт Гостелерадио.

Продолжая в том же духе, посмотрим, как возвращаются мотивы и приемы ретро в нашу телевизионную журналистику.

Александр Политковский закрыл свое «Политбюро» на канале ОРТ, достал прежнюю клетчатую кепочку и отправился репортерствовать в глубинку для «ТВ-6». Возврат к самому себе, к естественному амплуа можно только приветствовать.

На канале РТР с блеском возродил старый метод «спровоцированной ситуации» воронежский журналист Владимир Герчиков. Два черно-белых телевизора местного завода стали

яблоком раздора среди деревенских старушек. Кто спел, станцевал – тому телевизор. Кто поленился – теперь ворчит, завидует, злится.

Больше других ностальгические ассоциации рождают передачи телерадиокомпании "Мир", идущие по каналу ОРТ.

Прежде всего, потому, что напоминают о тех связях, которые были у нас с Алма-Атой и Кишиневом, с Ташкентом и Ереваном – летишь куда хочешь, и везде ты как дома.

Может быть, передачи «Мира» имеют вполне определенный, в чем-то консервативный характер потому, что с самого начала компания ввела для своих сотрудников этический кодекс, некие ограничения:

«При любом плюрализме мнений и свободе слова общество обязано защищать себя от разрушительных воздействий. Не так-то просто уравновесить противоречивые умонастроения... при том, чтобы не лавировать, не подстраиваться, не утаивать в угоду тем или иным правительствам те или иные факты. «Мир» – место равноудаленное от вершин власти и честолюбия».

Рано или поздно этические кодексы придется принимать всем телерадиовешателям. Мне кажется, есть смысл подробнее посмотреть, к чему ведут самоограничения творческого пространства на примере передач «Мира» – как прошедших в эфир, так и не допущенных к эфиру.

Первой строкой в редакционных планах ТВ лет двадцать назад стояли эпические полотна типа «От съезда к съезду» или «Республика рапортует». Выступление первого лица, кое-что об экономике... Нет, не кое-что, а непременно достижения. Новостройки пятилетки, соревнование в промышленности, борьба за высокий урожай на селе. И под занавес немного о культуре. Отчего это сегодня вспомнился самый помпезный, навсегда и без сожаления похороненный жанр? А оттого, что просмотрел я две большие передачи «Мира»: «Беларусь сегодня» и «День республики Казахстан». И понял: жанр обозрения не виноват, если не превращать его в похвальбу и показуху. И даже выступление первого лица может содержать некий «момент истины». Для меня, например, откровением прозвучали слова президента Назарбаева:

– Наконец, я должен выразиться более определенно. Создавать национальную буржуазию – я имею в виду казахстанскую – надо приступить самым настоящим образом: полным протекционизмом и полной поддержкой. И хватит стесняться в выражениях.

Никогда от постсоветских политиков я не слышал столь определенно сформулированной задачи. Что-то плетем о «рыночной экономике», а «буржуазию» по-прежнему воспринимаем как ругательство. Анекдотики рассказываем про «новых русских». В Казахстане же, оказывается, строят капитализм «самым настоящим образом» – с буржуями, то есть, простите, с уважаемой буржуазией, просвещенными и богатыми людьми. Назарбаев так развивает свой тезис:

– Я надеюсь только на будущую национальную буржуазию, которая прежде всего будет думать об интересах этого государства. Надеюсь, им не безразлично, что надо поделиться сегодня, когда трудно, с бедными. Надеюсь, поймут, что в этих

условиях мы должны срезать большие доходы, чтобы не возмущался народ, чтобы мы продвигали реформы. И они не будут хапать, как дальнее зарубежье и ближнее, те, которые хотят только использовать дешевую рабочую силу, вывезти сырье, нажиться. Они будут надолго капитально работать, поэтому мы должны полностью повернуться к частным структурам в Казахстане и сделать все, что мы можем в этих трудных условиях. Вас это устраивает?

Президент обращался как раз к молодой буржуазии, которую мы затем смогли рассмотреть более подробно. Сюжеты телеобозрения посвящались людям, на которых надеется Назарбаев. К концу передачи возникло ощущение, что его надежды не беспочвенны. Нагляднее всего вышла новелла о руководителе стройтреста, ныне акционерного общества. Что делают остальные в своих холдингах и лизингах – не знаю, они ведут беседы с корреспондентом, не выходя из-за письменных столов, однако впечатление благоприятное: умные лица, хороший русский язык, здравые мысли. К примеру: лишь бы люди не уезжали, на этой территории нужно большое население, чтобы ее освоить как следует. Имеем 16 миллионов, нужно бы 50–60. Сначала мы, – казахстанцы, а потом уже казахи, русские, немцы, евреи, не всеми это осознается, к сожалению.

Кстати, в одном из коттеджей, построенных героем передачи, то есть представителем буржуазии, справляет новоселье русская семья. А коттеджи тянутся аж за горизонт. А герой посещает стройку 12-этажного дома, монолитного, значит, надо бетон подавать круглые сутки. Ей-богу, стройка эта на экране показалась мне ближе и роднее, чем тусовки и презентации. В Москве по поводу строек принято только ворчать: мол, все разрыли, не проехать, лучше бы по десятке к празднику раздали. В Москве не принято показывать Москву на экране. Как-то стесняются: всюду реклама, витрины, новые особняки. Буржуазия! Не показали, а было бы любопытно, как «ограбленное антинародным режимом население» тащит с бывшей ВДНХ телевизоры, видеомагнитофоны, микроволновые печи, как их продают с грузовиков, словно картошку.

Вот и в белорусском обозрении не поймешь, капитализм там строят или социализм, у населения денег не хватает «семью кормить», как сказала одна гражданка на улице, или микроволновку купить. Вроде бы, все в передаче присутствует – и новое производство инсулина, и нищий музыкант, приехавший с Украины, и школьники, пишущие сочинение, и предсовмина с рассуждениями об «управляемой инфляции», и даже социологические данные – а понять решительно ничего невозможно. Ну, как бы вы ответили на такой, к примеру, вопрос:

С каким из суждений вы более согласны? (так в титрах).

– Правительство отвечает за благополучие своих граждан и их уровень жизни – 77%.

– Люди сами отвечают за свое благополучие и сами решают свои проблемы – 23%.

Правительство в самом деле отвечает? Тогда 77% – высокая оценка его деятельности. Но, скорее всего, это суждение о том, что

правительство по идее должно бы отвечать за граждан. Во всяком случае, мне кажется, опрашиваемые не совсем поняли, чего от них хотят. О зрителях я уж не говорю.

О чем мы спрашиваем приезжего из бывшей братской республики в первую очередь? Об уровне жизни. Прежде, в СССР, одним из «секретов» было то обстоятельство, что белорусы, скажем, живут лучше, чем русские в Поволжье. На Минском тракторном заводе возле проходной не было объявлений «требуются рабочие», на заводской территории действовали, кроме столовых, шашлычная и блинная, а в восемь утра после ночной смены мы со сталеваром Долгопятом выпили, едва выйдя за проходную, по стакану сухого вина. Завершая съемки в девять вечера, заехали в магазин, где можно было купить не только любые продукты, но и предметы быта – от сервиза до электролампочки. Это было в СССР, но рассказывать об этом, чтоб не волновать Поволжье, мы не могли. Может, и сейчас белорусы что-то скрывают от нас, не хотят обижать?

Откровенные разговоры всегда оставались за кадром.

– Черт возьми, когда же у нас в России можно будет в десять вечера купить сервиз и выпить пива! – воскликнул я, потрясенный магазинным великолепием белорусского городка Борисова в середине 80-х годов.

– А никогда, – меланхолически откликнулся белорусский звукооператор.

– Но почему?

– Вас в России слишком много, вот порядка и нет.

Если теперь белорусы хотят с нами воссоединяться, – значит... Что это значит? Передача «Беларусь сегодня» ответа не дает.

Что же Россия показывает на экране «Мира»? Вначале – о «крамольной» передаче, которую в эфир не выпустили.

Сразу скажу – жаль, что не выпустили. Жаль, пропала череда редких по душевной открытости экранных портретов. Перемонтировать бы, расставить акценты. Но автор и режиссер Ратмир Луценко как-либо корректировать свою работу не захотел.

Что же, по его мнению, должны были узнать о России в узбекских кишлаках и в тех же уютных городках Белоруссии?

Мы видим автора, спешащего на поезд. Он едет в Вологду. А там ждет его белая «Волга-31». И на этой машине он, молодой и красивый, в белоснежных брюках, неожиданно появляется перед сельскими ребятишками и пытается заговорить с вологжанами. Поначалу ему не рады, но постепенно скованность исчезает. Ратмир шутит, заставляет людей включиться в игру. Дает, к примеру старушке микрофон: вроде бы не он корреспондент, а она.

– Вы какую телекомпанию представляете?

– Нет у нас никакой компании.

– Как этот поселок называется?

– Наша деревня? Сущево.

– Так и говорите: Сущевское телевидение. Вопросы задавайте, что вы хотели бы от меня узнать.

И тут деревенская жительница блестяще включается в игру, но только на несколько секунд:

– Расскажите, вы-то хорошо, наверно, живете. Да и мы ничего живем, чего обижаться-то больно-то, пенсии хватает на хлеб и молоко.

Снова проезды на машине, а между ними – теперь уже трагические рассказы. О любви к погибшему полвека назад мужу. О том, как человек отсидел ни за что десять лет. Как соседка повесилась. Как дети сгорели заживо. Как пьет и не ночует дома дочь-школьница. Единственные счастливые люди – армянин Овик, прижившийся на вологодчине, и пятнадцатилетняя Жанна, зарабатывающая тем, что раскачивает кабины качелей в городском парке. Она хочет учиться на следователя, потому что жалко тех ребят, которые ни за что сидят.

Все это чистое золото правды. Рассказы волнуют. Это не случайные встречи. По-видимому, отбор героев провели помощники-вологжане, которых автор благодарит в конце, в титрах. Тогда зачем изображать из себя этакого заезжего пижона, который даже не знает, в какой деревне находится? Ведь выходит, что трагедии у нас на каждом шагу. Куда ни поедешь –ничего, кроме трагедий.

Тоже ведь получилось обозрение. И если честно обозначить принцип отбора героев для съемки, если вместо пижонства задуматься и осмыслить людские судьбы – весьма незаурядная вышла бы передача. А так – лишний аргумент моему белорусскому звуковику: вас, мол, там слишком много, и никогда у вас ничего путного не будет.

Передача называлась «Вологодские переезды» из цикла «Не ждали». Изначально неверный посыл. Ждали, ждут и надеются на сочувствие и соучастие. Теперь такого цикла, похоже, не будет. Пожертвовать своим легким стилем автор не захотел, побоялся упреков в старомодном реализме. Быть серьезным теперь на ТВ стыдно. «Публицист» звучит как ругательство. «Публицистика» – синоним занудного морализаторства. И вот задумчивый Ратмир в белых штанах, по-есенински перекинув пиджак через плечо, проходит мимо золотистых скирд, мимо людских судеб.

Другая передача из российской глубинки, в отличие от предыдущей, вышла в эфир, хотя тоже явно требовала тактичного редакторского вмешательства. Интеллигентных авторов, а вернее, посланцев богемы, пробующих себя на ТВ, поначалу смущает требование простоты, даже примитивности в построении очерка, репортажа, эссе. Все должно быть понятно с первого раза, ибо он же и последний! Автор этих строк, в отличие от случайного зрителя в ауле, специально уселся к телевизору для восприятия передачи Е. Дюрич о переселенцах в Борисоглебске. И только на 15-й минуте начал понимать, о чем, собственно, речь.

Слишком просто было бы для Е. Дюрич выйти перед камерой и сказать с самого начала: я приехала в Борисоглебск потому, что здесь укореняются, надеясь обрести родину, русские переселенцы из Средней Азии. В большинстве не привыкшие к сельскому труду люди городских профессий. Местные власти надеются, что они поднимут духовный потенциал города... Нет, это было бы слишком просто. Репортер начинает с опроса прохожих – какая же теперь передача без опроса? И странно звучит ее вопрос: ну как

переселенцы, жить не мешают? Выяснила: не мешают. И пошла в швейную мастерскую, чтобы поделиться со зрителями своими школьными воспоминаниями о снах Веры Павловны. Зритель чешет в затылке: что, какая-то Вера Павловна в Борисоглебск переехала?

Словечка не вымолвит в простоте! И это та самая Е. Дюрич, замечательный репортаж которой из выставочных залов я отмечал в «Журналисте». Выходит, говорить о жизни сложнее, чем о ее отражении на полотнах. Судьбы переселенцев в Борисоглебске требовали серьезного подхода, как и судьбы вологжан в предыдущем примере.

Лучше всех среди авторов «Мира» показывает российскую глубинку Сергей Логинов. Он ведет свои теленаблюдения в районе города Рыбинска. Его камера не попрыгунчиком скачет по округе, а поселяется прочно: в библиотеке, в клубе, в доме старой женщины, пекущей хлеб, и молодого предпринимателя. Камера Логинова позволяет нам наблюдать настоящую народную жизнь.

Если вспомнить, что Сергей получал когда-то призы на всесоюзных фестивалях за телевизионные фильмы о героях соцтруда и о бригадном подряде на Калужском турбинном заводе – можно смело записывать и его, и меня в ретрограды.

Как и Герчиков в Воронеже, он тоже использует «спровоцированные ситуации». Логинов делает своими соучастниками жителей Рыбинска. Молодая соседка дотошно расспрашивает старую, как она хлеб печет, а та и рада показать, рассказать. Красивая библиотекарша расспрашивает о житье-бытье постоянных читателей, они, похоже, и не подозревают о телекамере. А в клубе устраивают конкурс телевизионных ведущих – это ли не повод узнать их вкусы, запросы, духовный кругозор! Конечно, их кумиры – Демидов из «Музобоза» и Пельш, конечно, они путают Пушкина с Лермонтовым. Но каждый день идет на работу и участливо общается с читателями красивая библиотекарша, и родниковой чистоты мелодии рождаются у местного композитора, и приглашают ансамбль в Америку, а предприниматель, разукрасивший округу деревянными скульптурами, выпускает отличную мебель и рассказывает байку по мотивам Льва Толстого. Как убрал один мужик сено, а другой поленился, и сгнило оно. У первого дом – полная чаша, второй думает: надо брать топор, идти отнимать, а то с голоду помру. Такая вот революционная ситуация.

Скажете – не модно: пропаганда передового опыта, лениться не надо... Что это – новая информация? Из уст рыбинского предпринимателя, смею утверждать – новая. Конкретная и полезная.

Да, Логинов делает то, что делал и десять лет назад. Стал шире, раскованнее. Основы мастерства – прежние.

А вот запрещенная когда-то к эфиру кассета. О Чечне. В первый раз съемочная группа «Мира» побывала там в 1993 году, во второй – в 1995-м. Праздничная демонстрация по поводу годовщины независимости – и руины того же Грозного. Вот интеллигенция наслаждается звуками классической музыки под сводами прекрасного здания. Вот руины этого здания. Монтажные стыки сделаны мастерски: картины мирной жизни словно бы вспыхивают огнем, красный цвет заливает экран. Невольно вспоминаешь подобный прием в фильмах о мирной жизни

советских людей до 22 июня 1941 года где-нибудь в Киеве. «Вероломное» нападение – пламя, кровь, варварство, разрушения, оккупация. Так и здесь. В 93-м свадьбы, в 95-м - смерть.

Запоминается молодой человек из числа беженцев, живущих в железнодорожных вагонах. Он мечтает о том, чтобы на нашу планету напал кто-нибудь из Космоса. Тогда земляне сплотились бы, забыв, кто чеченец, а кто русский. Чеченский имам играет на гитаре, поет песню Окуджавы и рассуждает, что Аллах един, лишь пророки на Земле были разные, Мохаммед, а до него Исса. Авторы фильма выходят к концу на вечную проблему: граница меж Добром и Злом проходит не по карте, а по нашим сердцам. Мне кажется, с этой мыслью надо было**приступать** к съемкам.

Тогда фильм можно было бы показать в эфире немедленно.

А пока эти художественные наблюдения, будь они показаны, подлили бы масла в огонь кавказской войны. Источник Зла указан однозначно – это Москва. Кроме прочего, такой подход противоречит этическим принципам телекомпании «Мир». Приведу еще одну цитату.

«Основной принцип – объемный, многомерный подход к каждому факту, событию, явлению. При подготовке передач следует учитывать: а) интересы данного объекта (предприятия, города, народа); б) интересы его партнеров по данной конкретной ситуации (других предприятий, городов, государств); в) интересы некоей общей структуры (отрасли, конгломерата народов, содружества стран); г) интересы и законы здравого смысла. Передачи строятся на принципе диалога, конечная цель которого – поиск конструктивного решения».

Если бы авторы поставили задачу найти границы Добра и Зла в чеченской войне и вспомнили бы, почитав кое-что перед выездом, предысторию нынешних военных действий, им, как ни жалко, пришлось бы отказаться от эффектного противопоставления «мирного» 93-го и военного 95-го. Ведь в то самое время, когда они снимали свадьбы и концерты, в Чечне происходило и другое. Например, регулярное разграбление поездов. Нападали на поездные бригады, уносили из вагонов все вплоть до цемента и металла. Целые селения жили этим промыслом. А Москва посылала тогда не карательные экспедиции (оцепление – обыск – арест воров). Москва посылала новые поезда. Грабится десятый поезд, сотый – посылали еще и еще. А истории с «отмыванием» сомнительных денег, с «чеченскими авизо», с нападениями на автобусы в Минводах! Все это осталось за кадром в этнографическом показе 1993 года – едва ли правильной точке отсчета.

Судя по репликам на улицах, режим Дудаева был хорош для всех, даже для русских. Воплощение Добра. А Зло – вот оно: мордастый десантник на броне возмущается, что у чеченцев дома двухэтажные, а в домах ковры, возле домов иномарки. Другой говорит: чеченцы не поддаются перевоспитанию, даже дети берут оружие и стреляют.

– Надо всех чеченцев уничтожить? – уточняет корреспондент.

– Так точно! – подтверждает военный собеседник.

Не стоило уходить сразу от темы чеченского «богатства». Не за счет ли нищих российских деревень оно возникло? Да, но не

чеченцы тут причиной, а «ленинская национальная политика», отдававшая приоритет «прежде угнетаемым нациям». Разъяснить бы это – но авторы не ставили такой задачи. Они вроде бы объективны. Наше дело показать, а вы разбирайтесь.

Прочеченская ориентация многих российских журналистов в кампании 95 года была понятна и объяснима, и даже благородна – но до известного предела. Любой первокурсник МГУ мечтал побывать в гостях у Басаева, а третьекурсники уже там были. Басаев имел возможность сказать все, что хотел, и во «Взгляде» Любимова, и на канале НТВ у Елены Масюк. Есть, однако, доля справедливости в упреках ретроградов: брать интервью в штабе Масхадова – все равно, что приехать с микрофоном в бункер Гитлера в 1942 году. Когда слушаешь проникновенного Басаева, забываешь, что он зверски угробил сотню жителей Буденновска. Таких же воинов с зеленой лентой на лбу –«свобода или смерть» – полно в не вышедшем на экраны фильме «Мира». И не надо было предоставлять им слово.

В советские времена всякий факт подавался как частный случай чего-то большого и важного. Меж тем в остальном мире правило подачи информации как раз противоположное: от частного – к общему! Это соответствует характеру предметного восприятия мира обыкновенным человеком. Но репортеры «Спектра» (информационных выпусков «Мира») трудятся по старинке. Поначалу порассуждают о том, о сем, и лишь потом дают факты.

– Итак, наш первый репортаж. Его тема не теряет актуальности вот уже шесть лет. Его с нетерпением ждут журналисты, а еще больше жители республики. Ждут с извечным вопросом: быть или не быть? То, о чем так долго говорили в Армении, свершилось. Атомная электростанция родилась во второй раз.

А надо было сказать: после шестилетнего перерыва вновь пущена Армянская АЭС. Слишком просто? Вот и хорошо. Все понятно.

Уже после сообщения факта, на кадрах пуска АЭС, следовало бы пояснить, о чем же спорили шесть лет, почему сидели без энергии. На протяжении этих лет все репортажи из Армении подчеркивали: нет света, нет газа, нет овощей, ничего нет, сидим и бедствуем. В кадре непременно присутствовала свеча. Даже если съемка днем – зашторивали окна и зажигали свечу. И вот серия репортажей, свидетельствующая: армяне взялись за дело, привычка «бить на жалость» преодолена. Открывают церковь, открывают кинотеатр, придумали смешивать уголь с торфом и топить этой смесью печки. Даже лебедей вернули в пруд в центре Еревана. Такая подборка новостей внушает оптимизм.

Поддерживать разумный баланс в новостях – значит поддерживать в народе уверенность в себе, преодолевать безысходность. Положительные примеры обнадеживают: есть свет в конце туннеля, выскочим, прорвемся. Я – за такое «ретро», как положительные примеры и показ реальных достижений нашего хозяйства – народного ли, буржуазного или какое оно у нас сегодня...

Иначе возникает желание развернуться в туннеле и рвануть назад. На рождество, 7 января, по каналу ОРТ показали будни кремлевской роты. У них там есть макет мавзолейного крыльца, и они тренируются. Тянут ногу, шагая по ступенькам, сменяют друг друга под удары колоколов Спасской башни. В тексте сожаление об утраченном красивом ритуале, а съемки вроде бы сегодняшние. Намек: только прикажите, квалификацию солдаты не утратили...

Нет, не надо такого ретро. Не дай Бог. Только вперед. Не забывая старого и всегда нужного профессионального мастерства.

в начало

СПЕЦРЕПОРТАЖ

Титром «специальный репортаж» предваряется обычно самый большой, обстоятельный материал в телевизионном выпуске новостей. Иногда он приурочен к событию, иногда – к дате, а порой никакого «оперативного повода» нет – просто попал журналист в интересное место и решил показать, что увидел.

Значит, «что вижу – о том пою»? Ей-богу, напрасно некоторые смеются над этим старым восточным принципом. Если взгляд зорок, подмечает яркие детали, а рассказ талантлив, – отчего бы не сделать спецрепортаж с самого, казалось бы, примелькавшегося объекта.

Шли однажды старшекурсники нашего факультета по переходу между станциями метро. Обратили внимание на какие-то странные узкие колонны в стенах, на металлические щиты, что-то прикрывающие под полом. Тысячу раз здесь ходили, а тут решили поинтересоваться «тайнами» метро. В результате по каналу РТР неоднократно был показан поистине сенсационный репортаж. Когда уходят из метро последние пассажиры, раскрываются таинственные ворота и вылезают из стен, из пола металлические щиты, наглухо закрывающие переход. И выходят на перрон люди в белых халатах и в масках, со странными приборами и ранцами... Репетируется чрезвычайная ситуация. Отключен ток, но по рельсам движется каким-то непонятным образом состав из открытых платформ. На одной из платформ едет наш студент, его снимает оператор. Произносятся ключевые фразы репортажа. Второй дубль, третий... восьмой! Потом ни один из этих дублей в репортаж не войдет, режиссеру показалось, что парень слишком уж спокоен, а надо бы раскрыть глаза пошире, подчеркнуть нестандартность ситуации, своим волнением увлечь зрителей. Журналист в спецрепортаже создает и исполняет свою собственную роль – разведчика, посланца аудитории на объекте.

На Первом телефоруме стран СНГ, проходившем в августе 1998 г., в номинации «Репортер» первенство было присуждено Ирине Маринной из пермской телекомпании «Авто-ТВ». Поверьте, свежепроломленная полынья в пруду, куда свалилась набитая подростками «Нива» (а репортер поясняет – десять человек ехали в соседнее село на гулянку) впечатляет больше, чем привычные уже трупы в «Дорожном патруле». Но мало этого. Репортер выясняет, что бороться с пьяными за рулем в здешнем районе сложно: на их стороне... народный судья! Так считает начальник ГАИ. Маринина, естественно, идет к судье. А тот разговаривать не желает, буквально

выставляет репортера с оператором на улицу. И уж тут, на улице, репортер выражает свое отношение к судье.

Стоп! Разве может репортер «выражать отношение»? Разве мы не призываем следовать общепринятому правилу «отделения фактов от мнений»? Разве не лишился эфира один из лучших наших репортеров Владислав Флярковский, как только стал комментировать с места события какое-то особо занудное заседание нашего парламента? Мнение было весьма остроумным, но его сочли неуместным в информационной программе.

Вот тут мы и подходим к толкованию смысла термина «спецрепортаж». Это не просто большой сюжет. В одном из западных пособий я прочел термин «позиционный репортаж». Мы говорим – «проблемный» или «тематический», тоже подразумевая, что репортер здесь (в отличие от протокольной хроники) обязан иметь собственную точку зрения, выраженную в отборе и показе фактов, разных мнений и лиц.

Нашей русской душе тесно в европейских рамках. И вот уже репортер из Липецка подводит безрадостные итоги деятельности уходящего в отставку мэра и делает вывод, что городу нужен свой Лужков, деловой мужик в кепке, но нет таких в липецкой мэрии.

Слышать это, конечно, приятнее, чем угрюмую реплику столичного репортера из «Взгляда»: «Не этому мэру принадлежит будущее». Помните, Лужков совершил путешествие по московским подземным ходам, там же дал интервью «Взгляду» – и там же его, отойдя на три шага, обхамили – вежливо, конечно: кто его знает, что такое «будущее», и кому оно вообще принадлежит, кроме господа Бога?

И, тем не менее, липецкий репортер, как и его московский коллега, переступили ту грань, за которой информация превращается в агитацию «за» или «против». Отношение – да, в спецрепортаже его не спрячешь. Но выводы пусть делает не репортер, а зритель.

Пермячка Ирина Маринина за свой выпад против судьи получила небольшие местные неприятности – и, несмотря на это, приз международного телефорума. Потому что остальные ее репортажи были безупречны и непременно остроумны. Например, захотелось ей обратить внимание сограждан на недостроенный концертный зал – сколько можно ходить мимо этих руин в центре города? А иногда и заходить внутрь – по нужде... И вот перед нами репортаж: «В центре Перми вот уже восемь лет существует общественный туалет на две тысячи посадочных мест. Особенно удобно после митинга на площади – многие устремляются сюда, посмотрите, какая удобная дыра в заборе...» Репортер в модных шортах исчезает в упомянутой дыре. Все. Выводы о том, что надо бы закончить стройку, что это позор для города – делает зритель.

Позволю себе напомнить еще один репортерский принцип: за чем пойдешь, – то и найдешь. Выступивший в качестве репортера Владимир Молчанов поговорил на улицах Ярославля с пожилыми женщинами об их несчастной доле. «А мужчины, которые нам встречались, были нетрезвые и неинтересные». Вот так одним махом... Программа Молчанова делалась «на экспорт», с английскими субтитрами, и должна была подтвердить

сформировавшийся на Западе стереотип о повальном пьянстве и нищете в российской глубинке. А телекомпания из Кемерово прислала на форум стран СНГ нечто совсем другое: репортаж с сельского праздника. У нас ведь тоже сложился стереотип: Кемерово – значит голодные шахтеры на рельсах. Оказывается, есть еще другая жизнь. Селяне частушки поют: «... говорим уверенно – раз народ еще смеется, то не все потеряно».

На просторах России можно найти примеры для подтверждения любых идей и представлений. Хорошо бы уметь соблюдать баланс. Один из наших выпускников, работающий для западной телекомпании, снял в зимнем подмосковном лесу кулачную драку. Подъезжают «новые русские» на джипах, кладут доллары в меховую шапку, и выходят бойцы – ну совсем как у Лермонтова удалой опричник Кирибеевич и купец Калашников. «И ударил его посередь груди – затрещала грудь молодецкая...» Выпускник пришел к нынешним студентам с «лестным» предложением: написать сценарный план репортажа о ночной жизни Москвы. Студенты отказались, намекнув старшему товарищу, что продавать такую информацию противно.

Зло, конфликты всегда привлекательней Добра. Во всяком случае, на экране. Акцию «89» НТВ, как я упоминал, спустило на тормозах, потому что там не понимают, чем отличаются российские регионы друг от друга... Да ведь настоящий репортер не то что из разных областей– с самого банального события привезет такое, чего неталантливый не разглядит. Даже в советские времена делом репортерской чести было найти нечто оригинальное – «ход», «изюминку», «лауреатский кадр» – такие были у нас термины. И хорошо, что репортажи из России стали появляться на московском («мэрском») третьем канале в программе, названной задиристо: «За Садовым кольцом». Делает их команда Нины Зверевой, которую для этой цели выписали из Нижнего Новгорода – в столице специалистов по России не нашлось. Смотришь на экран и укрепляешься в мысли: нет, не все потеряно!

Спецрепортаж может служить отправной точкой для комментария ученого (так Николай Шмелев в программе Нины Зверевой комментировал репортажи из города Мышкина), для дискуссии (так бывало в лучших выпусках «Пресс-клуба»), может выходить в эфир как самостоятельная передача (доброй памяти «Репортер» Михаила Дегтяря и Игоря Шестакова на РТР), но чаще всего, как уже сказано, он входит в состав выпуска новостей, будучи слегка обособлен, выделен титром. Скажем, Би-би-си вдруг без всякого повода дает в ночном неторопливом выпуске большой репортаж из Сингапура: «Что-то давненько не бывали мы в Сингапуре, а давайте посмотрим, что там происходит...» Конкурирующая Ай-ти-эн посылает репортеров на арабо-израильскую границу, тоже без повода – так, рядовые разборки, женские перебранки. Спецрепортажи, как камешки в телевизионной мозаике, создают картину мира.

Присланные из глубин России (на форумы и фестивали, коих становится все больше, и это залог выработки общих критериев профессионализма – «что такое хорошо и что такое плохо»), специальные репортажи часто страдают типичными недостатками.

Во-первых, не всегда продумана основная **идея:** для кого и для чего делается репортаж? О чем, собственно, мы сообщаем? Особенно неудачен показ всевозможных заседаний, конференций, собраний. Вместо скучных лиц заседающих лучше показывать дело, объект, проблему, ради которых они собрались. А под конец «отловить» в кулуарах заведомо интересного человека, «блеснувшего» на трибуне нестандартной мыслью.

Во-вторых, даже если появляется в репортаже небанальный человек – интервью с ним разрушает **действие** репортажа, оно непомерно длинное. Интервью в репортаже, по мировым стандартам, имеет размер «от одной фразы до небольшого абзаца текста».

В-третьих, репортер не всегда задумывается о четкой **драматургии,** о развитии действия. В спецрепортаже (в отличие от протокольного) кульминация часто попадает на пленку первой, а уж потом к ней придумываются подходы, перипетии. Скажем, группа Би-би-си, сопровождавшая Александра Солженицына, ухватила в объективы момент прощания писателя с охраной в одном из городов – он подписывал охранникам книги, и стоявший тут же бывший зэк сказал что-то про «кэгэбешников», его стали прогонять, Солженицын вмешался... Может быть, репортеры специально нашли «скандалиста» заранее. А может, отстали от поезда, чтобы поснимать его возле тюрьмы, дома, во дворе за колкой дров... Во всяком случае, эти бытовые кадры и высказывания зэка о писателе («выше его только Бог, но... он двадцать лет здесь не был, он потерял нюх») в монтаже оказались предшествующими сцене на вокзале. Как они ухитрились так снять –неважно, важен результат. В спецрепортаже время и пространство зачастую создаются искусственно. Важно лишь не нарушать жизненной правды. Впрочем, этому понятию надо бы посвятить специальную статью. Киноправда всегда более или менее отличается от самой действительности.

В-четвертых, молодые журналисты не владеют правилами **сочетания слова и изображения** в репортаже. А ведь, казалось бы, все очень просто. Не надо словами называть то, что и так видно в кадре. Дополнить, пояснить – вот задача репортера. Но кое-кто вообще забывает о «картинке», отрывается от нее слишком далеко, торопясь поведать миру охватившие его мысли и чувства. Не дублировать «картинку» словами и не забывать ее – просто?

В-пятых, правило Горация: **передавать словами лишь то, что не может быть показано.** Не надо расспрашивать человека о том, что можно показать. Вроде бы очевидно, к чему здесь писать об этом, занимать место? Но смотрю репортаж с Дальнего Востока: журналистка расспрашивает хозяйку кафе, какие у нее блюда, да какие цены. Видно, дама привыкла работать на радио и не заботится о «картинке». Сели бы за стол да попробовали – как в свое время Юрий Черниченко с селекционером в передаче о новых сортах картофеля. За дымящимся чугунком с картошкой, за малосольным огурчиком.

В-шестых, тесно связано с предыдущим – репортеры не умеют придумать для себя **роль,** действие. Нельзя, конечно, вмешиваться в конфликт на одной из сторон, как делал это Невзоров (автомат в

руке, тут «наши», там – «не наши»), но почему бы не положить самому кирпич в реставрируемое здание, не вынести на свалку носилки с мусором, не произвести еще сотню действий, столь обычных для репортеров всех стран мира? На телефоруме я с удовольствием смотрел на азербайджанских девушек-репортеров, которые готовили национальные блюда или ловили падающие, столь редкие в их краях снежинки... «Стенд-ап» не надо понимать буквально – стоять по стойке смирно перед камерой.

Репортаж можно смело называть «самым телевизионным» жанром. Это жизнь «в форме самой жизни», происходящее зритель видит собственными глазами, забывая, что существует отбор, что репортер и оператор направили телекамеру не случайно, а в высшей степени продуманно – если, конечно, они профессионалы, если знают, чего ждет от них руководство телекомпании.

Напоследок – об одном понятии из теории ТВ: «персонификация информации». Персонификация – значит олицетворение. Представление в лицах. Какое лицо у репортера – такова, значит, и пославшая его телекомпания. Но вот что еще важнее: каких героев, какие лица мы выберем для олицетворения идеи своего спецрепортажа. Взять ту же несостоявшуюся идею НТВ «89». Неужели нельзя было в каждом регионе найти двух-трех человек, чьи судьбы, чья сегодняшняя жизнь олицетворяли бы жизнь России? Именно так поступает известная своей порядочностью в подходе к жизни, упоминавшаяся здесь телекомпания Би-би-си. В Сингапуре или в Киеве репортер находит несколько персонажей, через которых показывает город или страну. «Наличие главного героя» – один из параметров, по которым оценивают репортаж и в США.

Отсылаю любезного читателя к шкале оценки репортажей, привезенной репортером НТВ Петром Ровновым – нашим дипломником –из университета штата Миссури. До 72 баллов может заработать репортер, выдержав все критерии, записанные в «одиночном листе репортажа». Для сравнения заметим, что шкала оценок, разработанная в Санкт-Петербурге психологом В. Бойко, содержит 74 параметра.

В американском варианте 3 балла можно получить, если есть ответ на вопрос «А кому это все нужно?» (зачем вообще снимался репортаж). В петербургском даются более точные критерии. Передача имеет право на эфир, если отвечает хотя бы одному (а лучше нескольким) из следующих параметров:

– *содержит информацию, имеющую для зрителя прикладной, утилитарный смысл, т.е. зритель скорректирует свои дальнейшие действия в зависимости от полученных сведений; сюда относятся новости «от моды до погоды»;*
– *содержит информацию, повышающую престиж ее носителя («о чем я мог бы рассказать знакомым»), удовлетворяющую любознательность;*
– *вызывает сопереживание зрителя;*
– *вызывает соучастие в игровой ситуации (например, репортер на улице задает вопрос: представьте, что вы поймали золотую рыбку и имеете право загадать желание...);*

– имеет эстетическую ценность.

В США 19 баллов можно заслужить хорошей операторской работой (горизонтальный уровень камеры, наличие штатива в случае необходимости, наличие резкости, эффектный начальный кадр, эффектные крупные планы, эффектный финальный кадр и т.п.). В этой группе критериев отметим отдельно то, что связано со звуком: «хороший естественный звук» и «отсутствие в кадре микрофона». «Высший пилотаж» репортера – наговорить в микрофон весь будущий закадровый текст на месте съемок. К сожалению, в российской практике такое – великая редкость. Как правило, после «стенд-апа» (стояния в кадре, произнесения вводных фраз) голос репортера резко меняется, и мы понимаем, что все дальнейшие слова он произносил в иных акустических условиях – не на месте действия, а в студии или в аппаратной. Что касается микрофона, он необходим в кадре при оперативных съемках. В иных же случаях микрофон мешает, разрушает эстетику кадра; зритель в большом интервью будет следить не столько за смыслом слов, сколько за страданиями корреспондентки, вынужденной долго держать «грушу» на вытянутой руке и вовремя манипулировать ею между собственным ртом и лицом говорящего человека; собеседнику тоже не просто быть искренним при подобных манипуляциях. Гораздо лучше микрофоны-петлички, прикрепленные к одежде, или микрофон на «удочке» над головами говорящих (за пределами кадра), или спрятанный за краем стола, в торшере, в радиоприемнике, в букете и т.п. Еще в 70-е годы в больших передачах и тем более в телефильмах наличие микрофона в кадре считалось позором для журналиста, которого именовали «подставка для микрофона».

Интересно, что американская шкала оценок не содержит моментов, связанных с отношениями «журналист – собеседник» и «журналист– зритель», петербургский же психолог уделяет этим отношениям значительное внимание («создание благоприятной атмосферы беседы», «наличие реакции на высказывания», «наличие уточняющих вопросов», «поиск общей почвы со зрителем», «учет мнений негативно настроенной части аудитории» и пр.). Видимо, ментальность американцев такова, что им не надо напоминать о необходимости уважения к собеседнику и к зрителям.

За текст американский журналист в штате Миссури может заработать 25 баллов (еще 18 – за хороший монтаж). Текст журналиста ТВ –это миниатюрное литературное произведение, он, как правило, более ярок, нежели высказывания непрофессионалов, и поэтому важно найти верное соотношение интервью и собственного текста. Интервью в телехронике должно быть предельно коротким. Правило американцев: видеосюжет содержит «несколько интервью с выражением разных точек зрения». Как шутят в США, «если кто-нибудь заявляет вам, что Земля круглая, вы должны найти сторонника противоположной точки зрения».

Назовем еще несколько требований к тексту из американского «оценочного листа». «Основная идея материала четко выражена», «хорошая подводка ведущего к сюжету», «доказательность утверждений и выводов», «правильная грамматика», «отсутствие

жаргона и штампов», «использование разговорного стиля», «идеальное структурное оформление текста». Под «структурным оформлением», очевидно, имеется в виду драматургия сюжета, наличие завязки (экспозиции), развития идеи (или действия), кульминации и развязки. 3 балла дают в штате Миссури за упоминавшийся «персонифицированный подход – наличие главного персонажа».

Разумеется, высокий балл и наличие всех мыслимых достоинств не помогут вашему репортажу выйти в эфир, если его основная идея противоречит политической линии телекомпании – как говорится, «не соответствует моменту». Так, летом 1998 г. репортеры одного из главных телеканалов получили указание поменьше показывать бастующих, голодающих, протестующих людей. Как бы талантлив ни оказался репортаж на такую тему – он был обречен на то, что в газетных редакциях называют «корзиной». Однако и в газетах, и на ТВ бывает так, что обстоятельства круто меняются, материал достают из корзины и ставят в полосу либо в эфир...

в начало

СПРОЕКТИРОВАННАЯ СИТУАЦИЯ

Что бы такое сотворить, чтоб проявилась человеческая душа, чтоб глаза заблестели, участился пульс – адреналин ударил бы в скучный ритм повседневности... И вот тут, журналист, включай камеру или микрофон, или то и другое – успевай фиксировать настоящий момент истины.

Любое журналистское задание, любую тему мы можем решить через показ ситуации, нами же вызванной.

Телевизионному документалисту Игорю Беляеву поручили снять фильм о юбилее приволжского городка Камышина. Как в те годы выглядел юбилей? Ну, трибуна на площади, митинг, секретарь горкома читает по бумажке. Пяток буфетов с дефицитом – конфеты, а может, и сосиски. Выпивка, конечно. И все. Что тут снимешь, чтоб начальство не разозлить и чтоб зритель перед телевизором не уснул? Пошел Беляев в клуб, нашел местные таланты, обрядил их в белые рубахи и лапти, и заплясали с прибаутками, закувыркались скоморохи по камышинским улицам, по базару – и народ встрепенулся, откликнулся неподдельным весельем. Успел Беляев кое-что снять, да жалеет до сих пор, что не были готовы его операторы к такому эмоциональному взрыву. Был, оказывается, обычай на Руси – одаривать рыночным товаром да домашним припасом того, кто радость несет. Такого поворота съемочная группа не ожидала, не знала, как отнестись. А надо бы заранее прогнозировать варианты – что выйдет, как ситуация может повернуться.

Еще много чего «спровоцировали» телевизионщики в Камышине. Пустили, например, роту солдат мимо девичьего общежития (городок-то текстильный). И, конечно, окна настежь, в окнах девичьи лица – живые портреты, гамма эмоций. Ради эмоций, собственно, любая ситуация и затевается – чтоб неподдельного человека увидеть. Но в те годы Беляева упрекали: мол, нарушил

правду жизни. Без съемок и выдумок город совсем по-другому жил бы. Митинг, речи, буфеты. Да, казенный ритуал был нарушен. Но характеры-то выявлены. Правда бывает разная. Есть такое понятие – «желаемый образ».

На Пушкинской площади в Москве Беляев посадил своего приятеля с плакатом: «Ищу веселую компанию встречать Новый год». В плакате спрятан микрофон, в автобусе камера. Начал было народ шутить, философствовать – а тут и дорогие внутренние органы подоспели, и был эксперимент закончен досрочно.

Я вспомнил обо всем этом, листая журнал «Столица» с описанием подобных журналистских «акций». Тридцать сотрудников «Столицы» и радиостанции «Серебряный дождь» вышли на ту же Пушкинскую площадь со своими сапожными щетками, передниками, раскладными табуретками и гуталином. Улыбаясь не хуже скоморохов, стали предлагать прохожим и милиции совершенно бесплатно почистить обувь. У нас, говорят, субботник, не будем забывать хорошие традиции. Начнем наводить чистоту в городе с чистки обуви. Милиция улыбалась ответно и подставляла ботинки. «Серебряный дождь» вел прямые эфирные репортажи, журнал дал материал на пять полос с фотографиями. Только телекамеры не было. Славные разговоры получились: что было и что стало, и чем платить за добрые дела. Сделать тоже что-нибудь хорошее... Простые пенсионеры и служащие, проститутки и школьники, москвичи и «гости столицы» –социологический срез.

Первым «провокатором» среди журналистов был Михаил Кольцов. В 1934 году он три дня проработал в такси, тоже изучал нравы, в том числе и на Тверской, где иностранцы смешно читали вывески: «пектопан». Ресторан то есть. Был и тест на честность, сверток на заднем сиденье. Кто-то протягивал его шоферу – забыт, дескать, сдайте в милицию, кто-то шелестел, изучая содержимое, а два юнца «слизнули пакет гладко и бесшумно».

У Кольцова, между прочим, была завернута в газету та же сапожная щетка, а еще книжка «Записки охотника», ключ и два яблока. У «Столицы» размах совсем другой, хотя «тест» однажды провели тот же самый – на честность. Молодой человек, как бы опаздывающий на поезд, просил случайных людей на Белорусском вокзале отвезти его тете-старушке 250 рублей, или в другом варианте сумку с продуктами. До места назначения добрались пять посланцев из шести. Шестым был вокзальный бомж Новиков Вячеслав Терентьевич. Скрытая фотокамера запечатлела и его, и честных посланцев в цвете. Телекамеры опять-таки не было. Надо сказать, в тех странах, где подобные съемки начинались треть века назад (Италия, Великобритания) есть правило: заручиться согласием невольного участника эксперимента на публикацию его портрета. У нас нормы на сей счет расплывчаты. Считается, если съемка преследует «общественные интересы» – можно публиковать без спроса. Хотя ст. 24 Конституции РФ четко указывает: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Так что бомжик с Белорусского вокзала мог бы и в суд подать: репортеры «Столицы» подсмотрели, как он употребил «деньги тети» на феррейновскую водку. Как ни говори – частная жизнь!

Журналистский метод, о котором мы ведем речь, давно перерос первоначальное название «спровоцированная ситуация». Провокация, согласно словарю Ожегова, есть «предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия». Но где же эти «тяжелые последствия» в фильмах Беляева или в большинстве репортажей «Столицы»? И кто «жертва провокации» в таком, скажем, случае: в подземном переходе той же Пушкинской площади репортеры скупают весь наличный запас лотерейных билетов, усиленно трут монеткой, и выясняется ничтожность выигрыша по сравнению с затратами. Если «провоцируется» улыбка прохожих – это не провокация, а что-то другое.

Самая трогательная операция проведена «Столицей» под Новый год. Каждый год московские дети пишут письма Деду Морозу, просят подарить нечто конкретное. Письма скапливаются на почтамте, потом уничтожаются. Работники «Столицы» прочли эти письма, те, что с обратными адресами. И купили то, что дети заказывали. Само собой, нарядились в Деда и Снегурочку. Поехали по адресам. Фотокорреспондента спрятали под маской Лисички. В пятиэтажку на Шереметьевской привезли конструктор «Лего». В Измайлове перепугали директора базы, он решил, что «через ребенка наезжают». В общем, впечатлений на четыре полосы с фотографиями и много-много радости. На следующий год и ТВ сделало такой репортаж.

Или вспомним истории с ремонтом телевизора, электробритвы, приемника, начатые Анатолием Рубиновым в «Литературной газете» и продолженные кинохроникой в ту пору, когда в каждой государственной мастерской (а других-то не было) висели точные прейскуранты, но мастера заламывали цены по-своему. Что, их провоцировали? Нет, просто проверяли. Сейчас можно такой репортаж сделать? Пожалуй, не пропустят редакторы. Скажут, явная «джинса», кому-то реклама, а конкурентов порочите.

Много трудностей подстерегает журналиста, который решился ставить эксперименты. Первое – финансы: на дед-морозовские подарки или на скупку лотерейных билетов пришлось крупно раскошелиться. Второе – как уже сказано, нечеткость законодательства. Если всегда спрашивать разрешение на публикацию кадров, запечатлевших человека в интересной ситуации, то велики шансы получить отказ, стало быть, весь труд и все затраты пойдут насмарку. Однако зарубежный опыт подсказывает, что люди часто готовы пойти на некоторые моральные издержки, лишь бы показаться на телеэкране – сам факт публикации привлекателен! Вспомним чеховского героя: «И про меня напечатали!». Тут важно опять-таки заранее просчитать реакцию, поведение людей в предлагаемых обстоятельствах. Надо, чтобы планируемая ситуация не затрагивала человеческое достоинство, не унижала бы.

Одна из нынешних наших телезвездочек, еще учась на журфаке, запечатлела телекамерой такой сюжет. Улица перегорожена милицейскими барьерами, связанными проволокой. Люди перелезают через верх. В том числе и пожилая преподавательница журфака. За кадром здоровая молодежная

насмешка. Затем на барьер вешается объявление: за проход – штраф. Кажется, тысяча рублей. Тогда это были крупные деньги. И народ потек искать обходные пути. И за кадром опять здоровый молодой смех. Это было показано по первому каналу. И надо же, так совпало, что недели через две толпа сметала милицейские барьеры возле Останкинского телецентра, требуя прямого эфира для «патриотов». «Смотрите, они ваш урок восприняли», – говорил я студентке. «Не хочу никаких уроков, – отвечала будущая звездочка, – хочу посмеяться, и чтобы всем было весело, не занудно».

Муравей в басне Крылова – тоже зануда в сравнении с юной Стрекозой. Не хочу быть этаким Муравьем. Просто вспомню английский телефильм, снятый по заказу тамошнего МВД и призывающий людей... к бдительности! Подходят, значит, два молодых человека к крылечку обыкновенного великобританского жилища и нажимают кнопку звонка. На них фуражки, вроде бы с кокардой. Выходит пожилая леди, и джентльмены вежливо объясняют ей, что они из пожарного надзора, им надлежит проверить качество электропроводки в доме. Один заходит внутрь, другой продолжает беседовать с дамой о том, как опасна неисправная проводка. Домик двухэтажный, минут через пять «инспектор» выходит: «Все в порядке, до свидания». Молодые люди уходят, хозяйка возвращается в дом, но тут же на кнопку звонка нажимает телевизионный репортер, и хозяйка вновь появляется. На этот раз ей сообщают о съемке для ТВ и спрашивают, не пускала ли она кого-нибудь в дом. «Да, были только что пожарные инспекторы». – «А почему вы решили, что они именно инспекторы?» – «Они так представились и, кроме того, были в форменных фуражках, и подробно просветили меня насчет электропроводки. Говорят, в нашем городе некоторые пострадали от неисправных розеток». – «Не знаю, как насчет розеток, но от излишней доверчивости страдали точно». И репортер, заглянув за угол дома, поманил пальцем «инспекторов». Снял с одного фуражку, показал даме, камера укрупнила: вместо кокарды – пробка от молочной бутылки. «Нескольких минут, проведенных в вашем доме, было бы достаточно для знакомства не только с проводкой, но и с вашими драгоценностями...».

И еще два эпизода. Девушку запихивают в багажник большой машины, она срывается с места, и опять появляется репортер. Он спрашивает прохожих, что происходило на улице только что, на их глазах. «Кажется, девушку сажали в машину». – «Вам не показалось, что ее сажали несколько странным образом? Не запомнили ли вы номер этой машины?..» Идет посадка на паром. Возле контролера плакат с фотографией: разыскивается опасный преступник. Паром отчаливает от берега. «Преступник" сначала просто ходит по палубе, затем заговаривает с пассажирами, садится играть с кем-то в шахматы. Его то ли действительно не узнают, то ли не хотят «влипнуть в историю», но никто не спешит к капитану, никто не обращается к полицейским, «случайно» присутствующим тут же на пароме...

Метод «спроектированных ситуаций» позволяет объединить развлечение с просвещением. Наше ТВ редко ставит перед собой подобные задачи, ограничивается зубоскальством. В морозный день

на ВДНХ мужичок обнаруживает под слоем льда десятидолларовую бумажку. Ищет, чем бы расковырять лед. Не находит. Присыпает это место конским навозом, через пять минут возвращается с лопаткой, вырубает купюру. Очень смешно. При желании можно сделать и политические выводы, только не хочется. Не Воланды мы все-таки, чтобы искушать население с целью дальнейшего унижения его.

Валерий Комиссаров сейчас известен как ведущий пошловатой передачи «Моя семья». Эти ток-шоу снимаются по шесть штук подряд, чтоб сэкономить на арендной плате за студию. В спешке, в погоне за рублем забыты библейские истины. «Чти отца своего» – как бы не так! Девочка живо обсуждает, за что они с мамой прогнали папу, и как будут подбирать нового. Жаль Комиссарова. Ведь какие у него бывали тонкие, замечательные «спроектированные ситуации». Скажем, опять-таки бомж – любимый персонаж нашей журналистики – был помыт, одет, причесан и отвезен в Париж. А чернокожий актер приехал на «членовозе» «ЗИЛ-114» в город Петушки, где на стадионе состоялся митинг под лозунгом «Анкла Бэнса – в президенты». Еще была летающая тарелка и разговоры о ней с деревенскими жителями. На экране этот сеанс магии сопровождался саморазоблачением: мы видели, как «тарелку», всю в лампочках, утащил в ночное небо вертолет. Вот-вот, скажет читатель, все упирается в финансы, вертолет денег стоит, «членовоз» тоже. Рыться в грязном белье «Моей семьи» легче и прибыльней.

Тут вроде бы не возразишь – действительно, в какую телекомпанию ни придешь, везде разговоры о деньгах, о сметах, о том, сколько дать «на лапу» вещателю, с которым заключается договор.

Вот сидит на экране «новый русский». Скучно ему слушать вопрос журналиста, потому как он его знает заранее, сам заказал и проплатил. «Таковы условия заказчика», – говорят коллеги. Так объясните этому заказчику, что он гораздо лучше будет выглядеть, если его умственные ресурсы заблистают в «спроектированной ситуации». Тут, пожалуй, пригодится наш опыт работы с министрами СССР и первыми секретарями обкомов партии. К этой теме я еще вернусь в одной из следующих глав, здесь же замечу: какие мы им устраивали «ситуации»! То с днем рождения кого-то поздравит, в гости приехав. То на производстве побудет, то на лесной полянке малины с трактористами поест. «Социализм с человеческим лицом». Народ и партия едины. Профессионалы все-таки были на Центральном телевидении! Валентин Зорин, готовя интервью с членом Политбюро, внушал ему: точную формулировку вопроса я вам не скажу, тогда вам неинтересно будет в эфире. Подыгрывая журналисту, Громыко в передаче говорил: «Если вы так ставите вопрос, я вам отвечу следующим образом...». Игра, конечно. Как в фильме Беляева про Камышин. Только скоморохом выступает сам журналист.

И все равно это интереснее, чем «проплаченное» интервью скучного и самодовольного представителя рыночной экономики.

– Чем хуже – тем лучше, – говорят иные коллеги. – Пошли они к черту, стараться для них...

Не для них. Для себя. Чем сложнее ставишь перед собой задачу, тем больше удовлетворения. Не сопьешься, не повесишься на ближайшем микрофоне, не потеряешь квалификацию. Жизнь всяко может повернуться, востребует ваш талант, а он без тренировок угас... «Проектирование» ситуаций перед каждой значительной работой – прекрасная тренировка.

И вовсе не обязательно нанимать вертолет или «членовоз». Вот «Столица», поиздержавшись на первых экспериментах, решила, наоборот, заработать. По метро, по подземным переходам, по набережным пошли «нищие» с плакатиками из гофрированного ящичного картона: «Пропил все деньги на стиральную машину, жена убьет»; «Требуется лечение головы»; «Мой папа захвачен в заложники в Перу, подайте на билет до Лимы и 2 обратно»; «Дайте денег»; «Был килером, раскаялся. Помогите начать новую жизнь». Пять цветных полос со снимками. Заголовок: «Чему Москва верит?» Собранные деньги сдали в церковь.

в начало

ЖУРНАЛИСТ С ВИДЕОКАМЕРОЙ

Выезжая на фронт в качестве корреспондента «Красной звезды», Константин Симонов непременно брал с собой фотокорреспондента, хотя умел фотографировать и сам. Симонов говорил, что процесс съемки (установка выдержки и диафрагмы, забота о компоновке кадра, выбор точки съемки) отвлекает от наблюдения за жизнью, прерывает общение с героями. Практика последних лет показывает: журналисты все чаще берут в руки не только фотоаппарат, но и видеокамеру.

Все чаще в титрах фильмов и передач, присылаемых на всероссийские и международные телефорумы, одно и то же лицо фигурирует в качестве сценариста, оператора и режиссера. Вот уж поистине – авторские фильмы.

Пока это триединство нередко ведет к ухудшению качества операторской и журналистской работы. Симонов был, в общем, прав... Но процесс, как говорится, пошел, причем с двух сторон: операторы учатся писать тексты и разговаривать с людьми (еще недавно они гордились поговоркой «оператор – не оратор»), а журналисты осваивают технику съемки и монтажа. Что же заставляет делать это, несмотря на неудобства и некоторые творческие потери?

Прежде всего, – очевидная экономическая выгода. Каждый час работы профессионального оператора стоит немалых денег, и потому молодые региональные телекомпании, считающие каждый рубль, охотно вручают автору-одиночке современную видеокамеру, управлять которой не намного сложнее, чем фотоаппаратом. Есть и еще одно преимущество: работая в одиночку, журналист с камерой располагает своим временем куда свободней, нежели в том случае, если с ним оператор или целая съемочная группа. Главное же – *присутствие одного человека куда меньше нарушает ход жизни, чем работа бригады.*

Журналист с видеокамерой может сколько угодно ждать подходящего момента для съемки существенных, интересных

проявлений личности героев. В его фильме будет меньше интервью и больше наблюдений – и это прекрасно, потому что экран грешит сейчас многословием и словоблудием, в силу привычной бригадной спешки: приехали, быстро сняли интервью, несколько «перебивок» – и укатили: «смена кончается, водитель торопится в гараж, у осветителя отгул, оператор устал, а кстати, хорошие авторы обеспечивают группу обедом... «Обеспечишь им обед – попадешь в зависимость от принимающей стороны, да и запрещаются такие дела в цивилизованном мире...

Как-то, еще в советские времена, спросили меня в редакции «Правды»: что бы такое написать о ТВ, о чем никто никогда не писал? Я ответил: зависимость журналиста от соавторов. От режиссера, оператора, администратора-доносчика и т.п. На меня посмотрели с праведным изумлением, мол, ты о каких-то ущербных людях говоришь, настоящие советские люди все как один стремятся к наилучшему результату совместной работы. Я им один пример из жизни, другой, третий – и тем усугубил отчуждение. Эти ребята из «Правды» свято верили в нового, совершенного человека, для которого счастье – в труде.

Я благодарен операторам, с которыми сводила меня журналистская судьба: Виктору Щербакову, Роману Кармену, Владиславу Микоше, Юрию Прокофьеву, Всеволоду Гордееву, Юлию Ольшвангу... Еще две-три фамилии за тридцать лет... Но больше впечатлений негативных. Помню реплики операторов: «Я бутылку готов дать – только бы не ехать в командировку на завод», «Ну придумал ты – в метро лезть, в мокрый тоннель! Другие на презентациях сидят...».

С осторожностью поведал об этом миру изгнанный из «Правды» Юрий Черниченко:

«Приведенный обстоятельствами к телевидению, я убедился, какая магия заключена во всякой запечатлевающей аппаратуре. Журналист с блокнотиком, будь он семи пядей во лбу, ни за что не сдюжит против увешанного блицами фотокора, а уж про кинокамеру с магнитофоном нечего говорить. Осветители, звуковики, да и усталые от впечатлений операторы отлично знают эту людскую слабость и идут ей навстречу, не всегда бескорыстно отдавая свое суперменство. Кстати, почему угощение на даровщину у киношников зовется «халявой»?

Да уж, одного осветителя я в жизни не забуду. В доме героя, разматывая провода, он вещал: «А вот в квартире Грызодубовой мы сымали, так там я запитал через форточку из соседней квартиры, а иначе никакого бы фильма не было».

Юрия Черниченко такой же осветитель спросил: «Слушай, старик, а откуда ты это все знаешь про урожай, про картошку?». Писатель ответил: «Твое дело выпить литр и не качаться, а мое – быть умным». И постучал себя по лысине.

Это из личных впечатлений, а в очерке Черниченко читаем: *«Проводы очередной ватаги хроникеров с их лампами, треногами и убежденностью, что люди пашут и жнут лишь затем, чтобы попасть в киножурнал».*

Или так:

«Послали меня в Рязань снять телепередачу о картошке. На разведку лучше съездить одному, чтоб не пугать киногруппой. Сел в электричку, поехал».

Студенты нашего журфака, прочитав несколько подобных пассажей в очерках Юрия Черниченко, спросили его на творческой встрече: почему он не очень уважительно относится к сотоварищам по съемочной группе? И услышали в ответ (цитирую по магнитофонной записи):

«Я очень ценю их, готов преклонить колени перед режиссером, у которого кадр говорит сам за себя. Текст всегда хуже, чем картинка. Это говорю я, пишущий тексты. Режиссер должен быть талантливее нас, делать то, до чего наш брат не додумается. Но – в том же направлении. И, конечно, бывает трудно, если не совпадают усилия автора с усилиями шести или семи людей, которые хотят снимать красивый закат и тропку во ржи. Я понимаю побуждения оператора или тем более осветителя привлечь внимание окружающих к своей персоне, показать свою важность, но журналисту эта большая декорация стеснительна, часто даже мучительна».

Вот от всех этих мучений и избавляется журналист, освоивший видеокамеру. Крики «Автора!» неслись в мой адрес в командировках, если номер в гостинице кого-то из группы не устраивал, или электрик не приходил вовремя, или столовая не годилась. Автор – в ответе за все. Так не лучше ли обойтись без соавторов?

Это исконно наша, российская проблема. В США вся группа работает на «талант» – так без всякого юмора именуется человек, обладающий способностью работать в кадре. Оператора считают «хорошим парнем», но в дом не приглашают. «Талант» может подбирать группу по своему вкусу. У нас таким правом пользовался в старые времена разве что Валентин Зорин. Не угодил ему режиссер – все, в другой раз в Америку не поедет. Так, и только так можно работать! В журналистике главный – журналист, неужели неясно?

Журналистам из Москвы приходилось иной раз работать с телегруппами местных студий. И вот как-то в Свердловске (Екатеринбург тогда еще носил это имя) захожу к директору завода. А группа – за мной. Директор открывает пачку сигарет – все тянут лапы к пачке, рассаживаются устало. Приучены: творчество – коллективное. К тому же все коммунисты. Большинством голосов могут решить судьбу «таланта» запросто.

И потому я с большим сочувствием смотрел работы воронежца Александра Никонова и голосовал за спецприз ему, бродившему с видеокамерой и штативом по развалинам русских усадеб. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» пронизывает каждый кадр и каждое слово. Не потому ли, что журналист, помимо одаренности, имел еще и возможность, опустив камеру, посидеть где-то на завалинке, подумать, прислушаться к себе? С группой-то не прислушаешься...

На журфаке МГУ автору-одиночке Сергею Кешишеву вручили премию «Золотая телекамера» за репортажи с таджикско-афганской границы и из Чечни. В небольшом вертолете пограничников было

лишь одно свободное место – его и занял человек с камерой. Хотя по прошествии времени Сергей признался: была бы возможность подумать не о камере, а о содержании репортажа – снял бы все точнее. Но в вертолете лишь одно место. Значит, или снял, как снял, или не было бы никакого репортажа вообще.

Такие случаи часты. Пресс-служба ведомства или фирмы сообщает в телекомпанию, что в самолете, вылетающем на событие, «есть одно место для вашего представителя». Поэтому и ценят журналистов, умеющих снимать. И вот уже бюро какой-либо западной телекомпании нанимает стрингера – российского журналиста с видеокамерой – для съемок в наших горячих точках. Ни имя, ни лицо журналиста нанимателю не нужны. Он сам сделает «стенд-ап» на фоне Василия Блаженного и произнесет за кадром текст, написанный на основе стрингеровских впечатлений. Но *качество съемок должно быть «на уровне мировых стандартов», а не любительства!*

Вне понятий «кадр, план, ракурс» телеизображение не существует. Эти понятия одинаковы для деревянной камеры Люмьера и для «Бетакама». «Картинка» на экране – не что иное, как движущаяся фотография, «светопись». Опытным режиссерам и операторам об этом напоминать не надо – у них развито чувство гармонии, взаимосвязи элементов изображения. Они ощущают себя причастными к великому изобразительному искусству. Андрей Тарковский мог назвать на память расположение картин в залах Третьяковки и композицию каждой из них. К сожалению, многие региональные передачи, сделанные одним автором-оператором, обнаруживают эстетическую, да и техническую малограмотность их создателей.

Кадр: в унылом коридоре стоят несколько тетушек в обвислых кофтах и юбках. Из текста выясняется, что это «в школу приехала комиссия из области». Таким показом, одним лишь кадром – комиссия дискредитирована. А может быть, стоило взять план покрупнее? В меру, конечно, без «расстрела в упор» широкоугольником, искажающим пропорции лиц. Кстати, наши региональные коллеги злоупотребляют как раз широкоугольной съемкой, пишут звук накамерным микрофоном, приближаясь к говорящим на недопустимо близкое расстояние. «У нас нет микрофонов-петличек, штативов и накамерного света, нет складных отражателей-зонтиков...». Если вы такие бедные, но хотите работать хорошо, привяжите микрофон к лыжной палке и попросите кого-нибудь подержать его над головами беседующих, за рамкой кадра, выберите позицию так, чтобы обеспечить «светопись», не уродовать лица. Крупный план можно получить с расстояния 1 метр (широкий угол зрения объектива) или с расстояния 5 метров. Крупность лица будет одинаковой, но его пластика и особенно фон –совершенно изменятся. *В новостях Би-би-си, чей профессиональный почерк достоин подражания, людей снимают непременно длиннофокусной оптикой на слегка размытом фоне, отчего «картинка» выглядит рельефной, объемной.*

При всем этом работа с камерой – это еще и серьезная физическая нагрузка. Инструментом для обеспечения жесткой статики или плавной динамики кадра служит тело оператора – его

плечо, руки, ноги (в тех случаях, когда съемка ведется без штатива). Умение ходить с камерой так, чтобы у телезрителя не возникло неприятных ощущений («морской болезни») при просмотре, дается не сразу. Особенно трудно обеспечить плавное движение легких камер, на них сказывается даже дыхание оператора. Не следует увлекаться трансфокаторными «наездами» и «отъездами» – они противоречат законам восприятия, законам психики. В корпунктах зарубежных телекомпаний перед вручением видеокамеры российскому стрингеру кнопку управления трансфокатором иногда просто заклеивают лейкопластырем – чтобы не возникало соблазна бессмысленно использовать эту техническую возможность.

И еще совет журналисту с видеокамерой. Не надо использовать панорамирование, пока не научитесь делать его грамотно: вначале зафиксировать статичный кадр и лишь затем плавно повести камеру строго по горизонтали, в конце остановиться и опять несколько секунд фиксировать статику. Малейший сбой в этом едином движении ведет к браку.

Если оператор снимает колонну демонстрации с одного тротуара, нельзя перебегать через дорогу на другую сторону, чтобы снять перебивки (укрупнения, детали, лозунги и т.п.). Иначе получится, что две колонны движутся навстречу друг другу. Пространство деформируется. Лев Кулешов и Дзига Вертов в 20-е годы осознанно монтировали новое, несуществующее пространство: *«... Ты идешь по улице Чикаго сегодня, в 1923 г., но я заставляю тебя поклониться т. Володарскому, который в 1918 г. идет по улице Петрограда, и он отвечает тебе на поклон»,* – писал Вертов. И далее:

«Я у одного беру руки, самые сильные и самые ловкие, у другого беру ноги, самые стройные и самые быстрые, у третьего голову, самую красивую и самую выразительную, и монтажом создаю нового, совершенного человека».

Эта теория оказалась очень удобной для мастеров показухи. Монтажом создавалось не отражение реальности на экране, а некая другая, улучшенная и исправленная жизнь.

В свое время один из наших выпускников, работая в Молдавии над фильмом «От съезда к съезду», показал замечательную сельскую усадьбу: вот как живут наши колхозники! В телестудию стали приходить письма из той же Молдавии: дайте адрес. А телестудия просьбу выполнить не могла, потому что внешний вид дома был снят в одном селе, окружающий пейзаж – в другом, аисты – в третьем, хозяева – в четвертом, «каса маре» (парадная комната) – в пятом... В полном соответствии с методом Вертова. Но зритель не понял, что перед ним художественный, обобщенный образ, он требует: дайте адрес!

Может быть, к «знаменательной дате» такой прием уместен, «датские» фильмы это вообще особый, забытый, к счастью, жанр. Но представьте, что было бы, если бы таким способом кто-то стал снимать ежедневные теленовости. Телестудию немедленно уличили бы в обмане.

Однажды девочке-практикантке поручили подготовить к эфиру кадры отдыха президента Ельцина в Сочи. Она, как водится, сперва начитала тассовский текст, а потом стала «клеить»

полученные из Сочи «картинки». Текст оказался длинным, и недостающие 20 секунд изображения студентка взяла из архива. Тот же Ельцин, тоже на отдыхе – какая, казалось бы, разница? На другой день у редакции были крупные неприятности: американское агентство распространило информацию о том, что, поскольку Останкино пошло на явный подлог, использовав прошлогодние кадры, дела Ельцина, по-видимому, совсем плохи.

Американцы оказались столь же далеки от поэтических обобщений, как и молдавские крестьяне. Каждый кадр для них должен иметь адрес – иначе это не журналистика!

Создание экранного пространства и времени – высокое искусство. Принципы и правила не могут научить всему, что следует делать, они лишь предостерегают от недопустимого. Подобно тому, как основные нравственные заповеди начинаются со слова «не» – мы скажем здесь: в монтаже не должна нарушаться жизненная правда.

Это значит, что при монтаже интервью нельзя подставлять к ответу собеседника совсем другой вопрос. Это значит, что в теленовостях нельзя использовать многие достижения игрового и образно-поэтического кинематографа. Это значит, что нельзя инсценировку выдавать за реально происходившие события – а уж если это делаете, то познакомьте зрителя с «условиями игры» (как в американском сериале о службе спасения 911).

Многие наши и зарубежные фильмы 20–50-х гг. сняты, как этот американский сериал, по следам ушедших событий, но зрителей об этом не уведомляют. Просто собрали, скажем, в 1944 году оркестр и публику в Ленинграде, а выдали это за первое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Никому не пришло в голову, что ленинградцы в 1942 году выглядели совершенно иначе. И Сталин с трибуны мавзолея говорил 7 ноября 1941 года не с той интонацией, с какой обращался сутки спустя к съемочной группе в ночном кремлевском зале, в наспех сколоченной декорации «под мавзолей». И нефтяники Каспия для съемки высаживались на пустынный берег Каспия, наверно, не совсем так, как это было «на самом деле» – ведь к моменту приезда киногруппы нефть давно была найдена... Бывали случаи, когда по просьбе кинохроники, опоздавшей к штурму города, наши войска вторично шли в атаку – специально под съемки. Были, конечно, и подлинно документальные, ценою жизни добытые кадры. Наши операторы бывали в составе морских десантов, летали в задней кабине штурмовика, вели съемку из башни атакующего танка. Где правда, а где инсценировка – еще долго будут спорить историки. Однако доверие к кинодокументу серьезно подорвано.

Только теперь может исполниться мечта первопроходцев документального экрана, стремившихся показать «непреображенного человека». Д. Вертов обозначил такие виды наблюдения:

– *наблюдение на фоне события («киноглаз и пожар»);*
– *наблюдение скрытой камерой («киноглаз и поцелуй»);*
– *наблюдение с искусственным отвлечением внимания («организовать» ситуацию и зафиксировать поведение людей).*

Самому Вертову не довелось применить эти методы. Но в его честь много лет спустя французские документалисты назвали метод вторжения в жизнь с легкой синхронной камерой «синема-верите», т.е. «киноправда». Возможно, мы сейчас на пути к будущей «видео-правде» – если будем четко отделять художественные фантазии от документа, ведь даже Вертов не выдавал одно за другое.

Конечно, настоящие мастера всегда слегка нарушают правила, но это делается с успехом только при условии точного знания правил. В качестве примера приведем несколько эпизодов из фильма Би-би-си.

«Кавендиш, Вермонт, 20 мая 1994 года», – звучит голос за кадром. Камера показывает двух людей на общем плане, они забрасывают мяч в баскетбольное кольцо, укрепленное на стене двухэтажного деревянного дома, находящегося в правой половине кадра. Это Наталья Дмитриевна Солженицына и один из ее сыновей. Начинается тревеллинг – сложное движение камеры, она движется влево и поднимается вверх (можно использовать автовышку электриков или пожарных). На первом плане ветви сосен. Титр: «Александр Солженицын. Возвращение домой». Титр исчезает, движение камеры продолжается. Слева возникает еще одно строение, камера останавливается напротив освещенного окна второго этажа. За письменным столом Александр Солженицын. За кадром сообщается: 27 мая писатель вылетает через Анкоридж во Владивосток с посадкой в Магадане. И тут же (несинхронно) звучит голос писателя, поясняющего ситуацию.

Журналисту, который собирается работать с видеокамерой, надо вот так подробно разбирать образцы профессиональной работы – кадр за кадром. Как стоит свет, как движется камера, как звуком объединяются кадры, снятые в разных местах и в разное время... Несинхронно записанные (возможно, на кассетный маленький магнитофон) высказывания героев часто бывают более искренними, чем «синхроны». В нашем случае это как бы внутренний монолог героя, который расхаживает по веранде своего вермонтского дома. Жена писателя собирает вещи перед дальней дорогой. Снимает со стены портрет Солженицына, сделанный еще в ссылке, бережно упаковывает в гофрированный пластик, потом в картонную коробку, заклеивает скотчем. В конце фильма мы увидим, как Наталья Дмитриевна уже в московской квартире распаковывает ящик и вешает этот портрет на стену. Такие «ходы» требуют, конечно, некоторого сотрудничества журналистов с героями, но «инсценировкой» называть их нельзя. Было бы чувство меры...

Вот Солженицын готовится впервые вступить на российскую землю – самолет совершил посадку в Магадане. Двигаясь по проходу к двери. Александр Исаевич инструктирует жену: «Улыбаться здесь не подходит. Нет, девочка. Задумчивость...» Спускаются по трапу. Толпа встречающих. Кто-то протягивает руку: «Уважаемый Александр Исаевич!» Солженицын отстраняет: «Одну минуточку». Кланяется, касаясь рукой бетонных плит аэродрома, и произносит подготовленный монолог, глядя поверх собравшихся: «Я приношу поклон колымской земле...». Российский

автор, с пиететом относящийся к великому писателю, убирает в монтаже эти неловкости (эпизод вошел в юбилейные фильмы тоже). У Би-би-си традиции иные.

Во Владивостоке вышла комедия, построенная на действиях местных фотографов. Здесь откровенно сконструировано экранное время и пространство. Солженицын появляется на крыльце гостиницы – на главной площади города дирижер взмахивает палочкой, звучит танцевальная мелодия (на самом деле от гостиницы до площади далеко). Защелкали затворы фотокамер, засуетились «папарацци». Мелодия сопровождает и морскую прогулку Солженицына, когда люди с камерами кружились вокруг на каких-то моторках и катерах, музыка продолжалась и на кадрах пресс-конференции, где писатель возмущался: зачем столько суеты, столько фотографий? Наконец, поднимаясь в вагон, главный герой иронически прощается с фотокорами. Лязгает вагонная сцепка (крупно – сцепщик). Памятник Ленину указывает рукой на вокзальные часы. Стрелка прыгает к цифре 12. Раздается выстрел морской пушки, падает на лист железа большая гильза. Поезд трогается. Семья Солженицына смотрит в окно, поезд идет по берегу залива. Но если съемочная группа отправляется с поездом, то, естественно, она не может в ту же секунду снимать и часы, и орудие. И вообще, поезд, отходящий как бы в 12.00, при внимательном рассмотрении оказывается... пригородной электричкой. И по берегу – на самом деле поезда идут не сразу после вокзала. Но авторы, опережая возможные упреки, продолжают легкую игру со зрителем: вот мы уже видим состав (какой – неважно) откуда-то сверху, с самолета, а вот под нами порядочный кусок земного шара – от Тихого океана до Байкала. Так можно снять со спутника, но перед нами, конечно, фокусы «виртуальной реальности».

В заключение настоятельно рекомендую журналисту с видеокамерой познакомиться с книгами Сергея Медынского «Компонуем кинокадр» (М., 1992) и «Мастерство кинооператора хроникально-документальных фильмов» (М., 1984). Пусть не смущает вас слово «кино»: изобразительно-выразительные средства экрана едины, независимо от того, какая техника у вас в руках.

в начало

ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ, НО НЕ НАОБОРОТ

Когда я работал на Куйбышевской студии ТВ, у меня был замечательный главный редактор. Хороший, душевный человек, лечил простуду крапивой, плавал в проруби на Волге, но каждый репортаж в эфире начинал одними и теми же словами: «Добрый вечер, дорогие товарищи! Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют повседневную заботу о благосостоянии советских людей». Далее шел пример этой заботы с того места, откуда мой старший друг вел репортаж.

Отчего сегодня вспоминаю об этих, казалось бы, навсегда ушедших временах? Мне кажется, что многие молодые тележурналисты исповедуют ту же манеру ведения передач.

Сначала – общие рассуждения, общие посылки: «Каждый человек в своей жизни проходит несколько этапов...». Или: «Человек и природа, это вечное противостояние...». Или: «Река, как время, а время, как люди...». По сути подобные пассажи не отличаются от формулы моего главного редактора.

У меня, как и у всякого среднего телезрителя, рука тянется к кнопке переключателя: а, это мы слышали, давай-ка поищем что-нибудь новенькое.

Я хочу в этой главе сказать о болезни. О подлинной болезни наших молодых журналистов ТВ, которые боятся сказать что-то не похожее на других, выдающееся из ряда. Я просмотрел сотни передач малых телестудий и убедился, к печали своей, в том, что мы с вами до смерти боимся сказать свое собственное слово, которого до нас никто еще не говорил. Мы прячемся за общеизвестные, избитые, истасканные формулы, слышанные сто пятьдесят раз!

Тем самым каждый молодой человек старается встать в общий ряд – при всей внешней независимости и оригинальности. Есть и еще одна причина таких вот «общих» начал в передачах и фильмах. Если сказать просто: «Мы плывем по Оби от Новосибирска вслед за таянием льдов, по весне 1999 года...» – это будет «голая», примитивная информация. А если на тех же кадрах Оби завернуть этакое: «Реки, как время, а время, как люди!» – это вроде как будет произведение искусства. А мы все хотим быть Творцами. С большой буквы. Кто-то нам сказал, что ТВ – искусство.

Но людям у телеэкранов хочется знать и видеть, как живут другие люди. А вовсе не о том, что думает по поводу жизни некий молодой «Т».

Зарубежные профессиональные фильмы начинаются чаще всего с обозначения места и времени действия. Не морочьте людям голову, скажите сразу, что вы решили показать в своем фильме!

Я начал эту главу со слова «когда» по двум причинам. Во-первых, с этого слова начинается множество зарубежных журналистских материалов – и очень мало наших. Во-вторых, на это есть личная причина. Один ученый-математик, когда я принес к нему на визу некий материал (нет ли фактических ошибок, неточностей?), сделал мне стилистическое замечание. Нельзя, говорит, начинать статью со слова «когда». Я ответил: может, математическую статью и нельзя, а в литературе и публицистике тому примеров тьма. Память была хорошая –назвал примеры от Ленина до Твардовского. «Когда» сразу вводит в обстоятельства дела.

Свойства психики человека таковы: он хочет на телеэкране оценивать некий конкретный факт, пример, некую личность, – имея в виду самого себя как эталон, с которым сравнивается другой человек, другой жизненный опыт. Этот очевидный социологический феномен игнорируют многие «Т» современного ТВ. Им бы себя показать.

ТВ как искусство я, принимая на себя любую критику эстетов и недоучек, понимаю как высшую степень мастерства, как **простоту и ясность:** ради чего мы выходим к человечеству, что мы хотим сказать и показать людям?

Рассказываю это все студентам, а также взрослым людям, получающим второе высшее образование, перед тем, как им садиться в кадр для монолога или интервью. Оператор дает отмашку – и: «Человек и природа, это вечное противостояние...». А речь всего лишь о новом изобретении, об устройстве для очистки воды. Но хочется войти в контекст вечных ценностей!

А вот в кадре милая, красивая, доброжелательная студентка – вице-мисс Москва на конкурсе красоты. Поставлено четкое задание: расскажите, как вы стали «вице-мисской»? Начинает: «В жизни каждого человека бывают периоды...». Прерываю: не надо про каждого, скажите о себе. О себе единственной!

И достаю старые номера «Ридерз дайджест» – вроде бы признанный на этой планете стиль и уровень журналистики, собрание разных, но хороших и понятных человечеству журналистских материалов. Начинаются они так:

«В два года Аллен Бонд частенько подходил к маминому пианино» (а ведь можно бы загнуть о роли музыки в жизни человека).

«Впервые я увидел фильм «Унесенные ветром» во время второй мировой войны», – пишет искушенный кинокритик, а наша кинодама непременно завернула бы про «мейнстрим» или чего еще покруче.

«На первый взгляд, Ной Лоттик из штата Пенсильвания был самым обыкновенным 24-летним парнем». Так начинается статья о сложнейшей проблеме сайентологии – через восприятие человека, попавшего в сети этой псевдорелигии.

«18 месяцев Мэрилин Гиззи страдала от ночных потений, тошноты и слабости. К весне она, 51-летняя директриса школы, с трудом могла проработать два часа в день». Речь в статье вовсе не о директрисе, а об ученом, который нашел вакцину против рака. Через впечатление рядового больного (он же читатель, слушатель, телезритель), а не с высот восприятия некоего «Т».

Почему мы боимся быть простыми и понятными? Почему цепляемся за право писать и говорить плохо, мутно, нескладно?

Привел я на занятиях примеры из «Ридерз дайджест», а мне говорят: это ведь журнал, а не ТВ, ТВ – искусство и живет по законам творца!

Ладно, творцы. Достаю сценарий и дикторский текст фильма моего давнего студента Виктора Онучко (он теперь работает в Брюсселе собкором РИА-Новости) о городе Ростове. Французские контрагенты поставили условие: город показывать через жизнь простой семьи. Виктор нашел для съемки «простую» семью – пожалуйста! Простой советский рабочий играет в драмкружке в пьесах Шекспира... Неужто перед камерой сыграет хуже? Француз-журналист у него на работе и дома задавал всякие вопросы – наш советский человек не сплоховал! А раз он таков – значит, думают зрители, и все они, русские, такие!

Это пример, как мы когда-то дурачили «их». Теперь – пример, как они дурачили «нас». Принцип тот же: от частного – к обобщениям. Фильм шведского ТВ про Московский университет – рана в моем сердце! Сценарий вылизывали кураторы из АПН (читай – КГБ). И все равно получилась мерзкая антисоветчина. В

главные герои выбрали студента из азиатской республики. Рядом с ним для съемки попросили пройтись высокого, двухметрового парня. Текст: Уразбай (условное, конечно, имя) не рядовой студент, он выше обычных студентов, ибо член комитета комсомола МГУ. Затем этот Уразбай снят в комнате студенток мехмата, которые поют песни, а он слов не знает и потому молчит... Ладно, вспоминать противно, хотя работа по-своему мастерская. Важен принцип: через конкретную личность – об университете, о стране. Разве что с другим знаком – против «нас».

Вернусь к моей любимой, строгой и корректной Би-би-си.

Приведу строки из текста фильма о городе Киеве (тогда еще не зарубежного, родного каждому – мать городов русских!). Парень из Би-би-си, лет 28, ходил по Киеву в расстегнутой рубашке, садился в троллейбус, спускался в метро и наблюдал за жизнью конкретных семей. В этом принцип: через человека – страна. Фильм вызвал бурю полемики в Великобритании. А ведь не было никаких поползновений к «искусству» – только факты, целый час фактов! А начало такое:

Корреспондент Петтифер: «Во дворце новорожденных в Киеве происходит советский эквивалент обряда крещения. Виктор и Майя Терещенко пришли регистрировать рождение своей дочери. Таким образом младенец Наталья зарегистрирована в качестве гражданки Украинской Советской Социалистической Республики, одной из пятнадцати республик, составляющих Советский Союз».

Английский парень честно говорит, что это его личное впечатление о Киеве, который будет показан через жизнь нескольких семей. Иван Машанук приступает к работе в совхозе, где он служит шофером. Элеонора Стебляк идет на работу вместе с мужем, она балерина, а он балетмейстер. Степан Копыл и его жена работают на заводе «Красный экскаватор».

Через конкретные поступки и события в жизни трех семей показан весь Киев и вся страна.

Упругий стиль и мастерство переходов от одной темы к другой как раз и позволяют говорить об искусстве – т.е. мастерстве журналиста– так же, как столяра-краснодеревщика или слесаря высшего разряда, шлифующего плитки – измерители микронов.

Петтифер платит в кассу тотализатора на ипподроме Киева, как он сказал, «пару рублей» и начинает болеть за коня по кличке Боксит. На трибуне, в окружении нормальной публики ипподрома, он машет руками, смеется, переживает. Текст: *«Но Боксит не победил. Он перешел в галоп и был дисквалифицирован. Даже в стране равенства одни лошади способнее других».*

Снимаю шляпу! От частного – к общему. И никак иначе.

Не уверен, что все читатели меня поймут. Мы ведь привыкли совсем к другому. Вот с чем вышла в эфир молодая журналистка одной малой телестудии (пример типичный, даже город называть не буду): «Пусть мы не властны над временем, но и время в чем-то не властно над нами. Бег времени в нашем сознании то ускоряется при достижении, то замедляется при ожидании, то вовсе останавливается при угасании стимула к жизни, то прекращается вовсе. Вот, пожалуй, с последним надо бороться. Ведь увидеть, что

принесет день завтрашний, –уже стимул. А телевидение поможет вам это сделать».

Попробуйте догадаться, о чем была эта передача и смотрел ли ее кто-нибудь, прорвавшись через вступительные фразы. О колонии заключенных! А могла быть совсем о другом. О работе нашего разведчика за границей. О педагоге или враче. Дополнить это перечисление легко. Но как трудно отказаться многим из нас от выспренней общей фразы!

в начало

ДОКУМЕНТ И ФАНТАЗИЯ

По данным НИСПИ (Национального института социально-психологических исследований), в городах Центральной России информационные программы пользуются устойчивой популярностью, лишь немного уступая художественным фильмам и намного опережая поднадоевшие сериалы. Местная информпрограмма – это ведь тоже сериал, в котором участвуешь ты сам и твои соседи, и постоянные знакомые персонажи – мэр, губернатор, начальник милиции, чудак-изобретатель, энтузиастка-учительница или краевед, ну и сами репортеры, и ведущие ТВ. Каждый со своим характером, с имиджем посланца аудитории, который не упустит ничего интересного.

Как на подробной карте выявляются детали местности, недоступные глобусу, так и информация из Уварова, Ливен, Торжка, Мурома, Обнинска дает более полное, с неожиданными «поворотами» представление о характере сегодняшней российской жизни. Высвечивается житейская философия, нравы, характеры. И предрассудки.

В нескольких работах – вечные наши комплексы по отношению к иностранцам. Нам все кажется, что они хотят нас унизить. И когда отказывают в помощи, и когда помогают. Даже столичное «Времечко» не миновала чаша сия. Вот стоит волосатый репортер возле немецкого кафе, называющегося «Нахтигаль». Он полон благородного негодования: как посмели эти немцы назвать кафе в честь эсэсовской дивизии с тем же названием! А ведь «Нахтигалъ» значит всего-навсего «соловей», или – буквально – «ночная птица». Что же, теперь выбросить это слово из немецкого языка? Те, кто открывал кафе, вряд ли помнят такие подробности, что была на территории России дивизия соловьев-разбойников.

Вот и репортеру Евгению Цыбрину (г. Узловая, Тульской обл.) не понравилось, что в приют умалишенных прислали хорошие серо-оливковые пиджаки. Правда, с нашивками и петлицами. Кители офицерские, времен второй мировой войны. Директор говорит в кадре, что ему все равно, какая это форма, лишь бы больным было тепло, а то с одеждой прямо беда. Но репортер стоит на своем: лучше мерзнуть, чем унижаться! Как на таможне пропускают такую, с позволения сказать, помощь? И куда смотрит принимающая сторона?

– Нет, это не архивные съемки третьего рейха, – говорит журналист за кадром. – Это не германский госпиталь и не пленные армии Паулюса. Это больные Климовского психоневрологического

интерната. Сюда пришла вот такая гуманитарная помощь из Германии –офицерская форма времен Великой Отечественной войны. Немецкая форма в Туле и Новомосковске продается на килограммы, и спрос на нее немалый. Нонсенс, абсурд, издевательство? Наверное.

Мы вдвоем с коллегой из Рен-ТВ Петром Федоровым разбирали репортажи, присланные на конкурс информационных программ. Когда ведешь «разбор полетов» с молодыми журналистами, очень важно не обидеть никого, поддержать попытки творчества, постараться развить то хорошее, что при желании можно разглядеть в каждом репортаже. Вот и теперь мы с Петром начинаем с частностей, приберегая главное под конец. Смотрим еще раз первые кадры. «Это не архивные съемки третьего рейха, не германский госпиталь...». Ну, сразу же видно, что никакая это не Германия, а наша черноземная, до боли знакомая лечебница. В центре кадра родная русская старуха, слева сидят скорбные фигуры у подоконника, и лишь справа треть кадра занимает человек в кителе с нашивками, – но китель-то распахнут, под ним рубашка, ну никак эта картинка с третьим рейхом не вяжется. Текст, может быть, сгодился бы для газеты, но в сочетании с телевизионной картинкой эффектный, казалось бы, журналистский «ход» явно «не работает». Петр Федоров сказал: если хотите, чтобы зритель хоть на секунду принял наших больных за немецких офицеров – надо специально организовать кадр. Может быть, если возможно, в виде игры или развлечения попросить больных застегнуться или даже построиться в шеренгу.

Это предложение вызвало бурную реакцию журналистов: нельзя, неэтично, негуманно! Тут все зависит от легких психологических нюансов – кто-то сможет деликатно добиться своей цели, а кто-то полезет напролом. Не могу рекомендовать свой опыт, но мы даже свидания заключенных с родными устраивали для съемок и прочие «сцены из народной жизни», и ничего тут худого нет. Но – ладно, больные есть больные. А сам-то репортер мог бы эту форму надеть и в ней сделать свой «стенд-ап»? Или праведный гнев так захлестнул, что не позволяет к немецкой одежде прикоснуться?

– А зачем? – спрашивают местные коллеги. А затем, что репортеру негоже навязывать зрителям свою точку зрения. Тут нужен эксперимент. Надеваем форму и идем по городу. С такими примерно словами: в сорок третьем году человек, надевший такую форму, мог получить партизанскую пулю. Такую форму носили оккупанты, и ничего кроме ненависти она не вызывала. А теперь? В Германии выросли новые поколения, мало что знающие о войне. В Германии воспитан комплекс вины перед народами, пострадавшими от гитлеровской агрессии. Может быть, посылавшие эту одежду и не подозревали, какие эмоции вызовет она в России. Какие, кстати, эмоции? Давайте проверим. Вот я сейчас пойду по улицам, а видеокамера из машины будет следить за реакцией встречных прохожих...

Скорее всего репортеру удалось бы пройти через весь городок без ущерба для собственного здоровья. Можно было зайти, скажем, на рынок – в зону интенсивного общения земляков. Кстати, ежели

форму покупают килограммами – значит, носят ее сами туляки? Можно было бы специально найти и ветерана, который возмутился бы действиями репортера, особенно если тот войдет в роль и выкинет руку в нацистском приветствии. Тогда репортер на крупном плане делает вот что. Он эффектно сдирает черно-серебряные витые нашивки и петлицы (подрезать заранее) – и говорит: а теперь это обыкновенный пиджак. И не надо видеть во всем происки врагов.

– Можно было бы сделать такой репортаж? – спрашиваю. – Не упустив такой любопытный факт, как форма гитлеровцев в дурдоме, –свести дело к шутке, не нагнетать «квасной патриотизм».

– Так это ж фантазию надо иметь, – ответила одна из слушательниц. И мы с Петром Федоровым стали фантазировать, как бы мы сами раскрыли ту или иную тему.

Обнинск, Татьяна Уварова, репортаж «Коза в квартире». Пенсионерка держит козу в городской квартире, приучила ее к чистоте, пьет вместе с двумя кошками козье молоко, готовит простоквашу и творог. Репортер начинает не с козы, а... с торговли картошкой на улицах, с консервных банок на полках. *«Этой зимой жизнь калужан будет зависеть от того, какое количество они положили в банки огурцов, помидоров и прочей снеди. Но есть и более оригинальные методы выживания в трудных экономических условиях. Например, купить козу и поселить ее в одной из комнат своей квартиры. Пенсионерка Зинаида Кузъминична так и сделала. Коза Катя заняла место на диване…».*

– Надо сразу брать быка за рога, то есть в данном случае козу, – заметил Федоров. – Даем крупно: дойка козы, струйки молока звенят по стенкам кастрюли. Отъезд камеры – и мы видим, что дойка происходит на фоне зеркального серванта. А потом репортера угощают козьим творогом, тут и происходит разговор. Коза на диване смотрит телевизор.

– То, что вы нам предлагаете – это штампы, привычные для вас журналистские приемы, – заметил один из слушателей.

– Совершенно верно. В нашем ремесле, как и в любом другом, существует набор профессиональных приемов. Если хотите, называйте их штампами. У одного репортера их пять, у другого – пятьдесят, в этом и разница. Главный «штамп»: **заявлять тему в первом кадре и первой строке,** привлекая внимание зрителей. Для этого надо самому понять, что же ты хочешь сказать, в чем суть новости, ее исключительность или сенсационность. А вы, наоборот, прячете новость в потоке общих фраз, думая, что «поднимаете» ее значение.

Вот еще один репортаж из того же Обнинска. Алексей Собачкин, репортаж «Резчик печатей». Я бы начал так: «Майор Юрий Галкин уволен из армии за связь с президентом США Биллом Клинтоном». Нет, надо же по традиции, в Обнинске не могут брать за рога сразу. Диктор говорит многозначительно: *«Каких только увлечений нет у людей! Майор запаса Юрий Галкин, например (опять, как и с козой, это «например». – Г.К.) режет такие красивые печати, что ими с удовольствием пользуются главы государств и космонавты».*

Сомнительно, чтобы печатями Клинтон действительно пользовался. Получив из России печати – для себя и для супруги, в кадре мы видим эти оттиски с американским орлом – Клинтон велел отправить письменную благодарность умельцу. Руководству воинской части это не понравилось, майор был уволен в запас.

Он, тем не менее, счастлив: над ним нет начальников «никого, кроме Всевышнего», а ремесло неплохо кормит. Галкин режет печати красиво и чисто, не пьет, чтобы рука не дрожала... Интересно, не правда ли?

А вот пример более грустный – не только по содержанию репортажа, но и по неумению выделить главное. Тверское ТВ, репортер Александр Никитин. Ведущая объявляет: вчера в 10 часов вечера на военном аэродроме в Торжке разбился вертолет Ка-50. Туда выехал наш корреспондент. Пошли кадры вертолетов, таких же Ка-50, и репортер начал рассказ: что за вертолет был, какой полет совершал в тот вечер. Подвесного вооружения «Черная акула» на сей раз не имела. Пилотировал вертолет начальник учебного центра, генерал-майор, Герой России Борис Воробьев. Интервью с его заместителем о возможных причинах катастрофы. И только тут, через минуту после начала репортажа, в разговоре выясняется главное: пилот разбился, не успел катапультироваться! Значит, начинать репортаж надо было иначе: в Торжке разбился не вертолет, а генерал, Герой России Борис Воробьев. Неужели, как в советские времена, техника – вертолет или трактор –важнее человека? Так получается, по смыслу работы Александра Никитина. Он говорит о споре военных с конструкторами о причинах аварии, репортер заявляет свою точку зрения, становится на одну из спорящих сторон. Иначе не умеем, не приучены.

А вот репортаж, блестящий по форме, но оставляющий вопросы по содержанию. В дом должны приехать судебные исполнители. В доме заперлись захватившие его люди – несчастные люди. Суд предписал выселить их. Репортер и оператор проникают внутрь и тем укрепляют позиции обороняющихся. Драматургия хороша: исполнители приезжают, грузовик для вещей подгоняют... А куда, собственно, хотели вывозить наших «героев»? Откуда они вообще появились, приехали? Нет ответа. Есть азартное противостояние решению суда. Мы, значит, «4-я власть», нам суд не указ?

Интересно смотреть программы малых телекомпаний – такого ни на ОРТ, ни на РТР, ни на НТВ тем более – не увидишь.

Неожиданная находка на свалке подмосковного Протвино: груда партийных билетов и учетных карточек членов КПСС. Люди возмущаются, говорят: нельзя так расставаться с прошлым. У того, кто вывез эти билеты из горкома на свалку вместо того, чтобы сжечь – нет ни ума, ни чести, ни совести.

За эту «свалку истории» Ирина Роговая, журналистка ТВ Протвино, была премирована на конкурсе в Орле. Премию получил также Владимир Рахманьков из Иванова за репортаж «Дача генерала». Ивановское ТВ взялось показывать дачи-новостройки местных милицейских начальников, один из которых заявил: эта дача – все, что у меня есть, если журналисты найдут другую – могут взять ее себе. И вот Рахманьков стоит на фоне добротного

деревянного дома в Плесе – я нашел, держите свое слово, генерал! Радость, впрочем, была преждевременной: высокопоставленный милиционер успел перевести это строение на имя своего сына.

Таисия Бабенко (кабельное ТВ Нововоронежа) начала репортаж, держа в руках ракету «воздух-земля», упавшую во время воинских учений неподалеку от атомной электростанции. Олег Шишкин из Брянска показал горы мешков с сахарным песком на железнодорожном вокзале. Это, так сказать, легальная контрабанда с Украины. Таможня требует огромную пошлину – 48 процентов от стоимости товара и не получает ничего.

В городе Удомля охрану местной больницы взяла на себя организация РНЕ – Русского национального единства. Родственников к больным не пускают, зато молодчики с красными повязками и известной символикой расхаживают по коридорам и палатам. Их шеф, тоже со знаком «коловрата», так похожим на индо-германскую свастику, важно дает интервью в своем кабинете.

В Ржев приехали немцы – те самые, что воевали здесь в 1942 г. Заключен договор с местными властями об установке памятного знака на могиле немецких солдат. В репортаже представлен весь спектр эмоций местных жителей – от объятий с бывшими врагами до проклятий в их адрес.

И в завершение – снова о немцах. Репортаж из Твери. Четыре года городская казна не находит средств на ремонт моста через реку Тверцу, люди рискуют, пробираясь на работу и домой. Немецкая фирма «Золъверк крафт» подрядилась выполнить ремонт с гарантией на 50 лет. Идет «синхрон» с представителем фирмы, масса технических подробностей: углепластик, биосмола... Проезд будет платным, как на европейских автострадах. Когда фирма окупит затраты, мост останется городу. Заместитель главы администрации Твери подтверждает: город получит новый мост, не заплатив ни копейки из бюджета.

Мы с Петром Федоровым стали всерьез обсуждать этот репортаж: надо было дать общий вид моста, чертежи проекта и т.п. Нас остановили: ни черта вы, московские, не понимаете, это была первоапрельская шутка, никаких немцев в Твери нет, а мост, в самом деле, требует ремонта.

Век живи – век учись и удивляйся неисчерпаемости творческих возможностей телевизионной журналистики.

в начало

ФИЛЬМ РОЖДАЕТСЯ ТРИЖДЫ

В предыдущих главах довелось мне порассуждать о важности четкого, крепкого начала передачи или фильма – чтобы зрителю сразу стало понятно, о чем пойдет речь. Иначе, сбитый с толку невнятицей первых минут или общими рассуждениями, человек тянется к кнопке переключателя. Наше ТВ давно перестало быть одноканальным, а некоторые творцы делают свое произведение так, будто у зрителя нет выбора и он должен смотреть все, что ему дают, от начала до конца. Тема **композиции** фильма или передачи – с учетом законов зрительского восприятия – не менее важна, чем предыдущая. Обычно композицию рассматривают как гармоничное

сложение частей, их взаимное расположение. Но мы начнем с другого. Посмотрим, насколько уместны в фильме сами части, компоненты, эпизоды. Сплошь и рядом обнаруживается, что есть в картине что-то явно лишнее, а необходимого – увы, недостает. Это происходит из-за недооценки**сценарной работы.** От того, что «думать некогда – снимать надо».

На евразийском телефоруме 1999 года, в номинации «Краеведческая программа», запомнился фильм «Алатырский экспромт» ГТРК «Чувашия». В титрах сказано: проект Арсения Тарасова. Режиссер Надежда Клочникова. Оператор Владимир Филиппов. Сразу скажу –оператор отличный. Пейзажи в осеннем тумане, лица горожан сняты художественно. Был бы спецприз за операторскую работу – оператор из Чебоксар имел бы на него все шансы. Авторы и режиссер оказались слабее оператора. В кадре присутствует очаровательная, улыбчивая, интеллигентная ведущая Оксана Васильева. Из дымки возникают золотые купола, спешат утренние прохожие, камера выделяет женщину, несущую сразу шесть десятков яиц в картонных ячейках. Вопрос Оксаны к прохожим звучит так: «Вы сегодня завтракали? Что у вас было на завтрак?» Это повторяется раз десять. Реакция – от нервного смеха и шуточек до подробного отчета: «бутерброд с колбасой, чай, яичко». Попутно Оксана выясняет, куда торопятся алатырцы: на работу, на рынок, в школу. Кто-то ел яичницу и пил чай с пряниками, кто-то чай и два бублика. Бабушка: «А я пока ничего не ела, мне пенсию четыре месяца не дают». И еще одна: «Жить нечем, кусок хлеба не на что купить». Мило улыбнувшись, Оксана завершает эпизод: «Вот так начинается утро в Алатыре». Раз начали с утра – значит, дальше будет и обед, и ужин, не так ли? Но авторы больше не возвращаются к гастрономической теме, к временам суток. А я, зритель, встречаясь с очередным экранным персонажем, думаю так, как меня «зарядили» в начале фильма. Вот краевед пересказывает легенду о названии города. Я же думаю: худой он какой-то, может, не завтракал? И зарплата наверняка маленькая. Слишком долгое, непропорционально долгое интервью с художником-резчиком – такими чудаками каждый город славен. Не иначе, думаю, Оксану обедом угостит. Нет, фильм, в общем, о духовных ценностях. Тогда какого же, извините, черта изначально задавать неверное направление? Нет, вот на рынке предлагаются горячие беляши. Но ведущая их игнорирует, примеряет новую шляпку. Однако не покупает ее, а надевает платочек, ибо следующий разговор – в монастыре. Затем певица, хорошо подсвеченная по контуру, сильным голосом поет романс (эта уж точно позавтракала). Появляется поэтесса – далеко не худенькая. Ну что я могу поделать, если авторы **так организовали мое восприятие** Алатыря? Завязка подавила развитие темы и стала как бы кульминацией фильма – самым сильным по эмоциональному воздействию компонентом.

Значит, гастрономический зачин надо было решительно убирать – хотя бы на стадии монтажа, если не догадались раньше. Оставить в летучих интервью-«вокс-поп» только: кто куда идет, едет, торопится. Географию города. Сами по себе портреты, повторяю, весьма колоритны.

Давая подобные элементарные советы по перемонтажу (весьма обычные между коллегами в прошлые времена), рискуешь встретить протест молодых творцов: не надо монтировать за нас, мы – так видим! Мы творим не по вашим устаревшим законам, а по своим, современным! Увы, давно известные **законы композиции** безнаказанно нарушать еще никому не удавалось – если, конечно, иметь целью сделать вещь доступной для массовой аудитории, заинтересовать многих людей, а не только своих знакомых, ценящих «приколы» и «стеб». После интересного начала зритель должен находиться в ожидании все более интересных событий, фактов, встреч, **развивающих заявленную тему.** Это – как закон регулярного приема пищи, причем от закуски к сладкому, а не наоборот.

Вот по каналу «Прометей-АСТ» идет передача о завершении профессиональной учебы в школе Познера. Владимир Владимирович вручает молодому репортеру диплом в рамке, жмет руку. Такой же диплом – длинноногой девушке. И еще диплом в рамке, и еще рукопожатие – шесть или семь раз кряду. Затем – также подряд, встык – шесть или семь репортажей, выпускных работ, за которые и вручались дипломы. Не логичнее было бы поставить сначала репортаж – один, а потом показать вручение диплома – также одного – этому самому репортеру? Зная его работу, мы бы внимательнее вгляделись в лицо, порадовались бы за парня. Потом дать другой репортаж и другое награждение... Традиционно? А нам все хочется поставить с ног на голову, пооригинальничать. «Мы решили сделать так, как сделали», –таков был ответ прометеевских творцов.

Ну ладно, это обычная эфирная передача, и вообще этот канал в Москве пока не виден, хотя амбиции велики. Но вот программа, присланная на конкурс, на евразийский телефорум. Создатели – Калининградская НТРК «Каскад» при финансовой поддержке института «Открытое общество». Называется «Когда сдаются бастионы». Авторы О. Котовская, И. Барсукова. Пролог, четыре главы, эпилог – структура четкая. Показаны четыре военных городка, оставленные нашей армией, брошенные на разграбление местным жителям. Тащат все – оконные рамы и черепицу, батареи отопления и даже добротные немецкие кирпичи. Картина напоминает пригороды Берлина в 1945 году. Та же «не наша» архитектура, те же руины. Каждая часть программы – судьба одного городка, нет попытки объять необъятное. Нам сообщается, что только в районе Черняховска (быв. Инстербург) целых 36 военных городков, семь из них уже оставлены, еще одиннадцать опустеют в ближайшее время. Думаешь, глядя на экран: это какую же мы силищу здесь держали для отпора империализму... или для нападения на него?

Министерство обороны не передает городки местным властям, действуя, как сказано в программе, по принципу собаки на сене: сам не ам и другому не дам. Вот городок Пионерский, бывший Ной-Курен. Оставлены 84 объекта, построенные когда-то для элитной немецкой части. Невдалеке море, тут бы курорт неплохой организовать. Или приспособить дома под жилье, нужда в нем, как и повсюду, велика. Вторая глава передачи – про более удачный

вариант. В поселке Колосовка на месте воинской части теперь колония для малолетних осужденных.

И тут передача делает странный зигзаг. Не могли сердобольные авторы пройти мимо детских судеб и задержались в колонии надолго. И задержали развитие передачи, ушли в сторону от темы. Уже не о судьбах брошенных домов речь – а о судьбах детей. Где мама, да кто папа, да за что посадили? Один парнишка говорит, мужчину какого-то ограбил, другой – мужчину убил. Переживаний – ноль, дети бодро вешают лапшу на уши тетенькам, мол, нет проблем в общении с себе подобными (тетеньки явно не в теме зэковской, не знают, какая жизнь тут – да и в армии – начинается после отбоя). Воспитатели подробно рассказывают, как дети овладевают строительными специальностями, да так хорошо, что не надо больше возить их на отсидку в центральную Россию. Явно другая передача! И ставить в эфир все это надо было отдельно, получше разобравшись в тюремно-лагерной специфике. Благие намерения авторов разрушили композицию передачи. Так же, как хозяйственные калининградцы, приспосабливая для себя дверной блок или черепицу, разрушают красивые здания.

Эфирное время щедро отдано детям, его осталось совсем мало, и пошла скороговорка еще о двух городках. Под Багратионовском (быв. Прейсиш-Эйлау) в казармах танкового полка на свой страх и риск разместились казаки. Ладят загородки для свиней, в актовом зале будет конноспортивный манеж. Солидные мужчины в лампасах, в лохматых бараньих папахах. Кто такие, откуда взялись? Авторам это неинтересно, да и время поджимает. Под Черняховском армия бросила не только дома, но и своих военных строителей, жить им негде, существуют на птичьих правах в тех же казармах, где служили. Мельком показан центр отдыха, построенный на базе военного объекта смелым бизнесменом. Значит, можно все-таки? В финале – призыв к далекой Москве – побыстрее крутить бумажную карусель, пока не все еще разворовано, решить вопрос с передачей имущества местным властям.

Интересно, разумно, правильно. Но сколько зрителей (а особенно зрительниц) отвлеклись от второй половины программы, обсуждая тему юных зэков! Можно представить себе эти споры у телевизора. Муж говорит – так им, мерзавцам, и надо, жена – «это ж дети...». Может, кто-то вспомнил, что такие же дети его ограбили и избили. Тут же, наверно, – воспитательная работа с собственным чадом: будешь хулиганить, вон куда попадешь, это они перед микрофоном такие тихие... Надо **прогнозировать реакции зрителей** на то, что мы им показываем. И понимать, какое существует «последействие» сильных кадров. Не может человек у телевизора переключаться так же быстро, как мелькают кадры и эпизоды.

Мы рассмотрели случаи, когда в фильме или передаче присутствует нечто лишнее, как бы выпирающее, негармоничное. Еще чаще какой-то детали – или даже опорной конструкции – не хватает. Не заложили в сценарий, не подумали на съемках, не придумали решения в монтаже. Студия «Вологда-фильм» широко задумала путешествие по реке в городок Чаронду. Автор идеи Юрий Половников, режиссер Алексей Аренский, оператор Сергей

Баранов. Идет катамаран вниз по реке, на борту жарится рыба и кипятится чаек, а впрочем, иногда воду пьют из кружки, черпая за бортом, хотя там и плавают черные змеи, отгоняемые веслами.

Причаливают прямо к порогу непонятной одинокой избушки, хозяин сперва с опаской здоровается, потом отвечает на расспросы о Чаронде: гиблое место, там одни пенсионеры остались да змеи сползлись, погорячились вы, ребята, дня два вам идти, да и то если с погодой повезет. «Ребят» трое, один с камерой, его не видно. Еще двое – кто они? Автор идеи и режиссер? Что-то не очень похоже. Вот даже не поинтересовались, что за одинокий лесной житель попался, вот уже плывут дальше, а он остался на пороге. Может, один оператор ходил в плавание, а соавторы собрали потом из его кадров эту картину?

Фильм, в общем-то, хороший, чуть-чуть ему места не хватило в тройке евроазиатских победителей в той же номинации «Краеведческая программа», что и «Алатырский экспромт». Чуть-чуть, так сказать, на полголовы «Чаронду» обошел фильм, тоже о речном путешествии, «Путем хозяйки Агана» («СургутИнформТВ»). Зачем вологжане плыли в Чаронду – не очень понятно, таких заброшенных городков немало. Финальная фраза: «Сегодня в Чаронде проживает восемь человек, три лошади, две коровы и теленок, а завтра... да ладно, это будет завтра». Да ладно – и все тут. А в Сургуте на фоне плавания по Агану серьезно ставится проблема сохранения нравов и обычаев коренных жителей, в художественно-публицистической форме показано столкновение двух цивилизаций. «Чаронде» не хватило **авторского присутствия,**личного взгляда на жизнь.

ТВ не отменило **старый закон восприятия:**

«Мне случалось наблюдать, что читатель редко вкушает удовольствие от книги, пока не узнает, каков собой написавший ее –темные ли у него волосы или белокурые, кроткого ли он нрава или желчного, женат или холост и прочие тому подобные сведения...».

Это написал в первом номере журнала «Зритель» английский эссеист и романист Джозеф Аддисон. Дело было в 1711 году, но мне кажется, что с тех пор природа человеческого восприятия не слишком изменилась. Мы, конечно, не англичане. Соввласть приучила нас: сидите тихо, не высовывайтесь – это нескромно, да и опасно. Авторы были удобны такие, чтоб их легко можно было заменять. Что кроткий, что желчный... «На моем месте каждый советский человек поступил бы так же». Не забыли эту сакраментальную фразу? Так и живем? Очень многие работы, присланные на телефорум, страдали отсутствием **личного взгляда** на мир. Фильм «ТВ-центра» под названием «Северные ханты» попал в число призеров именно благодаря такому взгляду, привнесенному автором и исполнителем закадрового текста Самарием Зеликиным. Я подозреваю, что Зеликин у хантов не был, но он рассказал о них лучше, чем многие авторы, проделавшие дальний путь. И не забыл золотое правило пяти элементной композиции: 1) экспозиция (заявка темы, обозначение замысла), 2) заявка действия, интриги, 3) развитие действия, перипетии, 4) кульминация и 5) развязка.

Одна из работ, присланных на форум, выделялась необычным названием: «Васаре, васаре, авасет, иппон». Сделано в Протвино, под Москвой, режиссером-оператором Дмитрием Дроба. Смысл названия разъяснен в финале. Это, оказывается, японский девиз: «полпобеды, еще полпобеды – чистая победа». Герой фильма – тренер по дзюдо, переживший травму позвоночника. Японский девиз можно было «раскрутить» с самого начала картины, показывая одну за другой все «полпобеды» спортсмена. Вот он передвигается с помощью сложных подставок-опор, каждый шаг дается нелегко. Вот он за рулем машины. Вот на руках продвигается к воде, плывет. А где же чистая победа? А она почему-то поставлена в самое начало. Команда «Надежда», которую тренирует наш герой, побеждает на соревнованиях. Тренер сидит в инвалидной коляске, сияет от счастья. Ну, чем не финал, не кульминация? Только надо бы еще показать, как же он ухитряется тренировать ребят? Процесс учебы не показан вовсе, а это, может быть, самое главное.

Фильм, как известно, рождается трижды: на бумаге, то есть в сценарном замысле, затем на съемочных площадках и, наконец, в процессе монтажа и озвучания. Если на каждом этапе добиваться хотя бы «полпобеды» – тогда будет и чистая победа на фестивалях, форумах, конкурсах.

в начало

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Раз в год в каком-нибудь не очень большом городе (чтоб не отвлекаться соблазнами цивилизации), в разных краях света, собираются телевизионщики всей планеты – те, кто прошел отбор на национальном, а потом и на глобальном уровне. Так действует международная система ИНПУТ, что расшифровывается как «ТВ в интересах общества». Премий и призов на ежегодных встречах не дают. Это не конкурс, не парадное мероприятие вроде ТЭФИ. Наградой является сама возможность пообщаться в течение пяти дней с коллегами по профессии, установить контакт с вещателями и дистрибьюторами всего мира, заинтересованными в покупке наиболее интересной продукции – как документальных, так и игровых телефильмов.

Режиссеры или авторы отобранных шоп-стюардами фильмов едут в указанную точку мира за свой счет. ЮНЕСКО, под чьей эгидой находится ИНПУТ, оплачивает дорогу и проживание лишь представителям стран с невысоким уровнем жизни – в основном это Африка, а в последнее время еще и СНГ с Балтией, то есть весь бывший «Союз нерушимый».

Первый на нашей территории отбор работ для ИНПУТа произошел в 1994 году в пансионате Телевизионного технического центра на озере Круглое. С нашей стороны распорядителем выступил зам. директора ТТЦ Леонид Золотаревский, от ИНПУТа приехал известный в Италии телевизионный деятель Серджио Борелли. Для России была выделена квота – 12 фильмов, для остальных стран – по 7. И вот в 1995 году в Сан-Себастьян (Испания) повезли свои фильмы Павел Печенкин из Перми и Юрий Шиллер из Новосибирска, поскольку при глобальном отборе (он

происходит без присутствия авторов в Турине), из двенадцати российских работ сквозь «сито» проскакивают две –три – четыре.

Принципы отбора и как результат – лицо России на экранах глобального телесъезда – вот тема моих размышлений.

Вообще-то ИНПУТ скромно именует свои праздники «конференциями». В 1996 г. конференция прошла в Гвадалахаре (Мексика). Туда ездили наши известные документалисты Оксана Дворниченко, Самарий Зеликин, Виталий Майский. В 1997 г. в Нанте (Франция) показал первые серии «Лешкиного луга» Алексей Погребной из Кирова. И опять же были там Шиллер и Майский – стала складываться своя компания. Отбор фильмов в России теперь был доверен не критикам, не академикам, а тем, кто уже побывал хотя бы однажды на конференции ИНПУТа и знает тамошние критерии. Фильмы, как сказано в рекламном проспекте, должны быть непременно новаторскими, вызывать на дискуссию. Впрочем, различия между терминами «фильм» и «программа» в мировой практике отсутствуют, и в 1998 г. в Штутгарт (Германия) повезли свою продукцию команды Леонида Парфенова («Намедни») и АТВ («Пресс-клуб»), а также Андрей Осипов («Голоса»), Виктор Косаковский («Среда»), Алексей Учитель («Элита») и Раиса Малова, о чьей работе речь впереди.

И, наконец, в 1999 г. в Форт-Уорте (США, Техас) побывала целая группа «наших»: Сергей Дворцевой, Сергей Лозница, Андрей Шипулин, Александр Гутман, Андрей Осипов, Андрей Анчугов – последний показал фильм «Слава труду», о районной газете, словно бы застрявшей где-то в шестидесятых годах.

Далее – подбираются кандидаты для поездки в Галифакс (Канада). В 2001 г. запланировано собраться близ мыса Доброй Надежды, в Кейптауне, то есть на южной оконечности Африканского континента, в ЮАР, к которой нас приучали относиться нехорошо по причине апартеида. А зря, между прочим. Говорят, красивая и спокойная страна. «В Кейптаунском порту, с товаром на борту» – помните такую песенку наших подворотен и пионерлагерей? Теперь это никакая не экзотика, дело вполне реальное. Теперь кандидаты на поездку отбираются не на Старой площади, а на озере Круглом и еще в Турине – коллеги рекомендуют себе подобных.

С одной стороны, конечно, прекрасно, даже великолепно. Но есть, как всегда, и другая сторона.

Я уже писал, что когда-то мы, репортеры прямого эфира и телекиношники, собирались раз в год в Таллине. Для нас это было «окно в Европу», о большем не смели и мечтать. Ну, еще ездил кое-кто на кинофестивали в Лейпциг и Прагу, а ежели еще западнее – то фильмы возило лично само начальство, в сопровождении представителей «родственного Комитета». Репортерам и режиссерам хотелось показать «человеческое лицо» нашего социализма, показать нашу страну так, чтоб не стыдиться перед Западом. Такой, понимаете ли, пережиток: гордиться хотелось своей Родиной.

Это еще от Пушкина идет, социализм тут ни при чем. Прошу прощения за большую цитату, но без нее не будут понятны мои скорби дальнейшие. Вот что писал Александр Сергеевич одному из

ближайших друзей, П.А. Вяземскому, 27 мая 1826 г. из Пскова в Петербург:

«Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда – при англичанах дурачим Василъя Львовича; пред М-me de Staëlзаставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русский барин кричит: мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе – это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

Сия диалектическая мысль припомнилась мне еще несколько лет назад, когда с подачи Золотаревского я оказался на нашей зональной конференции ИНПУТа в роли шоп-стюарда, то есть одного из «отборщиков» телепродукции для отправки в Турин.

Вначале это напоминало обычную работу в жюри. Я был в восторге, когда Серджио Борелли резко протестовал против рассуждений об «искусстве экрана» – мол, никакое у нас не искусство, наша профессия и ремесло состоит в том, чтобы показывать людям, как живут другие люди. «Прекратите использовать слово «искусство», мы рассказываем истории, чтобы добиться какой-то реакции!» Прелестно. Прекрасный аргумент для общения с останкинской режиссурой. А было нас человек семь – те же режиссеры и еще сценаристы, критики. Мы с Сергеем Муратовым представляли кафедру ТВ и радио Московского университета.

С восторгом мы все приняли фильм о голосовании в СИЗО – в следственном изоляторе, где сидят еще не осужденные, не лишенные гражданских прав, хотя и весьма колоритные персонажи. В день выборов у них тоже урны, списки, комиссии, бюллетени. Только под присмотром надзирателей. Слушать их суждения о президенте, о политиках – одно удовольствие. Каким-то образом в этой ячейке общества отражалось оно все.

В тот раз было представлено немало прибалтийских картин, снятых, как всегда, обстоятельно и со вкусом. О быте взрослых лилипутов. О том, как живут в сердобольных семьях умственно неполноценные дети. Как скрывался много лет в землянке от советских властей бывший полицай, как русские испортили коммуналками большой дом, на который теперь претендуют наследники бывших владельцев.

Российские мастера экрана развлекли нашу комиссию откровениями трех проституток (которые, как выяснилось потом, выполняли актерские задачи и были, так сказать, не вполне проститутками – их заверили, что картину увидят лишь на Западе и никакого ущерба им от этого не будет). Были еще вполне реальные судьбы брошенных детей. Запомнился однорукий деревенский мастер, как он залезает на купол церкви, привязывается веревкой и красит крест. Затем он выпивает, ругается с женой и показывает съемочной группе приготовленный для себя гроб. Да не просто показывает, а вытаскивает на середину двора и ложится в него, и накрывается крышкой.

Где-то на третий день таких просмотров я и вспомнил пушкинскую мысль, и процитировал коллегам по памяти – не стыдно ли, не мерзко ли выставлять Россию-мать в столь неприглядном виде перед заграницей? Нашлось и другое. Предложил я послать в Турин фильм про Николая Травкина – он тогда затевал революцию в отдельно взятом районе, тоже ведь мужик колоритный. И еще уральскую картину «Экспресс “Кукушка”» – репортаж из рабочего поезда, курсирующего по узкоколейке между Европой и Азией. Чем дальше от Москвы – тем спокойней народ живет, такой вывод напрашивался.

Ладно, послали. Травкина и «Кукушку» в Турине отвергли, а зэки, лилипуты и проститутки поехали на всемирную конференцию.

Некоторое время спустя наши мастера стали делать свои работы специально в расчете на ИНПУТ. Я уже цитировал потрясающую фразу Владимира Молчанова (продублированную субтитрами на английском языке), что в городе Ярославле мужчины оказались нетрезвые и неинтересные, и потому было решено делать картину про женщин. А женщины «попались» почему-то все пожилые, не очень счастливые, не очень образованные.

Нищая, чуть не лапотная, пьяная Русь! Бредут от автобуса женщины с кошелками, идет титр: «Русские женщины». Это именно то, что хотят видеть на Западе! И режиссер Раиса Малова попала-таки в Штутгарт-98, хотя трудов ей было – всего лишь Молчанова в Ярославль привезти да камеру на улице поставить.

«Русские женщины» особенно впечатляют, когда сразу же (до или после – все равно) в программе просмотра стоит фильм Алексея Учителя «Элита», он также был представлен в Штутгарте-98. Не наспех, как Малова, а старательно, с высоким кинематографическим мастерством группа А. Учителя зафиксировала в 52-минутном зрелище совсем других русских женщин. О своих мужьях с уважением, любовью и изяществом рассказывают жены политиков Шохина и Авена, вдова Листьева и еще одного коммерсанта, который, как сказано в фильме, ушел на встречу с бандитами и не вернулся. Криминал и политика – рядом. Неплохие жилища (Авены живут в доме, ранее принадлежавшем Алексею Толстому, Листьев построил трехэтажный особняк). Фейерверки, фуршеты, торжественные проходы по лестницам: телезвезда Дарьялова, Парфенов с супругой, Третьяков, Караганов – их, значит, отнесли к элите России. И между ними –интервью с истинно элитарной семьей, не нуждающейся в специальном ярлыке. Жена Владимира Спивакова рассказывает, как он защитил ее от хулиганов ночью в Париже.

В этих двух фильмах – как, и во многих прочих, рассчитанных на «эксклюзивность» материала – параллельные, не пересекающиеся миры. Словно две России. Разница в уровне доходов между десятью «верхними» и десятью «нижними» процентами, по данным Н. Шмелева, в Европе где-то около 10 раз, в России – 20 раз.

К этим крайностям тяготеют работы, представленные на ИНПУТ 2000 года. Я вновь оказался на зональной конференции, на озере Круглое – теперь не в роли шоп-стюарда, а от журнала «Журналист». Знакомых лиц увидел немного. За широкими

столами, составленными прямоугольником, внутри которого мерцают экраны – почти исключительно молодежь. Представляясь в первый день, называют, кроме своей фамилии, еще одну: «мастерская Кобрина» или «мастерская Лисаковича». Стало быть, старшекурсники и недавние выпускники ВГИКа. Что ж, закономерно, – сказал Золотаревский, – именно им принадлежит XXI век.

С чем же идет в мир племя младое, незнакомое? Вот фильм «Демисезон», всего 8 минут. Звучит танго Оскара Строка. На голых ветвях старой яблони производят плавные движения молодые люди в черных нарядах, наподобие летучих мышей. Съемка ведется снизу, на фоне неба. Экран вдруг становится из серого – голубым, яблони расцветают, «летучие мыши» улетают. Типичный учебный этюд, во ВГИКе прежде всего ценится изобразительное решение. Но почему его отобрали для участия в зарубежном туре – кандидатом от России на ИНПУТ? Или такое «произведение»: камера, жестко зафиксированная на штативе, показывает пейзаж в стиле Шишкина – поле, откос, сосны, дорога. Раздается электронный звучок – и сверху вниз замедленно падает тарелка. Еще полминуты созерцания пейзажа, опять электронный «блям» –и мимо объектива, откуда-то с небес проплывает ваза. Потом – миска, потом еще какая-то посуда. Молодые глубокомысленно обсуждали некий подтекст, и что значит название «Четыре важные способности». А кто-то из «взрослых» задал вопрос: на какую, собственно, аудиторию вы рассчитываете? – Ни на какую, – отвечали авторы-вгиковцы. – А по какому телевидению это все можно показать? Ответ аналогичен: ни по какому.

Серджио Борелли не проявлял никакого беспокойства. Выходит, главный принцип ИНПУТа – «ТВ в интересах общества» – оказался забыт, на первый план вышло чистое экспериментаторство.

Еще в одном вгиковском фильме – я уж не буду перечислять названия – автор и режиссер, она же исполнительница главной роли, демонстрирует свои великолепные стати, непринужденно расхаживая по квартире в чем мать родила и переругиваясь с этой матерью (и по роли, и по жизни) как бы в поисках колготок.

Ну, это еще ладно, пусть смотрит весь мир, что есть еще женщины в русских селеньях, не только те несчастные, что показывал Молчанов, и не госпожа министерша из фильма А. Учителя. Но все-таки где она, непридуманная жизнь, документалистика, где основная, глубинная Русь? Не верхние и не нижние 10 процентов?

А вот она. Я уже писал о фильме «Чаронда», выражая недоумение полным отсутствием авторской позиции и хоть какой-нибудь мысли в показе вологодской глубинки.

– Значит, вы ничего не поняли в моем фильме, – заявил молодой автор – тоже, как выяснилось, студент-вгиковец.

– Так он же москвич, чего вы хотите, – сказал, отойдя на десяток шагов, вологодский режиссер Юрий Половников, более известный как Митрич (у него и в титрах, и на визитной карточке Митрич, он же значится как автор идеи «Чаронды»). Оказывается, это он отправил практиканта-вгиковца в плавание по речке Воже до

призрачного города Чаронда, который и на карте не сыщешь. Там живут старики, а дети с внуками на лето приезжают, и кое-кто из городов навсегда возвращается – в общем, не так все безнадежно, как в тексте заезжего автора. Он увидел лишь крайнюю бедность, безысходность, даже могилы роют в воде – болота подступают все теснее...

На обсуждении с автора спесь сбивали довольно сурово, причем свои же вгиковцы. Один из них задал тот же вопрос, что был и у меня в статье: а что это был за человек в избе на берегу, возле самой реки, один, причем довольно молодой? Сперва к проезжим с опаской, потом с добрым советом. Это кто такой был?

– Рыбак, – сказал автор.

– Может быть, ты, старик, проплыл мимо главного героя своей жизни, – заметили коллеги.

Нельзя сказать, что киношная молодежь показала отсутствие интереса к реальной жизни среднего человека. Один автор провел видеонаблюдение из окна обычного московского дома. В кадре постоянно присутствует зеленая торцевая стена другого панельного здания –в нем, видимо, расположен магазин, и в тыл бойкого места, за угол к небольшому газончику постоянно заходят разные люди. Кто с детской коляской постоять, кто с ребенком поиграть, кто бутылку распить на троих или выпить пива из горлышка. А кто и нужду справить – большую или малую. Деловито и быстро проделывают это лица обоего пола.

Ну, посмеются на Западе над нашей простотой нравов. Ну и что? Будем смеяться вместе – вроде мы не отсюда, это не наш народ, и сами мы за угол никогда не ходили?

В фильме без слов «Московский ноктюрн» ночная столица предстает как чуждый человеку имперский город, железный стук башенного часового механизма как бы перекликается со стуком копыт Медного всадника над головой бедного Евгения. Это еще одно свидетельство драматического мироощущения входящих в жизнь молодых людей. И оно совпало с ожиданиями устроителей ИНПУТа. Вот – дословно –официальные аннотации отобранных шоп-стюардами и представленных на Запад российских документальных фильмов (помимо уже упоминавшихся):

«СВ № ...» Где-то среди глухих снегов, неподалеку от Соликамска живет пьяница. Пьет он от тоски и для вдохновения – герой фильма пишет стихи. И читает их на фоне пейзажей северной России и за рюмкой.

«Три трейлера». Три друга-шофера. Раньше они перевозили на Байкал построенные на заводе речные теплоходы. Теперь работы нет. Стоит завод, вмерзли в лед корабли на Байкале. А друзья пытаются как-то вписаться в новую жизнь, в новые условия.

«Полина». Бывший вор Борис Кулябин, проведший за решеткой больше 10 лет, стал писать и исполнять песни зоны, чем и прославился среди части московской интеллигенции. Муза Бориса – его жена Полина.

«Леонов с женой Зиной вышли на прогулку». После десятилетий скитаний, в 55 лет Леонов женился и поселился в деревне. Окружающую жизнь он не приемлет. И на телеге вместо мольберта, кистями от козы он рисует страны, которые никогда

не видел, цирк, в котором никогда не был, себя и красавицу Зину, идущих в театр или на прогулку.

«Ксения и Илларион». История семьи сибиряков, состоящей из 37 человек: сыновья, невестки, внуки. Они живут в глухом углу Сибири и могут сделать для себя все – и зверя добыть, и валенки свалять. Верующие. Никита Михалков организовал главе семейства и его жене поездку к святым местам в Палестину.

Только в последнем фильме мы видим духовно здоровых людей, да и то явление Михалкова с неба – на вертолете – придает документальному зрелищу некую театральность. Что ж, все перечисленное – документы переломной эпохи, переломавшей многих и многих.

Журналисты и режиссеры – понятное дело, не социологи, они не обязаны давать выверенную, репрезентативную картину жизни общества. Лишь бы только обращение к нашим болевым точкам не превращалось в их смакование, лишь бы не рассматривали мы своих героев как занятных аборигенов в незнакомой, по сути, стране.

Пример бывших братьев-прибалтов свидетельствует: когда жизнь мало-помалу входит в нормальное русло (а у них это происходит быстрее) – интересы кинодокументалистов также смещаются от крайностей к обычным житейским делам. На конференцию ИНПУТа, на озеро Круглое, прибалты на сей раз не привезли никаких лилипутов и путан. Литва: «Прогулка с Антанасом Рекашимасом». Искрометного юмора и таланта музыкант, жизнерадостно показанный! «Магия путешествия» – маленькая труппа кукольного театра из Паневежиса на двух красочных фургонах, на лошадиной тяге путешествует по городам и весям. Эстония: «Мимикрия» – об учителе биологии, который одновременно еще и актер. «Истории Кыуе Лиису» – монологи 95-летней женщины. Латвия: «Новые времена на улице Поперечной». Иварс Селецкис и его группа жили на этой улочке, на окраине Риги, целый год. Фильм вышел замечательный, персонажи не хуже, чем в игровых сериалах, конфликты с соседями без особой злобы, раскрытие характеров – словом, документальное кино в его лучших традициях.

Говорят, есть в Прибалтике и другие фильмы. Только они их за границу не посылают. У малых народов чувство собственного достоинства, говорят, обострено.

в начало

А КТО ТЫ ТАКОЙ?

Этой главой я хотел бы закончить несколько затянувшийся разговор – о фильмах и передачах местного ТВ, присылаемых на различные конкурсы и фестивали.

Пересматриваю кассеты с этими передачами. Победителей и номинантов на конкурсах не так много, но есть ведь и просто хорошие передачи, которые хочется посмотреть еще раз и студентам показать.

Такие просмотры – это прежде всего встречи с хорошими журналистами, работающими на местных студиях, которые называются теперь телекомпаниями, но сохранили, судя по всему,

душевную чистоту и энтузиазм, свойственные когда-то «шестидесятникам». Женщины-телевизионщицы из Рязани, Кургана, Самары, Тюмени, скорее всего, незнакомы друг с другом. Но когда смотришь их телевизионные очерки о современной деревне, слушаешь их уважительные и в то же время профессионально-цепкие разговоры с селянами –получаешь истинное удовольствие: они сохранили и несут в XXI век то, чем сильна была русская журналистика от Глеба Успенского до Юрия Черниченко. Сохранили интерес и внимание к простому российскому человеку, живущему на земле. Этот россиянин изменился, у него теперь и телевизор, и связи с городом, в том числе и родственные, – тем интереснее с ним общаться. Как к своим давним знакомым – а порой дело обстоит именно так – приезжают к сельским жителям журналистки близкого им областного ТВ. И экран обретает совсем иную глубину. И уставший от дешевых (в прямом и переносном смысле) студийных тусовок зритель получает возможность прожить пятнадцать –двадцать – тридцать минут там, куда доехала неведомо на каком бензине и энтузиазме съемочная группа из областного центра.

Вот крестьянин, поменявший легковую машину на более нужный в рязанской глубинке трактор «Беларусь», вытаскивает этим трактором из непролазной грязи «уазик» – фургон телевизионщиков. Над грязью возносятся купола реставрируемой церкви. Журналист Елена Александрина считает, что возрождение народного духа начинается с восстановления порушенных когда-то храмов, а будет храм – появится и хорошая дорога к нему. Александрина почти не появляется в кадре, лишь изредка и вроде бы случайно мы видим профиль сосредоточенной молодой женщины в модных очках. Свой цикл Александрина назвала «Своя земля», и я подумал было, что это про фермеров, про частную собственность на землю. Оказалось не так. Своя земля для журналистки и ее зрителей – это вся Рязанщина со времен отпора татаро-монгольскому игу, со всей историей, нравами, привычками и подзабытыми традициями. Люди теперь перестали бояться вспоминать прошлое, и Александрина своим вниманием и расспросами поощряет такие воспоминания, скажем, сельской художницы или отставного офицера. Негосударственная компания «Прио-Эхо» делает в Рязани доброе дело.

В Сибири народ традиционно более сдержанный, не раскрывает душу нежданному гостю. Ольга Ломакина, опытный журналист, так уютно располагается на крыльце сельского дома, так подзадоривает пожилых хозяев, что они, только что не желавшие отвечать, начинают перебивать друг друга, высказывать наболевшее. Общительного, приветливого человека в этих краях называют «незаломливый». Не ломается, значит, не старается возвыситься над ближним. Именно такие журналисты выпускают цикл «Деревенские этюды» в ГТРК «Регион-Тюмень».

Светлана Львова ведет в Кургане цикл передач «От Рождества до Рождества». Она вместе с оператором посещает разные семьи в дни семейных праздников. В дом Окуловских приехали, когда деду исполнилось 95 лет. Виновник торжества рубил дрова, дочь делала ватрушки и попутно давала интервью. Тут даже слово это –

интервью – как-то неуместно. Она просто рассказывала давней знакомой про жизнь. Муж ее во дворе демонстрировал охотничье снаряжение и вел охотничьи рассказы. Потом вместе рассматривали армейские фотокарточки – внук, значит, третье поколение. Просто жизнь. Не всем, конечно, эта жизнь интересна, предпочитают виртуальную реальность, своего рода наркотик. А вот Курганское ТВ показывает жизнь. С наркотиками воюет, о будущем беспокоится вполне благополучная с виду, красивая и совсем не пожилая Татьяна Степанова. К чему ей эта боль в сердце? А все, видно, потому же: своя земля, свои люди вокруг.

И совсем уж интересно, когда молодая Ольга Христенко увлеченно рассказывает об особенностях жизни башкирских, украинских, старообрядческих сел Самарской губернии, а также того села, где стоял когда-то полк гренадеров и до сих пор люди там высокие и сильные. Село называется Русское Добрино, находится аж в трехстах километрах от Самары, съемки там велись, видно, не один день – настоящее, хотя и с юмором, историческое исследование. И сама Ольга подстать потомкам гренадеров – что называется, кровь с молоком, таких всегда ценили в русских деревнях. Воду из колодца достает, скотину обхаживает – себя в заставке показывает. Правильно делает.

Телезрители не всегда могут вспомнить, что именно говорил человек с экрана, однако охотно рассуждают о том, каков он, как относится к зрителям и к своим собеседникам на экране.

Уверен, что Ольга Христенко стала призером фестиваля «Вся Россия» в апреле 1999 г. не только благодаря квалифицированной журналистской работе, не только потому, что с ней был отличный оператор-художник, но и внешность ее нестандартную оценило по достоинству фестивальное жюри. Ольга словно немного стесняется, что вот такая она выросла большая и красивая, и лукаво посматривает в объектив. Чувствуется, что собеседники общаются с ней по-доброму, улыбка витает в каждой серии ее «Деревенских историй».

Ольга Никитина из Ростова-на-Дону (ГТРК «Дон-ТР») показала программу «Загар на баррикадах» – о студенческих протестах против строительства АЭС – заняв мудрую позицию «над схваткой», не становясь ни на одну сторону этих баррикад. Ольга Ронзина (Пермь, «Авто ТВ») провела настоящее расследование причин катастрофического разрушения построенных в последнее время дорог. Мы видим ее на трассе возле вспученного, треснувшего асфальта, потом в кабинетах чиновников: дамы – зампреда дорожного комитета и ее супруга, придумавшего дешевую добавку к асфальту. «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной», – укоризненно говорит журналистка. Мы видим, что главное для нее – не себя показать, а разобраться в проблеме, помочь делу. Но тем самым она ведь и себя показывает – причем наилучшим образом.

Телевизионная журналистика становится, как видим, женской профессией. Но не все позиции утрачены «сильным полом». Хорошую передачу «Дай Бог памяти» прислал из Кемерово Владимир Курбатов, увлеченно демонстрирует архивные находки Илья Сахаров в серии «Тайны старого Липецка» – за что и

награжден на телефоруме. Продолжает снимать эпопею про село Кучугуры Владимир Герчиков из Воронежа – иногда он заезжает в это село просто так, без камеры, его принимают как своего и делятся новостями. Несколько семей, как уже сказано, сделал постоянными объектами наблюдения Алексей Погребной. Десятисерийный фильм «Лешкин луг», задуманный в 1990 г. как откровенная поддержка фермера против тупого и косного колхозного окружения, обернулся потрясающей документальной драмой. Не о фермерстве – о жизни начинаешь думать, глядя поначалу, как ладно все задумано Орловскими, огорчаясь потом их семейными ссорами, своеволием подрастающего Алешки и тем, что девочки, выросшие на фермерских трудах, оказались так падки к примитивной городской поп-культуре. Получив 22 премии за «Лешкин луг» на всевозможных фестивалях, Алексей Погребной, кажется, не знает, что ему делать дальше со своими героями. Многочисленные судебные тяжбы совсем подкосили их.

Но для меня интересен Погребной как беседчик, как человек, способный «влезть в душу» ближнему. В кулуарах одного из давних фестивалей, когда мы не были еще знакомы и я не знал, что он и есть автор «Лешкиного луга», Погребной с видом абсолютно невинным и заинтересованным, очень скромно спросил: а скажите, в чем разница между передачей и фильмом? Потом я видел, как он задавал этот вопрос еще многим людям, и каждый «покупался» на эту невинную скромность и начинал что-то отвечать, объяснять. Вот эти широко раскрытые глаза, желание услышать ответ (который он сам давно и прекрасно знает) я вижу и в фильмах Погребного. Он спрашивает так, что не ответить ему нельзя. Скромность или – как это в Тюмени – «незаломливость» есть главная отмычка выпускника театрального вуза Погребного. Одна из последних его работ – «Переселенцы». Александр и Азима Поповы, приехав как «русскоязычные» из дальней республики, никак не могут обрести себя на родной русской земле. Не вписываются в окружение. За семейной историей – колоссальная проблема. Погребной давно для себя решил, если на экране показ какого-то факта – это передача. А если возникают при этом раздумья о жизни всех нас – то это фильм. И чем спокойней задает «на голубом глазу» свои вопросы автор-режиссер, тем больше эмоций рождается у нас, зрителей. Этот вятский хитрец спокойно приехал на фестиваль, проводившийся МВД – «Правопорядок и общество» – и увез очередной приз. За серию «Чужие дети» все из того же «Лешкиного луга». В семье Орловских жил мальчик, помогал по хозяйству. Соседи говорили – батрак, мол, нехорошо это. Он ушел от «кулаков» в самостоятельную жизнь. И очень скоро оказался за решеткой. Думайте, люди, думайте –лучше быть «батраком» – или зэком.

Как-то удалось стать свидетелем уговоров: –Приезжайте к нам на передачу, вас увидит вся страна». И едут к этому розовощекому ведущему, вставая ни свет ни заря, едут в его утреннюю передачу академики и губернаторы, актеры и писатели. Действительно ведь – увидит вся страна! И, честно говоря, не имеет значения, какой ведущий сидит в студии. Ему некогда вдуматься, кто же перед ним оказался на сей раз. Он ничего о своих гостях не знает. По его розовому личику видно: ему достаточно того, что его самого

регулярно видит вся страна. Известен тем, что известен. Упивается своей неотразимостью и легкостью речи. Это уже совсем другая журналистика – студийная. Он ведь в Русское Добрино никогда не поедет. Это не про него песенка презираемых ныне журналистов-шестидесятников: «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете». Там еще есть такие слова про журналиста: «Он в ночи с радистом слушал вьюгу, версты в поле мерил с агрономом, братом был, товарищем и другом людям, накануне незнакомым». Другом? – удивленно переспросил молодой репортер НТВ. – Нет, мы не сближаемся с теми, с кем работаем. Они для нас... материал, что ли, для наших передач.

Нет, что-то мне не хочется в такой ваш XXI век...

Чтобы не возникло ненужного противопоставления столицы и провинции, скажу, что подобные «племяннички» и «сынки» сидят не только в Останкине, куда их привел за ручку дядюшка или папа. То же самое вижу на местных экранах. Не всем охота грязь месить. Сидишь в чистой студии, все к тебе идут, ты – в центре внимания.

Не буду называть фамилии, но вот программа «Город и горожане», ведет ее красивый молодой человек. Сам себе он очень нравится. К передачам не готовится абсолютно. Заявлена тема «равноправие» – применительно к высшему образованию. Обсуждают проблему лицензирования вузов. Задает наш красавец длинный путаный вопрос уважаемым собеседникам: «Какими документами должен обладать вуз? Если университет существует 60 лет, то об аккредитации, о лицензии речи быть не может – какими документами должен обладать негосударственный вуз, чтобы студент был уверен, что доучится до конца, что это классный вуз?».

– Немного хочу вас поправить, – говорит руководитель вуза, – закон един для всех. Лицензирование, аккредитацию должны проходить все.

– Разумеется! – бодро воскликнул красавец, словно и не он только что утверждал противоположное. И еще полчаса путался между аккредитацией и аттестацией, сбивая с толку гостей вопросами: «А если мне не нравится вуз? Если меня не устраивает программа? А если вуз нарушает стандарт сам?».

Хочется спросить: а кто ты, собственно, такой? И вспоминается фраза из Аксенова:

«Не особенно уверен, но, кажется, в этом есть что-то от современного психологического состояния – наши вьюноши как бы дарят себя восхищенному человечеству, в том числе и противоположному полу». Написано, между прочим, еще в конце семидесятых. Сейчас тенденция стала еще заметнее.

Наш знакомец от своего «Города и горожан» выезжал и в столицу. Брал интервью у Отара Кушанашвили и подобных ему «вьюношей», на которых, видимо, равняется.

Конечно, молодость, как грустно шутят старые ворчуны вроде меня, – это тот недостаток, который с годами проходит. Вот и мальчики перестройки погрузнели, посерьезнели прямо на глазах восхищенного человечества. И Дибров уже ножкой не дрыгает, и даже Кушанашвили обходится без мата. Иногда в региональных программах такое взросление происходит в пределах одной передачи – заботливые сограждане просвещают напористого

журналиста, и он теряет свой напор, превращаясь в обыкновенного мальчика или девочку.

Вот в городе Кемерово представителем «четвертой власти» врывается в жилконтору девица в очках, тянет за собой микрофон и оператора с камерой. Спрашивает сурово: скажите, куда расходуются деньги, которые мы платим как налог на собак? Спокойная дама буквально по-матерински объясняет про жетоны и строительство собачьих площадок, а потом говорит как бы, между прочим: вы бы представились, как ваши фамилии? У меня тоже есть знакомый на телестудии, с такой же трубочкой ходит. Тем временем конторская девушка выписывает документы: «Кто владелец собаки? Вы?» «Нет, мама», – лепечет юная репортерша. И уже на вольном воздухе опытный собачник на все наскоки – «А жетоны зачем?» – объясняет девочке, что жетон нужен, если собака, не дай Бог, потеряется.

Смотреть на это было, конечно, любопытно. Этакое укрощение строптивой. Провести бы такую разведку без камеры, не позориться прилюдно. Репортер, понятно, не всезнайка, его дело такое – спрашивать. Но все-таки не с абсолютного нуля начинать расспросы. Казенный микрофон в руках, надо думать, утверждает юное создание в его (ее) общественной значимости.

Подходит молодая дама с микрофоном в кулуарах телефорума и с ходу задает вопрос: какой смысл в Армении показывать передачу о Казахстане, ведь это никому не интересно. Объясняю: наоборот, интересно. Все мы вышли из одного социалистического прошлого и хотим знать, кто как из нынешних трудностей выпутывается: легче врозь или нет? Другая интервьюерша: «Дума хочет ввести цензуру, что вы скажете об этом?». Объясняю разницу между цензурой и Советом по нравственности, но не этого, видать, от меня ждали, рука с микрофоном нетерпеливо подергивается. «А что вы здесь делаете?» – в лоб спросил мой же собственный студент, оснащенный микрофоном. Сразу вспомнился бессмертный фильм с Евстигнеевым «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен». Был там такой персонаж, юный пионер, появлявшийся в разных местах с вопросом: «А чего вы тут делаете?». Ему отвечали: «Иди отсюда, иди...». Вежливость не позволяет ответить так же нашим юным телеинтервьюерам. Человек с микрофоном действует волей пославшей его телекомпании. На уровне информационного интервью он, независимо от личных качеств, принесет в студию какие-никакие ответы. Важно лишь понимать, что это –первый шаг в постижении профессии. Важно не остановиться, самолюбование – губительно.

в начало

НОВОСТИ ОТ АЛЕКСАНДРА ГУРНОВА

Г.К. Высокий потолок, огромный директорский стол... Каково репортеру в этом кабинете? Секретарша за дверью. Табличка: прием по делу и по личным вопросам с 10 до 22 часов. Как чувствует себя репортер в кресле гендиректора?

А.Г. Нормально.

Г.К. Значит, получилось, как у Ростроповича – сам и солист, и дирижер?

А.Г. Занимаюсь я тем же самым, что и всю жизнь. Делаю новости. Организую процесс. Первая ТСН – телевизионная служба новостей, ночные новости как альтернатива официозной программе «Время» – появилась на 1 канале, если помните, в 1989 году. Профессия появилась тогда – «ведущий новостей». Не диктор, а ведущий. Как в Америке. Но структуры такой, как там – чтобы все на него работали – ее не было. Ведущий сам заказывал съемки, сам определял верстку программы, он все делал.

Г.К. То есть не он, а – вы.

А.Г. Да, первые полгода я вел программу «ТСН» один. Потом пришли Миткова и Ростов, мы стали работать через два дня на третий. Здесь я делаю то же самое, причем каждый день. Только мне не нужно вечером гримироваться и идти в кадр.

Г.К. Это все равно, что познакомиться с девушкой, развлечь ее, уговорить – и в последний момент отдать другому. Разве не главный наркотик, кайф, показ мастерства – работа в прямом эфире?

А.Г. Когда взрослеешь, появляется опыт и приходится выбирать. Оставаться просто ведущим новостей, я считаю, не очень интересно для мужчины.

Г.К. Уолтеру Кронкайту только в 65 лет стало неинтересно.

А.Г. Для меня как для мужчины было важно всю жизнь кому-то что-то доказывать. Ради этого мы живем, правда? Я никогда не относился к работе как к повинности. Для меня работа всегда была своеобразной игрой, в которой нужно выиграть, нужно что-то доказать. Мне кажется, что как ведущий новостей я всем все доказал. А доказать свою состоятельность как руководителя информационной службы, причем частной, первой и единственной в своем роде, которую нужно было с первого колышка построить собственными руками – в этом не меньше риска и удовольствия, чем в прямом эфире.

Из меморандума А. Гурнова (директивный документ компании «ТСН»).

Новости – это кайф! Это – кураж. Это весело, черт побери. У нас с вами нет профессии, у нас есть жизнь, под названием «журналистика». У нас есть дело, которое больше, чем сто жизней.

Новости – веселая работа, которую делают молодые, веселые, смешные, сумасшедшие люди. Не дай Бог общаться с человеком, проработавшим в теленовостях больше десяти лет, как с нормальным. Вы не поймете друг друга и, скорее всего, крупно повздорите!

Самое опасное в редакции – скучные, недовольные, озабоченные люди: одного такого достаточно, чтобы подсунуть в нашу программу скучную новость. А скука для нас – это смерть!

Новости – это люди. Это – Люди, рассказывающие о Людях. Так просто...

А.Г. Сейчас у меня работает почти триста человек.

Г.К. Плюс собкоры?

А.Г. Нет, не собкоры, а стрингеры на договоре, человек под сто в разных городах. За границей есть агентства, наши русские

ребята там обосновались и делают для нас материалы. При необходимости связываемся с газетчиками, они берут в аренду камеру и для нас делают материалы.

Г.К. Ваша продукция – новости – выходит в эфир на канале «ТВ-6». Нет ли риска, что требования руководства канала – условно говоря, господина Сагалаева или Березовского – придут в противоречие с вашими принципами работы[1]?

А.Г. Новости – они и есть новости, какие принципы? Когда создавались новые телеканалы, многим казалось, что они могут обойтись вообще без новостей. А сейчас поняли, что без новостей канал неполноценный. И мы сейчас стали работать не только на «ТВ-6», но и на «Рен-ТВ», с августа на «31-й канал». Вот 29-й еще лицензию не получил, а уже заключил с нами договор на новости. Конечно, на «ТВ-6» мы работаем в первую очередь, каждый день даем по 10 выпусков, стараемся давать новости в развитии.

Г.К. А завтра они скажут, что не могут платить столько денег, и – конец? Что будет с агентством?

А.Г. «ТВ-6» и сейчас платит меньше себестоимости. Но мы не только на них вещаем, есть и другие заказчики. Ежедневно программа «ТСН-модуль» выходит на спутник в 19 часов. Примерно 60 региональных телекомпаний ее принимают, записывают и используют в своих выпусках новостей. Наши новости обходятся дешевле, чем другие – на НТВ или ОРТ минута новостей стоит тысячу долларов, у меня где-то шестьсот. Потому что у меня меньше людей работает, а технология лучше – все в цифре, нелинейный монтаж, никаких пленок в эфире. Те, кто начинал с пленками – они ведь не могут оборудование выбросить и людей уволить. У нас преимущество в технологии абсолютное.

Г.К. Наверно, дело не только в технологии. Есть какие-то принципы, которые делают новости «ТСН» «отличными от других».

А.Г. Главное: не ударяться в аналитику. Как только начнет прослеживаться какая-то политическая линия – заказчики потеряют к нам интерес. У нас ориентация на тетеньку из трамвая: что интересно всем?

Из меморандума А. Гурнова:

Основой тональности наших сообщений является надлежащая беспристрастность в отношении вызывающих споры политических, экономических и прочих проблем. «Надлежащая» – означает, что «ТСН» не требует беспристрастности в таких вопросах, как торговля наркотиками, жестокость, расовая и религиозная нетерпимость, угроза независимости и престижу нашей Родины и некоторых других, в которых общество практически единодушно.

Новости – это то, что, по нашему мнению, люди должны знать (пример: чиновник Х – жулик). Это то, что людям знать необходимо (пример: завтра будет забастовка в метро). Это то, что люди хотят знать (пример: кто получил «Оскара»?). Это то, что интересно –«бульвар», «подверстка» (пример: от кого родила К. Орбакайте?).

Г.К. Как вам удалось отучить журналистов от морализаторства, от оценочных суждений в репортажах? Мы ведь с

советских времен подменяем факты мнениями, ради этого многие идут в журналистику – чтобы учить людей жить.

А.Г. Морализаторство – каленым железом! Сейчас найду пример. Вот, смотрите, текст, присланный с чеченской границы. Очень хороший материал. Корреспондент рассказывает, как стукнули по чеченским боевикам, превентивный удар нанесли. Есть интервью с одним, с другим, с министром Рушайло. Но вот заключительная фраза: «Если верить Владимиру Рушайло, российское МВД сдержало слово и, по всей видимости, теперь чеченские боевики будут неуютно чувствовать себя и на своей территории. Но это будет только в том случае, если сегодняшняя акция, будучи первой, не окажется последней». Корреспондент за это получил! Поддерживать убийство людей нельзя в принципе, тем более наших сограждан, коими являются, к сожалению, чеченские боевики. Окружить, арестовать, отдать под суд – тогда бы мы могли это поддерживать. Выражая надежду, что сегодняшняя акция не станет последней, он как бы учит МВД: давайте, ребята, так и надо.

Я говорю: если хочешь поставить хорошую точку в репортаже – дай факт. Например: у убитого лейтенанта остались две дочери, одной три года, другой три месяца. И все, никакого морализирования. Не надо учить Рушайло, что ему следует делать.

Из меморандума А. Гурнова.

Единственным способом самовыражения, проявления творческого подхода к информации является внимание к деталям, умение их подмечать и к месту использовать.

Корреспондент в кадре – причесан, гладко выбрит, в деловом костюме. За исключением экстремальных условий съемки для мужчины обязателен галстук, для женщины нижнее белье, чулки. Крайне нежелательно появление на работе и абсолютно недопустимо на съемке –как в спортивной, джинсовой одежде, так и в дорогих туалетах, украшениях. Оператор также должен быть одет чисто и выглядеть опрятно.

А.Г. Приучаем людей к тому, что запись «стенд-апа» – это непременная часть работы, которую надо сделать. Если не записал «стенд-ап» – не выполнил работу до конца. Его могут отрезать, если ты его плохо сделал, но это другой вопрос. Много стендапов в выпуске – это хорошо, зрителю понятно, что мы были там, на местах событий, а не писали текст под картинку, сидя в редакции.

Г.К. В вашем меморандуме написано, что «стенд-ап» записывается «статичным поясным планом, вполоборота к камере», причем не более 15 секунд. Может быть, ваши корреспонденты заслуживают немного большей свободы? Американцы учат: «Сидите на полуразвалившемся крылечке рядом с работниками службы соцобеспечения и бедняками, стойте в гуще толпы орущих подростков, выходите из-за диковинной статуи, говорите с места на трибуне заполненного стадиона, ведите репортаж из лаборатории на фоне работающих сотрудников и стеклянной посуды, рассказывайте о знаменитости, когда она за вашей спиной что-то говорит или пожимает руки. Будьте визуальной частью сообщения! От этого зависит, примут или отвергнут ваш материал». Вы считаете, такая постановка вопроса для нас преждевременна?

А.Г. Не каждый репортер справится. Но набор правил, я считаю, необходим.

Г.К. Конечно, это обеспечивает программе новостей свой «почерк», свой стиль. Но поговорим о более существенном – о принципах отбора материала для новостей. На некоторых телеканалах существуют специальные люди, которые отслеживают «джинсу» – скрытую рекламу. И так этим увлеклись, что теперь в программах полностью отсутствует информация о новой продукции российских предприятий. Может быть, нужен человек, который посмотрел бы на программу с точки зрения социального оптимизма, что ли. Вот в Нижнем Новгороде выпустили машину «Соболь». По улицам она ездит, но телевидение ее не показывает – как же, реклама!

А.Г. Я не считаю выпуск «Соболя» чем-то революционным. Внешне – та же «Газель». Если такую выпускают на Западе, это не становится темой для новостей.

Г.К. А для нашей страны такой показ, я считаю, важен. Знать, что не все остановилось, не все развалилось – как раз для тети Маши из трамвая это нужно. К тому же «Соболь», хоть и похож на «Газель» – машина совсем другая, комфортабельная. Так получилось, что я возвращался из российской глубинки в Москву один раз на «Соболе», а другой – на «Газели» и почувствовал разницу собственной спиной.

А.Г. В Калининграде «БМВ» начали собирать – я заказал материал. Я не боюсь рекламировать, что вот появляется «БМВ» российской сборки. Но и это не всем интересно. Негативные новости универсальные, а оптимизм у каждого свой. Негатив – это болевые точки. Вы же не приходите на работу и не говорите: слава Богу, я доехал нормально. А если вам на перекрестке «КАМАЗ» снес полморды, то вы всем об этом расскажете, и никто не подумает: вот человек какой негативный! Люди делятся происшествиями. Плохо то, что ко многому мы стали привыкать. Покушение на предпринимателя теперь уже не событие, рядовое дело.

Я всегда прошу своих сотрудников, чтоб в новостях была страна. Когда выпуск получается чисто московский, это мне не нравится и людям не нравится. Хотя у нас страна специфическая, 90 процентов новостей происходит в Москве.

Из меморандума А. Гурнова:

Новости не бывают «хорошими» или «плохими», и называть их так – значит навязывать зрителю нашу оценку, что недопустимо.

Каждый выпуск, вне зависимости от приоритетности новостей, должен быть продуман географически и тематически. В нем должна быть информация из регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, а также информация из разных сфер жизни: политика, экономика, культура, спорт и т.д.

В каждом вечернем выпуске новостей должно быть прямое включение или его имитация.

Г.К. Теперь о вашем «интерактиве» – вы приглашаете позвонить за 5 рублей и высказать свое мнение. Например, нравится

ли изменение погоды – да или нет? А как я отвечу, если мне похолодание после дикой жары приятно, но машину градом побило?

А.Г. Конечно, это не настоящий интерактив и нет картины общественного мнения, а только мнение зрителей данной программы.

Г.К. Причем наиболее активных. Мягко говоря.

А.Г. На Западе это способ зарабатывания денег. Задают вопрос, условно говоря: как зовут дочку Пугачевой – Марина, Полина или Кристина. 5 тысяч звонков – Кристина! На лохотроне разыгрывают имена – один получает «Мерседес», а компания зарабатывает деньги. И не надо к этому всерьез относиться.

Г.К. Если вы не будете ставить серьезные вопросы – то, конечно... Но народ наш привык действовать «как все». И в серьезной ситуации такой «интерактив» может стать сильнейшей эмоциональной подсказкой.

А.Г. Ну, это из области теории.

Г.К. Ладно, вот вам практика. Во вчерашнем выпуске вы поставили на голосование, как всегда, несколько событий дня и спросили, какое из них считать главным, о каком рассказать подробнее в воскресном выпуске «6 новостей недели».

А.Г. Мы всегда так делаем, зрители сами формируют воскресную программу.

Г.К. Ну, и за что вчера проголосовали? Можно взглянуть, найти в вашем компьютере?

А.Г. Пожалуйста... Вчера было вот что. «Космос» – это про конфликт с Казахстаном, не дают нам ракету запустить с продуктами и запчастями для «Мира»...

Г.К. И ваша ведущая пошутила: не послать ли к космонавтам на «Мир» коммерческую палатку с едой. Юморок так себе.

А.Г. На нас не может не оказывать влияние общий стиль канала «ТВ-6». Он, как известно, молодежный, легкий, отвязанный.

Г.К. Считайте, что я старый скучный человек из вашего меморандума.

А.Г. Дальше что у нас было? Прибалтийский закон о языке. Наши в Косово. Стихия – будет ли ураган. Разоблаченный шпион – обвинения в адрес Калугина. И, наконец, похороны армянского первосвященника – подавляющее большинство зрителей попросило подробнее рассказать в воскресенье именно о похоронах. Остальное, видимо, поднадоело.

Г.К. А по-моему, дружно позвонили все московские армяне. Большие патриоты своей малой родины. Кстати, католикос – через два «о» пишется.

А.Г. А у нас как? КатАликос?!

Г.К. А можно вывести на экран шуточку вашей ведущей про ураган? Кстати, почему она так таращит глаза – брови выше лба? Тоже для молодежной отвязанности?

А.Г. Вот текст: «”РИА-Новости” сообщило, что в Москве будет ураган, мы связались со спасателями, с МЧС – там сказали, что урагана не будет, и если вашу машину все-таки придавит упавшим деревом, за компенсацией обращайтесь к этим ведомствам, которые опровергали».

Г.К. Тоже юморок не высшей пробы. И представьте, как слушали это люди, на которых только что обрушился небывалый град – шайбы летели сантиметра по четыре диаметром. А она тут шутит, понимаешь.

А.Г. Но она права, урагана-то не было!

Г.К. А град вы прозевали. «ТВ-Центр» показал его на десять минут раньше вашего выпуска.

А.Г. Открываем ТАСС. Град в Москве размером от голубиного до куриного яйца. Сообщение поступило в 19.57 – за три минуты до нашего выпуска. У меня уважительная причина – вчера день рождения был.

Г.К. Примите поздравления. Не будем о неприятностях. Во что может вылиться ваша служба, какую следующую мужскую задачу поставит перед собой Александр Гурнов? Создать лучшее в России агентство телеинформации?

А.Г. Оно и так лучшее, потому что единственное. Это в первую очередь бизнес. И то, что сегодня агентство «ТСН» стоит вдвое больше, чем в него было вложено – говорит о том, что дело удалось. Глобальный замысел – сделать свой круглосуточный информационный канал, вроде Си-эн-эн. Сейчас это не очень реально. Это очень дорого. НТВ отказалось от подобного проекта. Минуту новостей может окупить не менее пяти минут дешевого развлекательного вещания, у Тернера кроме Си-эн-эн есть развлекательные каналы, и новости распространяются по подписке. Для нас это нереально.

Г.К. Рано или поздно кто-то в России это сделает, социологи выяснили, что потребность в таком канале есть.

А.Г. Если кто-то сделает, то это будем мы!

Из меморандума А. Гурнова:

Наша обязанность: утверждать демократию, представляя все значительные факты и точки зрения, чтобы обеспечить принятие решения каждым человеком на основе полученной информации.

Наши правила: не врать! Абсолютный приоритет общечеловеческих ценностей. Оппозиционность любым формам тоталитаризма и экстремизма. Уважение ко всем выборным органам власти. Корректность по отношению к коллегам. Доброжелательность друг к другу, к окружающим и зрителям.

Все сотрудники «ТСН» должны избегать конфликта между своими личными интересами и интересами «ТСН». Результатом невыполнения этого требования может быть увольнение.

в начало

ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ КРИТИКИ

В кинотеатрах теперь, как известно, продают мебель и автомашины. Кинотеатры чаще упоминаются в прессе не в связи с премьерой фильма, а потому, что на торговцев «наезжают» конкуренты и начинается пальба. Ходить в кино небезопасно. В зале на тысячу человек, заплеванном семечками, два десятка зрителей. Тинэйджеры, прежде звавшиеся уличными мальчишками, самовыражаются, как могут. Это их территория.

Пока мы строили кинодворцы, киноангары, киносараи – в Европе и Америке появились другие заведения. Восемь-девять залов небольших, с фойе, переходами, лестницами, закоулками. Можно провести здесь полдня, переходя из зала в зал, подкрепляясь мороженым и напитками в барах. Не нравится один фильм – перешли на другой, третий. Статистика с начала века до наших дней свидетельствует, что в кино ходят, в основном, молодые люди. Они находят в кинотеатрах не только зрелище, но и свою среду обитания вдали от родительского присмотра.

Для нас появление многозальных киноцентров – пока перспектива. Есть один на всю Россию, на Пресне. Мы идем своим путем, потом спохватываемся, а светлое будущее все время норовит скрыться за горизонтом. Мрачное настоящее кинотеатров подталкивает к выводу: для нас сейчас главная форма существования кино – это телевидение. Из зала, в зал переходя, то бишь от телевизора в кухне к телевизору в комнате, подкрепляясь по дороге, мы знакомимся с классикой мирового экрана, потребляем запретные прежде плоды – не надо больше прорываться в Дом кино вместе с парикмахершами и продавцами, знакомыми наших кинодеятелей. Результаты сегодняшнего творчества, «наше новое кино» тоже приходит к нам с телеэкрана. Творцы, вырвавшиеся из-под редакторского гнета, ведут себя порой, как подростки без родительской опеки, – но это наше кино, уж какое есть.

Теперь премьера кинофильма – не только ритуальный выход творцов на сцену Дома кино с монологом режиссера, волнением актрисы и скромными поклонами остальных. Зенит славы теперь – телевизионный вечер по первому каналу, прямой эфир до и после всероссийского показа, с телефонными звонками в студию, а то и с целым «Пресс-клубом» и телемостами (если вспомнить, как А. Кончаловский презентовал свою «Курочку Рябу»), с ведущим или ведущей, известной зрителям не меньше самых-самых актеров, с отрядом критиков и критикесс, вострящих газетные перья уже не по разделу кино, а на полосах, щедро отводимых телевидению. Критик С. Муратов предрекал когда-то, что кино станет «разновидностью телевидения». Дожили.

И раньше телевизионный приемник покупался в семью, в основном, ради кинофильмов. Социологи, открывшие это, подверглись остракизму: полагалось думать, будто семья всаживает в этот ящик трехмесячную зарплату ради приобщения к «Ленинскому университету миллионов» и «Дневнику социалистического соревнования». Честно исследовать, а тем более критиковать ТВ было в 70-е годы небезопасно. «Это все равно, что критиковать Советскую власть», – рубанул с трибуны председатель Гостелерадио С. Лапин, рассказав, как к нему на прием в первый же месяц выстроились представители двадцати двух организаций, начиная от Союза кинематографистов – «И все хотят указывать, что надо делать телевидению!». Телевизионный министр дал отлуп всем непрошеным советчикам. Он формировал программу без социологов и критиков, по личным указаниям генсека Л. Брежнева. «Больше хороших товаров» – такое название постоянной передачи продиктовал лично Леонид Ильич. Товаров больше не становилось, но передача выходила как свидетельство партийной заботы о

народе. Смотрел ли ее кто-нибудь, кроме автора заголовка, история умалчивает. Ибо критиковать – не смели.

Едва зародившаяся на волне оттепели 60-х профессия телекритиков исчезла. Исчез раздел «Телевидение», введенный было в журнале «Искусство кино». Телевизионное начальство поссорилось с кинематографическим, и киножурналу велели игнорировать наличие телевизоров в стране. Напомнили: важнейшим из искусств Ленин назвал кино, а вовсе не телевидение.

А теперь держу в руках целый номер журнала «Искусство кино», посвященный исключительно телевидению. В редакции говорят, что неплохо бы вообще переименовать журнал, назвать, например, «Искусство кино и ТВ». Поскольку кино воспринимается теперь в контексте телепрограмм. Такой поворот солидного журнала можно только приветствовать. Мощнейший, закаленный в боях отряд кинокритиков пробует обратить взоры на малый экран не как на «брата меньшего», а как на обретенный феномен культуры. Телекритика стала делом вполне безопасным – если не вникать, конечно, во внутренние, финансовые дела ТВ. Отражая телепроцесс, критика претендует на почетную роль социального контролера, предъявляющего требования к ТВ от имени общества – как те двадцать две организации во времена Лапина.

Просматривая вырезки из региональной прессы, вижу, что и там стали много писать о ТВ. Московские программы критикуются не столько с эстетических, сколько с политических позиций, ТВ рассматривается по-прежнему как учитель жизни, только сбрендивший за последние годы. Чувствуется, что частенько отдел ТВ поручается журналистам (журналисткам), не справившимся с другой проблематикой. Тон поучающий. Это ж каждая кухарка понимает, какая передача хорошая, а какая дрянь, и требует от лица народа: больше хороших товаров, то есть фильмов и передач. Они стали действительно товаром. От поголовья зрителей зависит стоимость рекламных секунд. Так что сугубо кухонная точка зрения на телевизор имеет полное право на существование. Но мы ведем речь о профессиональной телекритике, которая учитывает, что ТВ существует прежде всего для массовой аудитории, но руководствуется не одним лишь сиюминутным рейтингом, а – по идее – высшими духовными интересами общества.

«Телевидение в зеркале критики» – тема десятка дипломных работ, защищенных на факультете журналистики МГУ. Предмет изучения –статьи ведущих телекритиков, коих по определению не может быть много. Во всех работах студентов один и тот же набор имен. Филологически образованные дипломники пробуют искать корни эстетических пристрастий телекритиков в традициях Герцена и Добролюбова. Наиболее вдумчивые вспоминают еще Стасова и Шкловского, то есть музыкальную, художественную, кинематографическую, театральную критику, чьи традиции должны лежать в основе добротной критики ТВ. Есть и иной подход, заставляющий вспомнить героя А. Вайды, охмуряющего девушку в танце при помощи слов: «Для телевидения специфична специфика телевидения». В мелодраме о московских слезах телевизионный оператор тоже соблазнял девушку, вещая, что ничего скоро не

будет – ни кино, ни театра – одно сплошное телевидение. Главный соблазн для юного критика – думать, что и до ТВ не было ничего.

Помимо прочего, телекритики творят историю ТВ. Само оно не сберегает видеозаписей, даже не документирует толком эфирную продукцию.

На страницах «Искусство кино» С. Лаврентьев назвал телекритиков народными контролерами, которые вместо верности политической линии стали требовать от ТВ Большого Искусства. А народ, по мнению Лаврентьева, требует не искусства, а чего-то другого. Зрители «истомились не по Куросаве и Муратовой, а по Джеймсу Бонду, Бэтмену и Индиане Джонсу». И вообще «фильмы снимаются для показа в кинозалах, а ТВ – не родная среда их обитания». Так что пусть, считает Лаврентьев, идут по телевизору мексиканские и прочие сериалы. «Это их дом, в котором героям Алена Рене и Федерико Феллини делать нечего. Пусть царят на малом экране Парфенов от Труссарди и говорливый Шолохов, мелодичный Валдис Пельш и попсовая Ксюша... По информационным каналам Большое Искусство все равно не передать адекватно. Те, кому оно действительно необходимо, отправляются на встречу с ним сами».

Я представил себе С. Рассадина, С. Лаврентьева и других телекритиков в роли реальных контролеров, которым действительно поручена выработка телевизионной вещательной политики. Будто сидят они в некоем совете, решающем, что давать, а что не давать в эфир. Один говорит: долой Ксюшу Стриж! А второй: нет, только Ксюшу и даешь!

Образ некоего общественного совета, или кураториума, возник у меня в ходе чтения статьи С. Муратова в том же «Искусстве кино». Вспомнив тоталитарное ТВ и заклеймив американское, ориентированное на рейтинг, то есть на неразвитую массу, критик очаровывается европейской моделью, которая называется общественно-государственным или публично-правовым ТВ. *«Там нельзя, как у нас, указом сверху сместить очередного руководителя или передать канал от одной компании другой. Между государственным ТВ и верховной властью стоит независимый автономный орган (совет управляющих, административный совет, кураториум), избираемый, например, президентом, правительством и парламентом». Этот самый совет и следит за уровнем вещания. Чтобы в погоне за зрителем не утратить «духа нации», чтобы стремление повысить качество передач преобладало над коммерческими соображениями. "Ничего подобного у нас нет и не было"»,* – заключает Муратов. И вот я представил на минуточку, что заседает у нас такой кураториум и зачислены туда все маститые телекритики.

Выступает, к примеру, хозяйка телеподвала «Литературной газеты» С. Тарощина: «Ну почему в конце концов анпилствующая часть народонаселения должна диктовать остальным свои прокисшие вкусы, точнее, свою убогую безвкусицу?». Я мысленно аплодирую, потому что именно в угоду этой публике сняли с эфира «Киноправду?» – передачу, которую я вел три года с лишним по первому каналу. Внимаю С. Тарощиной дальше, – то есть просматриваю подшивку «ЛГ». Соглашаюсь с идеями и

направленностью статей. И – не могу все же представить себе, что данные тексты предназначены для решения судеб ТВ. Скорее они для некоего кружка интеллектуалов, приподнимающих себя на бледном фоне экрана. Язычок-то каков! То «телевизионный мэйнстрим, состоящий из двух потоков», то «оттянуться на фуршете». Сквозит высокомерие к телеплебеям. Вот описывается, как создатели одной из передач, «незнакомые, скорей всего, с теоретическими установками, интуитивно стремятся нащупать тот самый тыняновский второй план, который сквозит, мерцает, различим сквозь текст, преображенный пародией». Эта снисходительная похвала относится к провалившемуся вскоре проекту, когда Л. Якубович пытался из чудесника стать историком и аналитиком («Анализы недели» и «Колесо истории»). Промах критика, да не один. Тут же уничтожаются «Старые песни о главном» – любимая народная передача, растащенная на кассеты, гремящая из видеокиосков. Девочки из хороших семей такие песни не поют. Нет, народ недостоин своих телекритиков.

А ведь было это все, было! Чехов сокрушался, что петербургские критики не оценили Лескова, поскольку господам критикам не понять народной жизни во Мценске. Те же критики высмеивали русские романсы Гурилева и Булахова, всякие там «Колокольчики мои, цветики степные».

Журнал «Искусство кино» в трудах Н. Зоркой просветил нас когда-то по части взаимоотношений кинематографа и лубочной литературы. Самым читаемым автором прошлого века был в России, оказывается, не Пушкин и Толстой, а некий Матвей Комаров. Он предшественник авторов мексиканских сериалов, имен которых мы, впрочем, тоже не знаем, и знать не хотим. Мы изучали литературу по вершинным взлетам духа и мысли, а не по реалиям народного чтения, не по тиражам. Время рейтингов, определяющих судьбы авторов ТВ, заставляет уважительно оглянуться на Матвея Комарова. Его «Повесть о приключении аглинского милорда Георга...» впервые напечатана в 1782 г., а последнее издание конфисковано соввластью в 1918-м. Подсчитано, что только в XIX веке «Милорд» издавался 97 раз! Девятое издание удостоил своим презрением Белинский, но публика презрения не заметила, новые издания продолжали выходить. Некрасов возопил: придет ли времечко, когда народ не милорда глупого, а Белинского и Гоголя с базара понесет? Черта с два, г-н Некрасов! Взглянули бы вы на книжные прилавки конца XX века, заодно и на телеэкран. Все потомки милорда! Народный вкус неизменен.

За что же читатель русский любил милорда аглинского? Сюжет прост и завлекателен. Некая графиня налагает на милорда любовный запрет сроком на шесть лет с условием верности. Разные красотки все шесть лет соблазняют Георга, но тщетно – и он в заданный срок соединяется с возлюбленной графиней. Эротика постоянно маячит на горизонте, но побеждает добродетель. Воспитанные на неистовом Виссарионе, мы Комарова в учебники литературы не допускали. А надо бы изучать этот феномен, если нас интересует истинная потребность народа, если молимся на рейтинг. Более того, смею предположить, что «Милорд...» выполнял, помимо развлекательной, некую культурно-просветительскую функцию,

способствуя «исправлению нравов» – задача ныне подзабытая. Я бы на конкурсе «ТЭФИ» давал премию им. Матвея Комарова создателям популярной российской «мыльной оперы», а то у нас с этим жанром плохо. Даже А. Адабашьяна постигла неудача, хотя он препарирует жанр все в том же «Искусство кино»: «Телесериал – это зрелище облегченного типа», «требования к телепродукции коренным образом отличаются от требований к кинематографу». Нет, телевидение высокомерия не прощает! С таким подходом сериал этого режиссера был заранее обречен.

Наши кинематографисты и критики прежде представляли зрителя как сбывшуюся мечту Некрасова и Маяковского: землю попашет –попишет стихи или Тынянова почитает. Или в театр на Таганке сходит. Когда же выяснилось, что не таков массовый зритель –рассердились: «Не стараться ради него – облегченное слопает!» Не давать «по ящику» Феллини – не доросли! Кто дорос – те в Доме кино прекрасно помещаются.

«... И в кинематографе, и на ТВ первый этап теоретического осмысления проблемы массового зрителя отражал не столько реальное положение вещей, сколько общественно-эстетическую позицию авторов. Характерен резкий разрыв между возвышенными эстетическими и просветительскими установками критиков и действительными потребностями массового зрителя. Рано или поздно этот разрыв обнаруживается, и тогда начинается этап изучения публики».

Автор приведенных слов А. Вартанов (хоть сейчас его в кураториум) несколько опередил время. Он написал это для сборника, вышедшего в 1985 г. тиражом 600 экз. Называется книжка «В зеркале критики». А этап изучения публики начался только сейчас, и свидетельство тому – статья Н. Венжер в телевизионном номере «Искусство кино». Результат исследования зрительских предпочтений в Ярославле. В единую таблицу сведены кинофильмы и телепередачи. На первом месте оказался «Час пик» (это все же Ярославль, а не пресыщенная Москва). Первый из фильмов в таблице – рязановская «Ирония судьбы» – разделил пятое и шестое место с кизяковским «Пока все дома».

«Когда ток-шоу или телеигра становятся для зрителя интереснее, чем кино, а комментатор или ведущий игры привлекательнее героев киноэкрана – это симптомы проигрыша в негласном соревновании двух искусств», – резюмирует автор.

Социологическое направление в журнале «ИК» вообще очень интересно. Выясняется, что режиссеры не могут сговориться с теоретиками, какие фильмы входят в число лучших за сто лет, а уж от мнения народного далеки и те, и другие («Броненосец» знаменитый в прокате провалился – это еще Луначарский признавал). Дополнить бы таблицы Д. Дондурея и Н. Венжер живыми наблюдениями хоть за тем же ярославским зрителем. А. Аграновский поднял проблему гласности в 1966 г. на примере одной-единственной семьи Блоковых из города Горького. Очерк назывался «Пустырь». Про информационные пустыри в нашем обществе. Через частное – к общему, это ведь традиционный путь искусства и публицистики.

Так что прежде, чем усаживать телекритиков за длинный стол кураториума, решающего судьбы ТВ, неплохо бы командировать их в дома зрителей, пусть не очень далеко от Москвы. Первый телекритик В. Саппак – может быть потому, что вырос в коммунальной квартире –старался соотносить свои впечатления с реакцией других людей. Узнав о грядущей башне в Останкино, он представил себе этот циркуль с 500-метровой ножкой и с радиусом в 135 км.

«Представил со странной отчетливостью закопченные подмосковные города, дачные поселки в разреженном леске, деревни с избами по обе стороны шоссе, мокрые и пустынные железнодорожные платформы уже километров этак за 70 от Москвы, дощатые бараки с вечно сохнущим бельем и аккуратные, неотличимые друг от друга светлые пятиэтажные дома... Сколько же это человек оказалось вдруг связано одной ниточкой? Кто они?»

Книга Саппака называется «Телевидение и мы». Статьи некоторых современных критиков несут девиз «Телевидение и я», даже наоборот: «Я и телевидение». Индивидуальность критика, конечно, вне посягательств. Но как неловко смотреть на экранного тусовщика, презирающего аудиторию вне его круга, так и читать про «суррогат культуры» которым, дескать, является телевизионная версия театрального спектакля. Критик работает для своего круга – людей, которым достаточно преодолеть лень и сесть в троллейбус, чтобы оказаться в театре и потреблять продукт первой свежести. О дощатых бараках, Ярославле и Мценске и мысли не возникает!

Театроведческий и филологический фундамент В. Саппака сомнений не вызывает, однако писал он не только просто и понятно, но и с практическим прицелом: «где, когда, на каком еще материале может критик, пишущий об искусстве, вмешаться, ***активно вмешаться в дело, практически касающееся миллионов людей?»*** (курсив мой. – *Г.К.).*

Чтобы влиять на дело ТВ, надо стремиться найти с телеработниками общий язык. Не всегда это получается. Напомню «Пресс-клуб», где критики, сбившись кучкой, противостояли ведущим ТВ. Критикам было неуютно и тошно, а телевизионщики купались в своей стихии. Критики говорили о бездуховности ТВ, не приводя примеров и вообще не умея говорить публично. Массовики-затейники торжествовали победу. «Меня встречает на вокзале толпа с цветами в десять тысяч человек, а потому на критику мне плевать» – логика Якубовича. «Моя теща говорит после передачи: отдохнула как никогда», – заявляет Ганапольский. Контраргументов критики не нашли.

Нравятся теще продолжатели дела Матвея Комарова, творцы электронного лубка! Теща имеет право голоса. Тещ таких – легион. Когда-нибудь выделят в эфире специальный канал для тещ. Нынешние проблемы во многом обусловлены наличием у нас всего двух общероссийских телеканалов, как ни дели их – кого-то обделишь. Но вовсе очищать экранное поле от интеллекта и духовности в угоду тещам– это значит не уважать себя, свою страну, свою культуру. Да и тещи разные бывают – кто-то Вульфа и Радзинского предпочитает бойкому зятю.

В одной из комнат стеклянного дома на улице Королева я видел, как в три цвета красят для телевизионного начальства график передач прошедшей недели, с указанием рейтинга и доли. То есть, какой процент семей в Москве (жаль, не в Ярославле) смотрел ту или иную передачу; какая доля включенных в данный час телевизоров была настроена на первый канал, а не на конкурентов. Нормальный рейтинг –клетки передач зеленые. Ниже нормы, но еще на грани допустимого – желтые. Красный цвет означает, что передача не собрала и трети контрольной для данного часа аудитории. Если поставить в такую передачу рекламу – за нее гроша зеленого не дадут, ведь данные о рейтинге получают и рекламодатели. Стало быть, передача, попавшая в красную зону, обречена. «Тропиканка» и «Поле чудес» закрашены зеленым. Программы В. Познера, Л. Филатова – желтым. «Человек при деле» и «В городе N» покраснели, хотя идеолог этой системы В. Вильчек разрешил публицистическим программам иметь рейтинг в полтора раза ниже «развлекаловки». Когда он был простым телекритиком– ратовал за духовные ценности на экране. Теперь – рейтинг, рейтинг... Может, не надо давать критикам реальной власти?

А еще в комнате тихонько шуршит ксерокс, снимает для начальства копии газетных и журнальных статей о ТВ. Эти статьи иногда тоже расцвечиваются при помощи ярких маркеров. Понял я в этой комнате вот что. Бранить в печати высокорейтинговые, приносящие зеленую денежку программы – зря время тратить. Как Белинский зря потратил чернила на критику Комарова. Гораздо важнее поддержать в печати программы, несущие духовный и интеллектуальный потенциал, но попадающие в «зону риска» по рейтингу. Мнения прессы в Останкине все же учитываются. Так что наши телекритики на самом деле составляют некий совет – правда, не с решающим, а с совещательным голосом, в традициях страны советов.

Я вовсе не призываю, чтобы критик, пишущий о ТВ, видел перед собой исключительно теленачальника и обращался к нему. Первый и главный читатель – это зритель телевидения, сопоставляющий свое впечатление о программах с высокоразвитым эстетическим вкусом и обостренным гражданским чувством критика. Но есть и читатель-профессионал, и не только в Москве. Мне довелось недавно пообщаться с руководителями новых телестудий Соликамска, Тольятти, Канска, малых уральских городов и закрытых «атомных» поселений. У этих молодых людей чаще всего техническое образование. Они с удивлением узнавали, что существуют учебники по телевизионной журналистике, целые теории экранных искусств, наконец, люди, положившие жизнь в этой сфере. Многие впервые видели журналы «Искусство кино» и «Журналист». Это чуткие и благодарные читатели – если не обращаться поверх их голов к «посвященным» с заумными рассуждениями. Они внимательны к газетным рецензиям на столичные программы. Их собственная продукция, сфера регионального ТВ, столичной критикой пока не тронута.

Еще довелось мне слышать обращение главы президентской администрации к весьма серьезной публике – к председателям краевых и областных телерадиокомитетов России. Он говорил о

том, что им, регионалам, теперь верят больше, чем московским телевизионщикам. Что столичное ТВ, замкнувшееся внутри Садового кольца, не ставит перед собой задачи национального сплочения, консолидации России. Что государственное ТВ не может быть лишь средством завоевания авторитета телеведущих. В общем, говорилось то, что мог бы написать и телекритик, обладай он чувством социальной ответственности и желанием вмешаться в дело. Председатели строчили в блокнотах.

... А мне не дает покоя статья «народного контролера» С. Лаврентьева. Вдруг кто-то из неофитов примет ее за руководство к действию. И уберут с телеэкранов «Восемь с половиной» и «Кабаре», «На последнем дыхании» и «Ностальгию». Конечно, следить напряженно за героем О. Янковского, когда трепетно ограждает он пламя свечи в последнем проходе своей жизни, через бассейн святой Катерины, – лучше на широком экране, вовлекающем зрителя внутрь действия. Но что делать, если в кинотеатрах продают автомобили, а двадцатидюймовый кинескоп остался единственным окном в мир большого искусства – в Братске, Канске, Соликамске, в «атомных» городках... В такой большой России.

в начало

ПРО НАХОДЧИВОГО СТУДЕНТА

Дело было в конце экзаменационной сессии на журфаке. Пришел студент сдавать «хвосты» по специальности. Показывает, как положено, реферат «Современное состояние ТВ в России». Краснеет, просит:

– Может быть, сразу прочитаете и оценку поставите? А то меня стипендии лишат, в учебной части не учитывают, что я уже на телевидении работаю.

– А когда полагалось этот реферат сдать? Месяц назад, не так ли?

– Не мог я, работал. У меня своя рубрика музыкальная, неужели вы не видели?

– Извините, не пришлось. Ну, давайте, перелистаем ваш шедевр творческой мысли.

«... Это наглое вторжение рекламных объявлений в программы было нашим первым ярким, шоковым впечатлением. Хотелось выключить телевизор, но надо было смотреть: Пришло желание разобраться, что такое телевизионная реклама для самого ТВ и для телезрителей».

Спрашиваю студента, почему не от первого лица написано, что это за «мы» – группой, что ли, смотрели? – Это же научная работа, –отвечает.

«В этом явлении перекрещивается множество совсем непростых проблем. По-видимому, преследуемая рекламой цель достигается, реклама оправдывает средства, на нее затраченные. Телевизионный эфир обеспечивает самый надежный эффект проталкивания товаров со складов и магазинных прилавков в хозяйственные сумки и автомобильные багажники потребителей. Зритель, кряхтя и проклиная эти осточертевшие, набитые как

колбаса шпиком, рекламными вставками телепрограммы, их все же смотрит, а потом покупает в магазине именно то, о чем он слышал, по поводу чего его снабдили информацией. Он – как слепец в новом Вавилоне «общества потребления». И реклама – его собака-поводырь.

Коммерческие отделы телекомпаний, в чью обязанность входит самым наивыгоднейшим образом продавать фирмам-рекламодателям время в эфире, постепенно стали, чуть ли не самыми главными, задающими тон в структуре вещания».

– А это вы откуда знаете?

Студент немного помялся, мол, в Останкине работаю, все знаю про рейтинг.

«Первым и единственным критерием является рейтинг, что переводится с английского как «оценка», «котировка», то есть в данном случае – процент телезрителей, усевшихся перед телевизорами».

Спрашиваю, видел ли студент раскрашенные в три цвета листы с расписанием передач прошедшей недели. Не видел, говорит. Ну, конечно, их же для начальства раскрашивают. Научная подсказка, кого гнать из эфира. Красный цвет – значит, передача недотягивает до некоего контрольного рейтинга по Москве, на остальную же Россию плевать, в Москве главные зрители-потребители. Желтым раскрашены клеточки передач, которые «на грани». Чуть не вся публицистика теперь на графиках желтая. Зеленый цвет – цвет доллара, получаемого за рекламу – свидетельство высокого рейтинга. Тут «Поле чудес» и сериалы. Студент, впрочем, так и пишет:

«Не важность, не полезность, не художественные достоинства, не воспитательные свойства тех или иных программ вступают в соревнование друг с другом, а только одно из главнейших свойств – развлекательность, способность любой ценой собрать у экрана максимальную аудиторию потенциальных покупателей».

«Этим и опасен не подлежащий обжалованию диктат коммерческой рекламы: любой примитивной, банальной, на скорую руку сколоченной программе будет, безусловно, отдано предпочтение, а вместе с ним и лучшее экранное время, а самые первоклассные авторы окажутся в числе отвергнутых, если выяснится, что пошлое эстрадное ревю собрало хоть ненамного больше зрителей, чем талантливейшая постановка «Царя Эдипа». Прежде всего, поражает то, что зритель терпит такое телевидение».

– Тут нелогично. Зритель не просто терпит – он как раз и голосует за «Угадай мелодию» и прочую дребедень. Голосует рейтингом. Или вы имеете в виду интеллигентное меньшинство, которое не хочет, чтобы следующее поколение было способно только угадать «чижик-пыжик»? И так уже абитуриенты не могут назвать десяток современных писателей...

Студент потупился, он сидел на краешке стула и теребил прикрепленный к поясу пейджер, всем видом давая понять, что ждут его дела куда более важные, чем какой-то реферат.

«”Мы показываем телезрителям то, что они хотят смотреть” — эта «откровенная» фраза, слышанная нами во множестве телевизионных редакций, явно претендует на то, чтобы быть высеченной на скрижалях...»

– Какие, к черту, скрижали. Красоты стиля и пафос пропускаем. Куда-то вы торопитесь, молодой человек?

– На съемку. Музыкальный клип снимаем.

– Музыкальный ли, рекламный – невелика разница. А вы без разбора ругаете ролики и сами, оказывается, их делаете.

– Почитайте дальше, там и хорошие слова про рекламу есть.

«Рекламные телевизионные ролики, эти мини-шедевры коммерческого искусства, разыгрывают за 20–30 секунд эфирного времени сценки-представления, смешные, занимательные, драматически безукоризненные. Их ставят опытнейшие режиссеры. Приглашаются самые знаменитые актеры...»

В Останкине из уст в уста передают, как пригласили на съемки клипа одного очень известного исполнителя. А он говорит: в этот день не могу, у меня концерт. «Сколько вам за концерт платят?» – «Двадцать тысяч». – «Ну, так мы вам двадцать одну заплатим». И заплатили – за полминуты такие деньги. Это раньше, при большевиках, гонорары были расписаны и утверждены «в инстанциях», а нынче свобода. Кому по полгода зарплату не платят – пусть, мол, сами спонсоров ищут – а кому иначе.

«Рекламный ролик здесь как своеобразная нервная разрядка, как возможность перевести дух. В персонажах зритель «узнает» себя, свою семью. Для некоторых эти сценки становятся заменителями настоящего большого искусства. Они выглядят как некая модель тех трудностей, проблем и забот, которые одолевают зрителя в реальной жизни: как обеспечить себе успех в обществе, как завоевать расположение начальства (друзей, жены, собственных детей), как заиметь бодрый, здоровый, подтянутый вид. Все эти проблемы, которые так непросто разрешаются в действительном мире, здесь – в «волшебном царстве» рекламы – решаются легко, играючи: достаточно употреблять самое ароматное мыло и курить лучшие в мире сигареты».

Еще прокладки с крылышками и затычки «Тампекс»! Пардон, нашему автору целомудрие не позволило, вероятно, их вспомнить. А дети наши с утра до вечера видят на экране, просвещаясь насчет устройства женского волшебного естества.

Но хватит про рекламу. Перелистаем несколько страничек.

«Однажды мы терпеливо досмотрели вторую половину одной из множества постоянных и, как говорят, очень популярных передач –викторину-соревнование, происходившую на глазах сотен «живых» зрителей и миллионов телевизионных. Ведущий этой передачи, энергичный и находчивый человек, не умолкавший, кажется, ни на мгновение, делал все, чтобы обстановка в зале-студии была максимально накалена. Еще бы, претендентки могли в считанные секунды стать счастливыми обладательницами новейшего холодильника, сверкающей никелем автомашины или просто солидной пачки хрустящих ассигнаций. Эта возможность, сам этот шанс взбудораживал зрителей, приглашенных на передачу. Ведущий предлагал выбрать что-то одно: что находится

в большой, перевязанной лентой коробке или нечто скрытое за таинственно шевелящейся занавесью...»

Нет уж, Якубовича трогать не будем, он народный любимец. Что там дальше, про публицистические передачи?

«Когда мы заговорили о целях, которые ставят перед собой журналисты, режиссеры, редакторы телевидения, об очевидности огромной силы воздействия, которой обладает сколько-нибудь популярная телевизионная программа, и о соответствующей этому ответственности людей, делающих такие программы, а следовательно, и необходимости хорошо сознавать, что ты предлагаешь телезрителям, какие ценности утверждаешь, – то услышали в ответ нечто, на наш взгляд, невразумительное, но в то же время чрезвычайно характерное для умонастроений либеральной интеллектуальной элиты. «А кто, собственно, возьмет на себя смелость определять, что следует, и что не следует показывать людям, что будет полезно для них и что – нет?». Значит, можешь свободно выбирать между стезей целомудрия и наклонной плоскостью порока, тебе никто не подскажет, что предпочтительнее».

Очень знакомая точка зрения.

«Нет нужды сколько-нибудь подробно рассказывать здесь о всех обстоятельствах и перипетиях избирательной кампании...».

Да уж, увольте!

«И все же предвыборная кампания при всей своей зрелищности, демагогии и фанфаронстве время от времени врывалась на телевизионный экран суровой неотвратимостью проблем, вставших во весь рост перед уязвленной, изверившейся, обманутой, впавшей в глубокий скептицизм и все еще надеющейся страной. Между тем лишний пар надо выпускать, чтобы котел не разорвало. Вымазав в дегте, вываляв в пуху и перьях одного-двух провалившихся на политической сцене неудачников, и газеты и телевидение с удовольствием особого рода создают миф о некоей «санитарной» функции средств массовой коммуникации, стоящих будто бы на страже интересов народа и готовьте мертвой хваткой вцепиться в каждого, кто покусится на «святость и чистоту» пресловутой демократии».

Распечатка телефонного компромата в газетах, издевательские комментарии Доренко и Киселева вполне укладываются в эту схему.

Теперь о нынешнем телеискусстве. Вот:

«Головокружительные истории с погонями, схватками, шантажом, пытками и прочими аксессуарами изготавливаемых конвейерным способом детективов собирают обширную аудиторию. Зритель потребляет по принципу «бери, что дают». Более того, этот самый «средний» зритель, на примитивные духовные запросы которого так часто ссылаются в уютных кабинетах телевизионных деятелей –этот зритель, как выяснилось, не испытывает особых восторгов по поводу тех программ, которые вынужден смотреть за неимением выбора. Наблюдается тенденция транслировать по всем каналам однотипные передачи – сразу несколько многосерийных комедий или футбольных матчей. Составители программ ощущают нужду в повышении остроты передач, чтобы привлечь и удержать

внимание публики, и поэтому аудиторию приучают ко все более и более жестоким формам насилия. Наступает пресыщение, и то, что сегодня воспринимается как жестокость, завтра покажется пресным. И чем подробнее, чем ярче, чем «реалистичнее», чем талантливее, наконец, сделан подобный фильм или передача, тем явственнее и ощущение жуткого ужаса и долгожданное чувство облегчения. Плюс подленькая мыслишка о счастье принадлежать к той – преследующей, бьющей, убивающей – сильной стороне, которая всегда «права», всегда наверху, всегда в выигрыше».

Но, черт возьми, где-то я уже встречал эту мысль. Более того, знакомы мне эти ритмические повторы с нагнетанием эпитетов...

«Таким образом, знаменитую формулу – кредо американской зрелищной индустрии – Страх х *Секс* х *Сенсация – можно дополнить еще одним сомножителем, еще одним «С»: «Соучастие в преступлении». Преступлением – против собственного народа – является позорная практика эксплуатации всего темного, низменного, что загрязняет сознание людей, в том числе эксплуатация эротики, порнографии, или, как острят американцы, – секс-плуатация».*

Вот, наконец, и попался хитрый студент. В одном месте оставил упоминание об американцах – и сразу вспомнил я и эту формулу про секс и страх, и откуда взята она. Итак, я перелистывал реферат, а вернее смонтированные абзацы из книги Г. Оганова «TV по-американски». Она вышла вторым изданием в 1985 году. Так что и викторины тут описаны американские, и впавшая в скептицизм страна – не наша, и рекламные клипы тоже. И пресыщение насилием – не про нас...

Не про нас?

Нет с нами Григория Суреновича Оганова, он ушел туда, откуда – увы – не возвращаются. Ни ему, написавшему, ни нам, прочитавшим эту книгу много лет назад, и в дурном сне не могло привидеться, что худшие черты заокеанского ТВ будут радостно скопированы на российской земле. Наши международники критиковали Америку с позиций некоего идеального общества: «на буржуев смотрим свысока». Тем не менее, в книге Оганова есть и похвальные слова об американских коллегах: он отмечал высочайший профессионализм Уолтера Кронкайта, писал про общественное, просветительское телевидение Пи-би-эс, про зарождавшуюся тогда в Атланте круглосуточную информационную службу Си-эн-эн. Кроме серии «Сезам-стрит» (о ней тоже есть доброе слово в книге), мы пока никаких американских вершин не достигли. Зато в том, что ниже пейджера – превзошли намного.

... Захожу в факультетскую библиотеку. Чуть не у порога – стопка знакомых книг в глянцевом коричневатом переплете.

– Списывать, наверно, будем, как всю устаревшую литературу, – говорит молодая библиотекарша. – Преподаватели давно не рекомендуют эти книги студентам. Один только юноша, такой любопытный, взял на днях экземпляр...

Зачет я ему все же поставил. За находчивость.

в начало

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

(по материалам выступления автора в Академии МВД России)

Для начала – эпизод из моей журналистской молодости. В прямом эфире шел репортаж из отделения милиции. Из камеры вывели хулигана, зачитали ему обвинительное заключение, грозившее приличным сроком. По моей просьбе перед отправкой в следственный изолятор разрешили свидание с женой. Молодая красивая жена. И хулиган симпатичный. Льются слезы, уверения, что ждать будет –сплошная лирика. А потом выступает майор, хромая на все падежи, и по бумажке читает о вреде хулиганства... Досталось мне за тот репортаж! Дескать, внушили жалость к хулиганам, дискредитировали милицию. Ведь проступок парня не был показан на экране, и рассказано о нем было казенно, сухо – а наказание предстало во всей эмоциональной конкретности.

Я вспомнил этот случай, когда работник пресс-службы МВД отчитывался: в эфир прошло столько-то положительных материалов о милиции. Видел я на днях один такой материал. Сидит журналист у генерала и подхалимским голосом задает явно обговоренные заранее вопросы, генерал его презирает, генералу скучно. А я думаю: что мой коллега получил за десять минут унижения – права выручил, например? И смысл интервью до меня плохо доходит.

Вот такая штука телевидение – здесь эмоции играют порой более важную роль, чем слова.

Чтобы быть убедительным, сошлюсь на опыт телевидения Великобритании. На всех телестанциях – и коммерческих, и государственных, соблюдается предписание министра внутренних дел. Понимал министр специфику ТВ! И – запретил, начиная с 1988 года синхронный показ на экране любых высказываний ирландских террористов и связанных с ними лиц. То есть можно показать, как ирландский Басаев открывает рот, но что он при этом говорит – должен нейтрально пересказать диктор. А у нас главным объектом показа становятся интонации, отношения корреспондентки с этим бандитом, и забывается, что на его руках кровь сотен жителей Буденновска.

Грех и преступление всегда легче «расписать», чем праведное поведение. Даже в басне Крылова дети сочувствуют легкомысленной тунеядке-Стрекозе, а не зануде и труженику, моралисту-Муравью. В одном из рассказов Чехова монах, вернувшийся из города, так красочно рассказывает о грехе, что наутро весь монастырь оказывается пуст: все сбежали в город.

Какой вывод следует из сказанного для работников пресс-центров ведомства? Попробуем рассмотреть это по предложенной здесь схеме работы на трех уровнях: с корреспондентами, с руководителями прессы и с законодателями.

Сформировался определенный стереотип. Для корреспондента работник милицейского пресс-центра – это перестраховщик, не смыслящий в специфике ТВ, желающий видеть свое ведомство «в лучшем виде», т.е. застегнутым на все пуговицы. С другой стороны,

журналист для милицейского работника – чуть ли не враг, желающий показать родное ведомство в неприглядном свете. Такие отношения ненормальны, непродуктивны. Вспомнить хотя бы, как очевидцы рассказывали про Буденновск: журналисты здоровались с чеченскими террористами, а у наших бойцов, что называется, руки чесались дать очередь по тем и другим. Почему так получается? Да потому, что пресс-центры стали преградой на пути журналистов к информации, а чеченцы, наоборот, использовали их в своих целях, распространяли через них нужную им информацию. В данном случае неплохо поучиться у чеченцев – вот как надо работать с прессой!

Надо понимать психологию наших корреспондентов. Они люди самолюбивые и не терпят, когда милиция ими командует, когда майор или полковник обращаются свысока, диктуют что-то, чуть ли не допрашивают. Почитайте в «Общей газете» дневник покойной журналистки Чайковой, которая вступила в чересчур близкие отношения с чеченской оппозицией в том числе и по причине бестолкового обращения с журналистами официальных представителей российской стороны. Надо дать журналисту эксклюзивный материал, нашего героя, чтобы он не делал этакого Робин Гуда из Басаева!

Молодому журналисту нужен фон, на котором его скромную персону заметят, оценят, предложат выгодный контракт. Елена Масюк, между прочим, начинала во «Взгляде», маскируясь под валютную проститутку у гостиницы «Националь», а из машины ее снимали скрытой камерой. Потом она делала интервью со старейшей проституткой Москвы по кличке «Шлеп-нога», у нее был цикл передач «Нечистая сила» (для чего редакциям такие репортажи и циклы – другой вопрос). Потом объехала все горячие точки, Чернобыль и прочее, а ее хотели, чуть ли не в строй поставить и инструкции читать? Ну нет, ей должны были предложить что-то романтическое, капитана Жеглова, засаду на разбойников – не знаю что. Упустили – ушла к чеченцам, говорит глупости: мол, уважаю Басаева. Чудовищно! Уважает убийцу. И он ее использует как канал информации. Через нее передал информацию о радиоактивном контейнере в Измайлове. Что будет в следующий раз –можно только гадать. Лишь бы не кончилось, как с Чайковой[2].

Почему руководители телекомпаний дают в эфир высказывания экстремистов всех мастей? Да потому, что стали заложниками неверно понятой свободы слова. Чуть что – демократическая пресса поднимает шум: «цензуру вводят в Останкино!». Не видят разницы между цензурой и редакционной политикой. В телерадиокомпаниях отсутствуют вещательные кодексы, наподобие тех, что приняты на Западе. Словно с цепи сорвавшись, телекомпании погнались за рейтингом, ничем не брезгуя на этом пути. Рейтинг – это деньги за рекламу. Давно ли мы издевались над западным, «буржуазным» ТВ? Но там есть понятие респектабельности, есть сдерживающие факторы, есть чувство достоинства нации, есть упомянутые кодексы. У нас же пока – увы – дикий передел эфира. И, видимо, бесполезно работать с телечиновником, который знает, что пребывать ему на этом посту недолго – ему не до интересов России, успеть бы обеспечить себя и

внуков... Но все-таки, если вести работу на этом «втором уровне», надо иметь в виду следующее. Документ под названием «Руководство для создателей передач Би-би-си» (Великобритания) предписывает телевизионщикам *тесно* **сотрудничать с полицией** *при организации внестудийных передач, ставить полицию в известность о любых съемках на улице, помогать полиции в ее повседневной работе; передачи не должны наделять преступников привлекательными чертами; в случаях угона самолетов, захвата заложников, похищения детей полиция может попросить воздержаться от сообщений, если есть опасность для жизни похищенного.* Кодекс американской компании Эн-би-си-ньюс предостерегает от интервьюирования участников беспорядков – такие интервью *«могут скорее подстрекать, чем информировать; полезные факты могут сообщить полиция, представители власти, наблюдатели».* Кто же запустил у нас «теорию», что журналист не должен сотрудничать с властями, что он – всегда в оппозиции? Как правильно написали наши теоретики еще при социализме, хозяева ТВ в США принадлежат к высшим слоям общества и не заинтересованы в том, чтобы «раскачивать лодку», вызывать социальные потрясения. Репортер, провоцирующий такие вещи, будет уволен. У нас же дестабилизирующая информация принимается с восторгом, идет в эфир, работник высоко оплачивается – все во имя рейтинга. Скандал поднимает рейтинг – да здравствует скандал! Только межгосударственная телерадиокомпания «Мир» набралась смелости и не дала в эфир передачу про чеченских «Робин Гудов», которые много дней кормили, поили, возили по горам съемочную группу – а в эфир вот не попало ничего, и правильно.

Наконец, работа на третьем, законодательном уровне. Людей, подозреваемых в совершении преступлений, показывать синхронно –опасно для общества (потому в Великобритании и существует запрет). Даже «блатная романтика» тюремных камер едва ли оправдана на телеэкране. Не единожды, говоря о мотивах преступления, осужденные говорили: хотел увидеть себя по телевизору. Нужна систематизация этих случаев, накопление материала и предъявление законодателям.

Был бы законодательный запрет на интервью с террористами – телекомпания НТВ не смогла бы бороться за свой рейтинг при помощи показа «мужественного» бандита, стало быть, незачем было бы карабкаться к нему по каменистым тропам высокооплачиваемой репортерше– вся «романтика» оказалась бы подрубленной на корню. И не подходили бы ко мне на факультете во время Дня открытых дверей шестнадцатилетние школьницы: «Пошлите меня в Чечню! Хочу быть как Елена Масюк!». Дожили. Вроде как Зоя Космодемьянская – только совсем наоборот, берущая интервью у гитлеровцев.

Профессия телерепортера, хотя и стала массовой (каналов и программ теперь множество), остается довольно престижной в нашем обществе. Я понимаю, что этот престиж часто обеспечен не столько важностью работы телевизионного журналиста, сколько самим фактом его присутствия на экране. У работников правоохранительных органов все обстоит как раз наоборот: и

хочется показать себя обществу, и боязно каждый раз – как бы не сказать лишнее, ведь нельзя умнее начальства выглядеть. Вот и нет на экранах достойного отражения этой деятельности.

В заключение еще два случая из практики. Молодой милиционер, спрашиваю, как в Москве служится? Он отвечает: нарушители уж больно культурные, приходится и мне книжки читать, в театры ходить. С юмором парень. А майор из пресс-службы без юмора – велел это все вырезать, чтоб не подрывать авторитет милиции. Вырезали! В другой раз договорились телеинтервью с генералом делать в тире. Я стреляю и задаю вопрос. Он стреляет – отвечает. В конце подсчитываем очки. Специалисты из пресс-центра убедили, что для генерала это несолидно. Это ведь не только в милиции, так же и у летчиков, и у моряков, везде теперь пресс-службы есть – для лучшего контакта с журналистами.

в начало

ЗАПИСКИ ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА

В ноябре-декабре 1995 г. Павел Каспаров и автор этих строк вели утром и вечером получасовые предвыборные телепередачи. Чаще всего объявляли рекламный ролик одного из 43-х избирательных объединений, а от другого выступал с монологом приехавший в Останкино лидер. Иногда один, порой со свитой. С плакатами и предметами: с настоящим яблоком или стеклянной рыбкой, или с пивной кружкой, или с набором экологически нечистых продуктов. Партии, движения, блоки и объединения шли «в связке» по четыре штуки, но никто не хотел выступать вместе с конкурентом – непременно отдельно, положено ему семь с половиной минут четыре раза в течение месяца – отдай, журналист, и не греши перед законом.

Для престижа канала ОРТ и в интересах зрителя порой удавалось уговорить кандидата на диалог с журналистом.

Эфирное время предоставлялось всем кандидатам бесплатно. Как его использовать – решал сам претендент на место в Думе. Торжество демократии. Однако мне вспомнился эпизод почти тридцатилетней давности. Очень уж похожей была роль «подручного», которого хозяин – барин может в любой момент прогнать вон.

Итак, Шаболовка, еженедельное обозрение «Эстафета новостей», год 1967-й. В тот раз барин прибыл для рассказа о 1-й международной книжной выставке-ярмарке. Слуги несли сзади два мешка с политической и художественной литературой. Барин брезгливо осмотрел отведенный для съемок кабинет главного редактора. Все знали: министерская должность в Госкомиздате была для П. Михайлова лишь скромным финалом карьеры, начинавшейся когда-то блистательно: при Сталине он руководил Центральным комитететом ВЛКСМ.

– Никаких интервью, – отрезал Михайлов с порога. – Вы некомпетентны. Я выступлю сам.

Наша «Эстафета новостей» была тогда островком вольнодумства в эфире. Не в том смысле, что мы ставили под сомнение достоинства родной партии и Советской власти.

Наоборот, мы старались показать их как можно человечнее (предваряя понятие «социализм с человеческим лицом», появившееся в Праге через год). Мы старались работать в западной раскованной манере. Каждый репортаж должен был содержать некий «ход», «изюминку». Вопросы для интервью заранее продумывались. А выступления-монологи считались дурным тоном. Склонить очередного министра к интервью вместо доклада, было делом чести. Раз мне достался книжный министр Михайлов – выдаю обычный набор аргументации: зритель смотрит нас у себя дома, ему приятнее видеть, беседующих людей, партия учит нас, что пропаганда должна быть задушевной... Давайте обсудим возможный круг вопросов. Ярмарка – международная, значит, мы чем-то можем удивить мир, а чему-то поучиться, не так ли?

– Я покажу новые книги, – сказал Михайлов.

– Но вы же министр, а не продавец книжного магазина!

Сквозь зубы, не глядя на меня, Михайлов приказал включить кинокамеру. Достал из мешка томик Ленина, поднял его на уровень лица и начал выступать. Положил книгу на стол, нагнулся за следующей, выпав из кадра. Книг было много. Оператор едва успевал менять кассеты.

Пленку проявили, показали теленачальству: «к сожалению, выступление министра нельзя использовать, он закрывает лицо книгами и выпадает из кадра».

– Ну, хорошо, – согласился председатель телерадиокомитета Н. Месяцев, – пусть о международной книжной выставке-ярмарке расскажет ведущий «Эстафеты новостей». Кто у вас в этот раз?

В этот раз ведущим был автор этих строк. Сказал в прямом эфире примерно следующее. Все мы компетентны, когда речь идет о книгах. Мы – читатели, главные люди, ради которых работают типографии, о которых думают писатели... Ну и про выставку, конечно. Мое выступление министр оценил по достоинству. Снял трубку «вертушки», позвонил Месяцеву. Результат – отстранение от эфира на полгода.

Положение у нас в декабре 95 года было похуже, чем когда-то с министром сталинской закваски. Его выступление мы все-таки в эфир не дали, а нынче обязаны были давать всю чушь, произносимую националистами, полуфашистами, дремучими «коммунистами за СССР» и вовсе неведомыми демагогами, которым почему-то взбрело в голову, что они могут осчастливить Россию своими идеями.

А ведь как тщательно, с учетом мирового опыта, мы разрабатывали регламент теледебатов! Международный фонд «Культурная инициатива» еще в 1993 году распространил книгу «Телевидение и выборы». Там сказано, что избиратели считают дебаты «моментом истины», позволяющим по-настоящему глубоко узнать кандидатов. Дебаты повсеместно считаются необходимым элементом, ритуалом избирательных кампаний.

«Если кандидат использует общественные деньги для финансирования своей кампании, разве не следует установить правило, по которому он в таком случае обязан участвовать в теледебатах? Или, если кандидату предоставляется бесплатное время в эфире, разве это не значит, что он в долгу у

общественности и может “расплатиться”, участвуя в дебатах, которые позволят общественности получить дополнительную информацию?»

В 1995 г. кандидатам разрешалось использовать бесплатное время по своему усмотрению. Каждого очередного гостя я должен был встречать по принципу «чего изволите?» Желаете сами говорить – пожалуйте в студию, а могу интервью у вас взять... Некоторые все-таки сообразили, что журналист вовсе не помеха, а помощник в разговоре перед камерой. И согласились на интервью. Но – чтоб задавал только согласованные заранее, удобные вопросы! Чуть что не так – журналиста долой.

Было обидно за нашу профессию, когда во время прямого эфира на канале РТР кандидаты пренебрежительно обрывали журналистов, пытавшихся что-то спросить. На ОРТ таких ситуаций не возникало, поскольку все записывалось на видеоленту заблаговременно. Но все же некоторые кандидаты, даже разрешившие ведущему представить их зрителям и спросить кое о чем, были в плену своих «домашних заготовок», не реагировали на наши реплики, даже не смотрели в сторону журналиста, считая его досадной помехой в коммуникации ну в точности как министр Михайлов в давно забытые времена. Успеть за семь с половиной кровных минут сказать «самое главное»! Не понимали, что это «главное» у них у всех, в общем, одинаково. И люди выбирают не только программу, но и личность. Телевидение передает не тексты, оно «передает» человека во всем богатстве его личностных проявлений. Остекленевший взор и напористая самоуверенность – не лучшие аргументы в борьбе за избирателя.

В мировой практике давно сложилось правило: «факт священен, комментарий свободен». Это значит, что репортер и ведущий новостей почти никак не выражают своего отношения к сообщаемым фактам – разве что улыбкой, если речь идет о детском празднике, или скорбным сочувствием жертвам катастрофы. Если же речь идет о политике – то взгляды журналиста-информатора должны оставаться загадкой для зрителя. Полная нейтральность! Интервьюеров учат «общаться с политиками на расстоянии вытянутой руки», намекая: политики приходят и уходят, а журналист остается. Ни заискивание, ни панибратство в политических интервью не допускаются. Российские коллеги никак не могут нащупать эту золотую середину в общении с гостями студии. Беспристрастность выглядит у нас как равнодушие. Между тем, если записать в этическом кодексе девиз интервьюера и репортера: «поиск истины от имени зрителя» и не только записать, а впитать в себя, прочувствовать эту роль – то у журналиста возникнет азарт и заинтересованность в теме, столь привлекательные на экране. И он свободно обойдется без раздачи оценок, без «я думаю», «я полагаю».

Эти последние формулировки вправе произносить не репортер и не интервьюер, а совсем другие журналисты: комментатор, обозреватель. К ним относится вторая половина сакраментальной формулы «факт священен, комментарий свободен». Не все телекомпании мира позволяют себе дорогое удовольствие иметь собственных комментаторов и обозревателей – так сказать,

мыслителей в штате. Чаще на эту роль приглашаются публицисты из газет, аналитики-политологи.

В нашей стране комментаторами считались все журналисты телевидения, работающие в кадре. Они были обязаны разъяснять зрителям, что такое хорошо и что такое плохо. Они могли «поправить» собеседника, а то и «дать отпор чуждым взглядам». Страсть поучать и сейчас видна у многих. Но предвыборные кампании 1995, а потом и 1999 года со всей очевидностью показали: настоящих комментаторов у нас нет. Никто из журналистов не взял на себя миссию осмысления предвыборных программ, политических позиций разных партий и блоков. Это, повторю, должны были делать не ведущие, не интервьюеры, а совсем другие люди. Во время интервью никакой личной политической позиции высказывать не надо. Иначе случится то, что однажды случилось с тремя публицистами-международниками, решившими обратить в коммунистическую веру не кого-нибудь, а премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. Этот позор не скоро забудется. Все-таки пламенные публицисты не должны брать интервью, а интервьюер – сбиваться на публицистику.

Уроки «Выборов-95» показывают, что наиболее интересных результатов удавалось добиться, когда интервьюеры выступали не «от себя», а от зрителя, от того самого «электората», который в значительной части пошел за популистами. Вот, к примеру, фрагменты из предвыборного интервью с Г. Явлинским. Это был его последний выход в бесплатный эфир. Прежде разные журналисты, общаясь с ним, пытались быть «на уровне», проявить себя знатоками экономики – и нарывались на неприязненную реакцию лидера «Яблока». В газете «Известия» даже написали, что напрасно Явлинский воспринимает любой вопрос как вызов. В последнем интервью была применена иная тактика:

– Некоторые зрители пишут нам: вы там все выучились бесплатно при Советской власти, а теперь эту власть хаете. И чем больше вы ее хаете, тем больше люди склоняются к тому, чтобы голосовать за коммунистов. Что бы вы ответили авторам таких писем?

Г. Явлинский очень мягко на сей раз (видя перед собой не «умника», а того простецкого зрителя, от которого вопрос) разъяснил, что «Яблоко» выступает не против коммунистов, ведь членами КПСС были очень многие люди, неповинные в бедах страны, а выступает против нищеты и бедности, которые порождены нынешней экономической политикой.

– Если вас послушать – вы близки коммунистам, они тоже заявляют, что борются с нищетой...

– Да, но разница в том, что они нам свои методы за 70 лет продемонстрировали... Возьмите наши маленькие города – они же не за четыре последних года пришли в упадок. Это лидеры компартии привели к тому, что развалился Советский Союз.

– Я продолжаю задавать вопросы от лица наших избирателей. Они пишут, что Союз развалили три человека, что народы за восстановление Союза, только независимые лидеры против. Что можно сказать по этому поводу?

– Кто не сожалеет о Советском Союзе, не имеет души и сердца. Кто думает, что Союз можно восстановить – не имеет мозгов. 18 октября 1991 года был подписан экономический договор между республиками. Он действовал бы сейчас, если бы не Беловежская пуща. Надо немедленно создавать экономический союз, сделать свободными хозяйственные связи и торговлю...

– Авторы многих писем, да и коммунисты, выступавшие здесь, утверждают, что демократы действуют по указке Международного валютного фонда, ЦРУ и Белого дома – вашингтонского...

– А кто такие демократы? Для меня это те люди, которые хотят, чтобы раз в 4 года могла меняться власть. Это люди, которые хотят контролировать власть. Это те люди, которые считают, что человек имеет право говорить то, что считает правильным, и его нельзя за это сажать в тюрьму или убивать. Это те люди, которые считают, что все в нашей стране должны подчиняться закону – и президент, и любой гражданин. Нынешние люди у власти не выполняют этих условий. С ними связана коррупция, безграмотная экономическая политика. Все они занимали крупные посты в коммунистической партии.

– Тогда возникает вопрос: а где они, ваши демократы? Одного мы перед собой видим – кто еще?

– Люди почувствуют, кто говорит правду. Люди определят это по глазам...

Можно упрекнуть журналиста в том, что он толкнул Явлинского на путь популизма. Однако в необходимости простого и ясного разговора с народом убеждает все – от результатов выборов до писем, продолжавших приходить на телевидение и после 17 декабря. Вот какие советы поступили в адрес одного из демократических кандидатов:

«Я – за вас! Но вижу, что коэффициент полезного действия вашей агитации очень низкий. Смотрят вас по утрам пенсионеры да случайная интеллигенция. Ваши выступления должны строиться с учетом реальной аудитории, а не ученого совета. Резко сократите количество вливаемой в уши информации. Ее избыток так же вреден, как и недостаток».

Мы сильно переоценивали тягу «среднего зрителя» к ценностям демократии, к свободе и правам человека. Судя по письмам (а их пишет та же активная часть публики, что первой спешит к избирательным урнам), многие готовы променять свободу на гарантированный минимум житейских благ. Демократия создает идеальные условия, чтобы с ней покончили вполне демократическим путем – большинством голосов.

После выборов с новой остротой встал вопрос о том, в какой степени, в каких составляющих компонентах приемлем для нас опыт мировой журналистики. Почему-то мы сплошь и рядом ухитряемся использовать то, что предназначено вовсе не для наших условий. Когда Вольтер формулировал свой знаменитый принцип: мол, я не разделяю ваших убеждений, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли их высказать – он едва ли имел в виду политического оппонента гитлеровского или ленинского типа. И уж точно не к массовой информации относится вольтеровская фраза, с

легкостью подхваченная некоторыми журналистами. Не стоит отдавать жизнь или писать кодексы для того, чтобы свои убеждения с экрана мог высказать сторонник расовой или классовой ненависти. Наоборот: вещательные кодексы должны запретить это раз и навсегда. Противники демократии не должны пользоваться ее преимуществами ради ее уничтожения.

Стоит напомнить, как понимал парламентаризм духовный наставник Зюганова и Анпилова.

«Депутаты, простые питерские пролетарии (Бадаев и другие) приезжали к Ленину за границу и говорили: мы желаем заниматься серьезной законодательной работой, нам надо посоветоваться с вами насчет бюджета, обсудить такой-то законопроект. В ответ на это тов. Ленин искренно хохотал. А когда они, смущенные, спрашивали, в чем дело, тов. Ленин отвечал Бадаеву: миляга, зачем тебе бюджет, поправка, кадетский законопроект? Ты, чай, рабочий, а Дума – для зубров. Ты выйди и скажи на всю Россию попросту про рабочую жизнь. Ты брось этой черной Думе в лицо: негодяи и эксплуататоры. Ты внеси им законопроект такой, что через три года мы вас, черносотенных помещиков, повесим на фонарях. Такие уроки парламентаризма давал депутатам тов. Ленин».

Это написано по горячим следам, в 1924 г., тогда же напечатано в траурном ленинском сборнике. Я вспоминал эти строки, слушая иных кандидатов в парламентарии в 1995-м, а затем в 1999 году.

Еще один тезис популярен среди журналистов: интеллигент должен всегда быть в оппозиции к правительству. Позволю себе усомниться в интеллигентности весьма многих коллег, разделяющих эту точку зрения. Ведь не к экранной деятельности относится данный принцип. Брезгливая гримаса, обращенная с экрана к властям и народу – не лучшее завоевание нашей демократии. Обязанность средств массовой информации, согласно американской «теории социальной ответственности», – переводить конфликты в план дискуссий. Но следует иметь в виду, что конфликты между левыми и правыми политическими направлениями в западном мире разнятся не на 180 градусов, как у нас, не носят «судьбоносный» характер, не чреваты гражданской войной. Левые заботятся о социальных гарантиях, правые – об интересах крупных производителей. Сменяя друг друга у государственного руля, они не слишком раскачивают посудину, в которой плывут.

Западные «леваки» активно взялись поучать нас в последнее время, на русском языке вышло несколько книг с проповедью свободы слова как высшей ценности. Германские ученые в книге «Право радио и телевидения в России» уверяют, что «противоположная направленность интересов» – большое благо, так как благодаря ей «устанавливается равновесие в обществе». Тут явно не учитываются российские традиции. У нас противоположность интересов ведет не к равновесию, а к мордобою и танковым залпам. Впрочем, и в ФРГ к рекомендациям прекраснодушных теоретиков не очень-то прислушиваются. Нам пытаются навязать то, что у самих не прижилось. Авторы книги

признают: свобода вещания в ФРГ рассматривается не как абсолютная, а как вспомогательная (буквально – «служебная») ценность. Федеральный конституционный суд требует, чтобы вещатели «служили общему благу», «удовлетворяли потребности в ориентации в обществе».

«Ни репортеры, ни писатели не обладают правами свободы слова. Они являются работниками, состоящими на службе у своих работодателей», – констатирует Н. Джонсон, рассуждая о том, как относительны гарантии, предоставляемые американцам знаменитой Первой поправкой к Конституции: *«Конгрессу запрещается издавать какие-либо законы, ограничивающие свободу слова или печати».*Конгрессу – но не издателям и вещателям, которые вольны у себя в редакциях устанавливать более жесткие правила.

«Защитой Первой поправки пользуются владелец газеты, издатель, – продолжает проф. Джонсон. – Издатель и редакторы (которых он нанимает и может уволить) могут переписать статью репортера, полностью подвергнуть ее цензуре и в конечном итоге уволить такого репортера. Единственный путь для репортера получить в полном объеме права, защищаемые Первой поправкой, – это купить свою собственную газету или станцию вещания».

«Мы разрешаем тем, чей опыт и чувство ответственности, по нашему мнению, оправдывают это, выходить за рамки сообщений о непосредственных событиях дня, объяснять, давать связанную с ними информацию, оценку событиям», – гласит кодекс Эн-би-си ньюс. Кому-то, значит, разрешают, а кому-то нет. Но никто не бежит жаловаться в демократическую прессу: «Караул, цензуру ввели!»

Таким образом, мировая практика ТВ оказывается куда более суровой и прозаической, чем долетающие до нас и охотно подхватываемые обрывки либеральных теорий. Ведь учили нас – еще при большевиках: владельцы телестанций и сетей на Западе принадлежат к истеблишменту и, следовательно, не допускают в передачах ничего такого, что привело бы к их политическому самоубийству. Наши же телевизионщики, приглашая к экранам экстремистов всех мастей, не ощущают даже своих корпоративных интересов. Красная Шапочка, рекламирующая Волка.

С другой стороны, временная отмена свободы – в бесплатных предвыборных передачах – почти не вызвала протеста! Более того, ведущие телекомпании фактически распространили запрет на всю предвыборную тематику, охотно стушевались, ушли в тень. Запрет на выражение собственного мнения о кандидатах и их программах – а, следовательно, о путях развития общества – оказался безразличен по той простой причине, что он не затронул сферу привычных действий наших телевизионщиков: освещение скандалов и «тусовок», катастроф и прочей «чернухи». Серьезный политический анализ, проповедь демократических взглядов лежат за пределами интересов и возможностей наших телекумиров. Они известны тем, что известны, и охотно берут интервью друг у друга по поводу этой известности. Только Национальная ассоциация телевещателей России (куда формально входит и ОРТ, но задают тон несколько провинциальных телестудий) забила тревогу. В полном

соответствии с рекомендациями серьезных специалистов (например, авторов упоминавшейся книги «Телевидение и выборы») вещатели заявили в своем меморандуме, что будут служить интересам не политиков и партий, а избирателей, то есть общества в целом. Члены ассоциации *«настаивают, что журналисты имеют право быть активными участниками предвыборных передач... В любом случае мы должны оставлять за собою право задавать нелицеприятные вопросы»*. Далее следует призыв *«отказывать в какой-либо рекламе политическим силам, стремящимся дестабилизировать обстановку в обществе, воссоздать условия, в которых заведомо невозможно станет осуществление гражданских прав и свобод»*.

Лишь несколько небольших местных телестудий решительно отказались допустить на экраны сторонников Анпилова, Зюганова, Жириновского. Либеральная же НТВ поступила наоборот: запретила своим сотрудникам «формировать более позитивный образ одной из сторон путем негативного освещения ее оппонента». То есть напомнить, к примеру, что именно анпиловцы пикетировали Останкино и плевали в лица дикторшам летом 1992 года. Что Макашов командовал у того же Останкина погромщиками в октябре 1993-го.

Ну, хорошо, может спросить читатель, а сам-то автор этих строк как воспользовался той ограниченной свободой, что была у него в общении с кандидатами левых сил на телеэкране 1995 г.?

Коммунисты Анпилова наотрез отказались ответить, чем они отличаются от коммунистов Зюганова («чтобы не делать ему рекламу»). За кадром, конечно, снисходительно пояснили ведущему: зюгановцы слишком законопослушные, они не настоящие коммунисты.

Зюгановские же соратники согласились на присутствие ведущего в кадре, на вопросы любой остроты – но только не о теории марксизма-ленинизма. Ведь если они признают частную собственность – значит, не марксисты. Если не выступают за классовую борьбу – значит, и не ленинцы. Что же остается, кроме названия? Но и Аман Тулеев, и Петр Романов заявили, как, сговорившись: не надо про теорию, давайте про жизнь. Ну ладно, давайте.

– Аман Гумерович, ведь шахтеры начали бастовать еще при власти коммунистов, в 1989 году. Неужели вы надеетесь, что сейчас шахтеры станут голосовать за компартию?

– Петр Васильевич, вы родились в ГУЛАГЕ. Вашего отца отправили в лагерь коммунисты. И вы теперь за эту партию?

– Предположим, пришли коммунисты к власти. Это значит, опять пустые полки в магазинах, централизованное распределение каждой гайки через Госплан?

– Вы директор завода ракетного топлива, и, естественно, у вас ностальгия по тем временам, когда вам давали все, что ни попросите...

В ответах было много эмоций и мало информации. Похоже, что я, подобно многим коллегам, сделал коммунистам неплохую рекламу. Что осталось у зрителя в памяти? Что коммунисты не уходят от острых вопросов!

Один американский интервьюер с гордостью вспоминает, как своей настырностью рассердил кандидата в президенты. «И тогда все увидели, как блеснула сталь, из которой сделан Кеннеди!»

Эмоции правят бал на телеэкране. Кто-то сказал, что разум нужен человеку лишь затем, чтобы найти оправдание его эмоциям.

Несколько зрителей в письмах предложили ряд вопросов для представителей компартии. Увы, я не имел права задать их без разрешения «клиентов».

Как хорошо было бы прочесть такие строки: *«Что бы ни ответили коммунисты – не верьте. Ленин сказал: нравственно все, что служит интересам социализма. И ложь в том числе»*. И это в письме из далекого поселка!

Один из кандидатов захудалой партии то и дело замолкал в эфире, с надеждой глядя на ведущего в ожидании следующего вопроса, который приходилось придумывать на ходу. А потом он потребовал вычесть время, затраченное на вопросы, из своих законных минут. Вернее, прибавить ему то, что «откусил» ведущий, ему же помогавший. Другая не более славная партия делегировала прямо-таки нового Ленина – низенького, в жилетке и дико самоуверенного:

– Ведущий – не нужен! Я выступлю сам и скажу, что наша партия состоит из профессионалов, которые знают, что надо делать.

– Но об этом говорят все партии! Вы не видели наших передач?

– Не видел! А вы не видели, как выступаю я!

Чем хороша работа на телевидении? Самое интересное происходит за кадром. Мне рассказали, как в штаб-квартиру одной партии прибыли гонцы от конкурентов: «Нам для регистрации не хватает 80 тысяч подписей, не продадите ли, у вас ведь лишние. Денег у нас нет, но вон под окном машина, переоформим на вас...» Так сказать, ловцы живых и мертвых душ. Но не эти пикантные подробности интересовали меня, хотелось понять причины раздробленности демократических сил. Откуда взялась эта дикая цифра – целых 43 партии? Снова и снова убеждался: причины – в личных амбициях лидеров. Ничего нового за последнюю тысячу лет. Тарковского бы надо показывать этим лидерам, «Андрея Рублева»: игом такие игры кончаются.

Я видел, как коммунист Петр Романов обнимал националиста Николая Лысенко. Я слышал, как Жириновский командовал охранникам: «Гнать к чертовой матери! Пусть деньги платят». Германское телевидение его хотело снять – как гримируется, как выступает наш лидер.

Видимо, любимая передача думцев – «Будка гласности». Заходишь, строишь гримасы, говоришь слова. Никто не мешает. И вся страна видит только тебя. Народ и партия (партии, 43 штуки) у нас едины. Телезритель Ахмедиев прислал в Останкино такую телеграмму: «Уберите ведущего пусть говорит сам кандидат экономию эфира прошу выслать по адресу Ярославль ул. Папанина дом 7, кв. 78.».

в начало

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В ЭФИРЕ

Политический лидер и электронные СМИ: необходимость взаимодействия
Формы участия лидера в телерадиопрограммах
Ступени коммуникации – от СМИ к малым группам
Коммуникативные качества лидера
Работа с персоналом телерадиокомпаний

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР И ЭЛЕКТРОННЫЕ СМИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Лидером мы называем человека, который способен успешно воздействовать на других людей с целью совместного решения какой-либо задачи – разовой (такого лидера называют «ситуативным») или долгосрочной (успешная работа предприятия, министерства или даже государства).

Нередко оказывается, что ситуативный лидер – например, один из пассажиров застрявшего автобуса, организующий и направляющий усилия других – оказывается лидером «по жизни», если не формальным, то авторитетным для своего окружения. В буквальном переводе с английского лидер – значит ведущий. В данном тексте это слово встретится не раз – применительно к журналисту, ведущему радио- или телепередачи. Но функциональное, формальное лидерство этого человека заканчивается с завершением передачи, а в компании своих коллег его «подавляет» кто-либо из находящихся за кадром, его домашний лидер – жена или теща...

Лидерство – понятие сложное. На этих страницах мы встретимся с термином «лидер мнения». Так социологи называют человека, может быть, незаметного – одного из сотрудников отдела в проектном институте или одного из «пикейных жилетов» на лавочке возле дома. Вполне вероятно, что этот человек не способен вбить гвоздь в доску или починить электророзетку. Зато он больше других ориентирован на средства массовой информации и может толково объяснить своим соседям по отделу или по двору современный политический «расклад». Такие люди играют существенную роль в политических процессах демократической страны – так, известный автору лидер мнения, механик грузового речного теплохода, убедил весь экипаж голосовать за партию Жириновского...

Но мы в первую очередь должны говорить о лидерах совсем другого уровня – о лидерах политических.

Слово «политика» родом из Греции – от слова «полис», т.е. город-государство. Совсем небольшой, по нынешним меркам, город. Древние греки считали, что оптимально в городе-государстве должно проживать не более 10 тыс. человек. Не считая рабов, конечно. Почему такое ограничение? А иначе, собравшись вместе на стадионе или на площади, свободные граждане не смогут получить слово, да и оратора, пожалуй, не разглядят. Выступление на общем собрании горожан считалось формой участия в делах государства, т.е. в политике. Участие в политике – долг и право

свободного гражданина. Слово «демократия» тоже греческое. Власть в Афинах принадлежала общности граждан, имеющих возраст свыше 30 лет, они собирались вместе примерно раз в месяц. На народное собрание не допускались не только рабы, но и женщины. Мнение, что «политика – не женское дело», оказалось довольно устойчивым.

Главное качество политического лидера – то же самое, что и любого другого: способность успешно воздействовать на других людей для объединения и сплочения их усилий. Только масштабы здесь иные. Если речь идет об участии в управлении нашим российским государством – надо увлечь и консолидировать не тысячи и не десятки тысяч, а миллионы людей. Политику называют и наукой, и искусством («искусство возможного»). Человек, успешно выступающий на политическом поприще, пользуется заслуженным уважением сограждан. Но его же в случае неэффективного функционирования государства делают «козлом отпущения». Политик – человек, готовый взять на себя огромную ответственность, – в том числе и перед историей. Сочетание личностных качеств, способствующих успеху в политике, встречается не часто. В следующих разделах мы будем говорить об этих качествах, сейчас лишь заметим, что в условиях России не всегда пригоден опыт западных демократий – от Греции до США.

Так же, как за пять веков до Рождества Христова в античном собрании, российский политик должен иметь возможность обратиться сразу ко всем согражданам. Сегодня сделать это без телевидения и радио невозможно. Но невозможно и другое: чтобы любой слушатель смог выйти на ту же трибуну с возражениями или дополнениями. Эффективные формы участия общественности в работе СМИ так и не найдены. Это участие активизируется в периоды предвыборных кампаний. А всевозможные «интерактивные опросы» и «свободные микрофоны» являются лишь видимостью «теледемократии», подобно свободе слова, объявленной в Сталинской конституции 1936 года.

Есть, впрочем, и такое мнение, что в области свободы слова мы не достигли уровня зрелости древних афинян: многим из нас эта свобода просто ни к чему. Корней Чуковский записал в своем дневнике еще в 1967 году, *«свобода слова нужна очень ограниченному кругу людей, а большинство, даже из интеллигентов – врачи, геологи, офицеры, летчики, архитекторы, плотники, каменщики, шоферы делают свое дело и без нее».*

Прежде лидеры государств использовали СМИ только в критических ситуациях. Президент США Франклин Рузвельт, едва заняв этот пост, во время экономического кризиса, приступил к своим «беседам у камина», транслировавшимся по радио. За 12 лет правления он провел около тридцати таких радиобесед. Старшему поколению россиян памятна речь Иосифа Сталина 3 июля 1941 г., когда немцы стремительно продвигались по нашей территории. Людей поразило тогда необычное начало радиовыступления: *«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей Армии и Флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»*

Теперь политикам приходится выступать не только тогда, когда их вынудят обстоятельства. Им приходится публично

состязаться за право руководить страной и постоянно подтверждать это право, находясь у власти – не только принятием разумных и полезных для страны решений, но и личным появлением на экранах телевизоров. *«Я могу лишь благодарить Бога за то, что существуют радио и телевидение, само наличие которых способствует несколько большей честности газет»,* – заявил однажды президент США Ричард Никсон.

При вашингтонском Белом доме аккредитовано 1700 журналистов из разных стран мира. Несколько десятков из них представляют общенациональные и региональные телекомпании США. Публицистам левого толка остается досадовать, что ТВ стало средством политической рекламы президента, что большинство трансляций отсюда – это «репортаж о перемещении в пространстве президентского тела на виду у всех». Интересно, что сказали бы те же левые публицисты, если бы «президентское тело» не появлялось на экране в течение нескольких недель, как это неоднократно случалось в России? Ведь регулярный телепоказ – это, кроме прочего, своеобразная форма социального контроля.

«Если руководитель слышит одни возгласы одобрения и окружает себя льстецами, его политика обречена. Никто не осмелится его поправить даже в случае очевидной нелепости решения», – говорил автору этих строк Николай Месяцев. Добавил, что попал однажды в кабинет к Лаврентию Берия и удивился: «И портреты этого человека мы носим на демонстрациях!» Удивила примитивность личности грозного маршала. Позже, будучи руководителем Гостелерадио СССР, Месяцев был вынужден сделать ТВ средством политической рекламы лидера страны – почти как в США. *«Поступило указание о показе Л.И. Брежнева и других высших руководителей в соотношении 3:1, то есть генсека на экране должно быть втрое больше, чем всех остальных. Ревниво следили и за крупностью планов. Помню, от стоявших близко к Брежневу я получил замечание: ну подумаешь, приезжал Косыгин в Лондон, а ты даешь его в эфире на 20 минут. Он там в золоченых креслах сидит, зачем это народу показывать, достаточно было бы трех минут, это вызывает недовольство сам знаешь кого. А Косыгин был председателем Совета министров».*

Патологическая ревность к людям, которые могли бы составить конкуренцию дряхлеющему лидеру, была свойственна и Сталину, и более близким к нам деятелям.

Ответственность перед начальством всегда была в России сильнее и важнее, чем ответственность перед народом. Страх перед немилостью начальства и сегодня надо учитывать как весьма существенный фактор российской политической жизни.

Под влиянием этого страха руководители среднего уровня боялись выступать по ТВ: «А что скажет начальство?» В начале 60-х годов, во время хрущевской «оттепели», вышло партийное постановление, обязывающее руководителей выступать по радио и ТВ. Предписывалось сделать пропаганду «задушевной». И хоть еще Петр Первый указывал господам сенаторам «речь в присутствии держать не по писаному, дабы дурь каждого всем видна была» – наши лидеры выступали по бумажке, ибо демонстрация дури не входила в планы партии. Эта проблема была частично решена лишь

в 70-е годы. Как создавался тогда позитивный образ первых секретарей и министров, мы рассмотрим в следующем разделе.

Теперь же необходимо разобраться, когда лидеру следовало бы воспользоваться услугами телевидения, а когда ограничиться радио.

Если лидер, подобно Леониду Брежневу, может выступать только по тексту – его не стоит выпускать к телекамерам, ибо чтением сегодня никого не убедишь. И перед микрофоном такого лидера необходимо потренировать, чтобы создать видимость импровизации. И текст написать в разговорной манере. Иногда лидеры «брежневской школы» выступали (и выступают), читая текст на телесуфлере, но этот процесс требует особых навыков, и лучше было бы таких людей по телевизору не показывать.

Вот что писал на сей счет Ираклий Андроников, непревзойденный мастер телевыступлений:

«Если человек выйдет на любовное свидание и прочтет своей любимой объяснение по бумажке, она его засмеет. Между тем та же записка, посланная по почте, может ее растрогать... Плохим лектором считается тот, кто читает, уткнувшись носом в принесенную из дома рукопись. Но если напечатать текст этой лекции, она может оказаться весьма интересной. И выяснится, что она скучна не потому, что бессодержательна, а потому, что письменная речь заменила на кафедре живую устную речь... Написанный текст является посредником между людьми, когда между ними невозможно живое общение. Но если автор здесь и может говорить сам, написанный текст становится при общении помехой».

Во время избирательных кампаний некоторые журналисты говорили, что если человек не готов к теледебатам – значит, он вообще не готов к политической деятельности в условиях демократии. (Автор этих строк до сих пор придерживается такого мнения). Но работники Центризбиркома возразили: может быть, такой деятель не оратор, зато будет хорошо работать в комитетах и комиссиях над составлением документов, законопроектов и пр. Возможно, в составе Госдумы оказалось немало таких, по-своему полезных людей – в особенности среди тех, кто прошел по партийным спискам, кому не пришлось держать экзамен перед избирателями на предвыборных встречах – там бумажкой не отделаешься. Составители бумаг будут нужны всегда. Но им не достичь успеха в условиях настоящей состязательности перед аудиторией избирателей или перед объективами телекамер.

Для таких людей, а еще для тех, кто имеет какие-либо дефекты внешности, радио более подходит, чем телевидение.

Есть и еще некоторые соображения о преимуществах радио.

Радио гораздо дешевле телевидения – если речь не идет, конечно, о бесплатно предоставляемом эфирном времени.

Зная профиль той или иной радиостанции, можно сделать выступление точно направленным на определенные слои электората. Скажем, «Эхо Москвы» – радиостанция для людей демократической ориентации. У «Народного радио» очень похожий формат – те же беседы в студии с подключением телефонных звонков зрителей, тоже (но не та же) музыка. Но здесь в студию

звонят недовольные «антинародным» режимом. И едва ли слушатель «Эха Москвы» настроится на «Народное радио» – тем более, что эти станции работают в разных частотных диапазонах: «Эхо Москвы» – в диапазоне УКВ 4М (FM), которым оснащена в основном зарубежная радиоаппаратура, а «Народное радио» – на средних волнах, к которым нынешние пенсионеры привыкли с тех пор, как были молодыми.

УКВ-диапазоны в последнее время претерпевают серьезные изменения. Раньше, вращая ручку или нажимая кнопки настройки, можно было услышать там лишь зарубежную музыку. Теперь, после оглушительного успеха «Русского радио» (его слушают в магазинах, в конторах и парикмахерских), одна за другой появляются «русскоязычные» эфэмовские радиостанции, хотя и косноязычный «стёб» ди-джеев молодежных станций, ориентированных на западную музыку, как говорится, имеет место. Если политик желает понравиться молодым – ему прямая дорога на такие радиостанции, это будет эффективнее выступления по «взрослым» каналам ТВ.

И, наконец: радио не требует полного сосредоточения внимания. Прослушивание радиопередач можно совместить с другими видами деятельности: с вождением машины или с парикмахерской работой, торговлей и т.п.

Но: глядя на экран, люди воспринимают **образ** политика. А на радио главную роль играет **содержание** речи.

Конечно, выступать по радио тоже надо уметь. Едва ли добьется успеха бывший кандидат в президенты Мартин Шаккум, чей вечно обиженный, ноющий голос был слышен каждое утро по «Маяку», а потом звучал на радиостанции «Говорит Москва» – на третьей кнопке кухонных динамиков.

Впрочем, о коммуникативных умениях – в следующих разделах.

Заключая первую тему, подчеркнем: в наше время без участия в передачах радио и телевидения полноценная политическая жизнь невозможна. Теперь даже «серые кардиналы» вроде Березовского считают нужным время от времени «светиться» на ТВ. На его примере особенно хорошо видно, что помимо развитого интеллекта и умения говорить публичному политику нужно еще очень и очень многое.

в начало статьи

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ЛИДЕРА В ТЕЛЕРАДИОПРОГРАММАХ

Иногда лидер оказывается на телеэкране не по своей воле – просто ТВ ведет трансляцию или записывает репортаж с какого-либо объекта, и операторы берут в кадр известные лица, выделяющиеся из толпы. Появляясь на публике, политик должен уметь определять поле зрения находящихся там камер и принимать решение о целесообразности демонстрации собственной персоны. Так, Михаил Горбачев, остановив свою машину где-нибудь в нью-йоркской толпе, безошибочно направлялся в сторону работающих камер и, пожимая руки простым гражданам и охранникам, выходил на эффектный крупный план. Борис Ельцин, прибыв в Санкт-

Петербург для участия в захоронении останков царя Николая Второго, поступил иначе. Его машина подошла не к тому крылу собора, где ждали телекамеры и репортер НТВ Павел Лобков, оповестивший зрителей, что вот сюда должен подъехать президентский кортеж. Президента провели с другой стороны. Во время церемонии (как все, возможно, еще помнят) Ельцин – единственный – сидел. Видимо, у него были причины по возможности избегать телекамер.

В истории американского ТВ записан день 24 апреля 1981 года. Тогда в Белом доме помощник пресс-секретаря Ларри Спикс объявил журналистам, что президент Рональд Рейган отменяет эмбарго на вывоз зерна в СССР. Тут же Спикс попросил не сообщать об этом до 16.00, а дело происходило в полдень. Он не учел, что к трем общенациональным сетям, записывавшим репортаж для трансляции в вечерних программах, прибавилась четвертая – круглосуточная новостная сеть Си-эн-эн, гнавшая «картинку» и звук в прямой эфир. В том числе все запреты, ограничения и указания Спикса журналистам.

На Западе публичные политики довольно быстро приспособились к новым условиям, диктуемым телевидением, и стали использовать его в своих интересах. В 1977 году, например, состоялась (по инициативе Си-би-эс и ее знаменитого ведущего Уолтера Кронкайта) «телевизионная встреча» (по-нашему – телемост) между египетским президентом Садатом и израильским премьером Бегином. С этого начались переговоры о мире – через головы чиновников, через госграницы лидеры обратились к народам.

А ведь еще в конце 50-х опыт телемоста президента Эйзенхауэра, которому задавали вопросы студенты по обе стороны океана, не прибавил этому лидеру популярности (по мнению Ю. Борева, описавшего эту передачу в книге «Введение в эстетику»). Видимо, Эйзенхауэра вдохновил удачный опыт сенатора Ричарда Никсона, баллотировавшегося в 1952 году в вице-президенты. В своей блестяще подготовленной речи о необоснованности предъявленных ему обвинений он заверил избирателей в том, что всем членам его семьи всегда была присуща скромность: часть собственности заложена, жена не имеет норковой шубы, «зато у нее есть простое респектабельное республиканское пальто, а я всегда говорю ей, что в нем она выглядит прекрасно». Затем Никсон, выдав отрепетированное смущение, признал, что один подарок в ходе предвыборной кампании он все же получил. И – продемонстрировал телезрителям щенка, маленького коккерспаниеля, которого дочери назвали Чекерсом. «Дети так полюбили щенка, – сказал Никсон, – что я намерен оставить его у себя». Так сказать, невзирая на критику. В сознании зрителей сложился имидж не только опытного политика, но и заботливого мужа и отца, главы скромного семейства. (Как не вспомнить тут пример из нашего отечественного мифотворчества: «он как вы и я, совсем такой же, только может быть, у самых глаз мысли больше нашего морщинят кожей, да насмешливей и тверже губы, чем у нас»). Выступление Никсона на Си-би-эс вошло в монографии и учебники как «Чекерс спич» – речь о Чекерсе. Собачка стала персонажем истории ТВ.

Отчего же не заладилась после этого передача с Дуайтом Эйзенхауэром? Он и его команда, по-видимому, не учли, что подготовка к дискуссии со студентами через телемост должна быть совсем не такой, как репетиции простого выступления в студии – пусть даже с собачкой. Методика – иная. Не учел этого, впрочем, и сам Никсон, провалившись в 1960 году на теледебатах с Джоном Кеннеди. Ему удалось взять реванш только в 1968-м, а четыре года спустя, уже, будучи президентом, он разумно отказался от теледебатов с политиком, значительно уступавшим ему в популярности.

Как видим, многое решает опыт, политики учатся на ошибках. Раньше это происходило прямо на публике, теперь они занимаются видеотренингом в собственных студиях под руководством специалистов.

Папу римского тоже можно отнести к публичным политикам. В конце 60-х в рождественскую ночь понтифик сделал эффектный ход. Он поехал на сталелитейный завод, к людям, которые в эту ночь не могли быть со своими семьями из-за непрерывного характера производства. Советские журналисты, видевшие эту прямую трансляцию, удивились четкости, организованности вроде бы неподготовленного показа. «Неужели, – спросили они итальянцев, – вы с папой репетировали?» Коллеги ответили: «папа профессионал, он знает, что благословлять рабочего надо так, чтобы взгляд был направлен в сторону камеры».

Был и у нас в 70-е годы опыт, к которому целесообразно обратиться сегодня. Каждую неделю в эфир выходили 45-минутные программы о республиках, краях и областях. Они носили, конечно, парадный характер, показывали только самое лучшее – в том числе лучших людей, начиная – в обязательном порядке – с первого лица: секретаря обкома, крайкома или ЦК союзной республики. Приезжая в очередную область на две недели для подготовки передачи, московские журналисты отвергали предложения местных товарищей «заснять Ивана Ивановича в кабинете». Ссылаясь на «мнение Старой площади», журналисты ЦТ (и автор этих строк в том числе) говорили примерно так: ну представьте, какое мнение у народа будет о партийных руководителях, если сто первых секретарей в ста кабинетах будут читать сто текстов, подготовленных сотней помощников – и потому одинаково безликих. Мы должны показать симпатичного, умного секретаря в общении с народом.

Эта демагогия действовала безотказно. Первые секретари покорно ехали на тот объект, который им предлагался, и принимали участие в более или менее интересном действии, задуманном журналистами. Эти передачи, как вскоре выяснилось, активно обсуждались при встречах первых секретарей в кремлевской курилке или на той же Старой площади. Появилась даже некоторая ревность – чтобы для следующего придумали экранные обстоятельства не хуже, чем для предыдущих Иванов Ивановичей.

Один из секретарей очень боялся участия в передаче, но – положение обязывало, настала его очередь. Учитывая робость начальника, журналист предложил, во-первых, просто пройти по улице вдвоем, с рассказом о детстве, о матери (секретарь был родом

из этого города). А ритуальные фразы про верность долгу и лично Леониду Ильичу мы напишем крупно на бумажке. Бумажку будет держать у своего левого плеча журналист, стоящий вполоборота к собеседнику. Этот «диалог» проведем на центральной площади, у памятника борцам революции. Если чтец собьется, сделаем второй дубль. Для перебивок снимем городские виды – прилегающие к площади улицы.

Во-вторых, секретарю было сказано, что на Би-би-си тем гостям, кто робеет перед выходом в эфир, предлагают выпить немного коньяка. Граммов 20. Ну, раз на Би-би-си так заведено, то и нам можно.

И вот в день съемки первый секретарь пригласил журналиста, вместе с председателем областного телерадиокомитета, пройти через незаметную дверку в комнату отдыха за кабинетом. Там открыл еще более незаметную панель в стене, за ней оказался сейф. Из сейфа была вынута бутылка армянского коньяка и три хрустальных стакана. Двадцатью граммами, понятно, на Руси ограничиться нельзя. Не Би-би-си все-таки. Но съемки прошли удачно.

Такая своеобразная работа требует от журналиста особых дипломатических навыков. Конечно, это не совсем журналистика. Скорее служба паблик рилейшнз. Все мы рекламировали одну корпорацию – руководство ЦК КПСС. Это не шло вразрез с нашими убеждениями, тогда либеральные журналисты мечтали о «социализме с человеческим лицом» и вовсю старались обеспечить человеческий облик партийным начальникам.

В Кировограде, на Украине, приезд телегруппы совпал с 60-летием местного героя, земледельца Гиталова. Первый секретарь приехал за сто километров к нему домой – поздравлять. Одна камера стояла возле точки, где произойдет встреча персонажей (целоваться будут или просто руки пожмут – деловито осведомился оператор), вторая – у лавочки, предусмотрительно развернутой по солнышку, с хорошим сельским фоном. Гиталову подсказали, что хорошо бы спросить секретаря: вот вы сейчас ехали на машине сто километров, как хлеба вдоль дороги, какие виды на урожай? И – пошло-поехало. Никто не смотрел в камеру, оба собеседника, имея большой жизненный опыт, оказались неплохими актерами.

Также за сто километров приехал на съемки секретарь из города Куйбышева (ныне Самара). Возле сборочного конвейера он общался с длинноволосыми парнями, узнавая, как они отнесутся к переменам в графике работы – теперь выходной будет приходиться не на субботу... Был, разумеется, придуман и другой, деловой повод появления высокого гостя на ВАЗе. Еще в одном городе ради съемок рассекретили завод, работавший на космос – секретарь приехал туда вручать ордена, а заодно пообщаться по заранее намеченному сценарию. Телегруппа как бы ненавязчиво подсматривала за этим процессом. В Туле ради приезда первого секретаря заасфальтировали подъезды к Щекинскому химкомбинату – чтобы «Чайку» не качнуло на ухабах. На полуострове Мангышлак слетали с первым секретарем на вертолете к нефтеразведчикам, по пути заглянули в верблюдоводческий совхоз. И так далее, и тому подобное. Работает ли так кто-нибудь с

нынешними губернаторами? Едва ли. Между тем в 70-е годы Главная редакция пропаганды ЦТ СССР ничего, по сути, нового не придумала. Был лишь скопирован опыт создания позитивного имиджа власти, наработанный в Соединенных Штатах Америки. И если наша родная компартия могла, в принципе, обойтись без подобных спектаклей (все равно заставят всех прийти и единодушно проголосовать за единственного кандидата) – то в США предстать перед общественностью в лучшем виде было крайне важно для политической карьеры.

«Я не понимаю, что вы называете манипулированием, – заявил как-то видный чиновник из окружения президента США. – В определенном смысле Белый дом является театром, и мы ставим наш спектакль. С появлением ТВ Белый дом становится театром все в большей степени, и вполне естественно, что с годами сотрудники аппарата все больше превращаются в постановщиков». Телевизионные спектакли с Рональдом Рейганом в главной роли ставились и «на выезде» – от палубы авианосца «Констеллейшн» в Тихом океане до свинофермы в штате Айова. В таких же спектаклях участвовал в 1996 г. Борис Ельцин. Имиджмейкеры, умотавшие его до полусмерти, добились главной цели – победы на выборах.

Кампания «Голосуй, или проиграешь», рассчитанная на привлечение молодежи к электоральному процессу, была скопирована с американской. Но если в США колесящие по стране звезды эстрады всего лишь призывают молодежь прийти к урнам в день выборов – то наши впрямую агитировали за Ельцина. Потому что там от смены президентов почти ничего не меняется, даже цены в магазинах. У нас же мог измениться общественный строй. Поэтому наше ТВ и нарушило демократические принципы – во имя самой демократии.

Калькируя заморский опыт, приходится учитывать не только наши ни на кого не похожие условия балансирования между рынком и коммунизмом, не только менталитет зрителей и слушателей, но и возможности «главных исполнителей». Не прижились у нас регулярные радиобеседы Ельцина, явно скопированные с рузвельтовских. Ключевую фразу первой беседы Рузвельта цитировали все газеты, повторяла вся Америка: «Единственное, чего нам следует опасаться – это страх». Рузвельт приятным баритоном выражал уверенность, что нация преодолеет кризис, для этого есть все средства и возможности. Журналисты так писали о радиобеседах Рузвельта: возникает впечатление, что президент заглянул к своим слушателям на чашку чая, решив поделиться своими заботами. Однажды он остановился на полуфразе и попросил стакан воды. Радио донесло до слушателей бульканье наливаемой в стакан воды и фразу президента: «Друзья мои, сегодня в Вашингтоне очень жарко». Для этих «бесед у камина» в Белом доме, действительно в помещении с камином, была оборудована радиостудия. Во время выступлений рядом с президентом сидела его жена, Элеонора Рузвельт, и молча что-то вязала.

Разница между американским и нашим восприятием одних и тех же «режиссерских замыслов» видна хотя бы по негативному

отношению советской аудитории к появлению «на людях» первой леди – во времена «перестройки и гласности». Во время зарубежных поездок мужа освещать самостоятельную благотворительную деятельность Раисы Максимовны было доверено специальному тележурналисту – как мы помним по программе «Время», чаще всего это была Татьяна Комарова, а в Японию взяли Сергея Ломакина – в награду за его на редкость хамское интервью с Ельциным, бывшим тогда в опале (чего стоит лишь одна, заключительная фраза Ломакина: «Мне было интересно с вами, Борис Николаевич»). Когда во время предвыборной кампании 1996 г. один из имиджмейкеров предложил более активно подключить к этому делу Наину Иосифовну – чтобы она с дочерьми съездила, к примеру, в Ростов, побыла в госпитале, где лежат инвалиды чеченской войны – это предложение было с гневом отвергнуто. Может быть, потому, что оно буквально повторяло опыт царской семьи – как известно, Александра с дочерьми проводила немало времени в госпиталях во время первой мировой войны. Но скорее был учтен печальный опыт активности в телекадрах предыдущей «первой леди».

в начало статьи

СТУПЕНИ КОММУНИКАЦИИ – ОТ СМИ К МАЛЫМ ГРУППАМ

«Только качеством произведенного на нас впечатления, только через зрителя может быть понята, учтена ценность той или иной передачи», – писал в 1960 г. первый теоретик и критик телевидения Владимир Саппак. Если вы хотите воздействовать на аудиторию с каким-то результатом – вы должны знать интересы, запросы, предпочтения аудитории. А она весьма неоднородна. И мало знать результаты медиаизмерений – рейтинги той или иной передачи. Надо реально представлять себе образ жизни людей, к которым вы и ваш лидер обращаетесь (если вы – член команды, а не «независимый журналист»).

В преддверии выборов 1999 г. многие политологи не без основания считали российский электорат состоящим из трех основных частей, почти равных друг другу. Одна треть – это люди, настроенные на демократические реформы и рыночные отношения – несмотря на разочарование в Ельцине и его окружении, несмотря, может быть, на некоторые личные утраты в материальном плане. Другая треть столь же твердо стоит на том, что настоящая жизнь осталась в прошлом, когда колбаса, хлеб и водка стоили дешевле, чем сейчас. Было бы ошибкой думать, что эта треть сокращается с уходом старшего поколения – они успевают рассказать о своей славной молодости детям и внукам, а среди тех тоже немало неудовлетворенных своим сегодняшним положением, стремящихся к «равенству» путем уничтожения богатых. Свобода слова – вспомним Чуковского – не является ценностью для весьма и весьма многих. Даже для студентов, которые порой готовы сотрудничать одновременно с двумя партиями противоположной направленности – лишь бы деньги платили.

И, наконец, третья треть – самая интересная. Это люди без выраженных идейно-политических предпочтений. Решение проголосовать за того или иного кандидата они могут принять непосредственно перед голосованием (и присутствующие возле урн, порой даже члены избирательных комиссий, в нарушение инструкции готовы оказать им услугу – дать «добрый совет»).

Коммунисты, желая воздействовать на эту часть электората, прибегают к испытанной практике работы по месту жительства – посылают агитаторов по домам.

Поскольку для большей части людей влияние ближайшего авторитета является решающим, приходится вспомнить одну из классических теорий массовой коммуникации, высказанную профессорами Колумбийского университета в США во главе с П. Лазарсфельдом. Целью исследования было изучение реального воздействия газет и радио на решение избирателей в штате Огайо голосовать за того или иного кандидата на президентских выборах 1940 года.

Социологи столкнулись с непредвиденным обстоятельством.

«Всякий раз, когда опрашиваемых просили указать, откуда они получили самые свежие данные о ходе избирательной кампании, политические дискуссии (с соседями, коллегами по работе) упоминались чаще, чем прослушивание радиопередач или чтение печатных материалов». Было подсчитано, что число людей, получавших информацию о выборах в неформальном общении, процентов на 10 превышало число непосредственных получателей информации СМИ. Тогда и возникла у американских социологов теория «двухступенчатого потока коммуникации», выделявшая «лидеров мнения» – тех, кто читает газеты, слушает радио и передает свои впечатления окружающим.

Естественно, что в СССР эту теорию (она дошла до нас в 60-е годы) заклеймили за элитарность, объявили устаревшей, ссылаясь на развитие общедоступного ТВ, на морально-политическое единство советского народа, на жажду каждого приобщиться непосредственно к источнику пропаганды в виде программы «Время».

Но в самом конце 60-х, на излете остатков хрущевской «оттепели», в городе Таганроге было проведено достаточно объективное и обстоятельное социсследование «Человек в системе массовой информации и пропаганды» (термин СМИ считался буржуазным, следовало говорить СМИП). Результаты оказались настолько не совпадающими с легендой о морально-политическом единстве, что публиковать их не стали. Лишь через несколько лет в малотиражных научных сборниках просочились все-таки некоторые данные социологов о восприятии СМИП жителями Таганрога. Так, в первом томе материалов семинара «Семиотика средств массовой коммуникации» И.Е. Кокорев с массой оговорок («надеюсь, названия типов не смутят читателя, ибо они носят условный характер» и т.п.) опубликовал такую классификацию обнаруженных социологами «типов» по их отношению к культуре и СМИ. Приводится в сокращенном виде.

1. Духовно-личностная ориентация. *Занятия в свободное время преимущественно индивидуально-творческого характера с*

известной интеллектуальной нагрузкой. Духовные интересы питаются в значительной мере искусством, массовой информацией и в общем выходят за рамки практических нужд, групповых норм и профессионального опыта. Больше интересуется жизнью планеты, чем событиями в родном городе. Любит музыку, бывает в кино, ходит в театр. Ему дорог престиж: культурного человека.

Трудностей в восприятии языка массовой информации почти не испытывает, но не терпит штампов. Требовательность к качеству текстов повышена, слишком упрощенный материал вызывает резкую критику, поскольку любит и умеет самостоятельно мыслить, анализировать. Отношение ко всем программам и рубрикам в целом доброжелательное, легко настраивается на любую тему, так как обладает широким кругозором. В своих оценках и мнениях больше полагается на себя, сравнительно легко преодолевает устаревшие стереотипы. Хорошо информирован, но лидером мнений стать не стремится, больше отмалчивается. Общественной активностью не выделяется, хотя к общественной работе относится с ответственностью.

2. **Профессионально-функциональная ориентация.** *Активно использует массовую информацию как средство ориентации в окружающей обстановке, считая официальные каналы основным источником норм сознания и поведения, создающим единственно правильную модель мира. Трудовая деятельность связана с организаторскими функциями, руководством или воспитанием людей. Такой человек обычно наделен сильной волей, умеет настоять на своем. В его личной жизни присутствует элемент всеобщности. По радио, телевидению – устойчивый интерес к последним известиям, оперативной информации. Трудностей в восприятии языка массовой информации не испытывает, так как на этом языке говорит и мыслит сам. Выступает лидером мнений как в своей малой группе, так и шире. В кино, театрах практически не бывает («не до развлечений»), не хватает времени на систематическое чтение новинок художественной литературы. Ориентация на газету как наиболее «серьезный» канал.*

3. **Потребительская ориентация.** *Занятия в свободное время скорее физические. Человек этого типа не лишен честолюбия, но чувствует себя неловко, если в мыслях и поступках выделяется среди окружающих. В роли слушателя, читателя, зрителя не любит усложнять действительность. Все необходимые новости черпаются в кругу друзей, между делом, в рабочем коллективе, а не путем самостоятельного обдумывания того, что воспринято из СМИ, которые выступают прежде всего в функции оперативной информации и развлечения. На первом месте по значению стоит телевизор. Восприятие пассивное, склонное к стереотипам и с трудом отказывающееся от привычных представлений. Многого не знает. Фамилии, даты, взаимосвязь явлений не запоминаются. Если представить для опознания список имен, на первом месте окажутся спортсмены, теле- и радиокомментаторы, затем политические деятели, потом писатели и художники, известные из школьной программы.*

Лидером мнений скорее не выступает. В суждениях ориентируется на свою малую группу,

Как видим, для своего времени очень смелые характеристики! Ведь только тип 2 (назовем для краткости «Функционер») соответствует идеалу «нового советского человека». Впрочем, № 3 («Потребитель») очень удобен для управляющих. Представители № 1 («Интеллектуалы») всегда немногочисленны. К сожалению, в научной статье не приводится соотношение выделенных «типов» в процентах. Не сказано также, в какой степени взаимодействуют представители трех «типов» друг с другом. «Интеллектуал» не стремится быть лидером мнения, отмалчивается – видимо, потому, что простец – «Потребитель» или тем более активный «Функционер» могут тут же накатать письмо в КГБ о его «неправильных» взглядах.

С тех пор изменились социально-политические условия. Было бы интересно повторить подобное исследование. Более того, каждый вступающий на тропу борьбы за голоса электората не имеет шансов на успех, если не будет знать реальные «типы» людей, перед которыми он должен выступать.

Глядя в объектив телекамеры (в его нижнюю половинку, чтобы взгляд не показался высокомерным, направленным поверх голов), ваш лидер должен говорить так, будто он общается с одним человеком. Более или менее представлять себе адресата наши политики часто не умеют даже тогда, когда этот адресат находится не где-то у телевизора, а совсем рядом.

При анализе восприятия телепередачи сначала экспертами-журналистами, а затем рабочими ленинградские социологи во главе с Виктором Бойко отметили существенные расхождения в оценках. Если рабочие высоко ценили показ житейских проблем, то высокие оценки экспертов были связаны с нестандартностью формы изложения. К сожалению, в практической деятельности многие журналисты (как и политики) ориентируются не на реальную аудиторию, а на «малый круг» себе подобных. Не раз приходилось слышать суждения: а мне все равно, что скажут где-нибудь в Урюпинске, мне важно, чтобы меня оценили мои знакомые.

Однажды автору этих строк пришлось побывать на предвыборном собрании в забытой Богом Капотне, возле коптящего завода. Здесь состоялся дополнительный раунд выборов, а потому к жителям приехали звезды первой величины, не прошедшие в других округах. Пришлось только диву даваться, какие непростительные психологические ошибки совершали претенденты. Евгений Евтушенко явился в пестроклетчатом пиджаке, которому явно требовалась химчистка. Говорил что-то глобальное, о перспективах человечества. Выступивший следом адвокат (широко известный в узких кругах) решил быть ближе к жизни и сообщил, что посетил заводскую столовую, где кормят ужасной дрянью. При этом он так натурально сморщился, что по залу прокатился ропот недовольства: ишь, барин, к ресторанам привык... А мы все слопаем, только давай побольше.

В зале сидели пенсионеры обоего пола, претендовавшие, видимо, на роль лидеров мнений в своих подъездах и квартирах. Можно себе представить, как они пересказывали речи претендентов.

В тот раз на выборах победил Юрий Власов – его помнили как «самого сильного человека планеты». На второе место вышел телерепортер Виктор Шинкарецкий, чье лицо было известно всем пожилым москвичам как лицо правдоискателя, разоблачавшего нечистых на руку торговцев, проводившего рейды по овощным базам и мясокомбинатам. Оба, как говорится, «раскрученные». Того, кто был известен слишком хорошо – отвергли (это был директор родного завода). Команде поддержки нового деятеля, который рискнет выставить здесь свою кандидатуру, следовало бы хорошенько изучить историю прошлых выборов и особенности электората с его лидерами.

Коммуникативным умениям политика будет посвящен следующий раздел. Здесь же отметим: успех достигается не только и не столько в студии ТВ, сколько в предварительной работе с электоратом. Почему не стали событием для зрителей передачи «Выборы-95»? Потому что их не обсуждали в малых группах. Рейтинг утренних программ составлял всего 4–5 процентов аудитории, вечерних 16–17. Если бы это были лидеры мнений – такие проценты дорогого бы стоили. Как же добиться их привлечения к экранам?

На выборах 1995 года во Франции решался вопрос, кому быть президентом: мэру Парижа Жаку Шираку, премьер-министру Эдуару Балладюру (оба представители правых сил) или лидеру социалистов Лионелю Жоспену. Не правда ли, эта расстановка сил чем-то напоминает российскую?

Похожим на российскую ситуацию было и наличие шести второстепенных кандидатов – Жана-Мари Ле Пена и Робера Ю, не без оснований сравнивали с нашими Жириновским и Горбачевым 1996 года. Ле Пен, выразитель националистических взглядов, в первом туре не намного уступил основным претендентам. Это тоже напоминает Россию. Но речь сейчас о другом: о предкоммуникативной и посткоммуникативной работе команд претендентов, с учетом уже рассмотренного нами явления двухступенчатой коммуникации. Лидер побеждает не столько в студии, сколько в обсуждениях передачи – в печати и в малых группах. Чтобы обсуждение состоялось – нужна работа до передачи.

В воскресенье 2 апреля 1995 года, за 20 дней до первого тура президентских выборов, сторонники Жака Ширака вышли на улицы. Они раздавали прохожим листовки с анонсом предстоящей вечером передачи, в которой их лидер должен был встретиться с популярной журналисткой Анн Синклэр (газетчики звали ее «васильковые глаза»). Не пропустите эту передачу, – говорили агитаторы, – завтра ее будет обсуждать вся Франция. Кто же устоит после такой агитации, кому захочется неловко себя чувствовать, если завтра его знакомые станут обсуждать, как выглядел мэр Парижа, как общался с телезвездой?

Не отставали и активисты штаба другого кандидата правых, премьер-министра Эдуара Балладюра: «Не пропустите в полдень “Час истины с Балладюром!”» Премьер-министр и без того часто присутствовал на телеэкранах – у действующего политика была возможность создавать «оперативные поводы» для теленовостей. Например, открытие большого моста в Нормандии. Образ

Балладюра его имиджмейкеры связывали с дорогой вперед, с мостами, с преодолением пространства. Ширак же избрал своей эмблемой яблоню с плодами. Не у него ли, кстати, позаимствовал идею наш Григорий Явлинский?

Незадолго до первого тура Ширак был гостем популярной телепередачи «Марш века». После серьезных вопросов ведущий спросил: «Сколько сортов яблок вы знаете? А какого цвета разные из них? Как вы их отличаете?» Ширак с шутливой серьезностью отвечал. (Интересно, справился бы с такими вопросами Явлинский?) В заключение ведущий с истинно французским юмором, не без доли коварства задал вопрос, заготовленный, видимо, в сценарии: «А знаете ли вы, господин Ширак, что нашим гостем будет через неделю господин Балладюр? И не хотели бы вы пожелать ему успеха?» «Да, конечно, – ответил Ширак. – Я хочу пожелать ему успеха... в вашей передаче».

Понятно, что такие шуточки назавтра оживленно обсуждала вся Франция. Оба претендента от правых сил не были новичками на телеэкранах. От дебатов они отказались в силу того, что политические программы были, по сути, идентичны, кроме того, они слишком давно знали друг друга и не стремились к взаимоуничтожению – что было бы на радость конкурентам из левого лагеря. Вот почему две передачи с участием Ширака и Балладюра, с анонсом в эфире и в листовках, стали событием для страны. Все понимали: надо решать, кто из двоих весьма достойных месье должен выйти во второй тур. За Балладюра изначально была респектабельная часть электората, а молодежь готова была проголосовать за Ширака уже потому, что его кукольный двойник в программе «Гиньоль де л'энфо» (с нее взяли пример создатели «Кукол» на НТВ) был весьма симпатичен. Когда политические взгляды претендентов близки, даже куклы могут сыграть решающую роль – тем более интервью накануне выборов.

Дочь Ширака по имени Клод заботилась о создании благоприятного имиджа отца (это тоже напоминает что-то из российской практики). Она хорошо знает специфику ТВ. На митингах Клод не разрешала ставить телекамеры ближе 12 метров, причем располагала их так, чтобы они находились чуть выше трибуны или сцены (почему так – рассмотрим в соответствующем разделе).

Отчасти сыграл тут роль и недавний исторический прецедент – дебаты не лицом к лицу, а «спина к спине», которые провели перед выборами 1981 года Франсуа Миттеран и Валери Жискар д'Эстен: каждый из них сидел в «своей» телестудии, со своим ведущим, и общение происходило по принципу телемоста (как выступают политики в наших «Итогах» – по отдельности, чтоб не драться и не поливать друг друга соком). Условия проведения тех дебатов были зафиксированы в специальном протоколе, даже изменения позиции телекамеры оператор и режиссер не имели права произвести без ведома советника кандидата. (И это правильно! – как сказал бы Михаил Сергеевич). К тем выборам Миттерану заменили верхние передние зубы, придававшие его облику агрессивность, но он не избавился от скверной привычки нервно двигать ногами под столом.

Поэтому и стол, и точки съемки были подобраны соответствующим образом.

Итак, 2 апреля 1995 г. в полдень вышел в эфир «Час истины» с Балладюром. А вечером телезрители наблюдали диалог Жака Ширака с Анн Синклэр. Назавтра эти передачи были главной темой ежедневных газет, затем еженедельники назвали их среди событий недели. В диалоге Ширак был непринужденным, но веским. Раскованным, но убедительным. Спокойным, но в меру эмоциональным. Так говорили даже те, кто не видел передачу.

О коммуникативных качествах лидера – в следующем разделе. Французскими примерами (взятыми из книги Татьяны Лебедевой «Путь к власти») мы завершаем тему о предкоммуникативной и посткоммуникативной работе в поддержку политического лидера.

в начало статьи

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ЛИДЕРА

По основным проблемам развития нашего общества, как мы знаем, есть две непримиримые точки зрения. И есть «третья треть», готовая под влиянием эмоций склониться в любую сторону. Видимо, усилия претендентов должны быть направлены на завоевание этой значительной части электората. Как ни странно, от этих эмоциональных людей может зависеть судьба России.

Доктрина коммунистической пропаганды всегда делала упор на рациональную, рассчитанную на разум аргументацию. Труды классиков иной школы – от Гюстава Лебона до Адольфа Гитлера, полагавших, что массы легко поддаются эмоциям, толпа не способна принимать разумные решения и т.п. – объявлялись еретическими. Во время предвыборной кампании 1995 г. автор этих строк, выполняя функции ведущего или распорядителя бесплатного эфирного времени, предоставленного кандидатам в депутаты Государственной Думы на канале ОРТ, мог убедиться, насколько преувеличенными были представления наших современников о роли разума в политике, как недооценивалась эмоциональная сфера! С остекленевшим взором кандидаты произносили наизусть положения своих партийных программ. Все программы сводились к тому, что «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным».

Между тем в странах с давними демократическими традициями давно поняли, что между серьезными политиками нет разногласий по «судьбоносным» вопросам. Оттого там могут всерьез обсуждать цвет глаз политика или покрой его костюма, в газетах пишут о манере завязывать галстук – только стилем, только личностными качествами можно выделиться в этих условиях.

На наших выборах в 1995 и 1999 г. программы претендентов правого (так называемого демократического) толка тоже были похожи одна на другую. Объединиться мешали личные амбиции. В результате распылили свои силы, многие не сумели преодолеть пятипроцентный барьер. Как раз из-за того, что недооценили эмоциональные факторы воздействия на аудиторию.

Первый и главный из этих факторов – персонализация политики партии. Говоря по-русски, олицетворение. К примеру,

партия «Яблоко» для нас – значит Явлинский. (Мы говорим Ленин – подразумеваем партия, и наоборот, см. соч. Маяковского). Элла Памфилова создала свою партию вместе с двумя другими партнерами, но на передачи всегда приходила лично. Она прекрасно выбрала имидж мягкой домашней женщины с длинными волосами, в джинсовом сарафане (в противовес феминисткам типа «Я сама») – и хотя ее партия в 1995 г. не добилась успеха, она сама победила, прошла в Думу по одномандатному варианту. (На выборах 1999 г. такое совмещение было запрещено). Другие же партии и блоки поступали по-советски: чтобы всем поровну. Сегодня прислали на передачу одного, завтра другого, невзирая на их имидж и коммуникативные умения. Вроде бы знающие людскую психологию адвокаты оказались тоже из «совка»: однажды на ОРТ прислали рекламный ролик с участием одного из них. «Вожди» партии адвокатов тут же явились с протестом – почему его одного показываете? Надо всех, по справедливости. В результате все адвокаты дружно отправились на свалку несбывшихся надежд.

Другая партия прислала в Останкино такого кандидата, который при соответствующей «раскрутке» не уступил бы генералу Лебедю. Герой Советского Союза, капитан атомной подводной лодки. Свободен, смел, облик мужественный, за дела своего приполярного региона болеет душой. Была возможность четыре раза показать его по каналу ОРТ, еще четыре – на РТР, и еще на местных станциях. Но, увы! От этой партии в указанное время приходили в студию разные люди: космонавты и учителя, чиновники и просто энтузиасты, сливающиеся в сознании зрителя с такими же посланцами других партий.

Своей «совковой» психологией, стремлением показать всех понемногу, наивной верой в высокую ценность программных положений лидеры этой партии обрекли себя на поражение.

Кроме первого фактора – персонализации – эти деятели проигнорировали и второй: «чтобы тебя выбрали – *надо отличаться от других»*. То есть выделиться. А в прежние времена выделяться было опасно. И вот этот страх с советских времен, на генетическом уровне присутствует сегодня.

С одной стороны – выделиться, а с другой – быть похожим на всех. Тот, кто сумеет выполнить эту непростую рекомендацию, имеет шансы победить на выборах.

Слишком выделяющийся – академик Сахаров, например – всегда будет жертвой «агрессивно-послушного большинства» (как сказал на Ісъезде нардепов в 1989 г. Юрий Афанасьев про своих коллег-депутатов). Слишком интеллигентного президента не может быть ни в США, ни в России. Любой человек, вступивший на путь борьбы за электорат, вынужден модифицировать свое поведение на публике и в телестудии, чтобы понравиться.

В последнее время слово «харизма» стало часто встречаться в политическом лексиконе. Харизма – значит божий дар. Кому-то, получается, на роду написано быть лидером. Так и говорят: харизматический лидер. Мистическое свойство, посланное свыше. Лидер верит в свое призвание, последователи верят лидеру. Такой человек ближе и понятнее, чем политическая программа. Если попытаться «алгеброй гармонию поверить», проанализировать, из

каких компонентов сложена харизма – на первый план выступают волевые качества личности. «Спокойная сила», как сформулировал один имиджмейкер. Но это не та сила, которая, если есть – ума не надо. Вместе с волевыми качествами для публичной политики нужен развитый (в достаточной степени) интеллект. И еще одно: наличие некоторой совестливости, нравственные качества.

Психологи выяснили, что по наличию (или отсутствию) этих трех компонентов – воля, интеллект, совесть – человек составляет суждение о ближних. По этим параметрам люди судят о политиках. И от этих же трех величин зависит, оказывается, рейтинг телевизионных ведущих. Нет ничего удивительного в том, что требования к телеведущим и к политикам оказались в чем-то схожими: ведь деятельность политика тоже в значительной части протекает теперь в медиапространстве, а телеведущий, как политик, стремится повысить свой рейтинг у аудитории. Поэтому политическим лидерам полезно познакомиться с рекомендациями, которые американский профессор Голдхабер на основании серьезных исследований вывел для журналистов, работающих в кадре. Отправной точкой он выбрал тот же термин «харизма».

Согласно американскому исследователю, харизма, или личный магнетизм телеперсонажа может быть трех видов. Первый – «герой», смелый, отчасти даже агрессивный, например Джон Кеннеди. Второй тип, по Голдхаберу – «антигерой», т.е. простой человек, «один из нас». Таким был в Советском Союзе популярный журналист программы «Время» Евгений Синицын. Его принимали при встречах за старого знакомого по работе или соседа по району, никак не соотнося встреченного человека с «телезвездой». И, наконец, третий тип –«мистический» – необычный, непредсказуемый. Таким представлялся американцу Генри Киссинджер, мы же можем вспомнить раннего Невзорова.

Независимо от того, к какому из трех видов относится наш телеперсонаж, Голдхабер называет пять элементов его харизмы: 1) внешность – насколько он привлекателен; 2) сексуальность – мужчина должен быть мужественным, женщина – женственной; 3) сходство целей, убеждений, установок с «нашими» – с аудиторией, нечто новое может быть выражено лишь в области, в которой нет определенности; 4) действия – решительность, смелость, т.е. та же воля, о которой уже было сказано выше; 5) мастерство – эффективность использования телевизионных средств выразительности.

Значит, наш лидер должен выглядеть смелым и решительным, но не нарушать сложившихся в обществе представлений о базовых ценностях. Задолго до американского профессора М.Е. Салтыков-Щедрин дал публичному политику такую рекомендацию: вид иметь откровенный и даже смелый, внутренне же трепетать!

Очевидно, что любая деятельность на публике имеет сходство с работой актера. Потому книга К.С. Станиславского «Работа актера над собой» будет полезна если не самому лидеру (по недостатку времени – книга ведь большая), то его пресс-секретарю, который может извлечь оттуда немало ценных советов для шефа. Главное – можно развить в себе то – хотя бы немногое – что дано природой.

Можно развить – если знаешь, к чему стремиться. Видеотренинг по «системе Станиславского» может оказать неоценимую помощь.

Один из советников де Голля набрался смелости определить первое выступление генерала по ТВ как «ужасающее» – и объяснил, почему у него сложилось такое впечатление, и посоветовал, как вести себя в телестудии. Благодаря этим советам де Голль отказался от очков и от чтения своих речей без отрыва от текста. Благодаря телевизионным выступлениям он одержал немало побед в политике.

В Вашингтонском Белом доме существует собственная телестудия, имеющая выход на все основные телесети США, дающая, надо полагать, неограниченные возможности видеотренинга. Про Никсона писали так:

«Ой сидит на диете, чтобы его подбородок не казался столь массивным. Он мчится во Флориду или Калифорнию, чтобы получить загар на лице – так лучше для цветного ТВ. Ему шьют костюмы по заказу, чтобы он мог казаться человеком с хорошим вкусом. Он воздерживается от использования записей или текстов в ходе большинства своих выступлений, полагая, что демонстрация знания основных текущих проблем способствует росту доверия к нему. Таким образом, этот человек, входящий в гостиные американцев чаще, чем кто-либо другой, делает это со спокойной компетентностью, пусть не отмеченной особым вдохновением, но создающей впечатление высокой ответственности».

Примерно так же Никсон выступал перед советскими телезрителями. Его госсекретарь Генри Киссинджер прямо считал конкурентами президента – ведущих теленовостей:

«Телевидение тогда только-только начало становиться самостоятельной силой. Регулярные вечерние передачи новостей привлекали аудиторию, состоявшую из десятков миллионов человек... Ведущий теленовостей превращался в политическую фигуру в том смысле, что лишь президент имел одновременный доступ к подобной широкой аудитории, но, уж конечно, не столь регулярно».

Никсон – пример того, как можно развивать скромные природные актерские данные.

Свободное владение речью – важнейшее качество человека, выступающего перед микрофонами радио и телевидения. Подыскивание слов, томительные паузы, бесконечные «м-м-м», «э-э-э» могут быть истолкованы как неуверенность в себе или неискренность. Зрителю трудно воспринимать такую речь, как бы ни была интересна тема. Так, невозможно было слушать диалоги молодого ведущего Андрея Малахова с юристом и психологом о многоженстве в программе «Добрый день». Поскольку «мычание» заразительно, все трое сопровождали свою речь неприличными стонами при подыскании слов, один юноша и две молодые женщины. Возможно, по радио это звучало бы даже сексуально, но у телезрителя рука тянется к кнопке переключателя каналов. Есть понятие «коммуникативное удовольствие» и «коммуникативное страдание». Слушать мычащую личность – значит, обрекать себя на страдания. Не каждый это выдержит.

Грамотная и свободная, не слишком усложненная, но достаточно интеллигентная речь способствует тому, чтобы у

зрителя включились механизмы эмоционального восприятия и эмоционального «заражения». К сожалению, ни один серьезный научный труд не раскрывает основного «секрета» включения этих сильнейших механизмов при телекоммуникации. Нам придется обратиться к упомянутому труду К.С. Станиславского. Он не претендовал на звание кандидата каких-нибудь наук, не боялся строгих окриков ученого совета. И потому ввел в оборот совсем «ненаучный» термин: лучеиспускание, или излучение, идущее от человека, когда он общается с другим человеком. Какие лучи, какие материальные частицы – флюиды – объяснить не может никто. Но явление это существует. «Лучеиспускание», идущее через глаза, требует большой энергетической отдачи от человека. У Джона Кеннеди был мощный «генератор флюидов», его лучистые глаза даже на фотографии свидетельствуют об этом. Барбара Уолтерс получает свои миллионы долларов в год, в частности, за то, как она «"выстреливает» своими флюидами из-под ресниц прямо в объектив и в душу телезрителя, «пробивая» стекла объектива и кинескопа. Научиться этому в процессе видеотренинга – задача довольно сложная. Мы видим, как у того же Андрея Малахова или Натальи Эфруси с ТВ-6 вместо излучения происходит таращенье глаз («брови выше лба»). Они слишком заняты собой – как, впрочем, и большинство молодых ведущих, у них нет искреннего посыла к зрителю: «Я хочу рассказать вам...»

Эти четыре слова – «Я хочу рассказать вам» – должны стать внутренней установкой каждого политика и журналиста, обращающегося к аудитории. Ираклий Андроников, использовавший эти слова из неоконченной повести Лермонтова как заглавие своей книги, утверждал, что каждое из четырех слов необходимо и важно. В слове «я» – осознание себя как личности и автора, в слове «хочу» – выраженное желание, стремление, сопровождаемое определенным отношением к «вам» – зрителям. Ну и, конечно, «рассказать» – не прочитать, не доложить, даже не выступить. Рассказать то, что знаешь, что, считаешь интересным и потому хочешь поделиться с другими. Вот тогда и возникнут те самые флюиды, контакт с аудиторией. Научившись рассказывать что-то реальным слушателям, надо перенести этот навык контакта на невидимую аудиторию, представить на месте телекамеры живого человека и обращаться к нему одному, а не к массе «дорогих телезрителей».

Текст или подробные тезисы написать заранее, но не заучивать их механически, помнить лишь последовательность мыслей, чтобы словесное оформление в кадре казалось вдохновенной импровизацией.

На радио дело обстоит проще – там можно слегка подглядывать в текст. Но так, чтобы слушатель этого не заметил. Дикторы и актеры предварительно размечают текст особыми значками, обозначающими паузы, речевые периоды, снижение и повышение тембра, речевой мелодии, которая ни в коем случае не должна быть монотонной, усыпляющей.

Рекомендация Андроникова не писать тексты вообще, «чтобы оратор не выглядел так, будто заглядывает себе под лобную кость в поисках шпаргалки», пригодна в тех случаях, когда выступление

неоднократно обкатывалось и шлифовалось перед аудиторией (подобно устным рассказам самого Ираклия Луарсабовича).

И поскольку зритель не только слушает, но и разглядывает выступающего – ничто не должно раздражать в его облике: ни одежда, ни украшения. К множеству рекомендаций по части одежды, изложенных в пособиях по имиджу, следует добавить то, что касается техники ТВ и его специфики. Об этом – в следующем разделе. Здесь же в заключение обратим внимание на столь деликатную составляющую имиджа, как чувство юмора. Если в США улыбка служит флагом политика, знаком его доброжелательности, то у нас существенная часть электората воспринимает улыбку как признак несерьезности человека или того хуже – насмешки над собеседником или над существом дела, о котором идет разговор. Возможно, поэтому наши политики если и шутят, то без улыбки (Черномырдин, Лебедь).

в начало статьи

РАБОТА С ПЕРСОНАЛОМ ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЙ

Насколько коварная вещь – телевидение, можно судить по следующему отрывку из книги Вл. Саппака «Телевидение и мы». Дело происходит в 1961 году, когда все силы пропагандистов были брошены на то, чтобы разъяснить народу, какое счастье его ожидает благодаря заботам партии: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Но вот что видит на экране (именно **видит,** а не только слышит) телезритель Саппак:

«На экране лектор, кандидат наук. У лектора прекрасный модный костюм и безразлично-профессиональное лицо. Он сравнительно молод, только вот рот... Усталый, слишком много работающий рот. Он говорит, и почему-то все время хочется употребить слово "артикуляция". Как и все лицо, глаза не участвуют в работе губ. Я невольно начинаю чувствовать в нем сочетание легкой "заводимости" и унылости, еще не иссякший разбег конъюнктурщика и усталость от не приносящей радости карьерной суеты».

Понятно, что при такой «расшифровке» ставится под сомнение правдивость, искренность говорящего.

Если Саппак сумел рассмотреть все это на малом экране черно-белого телевизора, то, что же «читается» сегодня во всех деталях на наших роскошных «Панасониках» и «Шарпах»?

В те годы еще не было в нашей стране бытовых видеомагнитофонов, иначе этого лектора надо было бы хорошенько потренировать. Но уже в те годы оператор и режиссер могли бы не «подставлять» выступающего, не «наезжать» камерой на крупный план. Во время предвыборных кампаний операторы тоже любили показать «во всей красе» несимпатичного им политика. Оператор – первый телезритель, «расшифровка» лиц для него привычна. И вот он угадывает: на лице стремление «попасть в Москву, пожить на халяву и ни за что не отвечать». Оператор угадывает, а чтобы передать свою догадку зрителям – переводит рычажок трансфокатора, показывает лицо во весь экран. Опытный Владимир

Вольфович просил для себя исключительно средний, или «американский» план – то есть почти во весь рост, до колен.

Необходимо понимать, как меняется имидж человека на экране при изменении крупности плана, композиции кадра и, наконец, ракурса съемки. Вспомним указание дочери Ширака ставить камеры чуть выше сцены и не ближе 12 метров. Если показать Ширака снизу – не дай Бог, возникнут ассоциации с итальянским дуче Муссолини или с его немецким коллегой. Вождей обычно показывали снизу, демократической Франции нужен был другой имидж – всего лишь иной ракурс съемки.

Более сложно объяснить про 12 метров. Одна и та же крупность лица может быть получена современной телекамерой с расстояния 1 метр (широкий угол зрения объектива) и с 12 метров (угол зрения подобен лучу прожектора). При этом характер изображения радикально меняется. Широкоугольник искажает пропорции лиц: нос вытягивается. Широкий угол дает такую глубину резкости, что лицо и фон составляют одну плоскую картину. Любая розетка на стене или кусок надписи отвлекают внимание, а если съемка происходит на натуре – за спиной политика прохожие, кошки или собаки смогут испортить впечатление, придать происходящему ненужный комический оттенок. Между тем наши операторы любят придвинуть камеру поближе к лицу. Они решают две маленькие эгоистические задачи. Во-первых, можно не заботиться о выносном микрофоне – звук с близкого расстояния запишет микрофон, укрепленный на видеокамере; во-вторых, съемка с дальнего расстояния требует штатива, ибо даже небольшое колебание камеры тут недопустимо. Зато как выигрывает пластика кадра! Фон становится размытым, человек отделяется от фона, пропорции его лица становятся нормальными. Штатив и подсветка со стороны камеры обязательны – чтобы не было теней под глазами (ту же задачу может решить складной «зонтик» – отражатель).

И еще одно немаловажное обстоятельство. 12 метров – это та «граница безопасности», откуда нельзя взять чересчур крупный план, который передает ненужные подробности: поры кожи, капли пота и т.п. Такой план, прямо-таки варварский, можно видеть в передачах Караулова «Момент истины» наряду с некорректными вопросами. «Вы боитесь меня, Тихон Николаевич?» – обратился ведущий к 80-летнему композитору, и камера тут же взяла макроплан со всеми прожилками и морщинками. Если Марина Голдовская написала когда-то статью «О деликатной камере», то камеру Караулова можно назвать «бестактной».

Деликатным или бестактным может быть и такой атрибут телесъемки, как микрофон. Для молодого журналиста микрофон в руке – знак причастности к профессии, собственной значимости. Где-нибудь в кулуарах Госдумы или в аэропорту на летучей пресс-конференции микрофон с маркой телеканала уместен и необходим. Но если речь идет о студийном выступлении или интервью, о специально подготовленном, вроде бы задушевном общении – микрофон страшно мешает, разрушая эстетику кадра, незаслуженно делаясь центром кадра, а движение руки с микрофоном от одного рта к другому отвлекает внимание от смысла произносимых слов. В передачах ЦТ СССР еще в 70-е годы было жесткое правило: прятать

микрофон куда угодно, в торшер или висящий на стене футляр радиодинамика, держать его над головами собеседников, прикрывать плечом или краем стола – но чтобы в кадре его не было. Сейчас работать легче: появились миниатюрные микрофоны – «петлички», которые можно прицепить к галстуку или к лацкану пиджака; есть плоские настольные микрофоны, «дальнобойные» – остронаправленные. Но все равно ручной микрофон продолжает доминировать в кадре в весьма многих передачах.

Представьте себе картину: сидят на скамейке в одном из киевских парков двое солидных мужчин и беседуют. У одного в руках гитара, он перебирает струны, говорит с досадой: нет, не получится! Гитара отставлена, начинается беседа на политические темы. Как помешал бы здесь микрофон в кадре! А без него возникло впечатление, что оба собеседника забыли о съемке, что им интересно друг с другом. Передача «Должно получиться» прошла по каналу ОРТ в канун президентских выборов на Украине. Человек с гитарой – нынешний украинский президент Леонид Кучма. Его собеседник – журналист Виталий Вишневский, попросивший перед съемкой всех имиджмейкеров и прочую рать отойти от камеры шагов на сто.

Надо полагать, в официальном кабинете была бы совершенно иная тональность разговора, и гитара там была бы неуместна.

Выбор места, где будет снято на пленку некое действие с участием лидера, требует определенного профессионализма. Ситуация должна быть естественной, роли четко определены. Ирина Зайцева приходит домой к политикам, те принимают ее «без галстука», выступают в роли гостеприимных хозяев. В студии – наоборот, хозяином является журналист. Полное «равноправие» – на нейтральной почве, не случайно его выбрали Кучма с Вишневским.

Но есть и более предпочтительные, более эффективные варианты. Например, выезд на место, с которым у нашего героя связаны сильные эмоциональные воспоминания. Вспоминая, «как это было», он будет вновь переживать события прошлого.

И, наконец, наилучший вариант – настоящее событие, неподдельные сиюминутные мысли и чувства. Руководитель одной германской компании гордится фильмом о предпринимателе, снятом за один день – камера сопровождала его повсюду. Наиболее эмоциональным оказался эпизод, в котором господин капиталист узнал, что лишился выгодного контракта. По нашему телевидению был показан фильм о президенте Азербайджана Гейдаре Алиеве, снятый в трудные для него дни. Дома он добрый дедушка, на работе жесткий руководитель, возле святынь ислама – правоверный мусульманин, в Нью-Йорке – опытный дипломат. Начало этому направлению политического репортажного фильма положил американец Ричард Ликок. В течение получаса он уговаривал – и уговорил Джона Кеннеди разрешить ему присутствовать с камерой возле него, кандидата в президенты США, в решающий вечер подсчета голосов.

Кроме словесной договоренности автора и героя фильма, неплохо иметь и письменный документ – сценарный план, где объясняется смысл каждого из намеченных эпизодов, «желаемый

образ» героя и ситуации. «Группа поддержки» лидера может поставить какие-то условия, ограничения – особенно в случае финансирования проекта, обеспечения телевизионщиков транспортом, определенным уровнем комфорта и т.п. Однако в любом случае творческим работникам должен быть предоставлен «режим наибольшего благоприятствования» для лучшего выполнения совместно поставленных задач. Так, не следует требовать дословного текста журналиста (до съемок), текста вопросов интервью – может быть обусловлена лишь тема, круг вопросов, иначе пропадет драгоценный элемент импровизации.

Хотя операторы, как правило, мастера своего дела, журналисты и другие организаторы съемок, разбирающиеся в специфике ТВ, любят лично посмотреть в видоискатель камеры, чтобы убедиться в грамотной композиции кадра. Если позволяют условия съемки, полезно иметь для этой цели контрольный монитор – сразу будет виден результат, при необходимости и возможности можно организовать второй дубль, учесть ошибки.

По договоренности с руководством телекомпании лидер или его представители могут ознакомиться с готовым фильмом или передачей, внести в случае необходимости некоторые исправления. Такое право может быть оговорено или письменно зафиксировано еще до начала совместной работы. Но правом этим не следует злоупотреблять, «вымарывая» из фильма все сколько-нибудь нестандартные черты личности героя, «принижающие» его – по мнению интеллектуальной обслуги. Так, жена Солженицына Наталья Дмитриевна категорически протестует против всего, что не укладывается в канон «святого праведника»: нельзя показывать писателя за обеденным столом – только за рабочим, нельзя показывать его роскошный дом и т.п. Естественно, это не способствует взаимопониманию с работниками ТВ и высокому результату на экране. Юбилейный фильм об Александре Исаевиче получился на редкость пресным – в отличие от других работ, не прошедших жесткого контроля жены.

В советское время автору этих строк пришлось приложить немало усилий, чтобы привезти космонавта Алексея Леонова на место его посадки в пермской тайге (вместо Казахстана) и объяснить, как он и Павел Беляев туда залетели, как долго их не могли найти. Выступавшие за честь мундира (ложно понимаемую) работники политуправления ВВС запрещали такой показ, мотивируя это тем, что советская космическая техника должна работать без сбоев – во всяком случае, на экране. Пресс-секретарь министра Морфлота противился тому, чтобы интервью у его шефа брал писатель Виктор Конецкий, работавший капитаном и написавший такие книги, которые нравились всем, кроме начальства. Интервью состоялось – ценой жесткого конфликта с пресс-службой, не понимавшей «высшего пилотажа» ТВ.

в начало статьи

в начало

КЛАССИФИКАТОР ПРОГРАММ

Летом 1999 года Федеральная служба России по телевидению и радиовещанию (ФСТР) и Национальная ассоциация телевещателей(НАТ) приняли решение о том, что выдача или продление лицензий на вещание должны обусловливаться наличием в эфире **социально значимых программ.** Но как определить эту значимость? По жанрам? По способу производства? По иным признакам? Ответить на эти вопросы поручили автору данного сборника.

Через день после того, как работа «Классификатор программ» была сдана заказчикам, ФСТР перестала существовать, влившись в новое Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Идея, однако, не угасла: «Классификатор» был опубликован в журнале «ТЭФИ-обозрение» для общественного обсуждения (в несколько сокращенном виде). Считаю целесообразным привести его здесь полностью, хотя критика этого документа уже идет, причем с двух сторон. Первая: ни к чему ограничивать свободу телевизионных творцов, они сами знают, что им надо делать. Вторая: нам рано равняться на Би-би-си, нам ближе телевидение Нигерии или Намибии. Что ж, читайте, решайте.

Составители данного документа исходят из того, что вещательные частоты (особенно в телевизионном диапазоне МВ) являются**ограниченным природным ресурсом,** эксплуатация которого должна осуществляться с максимальной **пользой для общества.**

Вещание – это национальное достояние, используемое на благо всего населения, а не отдельных его групп. Следовательно, оно должно находиться под контролем, обеспечивающим охрану общественных интересов. Такова практика, сложившаяся в Европе.

Не вмешиваясь в повседневную работу телерадиокомпаний, не подвергая их материалы какой-либо цензуре, контролирующий орган (совет попечителей, кураториум и т.п.) определяет параметры качественных, социально значимых программ и необходимый минимум (количество) их присутствия на предоставляемых частотных каналах. Наличие таких программ – даже при относительно невысоком рейтинге – служит фактором национального самосознания, национальной гордости.

Кроме того, проводится и качественная оценка всех без исключения выходящих в эфир программ с точки зрения их уровня культуры. Напомним, что **культура** – это совокупность достижений человечества в производственной, общественной и духовной жизни, а во втором значении – это образование человека или народа, как умственное, так и нравственное. Было бы неверно выделять «культурные» программы и не заботиться об умственном и нравственном уровне всего телерадиовещания – и тут задачу может решить только экспертная оценка.

Электронные СМИ сами по себе есть факт культуры, но максимальная польза для общества будет достигнута при более существенном, чем в настоящее время, вкладе программ СМИ в духовную жизнь России, в повышение культуры народа, в адаптацию людей к резко изменившимся условиям жизни.

Массы сознают, что оригинальные новаторские идеи рождаются в головах меньшинства – интеллигенции, к которой

следует относиться с уважением. На ТВ США, по сведениям специалистов Колумбийской школы журналистики, всего 6% интеллигентных лиц, это количество должно быть, по их мнению, увеличено с целью саморазвития нации.

Люди, обладающие развитым интеллектом, нигде не составляют большинства. Но серьезная национальная телерадиокомпания должна опираться на таких людей в производстве и оценке программ, заботясь о развитии общества, о росте интеллектуальной и духовной культуры слушателей и зрителей, а не только о собственном коммерческом успехе. Еще в 1925 году в Великобритании было принято решение о том, что отдавать вещание целиком во власть частнокоммерческой стихии опасно. Тогда же было решено, что оплачивать вещание должны сами слушатели, а не рекламодатели. Би-би-си – это корпорация «с высоким моральным духом сотрудников и чувством социальной ответственности», – чего нельзя, к сожалению, сказать о нынешних российских телекомпаниях.

В дальнейших выводах и рекомендациях мы будем исходить не столько из американского, сколько из европейского опыта, хотя в большинстве европейских стран условия пока серьезно отличаются от российских. «Европейская модель» больше ориентирована на культуру, чем американская – и сами американцы этим обеспокоены. Дело в том, что в ведущих странах Европы расходы на создание и трансляцию телепрограмм оплачивают не рекламодатели, а общество, т.е. сами зрители в виде абонентной платы либо специального налога. Коммерческие каналы этих стран вынуждены равняться на высокие профессиональные стандарты, задаваемые оплаченными обществом вещателями (Би-би-си в Великобритании, АРД и ЦДФ в Германии, РАИ в Италии и т.д.). Коммерческие компании подчиняются также требованиям специально созданных общественно-государственных инстанций, решающих вопросы лицензирования и штрафных санкций за нарушение условий лицензирования. Так что, по сути, и коммерческие вещатели в Европе (в отличие от сегодняшней России) вынуждены ориентироваться на высшие общественные интересы. Там давно поняли, что эти интересы не являются простой суммой интересов индивидов, и рейтинг программы – отнюдь не показатель ее социальной значимости.

Для успешного развития любое общество накладывает ряд **ограничений** на своих членов. Сошлемся хотя бы на 10 заповедей, большинство из которых начинается со слова «НЕ». Современная теория социальной ответственности прессы также не рассматривает человека как существо, разумно пользующееся неограниченной свободой. В массовом вещании должен быть наложен абсолютный запрет на эксплуатацию низменных чувств и инстинктов – от национализма до смакования сексуальных извращений. И такой запрет нигде в мире не считается цензурой.

«Информировать, просвещать, развлекать» – таковы основные принципы радио- и телепередач Би-би-си. Второй компонент иногда переводится как «поучать» или даже «инструктировать» – но в любом варианте речь идет о публицистике, о пропаганде тех же 10 заповедей, удерживающих человечество от срыва в хаос. Эта вторая

составляющая полностью отсутствует в коммерческом вещании, если вести его бесконтрольно.

При высоком профессиональном уровне создателей программ (режиссеров, журналистов) рейтинг публицистики и культурно-просветительских программ (коммерчески важный показатель) может приближаться к рейтингу музыкально-развлекательных программ.**Социально значимое вещание** требует **высокой квалификации исполнителей,** без проверки наличия таковых **выдача лицензий невозможна.** Критерием оценки претендентов может быть наличие (или отсутствие) в их работах известных приемов и методов (репортажное наблюдение, квалифицированное интервью всех видов, анализ документов, в том числе архивной хроники и т.д.).

Социально значимые программы **могут одновременно выполнять и рекламные функции,** приносить доход вещателям – к примеру, программы о путешествиях, о домоводстве и кулинарии. Нижегородский конкурс «Дом, который построил я» способствовал решению важнейшей социальной задачи и одновременно рекламировал современные материалы и электроинструмент. Утренние программы принятого во всем мире формата («Доброе утро, Британия» собирало до 73 % зрителей) – это «коктейль» из выступлений известных личностей, мультфильмов, полезных советов, в том числе и рекламного характера. Некоторые российские компании, особенно московские, старательно изгоняют из своих программ всякую позитивную информацию, считая ее «рекламой». Это неверно. Сообщение об успехе фермера или о выпуске новой модели автомобиля способствуют появлению **социального оптимизма,** преодолению уныния и безысходности.

Подобные программы относят к познавательно-развлекательным.

Аудитория полагает, что она всего лишь развлекается, но на деле получает и нечто социально полезное – знания, нравственную ориентацию.

Сплав того и другого весьма перспективен для радио и ТВ. Для «галочки», для отчета можно выпускать скучнейшие «социально значимые» программы, которые никто не будет смотреть – но вспомним, что даже в советские времена в передачу «Ленинский университет миллионов» вводились игровые развлекательные моменты.

Правила британской Комиссии по независимому ТВ предписывают обязательный показ в неделю не менее 1,5 часов качественных информационных программ (новостей), 10 часов детских программ и 2 часов религиозных программ. Ограничена демонстрация насилия и секса. Перед выдачей лицензии комиссия просматривает или прослушивает образцы программ и решает, преодолели ли они «порог качества» – традиционно высокий британский стандарт эфирного профессионализма.

Такой порядок (с корректировкой количества социально значимых программ или их процента в эфире, с исключением обязательности религиозных программ – но принципиально такой подход) перспективен и для регулирования коммерческого вещания в России. Хотя, как уже сказано, условия у нас иные и нет

благоприятного «фона» качественных общественно-государственных каналов.

Благоприятный момент для введения в России абонентной платы (как и многих других преобразований) был упущен. Теперь наше государство не способно финансировать даже собственные каналы, они живут за счет рекламы – следовательно, не являются вполне государственными. Рано или поздно к вопросу введения абонентной платы придется вернуться – хотя сегодняшние законодатели справедливо считают такое решение не слишком популярным. Но вскоре сам зритель, быть может, захочет заплатить небольшие деньги, чтобы избавиться от назойливой телерекламы, хотя бы на госканалах. Разрабатываемые условия лицензирования должны быть рассчитаны именно на такую перспективу, должны несколько опережать сегодняшнее состояние дел.

Ничем не сдерживаемая погоня коммерческих вещателей за прибылью чревата вымыванием из эфира социально значимых программ и, в конечном счете, растлением общества, отменой морально-нравственных устоев, выработанных веками с целью самосохранения человечества. Поэтому ограничения и требования, налагаемые на коммерческое РТВ, в конечном счете пойдут на пользу всем, хотя и могут показаться несколько преждевременными (при отсутствии осмысленной вещательной политики даже на госканалах).

Переходя от преамбулы к определениям программ, следует заметить, что в Законе Российской Федерации о СМИ термин «программа» трактуется устаревшим образом, как «совокупность периодических сообщений и материалов», имеющих «постоянное название» и выходящих в эфир «не реже одного раза в год».

В настоящем документе мы используем термин «программа» (в первом значении) как это принято в мировой практике – синоним слова «передача» или «фильм». Программа может быть регулярной (программа «Время», «Итоги» и пр.) либо одноразовой, «специальной».

Итак, телерадиопрограмма – это единица вещания, отдельное законченное произведение журналистики или искусства, обозначенное отдельной строкой в плане вещания, в печатной программе (во втором значении термина), т.е. в расписании передач. Ведь программирование – не что иное, как составление плана вещания.

В отличие от иных классификаторов, невольно смешивающих виды, жанры, формы вещания, мы подразделяем программы по их основной функции и направленности, т.е. по той «работе», которую программа выполняет в обществе.

1. Информационная (новостная) программа – регулярное сообщение о текущих событиях, состоящее из 8–14, иногда до 20 эпизодов («сюжетов»). Набор новостей универсален – от политики до погоды, включая все имеющее прикладное, ориентирующее значение для любого слушателя – зрителя. По мере необходимости присутствует «негатив» – как красная лампочка на пульте управления жизнью. Но баланс «негатива» и «позитива» не должен оставлять ощущения безысходности. Отбор новостей – важный вопрос редакционной политики. Новостные программы – «лицо»

любой телекомпании, опорные точки вещательного дня. Они удовлетворяют важнейшую потребность современного человека – быть в курсе происходящих событий в стране и мире.

2. Специализированная новостная информационная программа – набор новостей одного профиля (мода, результаты спортивных соревнований, криминал, автомобилизм, сельское хозяйство и др.).

Сюда же отнесем простые (без элементов драматургии, публицистики) предвыборные передачи с информацией о кандидатах, с их выступлениями и обещаниями.

3. Информационно-аналитическая программа – еженедельное или ежемесячное (а иногда и ежедневное) комментирование событий, имеющих значение для аудитории и откровенно субъективная их трактовка (в отличие от чисто новостных программ, стремящихся к объективности). Функция – формирование общественного мнения.

4. Публицистическая программа – произведение журналистики, ставящее перед аудиторией социальные проблемы на конкретных примерах и призывающие к их решению. Тематика самая широкая – от приватизации до проституции. Подобно предыдущим информационно-аналитическим, формирует общественное мнение, но не обязательно связана с последними событиями. Жанры – от студийной беседы до телеочерка и документального фильма. В период предвыборных кампаний наиболее эффективен жанр теледебатов.

Публицистика – важнейший раздел вещания, где в конечном счете выражается гражданская позиция телерадиокомпании. Признаки качественной публицистической программы следующие:

– новизна и оригинальность не только фактов, но и идей, авторского подхода к действительности;

– стремление реально помочь гражданам России в адаптации к новым условиям общественной жизни;

– утверждение социального согласия, пробуждение добрых чувств, гуманности, перевод конфликтов в план конструктивного обсуждения – поиск истины в сопоставлении точек зрения;

– выдержанность стиля, четкость композиции, логика изложения, литературные достоинства текста;

– образность видеоряда, культура съемок, звукозаписи и монтажа.

5. Познавательно-развлекательные программы, помимо упоми навшихся утренних обозрений, чаще всего создаются в форме ток-шоу, т.е. «разговорных представлений». Ум, находчивость, обаяние, юмор ведущего плюс присутствие аудитории в студии создают необходимую атмосферу. Особого таланта и такта требуют юмористические обозрения текущих событий. Но и обычные утренние либо вечерние «коктейли» во многом зависят от личности ведущего (ведущих). Удерживать необходимый баланс познавательности и развлекательности в любом случае нелегко.

6. Культурно-просветительские программы – отнюдь не лекции, но драматургически выстроенный рассказ или показ духовных ценностей, созданных человечеством. Такая программа

может быть посвящена фактам из истории науки или искусства, музыки, а также современным поискам в этих сферах. Сюда же относятся трансляции спектаклей, а также передачи о проблемах семьи, медицины (здоровья), культуры домоводства. По данным социологов, эта группа передач выходит на одно из ведущих мест по популярности. Жанры те же, что в публицистике – вплоть до документального фильма.

7. Детские программы – термин, принятый повсюду в мире. Имеется в виду система направленных программ, адресованных зрителям дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста. Цель – всестороннее воспитание и образование, социализация подрастающего поколения. Форма – непременно увлекательная. По жанрам и формату детские программы (программы для детей) многообразны: здесь и телеконкурсы типа «Умники и умницы», и информационно-публицистические программы типа «До 16 и старше», и инсценировки сказок, и фильмы – художественные и мультипликационные, юмористические типа «Ералаш», приключенческие, научно-популярные – но непременно адаптированные к возрасту зрителей и слушателей. Сюда же относятся простые формы – от чтения вечерней сказки до трансляции детских праздников, встреч детей с интересными людьми.

8. Религиозные программы отвечают потребностям значительной части аудитории – людям, исповедующим различные религии. Преобладающее присутствие одной конфессии может вызвать неодобрение представителей других конфессий. К передачам этого вида относятся: трансляции богослужений, специальные телевизионные и радиопроповеди, беседы журналистов со священнослужителями и др.

9. Спортивные программы составляют значительный процент вещания во всех странах мира. Есть каналы, показывающие только спорт. Если в пункте 2 («специализированная информация») названы краткие программы с результатами спортивных соревнований, то к пункту 9 следует отнести полные трансляции матчей или подробные репортажи о них, анализ побед и поражений спортсменов и т.п. Надо учесть, что такого рода программы имеют ограниченную аудиторию, хотя и довольно активную в требованиях подробного показа «своего» вида спорта: бокса, плавания и пр.

Детский спорт и рассказы о спорте для детей следует отнести к пункту 7. А если спортсмен становится героем публицистической программы, которая затрагивает общечеловеческие или общероссийские проблемы жизни, показывает нравственную высоту поступков («Сделай шаг» и др.) – такую программу следует отметить цифрой 4.

10. Художественные (игровые) кинофильмы от одной до 4–12 серий могут идти как самостоятельный (в основном развлекательный) элемент телевизионного дня (программы во втором значении термина), либо сопровождаться культурно-просветительской беседой, рассказом – об обстоятельствах создания фильма, о соотнесении с сегодняшним днем – тогда это пункт 6.

11. Многосерийные телефильмы (сериалы, «мыльные оперы») справедливо отделяются социологами от художественных кинофильмов. Функция – дешевое (в прямом и переносном смысле) развлечение. В одних и тех же декорациях разыгрываются стандартные ситуации.

12. И, наконец, откровенно развлекательные программы. Без видимых социально значимых целей. Эстрада, цирк, легкая музыка, игры типа «Угадай мелодию» и «Поле чудес».

На многопрофильных радиостанциях сочетание развлечений и информации – 30 и 70%, на «локальных" музыкально-информационных наоборот: 70% музыки и 30% информации и «культпросвета».

13. Рекламная функция может присутствовать во всех вышеперечисленных программах (кроме новостных), но для собственно**рекламных программ** (наборов клипов, «сюжетов», кадров) есть особое время, выделяемое иногда специальной заставкой, объявлением. Такой рекламы не должно быть более 15% общего эфирного времени. Не принято прерывать рекламой детские, религиозные программы и некоторые другие виды передач.

Исходя из вышеизложенного, **социально значимыми** следует признать:

– информационные программы (пункты 1, 2, 3);

– публицистические программы (пункт 4);

– познавательно-развлекательные программы (пункт 5);

– культурно-просветительские программы (пункт 6);

– детские программы (пункт 7).

Все эти программы требуют для своего воплощения серьезных затрат и высокой квалификации исполнителей. Наличие таких программ– основание для решения вопроса о лицензировании телерадиокомпании.

Что касается определения реального процента наличия того или иного вида программ в текущей продукции телерадиокомпаний –настоящий классификатор позволяет это сделать просто и легко. Нужен лишь определенный навык, чтобы расставить соответствующие цифры напротив всех строк печатной программы ТВ или радио. Разумеется, надо представлять себе, что скрывается за кратким названием цикла или серии программ.

Иногда понятия «цикл», «рубрика», «серия» употребляются как синонимы. Более удобна и входит в практику иная трактовка:

– **рубрика** – постоянный элемент информационной программы;

– **цикл** – способ организации публицистических, культурно-просветительских и детских программ;

– **серия** – обозначение однородных, взаимосвязанных художественно-игровых программ, в том числе фильмов. Фильм в данном документе рассматривается как одна из разновидностей программы.

В вещательной практике используется понятие «канал». Оно имеет два значения. Первое – техническое. **Канал** – это фиксированная стандартная полоса частот (длина волны), на которой работает передатчик радиостанции или телецентра. Числом каналов определяется возможность одновременной передачи

соответствующего числа телевизионных программ, отчего слова «канал» и «программа» долгое время употреблялись как синонимы.

Второе значение понятия **канал,** используемое в современной практике, – это совокупность радио- и телепередач, объединенных творческим замыслом, направленностью на однородную аудиторию, а иногда и личностью ведущего (каналы «Отражение», «Добрый вечер, Москва», «Пятое колесо» и т.п.).

Итак, против названия фильма «Золотой ключик» эксперт ставит цифру 7 (детская программа), а против фильма «Ночной патруль» –цифру 10. «Итоги» НТВ будут обозначены цифрой 3, а «Куклы» НТВ окажутся вместе с непохожей на них утренней программой под номером 5.

Таким образом, подчеркнем еще раз, программы объединяются не по жанрам, не по месту производства или приобретения, а по своей направленности, по социальным функциям, по смыслу воздействия на зрителя.

Точно определить эти направленность, воздействие, смысл можно лишь после ознакомления с образцами той или иной регулярной программы (серии, цикла, канала). Показатели рейтинга и «доли» (т.е. процента включенных на данный момент приемников ко всем имеющимся или ко всем включенным в данное время) имеют в данном случае не решающее, а вспомогательное значение – социально значимая программа должна быть и достаточно популярной.

в начало

Б.Л. РОЗИНГ И В.К. ЗВОРЫКИН – РУССКИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

В 1999 г. на международном телефоруме первое место в номинации «Телепортрет» завоевал цикл фильмов «Сокровенные люди». В одном из фильмов рассказано, как погиб в Архангельске профессор Борис Розинг – красивый, благородный, талантливый человек.

Его арестовали «за финансовую поддержку контрреволюции» – дал денег знакомому, которого обвинили в каких-то крамольных высказываниях.

И вот в апреле 1933 года будучи в ссылке в Архангельске едет Розинг в трамвае, держа котелок с пайковым жиденьким супом. Трамвай качнуло, суп пролился на пальто какой-то дамы. Она подняла крик. «Не кричите, я все устрою», – просил ученый. Дама не унималась. Розинга постиг инсульт – или, как писали тогда, кровоизлияние в мозг.

Мы должны больше знать об этом человеке. Если спрашиваешь молодых журналистов, кто изобрел телевидение – в ответ либо молчание, либо – в самые последние годы – фамилия Зворыкина, «русского американца», которого, наряду с писателем Владимиром Набоковым, почтил своим стихотворением Булат Окуджава:

Как хорошо, что Зворыкин уехал
и телевиденье там изобрел!
Если бы он из страны не уехал,

он бы, как все, на Голгофу взошел.

Когда журналисты окрестили Зворыкина «отцом телевидения», он воскликнул: «Я изобрел кинескоп и ни на что другое не претендую!». Изобретение телевидения, по словам Зворыкина, – «это бесконечная лестница, созданная десятками рук». Кроме кинескопа (основного узла современного телевизора) Зворыкину принадлежит разработка иконоскопа, т.е. главного узла телекамеры. Сообщение о том, что схема электронного телевидения создана, что завершена 10-летняя работа, В.К. Зворыкин сделал в 1933 г. на съезде Общества радиоинженеров в Чикаго. И уже осенью этого года его пригласили посетить СССР, куда он поехал не без опаски, хотя и получил заверения, что его «белогвардейское прошлое» не станет помехой в деловых переговорах.

Однако это прошлое мешало нашей стране признать публично, в массовых популярных изданиях, заслуги великого изобретателя. В этих книгах присутствовала как раз «лестница имен», и открывал ее Борис Львович Розинг, профессор Петербургского технологического института, и, конечно, не упоминалось, что Розинг был арестован и погиб в том же году, когда его лучшего ученика Зворыкина с почетом принимали в Ленинграде и Москве. Наша литература с гордостью отмечает, что в 1949 г. Московский телецентр был переоборудован «новой, отечественной аппаратурой». Какая техника работала там с 25 марта 1938 г. (в тот день показали кинофильм «Великий гражданин», оправдывающий репрессии против старых большевиков) – наша история умалчивала. Между тем пуск телецентра на Шаболовке был прямым следствием визита Зворыкина в СССР. Оборудование поставила крупнейшая фирма Ар-си-эй (Радио-корпорация Америки), где и работал Владимир Козьмич Зворыкин под руководством своего земляка, тоже выходца из России, Давида Абрамовича Сарнова. Если Зворыкин, как и его учитель Розинг, изобретали «всего лишь» техническое средство видения на расстоянии, то Сарнов сразу понял коммерческие возможности новинки (ранее он опубликовал меморандум о массовом радио – ведь А.С. Попов тоже изобрел не средство массовой информации, а средство связи).

Сарнова родители привезли в США в 1900 г. Америка заговорила о нем в 1912 г., когда 21-летний радист Сарнов принял сигналы с терпящего бедствие «Титаника», а потом три дня без перерыва принимал и записывал имена оставшихся в живых пассажиров, передаваемые кораблями-спасателями. В 1916 г. он пишет: *«Необходим план, который сделает радио домашним прибором, как пианино или фонограф... Данный план особенно мог бы заинтересовать фермеров и жителей отдаленных районов. Приобретя музыкальный радиоящик, они могли бы наслаждаться концертами, лекциями, чтением стихов и т.д.».*

Имена Зворыкина и Сарнова в нашей послевоенной массовой печати впервые упомянул журналист «Комсомольской правды» Ярослав Голованов. Он описал встречу с 85-летним почетным вице-президентом компании Ар-си-эй Зворыкиным, упомянув, что тот «эмигрировал в США в конце первой мировой войны». В самом деле, нельзя же было написать, что Зворыкин явился в Америку в

1919 г. с документами полномочного представителя Сибирского правительства Колчака...

До обидного мало знаем мы об этом незаурядном человеке, жизнь которого похожа на увлекательный детективный роман. В США о нем созданы документальные фильмы, а у нас лишь недавно в городе Муроме, что на Оке, появилась мемориальная доска на доме, где Владимир Козьмич родился. Его отец владел пароходством, в доме теперь историко-художественный музей. Интересно, что Зворыкину удалось побывать здесь в 1967 г., несмотря на то, что Муром был закрыт для иностранцев. Оформив интуристскую путевку во Владимир, он оторвался от группы, взял такси и укатил на свою малую родину. Поклонился праху предков на кладбище, постоял на берегу Оки, зашел и в родительский дом. «Об этой авантюрной поездке ученый с удовольствием потом рассказывал гостям в своем принстонском доме. Старый привратник негр Линн приносил водку, грибки и селедку, гости смеялись, им совсем не мешал в речи хозяина сильный русский акцент, от которого тот так и не избавился за шестьдесят лет жизни в Америке», – писал мемуарист.

В 1906 г. Зворыкин поступил в Петербургский технологический институт и после недолгого увлечения политикой, разочаровавшись в лидерах-демагогах, целиком отдался работе в лаборатории профессора Розинга. *«Наши отношения вскоре переросли в дружбу, – вспоминает Зворыкин – и я обнаружил, что он является не только талантливым ученым, но и разносторонне образованным человеком. Во время нашей совместной работы он не старался использовать меня только как помощника, но всячески расширял мои знания в области физики. Розинг, по существу, обогнал свое время... Для получения требуемого вакуума нужно было затратить огромное время. Имевшиеся у нас насосы были ручными, и зачастую нам приходилось часами поднимать и опускать тяжелые сосуды с ртутью, чтобы степень вакуума достигла желаемой... И все-таки к концу нашей совместной работы профессор Розинг получил действующую систему, которая воспроизводила смутную картинку на экране».*

Другие очевидцы, впрочем, писали о «четкой» картинке, в частности, о изображении «решетки в проходящем свете, помещенной перед объективном передатчика». Это изображение решетки можно назвать мрачным пророчеством судьбы гения в советской России.

Вот ленинградские впечатления Зворыкина, относящиеся к 1933 г. (опуская горестные строки о трудностях быта горожан):

«Программа визита оказалась продуманной, она содержала много лекций, несколько посещений лабораторий и официальных ужинов. Я обнаружил, что являюсь гостем радиопромышленности и, стало быть, правительства, а не университета, как я предполагал... Конечно, я спросил о профессоре Розинге. Большая часть тех, кого я спрашивал, никогда о нем не слышали. Наконец мне сказали, что он был арестован во время революции, сослан в Архангельск и вскоре умер».

На самом деле Розинг, как уже сказано, был арестован в 1931 г., успев выпустить несколько работ по технике телевидения.

Один экземпляр книги Розинга «Электрическая телескопия» попал в руки к другому талантливому человеку, лаборанту Среднеазиатского университета Борису Павловичу Грабовскому, который решил осуществить идею электронного телевидения – причем немедленно! И предъявил усовершенствованный проект «радиотелефота» самому Розингу в Ленинграде. С помощью Розинга были размещены заказы на электровакуумное оборудование, что позволило испытать систему Грабовского в 1928 г. на базе трамвайного треста в Ташкенте. Но в то время умами московского начальства владела идея не электронного, а механического телевидения – хотя и малострочного, с экраном не больше спичечной коробки, зато «дальнобойного», доступного «пролетариям всех стран». Радиолюбители СССР принимали из-за рубежа именно такие передачи. Разочарование наступит позже – тогда и пригласят в Союз Зворыкина, проигнорировав своих умельцев.

Несколько раньше телевизионная установка была построена в Ленинграде В.А. Гуровым (в лаборатории завода им. Коминтерна) – она была выведена из строя в результате наводнения 1924 г. Сотрудник Ленинградского физико-технического института Лев Сергеевич Термен тоже занимался телевидением. Журнал «Огонек» в номере от 21 ноября 1926 г. привел мнение академика А.Ф. Иоффе: «Открытие Л.С. Термена огромно и всеевропейского размаха. Мы видели на экране движение человеческой руки». Затем показывали молоток, паяца и другие предметы. Следы Термена теряются на время в дебрях спецслужб (он работал в резидентуре в США), а в конце 1950-х годов он возникает как артист эстрады, исполнитель на «терменвоксе» – инструменте, меняющем тональность звучания от движения руки возле антенны.

Розинг, Термен, Гуров, судя по всему, работали в тех самых лабораториях, по которым водили почетного гостя из США Зворыкина. Он вспоминает о них так:

«Несколько лабораторий, которые я посетил, не произвели на меня впечатления. Они располагались, как правило, в старых зданиях, были плохо оснащены, резко отличаясь от новых, хорошо оборудованных лабораторий в США. Тем не менее, я увидел много оригинальных экспериментов с новыми для меня результатами».

Видимо, в мемуарах Зворыкина суммировались впечатления от двух визитов в СССР – он побывал у нас в 1933 и 1934 гг. После первого визита «проблему Зворыкина» было приказано решить целому сектору Института телемеханики во главе с Я.А. Рыфтиным, который одновременно руководил кафедрой телевидения в Военной электротехнической академии в Ленинграде. «Комсомольская правда» в номере от 14 марта 1935 г. писала так:

«В августе 1933 г. по приглашению Советского правительства известный американский изобретатель телевидения д-р Зворыкин приехал в СССР и прочел ряд лекций о своем изобретении в московских и ленинградских институтах. О существе изобретения и о его технических деталях д-р Зворыкин ничего не сообщил. В Ленинградском институте телемеханики ничего, кроме внешнего вида иконоскопа, не было. В 1934 г. доктор Зворыкин снова приехал в СССР. Он был поражен тем, что нашел в

лабораториях Ленинградского института телемеханики: "В первый раз я приехал ознакомить вас с моими достижениями. Второй раз уезжаю коллегой. Боюсь, что в третий раз мне придется у вас многому поучиться, – сказал доктор Зворыкин перед отъездом "».

Ленинградский телецентр был построен на основе отечественного оборудования и вышел в эфир чуть позже Московского – 7 июля 1938 г. Четкость изображения составляла 240 строк (в Москве «зворыкинское» оборудование давало 343 строки, послевоенное – с 1949 г. по сегодняшний день – 625 строк). Московские передачи имели несколько больший радиус распространения благодаря использованию шуховской радиобашни на Шаболовке высотой 148 м. Эту башню начали строить в 1919 г. по распоряжению В.И. Ленина «для обеспечения надежной и постоянной связи центра республики с западными государствами и окраинами». Советская республика в кольце фронтов, но сотня квалифицированных строителей отвлечена на это «архиважное» дело и получает красноармейские пайки, работая и в стужу, и в зной в надежде на то, что радиоволны будут способствовать мировой революции. Вплоть до 40-х годов самые мощные радиостанции СССР назывались «имени Коминтерна» – т.е. мирового коммунистического правительства. Относительно телевидения планы были аналогичными. В 1925 г., в газете «Правда» за 16 июля, основоположник нашего документального кино Дзига Вертов (Д.А. Кауфман) писал:

«В ближайшее время человек сможет записанные радиокиноаппаратом зрительные и слуховые явления одновременно передавать по радио всему миру. Мы должны готовиться к тому, чтобы эти изобретения капиталистического мира обратить ему же на погибель».

Но жизнь распорядилась иначе, и в Московском телецентре на Шаболовке объединились творческие усилия двух русских гениев, оказавшихся по разные стороны классовых баррикад: Владимира Козьмича Зворыкина и Владимира Григорьевича Шухова. Первоначально Шухов предложил проект башни высотой 350 м (выше Эйфелевой), но в годы гражданской войны металла на такую башню не нашлось и ограничились, по существу, верхней «половинкой», которая тем не менее поражает изяществом и служит символом отечественного телевидения на протяжении многих лет.

Обратимся наконец к самой деликатной стороне биографии Зворыкина, к причинам замалчивания его имени в нашей печати на протяжении послевоенных десятилетий. Хотя в 1956 г. и вышла у нас сугубо техническая книга Зворыкина с соавтором (слишком уж были важны его технические идеи, чтобы можно было умалчивать о них), – в обыденном сознании продолжалось противопоставление: Шухов и Розинг – патриоты, Зворыкин же изменил Родине, да еще и Колчаку послужил. На самом деле Владимир Козьмич не был врагом Советской власти, он всего лишь хотел заниматься техникой, а не политикой. Власть, можно сказать, сама вынудила его эмигрировать. Вот как это произошло – согласно мемуарам Зворыкина, написанным на английском языке и предназначавшимся для публикации отнюдь не в России.

Зворыкин расстался с Розингом вскоре после знаменитого показа решетки на телеэкране. Институтский диплом был получен, предстояла практика в лабораториях Европы. В 1912 г. в Париже началась передача радиосигналов с Эйфелевой башни, и Зворыкин экспериментировал с разными типами приемников. Затем были каникулы в Испании и продолжение работы – уже в Германии, казавшейся Зворыкину более основательной в техническом смысле. Но грянула война. Через Данию и Финляндию Зворыкин добрался до Родины, где был немедленно мобилизован в армию в чине рядового. В районе города Гродно рядовой с инженерским значком заинтересовал командование и был назначен командиром радиостанции – она в разобранном виде находилась где-то на железнодорожных складах. Удалось не только собрать станцию, но и наладить «радиоперехват» – прослушивание немецких служебных сообщений. В 1917 г. примерно так же Зворыкин открывает радиостанцию Временного правительства, ему помогал шофер по фамилии Лушин. Этот же шофер через год спас Зворыкина от расстрела. Работая в милиции, он узнал, что Зворыкин внесен в список как белый офицер, не явившийся на регистрацию, и, подождав возвращения Владимира Козьмича с работы, с радиозавода Маркони, перебазировавшегося вслед за Советским правительством в Москву – Лушин буквально втащил его в машину и отвез на вокзал. В Нижнем Новгороде Зворыкина спасали служащие принадлежавшей его отцу пароходной компании – видимо, уважали бывшего «эксплуататора». На пароходе он добрался до Перми, затем оказался в Екатеринбурге, где и был арестован. К городу приближались восставшие чехи, находившийся поблизости царь был расстрелян вместе с семьей, а Зворыкин и его сокамерники выломали двери и бежали, – потому что охрана и следователи бежали еще раньше. Вместе с «белочехами» Зворыкин прибыл в Омск. Сибирское антисоветское правительство командировало его за радиоаппаратурой в США. После месячного плавания на пароходе вниз по Оби, далее до радиостанции, работавшей в районе Новой Земли для сообщений о ледовой обстановке, Зворыкин на ледоколе добрался до Архангельска, уже оккупированного войсками Антанты. Из революционной России он попал в иной мир: Копенгаген, Лондон и, наконец, Нью-Йорк. Но представления Зворыкина о чести были таковы, что он выполнил поручение, достал необходимую аппаратуру и по маршруту Сиэтл – Иокогама – Владивосток – Омск завершил свое первое кругосветное путешествие. Хаос в России становился все большим, и он принял решение вернуться в Соединенные Штаты, на этот раз насовсем. Адмирал Колчак надеялся, что Зворыкин наладит регулярную поставку радиоаппаратуры – и Владимир Козьмич отправился в США полномочным представителем колчаковского правительства. Едва он успел увидеть статую Свободы, как это правительство пало.

Когда знаменитого американца Зворыкина в 1933 г. принимали в СССР, в программе поездки было немало интересного. В Грузии его ласково принял Л.П. Берия и даже предоставил ему свой самолет для полета к морю, в Сухуми. А в Москве, на спектакле «Дни Турбиных» в Художественном театре, в человеке,

сидящем рядом с ним в первом ряду партера, Зворыкин с ужасом узнал... следователя, допрашивавшего его когда-то в екатеринбургской тюрьме. «Вождь всех времен и народов» был мастером на такие шутки. Возможно, и сам он присутствовал на том спектакле – из архивов МХАТа известно, что «Дни Турбиных» Сталин смотрел много раз.

Остается лишь повторить вслед за Булатом Окуджавой: «Как хорошо, что Зворыкин уехал и телевиденье там изобрел...».

Еще один русский изобретатель оказался в США основателем знаменитой, первой в мире фирмы, выпустившей в 1956 г. видеомагнитофоны. Фирма называется «Ампекс». Первые три буквы – инициалы: А.М. Понятов. «Екс» – экселленц – превосходный, блестящий.

Итак, получается, что Россия – родина телевидения. Нам есть чем гордиться. Будем помнить своих земляков. Имя Зворыкина в 1978 г. внесено под № 1 в Книгу Русско-американской славы.

в начало

ДВЕ СТРАНИЧКИ ИЗ ИСТОРИИ ТВ

На лекциях в МГУ я говорю об особом периоде развития нашей тележурналистики – о становлении публицистики ТВ. Понятно, что это шестидесятые годы. Но когда точно начался этот период и когда закончился? По-моему, в чем-то он сродни нэпу: начало обозначено точной датой, а конец растянулся года на полтора...

Итак, факты. В конце 1961 – начале 1962 года в эфир ЦТ выходят одна за другой четыре программы, ставшие постоянными, и более того – определившие лицо нашего ТВ на многие годы. Это «КВН» (8 ноября 1961 г.), «Эстафета новостей» (3 декабря 1961 г.), «Рассказы о героизме» С.С. Смирнова (21 февраля 1962 г.) и «Голубой огонек» (первоначальное название – «Телевизионное кафе», 6 апреля 1962 г.). Почему вдруг такой всплеск сугубо разговорных передач – импровизационных, небывало раскованных, сообщавших такое, о чем раньше не говорили публично? Временно отступили даже цензоры, до того требовавшие дословных текстов и репетиций всех передач.

Я задавал вопрос о причинах взлета нашей публицистики начала 60-х разным людям, работавшим в ту эпоху на ТВ. Почему это произошло? Одни отвечали: это связано с полетом Гагарина в космос, с охватившим страну восторгом по этому поводу. Другие говорили так: было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии ТВ», вот оно и стало развиваться. Да, было постановление – но в январе 1960-го. Отчего так запоздала реакция на него? Сергей Муратов, один из создателей первых передач «КВН», сказал: «Нам редакторы предложили возродить наш старый проект, ранее закрытый «ВВВ», за который в 1957 году пострадало руководство телевидения. А тут вдруг решили вернуть, позвали нас всех троих – Яковлева, Аксельрода и меня...».

С чего бы это – вдруг решили вернуть прежде считавшуюся вредной, крамольной телепередачу?

«Голубой огонек» – «Телекафе» придумал Алексей Габрилович. Как-то его остановил в коридоре Шаболовки некий редактор и сказал: «Слушай, старик, придумай нам передачу. Все уже откликнулись, а мы в музредакции никак не раскачаемся». И Габрилович с ходу предложил ему поставить столики под Шуховской телебашней. Так, экспромтом, родилась ставшая популярной на долгие годы передача.

С чего это все редакторы так стали жаждать передач, в которых люди общались бы между собой?

А потому, на мой взгляд, что с октября 1961 года возникла социальная потребность в общении. Как известно, новая телепрограмма, или рубрика, или даже канал возникают при двух условиях: технические возможности и социальная потребность. Причем второе важнее. Скажем, технические возможности проводить телемосты существовала давно, но расцвет этого тележанра пришелся на 1986–1990 гг. Тогда они были остроактуальны в связи с горбачевской перестройкой, сегодня же нам по телемосту нечего сообщать другим странам и континентам.

Так отчего же в конце 1961 года у людей возникла потребность в публичном обмене мнениями?

Наши самые демократические теоретики морщатся, когда я называю главную причину: XXII съезд КПСС. Не модно сейчас упоминать партсъезды. Когда я говорю дальше: это тот самый съезд, где была открыто сказана большая часть правды о преступлениях сталинской эпохи, мне отвечают: мы знали это и раньше. Вы-то знали, но народ не знал. Памятники Сталину стали сносить именно во время проведения XXIIсъезда. И самого его вынесли из Мавзолея именно тогда, если говорить точно – 31 октября 1961 г. Народу было что обсудить. И Солженицын, между прочим, решился отправить своего «...Ивана Денисовича» в «Новый мир» только в ноябре 1961-го, и он не стеснялся вспоминать и писать о том, что сделал он это именно под влиянием XXII партсъезда.

Мало того. Именно на XXII съезде Н.С. Хрущев заявил, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Именно тогда была принята пресловутая Программа КПСС, обманувшая нас на 20 лет. Но это был сладкий обман. Мы упоительно фантазировали о близком времени всеобщего изобилия и счастья. Вот чем были наполнены передачи «КВН», «Голубой огонек» и «Эстафета новостей»: мы подводили черту под прошлыми бедами и мечтали о светлом будущем.

Поскольку с коммунизмом ничего не вышло, о XXII съезде вскоре постарались забыть. Забыли так прочно, что сегодня никто и не вспоминает о причинах взлета публицистики 60-х годов. Стоит перечитать стенографический отчет съезда, чтобы понять корни этой публицистики.

Конечно, когда ТВ выходило за обозначенные съездом границы разоблачения прошлых преступлений и глупостей, следовал суровый окрик сверху. Общеизвестный пример – передача Ленинградского ТВ, транслировавшаяся на всю страну, в которой В. Солоухин, Д. Лихачев, О. Волков, Л. Успенский и другие писатели рассуждали об ошибочности переименования старых волжских городов. Как было сказано в документе ЦК КПСС, принятом

специально по этому поводу, они «в развязном тоне потребовали вернуть прежние наименования городам Куйбышеву, Кирову, Калинину, Горькому». Директора ЛСТ Б. Фирсова отстранили от работы, и пришлось ему пробыть полгода вдали от Родины – на Би-би-си, осваивая науку социологию.

Мне, молодому тогда человеку, было доверено вести «Эстафету новостей» как одному из сменных ведущих наряду с Ю. Фокиным, А. Хазановым, И. Казаковой, А. Мелик-Пашаевой, Л. Золотаревским – правда, в последний период ее существования, с 1966 по 1970 гг. Так что я был свидетелем удушения той гласности, той хрущевской «оттепели». Вел я вместе с другими журналистами и «Голубой огонек» 7 ноября 1968 г., и «Пресс-центр» на 4-м канале в 1968–1969 гг. и могу со всей ответственностью заявить: начало конца нашей «золотой поры публицистики» – 21 августа 1968 г., день вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию.

Некоторые весьма уважаемые авторы считают таким рубежом 1970-й год, а конкретнее – приход С. Лапина на пост руководителя нашего ТВ и радио. Роль личности в истории, конечно, велика, но Лапин был всего лишь талантливым исполнителем воли руководства ЦК. Именно руководство ЦК в 1968 г. осознало, как опасно неподконтрольное ТВ. Ведь в Праге революция началась именно с телевидения. Не надо было захватывать мосты, почту, телеграф – достаточно было иметь в своем распоряжении ТВ с десятком журналистов, отстаивавших идею «социализма с человеческим лицом». Не скрою, идея эта и для меня оказалась весьма привлекательной. Приведу в пример лишь одну передачу, которую мы, члены делегации Союза журналистов, – видели в Праге летом 1968-го года.

Сюжет ее был таким: из заключения выходит чешский коммунист и решает с помощью ТВ разобраться, за что же все-таки его посадили. Вместе с репортером он идет к судье, затем к прокурору – все фиксируется на пленку. Прокурор ссылается на указания высоких инстанций. Репортер и бывший зэк поднимаются по ступенькам судебно-обвинительнои системы все выше и выше, что, собственно, и составляет содержание целого фильма. Наконец высокопоставленный чиновник признается: это было распоряжение генерального прокурора республики. Такова была политическая ситуация. Не только ваш герой, но и многие другие были отправлены в места заключения во имя идеи социализма. Финальный эпизод: женщина-репортер набирает номер телефона генпрокурора ЧССР и обращается к нему с тем же вопросом: за что, собственно, пострадал герой ее телепередачи? Прокурор отвечает, что не дело журналистов соваться в то, чего они не понимают. Журналистка кладет трубку на рычаг, смотрит прямо в телекамеру, в глаза всем зрителям и спрашивает: «До каких пор на руководящих постах в нашей стране будут находиться люди, замешанные в преступлениях?».

Ясно, что такая публицистика опасна для правящего режима. Это уже не «подручные партии». «ТВ должно стать средством контроля народа за деятельностью властей», – слышали мы в Праге.

Эта идея была подавлена. В Праге – танками, на Шаболовке – жесткой редактурой. Подавление началось осенью 1968 г. и

завершилось с приходом С. Лапина. Но еще долго по всей стране на местных студиях в эфир выходили аналоги «Эстафеты новостей», «Голубого огонька» и «КВН».

В том году к праздничному ноябрьскому «Голубому огоньку» начали готовиться задолго, еще в начале лета был утвержден сценарий (авторами его были те же Аксельрод и Яковлев). Весь «Огонек» был задуман ими как состязание репортеров – таким был сценарный ход. Но вдруг осенью начальство велело все переделать, резко сократив присутствие журналистов в кадре. А по поводу «Пресс-центра» тогдашний гендиректор ТВ П. Шабанов спросил меня: «У вас что там, одни журналисты собираются?». И добавил: «Порочная, неправильная идея». Передача была закрыта. До прихода Лапина оставался еще год.

Итак, начало расцвета публицистики на телевидении – 31 октября 1961 года, начало заката – 21 августа 1968 года.

7 января 1969 г. было принято совсекретное постановление секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». В переводе на простой язык это означало: чуть что – снимем с работы. Страх охватил начальство. Из передач стали вырезать любую мало-мальски живую мысль. Крамольным оказалось даже упоминание имени Марины Цветаевой в выступлении писателя Леонида Жуховицкого в одной из телепередач – ее имя просто заглушили, стерли. А поскольку видеомонтажа в те времена не было, наверное, всем зрителям одновременно показалось, что у них забарахлили телевизоры.

Все годы, которые мы называем «застойными», страх присутствовал в останкинских коридорах и студиях почти осязаемо. Он был, так сказать, одним из компонентов творчества. Режиссеры и журналисты осваивали «эзопов язык» и учились обходить острые углы, в чем грешен и автор этих строк, принимавший участие, например, в создании 60-серийной видеоэпопеи «Наша биография».

А потому необычайно ярким и неожиданным оказался прорыв к свободному слову – к прямому эфиру в 1986 году, когда Горбачев провозгласил наступление эры «перестройки и гласности». Поскольку в данный период у штатных телеработников страх сидел уже где-то на генетическом уровне (Лапин только-только ушел на пенсию), была сделана ставка на новую генерацию телеведущих, которые определяли бы на ТВ облик «социализма с человеческим лицом». На первом канале ими стали журналисты, пришедшие с Иновещания – там давно и упорно гнали на Запад «человеческий» вариант. Это Владимир Познер, Владислав Листьев и другие. Во «Взгляде» развивал смелые идеи Марк Захаров, однажды прилюдно, в прямом эфире, спаливший над тарелкой свой партийный билет. Приняли наконец-то на ТВ Владимира Молчанова – раньше не брали, потому что там уже работала его сестра, а семейственность при Лапине запрещалась категорически. Тогда-то и появилась интеллигентная, с командой молодых репортеров, программа «До и после полуночи». Все эти имена и передачи до сих пор на слуху, но

вспомните, как ярко светили эти телезвезды на фоне тогдашнего эфира!

Впрочем, об этом писалось неоднократно, нет смысла повторяться. Гораздо меньше помнят и знают о том, что происходило на «третьей кнопке». Тем более что за полтора десятка лет московский канал претерпел столько «модернизаций», пережил столько начальников! И каждый вновь приходивший считал своим долгом облить помоями предшественников!

«Самый коррумпированный канал, самые безынициативные люди, мы это все поломаем, наполним духом творчества», – говорил Анатолий Лысенко. Я ему как-то напомнил, что была и светлая полоса на «третьей кнопке» – «Добрый вечер, Москва!».

– Ах, да! Конечно! Извини, старик, но я пришел в такое...

На такое вот «нетворческое» место пришел в 1986 году Михаил Огородников. Московский горком КПСС требовал от городского канала соответствовать смелым новшествам в управлении столицей и тому стилю, который принес первый секретарь МГК КПСС Борис Ельцин. Он тогда как раз начал совершать поездки в троллейбусах и неожиданные набеги на магазины (что у них там на прилавке и под прилавком?). И вот тогда-то сменивший Лапина бывший партработник и дипломат Александр Аксенов рекомендовал, а горком утвердил на посту главного редактора передач для Москвы Огородникова М.А. – проверенного партийца, пять лет несшего трудную вахту вдали от Родины, в самом логове империализма – в городе Нью-Йорке, в Организации объединенных наций. Правда, Миша успел к тому времени еще и поработать в передаче «Служу Советскому Союзу», где они вместе с режиссером Дмитрием Зенюком, очень полюбив дальние командировки, облетели чуть ли не все границы вплоть до Сахалина и Камчатки. На экране в этих передачах все по уставу – не придерешься!

Но не зря пел Галич про «растленное влияние Запада». Привык Огородников за пять американских лет просыпаться к программе «Доброе утро, Америка!». Так вот, чуть ли не на первом собрании он заявил притихшему коллективу: «Будем делать «Добрый вечер, Москва!»– И после паузы добавил диковинное слово: Видеоканал!».

Что такое видеоканал? Раньше каждая комната на 13 этаже – верхнем этаже останкинского террариума – жила самостоятельной жизнью. Каждый отдел в отведенный ему 15–30–45-минутный отрезок эфира, в определенный день и час, выпускал свою, никак не связанную с другими передачу. В одной команде «лудили» (был такой термин в ходу) про социалистическое соревнование и передовые методы труда, в другой комнате – про успехи здравоохранения, в третьей – про заботы исполкомов о благоустройстве своих районов. Видеоканал – это когда все идет вместе единым потоком, с одним ведущим. Дается материал на злобу дня, показываются текущие события, чередуясь по степени важности. И – никаких 15–30–45! Максимум пять минут на видеосюжет! Совершенно иной ритм программы. Между сюжетами – концертные номера и гости в студии. Они беседуют с ведущим тоже минут пять – и до свидания! Если гость особо интересный, его приглашают как бы соведущим какой-то части

канала. Обязательны прямые включения с мест – с городских улиц, из театров, из аэропортов, со стройплощадок или из цехов.

– Наша позиция, – говорил Огородников, – быть на стороне интересов простого москвича, который не так уж прост. Он и хитроват, и включен в мировой ход событий, но вместе с тем заинтересован делами своего двора, района, всего города. Он и требователен, и великодушен. Такими должны быть и мы на экране.

Конечно, проблему ведущих Огородников решил так же, как это сделали на первом канале: пригласил людей со стороны. (Справедливости ради отметим: первый выпуск «ДВМ» вышел в эфир в ноябре 1986 г., молчановская «До и после» в марте 1987 г., «Взгляд»– еще на полгода позже.)

Вести канал пригласили Игоря Арбузова – радиожурналиста, бывшего десантника, немало поколесившего по стране; писателей Георгия Долгова и Вячеслава Шугаева, а также автора этих строк. Позже к нам присоединился доцент МГУ Борис Ноткин и некоторые дамы; из научно-популярных программ перешел сын одного академика.

Ведущим были даны немалые права: редактировать, а то и сокращать репортажи штатных корреспондентов, импровизировать в эфире, высказывать свое мнение, держаться на равных с приглашенными в эфир начальниками, артистами, академиками, модными публицистами и политиками-демократами. Разумеется, ведущие участвовали в планировании и верстке программы.

Какое же это было восхитительное время! Конечно, «четвертой властью» мы в то время не являлись, редакция была включена в систему первой и единственной – партийной власти города. Но с приходом Ельцина наши кураторы – это стало заметно по встречам в горкоме – сами толком не знали пределов объявленной гласности. Они разрешили критиковать даже «святая святых» – так называемую «наглядную агитацию», примитивные лозунги на улицах.

Вымести накопившийся в укромных уголках «образцового города» мусор и пропагандировать новые начинания – такова была задача программы «Добрый вечер, Москва!». Мы ее решали творчески...

«Как можно начинать программу с пожаров на новогодних елках, когда главное сейчас – госприемка!» – искренне возмущалась одна редакционная дама. Что такое госприемка – едва ли сейчас кто вспомнит, а елочные пожары продолжаются. Стало быть, что важнее? Дама, кстати, благополучно пережила все превратности судьбы и процветает на «третьей кнопке», давно забывшей принципы «ДВМ».

Андрей Скрябин сделал первый в Москве репортаж о забастовке на заводе, безоговорочно поддержав забастовщиков. Виктор Шинкарецкий проникал на овощебазы и в цеха мясокомбинатов, а затем в прямом эфире вываливал на стол ведущего свои трофеи и ехидно меня спрашивал:

– Скажите, какие огурцы я купил у бабуси возле метро, а какие в госмагазине?

– Неужели эти – государственные? Скрюченные какие! За державу обидно! – парировал я в присутствии овощного начальства города.

При Ельцине – секретаре горкома – мелкие и средние начальники трепетали за свою судьбу и безропотно являлись в студию по первом зову. Нас воспринимали, повторяю, как доверенных лиц партии. В стиле шестидесятников (коими и были ведущие) канал «ДВМ» полагал, что надо лишь исправить «отдельные недостатки», а вообще социализм – вещь хорошая.

Криминальную рубрику стала вести Тамара Каретникова, медицинскую – Елена Пральникова.

Бывал у нас в студии и зампред горисполкома Ю.М. Лужков. Когда я вижу, как подхалимски ведет сегодня с ним передачи «Лицом к городу» Павел Горелов, тоска берет. Ну зачем сажать мэра действительно лицом – но не к городу, а к камере? Должна быть позиция «глаза в глаза», тогда разговор пойдет по-другому. А сейчас мэр силится найти глазами нужную точку в объективе, ведущий же сбоку льстиво задает вопросы. На него мэр и не смотрит. Да ведь и смотреть-то не на что, тьфу, прости господи! Не журналистская это роль! Нас хоть и называли «подручными партии», но не унижали до такой степени в перестроечные годы. «Неужто все возвращается к временам страха? – думаю я, глядя на Горелова. – Неужели Лужков не понимает, насколько он был проще, человечнее, умнее в том нашем видеоканале, не знавшем излишнего почтения к высоким персонам?».

«ДВМ» был необыкновенно популярен в городе, потому что впервые за много лет на телеэкране шел разговор о реальной жизни москвичей, а репортеры и операторы показывали то, что раньше оставалось за кадром. На улице к ведущим и корреспондентам подходили люди, благодарили, предлагали новые темы...

В коллективе Гостелерадио наши шуточки по поводу государственных огурцов или просьба к Алле Пугачевой, отъезжающей на гастроли, поинтересоваться наличием в Италии запчастей для «Жигулей», воспринимались с ужасом. А когда кусочек «моего» канала с репликами в адрес Политбюро ЦК КПСС несколько раз прокрутили по CNN как свидетельство свободы слова в СССР, меня стали опасливо обходить в останкинских коридорах. Но из эфира не убрали – Огородников защищал нас перед властями.

– Только не копай под кремлевскую стену, – выговаривал он мне после очередных неприятностей.

Тогда были еще в столице Ждановский и Ворошиловский районы, и я на улицах затеял разговор об отношении людей к этим названиям. Я обращался к прохожим через «телемосты», которые стали повседневным инструментом нашей работы. Душой таких программ был Дмитрий Зенюк, назначенный главным режиссером «ДВМ», а заодно и выбранный секретарем парторганизации. Мы с ним были знакомы лет двадцать – чуть ли не с «Эстафеты новостей», где тоже был прямой эфир, а «телемосты» назывались перекличками. Как все быстро забывается на ТВ!

– Почему у нас больше нет телемостов? – спрашиваю недавно кого-то из уцелевших с тех времен на «третьей кнопке».

– А ты знаешь, сколько стоит выезд ПТС? – последовал ответ.

– Конечно, теперь эти деньги можно положить в свой карман, – заметил я и посмотрел, как мой собеседник сел в неплохой автомобиль. Между прочим, столько личных машин, как сейчас, тогда возле «Останкино» не было. Для дела вполне хватало разгонного «Москвича».

Убрали из горкома непредсказуемого Ельцина, а вскоре перевели на другую работу Огородникова. В его кабинете появился осторожный бесцветный субъект, с самого начала давший понять, что вольница кончилась. Кончался и январь 1990 года. По

Москве поползли слухи, что на ближайшем Пленуме ЦК, в феврале, снимут Генсека Горбачева. В партии это делалось просто – большинством голосов, еще не забылось смещение Хрущева подобным способом. Доцент ГИТИСа Игорь Чубайс, энтузиаст обновления компартии, пришел ко мне в эфир с идеей:

– Давайте позовем москвичей выйти на улицы на митинг в защиту демократии, то есть Горбачева.

– А митинг разрешен?

– Пока нет, но добьемся...

Терять мне было особо нечего, а тут такой прекрасный повод уйти, громко хлопнув дверью. Но как привязать митинг к сегодняшней передаче?

Выход подсказала моя редакторша, которая потом, разумеется, от всего открестилась:

– Сделайте это как ответ на вопросы телезрителей! Вот, смотрите, – и она протянула несколько записок, принятых стенографистками. Тогда в каждой передаче у нас был вот такой «интерактив».

Далее цитирую по расшифровке текста, прошедшего в эфир.

«Кузнецов: Вопрос товарища Сидорова из Строгина: «Проведена была встреча с депутатами. Они говорят, что в феврале готовится резня обществом “Память”. Так ли это? Вообще, принимаются ли какие-то меры, контролируется ли обстановка в городе? Стало страшно ходить по Москве». Та же тема в вопросе товарища Антоняна из Ясенева: “Ходят слухи, что в Москве будет резня, можно ли членораздельно ответить об этом, все ходят какие-то взволнованные”. Ну, видимо, тут волнения увеличились после того, как в программе «До и после полуночи» Молчанов вместе с депутатом Щекочихиным чуть ли не сроки погромов обозначили...

Чубайс: Вы знаете, этот вопрос волнует и моих соседей, моих друзей и знакомых. Если мы ничего делать не будем, такое может произойти. А чтобы этого не произошло, я призываю всех москвичей в воскресенье в 12 часов собраться перед выставочным залом на Крымском валу. Мы начнем большую демонстрацию демократических сил и заявим о наших интересах, о наших взглядах, о наших позициях...»

Митинг состоялся, да какой – невиданный! Народ шел во всю ширь Крымского моста, а затем Садового кольца. Ведь Чубайс повторил про время, место и цели его проведения еще два раза, а я уточнил, что мой гость не диссидент какой-то, а представитель Московского клуба КПСС и Демократической платформы в партии, которая насчитывает 60 тысяч коммунистов.

По мнению ряда обозревателей, митинг у стен Кремля оказал влияние на расстановку сил на февральском Пленуме ЦК. Мы вышли в эфир 30 января сразу после программы «Время» (а ее были обязаны транслировать по всем каналам, в том числе и на нашей «третьей кнопке»). Митинг прошел 4 февраля, за день до Пленума, но еще раньше мы с Чубайсом в том же эфире получили ярлыки экстремистов и провокаторов. По мнению горкома, мы призывали... к еврейским погромам! И мой бывший студент, делавший карьеру, озвучил этот бред в эфире, а представители милиции и прокуратуры заверили москвичей, что сведений о готовящихся погромах у них нет, Люди из КГБ тоже приглашались в эфир, но не пришли. Несколько раз повторялся зловещий титр: «Слухи, провокации, факты». Случись это лет на шесть раньше – сушить бы нам с Чубайсом сухари. А тут обошлось. Только 10 февраля в эфире «сменщик» Ельцина, первый секретарь горкома Юрий Прокофьев, отвечая на вопрос ветеранов, почему экстремистам разрешают выступать по телевизору, ответил, что Московская редакция дала отпор вылазке Кузнецова и Чубайса.

И все-таки эти годы, эта перестроечная эйфория, когда казалось, что вот-вот начинается настоящая жизнь, жизнь по правде, и ты принимаешь активное участие в становлении этой жизни – остались в памяти как подарок судьбы. Коллега с кафедры, посещавший все демократические (а после – коммунистические) митинги, рассказал, что на первомайской демонстрации 1990 года в числе прочих транспарантов несли по Красной площади и такой: «Прямой эфир прогрессивным журналистам Сагалаеву, Тихомирову, Кузнецову!». Возмущенный лозунгами Горбачев, если помните, с трибуны ушел.

А с Мишей Огородниковым мы и сейчас работаем рядом. Я на Моховой, он на Волхонке. Руководит службой информации в Храме Христа Спасителя.

ЧАСТЬ 2

От автора
Качество журналистской информации в теле- и радионовостях
Семь профессиональных граней журналиста ТВ
Пензенские страдания
Облака плывут в Абакан
Арзамасские впечатления
Давайте жить дружно
Муратов против Муратова
Не обещайте деве юной...
Забытые форматы
ИНПУТ приглашает профессионалов, или Телевизор в Салехарде, Кейптауне и Роттердаме
«Неудобный» патриотизм?
Про цензуру

Не цензура, а политконтроль – был, есть и будет во веки веков
Монтаж – страшная сила!
Брильянт в пол-яйца, или Комплекс полноценности
Видеомемуары: о прошлом ради будущего
Мосты над бездной
«Мангусты будут в пятницу», или Ди-джей из КГБ
Вместо заключения. Аркадий Райкин
О книге Г.В. Кузнецова *(В. Алексеев)*

ОТ АВТОРА

С момента выхода первого издания этой книги прошло более трех лет. Для нашего российского ТВ три года – большой срок (что лишний раз напоминает о его нестабильности). Поменялись владельцы коммерческих каналов и компаний, названия многих программ и рубрик, опять слышны требования «искать новые формы» и вместе с тем брать все лучшее из опыта прошлых лет – вернуть, к примеру, просветительские программы, «поднимать» зрителя, не идти на поводу у рейтингов, создать подлинно общественное ТВ, на подходе новый закон о СМИ и строительство жесткой «вертикали» государственного вещания. Взошли над горизонтом новые «телезвезды».

Тем не менее, автор и издательство решили ничего не менять в первой части книги. Необходимо, на наш взгляд, равняться на исследователей и критиков кинематографа, чьи статьи и книги о фильмах 30–60-х годов переиздаются снова и снова, составляя в совокупности историю экранного искусства. В первой части содержится немало такой информации, которую можно назвать базовой (для овладения профессией тележурналиста), что и позволяет говорить о теории нашего дела как о науке. Хороша была бы наука, требующая пересмотра основ каждые три года. Методы работы, специфика зрительского восприятия, взаимодействие журналиста с другими участниками творческого процесса и героями передач роль ТВ в предвыборных кампаниях – тут сформировались определенные закономерности, их не надо открывать заново. Что касается названий ушедших в прошлое телепередач, которые рассматривались в качестве примеров – это ведь часть истории ТВ. И если эту историю не желают хранить сами телеработники – им не до того в погоне за быстротекущим временем, – то долг исследователей экранной журналистики, по крайней мере, фиксировать и по мере возможности осмысливать происходящее в этой важной для демократического развития общества сфере.

Можно сказать, что продолжение книги, ее вторая часть, появилось, как ответ на требования читателей более подробно осветить ряд профессиональных проблем и путей их решения. Например, в главе о спецрепортаже довольно бегло упомянута американская шкала оценки видеосюжетов «Приведите шкалу полностью», – просят читатели. Извольте, она перед вами, в следующей главе, с существенным дополнением о других факторах,

влияющих на качество информации. Как видно, вопрос «что такое хорошо и что такое плохо» остается актуальным в профессию приходят все новые люди. В большом волжском селе Кинель-Черкассы работают и конкурируют целых три телекомпании, но нет ни одного профессионала «пожалуйста, подробнее о том, как делать хорошие передачи». Во время проведения мастер-классов, различных фестивалей и конкурсов остро почувствовалась необходимость уточнить положения о роли журналиста на экране – отсюда и глава о «семи гранях» нашей профессии.

И, разумеется, жизнь предъявила новые факты, требующие осмысления, – состоялись упомянутые фестивали с десятками телепрограмм, как удачных, так и не очень, конференции ИНПУТ в Кейптауне и Роттердаме с участием россиян. Вместе с тем обострился интерес к проблемам, которые не назовешь новыми это необходимость самоограничения журналистов (особенно после трагедии «Норд-Оста»), внутренняя и внешняя цензура, подлинный и мнимый патриотизм, отношение к нашей истории. Всем содержанием второй части книги автор пытался ответить на вновь и вновь возникающие вопросы.

И это вовсе не значит, что надо зачеркивать написанное раньше, забывать показанное на телеэкране. Во второй части, как и в первой, вы найдете ссылки на опыт прошлых лет, имеющий значение для настоящего и будущего ТВ, рассказ о забытых до поры до времени телевизионных форматах. Завершают книгу, и, надеюсь, станут свидетельством преемственности телевизионных поколений ничуть не устаревшие монологи о ТВ народного артиста СССР Аркадия Райкина, записанные мною когда-то и ждавшие своего часа.

в начало

КАЧЕСТВО ЖУРНАЛИСТСКОЙ ИНФОРМАЦ ИИ В ТЕЛЕ– И РАДИОНОВОСТЯХ

Журналистская информация – это осведомление людей (массовой рассредоточенной аудитории) о событиях в регионе, стране, мире. Регулярное получение социально значимой информации стало необходимым условием полноценного участия человека в жизни демократического общества. Информационные выпуски, состоящие из устных сообщений и репортажей (на радио их называют «кадры», на ТВ – «сюжеты») о последних событиях, т.е. фактах текущей жизни, составляют опорные точки ежедневной сетки вещания. Все остальные передачи располагаются в интервалах между выпусками новостей. Собственные, «фирменные», новости считаются «лицом» телерадиокомпании, свидетельством ее уровня. Сравнительно небольшие компании (особенно специализирующиеся на музыкальных программах) не имеют собственной службы новостей и довольствуются информацией, получаемой от агентств.

В мировой практике выработана система критериев, по которым оцениваются как отдельные информационные материалы, так и выпуски новостей в целом. Все началось, видимо, с

трехбалльной шкалы американской «желтой» прессы: необычное событие с обычным человеком оценивается в один балл; событие из жизни «звезды», пусть рядовое, – тоже. Выдающееся событие с необычным героем – два балла. Если ничего выдающегося в информации нет, то она вообще баллов не получает, а отправляется в корзину.

Позже появилось пять более серьезных критериев оценки, при наличии хотя бы одного из которых информация имеет право быть обнародованной:

1. Если информация имеет для зрителя (слушателя, читателя) прикладной, утилитарный смысл, и человек в зависимости от полученных сведений может корректировать свои дальнейшие действия. Сюда относятся новости «от моды до погоды», курсы валют и пр. На волнах специализированных радиостанций – сведения о дорожных «пробках» или о предстоящих концертах знаменитостей.

2. Если информация повышает престиж ее носителя («о чем я мог бы рассказать знакомым») или если с ее помощью удовлетворяется любознательность людей.

3. Хороша информация, вызывающая сопереживание зрителя (на одном полюсе находятся благородные поступки, подвиги; на другом – катастрофы, криминал).

4. Если информация вызывает соучастие в ситуации: «а как бы я ответил на этот вопрос»?

5. Если информация имеет эстетическую ценность.

При всей простоте эта шкала критериев может неплохо работать в условиях оперативной подготовки выпуска новостей. Скажем, репортера отправляют на задание, так как администрация мэра (губернатора, президента) желает видеть на экране очередное важное совещание. Тут-то репортер и продюсер должны задуматься: а как изменится жизнь нашего зрителя (слушателя) в результате принятия на этом совещании решений (пункт 1)? Может быть, удастся получить кулуарные сведения, о которых люди будут толковать завтра в транспорте и на работе (пункт 2)? Если дать две-три точки зрения на обсуждаемую проблему, то это вовлечет зрителя в процесс обсуждения и принятия решений (пункт 4).

А если ни одному из этих критериев материал не отвечает, то журналисты окажут руководству «медвежью услугу», показав очередное скучное мероприятие. Только путем прогнозирования реакции зрителя может быть осознана ценность (или бесполезность) любой информации. К сожалению, довольно часто вместо учета интересов зрителя информаторы думают лишь о том, как угодить начальству.

Упоминавшийся в первой части этой книги «Оценочный лист видеосюжета», привезенный репортером Петром Ровновым из Школы журналистики Колумбийского университета (США, штат Миссури), растиражированный на ксероксе и отправленный во многие местные телекомпании, может помочь членам творческих групп находить опорные точки возможного стилевого единства репортажа. Этот лист, однако, не охватывает всего многообразия решаемых на каждой съемке задач. Здесь ничего, например, не сказано о допустимости панорам и трансфокаторных отъездов-

наездов: всего лишь «правильное использование» их. А ведь правила в компаниях разные. Так что смотрите на лист как на одну из попыток формализовать (в учебных целях) некоторые параметры репортерского и операторского ремесла. Предлагаем русский перевод этого документа, сделанный П. Ровновым.

Оценочный лист видеосюжета

ВИДЕО	**Баллы**
Правильное использование фильтров при съемке	1
Отсутствие засветки	1
Отсутствие больших теневых пятен	1
Наличие (при необходимости) искусственного света	1
Наличие резкости кадра	1
Отсутствие в кадре микрофона	1
Наличие (при необходимости) штатива	2
Горизонтальный уровень камеры	1
Камера достаточно приближена к объекту (действию)	1
Творческий подход (камера показывает то, что не видит глаз)	2
Правильное оформление интервью	1
Хорошо выбран второй план для интервью	1
Хороший естественный звук	1
Эффектное использование макрофокуса	1
Эффектные крупные планы	1
Эффектный начальный кадр	1
Эффектный финальный кадр	1
Итого 19 баллов	
МОНТАЖ	**Баллы**
Красивое, привлекающее внимание начало	1
Хороший естественный звук в начале	1
Отсутствие очень коротких кадров	1
Чистый монтаж всех звуковых рядов	1
Хорошее звучание голоса на естественном фоне	1
Отсутствие «прыжков» при смене кадров	1
Правильное использование кадров с применением трансфокатора и с панорамами	1
Эффективное использование определенной последовательности кадров	3
Нет пересечения линии симметрии	1
Статичные кадры минимальной длины	1
Нет склеек средний план к среднему, крупный к крупному и т.д.	1
Соединение с помощью естественного звука	1
Чистый, единый уровень записи звука на протяжении всего сюжета	2
Творческий подход в использовании музыки и шумов	2
Итого 18 баллов	
ТЕКСТ	**Баллы**
Основная идея материала четко выражена	2
Хорошая подводка ведущего к сюжету	1
Персонифицированный подход (главный персонаж)	3
Доказательность утверждений и выводов	1
Даны ответы на все поднятые вопросы	1
Есть ответ на вопрос «А кому это все нужно?» (зачем вообще снимался сюжет)	3
Правильное использование голоса за кадром (в нужных местах)	1
Несколько интервью с выражением разных точек зрения	1
Правильная грамматика	1

Отсутствие орфографических ошибок	1
Отсутствие жаргона и штампов	1
Использование разговорного стиля	3
Особые литературные или ораторские приемы	1
Идеальное структурное оформление текста	3
Все части текста логически связаны между собой	2
	Итого 25 баллов
Если сюжет пройдет в эфир на «Восьмом канале»	5
Премиальные баллы за отсутствие какой-либо связи между темой сюжета и университетом штата Миссури	5
Предельная оценка за весь материал	**72 балла**

В качестве комментария к этому листу можно было бы написать целую книгу, например, как переизданный многократно американский учебник Майкла Рабигера «Режиссура документального кино». Конечно, фильм и сюжет требуют разного подхода, но начинать-то надо с малых форм, с самых простых вещей. Взять хотя бы горизонтальный уровень камеры. Однажды на Северном полюсе останкинская группа никак не могла помочь коллеге установить камеру горизонтально: океан с торосами в кадре норовил встать дыбом – летчики еще в воздухе хорошо угостили оператора. На некоторых каналах операторы, вероятно, никогда не бывают трезвыми, камера гуляет так, что у зрителя начинается морская болезнь. Впрочем, теперь это называется «творческий прием».

Отмечу лишь несколько наиболее любопытных, на мой взгляд, пунктов американского листа, непривычных для нашей сегодняшней практики.

Что значит «если сюжет пройдет в эфир?». На большинстве наших региональных каналов в эфир идет все, что снято. Машину гоняли, бензин жгли, пленку крутили, героям наобещали их прославить... А если забраковать сюжет, то чем заменишь – резерва-то нет. Вот и не стараются автор с оператором, их работа в любом случае «обречена на эфир». Если еще учесть, что «мы вгиков не кончали», что были фотографами в ателье или писали информации в райгазете – станет понятно, что много баллов по оценочному листу такая продукция не наберет.

А что значат многочисленные упоминания о чистоте монтажа звуковых рядов? У нас уже забыли, что когда-то признаком профессионализма считалось умение репортера наговорить на месте события весь закадровый текст, чтобы не было провалов после «стенд-апа», чтоб не чувствовалось, что репортер уже ушел с места и не та пошла акустика. На вольном воздухе голос звучит совсем не так, как в студии. Не получается сразу наговорить текст? Проявите тогда актерские способности, добейтесь в студии эффекта «натуры», подложите с опытным звукооператором записанные на месте шумы. Хотя где его, опытного, найдешь?

Про оценку «стенд-апов» П. Ровнов в своей дипломной работе написал отдельно (почему-то в оценочный лист это не вошло). «Учитывалось все: насколько сконцентрирована мысль в короткий миг появления нашего перед аудиторией; как точно построены предложения и достаточно ли доходчиво они донесены до зрителя;

как одет журналист и хорошо ли он загримирован (у нас было даже несколько занятий по макияжу с опытнейшими мастерами этого дела); умеет ли журналист в кадре владеть мимикой и жестом. Слова должны звучать без запинки, непринужденно и так, чтобы телезрители запомнили и самого журналиста, и станцию, на которой он работает. Это не мелочь – все на экране имеет смысл и значение».

«Отсутствие в кадре микрофона» я бы не стал отстаивать так категорично. Микрофон с маркой телекомпании нужен, уместен при оперативных «паркетных» съемках или на событии, когда нет времени прикрепить вашему герою незаметную «петличку». И лучше уж микрофон в кадре, чем попытка использования накамерного микрофона с наездом на недопустимо близкое расстояние, когда широкоугольник уродует лицо. В большом репортаже, в задушевном разговоре, конечно же, микрофон мешает, разрушает эстетику кадра. В 1970–1980 годы в получасовых передачах о нашей стране, шедших по Первому каналу, мы прятали громоздкие микрофоны куда угодно: в торшер, букет, чуть ли не в костер. Отсутствие микрофона было делом чести, приближало нашу продукцию к параметрам кинематографа, отдаляло от репортерской поспешности. Тридцать минут мы снимали две недели. Также делом чести был «лауреатский кадр» – найти такое, чтоб запомнилось. Видимо, это имели в виду авторы американского листа под «творческим подходом».

Ну и, наконец, что это за «персонифицированный подход (главный персонаж)»? Выделять одного? Но ведь мы природные коллективисты. У нас даже кандидаты в Думу приходили в Останкино целыми «стаями». За океаном подход иной (цитирую еще один учебник – В. Кэролл «Новости на ТВ»): *«Зрителям становится интересно смотреть репортаж о новом шоссе, когда автор обращает их внимание на женщину, которая лишится своего дома, стоящего на том месте, где пройдет дорога. Репортаж о закрытии завода станет волновать зрителей, когда автор сконцентрирует внимание на рабочем, который потеряет работу, или на владелице завода, которая теряет дело пяти поколений ее семьи... Репортажи о людях захватывают. Они не отпускают внимание зрителя».*

Как говорили у нас раньше: «Все для человека». Мы только говорили. Может, научимся и снимать человека достойным образом – ведь ради этого работаем.

В экранной журналистике единство взглядов оператора и репортера, единство их подходов к делу есть гарантия достижения приемлемого результата. Но если такого единства нет, а в дело вмешивается третий творческий человек – режиссер (полагающий себя главным), то готов классический коллектив в составе Лебедя, Рака и Щуки с известным и легко предсказуемым результатом. И потому американская шкала оценок полезна в учебных целях до тех пор, пока молодые репортеры и операторы не научатся автоматически следовать профессиональным правилам. Можно применить ее также при «разборе полетов» на редакционной летучке. В некоторых телерадиокомпаниях общие собрания-летучки отменены или не прижились как «пережиток социализма», а

напрасно. Требовательная взаимооценка представляет собой весьма эффективный стимул творческого роста журналистов и режиссеров информационных выпусков.

Применяя шкалу, принятую для оценки репортажных сюжетов в Колумбийской школе журналистики, следовало бы дополнить ее по крайней мере двумя параметрами, которые по значимости могут иногда перевешивать все творческие «находки», перечисленные выше. Речь идет о необходимой в информационном материале оперативности и достоверности. Ведь промедление с показом сюжета, связанного с важным, всем известным событием может обернуться провалом для репортера и телекомпании. Никакие художественные достоинства не будут приниматься в расчет, если репортаж опоздает к выпуску новостей.

В этой гонке телевизионщики порой приносят в жертву изящество показа, но ни в коем случае не достоверность. Известный принцип «доверяй, но проверяй» действует тут в полной мере. Руководитель радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов рассказывал, что ему не однажды предлагали эксклюзивную информацию, не подтверждавшуюся впоследствии. Если бы, погнавшись за сенсацией, ее выдали в эфир, то это сказалось бы на репутации станции. На телевидении, как правило, новость можно увидеть (за исключением информации в дикторском чтении) и тем внимательней относятся выпускающие к текстовым пояснениям. И все-таки фактические неточности довольно часто встречаются в репортерской скороговорке с места событий – стоит вспомнить репортажи о пожаре на Останкинской башне: о прогнозах ее падения или сноса.

Сомнения в достоверности возникают у зрителя и слушателя в тех случаях, когда репортер высказывает собственное мнение о происходящем, не являясь компетентным специалистом. Поскольку репортеры, как правило, люди молодые, многие западные компании отказывают им в праве на комментарий, придерживаясь принципа «отделения фактов от мнений». Собирая разные мнения, сам репортер должен быть максимально объективным, ведь именно это качество информации провозглашают солидные компании как основополагающий принцип своей деятельности.

В американской шкале учитывается лишь качество «кирпичиков» информпрограммы, а еще Дзига Вертов говорил, что из кирпичей можно сложить и печь, и Кремлевскую стену. Разумеется, он имел в виду «строительный материал» для фильмов и новостных выпусков типа «Киноправды?!». Взаимодействие сюжетов друг с другом не менее (если не более) важно, чем взаимосвязь кадров внутри сюжета. В оценочном листе ежегодного российского телеконкурса «Новости – время местное», проводимого АНО «Интерньюс», жюри, прежде всего, ставит оценки за верстку выпуска, т.е. за выбор информационных приоритетов, значимость информационных поводов. Учитываются также тематическое разнообразие (от политики до культуры) и драматургическая выстроенность выпуска. Важен также ритм информационной программы, он определяется количеством сюжетов и их средней продолжительностью, соотношением динамичных сюжетов и «говорящих голов» в студии.

Разумеется, выбор приоритетов и ритм региональной информационной программы в значительной степени отличаются от общенациональной федеральной. Мировая практика показывает: продолжительность сюжета местной программы достигает в среднем 3–4-х минут, а в общенациональном новостном выпуске оптимальным считается стосекундный материал.

В серьезных зарубежных телерадиокомпаниях внимательно следят за соотношением позитивных и негативных сообщений: выпуск ни в коем случае не должен подавать драму жизни как безысходную, в финале почти обязателен сюжет на «домашнюю» гуманную тему, пусть неоперативный, лежавший у выпускающего про запас, но непременно «мягкий». Политобозреватель Валентин Зорин рассказывал, что видел на столе у одного из выпускающих общенациональной телесети США строгую памятку, своего рода лимит на «чернуху» в эфире.

К сожалению, подобного лимита долгое время не было в московских телекомпаниях, которые словно соревновались, кто больше напугает зрителя набором сообщений о катастрофах и убийствах. Только в последние недели «старого» НТВ (по словам телеведущей Марианны Максимовской) преодолели эту «детскую болезнь демократии». Но по-прежнему не ставятся в эфир сюжеты о выпуске предприятиями России новой продукции, о пуске в эксплуатацию новых месторождений, о событиях в жизни фермеров. «Теоретическое обоснование» этой позиции такое: теперь все предприятия частные, мы не можем давать им бесплатную рекламу. Однако эту теорию не разделяют многие региональные компании, справедливо полагающие, что для зрителя важна и интересна информация, вызывающая социальный оптимизм. В регионах вещатель ближе к своему зрителю, и ответ на сакраментальный вопрос «кому все это нужно» более сбалансирован как по негативу, так и по позитиву. Тут опасна любая крайность, так как кое-где любую негативную информацию уже стали рассматривать как угрозу авторитету местных властей.

Показатель «отношение к власти» также стоит отдельной строкой в телеконкурсе «Новости – время местное». Поощряется аргументированный, взвешенный, спокойный подход. Позиция корреспондентов и ведущих не должна быть ни оценочная, ни морализаторская. В новостях не место разоблачительному пафосу или насмешке, соблюдение этических норм в отношениях с властью так же обязательно, как и во всех других случаях. Ведь грубая лесть в адрес начальства – тоже нарушение этики. Умный региональный руководитель должен требовать от подчиненных ему СМИ объективного показа жизни, и сообщения об отклоняющихся от нормы событиях важны для принятия верных управленческих решений.

В условиях конкуренции государственных и коммерческих телерадиокомпаний полностью скрыть какие-либо неудобные для руководства факты не удается. Такое сокрытие было характерно для тоталитарных режимов, рассматривавших информацию лишь как форму агитации.

Конкуренция благотворно влияет и на такое упоминавшееся уже качество информации, как оперативность. Исчезают из

выпусков слова «недавно» «на днях» и «вчера». В эфире звучат только «сегодня», а лучше «час назад» или даже «в эти минуты». Для последнего варианта необходим прямой эфир, и если радисты решают проблему с помощью телефона, то телевизионщикам необходимо всякий раз просчитывать соотношение крупных расходов и ожидаемых преимуществ. Чаще решение принимается в пользу сверхоперативной съемки и монтажа с помощью современных систем, позволяющих работать «с колес», например в движущемся автомобиле или в кресле самолета.

Наконец, еще один показатель качества информационного выпуска – географическое разнообразие. Бывает, что московская телерадиокомпания игнорирует некоторые области, а региональная – дальние районы, где, по заверениям журналистов, «ничего не происходит». В таких случаях хочется вспомнить слоган: «Событие стало новостью, потому что мы рассказали о нем». Некоторые компании США практикуют репортерские «десанты» в малые города, что само по себе становится событием. Известен и отечественный опыт выездных редакций, ныне незаслуженно забытый, содружество местных собкоров со столичными «звездами».

Итак, важность сообщений, их значимость для зрителя или слушателя, тематическое и жанровое разнообразие, ритм выпуска, достоверность, объективность, оперативность и география – вот основные критерии, по которым оценивается журналистская информация. Плюс профессионализм, творческий подход и нематериальная субстанция – флюиды спокойной доброжелательности, излучаемые ведущим, чье лицо всегда отражает и уровень культуры компании, и ее отношение к своей аудитории.

Наше ремесло больше похоже на фигурное катание, нежели на простой скоростной бег, где ясно – кто быстрее, тот и победил. Для нас оперативность тоже имеет важное значение, но часто возникает вопрос: «прибежал» быстро, но что принес?

в начало

СЕМЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРАНЕЙ ЖУРНАЛИСТА ТВ

Весной в День открытых дверей к нам, на факультет журналистики, пришли человек семьсот. И большинство желало быть телевизионными ведущими, причем немедленно. «Может ли факультет послать меня в Чечню?» – спросила юная дева лет 16-ти. «А зачем?»– «А вы считаете, что у меня не может быть своего мнения о Чечне?!»

Стало быть, дева юная хочет нам сообщить свое мнение. Другие тоже пишут в сочинениях: хочу объяснить людям, как надо жить. Телеведущий воспринимается как некий учитель человечества. Четвертая власть доступнее трех первых: там надо быть куда-то избранным, а здесь написал сочинение на четверку – и все, ты уже власть и сообщаешь миру свое мнение.

При московских школах развелась уйма телевизионных классов. Приносят кассеты: наморщив юный лобик, еще одна дева

берет интервью: «Как вы считаете, в чем состоит счастье человека?». По виду ясно, что сам-то интервьюер хорошо знает ответ. По каким, спрашиваю, книжкам вы учились нашим премудростям? «У нас был учитель с телевидения. Бывший оператор или режиссер».

Издательство «Добрая книга» выпустило книгу совершенно чудовищную: сочинение Т.З. Адамьянц «Как стать телезвездой». Спрос –обеспечен, всем охота стать звездой. Тем более что автор книги пишет про «ощущение значимости своего духовного опыта», про «уважение себя в творчестве». Или так: «Главное качество идеальной интенции – стремление к духовному учительству». Ни больше, ни меньше!

Интенция – главная направленность сознания, мышления на какую-либо цель. Если раньше, как писал Влас Дорошевич, в России не было слова «репортер», а только «репортеришка» («вон репортеришка бежит»), то теперь, значит, репортеров тоже нет. Есть духовные учителя.

Понимаю всю тщету моей попытки возразить авторам подобных концепций. Но все же говорю студентам: ребята, а знаете, почему Христос начал проповедовать после тридцати лет? Да потому, что молодым людям до тридцати считалось неприличным произносить публичные речи. Молодость – время накопления впечатлений и духовного опыта. Молодых публицистов не бывает. Молодыми должны быть репортеры, т.е. люди, сообщающие новость, наводящие камеру на что-то интересное. Пусть у вас будет заинтересованный, даже азартный рассказ и показ. Умейте выбрать главное, интересное и только в этом выразить отношение к происходящему.

Между прочим, в США репортер телевидения зарабатывает в 6–7 раз больше среднего американца. Почему? Об этом хорошо написал Артур Хейли в романе «Вечерние новости»: требуется высокий профессионализм.

Вот репортер наговаривает на пленку текст прямо на месте события. *«Фокус – как знал Гарри Партридж и другие профессионалы его класса – состоял в том, чтобы не описывать изображаемое на экране. Человек, сидящий у телевизора, сам увидит, что происходит, ему не нужны словесные описания. В то же время текст не должен быть абстрактным, чтобы не отвлекать внимание зрителя. Словом, это настоящая литературная эквилибристика, основанная в значительной степени на инстинкте. Факты должны быть неукоснительно изложены, глаголы выбраны сильные и действенные, текст должен звенеть. Манерой изложения и интонацией корреспондент способствует лучшему пониманию содержания. Он или она должны быть не только отличными репортерами, но и актерами».*

В мире давно сложились ***разные*** профессии экранного журналиста. От репортера требуются совсем не те качества, что присущи обозревателю. Есть невозмутимые модераторы и искрометные шоумены, въедливые интервьюеры, никогда не сообщающие о своих личных пристрастиях, известные всем зрителям, но не претендующие на «духовное учительство».

А мы все норовим вывести идеальный образ телеведущего, беря, по принципу гоголевской героини, улыбку Митковой в сочетании с умом Познера и грустью Молчанова. Я не утрирую, я прочел это в одной кандидатской диссертации. Даже в самых серьезных исследованиях уважаемые авторы (например, известный психолог В.Г. Зазыкин и его коллектив) выводят «усредненные» характеристики телеведущих без учета той функции, которую человек призван выполнять на экране. Здесь профессия телеведущего рассматривается вроде бы многогранно: в оценках зрителей, представляющих себе «идеальный образ» журналиста на экране, в требованиях руководства и экспертов по СМИ и, наконец, в самооценках ведущих. Тележурналисты, как сказано в резюме, «выступают за то, чтобы иметь право высказывать личную точку зрения. Это, по их мнению, главное качество настоящего профессионала – умение в любой ситуации высказать свою личную точку зрения».

Практика телеэкрана все же немного иная. Татьяна Миткова, перейдя с гостелевидения на НТВ, перестала высказывать свое мнение по поводу любого события – для этого был аналитик Евгений Киселев. Репортеры НТВ также сосредоточили силы не на самовыражении, а на доставке яркой эксклюзивной «картинки», хотя и умеют представиться в кадре на фоне события.

Репортера кормят ноги, аналитика – голова, а ведущие новостей выразительно читают тексты, отличаясь от старых дикторов тем, что понимают их смысл. Понимание – важный компонент. Между прочим, французские фотографы перед съемками модели дают ей прочесть книгу. Девушка, прочитавшая книгу, смотрится иначе, у нее появляется как бы «второй план». Вот за этот второй план ведущие новостей в США получают на порядок больше репортеров, хотя они «только» читают текст и принимают участие в его подготовке, в компоновке выпуска. А Светлана Сорокина все силы души тратила на изобретение заключительной телефразы-«прощалки». Так и казалось, что ей хочется всех нас, зрителей, осенить крестным знамением и благословить. Ее талант оказался более к месту в программах «Герой дня» и «Глас народа», там она интервьюер и модератор.

Теленовости у нас всегда были проповедью, ритуалом, начиная с программы «Время». Оттуда и корни мессианства наших телеведущих и репортеров средней руки. Всякий журналист, выступающий в кадре, назывался комментатором. Впрочем, по штатному расписанию он мог быть и редактором. Никаких модераторов, репортеров, шоуменов мы не знали. Комментатор берет интервью... Тогда это не казалось бредом, помесью кислого с пресным. Вот в эфире «Эстафета новостей» олимпийский чемпион говорит: «От имени спортсменов я хотел бы пожелать...» – «От имени советских спортсменов», – наставительно поправляет сидящий рядом ведущий.

Сильна старая привычка! Разве не то же самое делают сегодня в эфире наши «демократические» ведущие? Только вместо мнения партии они часто несут свое собственное, основанное лишь на амбициях и комплексах. Пропагандисты собственного мнения – вот кто такие наши «телезвезды».

В газетном интервью Ирина Мишина сетовала, что ее стали «искусственно старить» при помощи грима и одежды, потому что зрители слали возмущенные письма: как такая молодая девочка учит их жить? Никому не пришло в голову, что дело не в возрасте, а в функции: не должен ведущий новостей учить людей чему-либо. Мишина хотела реализовать свои социально-педагогические таланты в другой передаче. Если это будет не новостная, а аналитическая, публицистическая передача – Бог в помощь! Вслед за Сорокиной...

Давно хотелось бы видеть в нашем эфире аналог знаменитой американки Барбары Уолтерс. Когда она ведет новости, ее лучистые глаза проникают в душу, когда берет интервью – это «наждачная личность», как говорят о ней газетчики. Она выступала и модератором на президентских дебатах. Но никогда не выходила за рамки роли. Ее жизненная позиция выражается не в том, что она кого-то учит жить. Подбор фактов, острейшие вопросы собеседникам, работа с политиками «на расстоянии вытянутой руки» – вот подлинный профессионализм.

У нас часто вспоминают, как ведущий новостей Си-би-эс Уолтер Кронкайт выступил против войны во Вьетнаме, и американский президент Джонсон сказал тогда: «Раз я потерял Кронкайта, можно считать, что я потерял и каждого среднего американца». Ведущий новостей – высший авторитет для нации! Наши «звезды», приводя этот пример в доказательство своего «права на личное мнение», упускают только одну «деталь»: Кронкайт, съездив во Вьетнам, поделился своим мнением вовсе не в выпуске новостей. Там он был, как всегда, беспристрастным «привратником», открывал дорогу фактам. Для того чтобы сообщить свое мнение, он попросил руководство компании выделить ему специальное время. И выступил не в новостях, а в ***другой*** передаче. Не в роли ведущего новостей, а в роли политического обозревателя.

Никак не прививается у нас главный принцип западной журналистики – отделение фактов от мнений. «Вы привыкли кушать первое и второе сразу, из одной тарелки», – пишут по этому поводу западные коллеги. Может, так и нужно для нашей ментальности, для нашей загадочной русской души. Но все же мне кажется небесполезным точно обозначить семь главных профессий или ролей, семь функций, которые никогда не смешиваются на английском, американском, итальянском, французском, немецком телевидении.

Репортерская работа – это проникновение ТВ в реальную жизнь. Без репортерства тележурналистика свелась бы к показу «говорящих голов» в студии. Если оставить «телезвезду», ведущую новости, без репортажей, такие новости едва ли кто-нибудь станет смотреть. Каждый репортаж – камешек в мозаичной картине мира. А ТВ изобрели именно для того, чтобы видеть самое важное и интересное, что происходит на планете каждый день. Канадский философ Маршалл Маклюэн бросил когда-то меткое словцо:

благодаря развитию ТВ мир становится «глобальной деревней». Событие, происшедшее на одном краю «деревни», тут же становится известно всем ее обитателям и активно обсуждается. Угроза разрушительных конфликтов и экологические беды привели к ощущению земного шара как единого и не слишком большого поля существования человека.

«Репортер, раскопавший факты, и редактор, у которого достало мужества опубликовать их, – вот кто герои журналистики, а вовсе не комнатные аналитики, обозреватели и комментаторы. История прессы знает факты, когда обычные информационные сообщения изменяли ход событий круче, чем передовицы, комментарии, «точки зрения» и анализы, вместе взятые». Когда читаешь этот пассаж из американского учебника журналистики, вспоминается телерепортаж С. Медведева 19 августа 1991 года. Вся программа «Время» была полна откликами о «единодушном одобрении трудящимися», и только этот репортаж показал сопротивление москвичей созданию ГКЧП.

Репортер стремится оказаться со съемочной техникой и группой там (и тогда), где (и когда) происходит нечто общеинтересное; знает, как вместе с оператором выбрать, отснять и затем выстроить ряд кадров, которые дадут яркое представление о происходящем; наконец, умеет сопроводить эти кадры текстом, где вскрывается подоплека зафиксированного события.

Выезжая на съемку, репортер уже представляет в общих чертах будущий экранный материал, поскольку съемка и монтаж подчинены определенным закономерностям, оставляющим, впрочем, достаточный простор для изобретательности. Если планируется 20-секундный сюжет, то приходится ограничиться самым общим представлением о событии. В наиболее распространенном 60–75-секундном уже надо заботиться о композиции и элементах драматургии. (Продюсер вечерних новостей Эн-би-си Р. Франк: «Каждый информационный сюжет должен иметь четкую структуру и конфликт, проблему и ее разрешение, развитие и свертывание действия, то есть начало, середину и конец». Правила Аристотеля, архаичные для театрального авангарда, незаменимы в телерепортаже.)

Авторы зарубежных учебников единодушно советуют репортерам проводить на объекте предварительную разведку, знакомиться заранее с участниками предполагаемого события (речь не о «пожарных» съемках), продумывать план съемок, все «повороты» и «изюминки». Корреспонденты нашего регионального ТВ столь же единодушно считают это «выдумкой теоретиков», договариваются по телефону и являются на объект в первый и последний раз прямо со съемочной группой. Им ничего не известно сверх того, что попало в кадр. В итоге –поток поверхностных, маловыразительных сюжетов.

Чеченская война выдвинула целую плеяду репортеров-фронтовиков. Так называемый «стенд-ап» – несколько фраз репортера в кадре на фоне события – свидетельствует: наш полпред действительно там, это не архивные кадры, вот он показывает нам, как вертолеты обстреливают реактивными снарядами бывшую базу стратегических ракет в Бамуте, а вот за его плечом полыхает

нефтескважина, и мы вместе с ним ощущаем, кажется, ее нестерпимый жар.

Для любой системы – от технического устройства до биологического организма и социума – в первую очередь важна информация об отклонениях от нормы. Если случились неполадки в машине, то на приборном щитке у шофера, летчика или диспетчера загорается красная лампочка. Живой организм сигнализирует болью. Вот такие «болевые сигналы» общество получает от репортеров в теленовостях.

Есть репортеры криминальной хроники и репортеры, сообщающие о новостях в науке. Есть «паркетные», кремлевско-думские, но гораздо больше собкоров-репортеров на местах, в глубинке, их глазами мы видим Россию. Что касается остального мира – его давно поделили между собой репортеры-международники.

В прежние времена репортеру вменялось в обязанность показывать передовиков и начальников. Теперь интервью в репортаже все чаще отвечает мировым стандартам: две-три «ключевые» фразы и довольно. Ведь сам репортер в отличие от чиновника может рассказать о происходящем коротко и ярко. Он знает: не надо говорить о том, что и так видно на экране. Надо объяснять картинку, давать дополнительную информацию, передавая зрителям свое волнение и интерес (но не мнение).

Впрочем, в этом вопросе категоричность неуместна. Если одна телекомпания решительно запрещает репортерам становиться «чуточку комментаторами», то другая, например американская Эн-би-си, – оставляет за ними право «рассматривать событие в перспективе, интерпретировать и анализировать». Интерпретация новостей соответствует политической линии компании, то есть истеблишмента, а отсюда правило: не раскачивать лодку, не оставлять чувства безысходности, как бы ни было трагично событие, – жизнь продолжается. Чтобы говорить что хочешь – надо купить свою телестанцию...

Репортерское «летучее» интервью сильно отличается от большого, студийного, подготовленного и выстроенного. «Хорошие интервьюеры исключительно редки», – единодушно заявляют авторы учебников. Упоминавшаяся Барбара Уолтерс получает несколько миллионов долларов в год, делая 20-минутные интервью со знаменитостями, большинство из которых менее знамениты, чем она сама.

«Классик» американского интервью Майкл Уоллес (мы видели его в программе «60 минут») убежден: настоящее проблемное интервью должно продолжаться не менее получаса. Мода на проблемные диалоги несколько угасла и у нас, и за океаном – теперь расцветает «личностное» или «портретное» интервью, зародившееся в давние шестидесятые в программах типа «Один час с ...». На месте многоточия фамилия кинозвезды, политика, спортсмена или иного человека, подробности личной жизни которого и суждения обо всем на свете интересны телезрителям.

К нам интервью подобного рода пришли через Эстонию. Диктор Урмас Отт прилежно скопировал схему разговора, не особенно вникая в суть. Поначалу московские артистки, очарованные акцентом и манерами как бы иностранца, охотно раскрывали душу перед ним и зрителями. Но с серьезными собеседниками – Евгением Евстигнеевым, Егором Лигачевым, Михаилом Горбачевым – самовлюбленный Отт не справился. Диктор есть диктор. Другая профессия.

В отличие от западных интервьюеров Отт не имел команды аналитиков, которая бы составляла план интервью, стратегию, как в шахматах: «если он ответит так, то мы скажем вот что...». Не было у него досье с высказываниями собеседника, не было настоящих знаний о человеке, с которым Отт встречался. Великого русского актера Евстигнеева он нахально спросил: «А вы согласны с тем, что актеры очень во многом обязаны журналистам своей популярностью?». И это в самом начале разговора! Прокурорская манера Караулова ничуть не лучше, но он знает кое-что о собеседниках, он не «человек со стороны», ему интересны люди – хотя на западные стандарты «не тянет» и эта наша телезвезда. Его признания в любви (например, к Алиеву) или высокомерие («Вы меня боитесь» – к Хренникову) – наши, российские. И в «Один на один» Любимов тоже не скрывал симпатий и антипатий. Если Немцов против Жириновского, то он с Немцовым. Если пара комплектуется иначе и Жириновский дебатирует с Анпиловым, то он на стороне Жириновского. Получалось не «один на один», а два на одного.

– Подумаешь, какая разница! – возражают наши «звезды». – Это все теоретики выдумывают. Вот сели мы в эфире и сидим, общаемся, как Бог на душу положит, по-человечески.

У меня есть видеозаписи дебатов с участием Барбары Уолтерс. В одном случае она интервьюер, одна из четырех так называемых «панелистов», в течение полутора часов задающих вопросы кандидатам в президенты США. Четыре года спустя она – модератор. То есть следит за порядком в студии, за временем. Если один кандидат критикует другого – дает этому другому возможность немедленного ответа, каждый раз одной короткой фразой типа «Ваши возражения?». И никаких «я думаю», «мне кажется». Тесно это для русской души? Может быть. Зато дебаты идут в темпе, все модератора слушаются: и два претендента, и четыре интервьюера. Никто стаканами друг в друга не кидается, хором не говорят, друг друга не перебивают. Да, не по-нашему это.

Не забыть наивного Сережу Ломакина, который в 1991 году покровительственно сказал опальному Ельцину в конце разговора: «Мне было интересно с Вами, Борис Николаевич». Изо всех сил хочется нашему брату заявить: я тоже личность! Главный дефицит в нашей стране– дефицит уважения. Все эти самовыявления «звезд» из того же ряда, что и бессмертная фраза: «Ты меня уважаешь?».

Модератор может и сам задать вопрос, и сослаться на мнение зрителей, и вообще обходиться без интервьюеров «со стороны». Однако в любом случае своих политических пристрастий он не афиширует. «Ведущий дискуссии не является ее участником» – правило «у них» железное.

Не все телекомпании мира позволяют себе дорогое удовольствие содержать собственных комментаторов. Многие предпочитают приглашать видных публицистов газет, политологов и других экспертов, обладающих к тому же способностью «публично мыслить», укладываясь в заданное время.

Комментатор не сообщает новости. Пояснительные, исторические аналогии, прогнозы, то есть «гарнир» к новостям – вот его продукция. Здесь уже появляется право на личное мнение. Комментатор – в мировой практике – человек с жизненным опытом. Были и у нас когда-то на экране и Александр Каверзнев, и Александр Бовин, которым верили лично, глядя в глаза и проверяя на совестливость. Понятно, что у комментатора есть своя специализация. Хотя француз Леон Зитрон с одинаковым успехом комментировал скачки на ипподроме и выборы в парламент.

Считается, что комментаторы должны помочь зрителю сформировать собственное мнение. Задача редакции предоставить слово комментаторам, придерживающимся различных точек зрения. За малым исключением, нигде в мире не дают слова комментатору, призывающему изменить существующий строй. Пособия рекомендуют комментатору некоторое «отстранение» от материала, дистанцию, невовлеченность в конфликт – за исключением общедемократических ценностей, связи политики с моралью. Комментарий должен апеллировать к рассудку и благоразумию, а не к эмоциям.

Обозреватель, скорее энциклопедист, чем пропагандист и агитатор. И здесь его отличие от откровенно ангажированного комментатора, отстаивающего свои партийные или групповые позиции. Если политика нравственна и направлена на обеспечение согласия и благополучия в обществе, комментатор, не вступая в конфликт с совестью, включается в популяризацию такой политики. Обозреватель же остается выше политических пристрастий. Не случайно, поэтому комментатор обычно уходит с экрана вместе с политической «командой», а обозреватель остается.

Обозреватель – не обязательно журналист. Это автор и ведущий «персональной программы» журнального типа, куда входят и видеосюжеты, и встречи с гостями студии. Это Юрий Сенкевич и Эльдар Рязанов, это Святослав Бэлза и Анна Дмитриева. Умение просто и интересно рассказывать о сложном – их первейшее качество. И знание дела, конечно. От комментаторов они отличаются еще искусством плести кружево сценария сложной передачи (впрочем, для этого существуют и помощники, сам обозреватель – важная персона). Обозревательское интервью в отличие от репортерского характерно тем, что здесь собеседники как бы «на равных». Но меру знать надо: очень некрасиво, когда ведущий комментирует всякое высказывание гостя студии, занимая порой времени побольше, чем интервьюируемый. Интервью и комментарий – жанры принципиально разные. И если их проводит один и тот же человек, он должен быть похож на известное радиолюбителям устройство, переключающееся то на «прием», то

на «передачу». Глядя на собеседника – слушает, он весь внимание, он поощряет партнера взглядом и наклоном тела. Повернулся на камеру – и вот уже испускает некие флюиды зрителям... Об этом «лучеиспускании», как и о «впитывании» при работе с партнером, хорошо сказано в книге К.С. Станиславского «Работа актера над собой». Обозревателю, комментатору, как и репортеру, без некоторых элементов актерского мастерства не обойтись.

В экранных профессиях немало общего. Потому и происходит «миграция» – иногда удачная, как у Влада Листьева, – из интервьюеров в шоумены и обратно. А иногда не очень удачная. Скажем, репортер, великолепно выглядевший на улицах, производит удручающее впечатление в студии. Бывало и наоборот: маститый политобозреватель не мог двух слов связать, оказавшись вне студии. На заводе в Тольятти посадку такого обозревателя в автомобиль снимали, помнится, больше часа. Казалось бы, чего проще: проговорил фразу у открытой дверцы – сел в машину, захлопнул – поехали. Так ведь нет, то слова забывались, то ноги путались.

Очевидно, амплуа журналиста определяется, как у актера, его психофизиологическими данными. Как у актера, имеет значение тренировка и развитие того, что дано природой.

Многому учит опыт прекрасного шоумена Владимира Познера. Он тоже плетет свое кружево, но из другого материала. Не видеосюжеты и интервью, а сотни реплик, характеров, предрассудков, мнений и сомнений объединяет шоумен, четко стремясь к намеченной сценарием цели.

В конце 80-х годов я не раз наблюдал, сидя в укромном уголке студии, работу Познера и Донахью, а также других ведущих телемостов. Телемост – самая сложная разновидность ток-шоу (или, говоря по-русски, разговорных представлений). И мастерство этой славной пары я смог оценить вполне лишь тогда, когда вести мост взялся другой человек, прежде известный отличными репортажами из-за границы. Каждый репортаж был написан и разыгран, как по нотам. А во время ток-шоу пришлось импровизировать. Вот из-за границы показывают новости про нашу страну, тогда еще СССР. «Москва назначила в Алма-Ату нового первого секретаря ЦК Компартии Казахстана...». И пошли следующие новости, и уже переключились заморские камеры на показ какой-то семьи. Как вдруг ведущий закричал: «Остановите показ! Я должен сделать разъяснение». На полслове остановились, с того конца моста спрашивают, в чем дело. «Не Москва назначила казахского секретаря, там, в Алма-Ате есть свой пленум, там решили это дело». – «Но все равно без Москвы не обошлось, это лишь формальности», –оборвали нашего ведущего и продолжили показ семьи. Мне было стыдно за коллегу, который считался вольнодумцем, интеллигентом. Еще один ведущий телемоста тоже брал на себя роль лидера всей советской стороны моста и даже по картинке возвышался над всеми, учил, поправлял... Познер же, как и Донахью, с мягкой улыбкой мгновенно перемещался по студии, да так, чтобы не заслонить от камеры человека, поднявшего руку, оказаться где-то сбоку, и возникало впечатление: ведущий передачи один из нас, он тоже не всезнающий, он ищет ответы, он

действительно интересуется смыслом дискуссии, а не просто красуется в кадре и отрабатывает свой хлеб.

К чести Владимира Владимировича, он в одной из шоу-программ, где дискутировали о средствах массовой информации, посоветовал зрителям: вы поменьше нас слушайте. Наш авторитет во многом искусственный, обусловленный тем, что часто появляемся на экране. А, в общем, мы самые обыкновенные люди.

Семь амплуа телевизионного журналиста: репортер, интервьюер, комментатор, обозреватель, модератор, шоумен и, наконец, ведущий новостей. По-западному «анкермен», или человек-якорь. Слово «анкер» вошло в русский язык: например, в строительстве это деталь крепления, надежная, на ней держится вся конструкция. В часах анкер определяет точность хода. В выпуске новостей мы вместе с новостями получаем некую психологическую подпитку или ощущаем ее отсутствие. Ведущий новостей – это такое лицо, на которое хочется посмотреть еще раз. Человеческое лицо, говорят, самая интересная поверхность на свете. Но не ко всем лицам это изречение относится. Ведущий новостей не красавец, он «один из нас», но, так сказать, в улучшенном издании. Он держится свободно, но не развязен. Уверен в себе, но не самоуверен. Голос и взгляд – инструменты, на которых он мастерски играет. Вот прошел сюжет о детишках, и Питер Дженнингс (Эй-би-си) чуточку задержал теплый взгляд на мониторе, в его глазах еще отражается только что увиденное, и вот он уже обращается к нам, уверенный в том, что мы с ним вместе. Теленовости выполняют помимо информационной функции еще одну – интегративную. Ведущий объединяет, консолидирует аудиторию, будь она общенациональной или областной, глобальной или микрорайонной. Если ведущий новостей кабельного ТВ отличается от общемосковского, то, наверно, его коллега из Ростова отличается от псковича или вологжанина. Какое сообщество, таков и ведущий новостей. «Человек-якорь» не отталкивает никого, он всех притягивает.

Все понимают, что не ведущий добывал новости. Но он так выстраивает и подает их, что драма ежедневной жизни не кажется безысходной. Некоторые телекомпании США пытались сделать ставку на молодых ведущих, но потом пришлось вернуться к людям среднего возраста – тут зрители видят более надежный «якорь». У нас пожилые ведущие ассоциируются с политикой прошлого, и то, что они уступили место молодым, – правильно. Только хотелось бы, чтобы молодые журналисты были интересны выполнением точной профессиональной задачи, хорошенько понимали, для чего они появляются на экране. Кто-то из остроумных французов сравнил телеведущего с манекенщицей, которая выходит на помост показать платье, а не себя. И все же она себя показывает! Ведущий работает ради новостей, интервьюер выводит на люди своего собеседника, шоумен организует массовое действо, и каждый из них интересен именно выполнением **точной профессиональной задачи.**

в начало

ПЕНЗЕНСКИЕ СТРАДАНИЯ

Во время заключительной церемонии телеконкурса «Новости – время местное» в «Президент-отеле» подошли ко мне три очень серьезных человека, две дамы и джентльмен. «Мы из Пензы и хотели бы узнать, почему наша программа не попала в число лучших. Если бы знали, то не ехали бы сюда, а так позор один. Объясните, на каком основании отборочная комиссия нас забраковала».

Объясняю. Все очень просто. Нам дана анкета, в которой надо проставить оценки по разным параметрам информ-программы. Например:

– верстка выпуска новостей (выбор информационных приоритетов, соотношение официальных и «мягких», «человеческих» новостей, тематическое разнообразие – от политики до культуры);

– наличие разных точек зрения;

– соблюдение этических норм;

– взаимодействие слова и изображения (текст не повторяет картинку, в видеоматериале есть образные детали);

– позиция (нейтральная, оценочная, морализаторская);

– отношение к власти (конструктивная оппозиция или необоснованная насмешка, или излишняя лесть).

И еще несколько пунктов. Каждый член отборочной комиссии ставит оценку в соответствующей графе, это все суммируется... Пенза? Сейчас посмотрю. Вы у меня набрали 30 баллов. А Казань, например, 40.

– Но почему, почему?! Мы так старались, сделали новое оформление студии...

Я пообещал просмотреть еще раз пензенскую кассету и завтра рассказать, что, почему и как. Назавтра слег с простудой. Но обещание надо выполнять! Две страницы текста с краткой рецензией были посланы пензенцам в «Президент-отель».

Я придаю очень большое, может быть, непонятное коллегам значение всем нынешним конкурсам, телефорумам, фестивалям. Съездил даже в Сергиев Посад на московский областной фестиваль «Братина». Уровень работ там, к сожалению, оставляет желать лучшего в силу «новобранства», молодости участников. Но это дело поправимое. Для меня участие в таких делах – возвращение долга. Когда-то я стал средней руки журналистом именно благодаря семинарам, где видел людей лучше себя и равнялся на них.

Отправил я две странички пензенцам. Говорят, они над ними плакали. Не мог я их утешить. И вот хочу вдогонку сказать: ребята, вы мне нравитесь своим серьезным отношением к делу. Своими амбициями. Без них в нашем деле никак нельзя. Но крайностей все-таки не надо. Помните олимпийский принцип: главное не победа, а участие? Вас выбрали как победителей одного из шести региональных конкурсов. Вместе с вами в «Президент-отеле» были еще 26 телекомпаний. Общаться, дружить – не это ли главный приз?

Ну а почему вы не вошли в число номинантов... Попробую на основе своих двух страничек написать нечто, имеющее смысл для всех начинающих новостийщиков, слишком довольных собой и

своей продукцией. Сотни людей пришли в журналистику, не имея о ней четких представлений. Их узнают в городе, им благодарны за сам факт их присутствия на местном экране. А вот в Москве взяли и обидели. Почему?

На первое место – рубрика «главная новость» – в Пензе поставили репортаж о гибели рыбы в реке Суре из-за отравления сине-зелеными водорослями... Или – прошу прощения, не понял – из-за того, что эти водоросли поглотили слишком много кислорода. Откуда они взялись? Судя по новостной программе, из-за стоков какого-то предприятия. Но что это за предприятие, спускающее в Суру водоросли? Чиновники ответа не дали. Оператор показывает котенка, наевшегося рыбы. У бедного котенка слезятся глаза. Но позвольте, диктор нам сказал, что юные рыболовы поделились с котенком лишь частью своего улова. Остальное, надо полагать, отнесли домой. Что стало с людьми, отведавшими этой рыбки? Если есть отравления, тогда это действительно новость номер один, надо бить в набат, предупреждать об опасности. А если пострадал только котенок – едва ли стоило сообщение об этом прискорбном, конечно, факте ставить на первое место в выпуске новостей.

В силу консерватизма (а может, профессионализма) я бы поставил на первое место репортаж, оказавшийся у пензенцев в конце программы, на предпоследнем месте. В прошлом году лекторы «Интерньюса» внушали, что не надо кадить фимиам своим мэрам и губернаторам, не надо лести и преклонения.

Ну, урок восприняли. Сюжет о двух губернаторах, весело и торжественно открывавших новую дорогу, поставили ближе к концу, и тон взяли издевательский. А дело, между тем, показано хорошее! Путь между Пензой и Саратовом сократился на 160 километров. Завершен участок трассы. Аяцков, прилетевший на вертолете, рванул по новой дороге на черной «Волге» со скоростью 150 километров в час. Для чего же шуточки – мол, теперь губернаторы будут чаще ездить друг к другу, а саратовцы станут воровать наших невест?

Ёрничание по отношению к начальству так же некрасиво, как и подхалимаж. Никак мы не можем следовать общемировому правилу «держаться с начальством на расстоянии вытянутой руки». А нам все хочется либо лизнуть, либо укусить, лишь бы быть замеченными.

На второе место можно было бы поставить тот видеосюжет, что оказался у пензенцев в самом конце. Тут сразу две темы: несвоевременное начало учебного года в некоторых школах и судьба симпатичных цыганят, пошедших впервые учиться вместе с русскими. Была еще, оказывается, чисто цыганская школа, ее почему-то закрыли, а кто закрыл – авторы спросить не догадались, повторив лишь слухи о том, что зданием теперь владеет некий цыганский барон. «Дотянуть» бы этот сюжет, внести ясность, расставить точки над «и», тогда можно его на второе место. Раз уж мы говорим об информационных приоритетах.

Тема здоровья, конечно, очень важна, но едва ли следует превращать первую часть информпрограммы в некий медицинский альманах. После информации о всплывшей кверху брюхом рыбе (а ее почти не показали, и кто виновник – не объяснили) поставлено

сообщение о вспышке бруцеллеза среди животных, закупленных в Калмыкии. Каковы масштабы опасности, что делается для ликвидации больных животных – неясно. Опять напугали и ничего не объяснили. И совсем уж непонятно, для чего было снимать и ставить в программу третий сюжет. Городскую санэпидстанцию перевели в неудобное место, на окраину. Врачи-эпидемиологи в кадре жалуются: далеко ездить, дорого и вообще плохо. Кто же устроил им эти неприятности? Об этом молчок. Сказано только, что в бывшем здании СЭС теперь антиспидовский центр. Что предлагает Пензенское ТВ? Может, вернуть СЭС на прежнее место? Нет, коллеги просто шутят: рядом с антиспидовским центром открывается молодежное увеселительное заведение, и теперь можно будет, познакомившись с девушкой, немедленно пройти проверку на СПИД.

И совсем уж огорчил сюжет об убийстве с отрезанием половых органов и ушей. Репортер деловито сообщает, что половые органы найдены неподалеку, а уши пока не нашли. Труп показан во всех возможных и невозможных ракурсах, выдвинуты разные версии...

Традиционные для большого города темы – отсутствие горячей воды и дорожно-транспортные происшествия – возражений не вызывают. Итого затронуто восемь тем. Казанцы, занявшие на конкурсе первое место, ухитрились уложить в выпуск 16 репортажей. Их диктор Айгуль Мирзаянова в отличие от пензенской коллеги ведет выпуск живо и доброжелательно, без назидательных педагогических интонаций, свойственных, к сожалению, многим телеведущим, и пензенским в том числе.

Это общая беда многих региональных телекомпаний: отсутствие редактуры и режиссуры, некой воли, определяющей уровень профессионализма. Неужели никто не мог задать репортерам простые вопросы по поводу их сюжетов, вопросы, возникающие у любого зрителя при просмотре? Вопросов тут больше, чем ответов. А ведь известно правило информационщиков: нельзя оставлять зрителя в замешательстве! Пока зритель чешет в затылке, раздумывая, что бы это значило, проскакивает следующий сюжет, и опять досада на неясность и недосказанность.

«Редактор» переводится как «улучшающий». Мы выкинули это понятие вместе с цензурой, а зря. Редакционная политика – это не цензура, а необходимое условие хорошей работы. В том же «Президент-отеле» ко мне подошли два тоже очень серьезных и огорченных человека. И задали тот же вопрос: почему мы не вышли в финал, ведь так старались. Нашли мы укромный уголок с видеомагнитофоном, поставили их кассету, и стал я показывать, как и почему. Говорю: у вас на событии (профсоюзная манифестация) работали три съемочные группы, они сняли, по сути, одно и то же. Почему нельзя было из трех репортажей склеить один, убрав дублирование, повторы? «Тогда, –отвечают, – репортеры обиделись бы». А так вы обидели своих зрителей, заставив смотреть нечто бесконечно-бесформенное. Для пользы дела можно иной раз поступиться амбициями. Лучше всего, конечно, заранее давать им четкие указания, что и как снять, чтобы не делать бессмысленную работу.

И вот опять в первый же день финала подходит молодой журналист: спасибо, что вы нашу работу по кадрам, подробно разобрали, вот мы на этот раз номинантами стали. Таким покадровым разбором приходилось заниматься и в Арзамасе, и в Абакане, и в школе у Познера... Но все равно приятно это «спасибо». Доброе слово и кошке приятно. Вот и пензенцам желаю, поплакав, взяться за дело.

в начало

ОБЛАКА ПЛЫВУТ В АБАКАН

Облака, словно специально для фотографов, расположились по небосводу, создавая рассеянный свет. Долина Царей, Хакасия. Пятьдесят два кургана. Пятьсот лет здесь хоронили владык, закончилось это за три века до нашей эры, и естественно, что размышления о вечности и о бренности посетили нас, стоявших на одной из вершин и следивших, как по волнам ковыля плывут тени облаков. Посланцами нашего века смотрелись два стеклянно-выпуклых автобуса у подножья кургана (оказывается, эти германские «Неопланы» могут ходить прямо по степи, а не только по асфальту), да еще две брошенные животноводческие фермы, вкупе со столбами электропередач торчащие посреди прекрасного пейзажа. По горизонту – цепи гор: Саяны, Алатау. Каким-то образом губернаторам и председателям правительств удалось договориться о создании Алтай-Саянского заповедника вопреки административным и даже государственным границам. Дело, конечно, в энтузиастах-экологах, с которыми мы, журналисты, и явились сюда, чтобы хорошенько осмыслить это новое дело и нашу роль в нем. Заседали, слушали доклады, и вот – как главная премия – выезд в Долину Царей.

В автобусах журналисты из всех регионов, полностью или частично входящих в создаваемый заповедник. Здесь Тува, Хакасия, оба Алтая (республика Алтай и Алтайский край) и Кемеровская область, изрядные куски Красноярского края и Монголии. Сюда падают отработанные ступени ракет с Байконура, но пока, тем не менее, это один из самых чистых регионов планеты, достояние всего земного шара. И потому вклад в сохранение биоразнообразия здешних мест вносит Всемирный фонд дикой природы, а это как-никак 27 национальных отделений и чуть не 5 миллионов индивидуальных членов. Более 12 миллионов долларов вложил этот фонд за последние годы в природоохранные проекты России.

Надо полагать, в счет этих долларов и мой билет из Москвы, и «Неопланы», и четко появляющаяся раньше наших автобусов машина охраны, и еще одна, с хакасской официанткой из ресторана «Дружба» и всем полагающимся набором пропитания. Международные организации приучают нас, помимо прочего, к культуре деловых отношений, к разумному сочетанию дела и удовольствий.

Даже шаман был заказан для нас с бубном, который он долго прогревал над костром, постукивая время от времени в него колотушкой –низкий гул шел, как из динамика какой-нибудь рок-группы. Энтузиасты-экологи уселись вокруг костра и стали

предаваться медитации... или воспоминаниям. Неподалеку торчали из земли два камня выше роста человеческого. В одном – символе мужества – спинами женщин было протерто заметное углубление. Женский камень принимал монетки с обещанием помнить о дарителе по крайней мере месяц. Так объяснил сидящий с нами в кругу мой однофамилец, Николай Николаевич Кузнецов, который эти камни нашел вывороченными из земли и восстановил в прежнем величии. Здесь, говорит, разлом земной коры, надо побыть здесь, и все хвори пройдут. И вспомнил я нечто похожее– был ведь я уже в этих местах. Так что, с позволения редактора и читателей, резко меняю тему, уходя в прошлое.

Тридцать лет назад, летом 1971 года, я привез в Абакан студентов на журналистскую практику. Ехали поездом, долго. Прочитали еще в Москве все, что можно, об этих краях, а тут первым делом пошли в краеведческий музей.

И увидели во дворе каменных баб. У некоторых на животе было выцарапано неприличное слово. Хранитель объяснил: колхозные трактористы в порядке борьбы с пережитками прошлого выкорчевывали эти древние изваяния, цепляли тросом за голову и тащили куда-нибудь прочь с широких полей. Чтоб не мешали пахать и сеять. И он, местный ученый, решил собрать каменных баб в музей. В другом бы государстве специальное здание для них построили, нет ведь таких больше нигде на планете, а тут местные власти проявили поразительное равнодушие. Единственно, кто помогает, – местное управление КГБ. Машину дают, чтоб привезти очередное обнаруженное сокровище.

Тут я понял, что написать про это дело никак не удастся. Редактор «Журналиста» скажет: не по теме. С журналом я уже тогда дружил, и даже мне документ дали на всякий случай – мол, специальный корреспондент. Напиши, говорят, что-нибудь про местное телевидение, раз все равно туда едешь.

Документ произвел впечатление. Опекать меня взялись директор телестудии и председатель комитета по радио и ТВ. Студентов немедленно пристроили к делу, послали в командировки – кого в Шушенское, кого на стройку ГЭС, кого в колхозы-совхозы.

Через два-три дня я откровенно сказал начальству, что писать про них в журнал не буду – то, что я увидел, никакая бумага не выдержит. Уровень студии... ну нет слов, опишу картинку.

Оператор в павильоне сидит на колесе своей тяжелой камеры и грызет семечки. Ему буквально наплевать на то, что у него перед камерой. А там сидит прекрасный журналист, собкор «Красноярского рабочего», и рассказывает, глядя в объектив, что происходит сейчас на полях Хакасии, да что делать надо колхозам-совхозам в такой сезон и такую погоду. При этом дельные советы сочетаются с образными зарисовками характеров и ситуаций. Одним словом, местный Черниченко или Стреляный (а их я тогда уже отмечал и преклонялся перед их мастерством). А оператору на это плевать семечками.

Из студийного павильона только что ушла диктор новостей, отбарабанив по бумажке обычное для тех лет «взявшись – обязавшись – идя навстречу – выполним – перевыполним». Только она ушла, пришел этот публицист-собкор, его посадили за другой

столик. А свет, заливающий свет, студийные лампы, что висят на потолке, не передвинули, не повернули (это у них длинными палками делалось – лень, конечно, всякий раз... Но посадили бы Шадрина – вспомнил фамилию – туда же, где дикторша была...). И нету в студии нижнего света, того маленького «бэбика», что дает блеск в глазах, делает телепортрет живым... Нет, не буду я обо всем этом писать, решил я 30 лет назад. Уже пришел к власти Лапин и начал душить телекритику. «Критиковать ТВ – все равно что Советскую власть», – заявил он.

Теленачальники Хакасии моему заявлению, что не буду писать, искренне обрадовались. Тут же явилась на руководящий стол бутылка чего-то приличного: то ли коньяк был, то ли водка хорошая...

– Я думал, вот гад приехал, а оказалось – человек, – повторял председатель.

В книгах Валерия Аграновского содержится категорический совет – не пить, ежели ездишь в командировки. Не пить с людьми, причастными к будущему очерку. На сердце сослаться, на что угодно – но не пить. Иначе не будешь иметь право написать про них правду. Скомпрометируешь себя.

Я нарушал правило Валерия Аграновского много раз. Может быть, потому, что не собирался писать всю правду про своих собеседников, но хотел узнать ее сам. Позже, работая с первыми секретарями и министрами, сам рекомендовал им перед съемкой выпить немного (на Би-би-си рекомендуют 20 граммов). Но это другая тема, как находить психологический контакт с экранным собеседником.

Выпив с теленачальством, я – неистребимая интеллигентская потребность начальство воспитывать! – стал говорить им, как бы надо этого прекрасного Шадрина показывать. Если нет денег на внестудийные съемки, то создайте хотя бы в студии условия для него. Почему он сидит на каком-то скособоченном стуле? Дайте ему кресло с подлокотниками, вот у вас в кабинете как раз такое кресло. Ему некуда девать руки – пусть держит трубку с табаком. Я понимаю, курить в студии пожарные не разрешают, но просто пусть трубка будет у него в руках, ему лучше будет, комфортнее.

– Раз такие сложности, лучше мы его вообще не будем приглашать, – сказал директор студии.

Проклиная себя – не лезь со своими советами, только навредишь, – я стал извиняться и оправдываться, что вот, мол, защитил на днях диссертацию на эти самые темы: как сидеть в кадре, куда смотреть, как говорить. И хотел применить свои ученые мысли на практике. И сам, между прочим, провел в эфире не одну «Эстафету новостей».

– Ну вот, я и говорю, думал – гад приехал, а оказалось человек, – заключил председатель комитета.

Мне предстоял дальний путь – студенты были раскиданы на практику от Абакана до Норильска. К тому же мы объединились с Ленинградским кораблестроительным институтом, они этот путь проходили на шлюпках... Нет, ребята-демократы, было и у нас кое-что хорошее. Корабелы, не боясь доносов, пели про Иоську-Сталина и Никиту – «а в октябре его маленечко того... а мы по-прежнему за

партией вперед, а если кто-нибудь маленечко помрет...». Строители ГЭС просили передать привет Юре Визбору. И ударила меня, ценившего журналистскую цеховую солидарность, первый раз пришедшая мысль: а ведь работники телестудии были ***самыми неинтересными*** среди всех, кого я встретил в тот раз в Хакасии...

...Шаман разогрел свой бубен с привязанными колокольчиками и ленточками и пошел широкими шагами между костром и сидящими в круг журналистами. Низкочастотные удары, горловое пение. Извели здесь когда-то шаманов, несколько сот сослали в ГУЛАГ. Не зря Галич пел про облака, которые плывут в Абакан. Железная дорога Абакан – Тайшет на костях зэков. Как и эти курганы, которые до нашей эры.

Ладно, это не по теме. А что же показали на конкурсе нынешние тележурналисты, медитирующие сейчас у костра? Более 4000 материалов поступило на IV конкурс «Экология России», телевизионных среди них не так уж много – все кассеты у меня в пластмассовой сумке. Гораздо меньше работают в экологической проблематике, чем, скажем, в милицейской. Там тебе могут права вернуть или еще какие-то льготы дать – а тут что? Тигр саблезубый или барс снежный не поймут, что ты за них заступаешься. Конечно, бескорыстие и подвижничество журналистов-экологов вне сомнений. Но что-то и еще нужно, чего-то не хватает. Может, я опять не прав, как и 30 лет назад, не терпится что-то посоветовать... Может, наврежу, если скажу, что такой-то фильм надо бы смонтировать иначе, что такой-то синхрон разрушает прекрасные картины природы? Опустятся у людей руки, они и этого больше не смогут сделать (красивые виды природы и длинные-предлинные речи на совещаниях).

Боюсь принести вред Евгению Веселовскому, герою фильмов «Колыбель человечества» и «Хранители», выпущенных Горно-Алтайским гостелевидением. Евгений живет на Телецком озере, руководит лагерем трудных подростков и заботится об экологической чистоте прилегающих земель. Он был участником нашей поездки. Я спросил: а знаете ли, лет тридцать назад нечто подобное делал Виталий Вишневский? Ну, седой такой... Умер недавно.

– Это ленинградский журналист? Который комментатор-комиссар, так его называли?

– Так!

– У меня есть эта кассета. Называется «Каким ты станешь, парень». Он снял только один фильм?

– Тогда еще не наступило время сериалов... Кстати, как поживает ваш герой, которого вы вроде бы вылечили от пристрастия к наркотикам?

– Пашка? Год вел здоровый образ жизни, а вернулся к себе в прежнюю компанию – и опять за старое. Как вы считаете, надо о нем еще снимать, я его опять на Телецкое забрал?

– Обязательно надо. Но что же ему, так и не выезжать с Телецкого?

– Не знаю... Но это не совсем про экологию получается.

– Как сказать. На Телецком, значит, он нормальный парень, а в городе... Снимите по контрасту – там и тут.

– Для городских съемок у меня денег нет. И мои любительские съемки монтировали и оформляли без меня, зря вы ругали общие слова в начале фильма – не мои это слова, и не я автор. Не как Вишневский тридцать лет назад. Подскажите, какие книжки прочитать, чтобы грамотно фильмы делать.

...Вот я и думаю, не навредить бы Евгению, не возьмут у него больше любительские кадры и не поставят под ними свои фамилии в Горно-Алтайской ГТРК. А может, наоборот, помогут?

Раньше на экологических журналистских конкурсах вручали статуэтки Ники – богини победы. В этом году главный начальник оргкомитета Николай Акритов решил, что Нику пусть вручают кинематографисты, а мы придумаем что-то свое, оригинальное. И придумали. Вместе с ЗАО «Диалог-Конверсия» (бывшая оборонка) сделали призы «Берестяная грамота» – натуральная береста на хорошей подложке с лазерным напылением имен лауреатов, в футляре – красиво!

Первыми берестяную грамоту первой степени получили Маргарита Кашпур и Светлана Гукина из Барнаула – журналист и режиссер. Им дали на три дня машину, оператора и немного пленки. И сделали они передачу, в центре которой – начальник природоохраны района, который к тому же и песни пишет (отсюда название: «Очаровал меня Чарыш, очаровал»). Мы его видим в ***деле*** – не в разговорах! Это главное, чего не хватает большинству телеработ. Говорят, говорят... А наш герой ставит охранительный знак в карьере, выгоняет из реки шофера с машиной, ведет ребят в пещеру с летучими мышами. Чтобы снять такое за три дня – надо заранее поехать на разведку и наладить с героем контакт, и узнать, где и как он ***действует!*** Нельзя являться сразу с группой – иначе 90 процентов внимания и сил уйдет на обслуживание этих самых соавторов, а на героя ничего не останется.

Простые, элементарные вещи говорил я в ходе мастер-классов, показывая и сравнивая работы коллег. Что такое хорошо и что такое плохо и как с этим бороться – многие слышали это впервые. А для меня впервые была такая доброжелательная аудитория. Никто не говорил, что москвичам нас не понять, что нас и так любят и поезжайте вы со своими советами... Показываю, например, владивостокский фильм «Куда уходят корабли» и рассказываю, почему он мне нравится, хотя большое жюри никакой премии не выделило... Пересказывать хороший фильм дело безнадежное, но главное тут – мысль: бывшие боевые корабли, гордость и защиту Родины, бросили гнить в бухтах, и отравляют они океан, и соли эти отравленные вместе с рыбой поступают к нам в организмы. А солевой баланс крови и океана, между прочим, одинаков... И операторскую работу отмечаю, и низкий голос ведущей (чаще женщины пищат и торопятся), и «закольцованность» сюжета, и движение от частного к общему. Думаю, слушательницы мои никогда больше не будут начинать свои опусы словами «наша голубая планета» и цитировать Экзюпери – дескать, встал, умылся, убери свою планету. Конкретика плюс мысль – а ну-ка, попробуйте без общих, тысячу раз слышанных слов!

После очередного мастер-класса, даже прервав наше общение, хозяйка от Фонда дикой природы Лариса Немоляева («дикая

девушка») позвала всех сочинять письмо Путину по поводу ликвидации Госкомприроды. Текст получился неплохой. Такие, например, строки:

«Мы не можем согласиться с тем мнением, что сегодняшнее экономическое положение России не позволяет ей уделять должное внимание экологическим проблемам... Мы призываем Вас подумать о тяжкой исторической ответственности, которая неизбежно ляжет на человека, открывшего дорогу широкомасштабному уничтожению природы своей страны. Мы просим Вас посмотреть на происходящее глазами отца двух дочерей, которым предстоит в этой стране жить. Чистый воздух нельзя получить по спецпайкам».

Под этим письмом я, конечно же, подписался. Но в выработке текста участия не принимал. Я-то знаю, что своих дочерей большие люди в случае чего пошлют в Австралию или в противоатомный бункер в Раменках. Но не гасить же своим скепсисом энтузиазм коллег...

В общем, когда «дикая девушка» собрала коллектив для составления письма, у меня образовалось полтора часа свободного времени. И тут молодой журналист из местной газеты, которому я накануне, после шаманства и буйства степных цветов, рассказал о впечатлениях тридцатилетней давности, вдруг предложил:

– А давайте сейчас сходим на эту же государственную студию!

– Там ведь нет никого из тех... Новое поколение работает.

– Вот и давайте посмотрим.

Через двенадцать минут (в Абакане все рядом) я входил в знакомую проходную ТВ. Дорогу преградили две вахтерши. Никакие удостоверения не помогли.

– Звоните начальству.

По списку, лежащему под стеклом, мы с вахтершами обзвонили восемь или девять кабинетов. Нигде не ответили. Кое-где пищали факсы.

– А если телезритель захочет сообщить информацию...? Не с вахтершами об этом судачить. Вышли на улицу.

– Зайдем в частную компанию ТВ-7, – предложил мой молодой Вергилий.

– Да ведь тоже не пустят...

Пустили без звука! Более того, гендиректор, молодой человек Дмитрий Драничкин, немедленно опознал меня, спросив: а вы ведь были в Железногорске?

По-старому это Красноярск-26, бывший суперсекретный город, где под землей куют оружейный плутоний. Ну, был, и опять-таки не написал об этом ни строчки. Но покажите мне вашу студию, а если можно, то и вчерашний выпуск новостей...

Не скажу, что я вернулся на тридцать лет назад. В павильоне не было тяжелой камеры, на колесо которой можно присесть с семечками. Был даже серебристый зонтик-отражатель, дающий ту самую благоприятную для съемки освещенность, что и облака, плывущие в Абакан... Но ведущий новостей смотрел неизвестно куда – не в душу зрителя, а поверх камеры. Там были листы с текстом. Уж лучше бы откровенно читал с листа, лежащего на

столе. В целом же компания мне понравилась – молодые, динамичные, дружелюбные.

Мы вышли из здания ТВ-7 с молодым газетчиком (опять же не называю фамилии, чтоб не навредить). Что же получается? Техники новой полно, даже нелинейный монтаж есть, а в камеру глядеть не научились? Да, сюжеты неплохие, конфликты, реальная помощь.

Через полтора часа на сцене телеконкурса при раздаче призов я рассказал, как не попал в госкомпанию, и какая, в общем, славная бригада на ТВ-7. А когда вернулся к своему столу, получил подтверждение:

– Первый звонок с утра – от ТВ-7, каждый рабочий день, – сказал председатель республиканской Госкомприроды (упраздняемой) Иван Иванович Вишневецкий. А губернатор Алексей Иванович Лебедь добавил: да, гостелевидение у нас неповоротливое, то у них машина сломалась, то бензина нет, никак не вытащишь на съемку.

Может, я опять не к месту со своими советами? Ну, извините, абаканские теленачальники. Когда пиво пить уходите, хоть секретаршу у телефона оставляйте.

Тут же в круглом зале ресторана «Дружба» компания ТВ-7 брала у меня интервью. По старой привычке прошу оператора опустить камеру на штативе пониже, на уровень моих глаз. Прошу интервьюершу – милую девушку – отойти вместе со мной подальше от камеры, на всю длину микрофонного шнура. Зачем? А затем, что совсем другая пластика кадра будет, размытый фон (нужны ли нам ресторанные подробности?)

Вспомнив слова Дмитрия Драничкина, что все его операторы произошли из бывших фотографов, говорю оператору:

– Вы не задумывались, почему на наших документах, на паспортах, глаза у всех под лоб закатились? Только в лучших фотостудиях камера стоит низко или, наоборот, клиент сидит высоко. Фотографы говорят: каждый раз наклоняться спина заболит.

Парень понял, что это и к нему относится. Опять я лезу с советами. Как тот персонаж из фильма «Окно в Париж», что слышать не мог фальшивой ноты и немедленно лез под крышку рояля с гаечным ключом.

Другие мелодии нынче на ТВ. Вместо «взямшись-обязамшись» экология, криминал, женские истории. А проблемы чистой техники исполнения в тележурналистике остались прежними: как сидеть, куда смотреть, с какой интонацией говорить, как держать паузу. Человеческий фактор, как говаривал Горбачев. Никуда от этого не денешься. Разве что в глушь Алтай-Саянского заповедника. Как Агафья Лыкова. Она здесь проживает, и в нескольких телефильмах фигурировала, хоть и делает вид, что сниматься грех. От колхозов да от войны бежали Лыковы, теперь проблемы другие, но, может быть, энтузиаст с Телецкого озера Евгений Веселовский заслуживает более пристального внимания? Может быть, экология всего лишь повод разобраться в себе? Долго будут помниться низкие звуки бубна, пламя костра и журналистки, с закрытыми глазами припадающие к священному камню-менгиру на возвышенности, над которой летят облака.

в начало

АРЗАМАССКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

У нас в России так выросло и расцвело местное ТВ, что телекомпании есть теперь не только в городах и городках, но даже и в поселках с населением в 5 тысяч человек. Крутят концерты по заявкам, земляки поздравляют друг друга с днями рождения через телевизор. Ну и новости, конечно, есть. А иногда и более серьезные передачи: репортажи с места событий, попытки создать телевизионный портрет современника или заглянуть в историю. В общем, экранный вариант районной или городской газеты. Но поскольку сделать передачу все же сложнее, чем взять перо и написать статейку, до настоящего профессионализма большинству малых телекомпаний еще далеко. А обменяться опытом, посмотреть на работы таких же неофитов – и хочется, и необходимо.

В 1999 году по инициативе руководительницы ТВ Борисоглебска Елены Фоминых состоялся в этом городе первый фестиваль «Моя провинция». Удачнее места не придумать. Вроде бы Воронежская область, но как бы и сам по себе городок. Побывал он и в составе Тамбовщины (до известного мятежа), и границы Саратовской и Волгоградской областей рядом. Главный городской объект – военный аэродром и при нем училище. Отчего, любят спрашивать здесь, у наших летчиков и космонавтов жены красивые? Да потому, что они учились и женились в Борисоглебске. Такая вот собственная гордость. Да ведь есть чем гордиться каждому провинциальному городку! Фестиваль «Моя провинция» заставляет телевизионщиков посмотреть на свою малую родину глазами коллег со стороны, увидеть новое в привычном.

Фестивальную эстафету подхватила директор нижегородского центра «Практика» Нина Зверева. Она нашла понимание у руководителей Арзамаса и, конечно же, на здешнем ТВ. Поддержка АНО «Интерньюс» придала фестивалю малых городов всероссийский размах – были тут гости из-за Полярного круга и с Кавказа, но больше всего, конечно, из срединной России. Молодые люди, вчерашние учителя или «технари» (был даже один ихтиолог), в общении друг с другом, в просмотрах и обсуждениях формировали из себя ту самую профессиональную среду, в которой только и возможен общий творческий рост. Особой популярностью пользовались лекции оператора Юлия Куна, казалось, он стремится рассказать все-все, что знал сам по ВГИКу и по работе в московском корпункте Си-эн-эн. Однажды Юлия не отпускали до трех ночи, разбирая покадрово (а только так и нужно) привезенные работы.

Расскажу лишь о нескольких фильмах и передачах из тех, что были премированы. Помимо прочего, на фестивалях получается так, что в центре споров и обсуждений оказываются две – три – четыре работы, выбивающиеся из общего ряда. Можно ли так снимать, как никто до этого не делал? Иногда именно фестиваль становится началом творческой биографии человека, которого на родной студии не признавали мастером. В Арзамасе этаким «гадким утенком» был Олег Голованов. Он и режиссер, и оператор, и автор. Ну, и о чем твой сюжет? Ведь ни о чем! – заявляли ему в родном

коллективе. И вот мы пятиминутную работу обсуждаем в большой компании.

Соборная площадь – главная площадь Арзамаса. Собор – символ города, он возвышается на холме и виден отовсюду. Фильм снят на площади как бы в течение одного дня. Великолепна колоннада собора в утренней дымке... Вдруг слышится звук шагов, и в левой части кадра прямо из воздуха возникает силуэт первого прохожего, который, пройдя немного, в воздухе и «растворяется». Нарастает рычание мотора и возникает, материализуется автобус. Не доехав до края кадра, исчезает. Все снято с одной точки, собор постоянно присутствует в кадре.

Этот прием, технически в общем-то нехитрый, выступавшие на обсуждении оценили как символ вечности (собор) и преходящей жизни. Мы, идущие и едущие, возникаем и исчезаем во времени. Двадцать лет назад здесь шли и ехали другие люди, по-другому одетые, с другими лицами. И не могло быть, к примеру, молодой монахини, которая задумчиво идет по дневной уже площади и вдруг пугается, натолкнувшись на встречных, на человека с большой собакой, которая, впрочем, вполне дружелюбно лизнула монахине руку – но и они тут же все исчезают, чтобы дать место другим персонажам. Некоторое время мы не видим собор, только крупные планы женщин, торгующих молоком, белый Ленин в сквере и Христос на фронтоне собора. Мимо течет жизнь. Вечереет. Колоннада подсвечена изнутри. Растворяется в темном воздухе последний прохожий. Финальные титры. Аплодисменты!

Телевизионный академик Сергей Муратов и оператор Юлий Кун высоко оценили этот мини-фильм как именно телевизионную, экранную работу (ни слова текста, только звуки площади – то, что называют «интершум»). Произведение искусства всегда многозначно, в зависимости от жизненного опыта воспринимающего. Не все приняли работу арзамасского коллеги. Для малых студий обычна информационная скороговорка – на фоне достопримечательностей некий текст, высоким женским голосом без всякого выражения, с одним стремлением отбарабанить его побыстрее...

Высокой культурой операторской работы отличился фильм «Пилигрим» телекомпании города Трехгорного (режиссер-оператор А. Устинов). Не ограничиваясь жизнью своего атомного городка, отыскали телевизионщики героя фильма в ближней деревне. Идет по полю человек в черной монашеской одежде, а нам сообщают, что играл он когда-то в московском джаз-оркестре, потом попал даже в Америку... Жаль, не удалось поглубже проникнуть в его внутренний мир, слишком уж он, познавший некие высшие истины, назидателен в общении с камерой и с нами. Но я говорю именно об операторской культуре. Редко встретишь в практике малых компаний метод наблюдения –накладно ведь и терпение нужно. То ли дело интервью – приставил микрофон к горлу собеседника, задал несколько дежурных вопросов... А тут как раз наблюдение. Мы убеждаемся, что наш герой хорошо орудует топором, замечая при этом, как помогли ему эти навыки в Америке. Он ладит крышу дома, а потом готовит себя к иному делу – рисованию иконы. Телевидение придумано, чтобы показывать людям, как живут

другие люди. Что касается интервью – признаемся честно: не на всякое лицо хочется смотреть больше десяти секунд.

Это почувствовали авторы фильма «Василий Булганин» (телекомпания поселка Красные Баки, что в Нижегородской области). Их герой был председателем колхоза, в период разгула демократии мужики его свергли, а теперь устроились к нему же – фермеру и хвалят за то, что регулярно платит зарплату. Сюжет хорош и показ изобретателен – если даже интервью, то за каким-то делом: герой вращает жернов мельницы, ухаживает за конем, опять же общается с мужиками, пародируя Чапаева с его схемой боя из картофелин. У него, говорит, схема другая: из этих шести картофелин осенью получить шестьдесят или сто. У авторов хватило вкуса убрать за кадр микрофон – он уместен в официальной обстановке, а не в задушевном общении. Булганин с удовольствием играет на экране самого себя, такие герои – приятная находка документалистов. Вот вам и Красные Баки!

В Борисоглебске Елена Фоминых работает с миниатюрным радиомикрофоном (без проводов), и благодаря этой технике, а также необыкновенному таланту настраиваться на душевную волну собеседника получает журналистка такие сюжеты из жизни, которые были бы достойны любого федерального канала. Если бы не одно большое «но». Сама Елена считает, что она слишком глубоко проникает в личную жизнь людей: «это допустимо меж соседями и земляками, но выносить на всю Россию... нет, я не решаюсь». Фильм Елены Фоминых «Дом для мамы» стал главным событием арзамасского фестиваля, вызвав споры и среди участников, и в жюри. Вероятно, фильм небезупречен с точки зрения тех, кто считает, что эпизоды из частной жизни – вообще не для эфира или пусть их воспроизводят актеры. Зная о существовании такой точки зрения (однажды и мне досталось в одной статье за то, что показал мерзавца-сына, выкинувшего мать на улицу), я проголосовал за первый приз в номинации «Истории из жизни» и с удовольствием вручил его на сцене под аплодисменты большого зала родоначальнице фестивалей «Моя провинция» и отличной журналистке Елене Фоминых. Она же, напомню, и гендиректор телекомпании под названием «Светоч».

Фоминых принципиально отказалась от использования закадрового текста, хотя в некоторых случаях он был бы не лишним. Например, для объяснения автором своих довольно рискованных действий.

Когда мы с Муратовым дважды и трижды просматривали работу Елены Фоминых, нам вспомнился фильм времен «пражской весны» 1968 года. В Праге мы тому фильму тоже дали главный приз (тогда автор этих строк, кажется, впервые в жизни очутился в жюри). Чтоб было понятнее, в какой необычный ряд надо отнести «Дом для мамы», я сначала расскажу немного о том чехословацком фильме, хотя Муратов и упоминает его в своих работах по этике ТВ. У нас с ним, правда, одно расхождение: он пишет, что телевизионщики Праги предлагали за ребенка автомобиль «Пежо», но я-то совершенно точно помню, что это был «Фиат-600», прототип нашего самого первого, «горбатого» «Запорожца». Какая, скажете, разница? А такая, что «Пежо» все-таки приличный

автомобиль, а «фиатик» – соблазн пустяковый, и за него люди были готовы отдать ребенка...

Но все по порядку. В начале фильма «Объявление в газете» (по-чешски это звучит как «Инзерат») показан жестокий следственный эксперимент. Молодую женщину, утопившую своего грудного ребенка, заставляют проделать с коляской знакомый ей путь и так же, как ребенка, выбросить из коляски в реку большую куклу. После такого удара по зрительским нервам автор Иржи Файразл говорит: у нас в ЧССР многие родители избавляются от своих детей разными способами, например, намеренно простужают их. И приводит статистику детской смертности. Что же это за люди, говорит, мы хотим посмотреть на них, почему они решаются на это в нашей социалистической стране. И телевизионщики дают в газете объявление: «Усыновлю ребенка в возрасте до 3-х лет. Координаты такие-то». В ответ – ни одного отклика. «Но дети продолжают умирать, – заявляет автор, – поэтому мы идем на рискованный шаг и даем следующее объявление: усыновлю ребенка в возрасте до 3-х лет, взамен предлагаю автомобиль “Фиат-600”».

Десятки писем пришли в ответ! И Файразл с оператором направились по указанным обратным адресам.

Обман? Да. Провокация? Безусловно. Вмешательство в частную жизнь? Конечно.

Но, быть может, это как раз тот случай, когда цель оправдывает средства? «Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека», – записано в Кодексе, принятом Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 г. У нас даже скрытая видеозапись допускается, «если это необходимо для защиты общественных интересов» (ст. 50 Закона о СМИ). А что может иметь большее значение для общества, чем отношение его к детям, то есть к собственному будущему?

Основная часть фильма «Инзерат» состоит из бесед с родителями, желающими променять ребенка на автомобиль. «Детей я смогу иметь сколько угодно, машину никогда»; «Денег нет, живем очень бедно», – таковы мотивы спившихся матерей-одиночек. Но есть и вполне благополучные, казалось бы, семейные пары. Одна из них предлагает автору: можем зачать ребенка специально для вас... Фильм длился час, и для «разрядки» между ужасными этими интервью вставлялись другие кадры. Вот косуля (или мать-олениха) идет на камеру, защищая своих оленят. Биолог подтверждает: зверь никогда не откажется от своих детей, самка оленя готова пожертвовать собой ради детеныша.

Еще эпизод. Едет «фиатик» по пражским улицам вроде бы без водителя, как мечта, как миф. И останавливается на перекрестке. Чинно, парами переходят улицу дети. Мы смотрим на них из окна остановившейся машины.

И опять интервью с желающими ее, машину. Наглядное свидетельство подлинных мечтаний человека социалистического общества. Как писал Муратов, «острый социальный анализ превратил картину в общественное событие, и дело не в констатации отдельных, пускай даже вопиющих, фактов, а в пробуждении публичного внимания к подобным явлениям».

Вот и у Елены Фоминых примерно та же цель и та же проблема. Конечно, в наше время и другие журналисты показывают детей, брошенных родителями. В Киеве это делала Ольга Герасимюк, в Москве Александра Ливанская. Герасимюк приводила убийственную статистику – сколько детей при живых родителях обитают в приютах. Ливанская монтировала разговоры с такими детьми и интервью знаменитостей, вспоминающих своих замечательных матерей. Скрытая мораль: а приютские дети так о своих мамах не расскажут, или такими знаменитыми не вырастут.

Фильм Фоминых заочно спорит с этой последней мыслью. Маленький человек рассказывает, какая у него хорошая мама, рисует ее в зеленом платье, с украшениями. Мальчик незаурядный. Журналистка беседует с ним на самые разные темы, и мы, зрители, даже не понимаем, что дело происходит опять-таки в приюте. Вокруг трава, цветы или стол с рисунками. Съемки и общение с мальчиком продолжались три дня, их нельзя причислить к простому интервью. Такой, например, кадр: Елена сидит, задумалась, прикрыла лицо руками. Подбегает мальчик и протягивает ей белый цветок – подснежник. Мальчику лет семь. Развит, серьезен. Мы любуемся смышленым ребенком, а он рисует просторный дом для мамы и рассказывает, как они там будут жить и играть. И вот тут Елена спрашивает: а когда к тебе мама в последний раз приходила? Мальчик отвечает: никогда.

Едва мы начинаем что-то понимать, действие переносится в канцелярию приюта. – Да у них у всех есть матери! – с досадой говорит женщина, доставая с полки и бросая на стол папку с надписью «Дело».

И сразу же рука нажимает кнопку звонка на лестничной клетке. Пришли, значит, с оператором к маме.

Удивительно, но в квартиру она их впустила. Может быть, потому, что Фоминых для Борисоглебска то же, что Киселев для Москвы? Камера сразу отметила пустые бутылки, прямо у порога. Мама совершенно спившаяся, но еще молодая и энергичная женщина. Елена с ней вроде бы по-свойски, на «ты», и в то же время властно: «У тебя сын. Он ждет тебя, рисует дом, в котором вы будете жить...».

Передать этот диалог невозможно. У матери одно желание – поскорее выпить. Елена говорит: поедем, дам тебе бутылку. – Две, – отвечает мамаша. У нас свой, русский счет, не «Фиат» предлагаем. Две бутылки, и мамаша согласна на свидание с сыном.

Но как же мальчишка это перенесет, каково ему будет увидеть не вымышленную добрую, а такую вот маму? Тем временем Фоминых везет ее в больницу, под капельницу, приводит в приличное состояние. Но и после капельницы мамаша требует немедленной выпивки, ругается. Журналистка говорит: все, никуда мы не едем.

– Сволочи! – взрывается мамаша и бросает на землю детские рисунки...

Вот такой фильм «Дом для мамы». Против него восстали прежде всего сторонники американского информационного стиля. Конечно, «Интерньюс» делает благое дело, воспитывая в периферийных коллегах культуру нейтральной информации, но не

надо забывать, что есть еще и публицистика, ведь нельзя строить на одних «информашках» ни телевизионную программу, ни номер газеты или журнала. Публицистика – совсем другое направление, и аргументы «американистов» были легко отбиты. Это недопустимо, – говорили они, – это необъективно, это вмешательство в частную жизнь и нарушение прав человека, и что теперь будет с этой бедной женщиной? Да ровно ничего с ней не будет, как пила, так и будет пить. И почему мы вспоминаем о правах человека лишь тогда, когда речь идет об антисоциальных элементах – о преступниках, пьяницах, наркоманах? Какая, к черту, объективность и отстраненность, вы читали, любезные дамы, русскую публицистику – от Успенского до Аграновского? Ах, не читали. Значит, не надо применять критерии информационных сюжетов к совсем другой журналистике. Есть такой жанр – и в США расцветал одно время: телерасследование. Вот оно, перед нами. Редкий жанр! Даже на «милицейском» телефестивале в нынешнем году за расследование пытались выдать добросовестный пересказ уголовных дел с показом подсудимого за решеткой. Нет, расследование – это самостоятельный журналистский поиск.

– Но имел ли право журналист...

– Имел. Это предупреждение таким же матерям, это создание вокруг них определенного общественного мнения, нетерпимости.

– А имела ли право служащая приюта раскрыть тайну...

– Речь не идет о тайне усыновления. Его как раз и не было пока. Фильм очень даже может помочь мальчику обрести новых родителей.

– А что переживет мальчик, увидев на экране такую маму?

– Он ее не увидел.

– Но ему расскажут!

– Рассказ – не показ...

Предоставляю читателям продолжить этот спор, не закончившийся в Арзамасе. На любом фестивале или семинаре происходит взаимная «подзарядка», тренировка мозгов.

– Ты знаешь, – сказал Сергей Муратов, – для этих молодых людей фестиваль «Моя провинция» все равно, что для нас был СЕМПОРЕ.

Я возразил сходу в том смысле, что в наше время и трава была зеленее, и небо голубее, но вскоре понял, что академик прав. Ведь на знаменитых СЕМПОРЕ – семинарах по репортажу, проходивших ежегодно в Таллинне на излете политической оттепели 60-х годов, – тоже было не очень много принципиальных удач. Тоже яростные споры возникали вокруг трех-четырех передач или фильмов. Главное, к их уровню подтягивались остальные. Белые ночи, и не три, а десять дней с тренингом и тестированием... Ну ладно, что там вспоминать. Есть «Моя провинция», складывается профессиональная среда. Многие, уезжая, говорили уверенно:

– До встречи в следующем году!

в начало

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО

(лозунг Кота Леопольда)

Некоторая вольность заголовка навеяна столь же вольным названием одного из разделов недавно вышедшей книги «Очерки по истории российского телевидения». Замечательный раздел о технике написан В.Г. Маковеевым и называется «Взгляд из-под палубы». Владимир Григорьевич, долгие годы возглавляя технические службы нашего ТВ, именно так, весьма скромно обозначил свою роль. Где-то там, на мостике, капитан, штурманы и рулевые, а мы под палубой выполняем команды: полный вперед, или стоп. Сравнение, конечно, интересное, и даже развить его хочется.

Капитан корабля не сам решает, куда плыть, он тоже получает указания «сверху» – от адмиралов и политического руководства. Зато младший офицер палубной команды, завязав дружбу с «технарями»-машинистами, вполне может повлиять на движение.

В конце 60-х годов автор этих строк работал на Куйбышевской студии ТВ и вел прямые репортажи с улиц, из магазинов и мастерских, из заводских цехов и с набережной Волги, с вокзального перрона, с выставок, из загородных домов отдыха и санаториев, из воинской части. В половине случаев инженеры и техники ПТС могли бы после осмотра места, намеченного автором, отказать ему в возможности работы, причем на законных основаниях. Технические инструкции позволяли и даже предписывали такой отказ. Например: крыша дома шиферная, по ней нельзя ходить и устанавливать параболическую антенну передатчика ПТС. Или: крыша железная, идет ненужное отражение. Или нет двух пар телефонных проводов, далеко трансформаторная подстанция, да мало ли... Однако самарские техники всякий раз придумывали выход из положения. Вовсе не потому, что получали за это какие-то дополнительные деньги – это сейчас, в эпоху меркантилизма, мы стали деньгами измерять все, даже человеческие отношения. А тогда техникам было просто интересно провести репортаж с такого объекта, где никогда раньше ПТС не работала. Тем более, что автор любил ходить по краешку дозволенного, обостряя рассмотрение проблем жизни города до грани крамолы.

Позже я узнал, почему первый в истории нашего московского ТВ прямой репортаж на промышленные темы был проведен не с ЗИЛа, не с АЗЛК или еще какого-нибудь гиганта вроде «Серпа и Молота». Нет, первый репортаж из цеха Юрий Фокин провел с кондитерской фабрики «Красный Октябрь», потому что техников пришлось буквально шоколадкой заманивать на такую работу. Они утверждали, что с предприятий вообще нельзя вести передачи, что будут помехи от сварки, от станков и т.п. Причин много можно придумать. А перед шоколадкой не устояли, и потом пошел и ЗИЛ, и АЗЛК, и «Серп и Молот». Мне эту историю рассказал редактор той передачи Александр Яковлевич Юровский. И еще – как он задумал первый репортаж с Центрального аэродрома (в Москву прилетал вьетнамский лидер Хо Ши Мин), техники отказывались из-за отсутствия телефонных «пар», и солдаты аэродромной команды быстро эти «пары» протянули.

Техническая культура в Куйбышеве была высокой: там и самолеты делались, и ракеты космические, и много чего еще. Найти выход из любой ситуации было делом чести телевизионных «технарей» – до сих пор вспоминаю их с теплым чувством. Скажем, на железной крыше строили из досок вышку, на нее громоздили свою параболу. Крыша непрочная? Уговаривали жильцов последнего этажа пустить их в квартиру, выставляли параболу в окно. Нет телефона – использовали военный передатчик. И так далее, и тому подобное.

Однажды я вел прямой репортаж два с половиной часа. Три тяжеленные камеры несчастной ПТС техники по очереди таскали (горячими – они же ламповые были) с этажа на этаж Дворца культуры, что на главной площади города. Там и художественная выставка, и спортзал, и библиотека, а между делом брались интервью на улице. Отключат техники камеру, быстро перетащат, снова включат – и в прямой эфир. Нарушение всех инструкций, но азарт каков! И ни одного технического сбоя.

Читаю в журнале «Бродкастинг» большой материал о техническом переоснащении Краснодарской ТРК «Кубань ТВ»; и зависть берет. ПТС у них на «Джипе», из любой точки можно выйти в эфир через спутник, и на крыши лазить не надо. Эх, скинуть бы годков тридцать да поработать на такой прелести! Компьютерный нелинейный монтаж, графическая анимация – мечта профессионалов... Но в конце весьма подробного описания техники нахожу фразу: «...Выявилась одна достаточно серьезная проблема, с которой могут столкнуться и другие региональные ТРК. Речь идет о том, что творческие работники с трудом, а иногда и с явной неохотой осваивают новейшее цифровое оборудование. В результате дорогостоящий комплекс недоиспользуется, его богатейшие возможности не реализуются...».

Интересно было бы узнать, отчего так происходит? Но статья обрывается там, где, на мой взгляд, надо бы начать «вторую серию». Что мешает «творцам» и «технарям» найти общий язык? Да и какая, собственно, разница для «творца», работает он с «цифрой» или «аналогом»? Режиссер-оператор Марина Голдовская говорила как-то, что сама не помнит, какие кадры ее фильмов сняты «Betacam-SP», а какие DVCPRO.

Бывая на всяческих фестивалях и конкурсах, в том числе и в провинции, я постоянно слышу совсем другое: нет нормальной техники, чтоб воплотить творческие задумки. Нет нормального штатива. Нет даже отражателя-зонтика. Нет радиомикрофона без проводов – вместо этого звуковик вручает журналисту для «задушевной беседы» с героем огромную грушу, намотав для верности еще виток кабеля под руку. И этот чудовищный микрофон становится центром кадра, собеседники и зрители понимают, что разговор затеян ради микрофона. Эстетика и этика летят к черту, зато на индикаторе уровня все о'кей. Говорю: повесьте микрофон на «удочке» над головами. Отвечают: а где взять эту специальную удочку? Ну, палку лыжную возьмите, привяжите микрофон шнурком от ботинок – все лучше будет. – А кто будет палку держать? – Прохожего пригласите... Вот на таком уровне веду я,

извините, эстетико-технический ликбез в Борисоглебске, Арзамасе и т.п. О нелинейном монтаже там и не слышали.

Может быть, в Краснодаре тоже нет «удочки» и штатива, зато есть «крутые навороты» в аппаратных? Может быть, новая техника не соответствует тем задачам, которые ставят перед собой режиссеры и журналисты компании? А может, техники не объяснили «творцам», какие возможности перед ними открываются, как с помощью новой техники можно усовершенствовать экранную продукцию?

Так чего же не хватает местным ТРК – новой техники или интеллекта «творцов»? Мечтающим о «цифре» или об отживающем свой век «Betacam-SP» могу сообщить, что вятский умелец – режиссер Алексей Погребной, получивший Госпремию из рук Президента России за документальную телеповесть «Лешкин луг», работает на «S-VHS». Но как работает! Он, к примеру, при монтаже сводит звук с 4-х дорожек, создавая новое экранное пространство и время. Он ведет длительное теленаблюдение, то оставаясь незаметным (вместе с оператором), то активно вторгаясь в действие. 10 лет труда над фильмом, 10 лет дружбы с одной фермерской семьей, свыше 20 призов на фестивалях – и параллельная работа над другими фильмами и в прямом эфире Кировского ТВ. И вот теперь Госпремия, а еще была премиальная поездка в Лондон на Би-би-си. Вот ему бы, Погребному, новую технику, уж он нашел бы ей применение.

Должно быть полное взаимопонимание между теми, кто «под палубой» и кто разгуливает «наверху». Ведь те и другие, в общем-то, одной крови: техническая и творческая интеллигенция. Мы вместе слушали Высоцкого и Галича, вместе потихоньку читали «Архипелаг ГУЛАГ».

В большом журнальном интервью зампред Гостелерадио СССР, то есть главный техник нашего ТВ, Генрих Зигмундович Юшкявичюс, помимо крамольных по тем временам мыслей о засильи старых маразматиков (это в журнал, понятно, не вошло, но укрепило взаимопонимание собеседников), говорил автору этих строк следующее:

– К сожалению, очень долго сохранялось такое положение, когда инженеры говорили нашим редакторам, режиссерам: вот у нас имеется такая-то техника и будьте любезны, творите в рамках возможностей. Будучи материалистом, я все же считаю: сначала должна быть идея. Социальный заказ: нужно сделать то-то и то-то. А техника должна мобилизоваться для выполнения этой задачи. Я просил специалистов по программированию: фантазируйте, требуйте все, что считаете целесообразным. Как это сделать технически – не ваша забота, будем думать. Дайте социальный заказ.

По сравнению с временами Юшкявичюса мы, кажется, отступили назад. Закупаем технику, любуясь ею самою, не задумываясь, для чего и кому она нужна.

Я задал Генриху Зигмундовичу такой вопрос: поскольку вы призываете фантазировать, у вас не потребовали 20 программ (каналов)? Он ответил (цитирую по журналу «Журналист», № 3 за

1975 г. Ничего себе – четверть века назад – а попробуйте сказать, что устарело!):

– Кому нужно 20 программ? Для того чтобы создать одну программу, требуется очень большой культурно-творческий потенциал. Существует даже теория, согласно которой государству с населением до трех миллионов недостает потенциала, чтобы создать одну полную телевизионную программу. Сколько людей работает на каждый час вещания, особенно художественного! Даже в Москве создавать четыре программы нелегко, если требовать от этих программ высокого уровня. Нужно не просто много людей, а энное количество талантливых.

И сегодня, когда я вижу десяток пустоватых по содержанию, по отсутствию талантов и интеллекта, параллельно идущих программ, понимаю: прав был главный техник нашего ТВ. Творческое наполнение и техника не могут существовать в отрыве друг от друга.

В те же давние времена от своего научного руководителя Энвера Гусейновича Багирова я услышал такую мысль: новая телепередача, программа, рубрика появляются при двух условиях. Должны быть техническая возможность и социальная потребность. Вспомним, что техническая возможность телемостов существовала давно (мы в «Эстафете новостей» называли их «перекличками»). Был даже видеотелефон Москва – Ленинград, можно было приходить в здание Центрального телеграфа и общаться с питерскими родственниками. Но жанр этот расцвел и получил известность лишь в годы горбачевской перестройки с ведущим В.В. Познером. 1986–1990-е – годы рождения и смерти телемостов. Сейчас техническая возможность, понятно, имеется. И Познер имеется. Но нам нечего сообщать по телемосту другим странам и континентам. И не очень хочется их видеть, не правда ли? Нет социальной потребности в телемостах. И техника, надо полагать, простаивает.

Я пишу эту статью не на компьютере, а в блокноте простой шариковой ручкой, поскольку дело происходит на теплоходе, по дороге из Англии. На берегах Германии, Бельгии, Голландии, Дании вижу, как неторопливо машут крыльями десятки, сотни ветроэлектростанций. Такой же ветряк купили однажды для молдавской противоградовой службы. Но тамошние техники не смогли правильно присоединить генератор к аккумуляторам, в результате сгорела электронная система, и большой трехлопастный пропеллер на мачте остался лишь украшением молдавских холмов. Точно так же новая техника ТВ попадает иногда в неумелые руки. Примеров даже из останкинской практики могу привести сколько угодно.

Была, скажем, съемка видеофильма в Шереметьеве, пригнали сказочную импортную ПТС в серебристом автобусе, а звук не идет, хоть тресни! Слишком много кнопок и рычагов на микшерном пульте. Звуковики срочно вызывают подмогу – привычный тонваген на зеленом фургончике-«уазике». Работа стоит, «творцы» нервничают, самолет с героями передачи улетает. Или: в кабинете министра никак не включается ТЖК. Министр дает свою «Чайку», чтоб быстрее добраться до Останкина. На полдороге машину

разворачивают: догадались, родимые, каким тумблером надо было щелкнуть.

Братья-технари могут возразить: а сколько раз бывало, что безупречная по техническому исполнению передача оказывалась творчески беспомощной из-за неумелого автора? И техники думают, а зачем мы будем стараться ради этих... чудаков?

Читатель может заметить, что в этой статье слишком много вопросительных знаков. Где же ответ? Выход из сегодняшнего взаимонепонимания я вижу в том, что стоило бы (по крайней мере, в региональных ТРК) ввести в практику совместное – «творцов» и «технарей» – обсуждение прошедших в эфир передач, а также планов на будущее. Не все, конечно, передачи достойны разговора. Надо выбирать принципиально интересные, новаторские работы, которые при сложении усилий журналистско-режиссерской и технической команды могли бы выйти еще лучше. Чтобы все работали на пределе возможностей. Тогда этот предел будет отодвигаться – ввысь. Без этого скучно работать. Без этого не будет роста мастерства, и никакие технические новинки, так замечательно преподносимые журналом, не будут использоваться как следует.

Я знаю, что во многих коллективах «творцы» видят в инженерах и техниках своих первых зрителей, внимательно прислушиваются к их пожеланиям и критическим замечаниям. Только так можно работать, только при условии учета «человеческого фактора», когда видишь в своем техническом соавторе суверенную личность, а не просто исполнителя, «человека из-под палубы».

Журналистам и режиссерам необходимо хоть немного разбираться в технике ТВ, ее возможностях. Со знающим, понимающим автором техники и операторы будут работать прилежнее, понимая, что их усердие будет оценено по достоинству, а халтура не пройдет.

В заключение еще одна маленькая картинка из прошлого.

Прилетаем во Владивосток...

Автор ловит себя на том, что всю жизнь делал довольно простые с технической точки зрения передачи и фильмы – публицистику, которая не в почете в нынешние времена. Ни актерских работ, ни эстрадных обозрений, ни даже рекламы за мной не числится, а именно на них рассчитано новое поколение техники. Пусть более достойные продолжают обсуждение проблемы, а я все же закончу «байкой» из прошлой жизни, не призывая, впрочем, никого лезть с паяльником в «Betacam», ибо приятель мой, режиссер и академик ТЭФИ Игорь Беляев, сказал однажды: старик, если кто-то понимает, как устроен холодильник или карбюратор, – значит он не талантлив! Смирившись с этим, продолжу.

Прилетаем, значит, во Владивосток. Киногруппа выгружает московские кирпичи из яуфов (такие были круглые железные ящики для кинопленки), ибо бухгалтерия ТВ внимательно следила, чтобы груз, привозимый в Москву, равнялся по весу тому, что вывезен из Москвы. И вот, чтобы загрузиться крабами, трепангами, трубачами и прочими сушеными кальмарами, в командировку везли оплаченные государством кирпичи. Еще в яуфах была электроплитка, а в багаже нашего супермеханика ласты с маской

для подводного ныряния. Он морских звезд и ежей на плитке высушивал в свободное от съемок время. О запахе говорить не буду, объясню для молодого поколения, кто такой супермеханик. Это такой человек, который отвечал за механизм кинокамеры «Аррифлекс» и за ее связь с магнитофоном «Награ». Пока не было «кварцованных» аппаратов, связь осуществлялась посредством провода, так называемого «пилоттона». И вот этот проводок обломился где-то возле фишки. – Все, – радостно сказал наш супер, – синхронизации нет, снимайте дальше без звука, а я пошел... – Погоди, старик, нырять еще успеешь, – возразил автор. Сейчас я возьму у моряков электропаяльник... Минутное дело – проводок припаять. А сколько съемок срывается из-за подобных мелочей!

Давайте же, «физики» и «лирики», друг другу помогать. Одно дело делаем, в конце-то концов.

в начало

МУРАТОВ ПРОТИВ МУРАТОВА

Книгу Сергея Муратова «ТВ-эволюция нетерпимости» наиболее отчаянные поклонники уже сравнивают с «телебиблией» 60-х годов –трудом Вл. Саппака «Телевидение и мы». Так высказался, например, Валерий Кичин в газете «Известия». Не спорю, книга Муратову удалась, сделана с азартом.

Саппака переиздавали трижды, цитировали тысячу раз. Желая книге Муратова такой же счастливой судьбы, хотел бы все-таки видеть второе издание «исправленным и дополненным», то есть вношу конструктивные предложения по совершенствованию. Опираюсь при этом... на труды самого Муратова, опубликованные в прежние годы. Была, например, такая книжка «Выносится на обсуждение» (М., издательство «Знание», 1985). Тираж, между прочим, 62800 экз. – нынче нам такое и не снится. «Эволюция...» напечатана всего лишь в 3000 экз. плюс дайджест в журнале «Телефорум». Была еще у Муратова книга «Встречная исповедь», то же издательство, 1988 г., 50090 экз. Обе подарены мне с дружескими надписями. Как и третья.

Имея перед собой три произведения Муратова, позволю себе произвести некоторые монтажные операции (как делали мы оба в те годы, когда работали над старой кинохроникой для «Нашей биографии»). Из песни слова не выкинешь, что написано пером... а тем более многотысячными тиражами напечатано – это ведь тоже часть нашей биографии.

Так зачем же в самом начале новой работы зачеркивать сделанное ранее? «Книга рассказывает о последнем десятилетии российского постсоветского телевидения, – пишет С.А. Муратов в 2000 году. – Об информационной революции, покончившей с опостылевшей пропагандой и заложившей основы подлинных теленовостей и аналитической периодики». Тут академик Муратов напоминает мне одного из новых хозяев ТВ Игоря Мишина (4 канал, Екатеринбург), который на голубом глазу вопрошал: ну чего вы от нас хотите, телевидению всего несколько лет... А раньше что было? Раньше была пропаганда.

«Номенклатурное телевидение сводило почти на нет индивидуальные самопроявления журналиста», – пишет Муратов на стр. 10 новой книги.

Хочу сразу сказать, что некоторые «самопроявления» нынешних властителей экрана я бы предпочел оставить за кадром. «Широк человек... Я бы сузил», – как говорил один из братьев Карамазовых в том романе, что нынешним читать недосуг.

«Самопроявления» уходящего поколения находим в книге Муратова прошлых лет. Вот об Александре Радове. «Киногруппа Центрального ТВ, снимавшая в Запорожье, столкнулась со скверной работой городского транспорта. Единственная трамвайная линия, пролегавшая вдоль 20 заводов, хронически выходила из строя, в результате чего многие тысячи пассажиров, спешащих на работу, превращались в опаздывающих пешеходов... Телевизионная киногруппа решила провести свои съемки в час пик. Попасть в вагон было невозможно. Журналист Александр Радов вместе со звукооператором висел на подножке и брал интервью прямо на ходу».

Саша Радов делал передачу для Главной редакции пропаганды ЦТ. Запорожские власти после выхода Радова с его «самопроявлениями» в эфир срочно отремонтировали трамвайную линию. Боялись Москвы, ведь передачу и Брежнев мог увидеть и головы поснимать!

Когда «хозяином» стал Андропов, он заставил повторить в эфире один из телеочерков Юрия Черниченко и предписал всем партработникам на местах смотреть и делать выводы. То была передача о доярке, а Муратов описывает работу Черниченко на свекловичном поле. Как писатель взял делянку, как натуральные струи пота катились по лысине, когда он орудовал тяпкой. Как донимал научных работников – когда же будут однорostковые семена. Фильм назывался «Извлечение корня». У Черниченко была поддержка в сельхозотделе ЦК КПСС. Там ведь тоже не дураки сидели, понимали, что многое надо менять.

Черниченко был комментатором Главной редакции пропаганды ЦТ. В сегодняшней книжке Муратов сочувственно цитирует Константина Эрнста, которому попалась как-то старая газета с телепрограммой на вечер. Сплошные телеобозреватели – Бекетов, Жуков, в общем, мрак. Мне кажется, что вот так, через запятую, ставить эти две фамилии нельзя. Международники вообще особая каста, рассказывали про ужасную жизнь на Западе и разжигали вражду к нему. В этом ряду Жуков был первым. Но ведь был еще и Александр Каверзнев, который ухитрился, скажем, показать роскошные празднования Рождества в Париже и Нью-Йорке. Председатель Гостелерадио Лапин после той передачи топал ногами и кричал: «Надо было не елки показывать, а как безработные в помойках роются...». Но, повторяю, международники –статья особая. Они старались показать классовые противоречия в стране своего пребывания, чтобы их из этой страны Лапин не отозвал, не лишил бы кормушки и сертификатов для магазина «Березка». Когда у нас началась перестройка, и в эфир пошел фильм о первом фермере Сивкове («Архангельский мужик»), один такой

международник возмущался: нельзя, чтобы один человек имел шестьдесят бычков, это капитализм, это не годится!

А что же Бекетов? Сергей Муратов в книге 1985 года рассказывает о его фильме так: «Воды Енисея обрушились в котлован. Рискуя жизнью и здоровьем, падая от усталости и не покидая сутками стройку, люди перекрывали путь потоку, откачивали воду, спасали ценнейшее оборудование. По всем репродукторам разнеслась команда: корреспондентам покинуть площадку... Телефильм «Трудный год в Саянах» был снят и показан. Что получилось бы, если бы мы убрали из фильма наиболее «невыгодные» эпизоды? – размышлял автор фильма В. Бекетов. А получилась бы подделка, оскорбительная для всех, кто работал в Саянах в эти дни». Выходит, у мастеров «опостылевшей пропаганды» были все же какие-то нравственные принципы!

...У третьеклассницы трагедия – нет вельветовых джинсов, и она чувствует себя, как голая. «Я поженилась бы на консуле. Ездила бы на гастроли. Париж, цветы, красота. Летом бы отдыхала в Крыме». Это не из сегодняшних передач, это из книжки Муратова 1985 года, которая была сдана в печать еще до пришествия Горбачева и его перестройки. Муратов смотрел телевизор и записывал, записывал... Как Саппак в конце 50-х. «Под воздействием публицистических передач сама аудитория становится иной», – считал Муратов когда-то. Стало быть, и Радов, и Черниченко, и другие публицисты способствовали той самой перестройке мозгов. Вот вам и «опостылевшая пропаганда» – она предвидела сдвиг в сознании, била тревогу по поводу вельветовых джинсов, ставших идеалом советской девочки...

«Остерегаясь вторгаться на территорию телепропаганды, огороженную проводами высокого напряжения, теоретики посвящали себя эстетическим исследованиям ТВ», – пишет академик. Да ведь вторгался Муратов, не мог не вторгаться в силу гражданского темперамента. Выступал с телеобозрениями в газетах. Именно от Сергея Александровича я впервые услышал имена Амальрика, Авторханова и других диссидентов.

Третий наш друг, ушедший раньше нас, приезжал в отпуск из жарких стран. Читал свои стихи: «Я пик своей судьбы прошел, и был он невелик...». Друг был полковником внешней разведки, делал нормальное мужское дело. Я же работал «за колючей проволокой» – в Главной редакции пропаганды. Делал праздничные передачи с министрами и руководителями республик и областей. Ту самую, опостылевшую, значит, пропаганду. Жизнь была сложнее и интереснее нынешних представлений о ней, и жаль, если молодые телевизионщики не поймут этого, прочитав сегодняшний вариант «телебиблии от Муратова» и проникнувшись благородным презрением ко всем, кто делал ТВ до них. Так сказать, насмешка сына над промотавшимся отцом. Нынешнее ТВ Сергей Муратов тоже не жалует, когда речь заходит об «информационных войнах», и хорошо, что он описал в подробностях киллерскую работу «нерукопожатного» Доренко – иначе кто вспомнит эту фамилию лет через десяток?

Летописец ты наш, дорогой Сергей Александрович! Вот и меня, грешного, удостоил в книжке 1988 года парой симпатичных

абзацев. (Речь, между прочим, все о той же экранной пропаганде, будь она неладна.) «Почему бы столичным кафе не продлить работу до двенадцати или часа ночи?» поинтересовался в прямом эфире ведущий московского «Диалога» Г. Кузнецов. Предложение вызвало бурное несогласие. На студию тут же стали звонить работники торговли и общепита: в доме дети, вы лишаете нас права на отдых. «А как же справедливость? –возразил ведущий. – Разве у сталеваров, занятых в ночную смену, или водителей городского транспорта, нет детей? Отчего же такая привилегия работникам общепита?».

Проблема сегодня кажется смешной – повсюду вывески «работаем 24 часа». А тогда телемост в кафе «Ивушка» обсуждался всерьез. Был я летом в лондонском Гайд-парке. В том углу, который отведен самодеятельным ораторам (пропагандистам-любителям) по выходным дням можно говорить все что угодно. Есть только два исключения: нельзя затрагивать религию и королевский дом.

Примерно такие же исключения были и у нас. Езжай в любую точку СССР, снимай что хочешь, только не ставь под сомнение господствующую религию (марксизм-ленинизм) и королевский дом (ЦК КПСС). (Конечно, это серьезно ограничивало свободу – тут Муратов прав.) Официально было провозглашено: пропаганда должна быть задушевной. Может, кому-то из московских снобов не нравились передачи «От всей души» (ведущая В. Леонтьева), а народ от них был в таком же восторге, как от «Богатых...», которые тоже плачут.

Хоронили мы Дамира Белова. Комментатор трижды обруганной программы «Время». Лауреат Госпремии за эту программу вместе с Юрием Летуновым и Евгением Синицыным. Женя говорил: если человек через 15 минут после знакомства бьет тебя по плечу и называет Женькой, значит, репортаж получится! Репортер был – от Бога.

Наши столы с Дамиром стояли на 9-м этаже Останкина встык, буквой «Т». Только мало мы бывали за теми столами. Из «мертвящей атмосферы» (тут Муратов опять-таки прав) Дамир вырывался на две недели за очередной передачей в тюменские нефтегазовые края, а я во Владивосток или в Белоруссию. Приезжали как эмиссары Москвы, как некие Штирлицы, если хотите. Нескучная была жизнь.

И разве вина Дамира была в том, что нефтяная Тюмень осваивалась не так, как надо? А кто знает, как оно было надо? И не за счет ли той Тюмени мы все живем сегодня? Люди, пришедшие его хоронить на Котляковское кладбище, – нефтяники, строители – говорили, как нужны были им передачи, где про них слагали песни и поэмы. Как важно человеку знать, что он прожил жизнь не зря.

Книжка Муратова – хорошая книжка. Только должно быть еще 2-е издание, дополненное соображениями «из-за колючей проволоки».

Могу даже подсказать эпизод. Стоим мы, трое пропагандистов, за водкой. Во времена горбачевские. Сейчас на этом месте 22-этажные дома, на улице Королева, а тогда были двухэтажные бараки, и в одном из них давали дефицитную водку. И вот Женя с Дамиром живо общались в этой очереди. И окрестные

люди говорили: слушайте, мужики, а откуда мы вас знаем? Они отшучивались. И никому не приходило в голову, что перед ними партийные пропагандисты, лауреаты и т.д.

Что-то я не могу себе представить среди народа Евгения Киселева или кто там еще у академика Муратова в кумирах «информационной революции». Как говорил классик: «Страшно далеки они от народа».

в начало

НЕ ОБЕЩАЙТЕ ДЕВЕ ЮНОЙ...

Замечаю: слишком часто стал менять календари. Кажется, только что водрузил блок с непривычной цифрой «2000», а вот уже пора покупать «2003».

Мне вспомнилась история, случившаяся в рождественскую неделю 1967 года. Чем дальше те годы – тем они ближе почему-то.

Тогда Главная редакция информации ЦТ, располагавшаяся еще на Шаболовке, готовилась к первому выпуску в эфир программы «Время» вместо привычных «Теленовостей». Не скажу, чтоб подготовка шла очень уж напряженная. Никто не думал, что передача станет на много лет официальным рупором Кремля, что другая команда получит за нее Государственную премию СССР. Сейчас на прилавках книжных лотков можно увидеть книгу о «тайнах ТВ», где утверждается, что создателем программы «Время», ее главным редактором был Летунов. При всем уважении к азартному репортеру и хорошему начальнику Юрию Александровичу Летунову надо сказать, что его приход относится к более позднему времени, когда и редакция уже переехала в Останкино, и в главном кресле воцарился незабвенный Лапин. А тогда председателем был еще Н.Н. Месяцев, главным в информации – Н.С. Бирюков. Славно было в шаболовских комнатах первого этажа! А какие люди заходили! То Феликс Зигель с рассказами об НЛО, то медицинские светила к Алле Мелик-Пашаевой, то космонавты. Никакой серьезности на лицах, так, шуточки, анекдоты. «Если водка мешает работе – оставь работу», – с этой фразой остался в моей памяти Юрий Гагарин.

Только несерьезностью обстановки я могу объяснить то, что мне, человеку, не состоящему в штате ТВ и не проверенному в отделе кадров, поручили провести в первом выпуске «Времени» репортаж из Кремля, с новогоднего бала. Включиться в прямой всесоюзный эфир в тот момент, когда в большом зале Дворца съездов объявят антракт.

О расстановке камер, о том, где я буду сам находиться, произнося свой «стенд-ап», я не подумал. Сосредоточился на писании текста и подборе компании для разговора. Была, помню, актриса Вертинская, еще кто-то из людей известных и более-менее молодых. И – вот оно, легкомыслие – приглашена была мною коллега моя по аспирантуре. А поскольку приехала она в Москву из некой южной республики – то, конечно, немедленно позвонила маме: смотрите, родные и знакомые, как я буду в Кремле встречать Новый год. А знакомых там, понятно, полгорода...

Для меня прямой выход на Союз был хотя и радостным и в меру волнующим, но все же привычным делом. Сначала, работая на ТВ в Куйбышеве (ныне Самара), включался с короткими репортажами в «Теленовости» и «Эстафету новостей». Это было еженедельное обозрение, предшественник нынешних «Итогов» и «Зеркала», только без критики властей. Но тем больше требовалось выдумки, чтоб люди не заснули у экранов.

Потом все было как в легком водевиле: примадонна заболела, новенькой доверяют сольную партию. Или, если ближе к моим тогдашним ощущениям, как в рождественской сказке. Тоже ведь зима была, ноябрь 1966 года (то есть отмотаем пленку от моего основного рассказа на год назад... впрочем, видео тогда еще не было). Еду я, значит, с туристской группой из Югославии в Самару. И решил задержаться на пару дней в Москве. Зашел, естественно, в Домжур. А там как раз в основном зале милицейское начальство вручает почетные грамоты (то есть охранные грамоты от ГАИ) тем журналистам, которые хорошо помогали нашим внутренним органам в деле пропаганды их достижений. Среди других грамоты получают: главный редактор телеинформации Бирюков и комментатор Золотаревский. Тут же, как и я, проездом оказалась диктор из Сочи Алла Журавлева. Поскольку Золотаревский жил тогда рядом с Домжуром, отправились к нему в гости. Раздается телефонный звонок. Завтрашний ведущий «Эстафеты» сообщает, что у него разошлись швы после операции, и он вести программу не сможет. Золотаревский: но и я не смогу, У меня запланировано в эту же «Эстафету» прямое включение от архитекторов. А кто же поведет? Да вот, говорит Леонид, у меня в гостях Журавлева и Кузнецов. Вот они и поведут.

Одно дело – пятиминутный репортаж, другое – часовая программа с сюжетами про такие глобальные дела, что мне и не снились. Но выплыли как-то. Золотаревский дал ценный совет: пойди в библиотеку и найди по каждой теме дополнительную любопытную информацию. И про ракеты (день ракетных войск был как раз), и про ту страну, куда поехал наш лидер... Приезжаю, словом, в Самару, как на белом коне, – тогда ведь выбора каналов не было, в пятницу вечером «Эстафету» смотрели все. Потом вызывают в Москву на совещание по телеинформации, дают оператора Романа Кармена с синхронной камерой (которую я вижу впервые в жизни), и мы делаем репортаж из отдела кадров ближайшего завода.

Потом экзаменационная сессия в МГУ и преддипломный отпуск. Пять месяцев узаконенного безделья, место в общежитии на Ленгорах. А ведущие «Эстафеты» продолжают хворать. И в эфир выпускают меня, заочника-бездельника. Когда ведущий, слава Богу, здоров, я все равно являюсь в редакцию и сижу в уголке. И непременно наступает надобность делать срочный репортаж. В машину – и вперед!

7 мая 1967 года доверили вести первый репортаж с Останкинской башни. 30 минут с прямой трансляцией на Францию. Затем рекомендация и целевое место в аспирантуру – а это уже три года узаконенного безделья. И, вероятно, наступило то самое головокружение от успехов, которое и сегодня заметно у моих

студентов, несколько раз «сходивших в эфир». Потому и не проверил я заранее, где будут стоять камеры и где делать «стенд-ап». Привык полагаться в этом на режиссеров и операторов. А уж во Дворце съездов, думаю, у них каждая точка пристреляна, там ведь постоянный транспункт ЦТ.

Короче говоря, прихожу во Дворец, разрываюсь в своих устремлениях между подготовкой к репортажу и вниманием к своей южной спутнице, а редактор Володя Степанюк и говорит: старик, а не отказаться ли нам от выхода в эфир, пока не поздно? Я говорю: ну почему, огромный ведь, светом залитый, нарядный банкетный зал, красиво! Конечно, лучше бы фойе, где танцуют...

– Да, – говорит Володя, – но тебя на фоне зала показать никак нельзя. У них всего три метра микрофонного кабеля от розетки в стене. Это ж постоянный транспункт, не передвижка в автобусе, там ты мог куда хочешь с микрофоном двигаться, а у них показ на «стенд-апы» не рассчитан. Ты ведь хотел за столиком с Вертинской общаться? Ну вот, она за столиком, но без микрофона. А ты с микрофоном, но у стены. Откажемся?

Ну уж нет, а как же южный город, прильнувший к экранам? Говорю: Володя, ладно, беру весь текст на себя – весь, без всяких интервью. А ты показывай зал, веселые лица, общий план, люстры и прочее. Три минуты продержимся. Ну ладно, говорит, я в тебя верю, давай.

В эфире уже идут в первый раз позывные «Времени». А я стою у стенки с микрофоном и ничего не слышу, и передачу не вижу, и когда меня включат в эфир – не знаю. Потому что на этом чертовом транспункте не предусмотрен монитор для комментатора. Подать знак мне должен оператор с ближайшей камеры, а всего их в зале три. У операторов наушники и связь с режиссерским пультом.

То ли дело в Самаре: сидишь у монитора, слушаешь ведущего «Эстафеты» (в последний момент не забыть выключить звук, чтоб в эфире «завязки» не было, свиста противного) – и это дает возможность реагировать на происходящее в московской студии, подхватывать прозвучавшую только что мысль.

Что и должно отличать приличного репортера от посредственного. А тут – полная неясность. Я даже не знаю, какие сюжеты идут в программе, что там уже сказали про Новый год, не повторю ли я невзначай эти их слова.

Тем временем народ из главного зала начал подниматься по эскалаторам к нам, к столам банкетным, видно, объявили перерыв. Говорю оператору: передай, чтоб включали нас в эфир – пока народ лицом к нам, пока идут к накрытым столам. Мне в ответ: третья камера вырубилась. Технический дефект. Ладно, на двух сработаем. Ну что мешает дать нас в эфир прямо сейчас, не тяните! Но там, на Шаболовке, тянут. Видно, важная персона в студии, или про соцсоревнование «залудили». А у нас сейчас будет все съедено и выпито. Возле второй камеры блины с икрой кончились, не можем продавщицу показывать для перебивок, – говорит оператор. Ну пусть что угодно показывает, он же в гуще, пусть творит на ходу!

Когда нас включили в эфир, на столах громоздилась грязная посуда, народ показал спины – все потянулись обратно в зал. И только за ближним столиком, приглашенные репортером,

кучковались несколько людей, к которым даже нельзя было подойти с микрофоном. Я что-то говорил про первый бал Наташи Ростовой, но это был, конечно, позор. Главный редактор сказал, что на Наташу Ростову мои героини ну никак не тянули.

Южная девушка вскоре вышла замуж за интеллигентного профессорского сына. А у меня появилось очень много свободного времени.

«Эх, время, время, времечко, жизнь пролетела зря», – поет радио. Какая-то приблатненная радиостанция на УКВ. А у нас «в телевизоре» к середине семидесятых наступили строгие времена. Шаг влево, шаг вправо – ни-ни. Зато внутри разрешенной зоны творческий поиск поощрялся. Хотя кто его знает, что «они» сочтут творчеством, а что крамолой. Готовя фильм «Год 1965» из видеоэпопеи «Наша биография», вспомнил я молодежный фильм «Августовка, любовь моя», снятый под Самарой как раз тогда, в году 1965, про девчонок, решивших остаться в колхозе. И представьте, нашел я их, повзрослевших, в той же Августовке. Даю фрагменты старого фильма с песней, давшей ему название, – говорят, не годится. Как не годится, фильм тиражирован и показан на весь Союз. Тогда, отвечают, можно было, а сейчас Сергей Георгиевич за такие песни ругает. Все тринадцать этажей тряслись, чтоб Лапину угодить!

Я опять же человек нештатный. Но для фильма это можно. В руководство мне определили редакторшу, приехавшую откуда-то, вроде меня, с местной студии. Она не умела уговаривать людей принять участие в съемках и вообще имела комплекс местной звезды: «а что это я буду перед ними унижаться». Ей отказал Василь Быков, которому она позвонила в Белоруссию. А я на него очень рассчитывал – ведь именно в 65-м году начали честнее говорить о прошлой войне в связи с 20-летием Победы. Ну что же, я сам готовлю другой, «ударный» сюжет. Что у нас было в 65-м? Полет Беляева и Леонова, первый выход в открытый космос, а потом единственное за все годы незапланированное приземление на Северном Урале вместо просторных казахстанских степей.

Начал собирать материалы по этому полету и нашел вопрос, заданный замечательным интервьюером Леонидом Плешаковым Алексею Леонову: «А если бы вам сейчас оказаться на месте той посадки, в пермских лесах...». Что дальше – неважно, суть репортажа стала ясна. Надо везти Леонова на место посадки.

Это легко сказать – везти Леонова. Тогда, в 1977 году, отношение к космонавтам было трепетным. Если писатель Быков может вот так запросто отказаться от выступления по ЦТ – а мы бы к нему домой приехали, хлопот немного, – то здесь надо было затевать с Леоновым совместную экспедицию дня на три-четыре. Это ведь далеко за Пермью, за Соликамском... Скажет: да вы, ребята, с ума сошли.

Надо, думаю, с Леоновым встретиться. По телефону отказать так легко, а фамилию мою он по «Эстафете» вряд ли помнит. Кого

он точно не забыл, так это Золотаревского, автора фильмов про космос. Помнится, в редакции они чуть ли не бороться взялись.

Золотаревский позвонил Леонову, договорились о встрече возле МИДа на Смоленской площади. А надо сказать, что у нас с Леонидом были в то время молодые жены. Вот мы вчетвером на встречу и явились. Объяснили, что к чему, Архипыч говорит: меня пермяки давно звали, я у них почетный гражданин, да никак не соберусь. Отпросите меня у начальства – поедем. Вот так, вчетвером, и поедем. Впятером то есть, ладно? Но не раньше июня. Раньше там холодно.

Начальство, у которого надо было «отпрашивать» Леонова, оказалось близко. На Пироговке дом без вывески. Пропуск на такой бумаге, на какой деньги печатают. Главный штаб Военно-Воздушных Сил. По телефону опять-таки не стал объясняться и правильно сделал. Замполит седой, в генеральских погонах, со звездой Героя – вот хорошо, думаю, уже зацепка есть. И прошу дать разрешение на поездку Леонова под Пермь. Генерал морщится: зачем так далеко? Снимите в Звездном городке, там такой же лес, вертолет для вас «повесим». Э, нет, в Перми у Леонова совсем другие эмоции будут. Да и зачем вам это все, про космос уже все сказали, – говорит генерал. Вот тут я на Звезду и показываю. Она, мол, у вас боевая, а зрители нам недовольные письма шлют: дают космонавтам Звезды Героев непонятно за что. Ну подумаешь, слетали на автомате. А у Беляева с Леоновым риск был, и первый раз не туда залетели. Напомнить об этом как следует, это же факт истории, а мы историю на экране пишем.

Генерал тронул какие-то рычажки, спросил в микрофон: сколько у нас километров от места посадки «Восхода-2» до ближайшей базы вертолетов? Восемьсот? – Вы нам только разрешите его в Пермь увезти, а дальше видно будет, – попросил я. Ну что же, – сказал генерал, –если хочет, пусть летит.

Зафиксировать это на бумаге я не догадался. Не было тогда еще таких нравов. Генерал сказал – значит, летим!

Командировку Леонову выписали от Центрального ТВ, а денег авансом не дали. Нештатникам не положено. Поскребли мы с Золотаревским по карманам, нашли на себя, на жен, на Леонова. Новая беда – на нужный день билетов в кассе нет! Но такой был у Золотаревского пробивной оператор, что выписали ему аэрофлотские кассиры билетов сколько надо в заполненный уже самолет. Только, –говорит, – на посадку первые идите.

Моя редакторша спокойно заявляет: билеты придется сдать, все отменяется. Как так, Лариса, мы и на тебя билет взяли. В колхоз ты не хотела со мной съездить, а с космонавтом решила лететь, и теперь отказываешься? – Звонил, – говорит, – майор из штаба ВВС, они там убедили генерала, что нельзя о наших космических неприятностях рассказывать.

– Да ведь рассказали уже в 1965 году!

– Тогда было можно, а сейчас нельзя.

– Пусть идет твой майор в... Я-то с ним не говорил. Мне генерал разрешил, больше я ничего не знаю.

Леонов тоже ведь генерал, но субординацию соблюдает: а ты, говорит, позвони моему начальнику Шаталову в Звездный и скажи,

что замполит разрешил. А вертолет я в Перми обеспечу. Что ж, позвонил. Реакция такая же, как у первого генерала: если хочет – пусть летит.

Въезжаем на летное поле в Домодедово к депутатскому залу. Леонов сказал: отсюда уж мы точно первые в самолет попадем. Кинорежиссер Сергей Герасимов с Тамарой Макаровой там уже кофе пьют и не в Пермь собираются. А Леонов шутит, балагурит: знаете, почему пермяков зовут «солены уши»? Они мешки с солью на баржи грузили, на спинах носили, вот уши и просолились. А я думаю: скорей бы посадка. Ведь сорвать нам съемку так легко. Один звонок из ВВС Лапину: как же так, мы ведь запретили. Другой звонок из аппарата Лапина министру «Аэрофлота». А уж там – дело техники, как нас в самолет не пустить и билеты аннулировать. Тем более они у нас «двойные», на чьи-то живые места.

Но бардак крепчал повсюду уже тогда. И мы спокойно прошли к старенькому «ИЛ-18». Но пока не оторвались от земли – а посадка шла на редкость долго, может, из-за путаницы с билетами, – я сидел ни жив, ни мертв, а Леонов покрылся потом от дикой духоты. Тогда на земле самолеты почему-то не вентилировались, не предусмотрено было это. Что, Алексей Архипович, тут похуже, чем в космосе?

Наконец, взлет. И где-то на этом этапе я понял, что увеселительной поездки у нас не будет: зря мы с Золотаревским взяли жен, и от редакторши тоже толку мало. Вот сейчас мне уже надо как-то незатейливо ограждать Леонова от излишнего внимания пассажиров, а его, конечно, узнали, просят автографы, он прилежно расписывается на всем, что попадет под руку. Такова, говорит, часть нашей работы на земле. Но моя работа тоже не должна стоять. И даю я Леонову несколько книг не для автографов, хотя они получились любопытные, а для того, чтобы понять, где мои коллеги, мягко говоря, приукрасили действительность, когда писали о выходе в космос и ручном приземлении. И космонавт начал вычеркивать и вписывать, снова вписывать, вычеркивать и даже рисовать схему посадки.

За это дело, за невнимание к молодой жене, мне влетело прямо в самолете. В данном случае была не южанка, но прибалтийский темперамент, доложу я вам, ничуть не слабее.

– Что ты вцепился в человека? У вас еще три дня впереди.

– Там неизвестно, как сложится. Зачем откладывать дело?

– Как говорят у вас, у русских: куй железный, пока горячий, да?

– Вот именно.

Из пилотской кабины передали, что Пермь запрашивала: действительно ли на борту космонавт Леонов. Посадка, тормозим у аэровокзала. Ого! На летном поле выстроились пионеры в белых рубашках и галстуках. Хлеб-соль, кортеж машин. Торжественно встречают почетного пермяка. Оператор Золотаревского расчехлил камеру (они решили снять репортаж для заграницы, «на экспорт»), а мне эта декорация ни к чему. Стою у трапа, чтоб в кадр не попасть, держу дорожный кейс Леонова. И вдруг вижу, что его сажают в «Волгу» и кортеж срывается с места. Кричу жене: будь с группой!

Вваливаемся с Леонидом в какую-то из машин резерва, тоже «Волгу», показываю кейс Леонова: быстро за ними!

У ворот загородного особняка к «Волге» подошел полковник милиции, забрал у меня кейс и, ни слова не говоря, скрылся. Разговаривать с постовым было бесполезно.

Обе киногруппы и жен мы нашли в гостинице, где туалеты были в конце коридора и стоял советский гостиничный дух. Звоню в обком (зав. отделом пропаганды по фамилии Пермяков) и слышу: обком заниматься вами не будет, поручаем вас телерадиокомитету. Прошу все же о личной встрече. Начинаем с Золотаревским доказывать, что выполняем важное задание, и если бы не в отпуске был первый секретарь обкома, который знает толк в этих делах...

– Кто у вас главный? – перебил Пермяков. Он, как многие начальники, ценил субординацию и не мог общаться сразу с несколькими людьми. И тут из-за наших спин возникла Лариса:

– Я! Я главная!

Надо ли говорить, что через три минуты мы были с позором изгнаны из обкома. В гостинице нас встретили две крайне недовольные съемочные группы и две жены: пора бы поужинать! Главным качеством автора, ценимым группой, было умение организовать «халяву», то есть бесплатное угощение. Особого умения не надо, если едешь делать передачу с участием первого секретаря или в передовой колхоз. А тут ведь наш герой только Леонов. Значит, нас можно посылать в вонючую гостиницу, о кормежке и речи нет. В ресторане очередь, считайте, что закрыт. Но подождите, не до ужина пока.

От председателя местного телерадио толку было ровно никакого. Чиновник мелкого калибра, «чего изволите» перед обкомом. Указаний о вас, говорит, не поступало. Каких еще указаний, мы привезли Леонова и должны его завтра снимать. – Ничего не знаю.

Говорю редакторше: раз ты главная, добывай любой ценой телефон этой обкомовской дачи, мне надо говорить с Леоновым. Через приемную обкома, через КГБ, через Москву – как хочешь.

Нашли в конце концов номер, дозвонились. Перетерпите как-нибудь ночь, – говорит Алексей Архипович, – а завтра в 10 часов надо быть на причале, но не на главном речном вокзале, а совсем в другом месте, это далеко, выезжайте пораньше. Будет «Ракета» до Березников.

– Давай, главная, добывай на завтра транспорт. Вынимай душу из председателя.

У них в Перми единственные в России шестикамерные шлюзы для проводки плотов электровозами. И чтобы попасть в верховья Камы, надо доехать до ГЭС, потом обогнуть все эти шлюзы. Там и ждала космонавта крылатая «Ракета». Поскольку мы явились раньше, хоть и на раздолбанном телевизионном автобусе, нас даже на причал не пустили. Спецрейс, указаний нету.

Явился, наконец, кортеж с Леоновым, мы воссоединились. Руководил поездкой зампред облисполкома по фамилии Вагин, вполне интеллигентный, вменяемый человек. По возвращении в Пермь надо было еще ночь ночевать, так он нам «сделал» хорошую

гостиницу, а жене моей, за прибалтийский акцент и в качестве компенсации за моральный ущерб, принес букет роз.

– Раз он так к вам относится (это о Леонове)... Мы ж не знали.

Два дня в Березниках были для меня тяжким испытанием. С одной стороны, благополучно завершались усилия нескольких недель. Славно завершались: был и вертолет к месту посадки, и Леонов его даже сам пилотировал. Были лесорубы, которые первыми нашли Беляева с Леоновым в тайге. Были проникновенные рассказы космонавта. И еще гостеприимные березниковцы показывали титаново-магниевый комбинат и шахту, очень красивую, где чередуются пласты красной и белой соли. Белую валили в отвал, из красной делали калийные удобрения. Но вот незадача: в шахту женщинам не положено. В финскую баню тем более. Что делает прибалтийская жена? Нервничает. Она и в Москве без меня боялась оставаться, а тут тайга, трубы, марсианский пейзаж. К тому же я сказал: теперь Леонова от себя не отпущу, буду с ним в машине ездить, может, узнаю что-то интересное. А ты уж с киногруппой как-нибудь...

Вскоре у меня опять стало много свободного времени.

в начало

ЗАБЫТЫЕ ФОРМАТЫ

Формат – это не только хронометраж, но и набор постоянных признаков, компонентов телевизионной передачи.

Например, так. Студия 300 кв. метров, работают 5 камер. В кресле – приглашенный политик. Перед ним за длинным столом восемь или девять представителей прессы. За отдельным столом ведущий и его помощница.

После вступительного монолога главного героя журналистам предоставляется право задать по одному вопросу. Ответ – не более трех минут. Второй «круг» – в ритме «блица». Ведущий подводит итоги. Хронометраж – 60 минут.

Или так. Студия 600 кв. метров, работают 6 камер, одна из них на операторском кране. Участники передачи (4–5 человек) и ведущий сидят в окружении декораций и плакатов, отвечающих теме очередного обсуждаемого художественного фильма. В начале – представление участников и обращение к зрителям с просьбой звонить по указанному номеру телефона в прямой эфир. Камеры показывают расположенные тут же 10 кабин стенографисток. Ведущий кратко характеризует фильм. Последняя фраза: «Мы смотрим фильм вместе с вами». Участники передачи смотрят на большой экран.

По окончании фильма – 45-минутная дискуссия, ответы на вопросы и письма зрителей.

Первая передача выходила на РТР и называлась «Без ретуши». Вторая – тогда же, с 1991 по 1995 год, на первом канале и называлась «Киноправда?!». Первую вел Сергей Торчинский, вторую – автор этих строк. Полагаю, что эти форматы забыты незаслуженно и рано или поздно возродятся на нашем ТВ. Для тех журналистов и режиссеров, кто возьмется за этот труд, будут,

возможно, полезны предлагаемые заметки, опубликованные в свое время в журнале «Журналист».

У входа в студийный павильон стоял крепкий парень в пиджаке. Второй маячил чуть поодаль, оттуда просматривался коридор. Проходить парни не мешали, но от их взгляда «не знаешь, куда девать руки. То ли по швам, то ли назад, то ли вообще «руки вверх»... По коридору подтягивалась привычная команда газетчиков, начиная соображать, с кем выпало сегодня иметь честь... У подъезда возникли длинный автомобиль на широких шинах, еще одна машина с мигалками и еще одна с подвыванием... Сергей Торчинский, так и не набравший начальственной солидности, рванулся было навстречу старому знакомцу, с которым в мае девяносто первого вот так же перед эфиром стояли вдвоем, курили нервно, сходу перешли на «ты», у обоих было ощущение риска и азарта, потому что Российское ТВ было еще как бы вне закона и российский флаг еще не развевался над Кремлем, он был только на стене в самодельной, наспех приспособленной студии на Ямском поле. Начиналась предвыборная гонка, в которой его собеседник был одним из многих; от Торчинского, привычного к эфиру, в общем зависело, каким увидит нового политика российская аудитория. И это обращение на «ты», и раскуренная сигарета должны были помочь гостю ощутить себя среди своих, с кем хоть в эфир, хоть в разведку.

Сегодня, похоже, гостю поддержка уже не нужна. Вокруг мощная свита. А Сергея он, здороваясь, то ли узнал, то ли не узнал, смотрит ровно. Вообще-то для Сергея идеально, если впервые увидишься с героем минут за пятнадцать до эфира: как раз столько времени, чтобы установить контакт, «разогреть» собеседника. Для этого самому раскрыться. Прежде, в «Сельском часе», Торчинский при каждом удобном случае ратовал за подряд, за аренду, за свой для крестьянина кусок земли. Убеждал обкомовцев и солидных людей из Минсельхоза, а то и со Старой площади. Может, даже излишне суетился перед ними, показывая, что никакой он не диссидент-вольнодумец, а вместе с ними за Россию изобильную, только они не всегда видят из кабинетов то, что так понятно съемочной группе «Сельского часа»... Вот и сейчас начал было о фермерстве, о земле, о последней командировке, но взгляд гостя уходил куда-то мимо, поверх Сергея и поверх Земли. Это был взгляд, которым во все времена приобщенные к Власти создавали нужную дистанцию. Нет ничего сложнее, чем брать интервью у людей, привыкших говорить, а не слушать. Привыкших, что слушают их. Быстро же приходит такая привычка... Но ладно, в «Без ретуши» Сергей не интервьюер, он хозяин эфирного времени – секундомер в руках: «Здравствуйте, вас приветствует телевизионное объединение «Республика», мы опять в прямом эфире, наши условия как обычно – пять минут для вступительного слова гостю, три минуты каждому представителю газеты на вопрос-ответ, а потом еще блиц-интервью».

– Сергей, как бы ты сформулировал, ради чего существует рубрика «Без ретуши»?

– Я стараюсь высветить со всех сторон с помощью разных газетчиков некое общественное явление, которое представляет мой гость.

– Гости приглашаются по какому-то плану?

– С меня это требуют, но этого не будет. Я своим охотничьим чутьем должен определить, какой собеседник будет наиболее уместен именно в данный момент нашего развития...

– Какими попаданиями ты гордишься?

– Витаутас Ландсбергис – именно в тот день, когда он был всем интересен. Александр Яковлев. Станислав Говорухин, когда не все еще поняли, что «так жить нельзя». Сергей Ковалев. Представители деловых кругов, так называемые технократы, да мало ли! Рубрика зародилась во время президентской гонки, и мои передачи с Жириновским и Макашовым оказались интереснее, чем, например, с Рыжковым.

– Самое трудное в передаче?

– Преодолеть искус себя показать. Сиди с секундомером, создавай доброжелательную атмосферу – и все. Одна дама мне радостно заявляет а вы знаете, меня начали узнавать в магазинах и даже пускают без очереди. Я говорю: значит, вы превратились в телерантье. Это самое страшное на ТВ.

– Другое страшнее. Известна такса за пять или десять минут прямого эфира в некоторых программах. Хочется зажечь титр на экране: «Все продано!» Мигающий такой титр. И табличку с ценой на шею ведущему. Тебе, кстати, не предлагали таких гостей... платных?

– Предлагали. Сказать тебе, куда я их послал?

Автор и герой данной публикации – давние коллеги и приятели. Встречаемся редко. Сережа с некоторых пор стал еще и руководителем– хотя в любой стране постоянная телерубрика с виднейшими политиками была бы для журналиста единственным и главным делом жизни.

В тот день Сергей еще не знал, что вскоре ему предстоит провести главную передачу в своей жизни. В ночь с 3 на 4 октября 1993 года, когда с московских улиц исчезла милиция, когда Руцкой и Хасбулатов призывали войска штурмовать Кремль и банда люмпенов громила Останкино, выключились один за другим передатчики ТВ, замерла в ужасе Москва. И только Российское ТВ, 2-й канал, удерживало народ от паники. Известные всей России люди всю ночь шли в так называемую «резервную студию» и своими выступлениями в защиту демократии, против реальной угрозы гражданской войны переломили ситуацию. Ведущим ночного импровизированного спасительного эфира был Сергей Торчинский.

...Вхожу в двери с табличкой: «Первая в СССР телевизионная студия, начала работать в 1938 году...». Это Шаболовка. Музейный экспонат, переданный РосТВ. Теперь «Без ретуши» идет в эфир отсюда. Режиссер Нора Соголова ничуть не удивлена моим появлением в уютном закутке у режиссерского пульта и старых стульев. Видимо, для нее я тоже часть этого старого, но живого пока

шаболовского павильона. Может, моя тень бродит тут по контрольным мониторам с тех времен, когда мы выдавали из этой студии «Эстафету новостей».

– Нора, это какая по счету передача «Без ретуши»?

– Сотая!

Нора в микрофон дирижирует камерами, на цветных мониторах вырисовывается схема будущей передачи.

– Вторая камера, возьмите заставку РТР. Четвертая, укрупните гостя. Пятая, прикиньте панораму слева направо. Третья, возьмите Торчинского. Одного, отрежьте Танину кофту. Гостя подрежьте снизу. Так. Стоп. До эфира десять минут.

– Куча времени... Я спущусь пока в павильон, ладно?

Нора артистично-утомленным взмахом позволяет.

Сергей Торчинский, перегнувшись через подлокотник, что-то рассказывает гостю студии. Охраны поблизости нет, гость кивает сверху, со своего пьедестала. А напротив, за длинным столом... Помните про коня и трепетную лань, которых вроде бы нельзя впрячь в одну телегу? Но вот они, в одной упряжке, таблички стоят на столе рядком: «Правда», «Московский комсомолец», «Красная звезда», «Труд». Плюхаюсь в пустое кресло «России», представляюсь соседям, отбиваясь от звукооператорши, норовящей пристегнуть мне петличку микрофона.

Дорогие коллеги, участие в этой передаче – для вас – что?

Виктор Широков («Правда»): Так получилось, я в первый раз, вместо товарища. Но, в общем, интересно, любопытно.

– Считаете ли вы, что ваше присутствие в программе «Без ретуши» помогает «Правде»?

– Да, это однозначно. У нас был об этом разговор на редколлегии. По крайней мере люди видят, что «Правда» жива, выходит, даже принимает какое-то участие в общественной жизни.

– Итак, «Без ретуши» – это факт общественной жизни.

– А может быть, и политической деятельности Ольга Бычкова («МН»): Я не помню, который раз я тут. Четвертый или пятый. Телевизор вообще не смотрю, но деятельность эта не общественная и не политическая.

– Вот уже и разногласия с «Правдой».

– Что значит «уже»? Не уже, а еще! Это и не способ поднять тираж – «Правда» уже не приходит в каждый дом.

– Да, и пролетарии всех стран на первой странице уже не соединяются.

– Да? Давно это отменили? Я как-то не заметила.

– И как раз поэтому никто уже не встает рано утром в *среду, чтобы занять очередь возле киоска за «Московскими новостями». Так что же для вас все-таки участие в этой передаче?*

– Не знаю!

Григорий Нехорошев (Би-би-си): Каждый журналист должен быть на виду, это часть моей профессиональной деятельности. Здесь иногда удается задать такие вопросы, которые неуместны в эксклюзивном интервью. Я здесь присутствовал больше 15 раз. В передаче, посвященной первой годовщине Российского ТВ, главным

героем был Олег Попцов, я ему задал неюбилейный вопрос про его участие в истории с альманахом «Метрополь». Очень запомнилась встреча с Руцким. Тогда ходили слухи, что рвется к власти и собирается заменить президента, я его спросил, как он к этому готовится.

...Возвращаюсь на режиссерский пульт. Нора замечает на одном из мониторов пустое кресло.

– А «Россия» не пришла, газета? Убирайте кресло, табличку, умоляю... Мы в эфире! Даю заставку. Первая камера, отмашку Торчинскому, пусть начинают... Третья, плохой план, ребята не разогрелись! Пятая, наезжай на клиента. Ребята, не дергайте камеру, стоп!

Общаться с режиссером прямого эфира все равно что отвлекать вагоновожатого. Но пошел вступительный монолог главного героя, это единственные минуты, не сулящие сюрпризов, и я потихоньку спрашиваю:

– Нора, вы непременный режиссер этой пьесы. Кто из персонажей был вам особенно по душе?

– Святослав Федоров, Егор Гайдар, Андрей Козырев. А некоторые журналисты просто родными стали. Вон Саша Луговская из «Известий», наша красавица. Ребята из «Московского комсомольца» молодцы, всегда подготовленные приходят. Люблю Лиду Малаш из «Курантов», этакий Гаврош в черном свитерке. Хотя она резковатые вопросы задает, на взгляд нашего начальства, но оживляет действие очень. И правда пьеса, не смейтесь – такие характеры, такие порой страсти. Желнорова, умница из «АиФ», Токарева из «Российской газеты»... Так, внимание, кому он даст первое слово... «Комсомольцу» – укрупняем его, нашего мальчика. Вторая! Раз, два, три, четыре, пять... Третья!

Теперь до конца передачи режиссер в великом напряжении. В студии разворачивается действие, ритм которого для зрителя определяется ритмом монтажа, то есть переключения камер, перемещения их в пространстве. Плохим монтажом можно угробить самую умную журналистскую работу. И наоборот, драматизировать ритмом переключений, сменой лиц.

«Жонглируя размерами объективов и точками камер...». Так писал Эйзенштейн про грядущего мага – режиссера ТВ, пересылающего «свою художественную интерпретацию события в неповторимый момент самого свершения его». Так оно и есть. Мы к этому привыкли.

– Важная мысль! Вторая, наезд, стоп! Не просто так наезд, а в то самое время, когда гость под напором журналиста формулирует нечто на грани риска, когда хочется пристальнее вглядеться в лицо, уловить нечто несловесное, либо усиливающее, либо опровергающее то, что глаголют уста. А на других контрольных экранах видно, как слушают журналисты, и надо мгновенно дать в эфир, как мило нахмурилась девушка из «МН» и как готовится развить атаку представитель «Труда», и вернуться на ритмической паузе к оратору в тот самый миг, когда он набирает воздух для заключительной фразы. Зрителю этот «высший пилотаж» не заметен, зритель думает, что это он сам так ловко следит за

происходящим. Таких эфирных асов, как Соголова, на нашем ТВ совсем немного.

После первого раунда, когда каждый газетчик уже пообщался с гостем, слово берет Торчинский, забыв про секундомер. Всякий раз он утверждает, что не собирался задавать вопрос, потому и не готовился, и вообще рассчитывать все заранее – это коварство по отношению к гостю, Сергей же подчиняется лишь внезапному порыву души. На сей раз Сережа, как всегда бурно жестикулируя, выдал такой вопрос-восклицание:

– Что натворили, нельзя относить это к национальности, это система! С теми же якутами, это насильственное поселение... Кочующие народы насильственно определили к... Как же это называется, господи... К оседлости! Это фактический геноцид. И то, что мы натворили, разрабатывая алмазные рудники, – в результате жуткое разрушение среды и примерно сто тысяч больных по реке Вилюй. Эти атомные взрывы, которые мы там проводили...

Ну и так далее, гостю оставалось только согласиться. Сережа спрессовал в страстном монологе всю свою последнюю командировку. Две недели он летал и ездил по Якутии с киногруппой, снимая все, что видел, на лучшую в мире пленку. Вот и выплеснул все, на что хотел по старой привычке повлиять, сообщая правду народу и правительству.

Час прямого эфира – час жизни на глазах человечества. Великолепное, ни с чем не сравнимое ощущение. Живешь совсем в ином измерении по сравнению со съемкой, где оператор в любую минуту может сказать «стоп» и потом кто угодно – случай, партнер, начальство, обстоятельства, ты сам – мог бы скорректировать снятое. Нет, здесь знаешь, что никакая пленка не подведет и никакая власть не вычеркнет правды, добываемой на глазах у всех. Казалось бы, надежнее записывать встречи прессы с гостем заранее, потом отбирать лучшее в монтаже. Но мы это уже проходили. Как только гаснут юпитеры, высокий гость говорит: «Я там не совсем удачно выразился, убрать бы... И тот вопрос неграмотно был задан, и вот это вызовет ненужные кривотолки...». И выходит передача правильная и чистая, а ты чувствуешь себя идиотом, обслуживающим персону персоналом. При всей демократии и свободе прессы человек имеет право по закону распоряжаться своим изображением. Евгения Светланова три дня снимали на Ладоге, а он сам себе на экране не понравился, в интервью плохо выглядел, и вся моя командировка прахом. Нет, люблю прямой эфир и только прямой! Пусть искусствоведы извели горы бумаги, доказывая его эстетическую неполноценность. Тогда как раз шло удушение прямого эфира, их диссертации были очень кстати. Но зритель-то откликается прежде всего на прямые, без монтажной ретуши, откровения телевидения.

– После передачи я не помню, кто что говорил, помню только ритм, моменты перелома ситуации. С Жириновским это сделал Сергей Пархоменко из «Независимой газеты», когда тот заорал: уберите его!

– Один интервьюер нарочно вызвал раздражение Джона Кеннеди и потом гордился: «Все увидели, как блеснула сталь, из которой сделан Кеннеди». У вас такое редко бывает. Гайдару

пачку ваты показали, спросили, сколько стоит в аптеке, – он не знал, это запомнилось.

– Гайдар забыл о чувстве юмора, эту вату можно было повернуть в свою пользу. Он и его команда недооценили ТВ. Я делал все, чтобы до съезда организовать дискуссию правительства с оппонентами. Раз в неделю или чаще – сколько надо. Им, оказалось, не надо вообще. Занимая кабинет, политики думают, что этим фактом приносят счастье России. А надо бы всему народу регулярно и толково объяснять, для чего ты там сидишь в кабинете.

Треугольник «ТВ – пресса – власть» изобретен в 1948 году, когда американцы увидели на своих десятидюймовых экранах передачу «Встреча с прессой». Она в эфире уже полвека. А у нас чуть что – «ищите новые формы». На Шаболовке я видел большую, в человеческий рост, куклу, которую хотели усадить в кресло рядом с газетчиками. Хорошо, что гость на это не согласился. Куклы, собаки и обезьяны в роли ведущих тоже были в 60-е годы в США, в программе «Сегодня». Их неуместность довольно быстро стала очевидной. Не стоит превращать серьезное дело в балаган. «Встречу с прессой» смотрят творцы новостей и творцы политики, на нее ссылаются в газетах и в конгрессе. Такого бы долголетия и авторитета программе «Без ретуши».

«Останкино» под рубрикой «Киноправда?!» показывает фильмы сталинской эпохи. На экране прошли одиозные «Падение Берлина» и «Клятва», классические «Чапаев» и «Великий гражданин», известные в свое время «Светлый путь» и «Большая жизнь», совершенно забытые ныне «Крестьяне», «Заключенные», «Эскадрилья № 5» и многие другие киноленты прошлых лет.

Всякий раз фильмы обсуждаются в прямом эфире с участием зрителей, звонящих в студию.

Как только на экране появляется номер контактного телефона, у стенографисток начинают стрекотать пишущие машинки. За полтора или два часа, пока идет фильм, приглашенные в студию публицисты, историки, деятели кино успевают познакомиться с множеством зрительских откликов. Участие в нашей передаче – неплохая закалка для нервов. Помню, как сидел, обхватив руками голову, Юрий Карякин, повторяя что-то из ненормативной лексики. Перед ним лежали записки вроде следующих:

«Вы сказали, что при Сталине ложь овладела массами. Нет, это вы сейчас лжете. Как бы вы ни старались вытравить из нас все, чем мы жили – порядочность, любовь к Родине, – вам это не удастся. Ольга Князева из Целинограда, который из-за таких, как вы, уже за границей и больше не Целиноград».

«Картина прекрасная. Не следует при обсуждении говорить о ней гадости. Народ разберется сам. Вы лучше подумайте, как будущие поколения станут судить о теперешней истории. Что можно будет сказать хорошего и приятного о вас, демократах? Смирнова, Москва».

«Вас, буржуи, ждет архипелаг ГУЛАГ за антипропаганду. Горожа Анатолий Васильевич, Полтава...».

Одну-две такие записки я обязательно читаю в эфире. И снова в разных вариациях повторяю основную идею рубрики «Киноправда?!»: мы не столько разбираем фильмы, сколько пытаемся разобраться в себе. Все-таки киноискусство сталинских времен мастерски выполнило основную пропагандистскую задачу: вечные нравственные ценности оказались крепко спаяны с конъюнктурной ложью.

То, что мы делаем в эфире, разделяя, скажем, понятия «Родина» и «Сталин» применительно к военным фильмам, – операция болезненная. Стоило мне перед показом «Падения Берлина» сказать, что на этом фильме поколение послевоенных мальчишек училось патриотизму, как пошли издевательские звонки от «прогрессивной интеллигенции»: так, значит, вы, господин ведущий, сталинист? Нет, ответил я, но что делать, если патриотизм подавался «в одной упаковке» с любовью к Сталину? И сидящие в студии фронтовики – писатель Вячеслав Кондратьев (это оказалось его последнее появление на ТВ), маршал авиации Николай Скоморохов, лично сбивший полсотни вражеских самолетов, четко высказывались на этот счет. Только двенадцатилетние пацаны могли верить, что на фронте действительно шли в бой «за Родину, за Сталина». «Иные из нас уже тогда понимали, – сказал Кондратьев, – что воюет наш народ с немецким фашизмом только потому, что он хуже нашего собственного».

За показ «ностальгических» фильмов мне доставалось не только от «прогрессивных» зрителей, но и от демократической прессы. Критик газеты «Сегодня» возмутился, зачем пригласили в студию сына Чкалова – ведь он в разговоре сослался на газету «Правда» и даже на книгу «Тайный советник вождя»! Однако не заметил проницательный критик, что на фоне этих ссылок еще ценнее прозвучало признание: был бы отец подальше от Сталина – не погиб бы так рано. И потом, это ведь факт, что Чкалов был великим летчиком и фильм был направлен на поддержание славы Сталина славой Чкалова. А «Чапаев» – замечательное явление искусства во многом благодаря несходству экранного героя и его прототипа, хотя сидящий в студии молодой литератор и утверждал, что при тоталитаризме ничего великого вообще быть не могло, а уж искусства и подавно.

Всякий раз мы с редактором Региной Мосоловой рассчитывали некую разность потенциалов, которая даст искру спора в эфире. Но записки от зрителей иной раз накаляют атмосферу в студии выше допустимого. Когда актер Петр Вельяминов после показа благостного фильма «Заключенные» (там бывшие воры лихо строят Беломорканал) рассказал кое-что о сталинских лагерях, то сразу пошли записки типа: «А мы-то вас уважали по фильмам, а вы, оказывается, в тюрьме сидели, не надо было болтать лишнего». И тогда возмутился другой участник передачи, критик Валентин Дьяченко, тоже бывший зэк. Он процитировал Некрасова: «Люди холопского звания сущие псы иногда, чем тяжелей наказания – тем им милей господа».

Вообще же в перебранку со зрителями мы не вступаем. Хотя бы в этом хотим преодолеть в себе прежние привычки – мол, журналист знает, как жить народу. Ни черта мы не знаем! Вот первый вывод после знакомства со зрительской почтой – телефонограммами и письмами. Проще простого обвинить всех в «несознательности», в «пережитках социализма»...

А вот такое письмо вы могли бы себе представить: *«Ведущему «Киноправды?!» Вы, наверное, добрый человек. Я сейчас посмотрела «Светлый путь», и спасибо вам. Я 1919 года рождения, с 1943 по 1953 была осуждена по указу от 7.8.1932 г., работала на стройке железной дороги Комсомольск – Совгавань. Считаю, мой труд там не пропал даром. Дорогу мы построили, в основном женщины. Я любила и люблю социализм, никогда не осуждала все правительства, которые пришлось пережить. Что дали нам перестройка и гласность? Только осуждение нашего прошлого. Это же грех. Если мы стали признавать церковь и молиться, то не надо плохо говорить о Сталине, Хрущеве и Брежневе. Они покойники. Вот распалась такая держава – СССР. Теперь убиваем друг друга тем оружием, которое изготовило наше поколение. Я сорок лет живу в Узбекистане, теперь оказалась за границей. Одна боль. С уважением, М.П. Барабанова, Ферганская обл.».*

Об указе от 7.8.1932 – знаменитом «семь восьмых» – помним по Солженицыну. За горсть колосков сажали, как раз после раскулачивания указ принят. И не Матрена ли солженицынская нам написала – мол, грех, не судите, да не судимы будете?

На обсуждение «Светлого пути» я пригласил Марию Иванникову. Можно считать, что фильм о ней. Из Золушек – в Герои соцтруда и депутаты. И уже тот факт, что она сидела в студии и мы дружески общались, отводил обвинения в том, что далеки мы от народа.

– Мария Сергеевна, – обратился я к ней, – вот вы были членом ЦК КПСС. Ваш голос имел ли какое-то значение? С вами действительно советовались? В те годы много чего решалось, в Афганистан, к примеру, залезли. Нет, я вас не упрекаю, упаси Бог. Я и сам жил по тем правилам игры. Сколько писал и снимал о вас, о ткачихах, а всей правды никогда в эфире не было. А где вы сейчас работаете, Мария Сергеевна?.. Вот как – в булочной, сахарный песок расфасовываете. Уважаемые зрители, будете в той булочной – поклонитесь Марии Сергеевне за ее действительно героический труд, за рекорды на оглушающих станках. В кремлевские палаты рабочих и крестьян допускали два раза в год, чтобы радостно и единодушно поднимали руки за любые действия тех, кто правил страной от их имени. Иногда рабочим подсказывали: покритикуйте такого-то деятеля искусства, его искусство непонятно народу, так ведь, Мария Сергеевна?..

Такой, стало быть, урок извлекли мы из зрительских сердитых записок: не ставить под сомнение человеческое достоинство тех, кто жил в старые времена. Не идти на конфронтацию, а наоборот – звать в студию, говорить на общедоступном языке. Вместе с Григорием Чухраем позвали на обсуждение фильма «В шесть часов вечера после войны» бывшую фронтовую разведчицу, которая, волнуясь,

вступила в спор: «Какая ж это оперетта, если люди действительно гибли? Это ж про нас фильм!». И Чухрай в присутствии такой собеседницы говорил иначе, нежели в компании киноведов.

За такое «опрощение» я опять же получил выволочку от демократической прессы. Дама из «Комсомольской правды» в рассуждении о будущей теленеделе заметила: старый фильм она, конечно, посмотрит, а вот обсуждение слушать не будет. Мол, все, о чем будет сказано, давно уже известно из газет. На это я рассказал с экрана старый классический анекдот. Как с интеллигента двое мужиков в магазине взяли рубль, чтобы выпить на троих. Выпили. Интеллигент сразу пошел домой. Двое сзади догоняют: «А поговорить?».

Вот задача нашей «Киноправды?!»: поговорить после фильма. Чтоб не реклама какой-нибудь фирмы появилась в телевизоре после Сталина в белом кителе или после Шахова – Кирова, мечтающего иметь двадцать – тридцать республик после хорошей войны. Осмыслить все это, никого не обижая. Ведь каждый из нас был готов свою надоевшую «хату покинуть, пойти воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Ну не в Гренаде, так в Афгане, в Египте или в Эфиопии. Прием «заглядывания в себя» давно известен в теории пропаганды. Да, «Киноправда?!» это пропаганда демократии на тоталитарном фоне. И вести ее хоть с какой-то надеждой на успех можно лишь в том случае, если представляешь себе своего незримого собеседника.

Если угодно, слово «пропаганда» можно заменить на «культурно-просветительскую деятельность». Не об информации речь, а о поиске: что человеку нужно?

«Больше всего меня возмутила мысль, высказанная после фильма Ю. Корякиным, что идеи счастья всех людей, равенства и братства недостижимы. Неужели вы забыли, что эти идеи воплотились в жизнь в нашей стране: всего три года назад килька стоила 30 коп. за килограмм, бутылка молока 13 коп., сыр 2 р. 50 коп., мясо – 2–3 руб., не было национальной вражды. Мир и дружба при всеобщем изобилии. Все были довольны, кроме демократов. В.И. Торопчин, г. Саранск, Мордовия».

Никто не хочет считать свою жизнь напрасно прожитой. И надо осторожно подходить к развенчиванию прежних идолов, которым отдано слишком многое.

Мой друг детства, капитан волжского теплохода, кричал в телефонную трубку после первых выходов «Киноправды?!» с вопросительным знаком: «Жизнь зря прожили, получается, так?» В первых передачах был слишком силен уверенный демократический напор. И болезненно среагировал именно мой друг Серега, никогда не вступавший в партию, молчаливый, от пристани до пристани толкавший баржу с арбузами, щебенкой или автомобилями. Его, значит, лишает смысла жизни критическое обсуждение старых фильмов. Потому что на этих фильмах мы с Серегой учились жить. Мы писали в школьных сочинениях, что «учебником жизни» была литература. «Молодая гвардия», например. На самом деле учебником жизни было кино. Даже Сталин понял кое-что про «Молодую гвардию» не по книге, а по фильму: посмотрев фильм, заставил Фадеева переписать роман.

Диалоги из старых фильмов мы знали наизусть. Это был багаж, с которым мы выходили в жизнь.

Самая динамичная часть общества легко рассталась с марксистскими идеалами, забыв заодно старые наивные фильмы. Сделав карьеру в большевистские времена, динамичные люди продолжают идти вверх. Обманутыми и потерянными чувствует себя простодушное большинство.

«...После уроков мы бежали в поле копать колхозный картофель, а когда полетят белые мухи – копали свой. Было тяжело. Но я никогда не предам своего детства, тех полей и лугов, где мы бродили с подругами. Вы говорите, был застой при Брежневе. А мы при нем купили первый телевизор – и никакой очереди. Купили стиралку и освободили свою мать от нудной стиральной доски. Космонавты взметнулись в космос, Усть-Илимскую ГЭС построили. Разве это липа? Фильмы прошлых лет давали заряд духа, а что мы смотрим теперь? Извините за сумбур, но зло же берет. А.С. Шарапова, г. Улан-Удэ, Бурятия».

Я решил хоть как-то упорядочить поток зрительских откликов. Теперь перед фильмом не прошу «просто» звонить и «вообще» высказываться, а задаю четкий вопрос: кто «за» и кто «против»? Так сказать, референдум. Характер телефонограмм не слишком изменился, но содержание их стало точнее и глубже. Вот как это выявилось хотя бы на обсуждении фильма «Эскадрилья № 5» А. Роома.

Трижды я обещал зрителям показать фильм «Если завтра война». Однажды он уже стоял в программе, но кто-то из бдительной телевизионной иерархии вычеркнул эту «Киноправду?!»: мол, еще беду накликаете. Тогда мы взяли фильм на ту же тему, но с безобидным названием. Содержание такое: Германия нападает на СССР, наши доблестные летчики дают отпор, наши бомбардировщики летят на не досягаемой для немецких истребителей высоте. Один самолет все же сбит, летчики, в совершенстве владея немецким языком, в тылу врага действуют подобно будущему Штирлицу. Наводят наших на подземный аэродром и улетают оттуда с помощью братьев по классу. «До свидания, фриц, рот фронт!». Редкий по силе бред, вышедший на наши экраны за несколько месяцев до сговора Сталина с Гитлером и, естественно, тут же снятый из проката, потому как фашисты стали вдруг нашими друзьями с 1939 до июня 1941 года.

Предваряя дискуссию, читаю в эфире два высказывания о фильмах «оборонной темы». Поэт Алексей Сурков в 1948 году: «Пробыв среди солдат две войны (финскую и Отечественную), я был свидетелем того, какой крови нашей молодежи стоило представление о войне, порожденное такими довоенными фильмами, как «Танкисты», «Если завтра война» и др. Им под огнем врага пришлось переосмыслить обстановку, и это очень дорого стоило народу». А Вячеслав Молотов в беседах с другим поэтом, Феликсом Чуевым, продолжал твердить: все было правильно, только так и надо было готовить молодежь к войне – говорить, что малой кровью и на чужой территории. Это поднимало дух. Так кто же прав – Сурков или Молотов? – спросил я зрителей.

Ответы разделились примерно поровну. Но как существенно отличаются друг от друга стиль и уровень мышления противоположных сторон!

«Я всегда думал, почему нас в начале войны били, как куропаток? Вот из-за этого: много хвалились. Идут бомбардировщики на высоте 13 километров, а летчик открывает кабину. Да на этой высоте кровь закипает без скафандра! Куда консультанты смотрели? 22 июня 1941 года я был в пионерлагере в Тучкове, это воскресенье, родительский день. Ко мне приехали родители, и отец сказал: «Сыночек, война началась, но мы денька через три их разобьем». Вот как были воспитаны пропагандой, в том числе и фильмами. Жарков, бывший военный летчик, Москва».

«Фильм я смотрел в 1939 году несколько раз. Естественно, в то время я был в восторге от этой тематики, от положения на будущих фронтах. Этот фильм, если позволите, исключительно вредный был в конечном счете. Он разоружил наших людей. Если бы не было таких фильмов, не было бы напрасных миллионных жертв. Это трагично, это беда режиссера. А ошибки руководства повторяются даже сейчас, в отношении Чечни. Габриелов Григорий Михайлович, Санкт-Петербург».

«Огромнейший вред принесли такие фильмы. Шапкозакидательство процветало. Но и сорок первый год не научил ничему. Возьмите заявление Грачева, что одним десантным полком можно успокоить Чечню. Антропов Александр Данилович, участник войны, инвалид, Одесса».

Это одна точка зрения. А вот другая.

«Такие фильмы воспитывали в нас чувство патриотизма, уверенности и спокойствия. Разрушение патриотизма – это преступление против нашей страны. Устинов Геннадий Васильевич, участник войны, Днепропетровск».

Спасибо создателям фильма. Этот фильм в 39-м году привел меня и тысячи таких же мальчишек в авиацию. Мы защитили Родину. Слишком видна тенденциозная роль ведущего в охаивании прошлого. Базаковский Вячеслав Иосифович, Белоруссия».

«Господин ведущий, сколько вам заплатили за то, что вы добиваете Россию и российское государство? Гаркал Валерий Степанович, Москва».

«Безусловно, прав Молотов, потому что пропаганда и агитация среди молодежи должны вестись в оптимистическом тоне. Сурков не прав потому, что не имело значения в боевой обстановке, как до того агитировали молодежь. Коннов Юрий Алексеевич, Москва».

Позвонила из Киева заведующая Музеем киностудии им. Довженко Татьяна Тимофеевна Деревянко и сказала, что фильм задержался с выходом на экраны – был сделан в 1938 году, а вышел только в 1939-м. Вначале слишком острым было название: «Война начинается». Потом переделали на «Эскадрилью № 5». Я откликнулся из студии: хорошо, что переименовали, с таким названием и сейчас бы нам его из эфира выбросили. Что значит – «Война начинается?» На Кавказ намекаете, да? (Мы как-то нечаянно совпадали в своей «Киноправде?!» с событиями дня. Во время работы последнего съезда народных депутатов показывали

«Заговор обреченных», там было много сцен в парламенте, который к концу разогнали.).

Концовку передачи я всегда готовил заранее. Нельзя же оставлять зрителя в недоумении. Читаю из книги:

– Убейте его! – кричит молоденький лейтенант в рассказе Владимира Тендрякова «Донна Анна». Кого – его? Фашиста? Дело происходит на фронте в 1942 году. Нет, есть кто-то еще похуже фашиста.

– Убейте его! Кто ставил «Если завтра война»! Убейте!

Этот интеллигентный лейтенант, любитель кино, в безнадежной ситуации поднял роту в атаку – «За Родину, за Сталина!» – и рота полегла под пулеметным огнем немцев. А лейтенант уцелел. Его отдали под трибунал. Виновником гибели роты он считал создателя кинокартины «Если завтра война».

Тот цикл рассказов Тендряков, по его признанию, «поднял со дна своей памяти». На фактах построены рассказы. Значит, после нападения Гитлера люди ждали, что война пойдет, как в кино. Как в бодрой песне из этого самого фильма: «Мы врагов разобьем малой кровью, могучим ударом».

В первые недели войны попали в гитлеровский плен сотни тысяч наших солдат и офицеров, поверивших в экранное действие. Они не умели обороняться. Они умели только наступать. Они пели: «Если завтра война, если завтра в поход – мы сегодня к походу готовы». Так я поставил точку в той передаче.

В работе с записками, в раздумьях над ними возвращаешься к старому, давно сформулированному правилу просветителей и проповедников: обязательно учитывать и уважать мнение той части аудитории, которая настроена негативно, и постепенно эти люди станут тебя слушать. Приведу еще одно зрительское мнение, не потому, что «доброе слово и кошке приятно», а как пример контакта с таким зрителем, которого к единомышленникам не отнесешь.

«Очень благодарен вам и за показ фильмов теперь уже невозвратного социалистического прошлого, и за ту тактичную объективность, которой вы стараетесь придерживаться в своей дискуссии. Манеру вашего обсуждения я назвал бы рыцарской. Вы даете возможность снова, как в детстве, пережить восторженное состояние духа, гордость за наше многострадальное, но все же великое отечество, в котором все было рядом: и злое, и доброе, и прекрасное, и безобразное, и трагическое, и смешное. Сельский учитель Б.И. Таранцов, г. Россошь, Воронежской обл.».

Такую тональность в обсуждении «Эскадрильи № 5» создали киновед Лилия Маматова и два историка – Владлен Сироткин и Вячеслав Дашичев.

Что прожито – то наше. Если мы родом из детства, то, значит, и из старого кино. Этот колодец был, конечно, с отравой, но пилась та вода хорошо!

«Ваша передача видится мне мощным фактором развенчивания «не желающих поступиться принципами». Вы правильно сказали, что фильм «Великий гражданин» культивировал презрение и недоверие к интеллигенции. Идея проста и привлекательна: для постройки канала или выпуска хороших спичек

достаточно партийного указания. Народ поймет, а интеллигенты только портят все своими сомнениями. Усомнился в возможности построить социализм в одной стране – и уже враг. Не раздумывай, вперед! Вот и дошагались. Для меня этот фильм раскрывает многое. Но все ли так воспримут, вот в чем вопрос. В. Лобко, г. Лохвица, Полтавской обл., Украина».

Но есть и такие советы:

«Товарищ ведущий, может быть, сейчас не стоит поднимать правду до того времени, пока хоть немного жизнь стабилизируется? Ведь споры до хорошего не доведут. С культурой плохо, очень плохо, люди озлоблены, не сердитесь на них. Л.А. Диденко, г. Евпатория, Крым».

...Сердиться на своих зрителей – это все равно, что сердиться на погоду или климат. Такой он у нас, примем как данность. Но будем все-таки стремиться к правде. Это тоже коренное свойство человека.

Термин «киноправда» мы позаимствовали у Дзиги Вертова, который оказался обманут временем. И мы ждали от времени, что оно подтвердит наши благие намерения. Что мы будем смотреть старые фильмы с высоты новых достижений... Не дождались. Перед выборами-95 нашу передачу на Первом канале запретили. На победу коммунистов, дескать, работаете. Приютил нас 31-й московский канал, а потом и там не сложилось. Но я уверен: у этого формата есть будущее.

в начало

ИНПУТ ПРИГЛАШАЕТ ПРОФЕССИОНАЛОВ, ИЛИ ТЕЛЕВИЗОР В САЛЕХАРДЕ, КЕЙПТАУНЕ И РОТТЕРДАМЕ

Теперь от телевизора не скроешься никуда. Летишь в самолете, и вдруг из обычных багажных полок высовывается с десяток телеэкранов, и ты видишь карту с силуэтом твоего самолета (чтоб знал, где летишь), а потом новости Си-эн-эн, а потом мультик с хитрой мышью и туповатым котом...

Тем более странно и нелепо лететь на край света, чтобы... посмотреть телевизор. Но вот полетели ведь в Кейптаун, заняв чуть не полсалона «Боинга», телевизионщики из России и других стран СНГ – в 2001 году, очередная конференция ИНПУТ созывалась в Южной Африке. ИНПУТ – значит «телевидение в интересах общества» (я об этом писал в первой части книги). ИНПУТ – это такая международная тусовка, где собираются слегка ненормальные, кому наплевать на рейтинг, на котором стоит у нас любая телекомпания, на основании которого выбрасываются из эфира лучшие, но чересчур «высоколобые» передачи.

Вот уже четверть века ИНПУТ доказывает, что передача или фильм могут быть социально значимыми, полезными и в то же время интересными. Для этого, понятно, требуется высокий уровень профессионального мастерства. Приезжая на ИНПУТ, получаешь представление о современном уровне нашей профессии, видишь принципиальные работы, наиболее интересные для делового

обсуждения. Двадцать минут дискуссии после каждого фильма под руководством того шоп-стюарда, который этот фильм отобрал и рекомендовал к показу. От России шоп-стюардом выступает Марина Голдовская, живущая сейчас в Лос-Анджелесе и преподающая там режиссерское мастерство.

Документальное кино, не зависящее от рейтинга, – что может быть интереснее? И скучнее, как выяснилось. Вот живут, к примеру, в американском городке Поствилле три общины: выходцы из Германии, выходцы из Мексики и ортодоксальные иудеи. Целый час нам показывают, как они живут, друг другу не мешая. После фильма в дискуссии под руководством шоп-стюарда обсуждается вопрос, долго ли они так проживут или со временем перемешаются.

А в Норвегии ситуация гораздо драматичнее. Там обосновалось немало африканцев, и некоторые их обычаи входят в противоречие с законами этой страны. В дискуссии обсуждается: менять ли законы или менять обычаи, так сказать, в чужой монастырь со своим уставом не ходить? Чернокожая половина аудитории: менять к чертям собачьим норвежские законы. Бледнолицая половина, соблюдая политкорректность, пытается объяснить: ребята, но обычаи ваши, мягко говоря, несколько сомнительны...

Я переспросил у Марины Голдовской, верно ли понял суть обычая, о котором спор. Марина подтвердила: да, африканские мусульмане обрезают маленьким девочкам некие части тела, чтобы в будущем женщина не получала сексуального наслаждения и не имела бы стремления изменять мужу. Авторам фильма удалось уговорить молодую маму по имени Кодра спрятать под бурнус видеокамеру и с ней пойти к духовным наставникам – имамам – получить доказательства принуждения к операции, что в Норвегии приравнивается к насилию. Чернокожая половина телекиношников высказалась в том смысле, что теперь этой Кодре несдобровать как предательнице.

Были фильмы и покруче. В столице Сьерра-Леоне Фритауне чернокожий мальчишка что-то яростно кричит в телекамеру, отбегает, ему вдогонку стреляют, и только что кричавший на крупном плане подросток падает мертвым. Прямо в кадре смерть. И чернокожий репортер почему-то относится к этому спокойно, делает свой «стенд-ап». Похоже, что он с солдатами-карателями заодно. А лет тридцать назад был подвергнут остракизму в среде кинематографистов итальянский режиссер-документалист Якопетти, снимавший расстрелы в той же Африке... Но есть, оказывается, вещи похуже расстрела. Тот парнишка упал под выстрелом – и конец. А другого истязают, бросают в кузов пикапа, раздевают, наступая ногой в армейском ботинке ему на голую спину, выворачивают худые руки. Съемка четкая, с близкого расстояния, камера не дрожит.

Эти черные ребята, оказывается, виновны в том, что так называемые партизаны, на время захватившие город, заставляли их, пацанов, отрубать руки своим землякам и родственникам, нелояльным к партизанской власти. Тоже четкие съемки: кисти рук отрублены, но болтаются на остатках кожи... Африка-с!

Надо ли такое показывать? Раз оно существует, наверно, надо. Помню, как стоял в кадре наш дипломник Грунский возле трех отрезанных голов русских добровольцев в Югославии. На НТВ эти кадры в эфир не дали, а в дипломный фильм он их включил. И у нас тогда в комиссии был спор – давать такое в эфир или нет. Я высказался в том плане, что полезно было бы посмотреть эту пленочку тем добровольцам, которые ехали в Югославию как на легкую прогулку, и Жириновский хлопал их по плечу, напутствуя в Шереметьеве.

Из каждого фильма разные зрители разное извлекают в соответствии с жизненным опытом. Не только ведь цветом кожи мы отличаемся. Смотришь кино, а с тобой, как в «Солярисе» Тарковского, вся твоя предыдущая житейская требуха. Перед Кейптауном посетил я город Салехард, где Нина Зверева проводила очередной фестиваль «Моя провинция». Ямало-Ненецкий, значит, округ в полторы Франции, 90% российского газа, сталинские бараки и турецкие пятиэтажки. И вот в Кейптауне эти самые бараки возникают на экране, в шикарном зале с кондишенами, при замершей от ужаса разнокалиберной всемирной аудитории. Три фильма про ГУЛАГ! И в одном из этих длиннейших фильмов собеседники режиссера Иосифа Пастернака утверждают, что со времен ГУЛАГа в российских тюрьмах и лагерях мало что изменилось. Раньше могли убить, теперь не кормят, потому что работы нет. И сидят они зря, вины на них нет. И белое безмолвие вокруг бараков, только проходит где-то вдали товарный поезд, да перечисляются станции с лагерями: Сухобезводное, Буреполом... Как это в новой доктрине – позитивный имидж России? Фильм Пастернака был показан на образовательном канале во Франции, от этой страны и представлен. Еще один – «Джазмен из ГУЛАГа» – франко-германский. Хороший фильм про Эдди Рознера, с хроникой, с кусками из «Карнавальной ночи». Но не про то, как мы в 50–60-е с восторгом слушали рознеровский джаз в Зеленом театре ЦПКО, а опять-таки про гулаговские дела. И третий фильм – из Белоруссии, «Боги Серпа и Молота». Главный персонаж – могильщик Георгий, хоронивший когда-то Брежнева и видевший в гробу всех членов Политбюро. Патриарх Алексий II, обнимающийся с президентом Лукашенко. И параллель между делами православной церкви и коммунистическими культовыми обрядами. От тела Христа в пещере и Ленина в Мавзолее до наших дней. Сделано талантливо, я попросил у Юры Хащеватского кассету для студентов. Нам-то будет о чем поговорить. А на ИНПУТе дискуссия не вышла. Спросили только Юру, а чего это у вас такой длинный монолог, это что, знаменитый русский стиль? Не оценили, значит, публицистику. А для меня талантливый авторский текст в стиле Ромма куда ценнее многих «синхронов».

А студенты мои читать «Архипелаг ГУЛАГ» не торопятся. И книжку про историю российского ТВ не покупают. Как раз перед вылетом в Кейптаун сообщили мне студенческое мнение, что зря я на лекциях рассказываю о прошлом, лучше бы про менеджмент, маркетинг и Интернет. Кому-то, значит, для Кейптауна фильмы отобравшему, наше прошлое показалось интересным и даже в будущее перетекающим. Не Голдовская была отборщиком наших

картин, не положено своим потакать, она другие страны «обслуживала», хотя ее фильм «Власть Соловецкая» был первым когда-то в гулаговской экранной эпопее. Раздосадовал меня сильно разговор о студенческом отношении к лекциям, и в Кейптауне заноза эта царапала сердце.

Вечером и утром в гостинице мы смотрели передачи местного кейптаунского ТВ. Признаюсь, живой эфир показался мне интереснее многих инпутовских фильмов. Высокая культура общения, четкость дикции, опять же политкорректность (если один ведущий черный, то другая белая и наоборот), узнаваемость жанров добротного ток-шоу и спецрепортажа... Субботним утром ведущие забрались на бетонный обрыв, на недостроенную эстакаду шоссе, видную не только в телевизоре, но и в окне гостиницы. Там, оказывается, строители наплели такие дорожные развязки, что теперь концы с концами не сходятся, как достроить эстакаду – неизвестно. Зато для ведения утренней программы точка идеальная, фон потрясающий: слева небоскребы и горы, справа океанский порт. «В Кейптаунском порту...». Да-да, из-за этой песенки, как признавался наш питерский знаменитый мариман-писатель Виктор Конецкий, он и стал моряком. В этом самом порту мы каждый вечер ужинали. Блюдо называлось «рыба, выловленная сегодня». Как звать рыбу? «Король камней». Как перевести на русский, не знаю. И еще там дают лангустов, и еще разных морских гадов под соусом карри... Но я отвлекся от ИНПУТа. В такой географической точке отвлечься от телевизора, полагаю, не грех.

Хотя и местное ТВ нравилось не меньше, чем кейптаунский порт. Где, в каких школах ведущие научились этой деликатности, этому отсутствию столь привычного для нас высокомерия к собеседнику и зрителям, этому дружелюбию?

В Салехарде из ТУ-134 я вышел последним, вся телебратия уже была в автобусе, именуемом шоферами ласково «скотовозка». И тут на бетонке обратился ко мне скромный юноша с пучком волос на затылке и с вопросом: а где Нина Зверева, не подскажете ли, вот у меня оператор с камерой, хотелось взять интервью у трапа. Я рявкнул в чрево «скотовозки»: «Зверева, с вещами на выход!..».

А потом, когда мы ждали багаж под куполом новенького салехардского аэропорта, этот юноша с хвостом вдруг скомандовал оператору нацелить камеру на меня, сунул мне в лицо микрофон и произнес: «Представьтесь, пожалуйста!».

Под объективом видеокамеры я не мог произнести в ответ то, что полагалось бы – послать подальше. Скроив улыбку, сказал: «Милый мой, это надо было спрашивать до включения камеры». К чести салехардцев, они показали это в эфире, и на закрытии фестиваля поклялись, что никогда не будут начинать интервью таким милицейским тоном. Но все равно уровень, уровень... «Вы в первый раз в нашем городе? Как вам понравился наш город? Чего вы ждете от фестиваля?». Тут Африка, безусловно, впереди нас – и намного. Эта наша неизбывная страсть поучать, эта недооценка зрительного ряда... «А чего нам город показывать, его все и так видели...». А Кейптаун показывают каждый день. Что в окне, то и на экране, только взгляд камеры интересней и проницательней.

Дружно обрушились северяне на нас, москвичей, за то, что мы похвалили съемки масленицы. «А чего тут, вышли на улицу и сняли. Ну подумаешь, баба с саней упала, самовары, баранки – это вы как бы на экспорт Россию хотите показать? А нам важна мысль, идея!». И вот говорят, говорят, бесконечно говорят, уровень мыслей и идей – что деревья в тундре. Почему-то мне на юге Африки эта тундра вспоминалась, и серые, как тундра, бесконечные говорящие головы. И очень было за державу обидно.

Конечно, взял я в Африку небольшой радиоприемник. Поймал в тамошнем эфире станцию, передающую популярную классическую музыку с краткими комментариями. Кто такой Моцарт или Чайковский, кто такая Анна Каренина или доктор Живаго. Потом обнаружилось, что на эту волну настроены приемники в автомобилях бледнолицых братьев и в частных небольших гостиницах. А у нас на Руси – одна, прости господи, попса на FM-радио. Неужто в Кейптауне больше любителей популярных классических мелодий, чем в Москве? Почему у них качественный эфир выгоден, а у нас убыточен? Не знаю.

Попрошаек на кейптаунских улицах не меньше, чем в Москве. Только там они все черные, либо цветные. Подходит негр с амбарной книгой – мол, пожертвуйте в такой-то фонд. Или без книги, пьяненький: дай на опохмелку, дядя. У нас в этом деле изобретательности больше. Который год хожу к метро ВДНХ и слышу: «Здравствуйте, мы из телекомпании ТВ-6-Москва...». Говорил руководству канала, что под их маркой жулики работают – а, отвечают, это нам только популярности прибавляет. Кто из нас дикарь – поди разбери.

Один наш коллега вечерком и на нож нарвался в деловом квартале Кейптауна. «Но все в Кейптауне решает браунинг» – как в той незабвенной песенке. Ужинать в порту безопасно: охрана при входе проверяет всех на наличие оружия. Нельсон Мандела, говорят, лишь отсрочил расовый конфликт. Границу с бедными странами охраняют только львы национального парка Крюгера, и кого они не успевают скушать – те пополняют ряды безработных и обитателей лачуг, ряды грабителей и спидоносцев. Однако владелец «Мерседеса», возивший нас на мыс Доброй Надежды, сказал, что ему тут хорошо, и он не собирается никогда не то что возвращаться, а даже и приезжать в Голландию, где родился и вырос. А как же тоска по Родине? Нет, если уж мы в собственной стране перестали что-либо понимать, то как нам в их проблемах разобраться. Мы ж не международники советских времен, которым все всегда было ясно.

Но вернемся все-таки в три зала делового центра Кейптауна, где проходили просмотры и дискуссии ИНПУТ-2001. Что же показала Россия? Наш ГУЛАГ представили иностранцы – Франция, Германия и Беларусь. А что же мы-то сами?

Шоп-стюарды отобрали всего один русский фильм – «Дуня» – о русской крестьянке, которая жила домработницей в московской еврейской семье. Половина семьи эмигрировала в Голландию, и бабушку Дуню привезли туда же. Три культуры: русская деревня, московская квартира и Голландия. В начале фильма идет бабушка по деревенскому кладбищу, а ее спрашивают, где тебя похоронить,

тут или в Москве? Она говорит – здесь, конечно. И в конце фильма ее действительно хоронят. Такая вот драматургия.

Режиссер Елена Смелая рассказала чернокожим и бледнолицым коллегам, как появился этот фильм. Генерал Альберт Макашов громко заявил, мол, жиды, убирайтесь из России. И тогда Смелая вспомнила, что в семье ее любимого оператора Марка Глейхенгауза живет русская деревенская женщина, ставшая как бы родной. Самый пронзительный момент о том, как она в пионерлагере лежала на полу возле кровати мальчика, который боялся темноты, и держала его за руку, пока не заснет – об этом рассказал в кадре сам Марк, выросший под присмотром Дуни.

Уровень дискуссии, скажу я вам, был не лучше, чем в Салехарде. Смелую спросили: ведь рассказал и показал эту человеческую историю оператор Глейхенгауз, а вы-то, мадам, здесь при чем? Хотелось сказать что-то на чисто русском языке, но на адекватный перевод надежды не было.

Елена Смелая после всех просмотров сказала, что убедилась, приехав в Африку: наше русское документальное кино самое крепкое, самое добротное. В дискуссиях иной раз мелькало словосочетание: «русский стиль». И в положительном, и в негативном контексте. Но факт: этот стиль есть. Есть чем гордиться. Хоть и взяли от нас всего одну картину.

Были показаны вгиковские игровые этюды, и Смелая сказала: «Стоило ли лететь с пересадками 20 часов, чтоб увидеть студенческие работы?». А шли они не от России, а от Армении и Казахстана. Хоть и сняты в Москве. Две минуты полезного времени в съемочную смену. Норматив сталинских времен. Свет поставлен грамотно, актеры старались...

Был от нас и еще один фильм. Его забраковали шоп-стюарды, но режиссер Тофик Шахвердиев все-таки приехал и привез свою кассету, и показал ее в сверхплановое время, вечером, в полупустом зале. И одни ему аплодировали, а другие возмущались, спорили, но это было настоящее документальное кино, истинно «русский стиль». Фильм «Марш Победы» получил у нас «Нику» и был в эфире 9-го Мая. Фильм, откровенно говоря, гениальный. Заслуживает отдельной статьи, и киноведы, думаю, уже накинулись на него, и мое слабое перо умолкает перед этим напором кинопрофи.

Скажу лишь о том, чего киноведы не знают. О дискуссии на юге Африки по поводу фильма Шахвердиева. Пожилой господин из ФРГ заявил, что понимает, почему шоп-стюарды отвергли эту работу. Ветераны Второй мировой войны, старательно и наивно репетировавшие прохождение строем мимо трибун, не утратили боевого духа, ни о чем не сожалеют, так что фильм этот пропагандирует милитаризм. Тофик пояснил: ему симпатичны ветераны, особенно главные герои картины – фронтовая медсестра и кавалерист с пышными усами. Но то, что их заставляли ходить строем, девять раз репетировали, говорит как раз о тупости военной системы, и дай Бог, чтобы таких парадов больше не было. Господин из ФРГ упорствовал. Тогда вышел вперед и встал перед залом представитель третьей страны, независимой Украины, режиссер Евгений Заболотный. Не очень дипломатичной вышла его

взволнованная речь: «Чтобы понять этих ветеранов, – сказал он, – нужно обладать умом и сердцем. А если у кого-то их нет, то спорить бессмысленно. И вообще хватит рассматривать документальное искусство через политические очки...».

Украина была представлена на ИНПУТе фильмом, размывающим границы игры и документа. Называется «...от Булгакова» – с намеком на Евангелия от Матвея, Луки, Иоанна и Марка. В доме на Андреевском спуске незримо присутствуют Воланд и его свита, которые насмешливо инструктируют красивую няню, чтобы повнимательней относилась к ребенку, так как его ждет великое будущее. Маленький герой смотрит в окно, где разворачиваются картины его будущего, затем он возвращается к детским забавам, потом по старинному телефону сюда звонит Сталин – словом, фантасмагория в стиле Мастера. Коллеги оценили нестандартность формы. Конкурса и призовых мест на ИНПУТе не бывает, каждый делегат составляет свой реестрик удачных работ. Имя автора (в данном случае это Сергей Маслобойщиков) заносится в компьютеры, сразу резко расширяется известность, устанавливаются деловые и коммерческие связи.

Несомненный успех имели работы Ульяны Шилкиной (тоже забракована шоп-стюардами, приехала сама сверх программы) и Уны Целмы из Латвии. Первая экранизировала рассказ Пелевина о детских ужастиках, вторая показала работницу кондитерского цеха, разбивающую в день по три тысячи яиц – и так двадцать лет.

Разные, очень разные по уровню и задачам фильмы отбирает ИНПУТ. Возможно, «сверхзадача» устроителей – дать представителям разных культур посмотреть и лучше понять «всемирное человечье общежитие».

В 2002 году в Роттердаме, на очередной конференции ИНПУТа, одним из героев стал Эдуард Джафаров со своим фильмом «Стрингер» – о журналистах на чеченской войне. С американской стороны там был наш старый приятель Джон Алперт, у которого я немедленно отобрал кассету с его афганским фильмом-репортажем. Говорю: «Про тебя, Джон, на нашем факультете уже защищены дипломные работы, поэтому давай свой фильм для новых студенческих поколений...». Сценарный ход у Джона такой: взял девушку-афганку, живущую в США, и поехал по местам американских бомбежек, к ее дому, из которого она бежала вместе с родителями лет пятнадцать назад. От советских, значит, оккупантов. Девушка ведет репортаж отлично: весь текст наговаривается на месте – в машине ли, в поселке беженцев, на верблюде или возле упавшей ракеты. Где надо, она смеется или плачет, где надо – накинет паранджу или поцелует коран. Такие вещи надо видеть! Ради этого и существует ИНПУТ.

Удивило меня китайское ТВ. В начале фильма – перевернутый кадр, на котором комната с телевизором. Идут новости, но почему-то вверх ногами, только субтитры нормальные. Оказывается, это медведь панда смотрит телевизор, лежа на спине. Фильм – про этих симпатичных мишек, как их дрессируют, воспитывают, а они между делом смотрят политические теленовости. Ну, не ожидал я такого от китайцев!

Еще из технических приемов. Бельгийцы сняли документальное интервью с церковным деятелем – сразу двумя камерами. Одна –«Бетакам» – работала как бы напоказ. Вторая же, маленькая цифровая, «подглядывала» рабочие моменты: как пастор сердился, препирался с оператором большой телекамеры. Эффект, конечно, и смех в зале, но возникают этические вопросы. Вот и тема для 20-минутной дискуссии.

Эстонский оператор начал снимать фильм о своем приятеле-алкоголике, а приятель по ходу съемок умер. И оператор продолжил съемки теперь уже о самом себе. У него, оказалось, та же проблема. При обсуждении телевизионщики разных стран удивлялись: неужели у вас существует алкоголизм, неужели это важно видеть другим людям? Не слабая компания собирается на конференциях ИНПУТа. В числе непременных участников – Виталий Майский, известный своими фильмами о бывшем и нынешнем президентах России, о детях, которые будут вырастать под «взглядом» телекамеры. А рядом с мэтром – студенты из ВГИКа, освоившие ремесло «предков», но желающие идти своим путем в творчестве.

Нехватка средств, конечно, дает себя знать. Если при полете в Кейптаун делегация стран СНГ и Балтии занимала чуть не половину «Боинга», то в Роттердам мы летели небольшой компанией...

Кто не знает об ИНПУТе – пора узнать, поддержать авторитет России своими фильмами и передачами на очередной всемирной конференции, которая состоится в Дании. Предварительный отбор и творческие дискуссии, так сказать «мини-ИНПУТ», проходят у нас в Подмосковье, в пансионате ТТЦ «Озеро Круглое».

в начало

«НЕУДОБНЫЙ» ПАТРИОТИЗМ?

В городе Инте при ремонте шахтоуправления нашли посылку, адресованную в будущее, то есть нам. Строители, сооружавшие здание в начале 50-х годов, понимали, что оно когда-нибудь потребует капитального ремонта. Спрятали бутылку из-под масла, а в ней письма, записки, молитвы и даже стихи. Все подписаны: русские, украинские, литовские, латышские фамилии. Дружный, видать, интернационал собрался на стройке.

Теперь эти записки: «Наша кровь не пропадет даром...», «Выдержу, не прогневлю Бога»... и другие – можно увидеть в краеведческом музее Инты и в фильме из цикла «Покаяние» сыктывкарской телекомпании «Коми гор».

Фильм прислан на ежегодный всероссийский конкурс «Патриот России», организованный Министерством по делам печати, телевидения и средств массовой коммуникации вместе с Министерством обороны. Кое-кто выразил недоумение по поводу сыктывкарской картины: какой же тут патриотизм? Вот если бы эту посылку для будущего заложили комсомольцы-добровольцы, перевыполнявшие пятилетку, – тогда да. А тут ведь сигнал из-за колючей проволоки, возле каждой фамилии указаны лагерные сроки: у кого 10 лет, а у кого и 25 с окончанием отсидки аж в 1977 году. Статья 58, антисоветская деятельность. И это пример для молодежи? Нет, надо возрождать славные идеалы, хватит

очернительства нашей истории, надоело, одна чернуха в телевизоре...

Откликнувшись на призыв возрождать патриотизм, многие региональные телекомпании прислали на конкурс свои передачи с участием ветеранов Великой Отечественной. Дело святое. Как говорят киношники, «уходящие объекты». Лет через десять такую передачу вряд ли снимешь. Тем важнее и интереснее разобраться сегодня, как работают коллеги из регионов с историческим материалом и с участниками исторических событий.

Автор этих строк не чужд подобной работы. Когда-то в цикле «Наша биография» мне достался «Год 1919-й», тогда еще живы были участники Гражданской войны. Славное знакомство вышло у нас с Василием Ефимовичем Васильевым, который с апреля 1917-го охранял Ленина, в конце 20-х был нашим разведчиком в Афганистане. В 30-е, естественно, Васильева посадили, но он добился вызова к Сталину и успел довоевать войну, а потом был заместителем маршала Конева. Первая жена Васильева погибла в том же лагере, где сидела жена Зорге. После войны он женился вторично, вырастала у него студентка-дочь, и мы с Василием Ефимовичем ходили по Москве, искали для нее колготки. В Киеве, где жил Васильев, с этим товаром были сложности. Еще электрокипятильник ему нашли в ГУМе, хотя скажи он слово киевскому начальству, ему бы все притащили домой. Ведь сам Щербицкий, первый секретарь ЦК КП Украины, говорил о Васильеве с высоких трибун. Но не хотел Васильев лишний раз начальство тревожить. Вот бы снять наши с ним походы, вот бы кино было! Привез я его и в роту почетного караула, которой командовал мой друг Саша Басов. Есть что вспомнить! Охранник Ленина в поисках дефицита, созданного советской властью...

Понятное дело, для фильма меня интересовал только 1919-й год. Васильев тогда командовал полком на Урале. Что касается его разведывательной работы и лагерной отсидки – не в моде в то время были эти темы, потому что власть пеклась о воспитании на положительных примерах. А коли сидел – чего тут положительного.

Удивительно, что и сегодня некоторые телеавторы и режиссеры словно опасаются сказать что-то «не то», что-то кроме официального знания о войне, сложившегося давным-давно. Чуть начнет ветеран, увешанный медалями до пояса, говорить что-то, выходящее за рамки общеизвестного, – телевизионщики вроде бы пугаются. Так, в работе телекомпании «Мордовия» бывший военный летчик Котов очень долго и подробно рассказывает, как мотался в аэроклуб на электричке. А потом довелось ему служить вместе с сыном Сталина, есть на сей счет документы и фото. Это, кстати, важно, иные не прочь прихвастнуть. А тут наоборот – про Василия Сталина только упомянуто, а второстепенное, незначительное, просто скучное выплеснуто на экран.

Многие региональные телевизионщики, видимо, понятия не имеют о тонкой подготовке к интервью, о деликатном нащупывании интересных моментов в биографии собеседника, чтобы перед камерой сосредоточиться на этих эпизодах, заставить вспомнить их осязаемо, в подробностях

Так работают интервьюеры столичной компании «Школьник ТВ». Ведущий многое знает о героях – было, значит, прединтервью – и нацеливает собеседника на эмоциональный рассказ о конкретном эпизоде. Тут и появляется для зрителя что-то новое, волнующее. Сопереживать можно тогда, когда тебя увлекают рассказом. О такой задаче казенные интервьюеры не помышляют. Они ведут как бы стандартную перепись ветеранского населения: когда начал воевать, где войну закончил, было ли страшно. И приглашают следующего, опять не зная о нем ровно ничего. Телерадиокомпания «Дубна» уж вовсе бесхитростно дает в руки выступающему микрофон: «Ну, рассказывайте!». Это, извините, не журналистика. Это самообслуживание.

Не всякий человек способен раскрыться перед микрофоном и телекамерой. Для того и нужен профессионал-собеседник. Азы повторяю, скажут опытные коллеги. Но расскажите кто-нибудь об этих азах молодым! Ведь такой человеческий материал бездарно пропадает. Действительно – «уходящие объекты».

А вот пример из конкурсного фильма, когда интервьюер обнаружил кое-какие собственные знания о войне. «Говорят, что на одного убитого немца наша армия теряла в семь раз больше...» – «Не было этого», – парирует ветеран, гремя медалями. «А в первый месяц войны несколько миллионов наших сдались в плен...» – «А в 45-м немцы сдавались в плен, победа-то наша была». И еще добавил ветеран, что эти, которые пишут, на войне не были и ничего не знают. Храбрый интервьюер спрашивает: а как это немец под Москвой оказался? –«Вероломное нападение», – отвечает ветеран. И робость одолевает интервьюера, хоть на язык само собой просится: стало быть, Гитлеру верили, а он веру нашу поломал? Как бы ветеран на такой поворот разговора не обиделся. Поскорей взгромоздим его на телепьедестал – и до свидания...

Вспоминается пьеса Евгения Шварца: «А почему дракон хвост поджал?» – «По заранее намеченному плану».

Информация последнего десятилетия подрывает сформировавшиеся ранее взгляды. Все-таки советская пропаганда работала эффективно. Люди склонны были верить не тому, что сами видели и пережили, а газетной интерпретации. Плюс еще страх, конечно. Но, главное, въелось это, стало как бы продолжением личности! Официальная ложь и полуправда зачастую искренне отстаиваются ветеранами. Вот в Красноярске – чудовищный ведь факт – ветераны подвергли остракизму Виктора Астафьева незадолго до его смерти. Хотя ничего, на мой взгляд, для них обидного последние повести Астафьева не содержат. Еще одного, тоже скончавшегося недавно писателя сильно не любят дальневосточные моряки. «Зря ваш Конецкий все как есть пишет, сам же капитан и сам...». Вроде как предатель. Вместо героики – быт, взаимоотношения со старпомом и буфетчицей. А не надо, говорят, этого, иначе молодежь к нам не пойдет.

У пропаганды старых добрых застойных времен много союзников, и, как мне кажется, они готовы взять реванш у слегка утомившихся ревнителей перестроечной правды-матки.

Виктор Конецкий заметил в одной из своих документальных повестей: *«Увы, часто приходится убеждаться в том, что*

фронтовики не знают элементарных вещей из военного дела, когда пытаются писать о войне. Или подводит память, или их опыт узкий... Попадаешь в нелепое положение, когда рукопись ветерана, израненного, проведшего под смертными крылами четыре года, оказывается битком набита элементарными ошибками».

Что же говорить о телеинтервью! Тут слышал я про «десятитонные бомбы», которые немец сбрасывал на Москву, и фантастическое предположение – мол, если бы не заболел командующий Второй ударной армией генерал Клыков, если бы не заменили его на изменника Власова – дошла бы эта армия до Любани, 15 километров всего оставалось, и освободила бы Ленинград от блокады. Эту версию «озвучил» преподаватель из Томска Иван Григорьевич Харченко после встречи с самим 90-летним Клыковым.

Томский цикл называется «Мои года – мое богатство». Направленность вполне определенная. Харченко в кадре заявляет: «За последние десять лет патриотизм втоптали в грязь». Ему вторит бывшая комсомолка из другой серии фильма: «Посеяно столько плохого через учебники, оболгано официально». Когда она была секретарем горкома, то ходил по городу трамвай с надписью, что сделан он из металлолома, собранного школой № 18. Кажется, она до сих пор верит, что трамвай сделан именно из тех кроватей и сковородок, что волокли из домов пионеры 50-х годов. Права комсомолка в том, что никаких молодежных организаций в России не стало, а природа не терпит пустоты.

Вроде бы на доброе дело сплотил своих учеников преподаватель Харченко. Вот уже много лет он ездит с ними в Новгородскую область, на места жестоких сражений. В школьный музей привозят каски, котелки, стволы автоматов и минометов. Девиз поиска – «Пока не похоронен последний убитый солдат – война не кончилась». В Новгородской области их не захоронено десятки тысяч. Каждое лето находят ребята следы гибели Второй ударной армии, в составе которой была и сибирская дивизия, сформированная из томичей. Самое ценное –медальоны с фамилиями. Хотя понять подробности невозможно, съемка и монтаж любительские. Неужто дети сами ищут трупы и снаряды, они же хоронят, взрывают? Да нет, взрослые солдаты вроде участвуют. Но вот 15-летняя девочка извлекает из болотистого грунта человеческие кости. Ее ли это дело? Как скажется это на неокрепшей психике? И как совмещается в педагогической работе Харченко ненависть к современной трактовке истории с прославлением того режима, который оставил на погибель в тех лесах целую армию и не озаботился захоронением своих солдат?

Сражениям на новгородской земле посвящен и другой, несравненно более профессиональный многосерийный телефильм «Кресты и звезды» Новгородской ГТРК. Авторы словно укрупнили карту сражений, приблизили, рассмотрели в деталях. Помимо новой информации и невиданной прежде кинохроники, в том числе и гитлеровской, удивительны авторская объективная позиция летописца и высокая режиссерская культура, ни в чем не уступающие лучшим столичным работам этого жанра. О гибели Второй ударной и предательстве Власова, о том, что высшее

советское руководство не пыталось спасти погибающую армию. Но вот неожиданная параллель. Оказывается, и немецкие части попали вскоре в окружение в тех же новгородских лесах и болотах, под городом Демянск. Гитлеровское командование сделало все, чтобы окружение прорвать и своих вытащить. На экране памятный значок с надписью о Демянске, выданный всем, кто вышел из этого русского котла.

Автор Виктор Смирнов эту параллель не проводил. Она возникла у меня, зрителя. Конечно, у Гитлера не было сибирских дивизий, ему приходилось беречь своих солдат и офицеров. А наши до Сталинграда еще не умели разбираться с окруженным врагом.

Расчет на сотворчество, соавторство зрителя встретишь не часто. Чаще – стремление утаить «неудобную» информацию, чтобы опять же шаг вправо, шаг влево – ни-ни! Телецентр Черноморского флота прислал на конкурс «Патриот России» несколько фильмов, в том числе версию гибели линкора «Новороссийск» в севастопольской бухте через десять лет после войны. Да, конечно, это была диверсия коварного врага, линкор-то мы забрали итальянский. Но о том, что наше родное начальство не позаботилось о спасении экипажа, оставило помирать в трюмах, как солдат в Мясном бору под Новгородом – об этом телецентр Черноморского флота и его начальник капитан I ранга Александр Лебедев не сказал ни слова. Адмиралов, хоть и сталинских, критиковать наш капитан не смеет. Восхищается, что матросы тонули с песней про «Варяг».

С Лебедевым я знаком. Он меня упрекнул: зря я показываю студентам Черноморского филиала МГУ фильм Игоря Беляева «Русская трагедия», про замполита Валерия Саблина, который в 1975 году, нарушив воинскую присягу, поднял бунт на корабле, чтобы привести его в Ленинград и выступить по ТВ с протестом против губительной для страны политики стареющих властителей. Опять же – какой пример для молодежи? Примером для Саблина был лейтенант Шмидт, поднявший бунт на корабле в 1905 году. Патриотизм Шмидта сомнений не вызывает, его именем назван мост через Неву и набережная в Питере. Саблин, конечно, не прав в том, что рисковал жизнями моряков. С самого верха был приказ остановить корабль любыми средствами вплоть до ядерной бомбы. Зная драконовский нрав нашей власти, замполит Саблин должен был это предвидеть. Догонявшим мятежный большой корабль экипажам торпедных катеров и самолетов сказали, что изменники Родины угоняют его в Швецию. Ложь была непременным элементом коммунистической политики. «Нравственно все, что служит делу социализма», – считал Ленин.

Людоедскую практику коммунистов наши СМИ дружно разоблачали в 1996 году перед лицом опасности – не дай Бог, Зюганов выиграет на президентских выборах. Когда опасность миновала, тему закрыли. И вот флотский пропагандист высокого ранга Лебедев уже хочет изъять из истории замполита Саблина. «Неудобный» потому что. Не укладывающийся в одномерное сознание. А ведь какую глубокую мысль высказал Игорь Беляев в

конце своего фильма: «Уж если народится отчаянно смелый и честный человек, то непременно сшибет его идея какой-нибудь революции».

Пока мы не разберемся толком в сложных сплетениях нашей истории, пока плоды этого разбирательства не станут достоянием самой массовой аудитории, сознание многих людей так и останется одномерным. «Хорошо или плохо?». Да в том-то и дело, что все сразу: и плохо у нас, и хорошо – в одном флаконе, как гласит реклама.

В одной из предвыборных передач я спрашивал социолога Татьяну Заславскую: сколько избирателей проголосовало бы за Иосифа Виссарионовича, если бы он встал из гроба? – «Процентов 25», – сказала Заславская. Довольно много, если учитывать их активность и работу с ничего не знающей молодежью.

«Свобода слова, – писал в 1967 году Корней Чуковский в своем дневнике, – нужна очень ограниченному кругу людей, а большинство, –даже из интеллигентов – врачи, геологи, офицеры, летчики, архитекторы, плотники, каменщики, шоферы делают свое дело и без нее». Журналисты в этот список профессий не попали, но у меня после просмотров патриотических фильмов и передач такое ощущение, что кое-кому из нас свобода слова тоже без нужды. Слушаем, киваем, задаем банальные вопросы. Кроме интервью, никаких способов показа людей не знаем.

А ведь есть у нас люди замечательные, живые, нестандартные, не относящиеся к «агрессивно-послушному большинству». И были в тот год, когда Корней Чуковский писал свои горькие строки. Как раз тогда приехал я в один стройтрест, сооружавший модное панельное жилье. Спрашиваю в парткоме, кого из бригадиров стоило бы показать, кто лучше всех работает? Оказалось, у них два самых лучших. «Возьмите Сорокина, он скажет все, что нужно, что вы ему напишете. А у второго, у Стародубцева, свое мнение обо всем и даже о политике партии». Надо ли говорить, что я тут же отправился на стройку к Стародубцеву! Конечно же, его «инакомыслие» было вызвано неравнодушием к судьбе России, желанием вмешаться, что-то изменить. Стоял бы он на мостике боевого корабля – был бы не слабее Саблина. Дать в эфир его откровения, понятное дело, нельзя было. Но я благодарю журналистскую судьбу за встречи с такими людьми. Майор Евдокимов, повернувший танки на защиту Белого дома в 1991 году, генерал-лейтенант Васильев, бригадир Стародубцев, писатель Конецкий и еще, и еще – самостоятельно мыслящие. «Предлагаю тост за то, чтобы мы когда-нибудь смогли гордиться своей Родиной», – говорил один крупный ученый за праздничным столом.

А в делегаты и депутаты назначали послушных Сорокиных. И теперь они с экранов местного ТВ вешают, извините, лапшу на уши доверчивым журналистам, рассказывая, как хорошо было рабочему при социализме. Ну, конечно: дважды в год приглашали в Кремль, давали поесть дефицитных сосисок и поднять руки за «мудрые решения».

В Самарской области, на фестивале экологической прессы, один начальник нахваливал здешнюю плотину ГЭС – мол, циклопическое сооружение, нынче так не построят. «Нынче столько зэков не найдется», – отозвался я. – А при чем туг зэки? – вскинулся патриот, – была всенародная стройка, сталинская стройка коммунизма!

То ли забыл, то ли не знает, то ли не хочет знать... В огромнейшем – под стать плотине – кабинете начальника Куйбышевгидростроя Ивана Васильевича Комзина, светлой души человека, генерала МВД и будущего профессора Московского энергетического института (его именем теперь названа улица в Тольятти) стоял несравненной красоты книжный шкаф. Тоже огромный – в хозяина. Шкаф деревянной ручной резьбы. Символика была чисто патриотическая: волнами опускались знамена, вились веревочки с кистями, присутствовали звезды, колосья, дубовые листья, что-то еще. Ручная неторопливая резьба. А куда зэку торопиться? На бетонные работы в котлован, где собраны были десятки тысяч таких же бедолаг...

Я вспомнил это резное чудо, просматривая еще один фильм телекомпании «Коми гор» из цикла «Покаяние».

В гербе города Инты главное место занимает словно бы из дерева вырезанная, с зубчатым верхом и ажурной конструкцией, башня. Назначение сугубо функциональное: водонапорная башня. Возвышается на 51 метр над сталинскими бараками. «Это символ города, –говорит автор фильма Михаил Рогачев, – как в Москве Кремль». На вершине башни был шар с иглой. А в шаре еще одно послание в будущее. Положил его туда архитектор дивной башни, в курсе был и начальник проектной конторы. Когда архитектор освободился по амнистии и уехал домой, безыдейный шар сбросили, заменив звездою пятиконечной. Начальник Холостов шар подобрал, вынул оттуда залитый гудроном сверток и сохранил его, не распечатывая, до наших дней. Вскрывали посылку в краеведческом музее. Были там списки всех строителей башни, от армянина до японца – не зря ее звали вавилонской, не только за причудливость форм. Архитектор Артур Тамвелиус плохо знал русский язык, был он шведом, осужденным за шпионаж. Последняя строчка: «Просите нас». И теперь в музее гадают, что же он хотел сказать. То ли «простите», то ли «помните нас». А может – «спросите нас»... Возьмите, то есть, интервью. Только по-настоящему...

в начало

ПРО ЦЕНЗУРУ

– Цензуру вводят! – возмущается мой студент, молодой тележурналист, которому выпускающий редактор сделал небольшое обрезание очередного гениального текста. Возможно, этот выпускающий – ему-то виднее, перед ним весь информационный блок – всего лишь убрал повтор, нечто заявленное уже в другом сюжете. А может, счел неуместным храброе «тявканье» юного представителя четвертой власти в адрес властей остальных. Редактировать – буквально значит «приводить в порядок». А

цензура – дело совсем другое. Согласно словарям, цензура – это «система государственного надзора за средствами массовой информации».

– Мы не можем вводить цензуру, – говорили начальники канала ОРТ, когда им указывали на неприличие выступлений некоего С. Доренко. – Это же авторская программа, его личное мнение, а у нас ведь свобода слова и демократия.

Скандалист, как и следовало ожидать, исчез из эфира, едва его «личная» позиция перестала совпадать с политическим заказом. Цензура? Вовсе нет. Обыкновенная редакционная политика, без которой наше дело просто немыслимо. Вопрос лишь в качестве, в нравственной составляющей политики.

Поминание не к месту и не по делу слова «цензура» стало мне сильно надоедать, и захотелось рассказать несколько эпизодов про цензуру настоящую – тоталитарную.

Цензура в Останкине 80-х годов была представлена двумя модными, довольно молодыми женщинами в незаметном кабинете на 11-м этаже. У этих длинноногих женщин было, видимо, филологическое образование. Куда идти выпускницам филфака? В школу, детей учить? Скучно. А тут, в цензуре, совсем иной престиж. Какие тексты попадают в руки, какие фильмы, какие люди!

Представители государственной цензуры присутствовали во всех органах печати, радио и ТВ СССР, были независимы от редакционных коллективов и получали зарплату совсем в другом месте. Было такое мощное ведомство: Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР – Главлит. Почему-то сейчас о нем мало пишут.

Женщины с 11-го этажа прекрасно понимали свою роль. Любой текст и «картинку» они сверяли с Перечнем того, о чем пресса должна молчать и о чем можно писать. Однажды дамы сказали мне, что из моего репортажа придется убрать кадры Днепрогэса. Никак нельзя, чтоб в кадре были одновременно два берега, два конца плотины. Меня же дернул черт сделать красивый «стенд-ап» именно над днепровской кручей. Речь шла всего лишь о выпуске автомобиля «Таврия» – машинка слабая, ну я и вывел ее на эффектный фон. Сейчас бы такой кадр в эфир тоже не дали, но по другой причине: реклама, «джинса». Но мы-то старались не за деньги, а для собственного удовольствия, друг перед другом старались. Было у нас в редакции такое выражение – «лауреатский кадр».

Ну вот, нельзя, значит, мне на фоне Днепрогэса покрасоваться. Пытаюсь доказать цензоршам: этот Днепрогэс еще немцы взрывали, и вообще в век спутников секретить примыкания плотины довольно глупо. А они мне: нет – и все! Вот это – цензура.

Я тогда работал в промышленном отделе Главной редакции пропаганды ЦТ. Особенно доставалось мне от длинноногих, если в тексте очередной передачи упоминалось какое-нибудь постановление ЦК КПСС и Совмина. Опубликовано ли оно? Где, когда? Требовали: принеси газету «Правда», чтоб сверить. В то время было много секретных, закрытых от прессы и народа постановлений, и цензура стояла насмерть, чтоб о них никто не узнал.

Надо, видимо, для детей нынешней демократии пояснить: в те годы, о которых вспоминаю, ни один текст не мог появиться ни в газете, ни в эфире без резинового штампа со словом «РАЗРЕШАЕТСЯ». Такой прямоугольный штамп размером со спичечную коробку, с крупной цифрой – индивидуальным номером цензора, с его подписью и датой. Еще подписывалась каждая страница текста. Каждую нашу промашку цензоры отмечали особо: из текста вымарывали, но переписывали в специальную тетрадь, своеобразный кондуит. Их, впрочем, тоже проверяли (видел я их задачники с коварными упражнениями). Что, казалось бы, секретного в скромной информации: жителям северного поселка к Новому году прислали самолетом Ту-104 свежую капусту и мандарины? А вот что. В этом поселке, стало быть, есть большой аэродром. Не простой, значит, поселок. В Перечне этого аэродрома нет. Если бы цензор пропустил такую «невинную» информацию – все, привет цензору, иди в школу детишек учить.

Этот Перечень я читал, еще работая в Самаре, и знал, что в принципе могу говорить о бомбардировщиках Ту-16 и Ту-95, но отнюдь не о том, что они в нашем городе производятся. Хотя они летали у нас над головами, все их видели и знали, а на барахолке можно было купить любые авиационные инструменты и принадлежности. Зампред совнархоза Голубев, сухощавый английского типа интеллигент, удивлялся притворно: отчего это вы по радио и ТВ не рассказываете про наш пассажирский самолет Ту-114? Кстати, сделано их было всего 15 штук, на одном из них Никита Сергеевич Хрущев летал в Америку. И, говорят, в багажное отделение (а Ту-114 был слегка переделанным бомбардировщиком Ту-95) на всякий случай положили запасной двигатель. Правда ли, нет ли – не знаю, не имел права об этом писать.

На самарской, т.е. еще куйбышевской, ракете стартовал Гагарин. За час до старта мне позвонил и велел слушать радио еще один зампред совнархоза, с которым тоже сложились неплохие отношения. Моего соседа по лестничной клетке Сашу Гребенкина, звукооператора, взяли с магнитофоном на приземление первого космонавта – на случай, если ему будет худо, записать последние слова. Перед вылетом в Москву Гагарин приходил в себя на нашей обкомовской даче, там были особо доверенные московские журналисты, славшие телеграммы «из города на Волге». А нам, местным, – ни-ни, секрет.

В то время я делал передачи о заводах подшипников и автотракторных деталей, прекрасно зная, что подшипники пойдут на ближайшие могучие заводы, куда мне доступа не было. Вообще-то на радио работали мастера своего дела, чьи традиции восходили к военной поре, когда из Куйбышева вещало некоторое время Московское радио. Имелся не только отличный радиодом, но и подземный бункер для Сталина, и самая мощная в СССР радиостанция имени Коминтерна. Это колоссальное радиополе на волжском склоне было видно издалека, но для прессы оно не существовало. Куйбышевскую ГЭС и заводы строили заключенные, но ни одна сторожевая вышка не попадала к нам в кадр. Только «комсомольцы-добровольцы». Все эти ограничения были предусмотрены грозным цензорским Перечнем.

В 60-е годы радио и ТВ Куйбышева курировал цензор по фамилии Чубачкин. Вот он-то и дал мне в руки Перечень, само существование которого было государственным секретом. Я узнал, что нельзя говорить про хилых призывников в армию, о спецпереселенцах, про серебристые облака, которые появляются после атомных испытаний. Толстая книжка была, страниц триста. В последующие годы она растолстела еще примерно вдвое.

Когда Никита Сергеевич летал в Америку, ему там показали большой гидравлический пресс на одном из заводов. Махина с пятиэтажный дом, усилие 70 тысяч тонн. И говорит Никита президенту США: а у нас пресс есть побольше, приезжайте. Надо ли говорить, что этот самый большой в мире пресс находился в авиакомплексе Куйбышева и мог одним движением отштамповать крупную алюминиевую конструкцию.

Город – закрытый для иностранцев. И вдруг Хрущев зовет сюда Эйзенхауэра! К тому же металлургический завод, где стоял чудо-пресс, не был еще построен как следует. Паника, охватившая местное начальство, была неописуема. На секретный завод мобилизовали все, что можно. В том числе и меня. Дали мне большущую военную радиомашину, фургон зеленый с рупорами на крыше и послали агитировать строителей, чтоб быстрей работали.

И вот подъехали мы к подножию пресса, прямо в цех. Я приказал экипажу радистов поставить хорошие пластинки и запустить на полную мощность, а сам пошел изучать обстановку. После осточертевших подшипников завод-гигант даже ошеломил. Все интересно – как плавится алюминий, как получаются трубы и профили. Иду по цеху, а навстречу свита с каким-то наполеончиком во главе. «Кто вы такой?»– спрашивает. Говорю: так и так, от радиокомитета послан агитировать. «А почему не агитируете, почему у вас музыка играет?» – «Я должен изучить обстановку, познакомиться с людьми, нельзя же сразу с колес агитировать». Возможно, я еще что-то сказал и, наверно, не очень вежливо. Мне тогда 22 года было, «правил игры» еще не понимал. Назавтра меня от этой агитмиссии освободили, поставив политически зрелого товарища.

Вскоре, как известно, Никита Сергеевич с Эйзенхауэром поссорился, и визит не состоялся. Но завод-то металлургический для печати уже открыли с перепугу, и просто так закрыть его показалось неудобно. Решили: прежде чем закрыть навеки, надо устроить большое торжество по поводу ввода в строй гиганта цветной металлургии. Срочно надо делать радиопередачу. Поручают мне, потому что никто, кроме меня, не пролез по всем цехам и не понял, не прочувствовал всю симфонию этого производства. Написал я нормальный текст с эмоциями, минут на тридцать. Цензор Чубачкин схватился за лысую голову: «Тут ведь у тебя сплошные нарушения Перечня! Я не могу это подписывать. Иди к нашей начальнице». А начальница, т.е. главный цензор области, сидевшая в главной цитадели, в здании обкома и облисполкома, прямо над бункером Сталина, разрешила-таки дать в эфир – одноразово, с тем, чтобы потом про этот завод напрочь забыть. Так что я даже собственный текст не мог потом процитировать.

Цензура и авиация, цензура и космос... Это тема отдельная. Уже в Москве, в «Эстафете новостей» мы кое-что старались подать по-человечески, откомментировать прямо в эфире – например, приводнение американских космонавтов, или попадание нашей ракеты в планету Венера. Я сказал что-то про мягкую посадку, а ракета, оказывается, там просто разбилась, но ТАСС, как всегда, об этом умолчал. Тут же от космического цензора замечание! Помню, уговаривал я его, что надо трудности космонавтов показывать, чтоб героика чувствовалась, –нет, не положено. «Полет проходит нормально» – и все дела.

6 ноября 1967 года, накануне 50-летия Советской власти, в череде юбилейных церемоний должно было состояться награждение городов Москвы и Ленинграда только что учрежденным орденом Дружбы Народов. По этому поводу директор программ ЦТ Анатолий Васильевич Богомолов, очень мне симпатичный, совсем не похожий на чиновника, собрал срочное совещание главных редакторов. Товарищ Суслов, мол, просит сделать завтра вечером большую передачу, перекличку с Ленинградом, взаимные поздравления с высокой наградой. Тов. Суслов, напомним, был вторым лицом в партии после Брежнева. Избирался депутатом от Куйбышевской области. Приходилось мне его сопровождать. И вот выполнять указание главного идеолога – быть ведущим с московской стороны телемоста – поручают опять-таки мне. Для цензуры написали примерный сценарий. Я как-то на автопилоте провел часовой эфир. Меня бодрил сам дух прямого эфира. Вот сейчас наступят счастливые мгновения настоящей жизни, я опять выкручусь из сложной ситуации, как было не раз... Ох, опасное состояние самоуверенности. На сей раз, как оказалось, не выкрутился. Кто знает, где упадешь в этих цирковых номерах. Назавтра начались крупные неприятности от цензуры по поводу этого простенького, вроде бы, телемоста. Оказывается, я ненароком выдал государственную тайну. Когда представитель завода ЗИЛ сказал, что в честь юбилея план перевыполнен на три, допустим, процента, я в эфире уточнил: а сколько это автомобилей? И собеседник назвал, сколько. Таким образом, враги узнали мощность нашего славного автогиганта, гнавшего грузовики в том числе и для армии. А это была страшнейшая тайна. И меня от эфира на время отстранили. Была такая мера наказания.

Особенно сложно было корреспондентам, работавшим «на паркете», в Кремле. От указаний начальства, часто идущих «враскосяк», можно было сойти с ума. Отсюда у них – инсульты, инфаркты, ранние уходы из жизни. Вот один только пример. Брежнев, уже вступивший в стадию маразма, принимал в Кремле ветеранов стахановского движения. Из ЦК велели дать это зрелище в программе «Время» на три минуты. Встреча началась, камеры включились, идут какие-то неуклюжие шутки генсека, и через три минуты начальник охраны показывает нашим ребятам: закругляйтесь. Те умоляют жестами: погоди, вот сейчас будет что-то интересное. А тот – человек дисциплинированный. Наступает сапогом на электрощиток наших осветителей и выдергивает все провода. Съемка прекращается, «паркетчиков» выгоняют. Назавтра Суслов говорит теленачальнику С. Лапину: что же ваши так рано

закончили снимать, Леонид Ильич так тепло беседовал со стахановцами. Лапин тут же обругал главного редактора информации Летунова, и пошло-поехало... Подальше был бы замечательный журналист Юрий Александрович Летунов от этих дел – подольше прожил бы.

Понятно, какой радостью для любого журналиста была возможность как-то обойти, обхитрить цензуру. Ю. Черниченко, комментатор Главной редакции пропаганды по сельскому хозяйству, сам носил свои тексты в ЦК КПСС, убеждал, «пробивал». Ведь ЦК был много выше цензуры. Я пытался следовать примеру Юрия Дмитриевича, делая передачи о всяких липовых экономических экспериментах, но вскоре понял: не тот у меня статус, что у прославленного коллеги, и перешел на передачи откровенно праздничные. Тогда ведь чуть не каждое воскресенье чередой шли профессиональные праздники. День строителя числился у нас за Юрой Мироновым. День нефтяника – за Дамиром Беловым. Ну, а мне, в силу всеядности, достались в 1985 году День мелиоратора, День машиностроителя, День морского флота и День работника торговли. Осенью – еще праздник: 60-летие судостроительной промышленности. Обычно я для каждого министра придумывал какую-то репортажную ситуацию. А министр-судостроитель Игорь Сергеевич Белоусов сказал по телефону: давайте сделаем интервью у меня в кабинете, тут много увидите интересного, приезжайте. Пришла за мной, как водится, «Чайка», привезла на Садовое кольцо в дом без вывески.

Кабинет министра оказался размером с волейбольную площадку, а все стены перекрыты стеллажами, на которых разместились прекрасно выполненные модели кораблей: ракетные крейсеры, подлодки, противолодочные корабли, десантные суда на подводных крыльях, на воздушной подушке... «Игорь Сергеевич, – говорю, – да никакая цензура этого не пропустит. У меня в Севастополе фотопленку засветили, когда я один ваш «пароход» на память щелкнул. И во Владивостоке дал клятву местному КГБ, что не поверну камеру в сторону серых этих громадин. Давайте что-нибудь из гражданской продукции».

Живой, азартный Игорь Сергеевич взял меня под локоть, подвел к стеллажу: «А вот, посмотрите-ка. Подводная лодка для изучения морей и океанов, наш советский «Наутилус», видите иллюминаторы? Специально для ученых».

Я взял модель этого «Наутилуса» в руки, повернул, прочел табличку: «Совершенно секретно», министр слегка смутился: «Ну, ладно, вот у меня свежие цветные фотографии, только что я приехал из Ленинграда, где достраивается атомный ледокол. Красиво, правда?» Говорю: «Очень красиво. Особенно вот эта пушка на носу, как у крейсера «Аврора». Вы что, в Питере новую революцию затеваете?» – «Ах, да, –говорит министр, – это же мы испытывали артвооружение. В случае войны наш ледокол сможет за себя постоять. Может быть, в комнате отдыха проведем съемку, там уютнее?». И от этого пришлось отказаться: на стене висел огромный портрет члена Политбюро, министра обороны Устинова. Сразу было понятно, чем занимается мирное судостроительное ведомство.

В конце концов, помощники министра отыскали макет рыболовного траулера с оригинальным названием «XXIV съезд КПСС». На его фоне и решили беседовать, стали проговаривать темы. И, конечно, пришел я не с пустыми руками, набросал кое-что про историю русских корабелов, начиная с Петра I. Но чем похвастать сегодня?

– Надо бы про наши заводы, про «Красное Сормово» обязательно, – предложил министр. – С каким энтузиазмом работают люди, вы бы видели!

– Да, Игорь Сергеевич, – ответил я. – Но всякий раз, как оттуда новая атомная подлодка выходит, чуть не все Поволжье об этом знает. Уровень воды приходится повышать, очень уж крупная у вас продукция. Только говорить об этом нам не дают. Впрочем, два гражданских теплохода, пассажирских, сделали ведь в Сормове когда-то? «Ленин», помнится, и «Советский Союз».

– Не будем об этом. Покупать речные суда за границей оказалось выгодней. По всей Волге австрийские, немецкие, чешские суда, а мы будем про эти два реликта? А можно без примеров? Просто про трудовой энтузиазм? Назовем фамилии лучших людей, они этого заслуживают.

– Оно, конечно, можно, но телезрители, думаю, заинтересуются: что это за министерство такое, где его продукция?

– Ладно, так и быть. Впервые расскажем: в Николаеве достраивается атомный лихтеровоз...

В рассказе об этом чуде техники министр был прекрасен. Я понял, что полдела сделано, «изюмина» есть. Даже, пожалуй, сенсация. Дело за малым – рассекретить.

– Отлично, Игорь Сергеевич! Только, знаете, есть у нас в Останкине две прелестные цензорши, они сказали: нельзя давать привязку какого-либо завода к вашему министерству. Отдельно про завод – можно, а вместе с министерством – ну никак. Сама же «оборонка» такой порядок ввела. Перезасекретились вы.

– Ну, это мы сейчас решим. – Белоусов стал серьезным, взял трубку аппарата спецсвязи, набрал короткий номер, почтительно поздоровался. И стал подробно обсуждать по телефону план нашего с ним предстоящего интервью. Кому он звонил? По тону было понятно: кому-то вышестоящему. Кто у нас был выше министра? Зав. отделом или секретарь ЦК КПСС. Разговор подошел к цензорской проблеме, с «привязкой» заводов: это дело решаемое? По случаю юбилея, на один раз...

Через минуту зазвонил другой аппарат с гербом на «вертушке». Звонил главный цензор страны: мол, разрешаю, так и быть! «Пусть он своим останкинским дамам позвонит», – подсказал я. Белоусов эту просьбу передал тут же. Интервью мы записали и выдали в эфир без цензорских помех, министр на всякий случай сам приезжал в Останкино посмотреть нашу «готовую продукцию» в аппаратной. Только на таком уровне можно было «объехать» цензуру.

..И когда мне студенты теперь говорят, что у них в телекомпании «цензуру вводят», мне, извините, смешно. И грустно: теперь никто не хочет снимать на металлургическом заводе или даже на ракетном, космос тоже не привлекает молодых. Теперь все

можно, цензуры нет. Но почему-то, если раньше требовалась только победная, позитивная информация, теперь с моих студентов требуют исключительно «чернуху». Может, это какая-то «цензура наоборот»?

в начало

НЕ ЦЕНЗУРА, А ПОЛИТКОНТРОЛЬ – БЫЛ, ЕСТЬ И БУДЕТ ВО ВЕКИ ВЕКОВ

Мы говорили о настоящей цензуре – специальном государственном органе, существовавшем в СССР под названием Главлит. Теперь цензура запрещена. Статья 3 Закона о СМИ так и называется – «недопустимость цензуры», т.е. какого-либо требования со стороны о предварительном согласовании публикаций.

Слово «цензура» часто употребляется и в переносном смысле, имеется в виду **внутренний** контроль в СМИ. Вот он-то был, есть, будет и – должен быть. Все дело в том, какой контроль и ради чего. В России журналисты имеют замечательное право отказаться от «отредактированного» материала, противоречащего их совести. Но законы не защищают их от последствий такого отказа...

Что-то вписать в текст передачи, что-то выбросить – это на самом деле не цензура, а редакционная политика. Один из моих старших коллег рассказывал, как в годы войны редактировал выступления видных людей у микрофона Всесоюзного радио. Пришел, например, выступать Алексей Толстой. Предъявил, как положено, текст. «А я ему, – говорит старший коллега, – дописываю в конце здравицу в адрес великого вождя Сталина. Без этого было никак нельзя». Толстой выразил неудовольствие, но текст в эфире читает. Тогда ведь магнитной записи не было, только прямой эфир. Он читает, а ветеран эфира руку на ключе держит. Ключ вроде выключателя, пружинный такой. Прочел, значит, Алексей Толстой свой литературный текст с дописанной фразой про Сталина и без паузы сказал: «Ну это черт знает что такое!» А ключ-то был вовремя выключен редактором, и, надо полагать, Толстой это видел, иначе бы не позволил себе чертыхаться в адрес вождя и своего редактора – соавтора.

Недостаточность внешней цензуры – Главлита – партийные вожди осознали после «пражской весны» 1968 года. В Праге свободу слова задавили танками, и вскоре было принято специальное постановление, опубликованное не так давно в замечательной книге «История советской политической цензуры». Советую всем почитать, хотя тираж, конечно, маловат – всего две тысячи бесценных, на мой взгляд, книжек. Стало быть, 7 января 1969 года в совсекретном документе ЦК нашей родной и единственной партии возложил личную ответственность на руководителей СМИ за любую крамолу, указав, что не надо ссылаться на Главлит, что государственная цензура не может отвечать за сам дух публикаций, за смещение классовых критериев.

В то время была у нас передача про женщин, про некий идеал в рамках «Пресс-центра» 4-й программы. И сказал писатель-публицист Леонид Жуховицкий, что для него идеалом женщины

является Марина Цветаева. Наша передача записывалась на видео. Но монтировать запись тогда еще не научились. И в эфире вместо слов «Марина Цветаева» раздался какой-то хрип и скрежет. Так убирали «крамолу». Назавтра я ехал на заднем сиденье черной «Волги», где рядом с шофером (ну как же, и Брежнев ездил рядом с шофером!) восседала редакторша, давшая указание «убрать» Марину Цветаеву. Я говорю ей «Ж.П., а чем не угодила вам Цветаева?». Она «Мы же не хотим, чтобы завтра народ кинулся в библиотеки за ее книгами». Я – на голубом глазу, мол, что вы, Ж.П., кто же нас смотрит, мы 4-й канал, программа для узкого круга, так уж и бросятся. Тогда она развернулась ко мне с переднего сиденья всем нехилым корпусом и сказала: «Если бы это вышло в эфир, нашего главного редактора сняли бы с работы». Я оценил этот акт высокого доверия. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы снимали моего главного, Вилена Егорова.

Впрочем, передачу вскоре закрыли совсем. Гендиректор ЦТ Петр Ильич Шабанов спросил меня, а почему это в моей передаче нет рабочих и крестьян, а только одни журналисты «Порочная идея».

Вскоре после упомянутого постановления о личной ответственности начальства у нас в Останкине появились внутренние цензоры, политконтролеры. Встречаю как-то в коридоре комментатора Юрия Миронова. Он по первой профессии инженер-строитель, пытался решать в эфире какие-то проблемы во имя «социализма с человеческим лицом», а потом, набив синяков и шишек на этом поприще, стал вдохновенным певцом стройки БАМа, уезжал туда из Москвы регулярно. Там, говорил, воздух чище, люди лучше и правды больше. И вот идет по останкинскому коридору, явно огорченный. В чем дело? – «Да вот, какая-то сволочь с 10-го этажа сказала, что у меня дегероизация, снижение образа строителей и еще черт знает что. Иду на мехмонтаж».

Мехмонтаж – это, в общем, неприятность. Это буквально вырезка из рулона двухдюймовой ленты «крамольного» эпизода. После этой операции огромный дорогой рулон считается бракованным.

Иногда политконтролеры перехватывали «крамолу» в самый последний момент, когда передача уже прошла по системе «Орбита» на Дальний Восток и Сибирь. Политобозревателю Льву Вознесенскому позвонили: «У вас там сказано, что на сибирских нефтепромыслах плохо с мясом, в кадре импортные автобусы едут по каким-то колдобинам. Уберите, не надо это на Москву давать». Уже поздно было нести рулоны в каморку мехмонтажа. Для любителей техники могу рассказать, как наши видеоинженеры выходили из подобных ситуаций.

При выдаче передач в эфир полагалось работать «с двух постов», работали сразу два громадных видеомагнитофона «Кадр». Забарахлит один аппарат – можно сразу переключиться на другой, зрители даже не заметят легкого сбоя. И вот в передаче Вознесенского, в том варианте, который пошел на Европу, второй рулон отмотали на 10 минут, пропустив эпизод с мясом и с «Икарусами» на колдобинах. Передача пошла в эфир без технического дублирования, без страховки. Как только подошли к

«нежелательному» эпизоду – переключились на второй видеомагнитофон, с отмотанной пленкой. Сократили Вознесенского буквально на ходу.

А что делалось в прямом эфире! Проходят, скажем, колонны спортсменов на международных студенческих играх в Лужниках. Идет Испания, Израиль, Италия. Отношения с Израилем скверные, велено его не упоминать. Одна из телекамер берет делегацию Испании, сопровождает ее, поворачивается слева направо. А вторая уже нацелилась на Италию. Легкое переключение – и нет никакого Израиля, зритель видит происходящее собственными глазами. Прямой эфир, чистая правда!

Раньше требовали показывать в эфире только «образцово-выдающихся» людей. Сейчас требования другие. Никакого социального опыта в новой исторической ситуации, никаких новых машин, никаких достижений – это реклама, «джинса». Никаких седовласых ведущих как наследия коммунистического режима. В Китае было что-то похожее при попытке устранить старое поколение вождей руками хунвейбинов. Распалась связь времен. Чувствуется чья-то руководящая воля. А цензуры, конечно же, нет.

Были и есть, однако, редакторы. Журналисты не пишущие, но вычеркивающие. Так было, есть и будет, и не только у нас! Мой наставник и предшественник на кафедре Энвер Багиров привел в книге «Телевидение – XX век» цитату из итальянского журнала о том, как там редактировали телепередачи. «Работу начинает чиновник с красным карандашом. Он боится всего на свете. Он вычеркивает не только то, что не нравится ему, но и то, что может не понравиться начальству. После него к работе приступает чиновник с синим карандашом. Некоторые вычеркивания он санкционирует, другие снимает. Его положение проще, ведь на мнение своего подчиненного ему наплевать. Наконец, на сцену выступает чиновник с черным карандашом – само олицетворение рока. Он окончательно утверждает часть вычеркиваний, посмеиваясь над остальными». В СССР вычеркивания младшего редактора уже никто не восстанавливал...

В середине 70-х я помогал режиссеру Анатолию Монастыреву и сценаристу Галине Шерговой делать первый в стране портретный видеофильм о знаменитом летчике Громове. Техника еще не дошла до мехмонтажа, и когда младшие и средние редакторы требовали нашей крови, крупных вырезок из фильма – Монастырев обещал: «Хорошо, я соберу все замечания и потом перемонтирую фильм. Вот посмотрит председатель Гостелерадио...». Лапин посмотрел, наплевал на мнения своих подчиненных и велел выдать фильм в эфир.

Раз в неделю у зампреда Мамедова собирались так называемые «большие летучки». Там объявлялись последние требования к режиссерам и журналистам. Например, тогда же, в середине 70-х, было запрещено брать интервью у рабочих и мастеров прямо в цехе, на рабочих местах. Не отрывать, значит, людей от выполнения и перевыполнения планов. Пусть работают. А в жизни, конечно, случались перебои, перекуры – но показывать надо было только самоотверженный труд! Где же поговорить с рабочим человеком? Стали беседовать дома, в квартирах, но

поступил новый окрик: никаких сервантов с посудой, никаких ковров – пропаганда мещанства! На фоне книжных шкафов – давайте. Рост, значит, интеллекта у рабочих. Ну, хорошо, не у всех же шкафы с книгами. И стали мы выдумывать разговоры на рыбалке, на охоте, в поле за ловлей кузнечиков с детьми и т.д.

Мамедов объявлял на летучках, кого из литераторов, философов и других ученых отныне «не рекомендуется» приглашать для участия в передачах. Этот черный список пополнялся чуть не каждую неделю. Потом выступал обозреватель, рядовой редактор или комментатор. Нас освобождали на неделю от основной работы для подготовки такого обзора. Грозный зампред мог спросить о чем угодно. Легче было получасовую передачу изготовить, чем на этот обзор идти. За длинным столом сидели все главные редакторы и политконтролеры с 10-го, начальственного этажа.

Мой хороший приятель Саша Забаркин был в числе этих контролеров, курировал литдраму, музыку, юмор. Вроде бы против совести не шел. Однажды он рассказал: «Пришлось сделать вырезку из смешной передачи. Летят гуси-лебеди, молодой гусь спрашивает: а почему у нас все время один и тот же вожак? А опытный гусь – отвечает: у него, у вожака, есть карта, он знает, куда лететь. Камера дает панораму лебединой стаи и мы видим, что во главе этого клина шагает мужик с папкой под мышкой...». Саша усмотрел намек на Брежнева и юмор окоротил.

Цензура? Да Господь с вами. Нормальная редакционная политика. Нормальная – для тоталитарного режима с несменяемостью лидера вплоть до могилы у Кремлевской стены.

По своим сегодняшним студентам вижу: многие покорно следуют всем правилам, заведенным в телекомпании, искренне разделяя их. «Вот приобретем имя и тогда будем иметь право сказать свое слово». Правила нынче не менее жесткие, чем в старые времена. Но пусть об этом напишет тот, кто работает в эфире сегодня. Если не боится, понятное дело, лишиться работы.

в начало

МОНТАЖ – СТРАШНАЯ СИЛА!

(Заметки телевизионного Мафусаила)

Долго не мог успокоиться один мой приятель-журналист, увидав себя в эфире ТВ. «Из меня сделали идиота! Вырезали то, что я говорил по существу, я их всех развеселил в ток-шоу, начался живой разговор, а я время от времени вскакивал и потрясал кулаками!». «Но ведь действительно вскакивал?» – спрашиваю. «– Ну да, но это было вырвано из контекста!». Подумаешь, бином Ньютона. Когда еще не было видеозаписи, на киношников подал в суд отставной генерал. Его сняли жующим в каком-то кафе, и это жевание вставили в сентиментальную историю официантки. Она душу свою нараспашку – а он жует. Она уже раза два влюбилась и рассталась – а он все жует.

Или чернокожие гости Москвы пожаловались. Шли они себе по Тверской, а их – раз! – и смонтировали с девочками, ждущими платных приключений. Все, как Дзига Вертов учил. Цитирую:

«Ты идешь по улице Чикаго сегодня, в 1923 году, но я заставляю тебя поклониться т. Володарскому, который в 1918 году идет по улице Петрограда, и он отвечает тебе на поклон».

Так что ежели вас смонтировали кланяющимся или, наоборот, потрясающим кулаками совсем не в тот адрес, как вы хотели, не удивляйтесь и не возмущайтесь: вы знали, на что шли, отдавая себя в руки волшебников монтажа.

В лучшем случае вас запишут на видео часа на полтора, а потом возьмут одну фразу, вырванную из контекста. Вот позвали меня записаться для передачи «Газетный дождь» (ТВЦ). Зная формат программы, коротко отвечаю на первый вопрос: «А кто такие эти телекритики, чтобы судить о наших программах?». Есть десяток критиков, к которым прислушиваются и которых уважают в Останкине – это признанный общественный контроль ТВ. И есть сотни других, ни на что более не годных, как ругать телевизор – дело беспроигрышное. И тут редактор «Газетного дождя» Елена Озрина задает вопрос: «Вот вы готовите журналистов для ТВ, а не кажется ли вам, что работать журналистом может лишь тот, кто прошел все останкинские коридоры на подсобной работе – помрежем, администратором?». Отвечаю: «А что же вы пригласили ведущими своей передачи газетчиков – Толю Макарова, Валеру Выжутовича? Газетчики, выходит, умнее «чистых» телевизионщиков, прошедших все ваши коридоры?»

Естественно, эта моя мелкая гадость в адрес ТВ в эфир не попала. Но позвонили из другой передачи – «Процесс» – и попросили выступить с гадостью более масштабной. Поддержать Александра Гордона, который в полемике с Владимиром Соловьевым предлагает... закрыть ТВ! Понимаю, что это игра, соглашаюсь. Сразу скажу: отнеслись ко мне – по меркам этой передачи – довольно корректно. Спросил, правда, Соловьев о возрасте, а потом даже старым хреном не назвал, а всего лишь Мафусаилом. Этот библейский персонаж, как известно, отличался долголетием, прожил 969 лет. «Процесса» в эфире уже нет, ведущие разошлись по разным каналам, и я никому не принесу убытка, давая здесь расшифровку части этой программы, посвященной ТВ. Во-первых, это просто интересно, а во-вторых, немного приоткрывает тайны и принципы монтажного “обрезания”».

Безусловно, сокращать записанное необходимо, но вопрос – как? Для этого, помимо квалификации, нужно обладать кое-какими нравственными принципами. Брала у меня как-то лихая первокурсница интервью для учебной газеты. Велел ей принести текст на визу. Ну, поскольку дело было в рамках факультета – принесла. А не то быть бы вселенскому позору! Надо сказать, папа девушки делал когда-то фильм под названием «Взятка». И вот она всем среди прочего задавала вопрос: брали ли вы взятки? Я ответил: да, брал. Выпускники преподнесли мне к шестидесятилетию бутыль коньяка, похожего на самогон. В тексте осталось: да, брал. И – следующий вопрос! На мое возмущение студентка возмутилась еще больше: нельзя давать все подряд, и кому нужны эти ваши детали, главное, что брал! Дьявол, известное дело, прячется именно в деталях...

Итак, передо мной полная видеозапись «Процесса» – то, что было в студии, более часа. И эфирный вариант на 40 минут вместе с рекламой. Курсивом выделен текст, вымаранный при монтаже.

«Голос с неба» (режиссер из динамиков громкой связи): Добрый вечер! В эфире «Процесс» и ведущие программы Александр Гордон и Владимир Соловьев. Здравствуйте, господа ведущие!

Диктор (на фоне архивных видеокадров, показывающих Гагарина и Останкино): *Появление в конце 60-х годов телевидения по открывающимся перспективам и возможностям сравнивали разве что с полетом человека в космос.* В России дискуссии о роли и месте ТВ в общественной жизни становятся все острее и острее. Способно ли оно полностью заменить другие источники информации и просвещения, необходимо ли существование независимых от государства телевизионных каналов, действительно ли ТВ больше благо, чем зло? И вообще, какое ТВ лучше – если, конечно, такого рода сравнение уместно: нынешнее, с информационными войнами и компроматами, или то, каким оно было каких-то лет десять назад?

Режиссер: Владимир Соловьев считает, что минусы современного ТВ очевидны, однако отказываться от него было бы непозволительной роскошью. Александр Гордон убежден, что без ТВ наша жизнь была бы богаче и лучше. Время выступления свидетелей строго ограничено, в студии работают контактные телефоны. Приглашается первый свидетель: профессор, доктор искусствоведения, телекритик Анри Суренович Вартанов. Свидетель считает, что коммерциализация ТВ подменила гласность и свободу слова полной вседозволенностью и безвкусицей.

Соловьев: Уважаемый г-н свидетель, скажите, пожалуйста: аналогичные явления происходят только в ТВ, или мы видим, как гидра безвкусицы проникает во все другие области нашей жизни и искусства?

Вартанов: Гидра – та, которую вы назвали, – проникает во все формы массовой культуры. Но от того, что она проникает, допустим, в кинематограф или в поп-музыку, вред гораздо меньший, чем в ТВ, потому что ТВ – это вселенная. Особенно в нашей стране, где все остальные формы досуга поглощены телевидением, она, эта гидра, стала просто убийственной.

Соловьев: А кто в этом виноват?

Вартанов: Виновато не ТВ как средство, а виноваты те люди – я и к вам могу обратить этот упрек, – которые делают ТВ, которые с помощью ТВ делают деньги и превратили его в фактор рыночных отношений.

Соловьев: Вы, как я понимаю, критик? Вы получаете деньги за свою работу? И в этом нет ничего плохого!

Вартанов: Но я имею какие-то идеалы, которые должны бы иметь и люди ТВ, которые считают себя творческими.

Соловьев: Скажите, какое отсутствие идеалов вы наблюдаете у организаторов трансляции Олимпийских игр? Чем вам так не нравится наблюдать наших девушек – чемпионок в синхронном плавании? Где здесь безвкусица и где признаки коммерциализации?

Вартанов: Спорт вроде бы благополучен, но посмотрите, что стало с самыми популярными видами: футбол, хоккей, фигурное катание...

Соловьев: И в этом ТВ виновато?!

Вартанов: ТВ формирует в том числе и отношение нации к целым видам спорта. Тяжелая атлетика была, казалось бы, нетелегеничным видом спорта, но все смотрели.

Соловьев: Простите, не относится ли ваше выступление к столь справедливой фразе, что раньше и трава была зеленее, и небо голубее, потому что лет 20 назад как телевизор ни включишь – нечего смотреть!

Вартанов: Смотреть было меньше чего. *Но мы говорим не о том. Вы решили отыграться на спорте. Соловьев: Спорт прекрасен!*

Вартанов: *Но посмотрите, в каком положении сегодня телевизионный спорт.*

Соловьев: *У нас есть канал футбола, благодаря которому только и покупают НТВ-плюс, есть Евроспорт, который, к счастью, теперь показывают.*

Вартанов: *Если в мире действительно произошло такое деление, что есть общенациональные каналы, общедоступные, а кроме того, есть специальные каналы – у нас, к сожалению, хоть это формально и существует – вы знаете количество подписчиков на НТВ-плюс. Ничтожное количество. Соловьев: Это же возможно.*

Вартанов: *Мы живем в стране, которая имеет определенные возможности, и мы должны думать о стране.*

Соловьев: *Ничто не мешает стране накопить денег и пойти купить себе «тарелку». Потому что есть проблемы и купить просто телевизор, он тоже стоит денег.*

Вартанов: *Конечно же, ТВ расширяется: больше каналов, больше возможностей. Тем не менее, качество – и духовное...*

Соловьев: *Каких каналов?*

Вартанов: *Всех!*

Соловьев: *По сравнению с чем?* Раньше у нас были глубоко бездуховные партийные съезды. Раньше были передачи, которые ты смотрел и думал: а что у нас между строк? А теперь кто у нас умер? Ну что вы, право. ТВ всегда было у нас одиозным и ангажированным.

Вартанов: Нет теперь телевизионного театра, нет трансляции и интерпретации серьезной музыки.

Соловьев: *Может быть, давно никто не умирал из больших руководителей? Извините за некоторую циничность.*

Вартанов: А что делается в игровом ТВ! Эти все менты бесконечные. Я уверен, что вы их не смотрите.

Соловьев: Да нет, я даже иногда в них снимаюсь. ТВ – это отражение нашей жизни. Мы такими стали.

Вартанов: Мы деградируем?

Соловьев: Мы становимся иными.

(Еще несколько фраз о фильмах Сокурова, Колосова – и рекламная пауза. Как видим, сокращение произведено в том месте, где ведущий терпел явное поражение как в логике, так и в своем

высокомерном отношении к возможностям рядового человека купить спутниковую «тарелку».)

«Голос с неба»: Владимир Рыжков, депутат Госдумы, свидетель со стороны г-на Соловьева. Его точка зрения понятна.

Гордон: Уважаемый свидетель, ответьте, зачем нам нужно ТВ?

(На примерах катастрофы «Курска» и угонов самолетов Рыжков доказывает: ТВ нужно, чтобы защищать общество перед лицом коррумпированной власти, преступников, недобросовестного капитала.)

Гордон: Информационное вещание на ТВ занимает 10–15% общего времени.

Рыжков: И это уже оправдывает существование ТВ.

Гордон: Хорошо, делаю поправку к своему предложению: объявим мораторий на три года, но включаем ТВ в случае катастроф, если у нас угоняют самолеты или топят лодки.

Рыжков: Кроме того, ТВ – это огромный культурный феномен. Без ТВ как бы увидел житель сибирской глубинки фильмы Антониони, Феллини, Сокурова, Германа?

Гордон: Может быть, без ТВ люди пойдут друг к другу в гости, в кинотеатры?

Соловьев: Когда Останкинская телебашня загорелась, народ книги бросился покупать. Вы думаете, они в очередь за Диккенсом выстроились, за Львом Толстым? Нет! Они Маринину скупили, а также много амурных романов – чтобы слеза вот такая!

Гордон: Вот, кстати, статистика, как чувствовали себя люди, когда башня сгорела. 32% сказали: беспокойство; 29% – лишение чего-то важного; 17% – раздражение; 12% – страх. Это абсолютная картина ломки, если поговорить с любым врачом-наркологом. Ломки от наркотической зависимости.

(Тут началась легкая перебранка ведущих в их обычном стиле, причем круглый, коротко стриженый Соловьев походил на Кота Бегемота, а длинный Гордон – на другого булгаковского гаера – Коровьева. Брошенный ими Рыжков потихоньку покинул трибуну. «Голос с неба» объявил видеовыступление президента Академии Российского ТВ Владимира Познера. При монтаже оно было полностью выброшено.)

Познер: *На мой взгляд, роль ТВ постоянна. ТВ всегда должно делать одно и то же: информировать, просвещать и развлекать. И от того, насколько эти задачи выполняются, можно говорить, каково само ТВ. Если вместо информации оно занимается агитацией и пропагандой, если вместо просвещения – наоборот, занижает или притупляет уровень понимания населения, вместо развлечения обращается к самым низменным инстинктам – тогда ТВ не выполняет ни одной своей задачи. И тут каждый человек должен посмотреть на экран, на тот или иной или третий канал и решить, выполняет ТВ свои функции или нет.*

Гордон: *Я, кстати, три года назад подал записку одному высокому телевизионному деятелю с тем же предложением: ТВ должно информировать, просвещать, развлекать – и еще провоцировать на активную гражданскую позицию, которая выгодна...*

***Соловьев* (перебивая):** *Это ваша фамилия Лесин? Это вам поручено создать позитивный образ России?*

«Голос с неба»: Приглашается Георгий Владимирович Кузнецов. Он представляет кузницу телевизионных кадров страны. Заведующий кафедрой ТВ и радио факультета журналистики МГУ. Свидетель убежден, что наше ТВ сегодня повторяет ошибки американского ТВ тридцатилетней давности. На экране только негатив, страх, секс – и в этом состав преступления перед собственным народом.

Кузнецов: Совершенно верно. Есть такая книжка «ТВ по-американски», ее журналист Григорий Оганов написал про американское ТВ 70-х годов. Один к одному – наш телевизор!

Соловьев: Может быть, потому, что наша жизнь настолько теперь ближе к американской, чем дальше от советской, какой она была?

Кузнецов: Но в Америке с тех пор появился круглосуточный информационный канал Си-эн-эн, с тех пор чернуха и порнуха у них ушли на платные кабельные каналы, а мы, как развеселившиеся подростки, которым дали свободу. Если раньше показывали передовиков производства – слесарей и доярок, которые покорно голосуют «за», то сейчас – проституток и бомжей.

Соловьев: Но при этом ТВ приняло хартию, где накладывает на себя добровольные ограничения.

Кузнецов: Большое спасибо за подсказку. В хартии, перед ее принятием, была сделана вымарка, очень существенная. По проекту хартии, по примеру западных кодексов, запрещалось работникам ТВ принимать подарки, подношения, деньги за включение или невключение в эфир того или иного деятеля, сюжета. Это правило оказалось для нас неприемлемым.

Гордон: Как же без «джинсы»?

Кузнецов: Без «джинсы» никак нельзя. Посмотрите, сколько хороших машин стоит возле здания телецентра.

Гордон: Припарковаться нельзя!

Кузнецов: На одну зарплату это ж не купишь, правда?

Соловьев: Ну почему, если зарплата как у Ларри Кинга, то можно не одну машину купить.

Кузнецов: Я не вижу здесь Ларри Кинга.

Соловьев: Посмотрите внимательней – правда, я не ношу подтяжек. Теперь, если говорить о качестве ТВ. Вам не кажется, что вы требуете, чтобы общество приняло ТВ, которое ему несвойственно? Если сейчас мы соответствуем Америке 70-х годов, то пройдет 30 лет, и у нас появится свое информационное ТВ и все прочее В чем проблема?

Кузнецов: Мы-то пожили, детей жалко. Когда юный человек видит на экране, что можно с мамой обсуждать «а давай мы папу выгоним» – он забывает заповедь «чти отца свое го». Когда он видит человека под маской, который совершает преступления, он думает, что это можно, или – ах, какой мерзавец, я-то лучше...

Соловьев: Вы какого года рождения?

Кузнецов: 1938-го.

Соловьев: Если я правильно помню, то старое ТВ, к которому вы апеллируете, давало образ Павлика Морозова, который тоже

чтил своего отца не ахти как. Поэтому, извините, ссылка не очень корректна.

Кузнецов: Оба хуже, вот что я бы сказал.

(Еще минуты три мы пикировались таким же образом, и ведущий решил подвести итог)

Соловьев: Так вы, уважаемый господин свидетель, в соответствии с точкой зрения Александра Гарьевича предлагаете ТВ закрыть, или всего лишь, как любой нормальный человек, говорите: «больше товаров, хороших и разных»?

Кузнецов: То, что предлагал Маяковский применительно к США: «Я б Америку закрыл, слегка почистил, а потом опять открыл – вторично».

Соловьев: А кто будет закрывать и чистить?

Кузнецов: *Нужны люди, которые хотя бы знают, что ТВ появилось не в конце 60-х, как сказано в начале вашей передачи, а как раз в 1938 году, на Шаболовке. Малострочное ТВ в 1931 году началось, хотя бы это надо знать.*

Соловьев: Давайте сейчас выберем кучу мафусаилов, и осуществится мечта Александра Гарьевича о выключении ТВ. Молодежь скажет: это не Эм-ти-ви – спасибо! А это не спортканал – спасибо! И что мы получим на экране – мафусаилов, рассказывающих мафусаиловскую правду. Кому? Таким же мафусаилам!

Кузнецов: В Германии, в Великобритании есть общественные советы ТВ, то есть люди, которые пользуются авторитетом и у расшалившихся подростков, и у мафусаилов. Неужели мы в России не найдем два десятка таких людей?

Соловьев: Найдем. Но они не смогут закрыть и почистить, а только посоветовать, порекомендовать.

Кузнецов: Плюс введение абонентной платы – чтобы мы все были хозяевами ТВ, а проклятый рейтинг перестал диктовать свои условия.

Соловьев: С этим я согласен. Больше каналов хороших и разных! Благодарю вас, г-н свидетель.

Гордон: *Стыдливая попытка наших властей откупиться от того, что ТВ должно просвещать, – канал «Культура» как индульгенция всем остальным каналам: ребята, если есть «духовка» какая, скидывайте на «Культуру». Там ни бабок, ничего. А если «половуха» – у себя показывайте.*

«Голос с неба»: Актер и продюсер Леонид Ярмольник. Он сам заявит свою позицию.

(Перед Ярмольником ведущие были почтительны, даже заискивали. Но это не помешало варварски обойтись с его текстом при монтаже. Позиция Ярмольника была далека от игры, в которую мы вовлеклись, он всерьез рассуждал о плюсах и минусах вчерашнего и сегодняшнего ТВ. В конце программы, после выступлений «массовки», он вторично взял слово. Объединяю здесь оба его текста, по-прежнему выделяя курсивом то, что не попало в эфир.)

Ярмольник: По чистоте 10 лет назад ТВ было лучше. *Оно было моральным, просветительным, оно приносило радость.* Не надо спорить про спорт, про Доренко, можно спорить про вашу

программу, про «Глас народа» и все ток-шоу, которые сбиваются на диалог о том, как нам жить лучше, права или не права Дума или правительство. Эти разговоры ни к чему не приводят, эти передачи давно никто не смотрит. Нужно быть честнее по отношению к своей профессии. Сегодня, поскольку много каналов, стало людей очень много на ТВ, и не все понимают, где они работают и какая ответственность на них лежит.

(Легкая перебранка ведущих: Гордон просит Ярмольника показать мимический этюд «Цыпленок-табака», Соловьев подначивает, мол, Леня хороший актер, не то что Александр Гарьевич. После «массовки», в которой были весьма уважаемые Анатолий Агамиров, Ольга Кучкина, Леонид Павлючик, Даниил Дондурей и молодые журналисты региональных телекомпаний, Ярмольник продолжил свою речь.)

Ярмольник: *Многое сегодня переговорили. Я все-таки хочу понять всех и себя. И думаю, что за последние 15 лет просто извратили слово «свобода», просто задохнулись от него, превратив его в понятие «распущенность». ТВ позволяет себе в любой программе сообщать нам истину в последней инстанции, ни в чем не сомневаясь. Я думаю, это очень большой грех и преступление. Вот говорили сегодня об истории ТВ. Чем телеэкран привлек внимание, помимо того, что он светился? Кино, сцена, музыка, живопись, литература, спорт, медицина... То есть ТВ – это такой невероятный вселенский паразит, который за счет интереса человечества к тем областям (а я не все перечислил), показывая их в доступной форме, пользуется вниманием многомиллионной аудитории, дико напичкав все это невероятно выгодной рекламой. Без рекламы жить нельзя, но все зависит от доз. Поэтому мне бы хотелось пожелать ТВ вести себя скромнее. Безусловно, здесь ответственность лежит на руководителях каналов. Что касается региональных телепрограмм – мне ни разу не повезло посмотреть хоть что-нибудь хорошее, и, конечно, виноваты в этом ОРТ, РТР и НТВ: если бы качество продукции, которую они выпускают, было высоким, то региональное ТВ никто бы не смотрел. А поскольку из Москвы идет качество низкое, то люди смотрят что-то свое. Дайте договорить, раз уж я пришел, потом подрежете. Уж послушайте меня, я готовился.* Есть такая мысль у Салтыкова-Щедрина: они сидели день и сидели ночь, и еще день, и еще ночь, и все думали, как их неприбыльное дело сделать прибыльным, ничего в нем не меняя, Я думаю, мы сегодня занимаемся тем же самым.

(Монологи ведущих, оставшихся на своих позициях, завершают передачу. Итоги интерактивного голосования: за Гордона 17390 позвонивших во время эфира, за Соловьева 17280.

«Голос с неба» объявил: *Напоминаем, что точка зрения, которую отстаивает в нашей программе г-н Гордон, не всегда совпадает с его гражданской позицией.* Но до эфира эта фраза не дошла – позицию Гордона подкорректировали монтажом.)

Я не против монтажа. Ну, убрали неловкость с датами начала вещания – и правильно сделали. Ну, выкинули неловкую фразу про руководителя канала («Эрнст получает оргазм от слова «рейтинг» – как ему легко жить»), на то и монтаж. Ярмольник, конечно, подвел хозяев передачи – его позвали хвалить ТВ, а он взял и сказал

правду. Это уже не оговорка. Это позиция личности. И когда монтажом эту позицию искажают – подтверждается истинность «вырезанных», «крамольных» фраз актера: «мне бы хотелось пожелать ТВ вести себя скромнее». Не так бесцеремонно, господа!

в начало

БРИЛЬЯНТ В ПОЛ-ЯЙЦА, ИЛИ КОМПЛЕКС ПОЛНОЦЕННОСТИ

Заставка. Голубые бабочки во весь экран. И она мне тоже кажется бабочкой-однодневкой, которых столько порхало на экране в последние годы. Откуда они берутся и куда потом деваются?

Она – ведущая передачи. Тот, кто определил ее на эту роль, наверняка очаровался высоким ростом, исключительной фигурой, достоинства которой неизменно подчеркиваются обтягивающей одеждой и высокими остроносыми сапогами. Что и говорить – зрелище! Если бы только рот не открывала. Вспоминается анекдот: «Ты не пой, ты ходи туда, ходи сюда...».

Если бы дело было в манерах, речи, самооценке, выбранной роли и цели появления на экране данной конкретной девицы – писать о ней, а тем более цитировать ее тексты не стоило бы. Но перед нами, увы, явление. Она всего лишь частный случай. Так сказать, персонификация, то бишь олицетворение. Со своим жизнерадостным говорком слегка через губу, с провинциальным напором, который не слишком обременен интеллектом. Таких девушек обычно привозят в жены с южных курортов нашей Родины, и они прекрасно осваиваются в столице.

Вечер, 18.30, и опять на экране она. Каждый день с понедельника по пятницу на канале ТВС.

– *Добрый вечер всем! С вами программа «Высший свет». Мы находимся на настоящем брильянтовом балу. К сожалению, или к радости, наверно, все-таки к радости, в Москве каждый день происходит какая-нибудь брильянтовая вечеринка, но сегодня особенная, потому что в Москву привезли настоящий черный брильянт. Сегодня все в черном, я тоже оделась в черное, потому что, ну, как бы тема обязывает.* (Камера панорамирует от смелого декольте к высоким сапогам ведущей.)

Да что же это за магия такая у телетехники? Почему человек, регулярно появляющийся в рамке телевизора, вызывает излишние восторги у населения и необыкновенно вырастает в своих собственных глазах? Как говорят, «крыша едет». Вроде ты уже являешься духовной ценностью, народным достоянием.

Делать жизнь с кого... Не с товарища Дзержинского. А с тех успешных, у кого брильянты и поклонники. «Красивая и смелая дорогу перешла». Может, так и надо?

Рядом с ведущей девушка пониже, до шеи нашей героини достает, но декольте тоже смелое, и платье держится на золотых каких-то подвесках. Субтитр: «Ольга, бизнесвумен». Она не в черном, у нее платье цвета морской волны. Уверена в себе и тоже хороша.

– *Да, он действительно черного цвета и действительно самый большой в мире черный брильянт. 88 карат весом. Я могу вас*

пригласить посмотреть на него, потому что описывать его просто невозможно.

Ведущая: Я предлагаю следовать за Ольгой, специалисту (так!) *по пиару, я бы сказала, по черному пиару, поскольку сегодня все у нас черное.*

(Двух дам встречает лицо арабской национальности, вице-президент ювелирной компании, вдалеке в дверном проеме видна стеклянная пирамида, внутри которой черное пятнышко.).

Ведущая (в полном восторге): *Когда-то он был вывезен из России. 82 года назад он был вывезен из России. Это потрясающе, что я могу сказать.*

Такая же смелая девушка пришла когда-то ко мне на кафедру вместе со своей мамой. Перед тем в «Московском комсомольце» напечатали, что Татьяна Миткова будет у нас преподавать. Так вот, девушка и мама хотели учиться у Митковой. Я был в затруднении, поскольку Татьяна после этого пиара ни разу не появлялась, было недосуг ей. Отправил смелую девушку с мамой по своим старым останкинским связям. Стала она неплохой репортершей, а потом даже засветилась как ведущая программы «Время». Сперва с подобранными волосами, потом с распущенными. А взгляд был стальной, холодный. Видимо, в деда-разведчика. «Теплота и дружелюбие», – предписывает западный учебник. Ну, мы-то идем своим путем, мы-то возвышаемся над собственным населением. Сгинула куда-то моя протеже. Чем выше заберешься, тем больнее падать.

Переводчица лица арабской национальности: Обычно мы не вывозим черный брильянт, это случается очень редко, и если мы его вывозим, это значит, событие, на которое он едет, очень важное и очень значимое для нас. И период времени весьма ограничен. Всего лишь шесть раз брильянт выезжал на показы, вот сейчас седьмой раз, когда брильянт покидает то место, где он хранится.

Ведущая: Он находится в Лионе, если я не ошибаюсь, или в Париже? Но мне кажется, что это достояние нашего государства.

Красивая и смелая, похвален ваш патриотизм. Вы поскребли коготками по стеклянной пирамиде, а оператор так и не показал толком черное чудо, оно осталось похожим на улитку без всяких граней. Но узнать бы, за каким делом, за какой нуждой брильянт приехал в Москву? Дело, видать, важное, но вам было не до него. Вы себя демонстрировали.

Была когда-то на канале ТВ-6 передача «Те, кто». Ведущая Соловьева (Солодихина), ее партнер Фадеев. Поначалу было очень мило, умник и умница с неподдельным интересом расспрашивали гостей студии. А потом с ними что-то случилось. Их перестали интересовать гости. Они любовались сами собой, перебрасывались репликами с претензией на остроумие, потом как бы невзначай замечали пришедшего. Что им академик и герой, мореплаватель и плотник. Они были самодостаточны. А ведь это – смерть для журналиста. Помните тот утробный звук, с которым в одной телеигре участник-неудачник проваливается в преисподнюю? Где они, те, кто?

Бизнесвумен: Страховая стоимость этого брильянта 37 миллионов американских долларов.

Ведущая: Я хочу сказать, что этот брильянт стоит дороже, чем все, что одето на нас. Вот эти Олины подвески, сапфиры, которые одеты на Татьяне, которая помогает нам с языком, и даже амуниция автоматчиков, которые надежно охраняют брильянт.. Мерси боку, вэлком! (к лицу арабской национальности). Почаще приезжайте к нам с брильянтами!

Пришел ко мне на кафедру Толя Лысенко, нынче академик, а тогда руководитель перестроечно-популярной программы «Взгляд». Я попросил его принять участие в отборе студентов на телекафедру. И он не только выполнил мою просьбу, но и взял во «Взгляд» двух первокурсников! «Лыс», как мы его называли в Останкине, настоящий журналист и тоже смелый человек. Первокурсники – ведущие «Взгляда», главной демократической программы страны! Яна Чернуха и Володя Сидоров.

Но отчего эта утомленность в их взорах? Откуда высокомерие: ну вы, академик, рассказывайте... А теперь депутат, давайте... Прости меня, Анатолий Григорьевич Лысенко.

И прости, Борис Исаакович Берман. Позвонил: дай срочно студентку, чтоб брать интервью у кинозвезд. Не работа – мечта! Ловлю в коридоре первую попавшуюся, посылаю к Берману. Назавтра он мне звонит: «Ты кого прислал? – А что? – Я ее посылаю брать интервью у Чуриковой, на пороге спрашиваю, в каких фильмах эта актриса снималась. – А она мне сама расскажет, – говорит студентка. – А кто муж Чуриковой? – А зачем мне ее муж? – говорит юное дарование».

– Мы выходим из этой замечательной комнаты к гостям этого брильянтового бала. Сегодня все здесь в черном, поскольку это черные брильянты. Настоящее великосветское событие. Здесь играют музыканты, которые тоже одеты в черное. Пойдем туда, там стоит Ирина Понаровская, она сейчас покажет... Ирина Понаровская, настоящий наш черный брильянт! Ирина Понаровская и ее спутник, два черных брильянта! Добрый вечер! Вы сегодня просто как черные брильянты. И блеск как у брильянта настоящего.

Понаровская: Мы ждем показа, ждем черного брильянта.

Ведущая: Он в заветной комнате находится, но я могу сказать, что он поменьше, чем тот камень, что на вас находится. Это турмалин, да?

Понаровская: Аквамарин. (Панорама на декольте с камнем.)

Ведущая: Он чуть-чуть побольше, но другой формы. Абсолютно черный, непрозрачный. Я думала, он такой, как яйцо хотя бы. А он с пол-яйца. Вообще впечатляет.

А некоторые остаются. Не могу понять, как и зачем мама продвигает свою дочку на разворот «Плейбоя». Но вот встретилась у моего подъезда, показывает «Плейбой» с гордостью. Дочка до сих пор ведет передачу, называть фамилию не буду. Красивая, не хуже нашей главной героини – которая в «Высшем свете». Придумал я ей тему дипломной работы – «ТВ в зеркале прессы». Прочитай, чего пишут в газетах про телевизор, разложи по полочкам... А она решила расправиться с телевидением сама. Тоже красивая и смелая.

В ночь перед защитой дипломного сочинения переписывал его однокурсник. Что поделаешь, красота – страшная сила. Процветает девушка на экране, и дай Бог...

Ведущая: Мне приятно, что практически каждый день в Москве происходят ювелирные вечеринки.

Понаровская: Каждый день пять!

Ведущая: И это говорит о том, что мы стали лучше жить.

Понаровская: Сложно сказать, кто стал лучше жить. Бизнес, или избранные стали лучше жить?

Бывшая интеллигентная передача, радиостанция «Эхо Москвы». Я поставил свою подпись, когда она создавалась. Сергей Корзун своей личностью определял уровень. Пришел учитель истории Алексей Венедиктов. И высокомерно общается с миром. Почему так получается?

– Каждый день, я еще раз повторю, каждый день в Москве проводится огромное количество ювелирных вечеринок. Нам не подарили еще ни одного брильянтика, ни одной брильянтовой крошки, мне кажется, что это неправильно. Вот настоящий черный брильянт нашего кинематографа! Михаил Мамаев! Привет! Я сказала, что мы снимаем только тех, кто подготовился к этой вечеринке и оделся во все черное. Миша одет не только в черное, но и модное. Сейчас, когда такие морозы, очень модно поднимать воротник.

Мамаев: Организаторы сказали: старик, надевай как можно больше брильянтов... Мне пришлось поднять воротник, чтобы брильянты не бросались в глаза.

Ведущая ощупывает Мамаева, опуская руку значительно ниже пояса, игриво хихикает. После чего беседует с черной женщиной-вамп. Субтитр: Татьяна бизнесвумен.

Ведущая: Мне кажется, что огромное количество брильянтовых вечеринок проходит в Москве каждый день.

Татьяна: Да, много.

Ведущая: Я видела этот брильянт, он как бы черный...

Автор просит прощения у читателей. Но ежели бы не цитировать так подробно эту рядовую телепередачу, кто бы лет через 10–20 поверил бы, что такое возможно – на общенациональном канале? И другой аспект. Как это все смотрели бастующие авиадиспетчеры, разоренные колхозники, уж не буду об учителях сельских? Не буду о суицидах, происходящих от того, что человек понимает: этого уровня ему никогда не достичь, уровня богатства и пустословия.

Моя задача – как у Пимена-летописца: вот такие передачи идут по ТВ сегодня. Зачем, почему, кому и для чего это нужно? Для рейтинга, конечно. Для привлечения поголовья телезрителей. Выше рейтинг – дороже платят рекламодатели.

Впрочем, по мнению моих ученых коллег, в 2002 году проявилась новая тенденция: не только опускать зрителя, но и давать некую духовную пищу. Несмотря на ее низкие рейтинги. У общества, стало быть, срабатывает инстинкт самосохранения. А то ведь с этими красивыми бабочками-однодневками упорхаем все... Телевизионный ведущий ведет не только передачу. Он ведет зрителя к определенным нравственным ориентирам. Роль

ответственная и очень опасная для самого ведущего. Вот они и не выдерживают, и становятся однодневками...

Но все же обидно: по пять брильянтовых вечеринок каждый день в Москве, а дети наши, с подачи ТВ, думают, что это и есть настоящая жизнь, которая проходит мимо...

в начало

ВИДЕОМЕМУАРЫ: О ПРОШЛОМ РАДИ БУДУЩЕГО

История, как известно, может от многого предостеречь и многое подсказать. В том числе и история нашего телевидения, которое даже в условиях идеологического контроля в 60-е и 70-е годы стремилось делать интересные для зрителя передачи (хотя о понятии «рейтинг» в те годы не слышали). «Только качеством произведенного на вас впечатления, только через зрителя может быть понята, учтена ценность той или иной передачи», – написано в книге В.С. Саппака «Телевидение и мы», вышедшей в 1963 году. Кстати для нашей темы – книжка вышла после смерти автора. Почему «кстати» – сейчас объясню.

Работники ТВ не склонны вести дневники и писать мемуары. Могу назвать лишь с десяток тощих книжек об опыте мастеров ТВ. Не беру, конечно, в расчет рассуждения о границах жанра и о природе образа на телеэкране – я о черном хлебе профессии, об истории нашего ремесла. Не о критиках – Саппак был и остается лучшим из них, – а о практиках. Бывший председатель Гостелерадио С.Г. Лапин жесткой рукой отучил их от всяческих писаний. Даже за публикацию в газете можно было вылететь с телевидения – такие примеры знаю. Более того, помню, как над гробом лучшего журналиста Центрального ТВ А.А. Каверзнева Лапин не постеснялся произнести такую «похвалу»: «Не было у него публикаций... ненужных». Артист был Лапин! И вот сегодня читаю и смотрю в видеомемуарах ветеранов ТВ немало интересных воспоминаний о нем. Без злобы, без пристрастия – дистанция времени все-таки – отыгрались на товарище Лапине бывшие подчиненные. И на всей «лапинской эпохе». Как пели мы в крамольной частушке: «А мы по-прежнему за партией вперед, а если кто-нибудь маленечко помрет – на то она и эта самая история, которая ни слова, ни полслова не соврет!».

Хотя, конечно, в видеомемуарах преобладает мысль о том, что в молодости и небо было голубее, и трава зеленее.

Хорошее дело делает Гостелерадиофонд во главе с директором А.И. Высторобцем! Приезжает специальная съемочная группа домой к тем, кто работал раньше на Шаболовке и в Останкино: ну, рассказывайте! Для грядущих поколений! Что не довелось написать, что в душе и в памяти сохранилось – рассказывайте! Камера включена, кассета крутится, видеоленты сколько угодно.

И – рассказывают. Почти никто из тех, к кому обратились, не отказался от участия в создании «Видеолетописи ТВ и радио» (так официально называется проект, на который выделен грант МПТР). Разве что Э.Н. Мамедов, бывший грозный зампред Гостелерадио, уклонился: «Еще не пришло время рассказать всю правду».

Время, может, и не пришло, а ветераны – увы – уходят из жизни. Даже некоторые участники указанного проекта скончались, успев, впрочем, оставить для истории свои воспоминания на видеоленте.

Уже нет практически никого, кто мог бы рассказать о самых первых годах нашего ТВ. Отсчитывать надо бы с 22 марта 1951 года. Тогда было принято постановление Совмина о создании Центральной студии телевидения – ведь до того руководили вешанием исключительно технические работники, ТВ было вроде аттракциона. В газетах писали, что телевизор входит в быт наравне с холодильником и пылесосом. В 50-е годы положение кардинально изменилось: ТВ встало в ряд с печатью и радио как средство информации, пропаганды и воспитания. Об этом в видеомемуарах – почти ничего...

Как вспоминает Игорь Беляев (один из персонажей видеолетописи), на ТВ в конце 50-х приходили дилетанты. Он сам такой был: по образованию юрист, на практике освоивший тележурналистику и режиссуру. Не так давно ситуация повторилась: в нашу профессию, успевшую вроде бы «забронзоветь», стать своего рода кастой вдруг хлынули неофиты. Учителя, те же юристы, биологи, лесоводы, железнодорожники и другие «интересные» люди. Я знаю даже двух ихтиологов, до ТВ подсчитывавших икринки северных рыб в научных целях. Теперь они считают себя профессионалами ТВ, не зная десятой доли того, о чем рассказывают «уходящие объекты» в мемуарах.

Вообще на ТВ очень многое повторяется. Идет круговое движение: от восторга по поводу новой рубрики – к презрению и забвению, а затем к новому открытию примерно тех же приемов. Знакомый режиссер как новинку преподнес закадровый текст фильма от имени персонажа. Персонаж явно читал по бумажке, напоминая мне советское время, фильмы Средней Азии: старик в чалме благодарил коммунистов, при которых в пустыню пришла вода. Нынешний – говорит о челночной торговле между Москвой и Казанью. Но прием-то тот же самый. Мы, извините, как киллеры: неважно, в кого стреляешь, лишь бы стрелял метко.

На фоне ускоренного монтажного темпоритма современных молодежных программ ощущается ностальгия по нормальному интеллигентному общению – и появляются ночные разговоры Дмитрия Диброва, Александра Гордона, Андрея Максимова. Возвращается и документальное кино, совсем было вытесненное лихими шоуменами. А уж канал «Культура» по своему посылу и презрению к рейтингам очень близок «4-й программе» конца 60-х. Для интеллигенции. Не все измеряется рейтингом, нужны еще знаковые, важные для развития народа, страны, для репутации государства программы высокого уровня. Интеллигенция – это всегда меньшинство. Пусть в районных городках и поселках «Культуру» смотрят только врач и учитель. Быть может, это самый главный зритель, если подумать о будущем.

Рассказывает Леонид Дмитриев (в прошлом главный редактор студии документальных программ творческого объединения «Экран» Центрального ТВ СССР). *Самой интересной была первая передача, которую я должен был сделать, чтобы*

пройти испытательный срок. В передаче был один выступающий архитектор и один макет. Потом таких передач я делал по семнадцать штук в месяц. Это была работа на износ. Ты мучаешься, ты страдаешь, готов все бросить, но передача выходит в эфир и имеет успех у публики, тебя хвалят, и ты снова работаешь с перегрузками. Мы учились своей профессии методом проб и ошибок. Пробы были интересные. Ошибок было много.

Великолепный диктор Андрей Хлебников обычно влетал в студию, сбрасывал пальто красивым жестом, садился и сразу начинал читать свою программу. Он считал, что ТВ – это импровизация и не надо готовиться. И вот однажды он влетел в студию, изящно скинул пальто, взял текст у помощника и сказал в эфир: «Три поколения ленивцев... Ой, простите! Три поколения ленинцев». На следующий день Андрея Хлебникова на телевидении уже не было.

«А может, соберем человек 12 журналистов-первачей, – сказал я, когда открылась Четвертая программа ЦТ, году в 67-м. – Подбросим им какую-нибудь темочку, чтобы они поспорили». К примеру, одна из программ была посвящена Арбату. Эльрад Пархомовский из «Известий» предложил: «Давайте превратим Арбат в улицу для прогулок, где люди будут заходить в кафе, в маленькие ресторанчики, в музейчики старого быта, которые там можно устроить». Меня вызвал генеральный директор ТВ и сказал: «Сейчас вы захотели переделать улицу Москвы, а потом всю Москву? Нет, этой революции не будет». И передачу закрыли. Из десяти сделанных передач мы смогли выдать в эфир штук пять. Причиной наших бед оказалась Пражская весна. Высшее руководство решило, что наша Четвертая программа – это бацилла Пражской весны и с этого у нас начнутся такие же неприятности, которые развернулись в Чехословакии. Зрители писали: «Сделайте Четвертую программу Первой!». И началось... как суд инквизиции.

Назову основных исполнителей проекта «Видеолетописи»: это редактор, кандидат исторических наук А.В. Саблин, режиссер В.Н. Бутков и оператор В.Н. Ахнин. Таким образом, появились в России телевизионные летописцы, которые, подобно пушкинскому Пимену, считают своим долгом сохранить для будущих поколений подлинную историю нашего ТВ с ее взлетами и падениями.

За первый год работы удалось записать 80 ветеранов ТВ. Общий объем видеозаписи превысил 150 часов. Следовательно, каждый ветеран присутствует на экране около двух часов, что позволило сделать эти устные рассказы довольно обстоятельными. Расшифровка текстов (два часа – это 60 страниц формата А4) пополнила Гостелерадиофонд ценнейшим материалом. Он будет постепенно вводиться в научный оборот – как в виде книг, так и фильмов (учебных и научно-популярных), где выступления ветеранов и интервью с ними будут сопровождаться соответствующими кадрами старых передач, имеющихся в фонде.

Рассказывает Юрий Фокин (в прошлом политический обозреватель ЦТ СССР). *В плане теленовостей стоял репортаж, посвященный Дню книги. А меня позвали в этот вечер прочесть лекцию в одном интересном месте, так что я этот репортаж не*

видел. Рано утром раздался звонок от зампреда Гостелерадио Энвера Назимовича Мамедова: «Срочно приезжай, надо кое в чем разобраться». И рассказывает зампред, которого я уважаю и люблю, с такой угрюмой усмешкой, что под маркой Дня книги в эфир вышел репортаж, где выступал Евгений Евтушенко со стихотворением «Качка». Смысл такой: на мировом океане шторм, волны до девятого этажа, и плывет в неизвестном направлении корабль. Бросает его с одного борта на другой, никакого маяка он не видит. Летят портреты, летят авторитеты. Качка. Кто спасется – никто не знает! И через два часа после наших новостей об этом сообщает «Голос Америки». Со Старой площади тут же звонят и спрашивают: что это вы антисоветчину гоните в эфир?

Выяснилось: репортаж поставила в эфир одна наша работница, у которой дядя был моим заместителем. Его сняли с работы и племянницу тоже. Меня перевели из новостей в политобозреватели, и за год я сумел сделать 15 телевизионных 45-минутных передач из разных концов страны: «Ленинградцы», «Уральцы», «Запорожцы» и так далее. Потом отправили меня корреспондентом в Грецию...

В начале 60-х годов авторитет Фокина был необыкновенно велик. Он первый начал говорить «без бумажки», обладая к тому же актерским даром, а еще тем, что позже стали называть харизмой, излучением особых «флюидов».

Безусловный интерес не только для профессионалов тележурналистики и научных работников, но и для самой широкой аудитории представляют устные рассказы телережиссеров, осваивавших новые для своего времени формы документального вещания. В.С. Акопов «изобретал» передачи, которые теперь называются ток-шоу. В 70-е годы этого слова еще не было, но передачи такого рода появлялись: «От всей души», основанная на встречах давно не видевшихся людей, «А ну-ка, девушки», «Алло, мы ищем таланты» и др. К.Б. Маринина была практически бессменным руководителем «Кинопанорамы», О.В. Кознова сплотила авторский коллектив тележурнала «Искусство», В.В. Осьминин и И.К. Беляев создавали телефильмы, удостоенные Государственных премий. Дикторы В.И. Балашов, И.Л. Кириллов, В.Н. Шатилова, А.В. Лихитченко, председатели Гостелерадио Н.Н. Месяцев, М.Ф. Ненашев и Л.П. Кравченко, ведущие программ Э.В. Беляева, Л.А. Золотаревский, В.С. Зорин, Г.И. Зубков, А.Г. Лысенко, Ю.В. Фокин, Г.М. Шергова и другие журналисты поделились малоизвестными фактами, из которых складывается впечатляющая панорама жизни отечественного ТВ на протяжении полувека. «Сложить» этот обширный материал – сначала в сценариях, затем в монтаже, убрав случайное и не упустив главного, – предстоящий летописцам самостоятельный и весьма нелегкий труд.

Рассказывает Георгий Зубков (в прошлом политический обозреватель Всесоюзного радио и ЦТ). *Тогда во главе радиокомитета был Сергей Кафтанов. Он позвал меня и сказал: «Мы решили вас послать в пресс-группу Хрущева – такого молодого, подающего надежды. Только очень прошу, никакой*

инициативы. Вы просто должны там находиться, нам дали место».

Поездка Хрущева по стране длилась два месяца. «Поаплодируем рукам Марьи Ивановны!» – говорил Хрущев, и с этой его реплики я начинал свой радиорепортаж. В другой раз он говорит в сердцах после трудной дороги на машинах по пустыне: «Господи, ну дайте хотя бы умыться!».

Вы сейчас не представляете себе, что это была за штука – «последние известия» по радио в чтении Левитана, Герцика, Высоцкой. Москва мне кричала в трубку: «А ты это согласовал?». Ну, я попытался один раз согласовать. На каком-то «козлике» подъехал к резиденции Хрущева, вышел первый помощник и отругал за то, что я поднял пыль, а «сам» сейчас выйдет гулять. «Пошел ты, чтоб я тебя больше не видел!». И я врал Москве, что все согласовано...

Закончилась наша поездка в Киеве. Около семи утра звонок. Звонит этот самый первый помощник и говорит: «Вот сейчас мы завтракали, и главный просил тебе передать, что ему очень нравятся твои репортажи».

Вот говорят, политика была, подхалимаж. А я получил свой первый орден «Знак Почета» за эту поездку, за новшества в эфирном вещании.

Возвращались мы на спецпоезде. Хрущев решил передиктовать свою речь, которую он уже произнес. Я включил магнитофон, он начал читать. Я остановил его и попросил всех – охрану, помощников – выйти из салона. Я сказал: «Понимаете, Никита Сергеевич, если бы я вас не уважал...». И объясняю: «Интеллигенция над вами иронизирует, потому что у вас в каждой третьей фразе неправильное ударение». –«Слушай, – говорит, – а ведь мне никто из помощников об этом не говорил...». И мы с ним шаг за шагом записали это выступление.

Главными адресатами будущих фильмов видеолетописи должны быть, по-видимому, новые поколения телеработников, как получивших специальное образование, так и пришедших «с улицы». У последних, а их все больше, зреет убеждение, что история ТВ начинается только с них. Эта самоуверенность забавна, однако глубоко прав профессор В.В. Егоров, считая, что история ТВ, «традиции и творческие достижения отечественного телевидения встают на пути тех, кто насильно вытесняет журналистику, искусство, литературу из эфира, заменяя их программами, дающими возможность заработать побольше денег».

Рассказывает Генрих Юшкявичюс (в прошлом зампред Гостелерадио СССР). *Меня расстраивает, что уменьшилась роль интеллигенции в российском обществе. Прежде этот тонкий слой всегда поддерживал истинную шкалу моральных ценностей. И теперь в каждом СМИ должен существовать внутренний этический код. Иногда он бывает и написан, как на Би-би-си. Не надо показывать жестокие сцены, когда это могут видеть дети, и так далее, несколько десятков страниц. Корреспондентов Си-би-эс в Америке учат: никогда не обедай с тем человеком, у которого будешь брать интервью, но не делай такой глупости, чтобы отказаться от чашки кофе. Если журналист полетит на самолете*

президента, то будет считаться, что его подкупают. В частном ТВ тот, кто дает деньги, не должен вмешиваться в редакционную политику.

У нас до сих пор не разделены новости и комментарии к ним. Когда в новостях идет навязывание мнений, это для меня несвободное ТВ. Неважно, в руках ли оно государства или Гусинского. Сейчас в России острая необходимость в объективном ТВ. В первую очередь это нужно Президенту. Ему нужно, чтобы в стране происходили процессы самоочищения, а одной прокуратурой этого не добиться. СМИ –это не четвертая власть, это сторожевая собака, которая должна смотреть, чтобы не было коррупции.

Да, число каналов растет. ТВ дифференцируется. Но все равно будут основные каналы. Может быть две тысячи каналов, а люди станут смотреть два – три. И я думаю, что люди наконец восстанут против низкого интеллектуального уровня этих основных каналов. Они уже ищут духовную составляющую, в нашем веке ее не хватает. Я оптимист: должен сработать инстинкт самовыживания человечества, если он не сработает, – мы погибнем.

Формулу, алгоритм мемуаров, придуманный Герценом («Былое и думы») наши телерадиоветераны подтверждают блестяще. Воспоминания о прошлом плавно переходят в думы о будущем.

Планируется продолжение работы по фиксированию воспоминаний о телевидении и радио – второй этап, еще 150 часов. Учитывая возраст и состояние здоровья ветеранов, это дело не терпит отлагательства. Труд историков Гостелерадиофонда под руководством А.И. Высторобца по масштабам замысла можно сравнить разве что с аналогичными видеомемуарами лиц, переживших холокост в годы Второй мировой войны. Съемки под общим руководством известнейшего режиссера Стивена Спилберга (США) велись в нескольких странах. А.И. Высторобец тоже предполагает расширить «географию», чтобы в видеолетописи нашла отражение жизнь региональных телекомпаний.

На первом этапе съемки велись как на квартирах ветеранов, так и в помещениях Гостелерадиофонда. Использовался также павильон учебной телестудии факультета журналистики МГУ на Моховой, ибо в «Списке выдающихся работников телевидения и радиовещания» (так озаглавлен официальный документ – план видеолетописи) значились шесть представителей кафедры телевидения и радиовещания нашего факультета, работавшие когда-то на Шаболовке (телевидение) и Пятницкой (радио). Там начался путь в науку, осмысление практики и поиск ее закономерностей, наиболее эффективных форм воздействия программ на аудиторию. И вот теперь профессор Р.А. Борецкий рассказал перед видеокамерой о становлении молодежного вещания, профессор А.Я. Юровский – об истории жанра репортажа, профессор В.Н. Ружников – о поисках места радио в эпоху ТВ, о взаимовлиянии этих двух электронных СМИ, профессор А.А. Шерель – о значении, проблемах и методах создания фонда, аккумулирующего значительные ценности как журналистики, так и культуры в целом,

профессор С.А Муратов – о том, как возник конкурс КВН, автор этих строк – о первой еженедельной информационно-публицистической программе «Эстафета новостей», предшественнице нынешних «Итогов».

Рассказывает Джо Адамов (Иосиф Амаякович «вещает» на радио по-английски). *Если бы вы посмотрели отклики на мои радиопередачи! Не хвастаюсь они на меня действуют, как шпоры на лошадь. Такие дифирамбы! Ну, например, священник из Англии: «Вы чудо природы, вы гигант эфира, вы бесценный клад Московского радио». Или профессор: «Мы с женой слушаем вас каждую неделю. Вы себе не представляете, как вас обожают в Америке». И таких писем несколько тысяч. Теперь я больше говорю правды. Великое дело – за последние десять лет ни одного слова не вырезали. Ну, например, я могу сказать, что 40 миллионов у нас живет ниже уровня бедности. Я могу сказать, что зарабатывают три тысячи в месяц – 100 долларов. Они пишут: «А как же вы на это живете?». Мы не живем, мы существуем. Зато правда в эфире звучит, и слушатели нам верят.*

Сотрудники фонда, работающие над проектом, не ограничивали свободы высказываний ветеранов, не предписывали какие-либо определенные темы, лишь просили связывать прошлый опыт с сегодняшним состоянием и проблемами эфира. На заседании общественного совета видеолетописи первый этап работы получил одобрение, но были высказаны и некоторые пожелания. Возможно, советы эти окажутся полезными для тех, кто занимается подобной деятельностью. На телефестивалях «Патриот России», «Сердце России» и др. были представлены десятки передач и фильмов, использующих тот же прием: ветерана войны, труда, или комсомола, или какой-либо отрасли науки усаживают в кресло перед камерой: «Ну, рассказывайте!». Эти телевизионные опыты редко претендуют на психологическое портретирование, на раскрытие личности, но все равно из этих фильмов и передач образуется своего рода ветеранский видеоархив, пусть пока разрозненный, во многом случайный, однако нет сомнения, что ценность этих кадров будет со временем только возрастать. Тем досаднее бывает, если видны просчеты телевизионных «летописцев» – молодого поколения, не слишком хорошо ориентирующегося в истории своей страны. У многих героев-воспоминателей можно было узнать гораздо больше, будь рядом знающий и заинтересованный собеседник-журналист.

Можно следующим образом сформулировать основные правила подготовки и съемки видеомемуаров.

1. Выбор рассказчика обусловлен двумя основными критериями: события из его жизни должны представлять общественный интерес, а сам он – обладать способностями к речевой коммуникации. Тезис «неинтересных людей нет» давно опровергнут практикой. Вместо личных воспоминаний многие герои региональных передач повторяют общеизвестные пропагандистские тезисы о войне и пятилетках.

2. Ветераны телевидения – профессионалы эфира – смогли вести монологи, глядя в объектив телекамеры. Для людей иных профессий эта задача непосильная, рядом с ними должен

находиться журналист-интервьюер. Он осуществляет психологическую поддержку, на него, а не в объектив, должен смотреть собеседник.

3. Интервьюер должен иметь предварительную информацию об очередном герое. Источниками такой информации могут стать коллеги, сослуживцы, а в случае беседы с известным лицом – справочные издания, Интернет. При отсутствии «разведанных данных» есть опасность упустить наиболее важные биографические моменты по причине скромности рассказчика или его нежелания вспоминать неприятное. Иногда целесообразно провести прединтервью для определения ключевых моментов экранного разговора, если речь идет не о двухчасовом общении перед камерой в архивных целях, а о лимитированном времени видеозаписи для целей вещания. Далеко не всегда имеет смысл записывать воспоминания обо всей жизни или обо всей войне. Полезнее сосредоточиться на нескольких особенно значительных эпизодах, но изложить их предельно подробно. (Так работают интервьюеры компании «Школьник-ТВ», их разговоры с ветеранами четко структурированы, поскольку предназначены и для архива, и для просмотра в учебных целях.) Однако прединтервью не должно превращаться в репетицию. Не должна быть утрачена живость и взаимный интерес в общении перед камерой.

4. Для получения полноценных видеомемуаров, как и для обычного интервью, надо создавать перед камерой «позитивный климат общения» благодаря такому свойству журналиста, как эмпатия, т.е. сочувствие, сопереживание – при четком понимании структуры и целей беседы. «Протокольный» стиль общения и формализованные вопросы, казалось бы, приближают видеодокумент к строгой научности, но на самом деле обедняют его, лишая эмоциональной окраски. Эмоциональные проявления человека не менее важны, чем сообщаемые им факты, так как являются важной характеристикой личности.

5. Известно, что люди склонны идеализировать прошлое, особенно то время, когда они были молодыми. Ветераны войны почти не говорят о трудностях и потерях, старые комсомольцы – о карьеризме и т.п. Опыт создания видеолетописи ТВ также показал, что рассказчики избегают вспоминать о негативных моментах, давать оценку общей ситуации на ТВ в 50-е – 70-е годы. Ограниченность тематики программ, боязнь идеологических ошибок, наличие цензуры, партийное руководство телевидением почти не нашли отражения в устных мемуарах, рисующих некую идиллию коллективного творчества под мудрым руководством прекрасных начальников. Не забывая о такте, деликатности и уважении к собеседникам интервьюер, заботясь об исторической правде, мог бы задать вопрос о «теневых» сторонах жизни.

6. Мемуары – даже письменные – не всегда бывают достоверны. Нередко имеет место так называемая «аберрация памяти». Целесообразно проверять данные, вызывающие сомнение. Расспрашивать разных собеседников об одном и том же важном событии для получения объемного и достоверного представления о нем, для возможного сопоставления или даже сталкивания в монтаже различных мнений. В видеолетописи работников радио и

телевидения это могли бы быть такие события, как небывалая импровизация во время Всемирного фестиваля молодежи в 1957 году и встреча Юрия Гагарина в 1961 году, как освоение Останкинского телецентра и новых форм вещания, и, наконец, конфликтные ситуации, приведшие к смене руководства различными структурами и всем ведомством. (Например, передача «ВВВ» 1957 года, «Литературный вторник» 1965-го, телефильм о Ленине 1969-го.) Были бы интересны воспоминания о такой форме «воспитания», как отстранение от эфира ведущих журналистов на срок от нескольких месяцев – каковы были поводы и причины? То же – о закрытии определенных рубрик и программ.

7. Создатели видеомемуаров, журналисты-исследователи, должны направлять собеседников на размышления о том, как в их судьбах отразилась история страны и мира.

Вот парадокс: в годы, которые принято называть «застойными» (1970–1985), телевидение активно развивалось. Не только появлялась новая техника, а с ней новые формы вещания, но и повышался престиж ТВ в обществе и государстве. Работники ТВ стали частью первой и единственной власти – партийной. При жестком идеологическом контроле от них требовалась немалая изобретательность. Это проявилось, например, при съемке видеофильмов 60-серийного цикла «Наша биография» (1976–1977 годы). Этот цикл можно считать предшественником нынешних видеомемуаров. Он был основан на воспоминаниях ветеранов. Их приглашали для съемок в такие места, которые были связаны с их молодостью, с событиями прошлого, что вызывало необычайно живую реакцию, неподдельные эмоции. Разумеется, ни слова не говорилось о негативных явлениях прошлого – что было можно сказать в эфире в 60-е, то запрещалось в 70-е, и без понимания всей противоречивости этих процессов в обществе трудно понять историю ТВ.

По-видимому, при публикации некоторые мемуары работников ТВ потребуют не только параллельного монтажа с целью взаимного дополнения впечатлений о событиях, но и научно-исторического комментирования.

Если ветераны ТВ старались обходить «темные пятна» прошлого в своих воспоминаниях, то недостатки сегодняшнего вещания они отмечали с полной откровенностью. Суммируя их высказывания, можно придти к следующим выводам:

– наряду с увеличением количества каналов и возникновением конкуренции вещателей, которая должна, по идее, приводить к расширению выбора телепередач, наблюдается увлечение однообразными, дешевыми в производстве и сомнительными с морально-этической точки зрения передачами типа ток-шоу;
– героями телесериалов, которые объективно служат образцами для подражания среди молодежи, выводятся уголовные преступники;
– сократилось количество программ для детей;
– принцип качественного ТВ «информировать, просвещать, развлекать» не выдерживается вследствие погони за

рейтингом, за количеством невзыскательной публики у телевизоров;
– осмысленная государственная политика в области вещания отсутствует, соответствующий закон не принят;
– свобода слова часто понимается как вседозволенность;
– недостаточен уровень культуры речи многих журналистов.

Впрочем, некоторые ветераны отметили и достоинства ряда телепередач («Жди меня», «Забытый полк», «Путешествия натуралиста», «Растительная жизнь», «Времена», канал «Культура»). Выявилось активное неприятие «реального ТВ» (программ типа «За стеклом»), а также состязаний по принципу «человек человеку волк» («Слабое звено», «Последний герой» и др.).

Из прошлого опыта ветераны ТВ считают наиболее ценной атмосферу творчества, свойственную первым десятилетиям ТВ, в противовес нынешнему облегченному, «конвейерному» производству программ; они мечтают о том времени, когда телевизионная речь –речь дикторов, ведущих, репортеров – снова станет эталоном русской речи для всего населения страны. Старые телефильмы также, по мнению ветеранов, могут служить образцами как по драматургии, операторской и режиссерской работе, так и по гуманизму идей. Былые «Бенефисы» намного выше нынешней телевизионной эстрады. Театральные телепостановки А. Эфроса и других режиссеров остаются недосягаемой классикой. Главный вывод: надо преодолеть противоестественный разрыв поколений работников ТВ, сочетая энергию молодых с опытом мастеров.

Как уже сказано, Гостелерадиофонд продолжает работу над видеомемуарами. Предполагается записать воспоминания журналистов К.В. Анненковой, Ю.В. Белянчиковой, А.Г. Потапова, И.С. Фесуненко, диктора В.М. Леонтьевой, телеведущего Н.Н. Дроздова, а также осуществить экспедиции в Санкт-Петербург, Киев, Одессу, Алма-Ату, Воронеж, Самару и Новосибирск. Фонд будет регулярно пополняться видеозаписями программ, присылаемых региональными телекомпаниями на фестивали, форумы, конкурсы. Параллельно начнется кропотливая работа по систематизации собранного материала и его использованию в научно-практических целях.

Лет 35 назад принесли к нам на Шаболовку – по секрету – номер французской газеты «Фигаро». Огромная, на целую полосу, статья про нас – про советское телевидение! В центре газетной страницы большая фотография. Но не на Шаболовке снятая, а на Казанском вокзале: пассажиры в ожидании поезда. Казенные деревянные диваны с буквами «МПС», на стене краны с кипятком. На лицах ожидающих покорность, терпение, даже какая-то благостность. Основная мысль статьи: люди, которые могут сутками ждать поезд и неделями добиваться приема у бюрократа, так же терпеливо подолгу смотрят на неподвижную картонку (рисованную заставку) на телеэкране, на которой написано название следующей передачи. Или слушают того же бюрократа, читающего по бумажке. В общем, по заключению газеты «Фигаро», каждый народ достоин своего телевидения. Сейчас у нас на Казанском вокзале простого

кипятка не найдешь, и благостных лиц стало меньше. Доброты и терпения уменьшилось везде, и на ТВ – тоже. Отражая процессы, происходящие в обществе, ТВ, конечно, оказывает и «обратное» влияние. «И зеркалам стоило бы подумать, прежде чем отражать», – заметил Жан Кокто. А уж людям уподобляться бездумному стеклу и вовсе не стоит. Иной раз надо оглянуться на предшественников – хотя бы для того, чтобы не повторять их заблуждений,– мол, все только начинается, вся жизнь впереди... Видеомемуары – очень грустная и, буду надеяться, полезная акция.

Пока эта книга готовилась к печати, совершенно неожиданно, на рабочем месте, скончался директор Гостелерадиофонда Анатолий Иванович Высторобец. Энергичный, всегда с улыбкой, вечно куда-то спешащий главный хранитель истории радио и ТВ. Он так и не нашел времени поучаствовать в собственном проекте, выступить перед видеокамерой с воспоминаниями, хотя знал и помнил очень многое. Коллеги обещают продолжить и завершить его дело.

в начало

МОСТЫ НАД БЕЗДНОЙ

(о конкурсе дипломных работ)

Учиться журналистике теперь приходят семнадцатилетние, вчерашние школьники. Через четыре года учебы они приступают к написанию дипломной работы. Для большинства из них это будет самое большое сочинение в жизни – и прошедшей, да и в последующей (часто видали вы журналистское произведение в 70–80 страниц?)

Один из «зубров» международной журналистики признался как-то: «Вы знаете, я по-настоящему зауважал свою дочь, прочитав ее дипломную работу. Не думал, что она способна на такое – и читала больше, чем я, и свои мысли зашевелились... Спасибо факультету!».

Вот в том-то и смысл «последнего аккорда» журналистского обучения. В первую очередь дипломная работа свидетельствует о том, что ее автор знаком с опытом, накопленным предшественниками, старшими коллегами. Обобщение их опыта – в книгах, в газетных подшивках, видео- и аудиозаписях. Поэтому обширная библиография и фильмография, цитаты, сноски и ссылки составляют необходимый «научный аппарат» работы. И уже во вторую очередь дипломник предъявляет свои достижения – как по части аналитического мышления, так и в собственных журналистских работах. Даже так называемые «творческие» дипломные работы, основу которых составляют публикации молодого автора (его репортажи, статьи, передачи на определенную тему) непременно должны содержать рассуждения о творческих методах и опыте мастеров. Это особенно важно сейчас, когда многие «акулы пера» полагают, что настоящая журналистика

началась только с них, и, таким образом, рвется связь поколений и времен.

Сразу скажу: все представленные на конкурс журнала «Профессия – журналист» дипломные работы отвечают перечисленным выше требованиям.

Чувствуется, каким удовольствием было для Юлии Гришиной держать в руках художественный журнал 1899 года «Мир искусства». Золоченый срез, прекрасная печать, поразительное качество фотографий и репродукций, цветные вкладки, переложенные пергаментом. Дипломница приводит слова редактора журнала Сергея Дягилева, сразу ринувшегося в бой с теми, кто упрекал тогдашних художников в упадке, в декадентстве: «Упадка нет и быть не может, потому что нам не с чего падать, потому что для того, чтобы осмелиться провозгласить падение, надо было раньше создать великое здание, с которого возможно было бы низвергнуться вниз и разбиться о камни его. Покажите, дайте нам этот храм...».

Юлия Гришина доказывает, что для современной журнальной иллюстрации «Мир искусства», выходивший почти шесть лет и ставший одним из символов «серебряного века», и является тем самым «храмом» или «великим зданием», задавшим высокую планку графического дизайна. Ее работа, выполненная в университете Российской академии образования, называется так: «Становление иллюстрации в СМИ. «Мир искусства» и современные издания». Приводятся примеры иллюстрации из журналов «Наше наследие», «Россия», «Фас» и др. – их лаконизм обусловлен быстротечностью нашего времени. Может, потому и хочется вглядеться в «вызывающе красивые» страницы вековой давности.

Роман Демидов, оканчивая Новгородский госуниверситет им. Ярослава Мудрого, сосредоточился на самых современных технологиях печати малоформатных газет. Он «просчитал» многочисленные газеты формата А4, выходящие в Великом Новгороде, по их аудиторным «нишам» и технологии производства. Правда, аргументированная агитация Демидова за офсет и компьютеры против линотипов и плоскопечатных машин кажется сегодня немного наивной. Как говорится, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Елизавета Гладковская из Уральского госуниверситета смело взялась за тему, которая (при условии ее полноценного раскрытия) сделала бы честь маститому ученому: «Влияние ментальности на журналистскую деятельность (на примере качественных периодических изданий в России и США)». Студентка познакомилась с десятками философских и социопсихологических трудов, с рассуждениями о пресловутой российской широте и духовности в противовес американскому прагматизму. И, тем не менее, общий вывод не очень утешителен: ментальность – некая абстракция, а если взять конкретного человека, то в нем едва ли найдешь все заявленные свойства и отношения к миру, и в системе его ценностей обнаружится немало удручающих «противовесов». Думаю, в будущих журналистских путешествиях Елизавета сможет убедиться, что, действительно, единая российская ментальность – не

более чем досужая абстракция. Во Псков поедешь, в глубинку – там одна ментальность, поедешь в Краснодарский край – там совсем другая. Наши теоретики связаны политкорректностью. Нельзя же написать, что кто-то лучше, а кто-то хуже, или даже не хуже, а просто другие. Дает знать о себе инерция прежних времен. Сказку о прежнем «монолитном» обществе повторяет и дипломница, отнюдь не опровергая ее.

Только в самое последнее время некоторые теоретики наших СМИ признали: «В советское время газеты, радио и ТВ были выразителями отнюдь не всего общественного мнения, а лишь конформной его части. Именно поэтому, в силу равнодушия большинства населения к коммунистической доктрине, она так быстро рухнула». (Из доклада социолога В.И. Коробицына на факультете журналистики МГУ.) Журналисты писали «о людях хороших», не замечая остальных, а ведь все непривлекательные сегодняшние проявления – родом оттуда, из прежнего псевдомонолита.

По молодости лет Елизавете не хватило критичности по отношению к писаниям взрослых коллег. Намаявшись с ними, она перешла к сравнительному анализу текстов из российской и американской прессы. И здесь, на мой взгляд, с самого начала были допущены два просчета (адресую сей упрек не столько дипломнице, сколько ее научному руководителю).

С американской стороны взяты для анализа тексты из журналов «Ньюсуик» и «Бизнесуик». С российской – из «Известий» и «Общей газеты». Но ведь очевидно, что газетные и журнальные тексты существенно различаются, в том числе и по тем параметрам, которые можно отнести к выявлению ментальности читателя и «писателя». Более подходящей парой «Ньюсуику» – общественно-политическому еженедельнику – был бы наш журнал «Итоги» или «Новое время». А «Бизнесуик» было бы корректней сравнить отнюдь не с «Известиями», но с еженедельниками издательского дома «Коммерсантъ».

Второй просчет еще досадней. Взяты тексты об одних и тех же событиях: трагедия «Курска», политика Президента Путина, «дело Бабицкого», перипетии вокруг Гусинского – Березовского – НТВ. Для россиян, конечно же, подход ко всему этому один, а для американцев –совсем другой. Потому что наши пишут с болью за ***свою*** страну. У журналиста, по словам Константина Симонова, должно быть «чувство вины, и стыда, и боли, и бешенства за все, что у нас не получается, и радости за все, что у нас выходит!». Было бы странно, если б американцы разделяли с нами эти наши чувства. Сравнили бы лучше, что пишут они про своего, американского президента, а мы про своего. Вот тогда бы и выявился краешек той самой ментальности.

Вывод Гладковская делает на уровне чисто профессиональном: наши журналисты непременно высказывают собственное мнение, у американцев же мы видим тщательный подбор фактов. Но, добавил бы я, подбор таков, что не оставляет сомнений насчет позиции автора. Принцип «отделения фактов от мнений», конечно, хорош – уже тем, что создает видимость полной объективности, и нам не грех поучиться этому у американцев. А то

эмоции, как справедливо отмечает дипломница, часто подаются ***вместо*** фактов, и это «чревато некомпетентным комментарием, тенденциозностью».

Хотелось бы посоветовать молодому исследователю: взявшись за сверхсложную тему – не отступайте. Я не удивлюсь, если через несколько лет вы защитите кандидатскую диссертацию, сказав свое слово в науке, поднявшись над конъюнктурными порой трудами по этой теме.

С интересом прочитал я присланную из Ставропольского госуниверситета работу Татьяны Васильевой «Имидж ведущего информационной телепрограммы и адекватность восприятия его аудиторией». Сразу возникает вопрос: адекватность – чему? Оказывается, Татьяна проявила коварство, попросив телеведущих – местных «звезд» – поставить самим себе оценки по 27 параметрам. Шестеро ведущих оценили себя – в среднем – так (по пятибалльной системе): выбор интересной темы – 4, достоверность сообщений – 4,5, правильность речи– 4, оригинальность изложения – 4. Дальше самое интересное – внешние данные. Глядя на себя в зеркало, телезвезды поставили оценку за личное обаяние 4,5, столько же за позу, жестикуляцию и одежду.

Поблагодарив ведущих за сотрудничество, дипломница попросила других людей, зрителей, выставить те же оценки тем же личностям– но уже со стороны. Со стороны, говорят, виднее. И вот что получилось. Выбор интересной темы – всего 2,3 балла. Достоверность – 2,8. Правильность речи – 3,7. Оригинальность изложения – 0,6! Обаяние было оценено в 1,9 балла. Одежда – выше всего – 4,1.

Это средняя оценка более ста человек. Тут и «простые» зрители, и студенты, и журналисты газет. Объяснение низким оценкам такое: ведущие слишком молоды, чтобы производить впечатление «серьезности, респектабельности и солидности». Отмечены напряженность, неестественность перед камерой, пренебрежение к зрителям, нетелегеничность, частое использование речевых штампов, ошибки в ударении, нечеткая артикуляция, влияние местного наречия... Что ж, молодость – это такой недостаток, который с годами проходит. В остальном же, надо надеяться, краевые телезвезды примут к сведению отзывы зрителей и рекомендации, которые собрала в своем дипломном сочинении Татьяна Васильева, изучив ни много ни мало 94 работы по избранной теме, что и отражено в библиографии.

Ольга Макарова из того же Ставропольского госуниверситета тоже имеет склонность к социологическим замерам. Работа называется «Запросы молодежной аудитории. Социально-статусный аспект». Имеются в виду запросы к молодежным телепередачам, и вывод – эти передачи молодежь не устраивают. Ценность исследования несколько снижена тем, что под «молодежью» Ольга имеет в виду лишь свой круг общения – студентов, а ведь передачи рассчитаны на гораздо более широкую аудиторию. Чересчур категоричной представляется мысль, что «борьба за статус – первоочередная цель людей в современном обществе». Дипломница опирается здесь на слова И.С. Тургенева: «Каждый человек в молодости своей пережил эпоху «гениальности», восторженной

самонадеянности. Он готов толковать об обществе, об общественных вопросах, о науке...» Очевидно, что под «каждым человеком» милейший Иван Сергеевич имел в виду прототипов «Дворянского гнезда» и «Аси», но никак не Хоря и Калиныча. И вот Ольга Макарова повторяет «тургеневскую ошибку». Для Ольги тоже «каждый человек» – это человек ее круга. А сельская молодежь, рабочие, девушки в магазинах и конторах? Журналист не вправе о них забывать, для них, может быть, молодежные передачи не так уж плохи?

И еще одна работа из Ставрополя. Владимир Коваленко: «Журналистское расследование в городской печати». Весьма толково автор изложил историю инвестигейторской журналистики в стране и мире, взгляды теоретиков на сей жанр (именно так – самостоятельный жанр!), а потом приложил собственные произведения, опубликованные в газете «Невинномысский рабочий». Но это – увы! – не расследования, в них нет детективного элемента. Всего лишь излагаются факты: о воровстве цветных металлов (за год возбуждено 81 уголовное дело), о венерических заболеваниях, о торговле наркотиками и молодежной безработице. Спору нет, темы важные. Вот если бы автор поставил перед собой задачу узнать, кто скупает ворованные провода и краны, и пошел бы сам с какой-нибудь подозрительной вещицей по приемным пунктам... Или сам попробовал бы устроиться на работу – слесарем ли, дворником... И на этот детективный «шампур» нанизал бы собранную статистику – вот это было бы похоже на расследование. Не случайно научный руководитель в своем отзыве вежливо написал, что Владимир «выходит на жанр». Давайте, коллега, выходите поскорей!

Из Новгородского госуниверситета им. Ярослава Мудрого пришла работа «”Хорошая новость” в СМИ (из практики работы службы новостей НГТРК “Славил”». Кузнецова А.В. (полное имя, к сожалению, не указано) решала чисто практическую задачу. В телекомпании ей сказали: мы платим за новостной сюжет от 3 до 30 рублей. За «проходную» новость, стало быть, трешку, за хорошую – десятку, за сенсацию –тридцать. Вот и возникает вопрос, вечный вопрос нашего ремесла: что такое хорошо и что такое плохо? Моя однофамилица рассматривает проблему с трех точек зрения: издателя (хорошо то, что прибыльно), журналиста (как «сделана» новость) и аудитории, которая заявляет, что хочет видеть нечто доброе и ласковое, но, судя по рейтингам, смотрит и обсуждает «чернуху».

Явно недостает четвертой точки зрения: какие новости нужны в ***интересах общества.*** Вгонять страну в депрессию во имя рейтинга и прибыли – безнравственно. Надо было заявить об этом со всей определенностью. У меня были споры на эту тему с важными людьми, я все докапывался – глупость это или целенаправленное разрушение сознания и моральных устоев россиян? Пока мое «расследование» результатов не дало. Может, кому-то из дипломников повезет больше. Поделюсь двумя интересными высказываниями. Яков Посельский, наш кинематографист, перебравшийся в США, возмущался по телефону: как мы ждали приход НТВ и какой страшный образ России

возникает из НТВ-шных новостей, американцы под влиянием этих передач боятся ехать в Россию и вкладывать туда инвестиции. А Валентин Зорин уверял меня, что на столе у выпускающего новостей в США лежит бумажка, напоминающая, какой процент «чернухи» – и не больше! –можно давать в новостях...

А. Кузнецова справедливо полагает, что в «чернухе» есть элемент пользы – посмотрев, люди станут вести себя осторожнее. И дает живую сценку. Репортер сообщает: есть видео с трупом на проспекте Мира. Женщина-редактор: хорошо! Другой репортер: льдину с рыбаками оторвало от берега... Редактор: отлично!

Криминальную информацию подробно рассматривает Анна Васильева из университета Российской академии образования. Название подчеркнуто академично: «Информационный текст: смысловая структура и языковые особенности». Содержание, как вы сейчас убедитесь, гораздо шире. Дипломница описывает собственный опыт работы на происшествиях и дает дельные советы коллегам. Вот, например:

«Чтобы вас понял оперативник или начальник уголовного розыска, нужно представить себя на его месте, т.е. подстроиться под его стиль. Если журналист собирает информацию на месте происшествия (убийство, взрыв, авария и т.п.), для общения нужно выбирать, что называется, «главного». Работники правоохранительных органов обычно четко соблюдают правила иерархической лестницы. Без санкции свыше они ничего официально рассказывать не станут. Вопросы надо задавать коротко и по делу, на простом, крайне понятном языке –смесь канцелярского с разговорным. В их лексиконе есть профессиональные словечки, огромное количество аббревиатур, их надо знать и употреблять при беседе с сотрудниками милиции. Надо помнить: журналистика для них – враждебная среда, корреспондент сродни шпиону. Когда же с оперативником говорят на его языке, он чувствует «своего» и теряет бдительность, даже проявляет к журналисту расположение».

Как видим, речь здесь не об информационном тексте, а об особенностях журналистской речи и поведения при поиске информации. Работа насыщена интересными примерами.

«Специфика реализации игровых технологий в современных печатных СМИ» – так называется дипломная работа Виктории Собиной, защищенная в Алтайском госуниверситете (город Бийск). Солидная теоретическая часть – 75 названий статей и книг по теории игр и газетному делу, – а затем описание попытки применить это все на практике. В местной редакции попробовали затеять игру с читателями, сделать их соавторами сериалов «В Бийске тоже смеются» и «Богатые что-то прячут» – но таковых набралось на весь город всего пять человек, и игру свернули. Телефонная игра оказалась немного удачнее – позвонили 19 человек... Лиха беда начало, Виктория, предлагайте новые проекты с учетом нашей загадочной ментальности.

Применить теорию на практике – желание само по себе достойное. Очень известный в прошлом деятель справедливо заметил, что «теория без практики мертва». А литературный герой, на чью ментальность неоднократно ссылались в средней школе, свойства имел совсем иные. «Странно подействовало ученье на

Илью Ильича: у него между наукой и жизнью лежала целая бездна, которой он не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себе, а наука сама по себе». Вообще-то говоря, обломовщина среди студентов весьма распространена. Пять лет учебы кое-кого просто разлагают, велик соблазн пробездельничать. Но не таковы наши конкурсанты!

Самый красивый, на мой взгляд, переход над бездной между теорией и практикой получился у Веры Писаренко из Ставропольского госуниверситета. Когда-то «морально-этическая тема» считалась в редакциях чем-то несущественным рядом с материалами об успехах заводов, колхозов и строек. Потом спохватились: без совести и чести не будет толку ни от строек, ни от заводов. И вот передо мной работа «Проблемы духовности и нравственности в современных СМИ. Жизнь человеческой души в программах краевого радио».

Молодую журналистку волнуют коренные проблемы бытия: как и для чего жить, как добиться справедливости среди людей? За ответами она обращается к лучшим умам человечества – от Платона и Декарта до Моруа и Толстого. И сокрушается о том, что для многих ее сверстников нет авторитетов вообще. «Во что и кому верят? Иногда кажется – никому. Ни родителям, ни учителям, ни Пушкину, ни Достоевскому, ни Солженицыну, ни Сахарову; не верят Евангелию и Христу, партократам и демократам, старикам-фронтовикам и блокадникам. Так что же это за молодость и откуда столь воинствующий нигилизм?». Ответ таков: молодые «слишком надышались порченым воздухом массовой культуры», слишком много в наших СМИ негативной информации, разрушающей любые идеалы. «Иногда начинает казаться, что весь мир охвачен какой-то бешеной пляской наркоманов и пьяниц, развратников и воров, террористов и убийц». Просветительная и воспитательная функция СМИ, по справедливому мнению дипломницы, сильно деградировали. И она по мере сил (и с благословения руководства местного радио) старается восполнить этот пробел своими собственными передачами. К теоретической работе приложены стенограммы неторопливых радиобесед с разными людьми, в семьях, где подрастают способные дети, в деревнях, где доживают свой век старики, в новых общественных организациях, стремящихся, как это ни трудно, делать добро.

Хорошо, что для начала творческой биографии Вера выбрала радио (или оно выбрало ее?). Суета ТВ разрушила бы хрупкую ауру общения с героями в их привычной среде. Наше радио имеет неплохие традиции бесед, очерков, эссе на темы морали и нравственности, коренных вопросов бытия, волнующих нашу дипломницу. Хорошо, что есть кому эти традиции продолжать и развивать.

в начало

«МАНГУСТЫ БУДУТ В ПЯТНИЦУ», ИЛИ ДИ-ДЖЕЙ ИЗ КГБ

Ставлю в магнитофон старую-престарую кассету 1970 года. Они только появились в то время, эти маленькие кассеты, и

корреспондент Гостелерадио Геннадий Морозов придумал использовать их для «говорящих писем» – из Дели в Москву. Кроме слов важная роль отводилась музыке. Гена снабжал друзей такими мелодиями, каких еще не слышали в Москве. И вот мы представляли, как он ждет, чтобы в его индийском доме все уснули, усаживается на втором этаже к микрофону возле стереосистемы и, виртуозно играя микшерами и звукоснимателями, запускает мягкую ночную мелодию. Вот ее звучание уходит на второй план, и раздается бесконечно знакомый, мягкий, добрый голос. Надо сказать, профессионально поставленный голос радиожурналиста. Куда там современным радиомальцам с их мэканьем и бэканьем – все четко и с богатством интонаций.

«Здорово, ребятишки! Сейчас ровно 12 часов ночи по делийскому времени, то бишь по-вашему 21.30. Ирина уже спит, она, правда, просила разбудить ее, чтобы принять участие в набалтывании этого устного письмеца, но мне жалко будить ее, пусть спит, а утром присоединится. А сейчас я хочу вам сказать: доброй ночи! Хотя, может быть, у вас утро, день или вечер, но хочется мне сказать вам: доброй ночи! Ибо это самое главное. Ибо если еще и ночь недобрая, то тогда просто нечего пожелать. Я сейчас дико-дико трезвый, трезвый в доску. И поэтому не будет красивых, тонких, умных слов в этом письме. Но все равно оно будет искреннее, и искренность эта не будет пьяной».

В одном из своих ранних стихотворений Морозов признавался:

Как я боюсь красивых слов,
как страшен их напор!
У правды испокон веков
был проще разговор:
теченье медленной реки,
стремительность ракет…
Пожатье тихое руки
и выстрел в сердце – «нет!»
И жизнь, и смерть, и жуть войны.
И атома расщеп.
И осознание вины.
И – вообще...

Тут отголосок тех времен, когда автор стихов был еще «чистым», или «карьерным», дипломатом, работая после окончания МГИМО в Непале. Но первой его супруге захотелось делать свою карьеру, и она вернулась в Москву. Тогда совслужащим не полагалось находиться в долгой загранкомандировке без жены (между прочим, разумный был порядок), и Гена вскоре тоже оказался в столице нашей Родины, но уже без работы: он оказался никому не нужным в центральном аппарате МИДа. Друзья студенческих лет Сергей Муратов и Леонид Золотаревский посоветовали: иди на радио, там на заграницу вещают на всяких языках, может, твои хинди и урду пригодятся. Так Морозов стал журналистом. Вскоре за широту характера и умение привлекать к себе людей, за теплоту, за талант на дружбу молодежь редакции

иновещания Радиокомитета выбирает его комсомольским секретарем. Это был, говорят, удивительный комитет комсомола, возникший на волне хрущевской «оттепели». Туда входил, например, Юра Визбор, который гораздо позже вспоминал об этом, посвятив Геннадию Морозову свою песню про дипломатов: *«Ах, не слабы, братцы, ох не слабы / блеск волны и тихий плеск весла, / крокодилы, пальмы, баобабы / и жена французского посла».* Что касается послов или их жен – не знаю. Но посланцы стран НАТО, видимо, теперь входили в круг интересов Морозова. Как во время Второй мировой войны многое решалось разведчиками в Турции и Японии, так и позже. Чего тут скрывать. Талант общения Морозова показался ценным нашим спецслужбам.

Крутится старая кассета, звучит мелодия светлая. Микшируется.

«Под такую музыку всегда почему-то мне грустно. Вот именно под эту мелодию я набросал новеллку, которую сейчас прочту.

Мимо проходит не только зрелость, мимо проходит детство дочери. По утрам она входит в комнату, прислоняется серебряной головкой к моему вспотевшему плечу, звонко шепчет: «Пора, папа, вставай! Ты у нас самый ленивый, самый добрый, самый умный, но надо вставать, потому что кто еще повезет меня на машине в школу?». Я смотрю в ее глаза и говорю: «Встаю, уже встал, уже еду, мы уже в школе». В комнату входит жена. «Вставай, – говорит она, – надо везти Катю». Встаю, потому что сказка окончена, как ночь, и не могу сказать: «Я уже встал, мы уже в школе». Это смешно. Неуместно, поздно. И детство моей дочери проходит мимо».

Это все Гена читал на фоне чуть слышной нежной мелодии. И вдруг – разудалый рок-н-ролл, большой оркестр Джеймса Ласта. Морозов дал московским друзьям послушать всласть, потом смикшировал, заговорил:

«Так и жизнь состоит из таких вот разных пластинок. И грустных, и таких искрометных. Так и должно быть. А иначе скучно. Просто скучно жить иначе. Под эту музыку мне вспомнился анекдот, его только что привезли из Москвы, все про того же Иванова в школе...».

Поскольку анекдот старый, я его пересказывать не буду. Письмо, напомню, из 1970 года. Теперь у нас развелось много радиостанций, где музыка чередуется с анекдотами и разговорами ведущих. Мне кажется, Морозов мог бы стать классным ди-джеем. А возможно, он уже тогда знал это слово и этот формат передач, вот и открыл его для друзей тридцать с лишним лет назад.

Оркестр продолжает рок-попурри, фоном пошли какие-то шумы энергичного праздничного застолья с танцами, кто-то даже насвистывает.

«Много музыки, мало слов. Если бы я сейчас только ставил пластинки и говорил: вот эта музыка мне нравится, а эта нравится очень, а эта мне противна... Тогда, наверное, получилось бы самое глубокое и откровенное письмо для тех, кто чувствует, как я. Если люди пользуются только словами, то поймут, что они разные, через два года или пять лет. Ведь очень часто мыслят

люди одинаково. Но одинаково чувствуют очень редко. Мне кажется, что друзья – это те, кто одинаково чувствует. И чем более одинаково чувствуют, сопереживают, сочувствуют, тем больше они друзья!».

Джеймс Ласт выводится на полную громкость, и Морозов начинает подпевать: «О, друзья, о, друзья... аля, трам-пам-пам...». Затем ритм меняется: видимо, сменил пластинку.

«Ну что? Рассказать вам, как я живу? В основном вы знаете это. Ведь я уже три раза был в отпуске. Работаю много, суета большая. Но стал немножко внутренне спокойнее, собраннее, что позволяет писать почти каждый день на радио, даже кое-что писать для себя, многое осмысливать, делать какие-то выводы и даже иногда ходить в кино и изредка в бассейн».

Медленный ритм, какая-то серебряная труба поет в индийской ночи.

«Ну вот, моя любимая мелодия, слышите, пластинка уже шуршит – так я ее заиграл. Моя коллекция пластинок пополняется. И когда я окончательно вернусь домой – как мы долго и хорошо будем их слушать. К слову сказать, подавляющее большинство наших людей –почти все – увозят и купленные магнитофоны, и купленные системы, и пластинки в Москву, в отпуск. И хотя им предстоит здесь жить еще два года, три или четыре, эти вещи лежат там. А здесь они живут тихо-тихо. Музыки нет. Ты приходишь в гости, тебя угощают чаем или вообще не угощают. Тишина. Иногда говорят о технике, о музыке с непременным лейтмотивом: «Вот у меня в Москве...». И так во всем. Большинство наших людей здесь не живет, а существует. И Москва для них – как рай для верующего: «Чем хуже я буду жить здесь, тем лучше там». Я предпочитаю попасть в ад, но жить нормально и здесь».

И мы действительно потом «долго и хорошо» слушали морозовские пластинки в его квартире в Сокольниках. Каждый его приезд в Москву был для друзей радостным событием. Надо ли говорить, что он всегда являлся с подарками, у всех нас уже были часы «Сейко» и пробковые шлемы. Кому-то он вез редкое лекарство, кому-то те же кассеты – дикий дефицит. Не это, однако, было главным. Он собирал у себя людей, в общем, приятных друг другу, но без Гены общения у них (то есть у нас всех) как-то не получалось. А тут – праздник, да и только! С выездами куда-нибудь на Волгу или под Воронеж, на Кавказ или в Ленинград. За морозовской «Волгой» иногда мчались две-три машины телевизионщиков, радистов и друзей из «родственного Комитета». От них, а не от него я узнавал о «потусторонних» делах Геннадия. В каком он сейчас звании, какими орденами награжден. Как его чуть не расстреляли в Бангладеш, да спасло обаяние. Я этих орденов не видел, хотя после очередных зигзагов в наших личных жизнях мы некоторое время жили вместе, а потом встречались каждый день. То у меня на первом этаже в «хрущевке», то у него на 23-м, в кооперативе на Ленинском проспекте. По соседству. Потом я узнал, что ордена он показал дочери Кате, когда той исполнилось 18 лет, и рассказал, кем на самом деле работает. Объяснил, что это работа, необходимая Родине.

Приезжал к нам сосед Морозова еще по Сокольникам Витя Вучетич, тоже в очередном разводе. Артистичный, неунывающий, он однажды раскрутил-таки Морозова на одну «шпионскую историю». Как, уходя от наружного наблюдения, Гена зацепил машиной тележку велорикши. Человек упал. Морозов вышел из машины, стал оказывать помощь. Подоспела «наружка», которая потеряла было своего «клиента», и тоже по-товарищески принялась помогать. Джентльменские были отношения. Но когда надо оторваться, то уж, мужики, извините...

А вообще обсуждать эти темы Геннадий не любил, да и без того нам было о чем поговорить. Он рассказывал о фантастических красотах юго-восточного «угла» Азии, об обычаях тамошних народов. И почти всегда эти его рассказы заканчивались болевой для него темой – его потрясала ужасающая нищета людская.

«Как будто высохли на солнце руки, ноги. Я много видел их, стоявших на дороге с мольбой о подаянии. Они кричали мне о горестной судьбе, о том, что негде жить. Но я другого не могу забыть – слепого старика, хранившего молчанье. Он молча принимал скупое подаянье и мне не отвечал, больной, слепой старик. Он гордо нес в пустых глазах отчаянье и все молчал. И понял я: ужасно то молчанье. Молчанье, что рождает крик».

Но чаще он писал «для себя» совсем другое – любовную или гражданскую лирику в духе немодной уже «оттепели» 60-х. «Пик судьбы» вышел из-под его пера, когда ему исполнилось 45. Корреспондент Гостелерадио в Индонезии, подполковник внешней разведки КГБ, общий любимец... Казалось бы, чего еще желать? А он писал:

Я пик судьбы своей прошел,
и был он невелик
Сказать, что жил я хорошо,
мне правда не велит.
Сказать, что плохо жил, нельзя
– запротестует ложь.
Я жил, как все живем, друзья,
ведь я на вас похож.
Похож на тех, кто преуспел
и кем-то в жизни стал.
На тех, кто что-то не успел
и молодым устал.
Похож на тех, кто был любим
и сам, увы, любил.
На тех, кто для нее любым,
а не любимым был.
На сеявших добро похож
и пожинавших зло.
На тех, кому везло. И что ж?
В конце не повезло.

Вучетич исполнял эти стихи как песню, под гитару. У меня есть и эта кассета, да и с Витей мы встречаемся до сих пор каждый год в день рождения Морозова – 15 марта.

Но вернемся к «говорящему письму» из 70-го. После одной лирической мелодии пошла другая, задумчивая. И тут Морозов занялся самокритикой:

«В этой музыке ты течешь по уже сделанным кем-то берегам, скованный ими, как по каналу. Может быть, канал более полезен, чем река, он прямее, течет туда, куда его пустили люди. А река течет туда, куда она хочет течь. Но если река мощная, если она полноводная –она приносит огромную пользу людям, хотя и течет, куда хочет. Она куда-то впадает, наполняет какие-то водоемы собой. И если она быстрая, красивая, интересная, то и в верхнем, и в среднем течении приносит пользу, хотя у нее очень много всяких заворотов, изгибов, излучин. Левый берег у рек пологий, а правый крутой. Почему так? Чувствую, что надо менять пластинку. А то меня, как реку, несет куда-то не туда. А я не знаю, полноводная ли, быстрая, красивая, интересная ли я река. Плыть, куда хочешь, можно лишь если ты уверен, что, даже отходя от намеченной цели, даже затекая куда-то далеко направо, потом возвращаясь налево, ты все-таки к цели пробираешься».

Польза людям... Какая еще цель могла быть у Морозова? Что не карьера – это точно. Иначе не было бы у него всех этих заворотов и излучин в личной жизни, из-за которых случился после Индонезии большой перерыв в загранкомандировках.

В последние годы жизни Геннадий Морозов каждый день ездил на работу в Ясенево, в Службу внешней разведки. Он высоко ценил своего руководителя Евгения Максимовича Примакова, все было спокойно. Выпал, правда, вроде бы формальный рубеж. По возрасту полагалось перейти из кадровых офицеров в служащие. 1 декабря 1994 года такой переход состоялся, а 7 декабря Морозов скоропостижно умер. Выступавший на похоронах представитель разведки сказал, что полковник Морозов был настоящим мужественным офицером и талантливым аналитиком. Взвод автоматчиков рванул в небо холостыми очередями – нашему другу отдавали воинские почести. Гроб ушел в подземелье крематория, только ордена остались на специальных подушечках. Я так и не успел их рассмотреть.

12 декабря, через пять дней, друзья сдали в типографию подготовленную им книжку стихов. Сам он не нашел для этого времени. А скорее, не был уверен, достаточно ли красивая, полноводная, интересная река его жизни. Зря сомневался. Друзьям очень его не хватает. Нет у нас морозовского таланта общения. Хотя, надо сказать, никто не был так требователен к друзьям, как он. Если кто-то из нас в чем-то лукавил, приспосабливался, мельчил – Морозов прямо в лицо говорил ему все, что думает. Как в этом его стихотворении, имевшем, наверно, конкретного адресата:

Нет врагов у тебя, нет врагов
среди умных и дураков,
среди честных и сволочей,
среди тружеников и рвачей.
Нет врагов у тебя, нет врагов.
Ты срываешь улыбку со всех,
ты со всеми за руку, свой.

А ведь вдуматься – ты ни с кем
не бываешь самим собой.
Да, умен ты в кругу друзей,
но как глуп ты среди дураков,
и ты сволочь среди сволочей,
будь ты трижды и не таков.
И ты жаден, когда рвачу
по-приятельски бьешь по плечу,
и улыбка лжива твоя,
когда жмешь ты руку лжецу,
и подлец ты, когда, тая
правду-матку, льстишь подлецу.
Нет врагов у тебя, нет врагов.
И ты учишь искусству жить
нас, по-твоему, дураков,
что сумели врагов нажить.
Да, сумели, смогли, сдюжили.
Это честь — врагов заиметь.
Ведь иметь их хотя бы дюжину –
это надобно, брат, суметь:
заслужить, добиться и выстоять
под угрозами, может, под выстрелами,
под насмешками, может, под взятками,
под анонимками быстрыми
и под сплетнями вязкими.
Нет врагов у тебя, нет врагов.
Будь же счастлив во веки веков.

А закончить я хочу все-таки той радиопередачей для друзей, записанной осенью 1970 года. Того, давнего Морозова я вспоминаю чаще всего. Из моей стереосистемы опять звучит музыка, раздается его голос:

«Что-то зашуршало в углу, я подошел и вспомнил, что сегодня ездил в деревню за мангустой для Катьки. Мангуст там не оказалось, они будут в пятницу, и я ей купил маленького индийского ежика. Есть здесь в 30 километрах от Дели деревня, где все население занимается дрессировкой змей. Мангусты нужны им для того, чтобы сводить их с кобрами. Как правило, в бою побеждает мангуста. Я три или четыре боя видел, их прекращал дрессировщик, потому что мангуста могла загубить кобру, а кобры здесь очень дорого стоят А вообще мангуста – ласковый, привязчивый зверек, напоминает кошку.

Приехав сегодня в деревню, мы увидели этих дрессировщиков. Машину окружило человек 20–30, и вперед выбился парень с опухшей рукой. Вы знаете, есть слоновая болезнь, когда ноги – как колонны Большого театра, а у него такая рука. Он ее еле держал на перевязи и поддерживал другой рукой. Это его 10 дней назад укусила кобра. Рука совершенно черная. Но говорят, сейчас уже все о'кей, через несколько месяцев он сможет шевелить пальцами. Вот что такое кобра.

А ежик шуршит у меня в углу, невероятно смешной ежик. Ирина сказала, что это помесь ежа с зайцем. У него длинные уши,

таких ушей я никогда не видел. Забавный маленький ежонок. Катька полдня с ним возилась. А в пятницу я поеду за мангустой...».

В традициях наших детективов эту мою композицию о разведчике, журналисте и поэте я назвал так: «Мангусты будут в пятницу». Можно бы и по-другому: «Ди-джей из КГБ».

И тут я почувствовал: слезы у меня наворачиваются...

в начало

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. АРКАДИЙ РАЙКИН

Дураки, как вы знаете, бывают летние и зимние. Разницу знаете? Нет?

Зимний дурак, когда входит к вам, снимает боты, снимает шубу, разворачивает шарф, снимает шапку. А когда он разделся, вы поняли, что это вошел дурак. А летний дурак – ему раздеваться не надо.

Вот люди, которые занимаются пропагандой, – должны быть умными людьми. Не летними и не зимними дураками. Я на одной станции видел транспарант «Вперед к коммунизму», а чуть ниже была большая вывеска «Зал ожидания».

Аркадий Райкин говорил это нам в Репине, на Карельском перешейке, в 1971 году. Был апрель, в лесу еще кое-где затаились сугробы, в которых хорошо охлаждалась питерская водка. Мы проводили последний, как оказалось, семинар по репортажу – СЕМПОРЕ. Аркадий Исаакович и его жена Руфь Марковна Рома с интересом наблюдали за нашими учебными работами – мы вдалеке от начальства вытворяли с помощью передвижной телестанции нечто, как казалось нам, оригинальное. Андрей Богданов начал интервью с нашим собкором по Индии Геннадием Морозовым таким вопросом: «Скажите, давно ли вы не видели это?». И поднял к лицу еловую ветвь. Морозов несколько лет провел в жарких странах и елку, понятное дело, не видел давно. Но вопрос «про это» мы потом обыгрывали всячески, задолго до одноименной передачи. Райкин веселился вместе с нами. Он жил там, в Доме кинематографистов, поправлялся после инфаркта, но иногда уже выезжал на концерты.

Беседа с ним была совершенно неформальной, откровенной на редкость. Сколько ни читал я воспоминаний о Райкине, сколько ни слышал передач – а их к 90-летию было много, – ничего и близко не было по силе впечатлений от того апрельского дня, когда Райкин пришел к нам на занятия, уселся в центре комнаты на пол, на серый тканый палас, и пригласил всех размешаться так же. Он уже знал, с кем имеет дело. На СЕМПОРЕ съехались журналисты, работающие в кадре, и каждый в своем городе был «номер один». Валентин Кузнецов из Горького прочитал свой «капустник», написанный на рулоне туалетной бумаги, – создал, так сказать, настроение. А потом пошло-поехало про зимних и летних дураков, про экологию и начальство... У меня сохранилась аудиозапись и ее расшифровка, которая, конечно, не могла быть опубликована в те годы. Приведу отрывки из нее, нарушив, впрочем, договор с Аркадием Исааковичем. Я спросил его, можно ли нашу беседу опубликовать.

Он сказал: да, только уберите то место, где я сказал про людей за высокими заборами... Вот с этого места я и начну. Сегодня уже можно. Или – пока можно...

– Мне как-то один товарищ сказал: «Почему вы все время других критикуете? Вы себя, себя покритикуйте». И я ответил: «Вы правы. Я в следующий раз выйду на сцену и скажу: товарищи, вместо того, чтобы поднимать такие проблемы, что вот наши руководители не поставили себя в одинаковые условия со всеми людьми, они подняли высоченные заборы и живут за этими заборами, как цари когда-то не живали... Вместо этого, значит, я говорю о какой-то ерунде, о какой-то мелочи. Вместо того, чтобы говорить о проституции, о молодежи, которая идет не туда...». Вот так я себя покритиковал.

Ну, конечно, не всем это понравится, кто-нибудь меня вызовет куда-нибудь в организацию вышестоящую и сделает мне очередное внушение. Но, вы знаете, у меня есть собственное понимание действительности. Не всегда цензор – это самый умный человек из наших современников. Надо дойти до умного человека. Мне как-то Демичев сказал: «Не имейте дела с дураками».

По одному вопросу я дошел до самого верха. На военном корабле я увидел рулоны бархата. Для чего здесь бархат? Мне объяснили: «Конец года, надо потратить средства. Иначе их на следующий год не дадут, урежут». Такой порядок у нас в стране. Казалось бы, надо наоборот: сэкономил тысячу – на тебе рубль. А его наказывают. Министр финансов мне говорит: «Этот порядок рассчитан на высокосознательного коммуниста». Я сказал: «Одного такого я перед собой вижу, покажите мне еще кого-нибудь». И вот по этому вопросу я дошел до самого верхнего руководителя.

Надо сказать, что Аркадий Исаакович свято верил в мудрость начальства высшего эшелона. Вроде бы над всем смеялся иронически, а вот поди ж ты... Впрочем, это было нашим общим заблуждением. В ходе той беседы на полу в Репино Райкин, помимо прочего, обронил фразу: «Нас с вами объединяет многое». В том числе, как я сейчас понимаю, и иллюзии. Все мы хотели «истину царям с улыбкой говорить». Мы думали: вот объясним мы что-нибудь Демичеву (он тогда был секретарем ЦК) или потом Горбачеву, Ельцину – и все изменится...

– Я когда-то пришел к секретарю ЦК комсомола Михайлову и сказал: «Товарищ Михайлов, придите к нам на спектакль». – «А что, у вас есть молодежные темы?». Я ему сказал, что все наши темы молодежные, вообще все наши спектакли обращены не к уходящему поколению. Но не поэтому, говорю, вас зову, а потому, что мы играем в Центральном парке культуры и отдыха. Для того чтобы попасть к нам в театр, вам придется выйти из вашей машины и пройти пешком до театра – наш театр в центре Парка культуры и отдыха. А вот когда вы пойдете пешком на наш спектакль, а не промчитесь машиной – вы тогда увидите нашу молодежь, которую я каждый день вижу. Увидите, как она пьет и курит, как ругается матом. Он возмущен: «Вы не туда смотрите, товарищ Райкин, вам надо смотреть подальше, на окраины, на молодежь заводскую!». Так это и есть та заводская молодежь,

которая приехала в центр отдыхать. И надо на нее обратить внимание.

Поезд, электричка, по вагонам идет человек, сняв шапку, и просит милостыню: «Граждане, братья и сестры, кто сколько может...». Пассажир какой-то схватил его за грудки и говорит: «Слушай, ты, лежебока, ты соображаешь вообще, что ты делаешь? Ты же молодой парень, ты имеешь возможность поступить в институт, закончить его, а не ехать этим поездом. Будешь врачом, как я, будешь лечить людей, приносить пользу». Тот говорит: «Ну и что я с этого буду иметь?» – «Как что? Заработную плату». – «Сколько?» – «Сто рублей, не меньше, в месяц». Нищий: «Да? А я сто рублей в день здесь получаю».. Тогда пассажир, ничего не говоря, встает рядом с ним и продолжает: «Братья и сестры, кто сколько может...».

...Чем острее вопрос, тем сложнее его развить. Надо этот материал написать, пропустить через цензуру и, наконец, донести до зрительного зала. Если бы вы пришли к нам на репетицию в театр, вы, может быть, подумали бы, что попали на собрание. Мы иногда по два-три часа обсуждаем с нашей труппой, стоит ли поднимать эту проблему или не стоит, будет это на пользу людям или просто вызовет в зале нездоровый смех, аплодисменты, а пользы никакой не принесет. Настоящий журналист идет впереди своего времени... Вот вы говорили «личность или функционер?». Если мы о любом событии будем говорить со своей личной позиции – то мы лучше выполним свою функцию. Если будем по-своему видеть мир, своими глазами. Есть основания думать, что если у нас на пальцах разные отпечатки, то, может быть, и глаза по-разному видят и уши по-разному слышат. И вот эта личность, которая по-своему видит мир и которая обладает большим сердцем, потому что если этот разговор не человечен, если не окрашен улыбкой человеческой... И еще человек, выступающий по телевидению, должен иметь запас спокойствия. Он должен чувствовать и понимать, что ему доверяют. Иначе это страшно сковывает. Когда перед передачей ему грозят пальцем и говорят: ты смотри, сукин сын, не скажи там что-нибудь лишнее... Не надо присутствовать в студии, а просто у себя в комнате перед телевизором чувствуешь, как этот человек вышел, накачанный определенным образом, и никуда – ни вправо, ни влево не может отвлечься и высказать свою личную точку зрения. Я получил удовольствие от того, что побывал у вас на занятиях, послушал коллег из Эстонской республики. У Рут Каремяэ осталась женственность и не было таких, знаете, железобетонных фраз, все было пропущено через сердце, а как это важно!

Тут мы все притихли как-то, потому что было сказано самое главное для нашей экранной работы. Может быть, витало уже в воздухе предчувствие, что в 70-е годы товарищ Лапин железной рукой – циник и лирик, отличный функционер! – придушит все наши личности или выгонит нас к чертовой матери... Однако не хотелось Райкина отпускать, и наперебой стали задавать ему вопросы о его отношениях с телевидением (вроде как он его недолюбливает) и об отдельных передачах. «Голубой огонек», например. Что не устраивает Райкина в «Огоньке»?

– В «Огоньке» берется массовка, не актеры. И вот эта тетя сидит за столом и хочет, чтобы Марья Ивановна или Иван Петрович увидели, что она сидит в телевизоре рядом с кем-то. Она все время смотрит в аппарат, или очень занята самой собой. Рядом ходит диктор, комментатор, актер, певец – ведь даже не повернет, сукина дочь, голову в эту сторону. Это же страшно. И это заразительно. Попробуйте играть в театре короля. Вы знаете, что такое сыграть короля? Король ничего не делает, он только идет себе. А все остальные играют короля. Придворные расступаются и кланяются. Одному короля сыграть нельзя. А в данном случае, в «Голубом огоньке», актер, который выступает – король. Надо на него смотреть, надо получать удовольствие. А если вокруг такие физиономии, которые хочется просто убрать... Но нельзя никуда повернуть камеру, потому что здесь физиономия мрачная, а тут безразличная, или просто разговаривает с соседом. Это же страшная вещь. Режиссеры, которые делают «Огонек», должны прежде всего обратить внимание на массовку.

Святая правда! Я был одним из ведущих «Голубого огонька» к 7 ноября 1968 года. Концертные номера снимались на Шаболовке по ночам, днем павильоны были заняты эфирными передачами. И вот, на ночь нанималась массовка, платили человеку три рубля с полтиной, чтоб он тихо сидел за столом. На парафиновой груше я видел отпечаток зубов – массовка думала, что фрукты тут настоящие. Как же, напасешься на вас...

– Что такое «Голубой огонек»? Это столы, за которыми пьют кофе. Так налейте, черт возьми, кофе. И пускай пьют. И не одну чашку. Захотелось вторую – выпей. А то сидит, понимаете, просто так – смотреть же противно на это. Я говорю: можно зажечь камин в студии, настоящий огонь, пускай живой огонь горит, не электрический? Давайте сядем вокруг огня. Кто-то на шкуру сядет, кто-то просто на пол, как мы сейчас, а кто-то в кресло мягкое. И вот тут будет стоять актер, делать номер. Нет, говорят, нельзя. И берут огромную студию, сажают случайных людей... Константин Симонов, беседующий с Папановым, мне интересен. А не Симонов – нет, потому что я не знаю, что это за человек и почему он там сидит. И еще трескучие слова: «наш могучий народ», «единодушно, все как один» – это же невозможно слушать. Надо находить свой человеческий язык, свои слова.

На нашем телевидении все случайно. Случайный осветитель. Случайный прожектор здесь висит. Случайный аппарат снимает. Случайной пленкой заряжен аппарат. Случайно, все случайно. Мне вчера сказал один из вас, Юрий Летунов, как он, взволнованный, вошел в музей, где находились космические аппараты и космонавты, и как человек, который должен был освещать, или снимать, ковырял в носу и не обращал ни на что внимания. Он ходил и смотрел, как маляр, которому надо сейчас выкрасить потолок. Его не интересует ни мебель, ни хозяева, он с ними потом разговаривает на финансовые темы...

Говоря эти слова, Аркадий Райкин встал с паласа, прошелся по комнате, чуть изменил голос – и мы стали свидетелями рождения миниатюры, мы увидели того самого маляра или осветителя...

– Случайно, все случайно. Мне завидно: на Би-би-си в их дворе выстроен город. У нас как в городе? «Стой, Иван Иванович, нельзя снимать». Что такое? «Да тени уже не туда ложатся, солнце не туда смотрит». А у них город поворачивается! Город стоит на рельсах и его поворачивают к солнцу.

Как относятся там к работе? 220 режиссеров работают в комедийном объединении. Они выпускают почти каждый день новый фильм. Они снимают его столько времени, сколько смотрит зритель на экране. Но готовятся долго. Их режиссер приехал в Москву и посмотрел наш спектакль. И затем в Лондоне нам предоставили помещение, арендованное у какой-то церкви, огромный холл. Вся площадка была распределена под наши миниатюры и монологи. В восемь часов утра начиналась репетиция. В двенадцать все бросали работать. Я говорю: одну минуточку, мне осталось сказать одну фразу – «Нет, мы не имеем права, нам профсоюз не разрешает, наложит штраф за то, что лишние минуты использовали людей, которые должны в это время отдыхать». И ровно в час дня продолжалась репетиция.

Мы репетировали по восемь часов каждый день. Десять дней мы репетировали. Уже ходили рядом с нами камермены и осветители. Режиссеру не надо было говорить что-то дважды, рядом ходил его ассистент и все фиксировал у себя в блокноте. И когда я приходил в следующий раз, я уже знал, что на этом месте будет стоять тот предмет, тот причиндал, тот аксессуар, который мне необходим и о котором я упомянул накануне. Это было точно, как часы. Три камеры снимали нас в разных ракурсах, одна дальний план, другая средний, третья крупный. Я выходил из одного объекта и входил в другой. В день съемок пустили публику. А это придает комедийному актеру необходимый кураж – вы заражаете зал, зал заражает вас. Вот это идеальная работа, когда каждый знает свое место и ценит время.

А у нас через всю студию: «Ваня, Таня, а где же Саня, что же Сани нет? – А он обедать ушел. – Ну что такое, давайте его сюда, надо начинать! – Федор Николаевич, там большая очередь стояла». Вы подумайте, на что у нас уходит энергия, на что уходят наши силы. Когда я попадаю на телевидение, у меня такое впечатление, что я попадаю в кружок самодеятельности. Плохой кружок, потому что самодеятельность бывает и хорошей.

На СЕМПОРЕ от журнала «Советское радио и телевидение» был Сергей Торчинский. И мы с ним что-то выкроили из райкинского разговора – страниц на восемь. Сначала про достижения Советской власти – Райкин говорил, как ему понравился рыболовецкий колхоз в Эстонии и кусты роз в Донецке. А потом дали критику «отдельных недостатков» нашего дорогого ТВ. Но к тому времени товарищ Лапин уже произнес историческую фразу: «Критиковать телевидение – все равно, что критиковать Советскую власть». В ведомственном журнале материалу дали от ворот поворот. Журнал «Журналист» был смелее, только велели выбросить про Би-би-си – ни к чему, мол, ставить нам в пример буржуазное телевидение. Хорошо. Я созвонился с Райкиным и привез гранки в Питер, как раз 60-летие Аркадия Исааковича приближалось. «Извините, – говорю, – вот небольшая статейка

получилась, прочитайте и поставьте автограф». Прочитали текст Райкин с Ромой и на другой день (а я, как всегда, на спектакль напросился и готов был еще не один день так жить) – на другой день говорят: «Вот это место надо убрать – где Ваня, Саня и так далее». Думаю: ничего себе, еще этой цензуры не хватало... Почему это, спрашиваю. Райкин говорит: «К нам письма приходят с требованием: не смейте критиковать русских людей, критикуйте своих Хаимов и Абрамов». Я буквально взорвался: «Аркадий Исаакович, вы что, будете на каждую глупость реагировать?! Да пусть они идут на...». Присутствие Ромы помешало мне назвать точный адрес, но Райкин понял. Поставил подпись. Материал вышел в ноябрьском номере «Журналиста» за 1971 год.

– Вы спрашиваете, какая у меня профессиональная тренировка. Ходить, видеть, наблюдать. Из сегодняшней беседы я для себя, вероятно, что-то взял. Я уйду обогащенный, потому что я видел вас всех, как вы слушали, как задавали вопросы. В магазине я вижу, как, улыбаясь, меня встречает продавщица и как она относится к другим покупателям. Мне дано увидеть больше, потому что ко мне иначе относятся, чем к рядовому человеку, и я вижу эту разницу. А многие так и не знают, что такое нормальное обслуживание. Они думают, что хамство – это и есть нормальный разговор в магазине. Каждый спектакль готовится долго, а потом приходит телевидение и... Я расскажу вам страшный случай, который был со мной в Армении. Даже при воспоминании меня холодный пот пробивает. По просьбе нашего министра культуры я поехал туда на фестиваль Российской Федерации. Все билеты проданы, зал полон. Я собираюсь выйти на сцену и вижу: стоит телекамера. Я говорю: товарищи, что же вы делаете? Сегодня публика посмотрит по телевизору мою программу, а завтра – она уже купила билеты – придет сюда в зал и увидит то же самое! Из уважения к публике мне надо будет поменять программу, а я к этому не готов. У меня только одна программа, и я не взял никого из партнеров. И поэтому я прошу, чтобы отменили эту прямую трансляцию. Или надо отменять два следующих концерта, завтра и послезавтра. В последний день, пожалуйста, можете показывать по телевидению. Они говорят: нельзя, там футбол будет или что-то в этом роде. В общем, этот директор телевидения доводит меня до такого состояния, что мне не выступать, мне лечь бы на диван полежать. А он немножко уже выпил и позволяет себе говорить мне в лицо все, что думает по этому поводу.

Наконец, прибегает директор филармонии – а он уже сбегал в ложу, где сидели секретари ЦК Армении, – и говорит, что передачу отменили. После концерта на улице огромная толпа. Выяснилось, что директор телевидения приказал своему диктору объявить: Райкин отказывается выступать... перед армянским народом. И люди просто пришли меня убивать. Мы прождали до двух часов ночи, пока толпа не разошлась, и после этого добрались в гостиницу. Утром я просыпаюсь от звонков: это такой-то? Вон из Армении, вон отсюда! Ресторан меня отказывается обслуживать. На улице мне вслед плюют. Я мог бы уехать, но не хотелось оставлять такой след. Я пережил второй концерт. Это был ужасный, самый тяжелый концерт в моей жизни. Мне надо было

сломать настроение людей, которые смотрели на меня враждебно. Мне надо было из ненавистников сделать друзей. Третий концерт передавался по телевидению.

Я не хочу вас обижать, но ваши предшественники занимались просто бандитизмом. Просто приходили, снимали и записывали из-под полы. Меня столько раз обманывали, столько ставили в идиотское положение, что я уже боюсь этого. В Минске тоже в первый день поставили камеры, не спросив меня, а гастроли там были рассчитаны на месяц. Простая интеллигентность требует того, чтобы хотя бы спросить разрешения, правда? Нужно с должным вниманием относиться к творчеству, несмотря на то, что это творчество называется театром миниатюр. Понимаете? Вот вы говорите, что нет хороших фильмов с моим участием, что отбирают совсем не то. На «Ленфильме» дали мне сначала Хейфеца, потом еще кого-то, потом Козинцев при мне вздыхал и говорил, что вот Шекспир... Через тысячу лет он, может быть, и стал бы меня снимать, а пока не дошел, не дозрел.

У меня была такая миниатюра «Человек без головы». Безголовый начальник. Читает газету, потом опускает – и нет головы. Он вызывает секретаршу и спрашивает, как он сегодня выглядит. Она говорит, что все нормально. Хейфец предложил снимать начальника не безголовым, а с чайником вместо головы. Нет, решил я, не споемся.

Я люблю чудесную миниатюру про человека, который остался один. Он долго собирал банкет у себя дома, пригласил начальника и сослуживцев, а жена ушла и закрыла дверь на замок. Гости под дверью, он не знает, как удержать их, занимает их анекдотами, запускает пластинки и все такое, просит, чтобы они не уходили, показывает через фрамугу, что у него рыба и другие закуски, и все-таки они уходят. Это страшная трагедия маленького человека.

Читатель, надеюсь, понимает, что Райкин сыграл перед нами и эту миниатюру. И мы молчали, ошарашенные. Нам показалось, что актер и персонаж. Что, в общем, Райкин сыграл себя – одинокого в этом мире.

в начало

О КНИГЕ Г.В. КУЗНЕЦОВА

Книга Георгия Кузнецова «Так работают журналисты ТВ» обозначена в выходных данных «учебным пособием для студентов факультетов и отделений журналистики, практических работников регионального ТВ».

Надо сказать, «пособие» удивительное. По сути, живой, увлекательный разговор автора с тысячами молодых людей, хлынувших на наши телестудии в пору постсоветских потрясений. Разговор остро критический и в то же время крайне доброжелательный. Критический, потому как большинство «новичков» пришли на наши студии без знаний не только азов экранного дела, но и журналистики вообще. А доброжелательность оттого, что сам автор, ныне общепризнанный практик и теоретик отечественного ТВ, сполна испытал на себе и магию экрана, в один момент делающую некое частное лицо общественно значимым, и

все, подчас весьма печальные, последствия такой виртуальной популярности. В книге помещены ироничные воспоминания Георгия Владимировича «Не обещайте деве юной», где он признается в своих сокрушительных творческих провалах, причиной которых считает самонадеянность и амбиции «неофита» при самых смутных представлениях о коварстве телеэфира. Много позже, став заведующим кафедрой ТВ и радио журфака МГУ и выпустив не одно поколение будущих «звездочек» и «звезд» нашего ТВ, автор прекрасно изучил «феномен мгновенной известности», а потому, критикуя своих молодых коллег, «входит» в их положение и дает им творческие советы без занудного назидательства, что называется, по-товарищески.

Например, Г Кузнецов деликатно, из главы в главу, напоминает нынешним молодым, что они начинают не с нуля, как многим из них сейчас представляется, что и в советские времена были такие мастера, у которых полезно поучиться.

Далее автор книги (а он сегодня – постоянный участник многих телефестивалей и форумов, проводимых в разных регионах) предметно показывает невероятную жанровую путаницу, царящую на нашем ТВ (в том числе и на столичных каналах). Объявляют, смотрите репортаж, а вместо события, без которого репортажа быть не может, показывают выступление корреспондента на месте уже ускользнувшего от камеры события. Объявляют: смотрите ток-шоу, а вместо «разговорного представления», что и есть определение ток-шоу, показывают обычную дискуссию или беседу, где нет ни действенной аудитории, ни экспертов, ни зрительских откликов, а ведущий бесцеремонно навязывает зрителям именно свою точку зрения. Так что остается лишь «разговорное», «представление» полностью исчезает. Объявляют в дни всяческих выборов, даем «теледебаты». А вместо них – монологи претендентов на властные места. Наконец, объявляют: смотрите информационно-аналитическую программу, а зритель видит на экране С. Доренко или Е Киселева, у которых подбор информации донельзя субъективный, анализ же сводится к защите их «хозяев».

В итоге «жанровая путаница» приводит народонаселение к путанице в мозгах.

«Учебное пособие» Г. Кузнецова, уверен, с интересом было бы встречено и телезрителями, которых многие наши издания без устали пичкают «закулисьем» экрана вместо того, чтобы раскрыть его подлинную творческую жизнь. Недаром очерки Г. Кузнецова о ТВ были отмечены премией Союза журналистов России «За журналистское мастерство».

И под конец – об одной, поразившей меня несколько лет назад истории. После публикации статьи Г. Кузнецова в «Журналисте» о телеведущих я, воспользовавшись добрым знакомством с известным советским разведчиком М. Любимовым, вызнал от него тщательно засекреченный прямой телефон его сына – хозяина телекомпании «ВИД» Александра. Позвонив ему, попросил высказаться по поводу нашей публикации. Любимов-сын ответил примерно так: «А зачем я буду делать рекламу какому-то Кузнецову?». Ныне, когда экранный образ А. Любимова сильно потускнел, а твердое место автора книги, о которой речь, в истории нашего телевидения вполне

определилось, ситуация со звонком могла бы стать другой. Скажем, звонят Георгию Владимировичу друзья Александра Михайловича и просят написать о его дежурной и весьма косноязычной вставке «Здесь и сейчас» в программе «Время», а Георгий Владимирович вдруг отвечает: «А зачем я буду делать рекламу какому-то Любимову?». Ток событий уже на наших глазах все расставляет точно.

Валентин Алексеев
(журнал «Журналист»)

в начало